

М. В. ПЕВЦОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В КАШГАРИЮ
И
КУН-ЛУНЬ

М. В. ЛЕВЦОВ

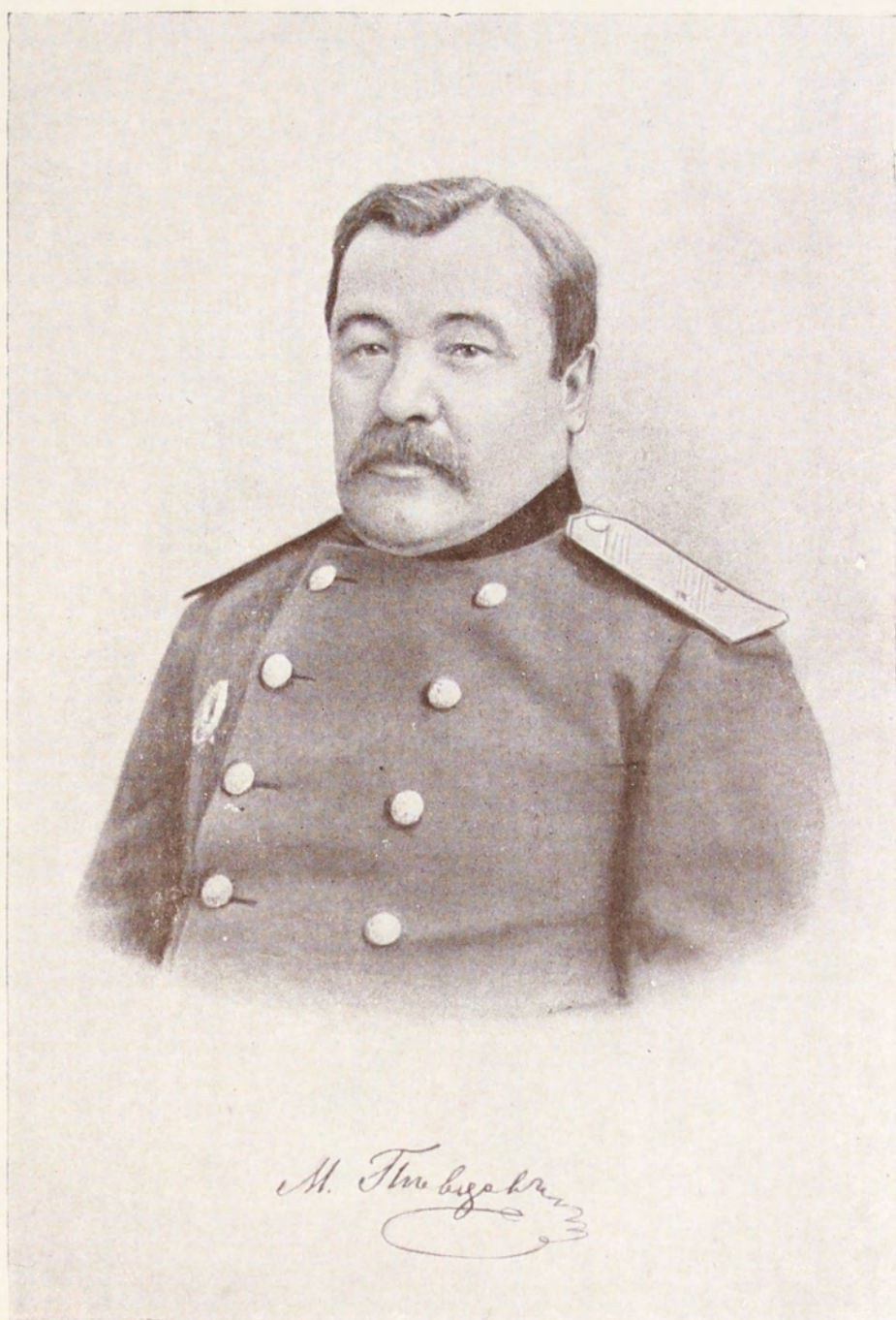
ПУТЕШЕСТВИЕ
В КАШГАРИЮ
И
КУН-ЛУНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1949

Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями
Я. А. МАРГОЛИНА.

M. F. M. ...

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕВЦОВ

Знакомство почти со всей географической и геологической литературой по Центральной Азии позволяет мне утверждать, что вклад русских ученых в изучение этой обширной области превышает вклад всех остальных исследователей в совокупности.

(Академик В. А. Обручев)*

Михаил Васильевич Певцов принадлежит к той замечательной плеяде русских путешественников-пионеров, которые во второй половине прошлого столетия заново открыли для науки огромные пространства азиатского материка от Хингана на востоке до Тибета на юге, Памира и Тянь-шаня на западе.

Именно во второй половине XIX века началось подлинно научное изучение стран Центральной Азии, о которых до того времени имелись лишь скудные и отрывочные сведения, зачастую сомнительные по своей достоверности.

«...до этого времени Центральная Азия составляла для географии страну, немногим лучше известную, чем внутренние части Африки, немногим лучше потому, что некоторый, хотя и очень смутный, свет вносили в земледение Внутренней Азии сказания о странствиях Марко Поло и других средневековых путешественников и китайские географические сочинения, переводу которых, толкованию и приурочиванию географическим картам знаменитые синологи, картографы и географы, как Абель-Ремюза, Клапрот, Гумбольдт и Риттер, посвящали целые годы» **.

Начало нового периода в географическом изучении Центральной Азии было положено П. П. Семеновым, совершившим в 1856—1857 годах свое знаменитое путешествие в Тянь-шань.

* В. А. Обручев. Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии. Труды Второго Всесоюзного Географического съезда, т. I.

** В. А. Обручев. Краткий обзор экспедиций, снаряженных Русским географическим обществом для исследования материка Азии с 1846 по 1896 г. «Известия» Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXVII, 1897 г.

Результаты этого путешествия оказались замечательными во многих отношениях. Они впервые создали правильное научное представление о географии и геологии горной системы Тянь-шаня, опровергли господствовавшую тогда в европейской науке ошибочную теорию А. Гумбольдта о современном вулканизме и вулканическом происхождении высокогорной Азии и дали первые сведения о грандиозном оледенении Тянь-шаня.

Во-вторых, и что самое главное, в тяньшанском путешествии П. П. Семенов заложил основы новой тогда методики комплексных географических исследований. В этом отношении научные результаты экспедиции в Тянь-шань далеко переросли ее территориальные рамки и приобрели огромное общегеографическое значение. Они представляли собой первый практический пример комплексного исследования природы во всем ее многообразии с учетом строго закономерных связей взаимной зависимости всех ее элементов: климата, рельефа, животного и растительного мира и, наконец, изменяющей их человеческой деятельности.

Впоследствии, будучи вице-председателем Русского географического общества, П. П. Семенов-Тян-Шанский передал свои идеи и методические принципы сотням русских географов, в том числе и плеяде пионеров-исследователей Центральной Азии—Пржевальскому, Потанину, Певцову, Обручеву, Козлову, Роборовскому и многим другим.

* *

*

Вряд ли есть в истории русской географии имя, столь же популярное, как имя Николая Михайловича Пржевальского. Открытия и исследования, совершенные им с 1870 по 1885 год в Центральной Азии, особенно в Гоби, Цайдаме, Северном Тибете и области Куку-нор, создали целую эпоху в географической науке. Пятнадцатилетие исследовательской деятельности великого путешественника получило в жизни Русского географического общества название «периода экспедиций Н. М. Пржевальского».

Свыше девяти лет провел Н. М. Пржевальский непосредственно в пределах Центральной Азии. За это время он прошел более 30 000 километров и нанес эти пространства на карту. Его маршруты «...образуют целую сеть, широко раскинувшуюся между меридианами Пекина и Хотана и между параллелями Алтая и верховьев Голубой реки...»*. Шестьдесят три астрономических пункта, определенные Пржевальским, связывают его съемку с картами других частей земного шара. Двести тридцать одно барометрическое измерение обогатило науку новыми данными о рельефе Центральноазиатского нагорья. До настоящего времени сохраняют огромную научную ценность собранные Пржевальским коллекции растений и животных.

«Несмотря на все сделанное после Пржевальского, даже одни наблюдения четырех экспедиций под его начальством дали чрезвычайно важный и ценный материал для суждения о климате Центральной Азии»,— писал о климатических и метеорологических наблюдениях Пржевальского крупнейший русский климатолог А. И. Воейков.

Такова была в самых общих словах многогранная исследовательская деятельность Пржевальского; но этим не ограничиваются его за-

* А. И. Воейков. О климате Центральной Азии, 1895 г., стр. 239.

слуги перед географией — Пржевальскому принадлежат также и первые прекрасные образцы новой тогда литературной формы описания географических экспедиций.

Четыре тома сочинений великого путешественника, посвященных его исследованиям Центральной Азии, читаются с неослабевающим интересом от первой страницы до последней как специалистами-географами, так и читателями, не имеющими прямого отношения к этой науке. Подлинный литературный блеск изложения сочетается в книгах Пржевальского с предельной ясностью, точностью и высоким научным содержанием.

Сочинения Пржевальского многих заражали страстью к путешествиям в далекие и неисследованные страны, страстью к путешествиям не ради приключений, которые они таят, но для новых открытий и исследований, обогащающих человеческую науку и культуру. Таким исследованиям Пржевальский посвятил свою жизнь, бывшую для сотен русских путешественников примером служения отечественной науке. В этом отношении характерны слова короткого некролога — «Люди подвига», написанного Антоном Павловичем Чеховым: «Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятен весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание продолжать свое дело после смерти: оживлять своей могилой пустыню. Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? но всякий скажет: он прав»*.

О впечатлении, которое производили книги Пржевальского на его современников, ярко свидетельствует письмо, написанное путешественнику известным историком, основателем и редактором «Русской старины», М. И. Семевским: «От всей души благодарю Вас за наслаждение, какое доставило мне чтение Вашего «Третьего путешествия в Центральную Азию»... Я только что кончил чтение этого превосходного труда и под живым впечатлением восторга написал отзыв в «Русскую старину»...

Изложение сжато, просто, никаких вычурностей, ни слова лишнего, а между тем — ничего сухого, нет и тени той вялости, какую зачастую встречаешь в описаниях других путешественников. Необходимо будет сделать дешевое, популярное издание этой книги, в особенности для юношества. В заключение повторяю, я в восторге от Вашей книги. Давно, очень давно не читал ничего с таким удовольствием. Как прочел ее, и в моем воображении — вслед за Вами: от Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки»**.

Именно эта притягательная сила и обаяние Пржевальского — путешественника и писателя, заставили нас остановиться на нем несколько подробнее в этой короткой статье о М. В. Певцове.

Есть все основания предполагать, что когда в 1876 году М. В. Певцов отправлялся в свою первую экспедицию, он наверное уже читал отчетный труд Пржевальского о путешествии по Уссурийскому краю, а возможно и описание его первой центральноазиатской экспедиции; деятельность Певцова в последующих двух экспедициях проходила уже безусловно под значительным влиянием трудов Н. М. Пржевальского.

* А. П. Чехов. Полное собрание сочинений, т. XXIII, Петербург, 1918 г.

** Цит. по Л. С. Бергу. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. 1947 г.

* *

*

Михаил Васильевич Певцов родился в Новгородской губернии в 1843 году. О детских годах и юности М. В. Певцова известно, к сожалению, очень немногое. Причиной тому большая скромность, столь характерная для Певцова, а отчасти, повидимому, и особый, несколько замкнутый, склад его характера.

М. В. Певцов относился к тому типу ученых, которые, безраздельно отдав себя любимому делу, менее всего думают о личной жизни и, естественно, того менее говорят о ней. В будущем, сделавшись крупным путешественником, Певцов в своих сочинениях очень редко и скупо пишет о лишениях и трудностях, которые ему лично приходилось переносить во время страннической жизни в экспедициях.

Может быть этими чертами характера М. В. Певцова и связанными с ними особенностями его сочинений объясняется и то, что в литературе мы находим лишь немногочисленные краткие и неполные сведения о личной жизни путешественника*.

Те немногие биографические сведения, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что с раннего детства жизнь будущего путешественника складывалась тяжело.

В семь лет М. В. Певцов, оставшись сиротой, был взят на попечение родственником, бедным петербургским чиновником. Крайняя нужда, в которой жил в эти годы мальчик, не давала возможности получать систематического образования, но, обладая огромной жаждой знаний, Певцов в течение нескольких лет посещал вольнослушателем гимназию. Позже, также в качестве вольнослушателя, он пытался прослушать курс в Петербургском университете. Однако через год тяжелое материальное положение заставило его перейти на военную службу и поступить в юнкерское училище.

Здесь очень скоро определились интересы шестнадцатилетнего юнкера: отлично успевая по всем предметам, Певцов особенно выделялся обширными и глубокими познаниями в истории, географии и математике.

Такое, не часто встречающееся, сочетание способностей к гуманитарным и к точным наукам сыграло большую роль в будущей деятельности М. В. Певцова. Его труды об исследованиях в Центральной Азии содержали как результаты многочисленных и очень точных астрономических, гипсометрических и гравиметрических измерений, так и разносторонние географические и этнографические описания. Характерны в этом отношении также и оригинальные опыты по определению скорости распространения звука, проводившиеся М. В. Певцовым через 20 лет в горах северной окраины Тибета.

Интересные, но весьма краткие сведения о жизни и облике Певцова в это время находим мы в воспоминаниях его товарища по юнкерскому училищу. «...Певцов читал и объяснял нам уроки из истории и в то время сам увлекался страшно, а капитан Кронман, слушая его, нередко удивлялся обилию исторических фактов, которые приводил Певцов.

* В этой связи интересно отметить, что известен только один портрет (фотография) М. В. Певцова — одного из крупнейших исследователей Центральной Азии, умершего в начале нашего столетия.

Это был у нас в училище знаменитый историк и особенно математик, и неоднократно, по предложению капитана Ниловицкого, Певцов объяснял нам в младших классах уроки арифметики и алгебры.

Вообще из предметов, читавшихся в училище, математику, историю и географию Певцов знал превосходно...» *.

В этот же период у Певцова ярко проявляется определившая впоследствии его жизненный путь любовь к природе. Проводя отпускные дни в глухой деревне Новгородской губернии, он целыми неделями бродил по лесным тропам с ружьем, удочкой и котелком. По словам самого путешественника, он уже тогда хотел приучить себя к лишениям, сопутствующим экспедициям в далекие и труднодоступные страны.

Здесь же в стенах училища проявилось еще одно качество характера будущего путешественника. Воспоминания современников его юности характеризуют Певцова как отличного товарища, готового всегда прийти на помощь другому и поделиться всем, чем он сам располагает. Это качество М. В. Певцов сохранил на всю жизнь, и можно думать, что оно также немало способствовало успеху его экспедиции. В этом отношении он отвечал требованиям, предъявлявшимся Н. М. Пржевальским к путешественнику, который, по его мнению, «должен иметь ровный покладистый характер, чем быстро приобретает расположение и дружбу своих спутников». Великий путешественник справедливо считал это важным залогом успеха далеких путешествий.

В 1862 году девятнадцатилетним юношей Певцов успешно окончил училище и был произведен в прапорщики.

Последующие почти пять лет прошли на службе в Томском полку.

Нам ничего неизвестно о жизни Певцова в это время, однако, можно с уверенностью предполагать, что и в полку его ни на минуту не покидали любовь к природе и стремление к знаниям. С 1867 года Певцов уже числится членом Русского географического общества, а в 1868 году ему удается оставить полк и поступить в Академию Генерального штаба.

Попав таким образом снова в Петербург, Певцов помимо занятий в Академии, с увлечением отдался изучению естественных наук, используя для этого библиотеку и музей Петербургского университета. В эти годы он в совершенстве научился препарировать зверей, птиц и рыб, изучил набивку чучел и хранение энтомологических и ботанических коллекций.

По свидетельству одного из сослуживцев, «пользуясь пребыванием в Петербурге, М. В. Певцов подготавливал из себя будущего путешественника и сознательно развивал все, что необходимо ученому натуралисту» **.

Будучи слушателем общего курса Академии, Певцов попрежнему более всего интересовался математическими науками. По собственному желанию он посещал лекции геодезического отделения и с успехом прошел курс геодезистов. Во время частых поездок в Пулковскую обсерваторию будущий путешественник детально изучил все существовавшие тогда приемы наблюдений небесных светил и применявшихся для этих наблюдений астрономические приборы.

* К. П. Линде. М. В. Певцов и его путешествия. Юбилейный сборник Зап.-Сиб. отд. РГО, 1902 г.

** Там же.

В течение трех лет, после окончания в 1872 году Академии, Певцов продолжал службу в Семипалатинской области. Наконец-то он, петербургский житель, увидел известную ему до тех пор лишь по книгам своеобразную природу казахстанских степей и их полукочевое население. С увлечением Певцов отдался изучению языка и быта казахского народа. В эти же годы он усердно занимался арабским языком, изучением по многочисленным материалам истории Китая и делал со свойственной ему аккуратностью заметки, выписки, выборки из всего прочитанного.

* *
*

В 1875 году М. В. Певцова переводят в город Омск.

Более двенадцати лет прожил Певцов в этом городе; из него он отправлялся в свои экспедиции по Джунгарии и Монголии; в этом городе он принимал участие в учреждении, а потом и в деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества; здесь же в Омске проходила и недолгая педагогическая деятельность М. В. Певцова.

Вскоре по приезде М. В. Певцов был приглашен в Сибирскую военную гимназию преподавателем географии в средних классах. Об этом очень кратком периоде жизни Певцова сохранились воспоминания преподавателя гимназии Г. Е. Катанаева, который впоследствии так же, как и Певцов, был одним из учредителей и активных членов Западно-Сибирского отдела.

«Я исполнял тогда обязанности воспитателя и преподавателя географии в младших классах Сибирской военной гимназии,—пишет Катанаев,—а М. В. Певцов там же преподавал географию в средних классах. Помню скромную небольшую фигуру (тогда еще капитана Генерального штаба), аккуратно, незримо, если можно так выразиться, исчезавшего из гимназии по окончании занятий, без особого общения с остальными преподавателями и воспитателями гимназии.

Знаю, однако же, что, несмотря на такое краткое, строго определенное известными часами пребывание его в гимназии, он заставлял о себе говорить как учащихся, так и учащихся.

Говорили, что ученики «любят» и «слушают» его; что в преподавании его есть что-то такое, что побуждает их не только охотно готовить заданные им уроки по учебнику, но и читать вне уроков книжки, трактующие о явлениях природы, путешествиях, о физической географии, астрономии. Говорили, что Певцов не из поклонников преподавания по учебнику — «от сих до сих», и география для его учеников не отождествлялась с тою тощею книжкою в зеленых крышках, на которой написано — «начальный курс того-то, для учеников такого-то класса»*.

В связи с этим необходимо отметить, что для М. В. Певцова был вообще характерен творческий подход ко всякому делу, которым ему приходилось заниматься. Он не был «сторонником деятельности от сих до сих» не только как географ-преподаватель, но и в будущем как географ-путешественник. На заседании Ученого совета той же Сибирской гимназии Певцов, например, горячо защищал и добился принятия Советом новой программы курса отечествоведения, несмотря на то, что эта

* К. П. Линде. М. В. Певцов и его путешествия. Юбилейный сборник Зап.-Сиб. отд. РГО, 1902 г.

программа не соответствовала ни одному рекомендованному тогда руководством по начальной географии, и именно этим вызывала сомнения Ученого совета.

Очевидно, еще в период преподавания в гимназии зародилась у Певцова мысль о создании нового учебника по физической географии. Возможно, что тогда же он и начал его писать, но исключительная скромность, свойственная Певцову, заставила его скрывать этот труд даже от товарищей. Только в 1881 году, будучи кратковременно в Петербурге, Певцов напечатал его в небольшом количестве экземпляров.

Эта маленькая в 105 страниц книга — «Начальное основание математической и физической географии» представляет интерес не только для характеристики Певцова-педагога, но и для истории русской учебной географической литературы. В кратком предисловии Певцов указывает, что этот учебник по замыслу должен служить пособием к изучению начал географии физической и математической, необходимых, по мнению автора, как введение к систематическому курсу описательной географии. Далее Певцов излагает свои соображения по поводу порядка, в котором желательно было бы расположить по времени изучение различных отделов географии.

В первый год обучения этой науке автор считал разумным преподавать отчизноведение и родиноведение, второй год употреблять на знакомство с темой, которой посвящен учебник, то-есть с начальными основаниями математической и физической географии, и только затем уже переходить к географии описательной.

Изложение темы в учебнике отличается краткостью, ясностью языка и убедительной логикой доказательств.

Вот, например, как объясняются в этом учебнике причины лунных затмений: «Земля, освещаемая с одной стороны солнечными лучами и будучи непрозрачной, отбрасывает от себя всегда в противоположную солнцу сторону коническую тень. Луна же движется вокруг земли ближе конечности земной тени, поперечник которой в месте пересечения его лунным путем значительно больше поперечника луны.

Поэтому луна иногда погружается в земную тень и, утратив там свой блеск, становится невидимой для глаза.

Таким образом происходит лунное затмение. Оно бывает полное, когда вся луна погружается в конус тени земли, и частное, когда в этот конус входит и помрачается только часть ее светлого круга.

Очевидно, что лунные затмения могут происходить только тогда, когда земля находится между солнцем и луной, т. е. в полнолуние.

Но, однако, не следует думать, что в каждое полнолуние бывает непременно лунное затмение, потому что луна не всякий раз во время полнолуния погружается в тень земли, а проходит большей частью мимо нее.

Во время лунного затмения, когда луна начинает вступать в земную тень, на светлом ее диске замечают часть круглой тени, служащую неоспоримым доказательством шарообразной формы земли».

Как и в других трудах Певцова, здесь гармонично сочетаются популярный язык и строгая научность содержания; этим выгодно отличался учебник (так, к сожалению, и не дошедший до учеников) от множества современных ему географических пособий.

Замечательна еще одна особенность учебника Певцова — он написан для обучения без учителя, для самообучения. Очень возможно, что

мысль о создании «самоучителя» по географии возникла у Певцова в связи с воспоминаниями собственных, полных лишений, детства и юности, когда отсутствие средств не дало ему возможности ни поступить в гимназию, ни окончить университет, и когда подобное пособие оказало бы ему огромную помощь.

Как мы уже говорили, педагогическая деятельность М. В. Певцова продолжалась недолго. Очень скоро неожиданное обстоятельство разлучило Певцова с его учениками и дало ему возможность осуществить давнюю мечту о путешествиях в далекие и неисследованные страны.

В небольшой китайский город Гучен, расположенный у северных предгорий Тянь-шаня, направлялся хлебный караван. Его путь пролегал через мало изученные или вовсе неизученные области Джунгарии, страны, заключенной между огромными горными системами Тянь-шаня и Алтая.

Для сопровождения хлебного транспорта и охраны груза назначена была сотня казаков, начальство над которой возложили на М. В. Певцова. Одновременно ему поручили «...собрать, по возможности, подробные сведения о стране, по которой должен был следовать караван, в особенности на пространстве между Булун-тохоем и Гученом, где до того времени не случалось еще бывать никому из путешественников» *.

Ранней весной 1876 года Певцов уже находился в маленьком пограничном поселке Зайсанском, откуда должен был начинаться дальний путь каравана.

* *
*

В середине мая М. В. Певцов выступил из Зайсана в свое первое путешествие. Предстояло пройти длинный и трудный маршрут, протяженностью более 900 километров, через высокие перевалы и огромные безводные пространства полупустынь и пустынь восточной Джунгарии.

Молодому путешественнику, не имевшему в прошлом никакого опыта экспедиционной работы, в этой первой его экспедиции надлежало не только снять на карту пройденную местность, но и возможно полнее описать ее, и все это при одновременном исполнении, порой весьма обременительных, обязанностей начальника караванного конвоя.

Перевалив невысокий хребет Манрак, караван пересек однообразную, покрытую галькой и щебнем Чиликтинскую равнину и, пройдя через горы, окаймляющие ее с востока, вступил в пределы Китая.

Через двенадцать дней после выхода из Зайсана путешественники достигли небольшого китайского городка Булун-тохоя, расположенного близ берегов малоизученного озера Улюнгур.

Прибытием в Булун-тохой караван заканчивал первую половину своего маршрута. Впереди было самое трудное — пересечение пустынных и совершенно неизвестных пространств, о которых даже местные жители не могли дать в какой-либо мере обстоятельных сведений.

Сильный разлив реки Урунгу, вдоль которой проходил дальнейший путь каравана, задержал путешественников в Булун-тохое на 10 дней.

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1, 1879 г.

Это обстоятельство дало возможность Певцову познакомиться с окрестностями города и с неисследованным еще озером Бага-нор, расположенным приблизительно в семи километрах от Улунгура. Плоские песчаные берега этого озера были совершенно лишены растительности, а окрестности — однообразны и печальны. «По причине чрезмерной солености воды, — замечает Певцов, — в нем не должно быть никакой животной жизни, что, между прочим, подтверждается совершенным отсутствием на озере плавающих и голенастых птиц. Только одни турпаны (*Casarca guttata*), навещающие изредка пролетом это пустынное озеро, оглашают его окрестности своими жалобными криками, напоминающими стоны больного дитяти» *.

Исследование этого озера было связано с большими трудностями. Палящий зной и отсутствие воды причиняли путешественникам нестерпимые мучения. «Под конец, — вспоминает Певцов на страницах своего отчета, — мы с трудом держались на лошадях, покачиваясь со стороны в сторону, и едва-едва дотащились до города, сохранив надолго в памяти впечатления этого тяжелого дня».

Девятого июня караван покинул Булун-тохой и снова выступил в далекий путь, следуя до самых предгорий Монгольского Алтая долиной реки Урунгу.

Географическое описание этого участка маршрута представляет на наш взгляд одну из лучших страниц отчета о джунгарском путешествии — первого литературного труда М. В. Певцова. «На всем пространстве от Булун-тохой до Южного [Монгольского.— Я. М.] Алтая эта высокая земля представляет безводную пустыню, покрытую самой скудной растительностью, состоящей из двух или трех видов тощего вереска и стольких же видов колючих кустарников. Лишь кое-где в плоских котловинах с блестящей светложелтой суглинистой почвой можно встретить небольшие насаждения редкого и низкорослого чия — этого верного признака скрытой в почве влаги—и жалкие кустарники карагана (*Saragana frutescens*). Если бы аэронавту случилось когда-нибудь пролетать над этой страной, следуя вверх по реке Урунгу, то взорам его представилась бы внизу земля сначала ровная, затем постепенно всхолмляющаяся и близ Южного Алтая переходящая в настоящую гористую страну, усеянную гольцами и скалами. Среди этой пустынной земли он увидел бы глубокую корытообразную ложбину, сначала очень широкую, потом суживающуюся и местами переходящую в дикое ущелье, а на дне, если бы это было летом, он усмотрел бы разноцветную ленту с зеленой серединой и бледножелтыми каймами, извивающуюся подобно гигантской змее. Зеленая полоса — это листовенные леса, осеняющие берега Урунгу, а бледножелтые каймы — насаждения чия, примыкающие к лесной полосе. Он заметил бы также, что в среднем и верхнем течении реки, где она местами несетя со страшной скоростью в ущелье, зеленая полоса значительно суживается, а бледножелтые ее каймы исчезают совершенно и появляются снова в тех местах, где ущелье расширяется в долину» **.

Достигнув передовой цепи Монгольского Алтая, которая тут носит местное название гор Кутус, караван оставил долину Урунгу и повернул на юг.

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1. 1879 г.

** Там же.

Вскоре, у родника Кайча, путешественники впервые увидели на горизонте едва заметные простым глазом самые высокие снежные вершины Тянь-шаня. «Среди них, — пишет Певцов, — резко выделялась, однако, могучая конусообразная гора Богдо-ола. Освещенная последними лучами дневного света, она ярче других белела на отдаленном горизонте и, несмотря на огромное расстояние, отделявшее ее от нас, была ясно видна в бинокль» *.

Караван продолжал движение на юг, пересекая на своем пути многочисленные, но невысокие возвышенности — дальние отроги Монгольского Алтая. Наконец и они остались позади: перед путешественниками раскинулась обширная равнина — Ламан-крюм-гоби.

Начиналась настоящая центральноазиатская пустыня. «Горячее дыхание ее, — замечает Певцов, — мы почувствовали тотчас же, как только спустились на нее из гор» **.

Более трех суток простоял караван в небольшом оазисе Гашун, отдыхая от тяжелого перехода через пустыню. Флора этого оазиса обратила внимание Певцова: «К немногим видам, повсеместно встречавшимся нам в предыдущих оазисах, здесь примешивается значительное количество таких видов и даже родов и семейств, которых в тех оазисах мы вовсе не встречали. Это с первого взгляда странное явление объясняется солонцеватой почвою оазиса Гашун и значительным понижением этой местности сравнительно с соседним оазисом Чуйже и в особенности с оазисами предгорий Южного Алтая» ***.

Дальнейший путь каравана проходил в песчаной пустыне, называемой китайцами Хан-жинельсин, а торгоутами — Гурбун-тунгут.

Это был последний перед Гученом тяжелый переход. Впереди уже поднимался, подобно гигантскому валу, хребет Тянь-шань, и путешественники вступали в широкую плодородную полосу его северного подножия.

Наконец, на сорок восьмой день после выхода из Зайсана, караван достиг конечной цели своего путешествия — города Гучена. До первых чисел августа пробыли путешественники в Гучене. В это время Певцов изучал быт разноплеменного населения города и совершил весьма интересную экскурсию в Тянь-шань.

В отчете путешественника приведено интересное описание этой экскурсии. Ценой огромных усилий, рискуя порой сорваться в пропасть, удалось Певцову с тремя спутниками добраться до снеговой границы по северному склону хребта. «Но, когда мы — пишет Певцов, — пролежав с четверть часа на высоте, пришли в себя и окинули взором открывшееся отсюда необъятное пространство, перед нами предстало величественное, грандиозное зрелище: на северо-востоке мы увидели Южный [Монгольский.— Я. М.] Алтай и его западное предгорье — высокую столовую землю на левом берегу реки Урунгу, стеною возвышавшуюся над пустынею Гоби. На юго-востоко-востоке этот хребет отходил на всем видимом отсюда пространстве, постепенно теряясь в серой дымке нижней части небосклона. Между Южным Алтаем и Тянь-шанем расстилалась широкая, необозримая равнина, которой, казалось, не было и конца на востоке».

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1, 1879 г.

** Там же.

*** Там же.

«На западе, в верстах 60, белела царица гор этой части Тянь-шаня — исполинская красавица Богдо-ола, рядом с которой возвышалась другая, тоже весьма высокая вершина, окрещенная нами младшей сестрой Богдо-ола. Ближе к нам верстах в 40 поднимался огромный снежный купол, верст должно быть до 10 в окружности основания, а на юге верстах в 15 искрились многочисленные снежные вершины самого горного хребта и белели обширные снежные поля»*.

Произведенные М. В. Певцовым измерения показали, что он находился на высоте 3 675 метров над уровнем океана и что виденная им вершина Богдо-ола должна соответственно возвышаться не менее чем на 4 700 метров.

Седьмого августа караван выступил из города Гучена в обратный путь. Следуя до Булун-тохоя прежним маршрутом, Певцов проверял собранные им ранее сведения и исправлял некоторые неточности. Достигнув Булун-тохоя, караван направился в Зайсан дорогой, проходившей севернее хребта Саура; это дало возможность путешественнику ознакомиться почти со всей восточной половиной горной области северной Джунгарии.

* * *

*

Места от Зайсана до Булун-тохоя, по которым прошел М. В. Певцов в первой половине своего маршрута по Джунгарии, посещались и до него другими путешественниками.

Еще в 1654 году этим же путем пересек Джунгарию русский посол Федор Байков. Ему принадлежат первые, правда очень краткие, сведения о Сауре, Чиликтинской равнине и долине Кобу.

В 1871 году З. Матусовский, направляясь из Зайсана в город Манас, перевалил через хребет Манрак и пересек долину Чиликты. В следующем, 1872, году он прошел из Зайсана до озера Улюнгур, обогнул это озеро и прежним маршрутом возвратился обратно в Россию.

В том же, 1872, году Ю. А. Сосновский на обратном пути в Зайсан из своей экспедиции по Китаю посетил озеро Улюнгур, прошел долинами Кобу и Чиликты и пересек хребет Манрак.

Оба путешественника вели маршрутную съемку и дали не лишние ошибки, но лучшие из существовавших тогда карты северной Джунгарии. Тем не менее и после упомянутых экспедиций, географические и особенно геологические сведения об этой части страны все еще оставались весьма скудными. Остальные же районы Джунгарии, как мы об этом говорили выше, в то время вообще еще не были исследованы.

Отчет М. В. Певцова о джунгарском путешествии был опубликован в 1879 году в первой книге «Записок» Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Он обратил на себя внимание многих географов и геодезистов того времени и сразу выдвинул молодого путешественника в ряды признанных исследователей Центральной Азии. Русское географическое общество наградило М. В. Певцова за этот труд Малой золотой медалью и впоследствии само уже ходатайствовало о посылке его в экспедиции по Монголии и Китаю.

Остановимся вкратце на основных научных результатах Джунгарской экспедиции.

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, жн. 1, 1879 г.

Помимо географических описаний, с несколькими примерами которых мы познакомились на предыдущих страницах, Певцов в своем отчете приводит многочисленные сведения о населении, растительности, животном мире и геологическом строении посещенных им мест. Его этнографические описания, занимающие сравнительно небольшое место в общем объеме «Очерков», имеют для нас двойной интерес. Во-первых, они дают представление о быте и условиях жизни монгольских племен, населяющих Джунгарию, и, во-вторых, характеризуют Певцова как внимательного и разностороннего наблюдателя и исследователя.

Интересно отметить и то, что, несмотря на свою буржуазную ограниченность в социальных и политических воззрениях, Певцов первый из путешествовавших по Центральной Азии сумел разглядеть своеобразное положение монгольских племен в северо-западном Китае.

Различные по своей численности и истории эти племена беззастенчиво эксплуатировались, с одной стороны, своими национальными князьями, а с другой, — военными и гражданскими чиновниками Китайской империи. Этот двойной гнет тяжелым камнем ложился и на плечи монголов-торгоутов, о которых писал Певцов.

Трудолюбивые и умелые скотоводы, торгоуты в своем большинстве жили, испытывая постоянную нужду из-за многочисленных поборов и вымогательств, которым они систематически подвергались со стороны своих и китайских правителей. «Иногда, — пишет Певцов, — китайские власти делали на них [торгоутов — Я. М.] настоящие разбойничьи наезды, забирая лучший скот...».

Описание этого народа путешественник заканчивает словами, полными искренней горечи: «...торгоуты, угнетаемые китайскими и отчасти своими народными правителями, живут большей частью в бедности и влчат, так сказать, свое жалкое существование» *.

Отчет Певцова, кроме основного текста, содержит пять приложений, одно из которых называется: «Материалы для зоогеографии Джунгарии». В этом приложении описано 18 видов млекопитающих и 63 вида птиц, которые Певцов встретил во время экспедиции и добыл в свою коллекцию. В описаниях содержатся сведения о распространении, характерных особенностях, а иногда и способах охоты на этих животных.

Огромный интерес представляют результаты исследований Певцова в Тянь-шане во время уже известной нам кратковременной экскурсии из города Гучена. Поднимаясь по северному склону хребта, путешественник проследил смену растительности, в зависимости от высоты над уровнем моря, и сообщил первые для этой части Тянь-шаня сведения о верхнем и нижнем пределе распространения хвойных лесов — тяньшанской ели (*Picea Schrenkiana*), а также и о высоте, на которой проходит там граница вечного снега.

В приложениях, об одном из которых мы уже упоминали, Певцовым даются также результаты определения географического положения шести пунктов, в том числе и абсолютная долгота (от Гринвичского меридиана) одного из них; данные о магнитных наблюдениях в четырех пунктах и результаты барометрического измерения высот для 17 пунктов Джунгарии.

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1, 1879 г.

В отзыве об этом труде путешественника, помещенном в отчете Русского географического общества за 1879 год, указывается, что как сами наблюдения, так и вычисления, с помощью которых исследователь пришел к указанным результатам, обнаруживают «...искусство опытного наблюдателя и хорошее знакомство с теоретической стороной предмета»*.

Опираясь на собственные астрономические измерения и измерения, произведенные другими путешественниками, Певцов на основании своей маршрутной съемки и по уже существовавшим тогда топографическим материалам составил карту Джунгарии, используя для части Монгольского Алтая также и сведения, полученные из расспросов местного населения. Карта М. В. Певцова дала впервые наиболее правильное картографическое освещение многих районов Джунгарии, но и содержала одновременно много неточностей и ошибок. Одна из этих ошибок, и едва ли не крупнейшая, заключается в изображении горного узла, который «связывает» Тарбагатай и Саур, горы Уркашар и Семис-тау.

Исследования, производившиеся В. А. Обручевым в этом районе в 1905 году, показали, что на месте изображаемого узла находится обширная котловина. У ее западного края круто обрывается хребет Тарбагатай, с севера поднимается высокая стена Саура, а горы Каджур, соединенные понижением с Семис-тау, пролегают на юге.

Таким образом, хребты Тарбагатай и Саур в действительности между собой вовсе не соединяются, а Семис-тау и Каджур (не изображенный у Певцова) связаны с Сауром грядой низких гор.

Здесь следует отметить, что неверное представление о взаимном расположении горных групп в районе Саур—Тарбагатай было широко распространено среди географов, современников Певцова. Даже такой опытный путешественник, как Пржевальский, прошедший трижды этими местами, изображает их на своей карте, приложенной к описанию третьего путешествия по Центральной Азии, с большими ошибками.

Обращаясь к результатам Джунгарской экспедиции, интересно отметить, что в своих первых исследованиях Певцов особенно большое внимание уделял геологическим наблюдениям. В будущем, в других своих путешествиях, он уже не отдавал такого заметного предпочтения геологии. Мы затрудняемся в какой-либо мере объяснить это своеобразие его первых исследований, тем более, что Певцов, как известно, не имел специальных геологических знаний. Однако собранные им сведения, высказанные предположения и выводы представляли в то время и сейчас еще представляют значительную научную ценность для суждения о геологическом строении северной и восточной части Джунгарии.

Хребет Манрак, с которого в экспедиции начинались научные наблюдения Певцова, несмотря на свою доступность и близость к Зайсану, в геологическом отношении был тогда еще совершенно неизученным. Впрочем такой же в течение долгого времени была судьба не только Манрака, но и всей Пограничной Джунгарии — области, расположенной к северу и югу от границы России с Китаем. По ней, помимо Певцова, до и после него, проходили многие путешественники, которые в какой-то мере составили географическую характеристику этой страны, но почти ничего не дали для познания ее геологии.

Только в результате трехлетних работ, в 1905, 1906 и 1909 годах,

* Отчет Русского географического общества за 1879 г.

крупнейшего русского геолога В. А. Обручева были заложены основы современных представлений о геологическом строении и происхождении весьма интересной в этом отношении Пограничной Джунгарии.

Геологические исследования, проведенные Певцовым в хребте Манраке (так же, впрочем, как и в других местах Джунгарии), разумеется, несли на себе печать неопытности и недостаточной специальной подготовки молодого исследователя, но все-таки они дали, как замечает В. А. Обручев, по сравнению с другими работами того времени, наибольшее количество сведений о геологическом строении этого хребта.

Представляют также заслуженный интерес и некоторые результаты геологического обследования Певцовым высокой Чиликтинской равнины.

Южную, прилегающую к Тарбагатаю, часть этой равнины обследовали в 1864 году Г. Н. Потанин и О. В. Струве. Певцов прошел по ее северо-восточной части, где, помимо прочего, исследовал в нескольких местах отложения, выполняющие эту долину. Производя раскопки, путешественник обнаружил значительную толщину отложений и сделал интересное предположение: «Очень может быть, что описываемая местность представляла некогда более углубленную межгорную впадину, выполненную до теперешнего ее состояния нивелирующим действием воды. Любопытно было бы знать, не скрываются ли здесь под толщами аллювия озерные осадки?» *.

Позднейшие исследования ряда ученых, в том числе и В. А. Обручева, подтвердили правильность предположений М. В. Певцова. Под толщами молодых (четвертичных) отложений, принесенных речками и временными потоками (аллювия и пролювия), были обнаружены у подножия Манрака более древние (третичные) отложения, которые, благодаря своему составу, дают основание думать, что Чиликтинская равнина некогда была заполнена водой и представляла собой озеро.

Во время двенадцатидневного пребывания на озере Улюнгур и в Булун-тохое, Певцов обстоятельно исследовал Булунтохойскую впадину.

Производя раскопки на берегу Улюнгура, М. В. Певцов нашел на высоте от 4 до 6 метров над уровнем воды раковины и кости рыб, принадлежавшие тем же формам, которые и ныне населяют озеро. На основании этих находок он сделал очень интересный вывод о некогда более высоком уровне Улюнгура.

Еще больший интерес представляют результаты исследования М. В. Певцовым озера Бага-нор и некоторые его общие выводы по поводу всей Булунтохойской впадины.

В 1872 году, как мы уже говорили, в ней побывал Ю. А. Сосновский, до которого вообще имелись лишь самые смутные сведения об этих местах. В результате экспедиции Сосновского выяснилось, что существует не одно, как думали раньше, большое озеро Улюнгур, а два: большее — Кызыл-баш (Улюнгур) и меньшее — Бага-нор (по-монгольски — Малое озеро), отделенные значительной ширины и высоты перешейком, который, однако, был прорезан, по свидетельству Сосновского, стоком из одного озера в другое.

Тщательно исследуя плоскую возвышенность, отделяющую озеро Улюнгур от Бага-нора, Певцов не обнаружил указанного Сосновским протока; наоборот, в «Путевых очерках Джунгарии» путешественник

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1, 1879 г.

совершенно определенно пишет, что Бага-нор не имеет никакого сообщения с Улюнгуром. Действительно, постоянного соединения между этими озерами не существует. В редкие годы особенно высоких паводков на Урунгу, переполняющих котловину Улюнгура, избыточная вода стекает в Бага-нор. Однако до сих пор еще на многих современных картах неправильно изображается якобы существующий постоянный водоток между этими озерами.

Производя раскопки приблизительно в двух с половиной километрах к северу от Бага-нора, Певцов нашел в затвердевшей глине превосходно сохранившуюся лобную кость щуки и две полые створки беззубка (пресноводный моллюск). Многочисленные раскопки в других местах вновь обнаруживали обломки подобных же раковин и остатки пресноводных рыб. Вода в Бага-норе была, как нам известно, настолько соленой, что, видимо, не содержала органической жизни. Раковины, которые Певцов доставал с его дна, оказывались все до одной мертвыми, несмотря на опресняющее действие бивших со дна ключей.

«Судя по всем признакам,— делает вывод Певцов,— можно утвердительно сказать, что озеро Бага-нор в эпоху ныне живущих пресноводных моллюсков и рыб имело более обширные размеры, оставив на окрестной местности столь явственные следы своего пребывания, что в нем не может быть сомнения. Не подлежит также сомнению, что оно содержало в себе сначала воду пресную и было колыбелью тех живых существ, остатки которых рассеяны теперь на его пустынных берегах. Если прибавим к этому сходство пресноводных форм, уже вымерших в Бага-норе, но еще и поныне живущих в озере Улюнгур и других малых пресных озерах впадины, несомненные признаки прежних более величественных размеров озера Улюнгура, массу озер, болот, солончаков, рассеянных по поверхности Булунтохойской впадины, то едва ли останется какое-либо сомнение относительно существования в этой впадине в потретичную эпоху одного общего обширного пресного водохранилища, пределы которого ныне невозможно указать с точностью»*.

Отвечая на естественно возникающий вопрос, каким же образом осуществлялось питание такого огромного водного бассейна, Певцов высказывает предположение о существовании в то время более высоких горных хребтов, собиравших большее количество атмосферных осадков. С уменьшением высоты окрестных гор понижался и уровень воды во впадине, а отсюда — распадение обширного водоема на отдельные более мелкие, в которых при чрезмерном, вознаградимом прибылью, испарении начиналось сгущение рассола, убивавшего в них мало-помалу органическую жизнь.

Представляют безусловный интерес и многие другие исследования Певцова, но более подробное и глубокое знакомство с многочисленными результатами и ходом Джунгарской экспедиции должно быть темой специальной статьи; здесь же мы задержались несколько на этом путешествии только потому, что это была первая экспедиция Певцова, и именно с этой точки зрения она представляла для нас интерес в кратком очерке всей его жизни.

В «Истории полувековой деятельности Русского географического общества» П. П. Семенов-Тянь-Шанский, давая оценку Джунгарской экс-

* М. В. Певцов. Путевые очерки Джунгарии. «Записки» Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 1, 1879 г.

педиции, писал: «Этим замечательным путешествием М. В. Певцова достигалось в значительной мере то, к чему так стремилось Географическое общество еще в прошедшем периоде, а именно, обстоятельное исследование озера Улюнгур или Кызыл-баша, а также юго-восточной оконечности Алтая и промежутка, отделяющего его от Тянь-шаня, наконец, первое знакомство с наиболее прославленной туземными географическими источниками из тяньшанских вершин, горою Богдо-ола, не говоря уже об определении высоты снежной линии в виду снежной вершины Богдо-ола.

В превосходной своей статье «Путевые очерки Джунгарии», служащей лучшим украшением первой книжки «Записок» Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, вышедшей в Омске в 1879 году, М. В. Певцов обнаружил мастерское умение описывать и характеризовать виденные им местности и сразу стал в ряды выдающихся деятелей Общества» *.

* *
*

В 1887 году в жизни Русского географического общества происходит весьма важное событие: в Омске создается его новый отдел, получивший наименование «Западно-Сибирского». Существовавший до тех пор в Иркутске Сибирский отдел Географического общества сделал очень много для изучения Восточной Сибири, но о прилегающей непосредственно к европейской части России Западной Сибири с ее своеобразной природой, многочисленным и разноплеменным населением имелись в то время лишь далеко неполные и разрозненные сведения, в основе которых лежали зачастую сомнительные по своей достоверности данные **.

Восполнить этот пробел в изучении Западной Сибири и сопредельных с нею стран Средней и Центральной Азии и должен был вновь образованный Западно-Сибирский отдел.

В течение целого десятилетия, с 1877 по 1886 год, деятельность Отдела была неразрывно связана с именем его первого правителя дел, а с 1882 года первого председателя его распорядительного комитета — М. В. Певцова.

Принимавший горячее и активное участие с первых дней организации в налаживании научной деятельности молодого Отдела, Певцов составил «Положение», определявшее его основные задачи и круг деятельности. «Западно-Сибирский отдел, — говорится в «Положении», — занимается изучением как этого края, так равно и сопредельных с ним стран Средней Азии и Западного Китая в отношениях: собственно географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археографическом и археологическом». Далее в «Положении» указывается, что для выполнения этих задач Отдел: «1) Отыскивает и приводит в известность собранные уже и хранящиеся в местных архивах и у частных лиц сведения о Западной Сибири и соседних с ней стран Средней Азии и Западного Китая, оценивает и решает, ка-

* П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. II, 1895 г.

** Там же.

кое из них может быть сделано употребление для науки. 2) Производит на месте ученые исследования, снаряжая экспедиции для изучения края в отношениях, указанных в предыдущем параграфе и в особенности в географическом, естественно-историческом, этнографическом и статистическом. 3) Оказывает содействие лицам, посещающим Западную Сибирь с ученой целью, а равно и местным жителям, занимающимся изучением этого края, и вообще старается привлечь к исследованию его лиц, могущих быть полезными Обществу по своим познаниям. 4) Заботится о собирании и хранении ученых пособий, относящихся к кругу своих знаний, как-то: книг, рукописей, актов и карт, а также об устройстве и поддержании местного музеума, минералогических, естественно-исторических, этнографических и археологических предметов».

Деятельность Западно-Сибирского отдела в течение первого десятилетия, то-есть в тот период, когда Певцов, по выражению одного из членов Отдела, являлся его «главным вдохновителем», характеризуется обилием плодотворных по своим результатам экспедиций. Именно в этот период совершали свои интересные путешествия, описания значительной части которых были изложены в «Записках» Отдела, Д. Клеменц, Н. Ядринцев, А. Никольский, И. Соловцов, сам Певцов и многие другие. «Летопись» Западно-Сибирского отдела характеризует этот период следующими словами: «В первые 12 лет своего существования Западно-Сибирский Географический отдел совершил наибольшее число своих экспедиций...».

«Таким образом, первый период деятельности Отдела, особенно первые десять лет, можно назвать периодом экспедиций»*.

* *
*

Прошло почти два года с тех пор, как М. В. Певцов возвратился из экспедиции по Джунгарии, когда опять-таки случайное обстоятельство предоставило ему снова возможность отправиться в далекое путешествие. На этот раз предстояло совершить огромный маршрут по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая.

Неожиданным поводом к снаряжению экспедиции послужило сообщение, полученное Географическим обществом от тогда еще мало известного исследователя Центральной Азии Г. Н. Потанина.

Находясь в 1878 году в Бийске, Потанин узнал, что бийские купцы летом этого года собираются отправлять большой караван с грузом маралых рогов (пантов) из города Кобдо (Западная Монголия) в город Гуй-хуа-чен, или, как его называют монголы, Куку-хото — Голубой город (ныне Гуйсуй, главный город провинции Суйюань). Об этом и сообщил Потанин Географическому обществу.

Так как маршрут каравана проходил по местам, ни разу еще не посещенным европейцами, Общество решило направить с ним опытного исследователя-географа и геодезиста «для производства топографической съемки, астрономических определений широты и долготы и других научных изысканий на пути следования экспедиции...»**.

* Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела РГО. 1902 г.

** Из письма П. П. Семенова-Тян-Шанского к генерал-губернатору Западной Сибири Н. Г. Казнакову. Цит. по К. П. Линде. Певцов и его путешествие.

По ходатайству вице-председателя Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского для этой цели был назначен М. В. Певцов, уже в предыдущем своем путешествии успевший проявить «свои блестящие способности в деле географических изысканий» *.

Не вдаваясь здесь в подробности хода этой экспедиции, мы лишь в самых общих чертах сделаем обзор ее маршрута.

В начале августа Певцов, топографы Скопин и Чуклин и шесть забайкальских казаков, знавших монгольский язык, вышли из станицы Алтайской Усть-Каменогорского уезда и направились в город Кобдо, где они должны были присоединиться к снаряжавшемуся там в дальний путь торговому каравану.

Пройдя перевалом Улан-даба через плоский пограничный хребет Сайлюгем, Певцов следовал до города Кобдо по обширной долине между параллельными горными цепями Монгольского Алтая и Хангая.

Из города Кобдо экспедиция уже вместе с караваном направилась на юго-восток по той же междугорной впадине. Многочисленные озера, заполняющие наиболее пониженные места этой долины, дали основание Певцову присвоить ей сохранившееся до наших дней в географии название «Долины озер».

Продолжая движение на юго-восток, караван более 400 километров шел, пересекая южные отроги Хангая. Дальнейший путь пролегал через пустынные пространства Гоби, по которой путешественники прошли 600 километров.

После утомительного странствия в самое суровое время года по горам, степям и пустыням Монголии Певцов в начале декабря достиг, наконец, города Куку-хото. Отсюда караван прошел в город Калган, где провел два зимних месяца (январь и февраль).

В обратный путь путешественники направились на Ургу по торговому тракту через Мингам, Ихы-удэ и Уйц-зын. Из Урги караван возвращался в Россию через город Улясутай и далее на запад, перевалив Хангай, снова пройдя по межгорной долине к хребту Сайлюгему и через последний в Кош-агач.

Прибытием в Кош-агач Певцов закончил тринадцатимесячное путешествие по Монголии и Китаю, совершив в общей сложности маршрут протяженностью свыше 4 тыс. километров.

Вскоре после возвращения, в августе 1879 года, в Омск Певцов сделал краткое сообщение об этой экспедиции на общем собрании членов Западно-Сибирского отдела. «...С обычной скромностью он излагал факт за фактом, пункт за пунктом. Как тихий ручей, текла его плавная, спокойная, обоснованная на незыблемых научных данных и личных наблюдениях речь, без всякого пафоса и без всяких эффектных, но скороспелых обобщений» **, — вспоминает один из членов Отдела, слушавший сообщение Певцова.

Только в 1881 году Певцов, отвлекаемый служебными делами, сумел полностью закончить отчет об этой экспедиции. В 1883 году он был опубликован в V томе «Записок» Западно-Сибирского отдела Русского географического общества под названием «Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая».

* К. П. Линде. М. В. Певцов и его путешествия. Юбилейный сборник Зап.-Сибирского отд. РГО, 1902 г.

** Там же.

«Очерки» содержат подробные и разносторонние географические описания территорий, по которым до Певцова не проходил еще ни один исследователь. В них приводятся сведения о климате, растительности, животном мире и геологическом строении мест, посещенных путешественником, а также и результаты многочисленных этнографических наблюдений.

В этом труде чувствуется уже большая зрелость и опытность путешественника, чем в первом отчете о Джунгарской экспедиции. Певцов смелее делает обобщения и выводы, многие из которых были впоследствии блестяще подтверждены исследованиями других путешественников.

Значительную ценность для науки представляют астрономические наблюдения Певцова, на основе которых с большой точностью были определены географические координаты 28 пунктов в Монголии и Китае.

«Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая» закрепили за Певцовым репутацию талантливого и добросовестного исследователя; Русское географическое общество наградило его одной из своих высших наград — медалью Литке.

В течение долгого времени этот труд М. В. Певцова, наряду с трудом «Очерки Северо-Западной Монголии» Г. Н. Потанина, служил единственным источником научных географических сведений о Монголии и северных провинциях Китая.

* *
*

Более семи лет прожил еще М. В. Певцов в Омске после возвращения из Монголии. В эти годы он выполнял ряд служебных заданий как геодезист и топограф, а свободное время посвящал работе в Западно-Сибирском отделе Географического общества и занятиям астрономией.

В небольшой обсерватории, которую Певцов устроил на дворе своего дома, он систематически производил различные астрономические наблюдения. Здесь был окончательно разработан и проверен многочисленными опытами получивший мировую известность способ Певцова для определения географической широты места по соответствующим высотам двух звезд. Еще в 1874 году крупный русский астроном Н. Я. Цингер предложил оригинальный способ определения времени по соответствующим высотам двух звезд. Однако этот способ не сразу получил широкое распространение, так как одновременно не были составлены таблицы для легкого и быстрого нахождения нужных для наблюдения светил*.

М. В. Певцов, оценивший преимущества и удобства этого способа и применявший его при наблюдениях в своих экспедициях, развил его далее и составил формулы, дающие возможность по высотам двух звезд определять географическую широту места наблюдения. Значительно позже, в 1888 году, он опубликовал описание этого способа с приложением звездной карты, каталога звезд и необходимых вспомогательных таблиц («Записки» Русского географического общества, т. XVII, вып. 5).

* В настоящее время такие таблицы составлены, и этот способ находит все более широкое применение и в СССР и за границей.

По отзыву известного своими работами на Кавказе, Закаспии и Персии геодезиста И. И. Стебницкого «М. В. Певцов в своем труде дал формулы, удобные для вычисления широты по этому способу, пояснив их многими примерами из своих наблюдений. Дав при этом каталог звезд и вспомогательные таблицы, М. В. Певцов намного облегчил определение широты, и способ его находит все более широкое применение»*.

Благодаря этому способу уже не было необходимости возить с собой в путешествие сложные и очень тяжелые астрономические приборы: значительно более легкий и простой по своему устройству теодолит давал не менее точные данные для определения по формулам Певцова географической широты и долготы места**.

В один из последних дней января 1887 года сослуживцы и члены Западно-Сибирского отдела Русского географического общества проводжали навсегда покидавшего Омск М. В. Певцова. Много было высказано теплых, душевных слов и сердечных пожеланий. Подарив на прощание большой малахитовый альбом со своими фотографиями, товарищи на руках вынесли Певцова к ожидавшему его экипажу.

После пятнадцатилетней жизни в Западной Сибири путешественник снова возвращался в Петербург...

* * *

За эти 15 лет, благодаря экспедициям Русского географического общества, в России достигнуты были огромные результаты в изучении природы и населения Центральной Азии.

В 1873 году возвратился из своего первого центральноазиатского путешествия Н. М. Пржевальский. Его маршрут общей длиной в 12 000 километров обнял Восточную и Центральную Монголию, северные окраины Ордоса, Алашань, восточный Нань-шань, озеро Куку-нор, Цайдам и северо-восточный Тибет. В книге «Монголия и страна тангутов» (1875—1876 гг.) — отчете об этом путешествии — Пржевальский впервые сообщал сведения о странах, известных до тех пор по сбивчивым и труднодоступным китайским сочинениям, фантастическим описаниям средневековых путешественников или, в лучшем случае, по лишенному карт сочинению миссионеров Гюка и Габе, где за цветистыми и напыщенными фразами скрывался скудный, а местами просто недостоверный географический материал.

В 1876 году, когда Певцов совершал свое первое путешествие по Джунгарии, в пределах Центральной Азии работали уже две экспедиции Русского географического общества: вторая центральноазиатская экспедиция Н. М. Пржевальского и монгольская — Г. Н. Потанина***.

На этот раз Пржевальский прошел с запада из города Кульджи через Восточный Тянь-шань, пересек плато Малый Юлдус и спустился во впадину Таримского бассейна, где открыл легендарное озеро Лоб-нор и хребет Алтын-таг, отделяющий Таримскую впадину от Тибетского на-

* Отчет Русского географического общества за 1891 г.

** В 1912 году геодезист И. Селиверстов издал обширные таблицы, по которым подбор пар звезд для определения широты способом Певцова (от 40 до 60° с. ш.) производился с наименьшей затратой труда и времени.

*** Это была вторая центральноазиатская экспедиция Г. Н. Потанина. Первый раз он работал в пределах Центральной Азии в 1862—1864 гг., когда обследовал хребет Тарбагатай.

горья. Он был первым европейцем, посетившим Лоб-нор; он установил, что в действительности это озеро находится значительно южнее, чем это было показано на китайских картах.

В это же путешествие Пржевальским были открыты и описаны до того неизвестные науке дикий верблюд и дикая лошадь (получившая впоследствии название «лошади Пржевальского»). Отчет об этом путешествии — «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» — был впервые опубликован в «Известиях» Русского географического общества, т. XIII, 1877 г.

Экспедиция Г. Н. Потанина, в которой принимали участие также его жена А. В. Потанина и известный впоследствии этнограф А. М. Позднеев, проводила исследования в северо-западной Монголии.

В 1879 году Географическое общество, по предложению самого Г. Н. Потанина, вновь отправляет его в северо-западную Монголию.

Результаты этих двух экспедиций были изложены Потаниным в четырехтомном труде «Очерки Северо-Западной Монголии» (СПб., 1881—1883 гг.).

Одновременно со второй экспедицией Г. Н. Потанина Русское географическое общество снарядило третью центральноазиатскую экспедицию Н. М. Пржевальского.

В этой экспедиции Пржевальского сопровождал В. И. Роборовский, сам впоследствии ставший крупным путешественником и руководителем экспедиции по Центральной Азии.

В результате этого путешествия были изучены северная и восточная Джунгария, Хамийская пустыня, новые территории в Алтын-таге, Цайдаме и Тибете и впервые обследовано обширное нагорье Амдо. Описанию путешествия посвящен труд Пржевальского «От Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки», впервые вышедший в 1883 году.

В ноябре 1883 года Н. М. Пржевальский вышел из Урги в свое четвертое путешествие по Центральной Азии. Кроме В. И. Роборовского его сопровождал на этот раз еще один помощник — П. К. Козлов, также в будущем ставший крупнейшим исследователем природы Центральной Азии.

В это путешествие были произведены новые исследования в Куньлуне, Тибете, Цайдаме и Таримской впадине и открыты в верховьях Хуанхэ озера, которым Пржевальский присвоил названия «Экспедиции» и «Русское».

Описание четвертого путешествия Пржевальский изложил в книге «От Кяхты на истоки Желтой реки, исследования северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима», которая впервые увидела свет в 1888 году.

В том же, что и Пржевальский, 1883, году отправился в третье путешествие по Китаю и Монголии Г. Н. Потанин (в состав экспедиции также входили А. В. Потанина, топограф А. И. Скасси и зоолог М. Н. Березовский).

Экспедиция посетила северные провинции Китая, Ордос, Нань-шань, нагорье Амдо, восточную окраину Тибета, Монгольский Алтай и нагорье Хангай.

Результаты этой большой и интересной экспедиции были изложены Г. Н. Потаниным в двухтомном труде «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (СПб., 1893).

Помимо перечисленных экспедиций, снаряженных Русским географическим обществом, Центральную Азию в этот период посетили и другие русские путешественники. Многие из них составили описания своих путешествий, которые дали дополнительные сведения о природе и населении Монголии и Китая.

Подводя в общих чертах итоги работам экспедиций Русского географического общества в Центральной Азии за тот период, П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Четыре блистательные экспедиции Н. М. Пржевальского, покрывшие своею сетью пространство Застенной Китайской империи, между Тянь-шанем и Куэнь-лунем, две экспедиции Потанина [экспедиция 1883—1885 гг. упоминается несколько дальше. — Я. М.] и его спутников Позднеева и Березовского и две экспедиции М. В. Певцова, а всего 8 экспедиций, послуживших к разностороннему исследованию обширного пространства между Алтайско-Саянской и Тяньшанско-Иншанскою горными системами и между Тянь-шанем и Куэнь-лунем, осуществили собою, в рассматриваемый период, стремление Общества к исследованию, оставшихся до тех пор недоступными, частей Внутренней Азии, в пределах Застенной Китайской империи» *.

Таковы были существенные изменения, происшедшие в научном познании Центральной Азии ко времени возвращения М. В. Певцова в Петербург.

* *
*

Закончив отчет о четвертом путешествии по Центральной Азии, Н. М. Пржевальский в марте 1888 года подал в Географическое общество докладную записку, излагавшую давно уже задуманный им грандиозный план новой экспедиции в Тибет. На этот раз путешественник предполагал посвятить свои исследования северо-западному и северо-восточному Тибету и проникнуть в глубь Тибетского нагорья, в резиденцию далай-ламы — загадочную Лхасу.

Русское географическое общество одобрило план, предложенный Пржевальским; в состав экспедиции вошли уже испытанные в предыдущих путешествиях его помощники В. И. Роборовский и П. К. Козлов, два переводчика (для тюркского и монгольского языков) и 22 человека конвоя.

В середине августа 1888 года Н. М. Пржевальский, с нетерпением стремившийся в центральноазиатские просторы, выехал из Петербурга в исходный пункт экспедиции — город Каракол.

Недалеко от Пишпека (ныне Фрунзе) путешественник, выпив на охоте сырой воды, заразился брюшным тифом и 1 ноября (по новому стилю), после недолгой болезни скончался в городе Караколе.

Похоронили Н. М. Пржевальского на берегу озера Иссык-куль, близ границы той страны, изучению которой он посвятил свою замечательную жизнь.

Готовая к далекому путешествию экспедиция осиротела, осталась без руководителя. Но научное исследование Центральной Азии, столь блестяще начатое великим путешественником, не остановилось. Уже

* П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. II.

в следующем, 1889 году, Русское географическое общество направило в Центральную Азию три экспедиции. Одна из них — экспедиция Б. Л. Громбчевского обследовала восточный склон хребта Мус-таг, бассейн реки Раскем и прошла по северо-западной части Тибетского нагорья к югу и западу от города Нии. Другая экспедиция — братьев Грумм-Гржимайло обследовала Восточный Тянь-шань, прошла в глубь Джунгарской Гоби (где добыла несколько экземпляров дикой лошади Пржевальского), открыла Турфанскую впадину у южного подножия Восточного Тянь-шаня, а также обследовала пустыню Бей-шаня, среднюю часть Нань-шаня и горы к югу от города Сицина.

Наиболее важной, как по стоявшим перед ней задачам, так и по достигнутым результатам, была реорганизованная экспедиция Пржевальского. Начальство над ней, по ходатайству Русского географического общества, возложили на М. В. Певцова.

Программа экспедиции, намеченная Н. М. Пржевальским в отношении Тибета, была сокращена; центр тяжести работ Певцова переносился главным образом на горные страны, окаймляющие с севера Тибетское нагорье; исследование последнего должно было ограничиться лишь неширокой полосой, приблизительно до 35-й параллели. Но так как в задачи новой экспедиции входило, помимо прочего, изучение существующих проходов внутрь Тибета и вся ее деятельность должна была подготовить почву для будущих исследований на самом Тибетском нагорье, за ней было оставлено прежнее название — «Тибетской».

В состав экспедиции вошли избранные еще Н. М. Пржевальским его молодые помощники В. И. Роборовский и П. К. Козлов, а также прикомандированный для ведения геологических исследований специалист-геолог К. И. Богданович.

Всеволод Иванович Роборовский прошел перед этим путешествием школу географических исследований в двух экспедициях Пржевальского. Там он впервые серьезно увлекся ботаникой и в дальнейшем уже значительную часть своих исследований посвящал изучению растительного мира Центральной Азии.

Другой спутник М. В. Певцова — Петр Кузьмич Козлов, ставший впоследствии известным всему миру исследователем Монголии и Тибета, приобрел уже некоторый опыт географических исследований, участвуя в четвертой центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского. Впервые П. К. Козлов познакомился с Пржевальским, будучи еще

В. И. Роборовский
(1856—1910)

19-летним юношей. Рассказы великого путешественника пробудили в нем горячее желание самому участвовать в далеких экспедициях.

Отправляясь в Центральную Азию в 1883 году, П. К. Козлов не имел специальных знаний в естественных науках и впервые приобретал их сразу на практике, во время путешествия, под руководством Пржевальского. Это была хорошая школа, и ученик оказался достойным своего учителя: в Тибетской экспедиции он уже прекрасно производил самостоятельные исследования. Влияние учителя сказалось у Козлова, помимо прочего, и в повышенном интересе к зоологии, особенно к птицам.

Соответственно определившись уже интересам участников, в экспедиции были распределены и научные обязанности между В. И. Роборовским и П. К. Козловым. Первый занимался в основном изучением флоры и сбором гербария, второй — зоологическими исследованиями. Однако и тот и другой в многокилометровых боковых маршрутах проводили самостоятельно весь комплекс географических наблюдений*.

П. К. Козлов
(1863—1935)

Экспедиции Пржевальского, Потанина, Певцова и ряда других исследователей дали блестящие результаты в изучении населения, климата, животного мира и растительности — в общем, всего географического облика Центральной Азии, но геологические сведения, представленные этими экспедициями, все еще были чрезвычайно отрывочными и скудными. «Ни Пржевальский,

и ни один из его спутников не обладали умением разбирать иероглифы, которыми на хребтах и холмах, в долинах и оврагах начертаны древние летописи земного шара и поэтому, несмотря на его четыре экспедиции, история происхождения и развития форм земной поверхности оставалась не прочитанной»**.

Для того чтобы восполнить этот пробел в изучении природы Центральной Азии, Русское географическое общество усилило научную часть Тибетской экспедиции, прикомандировав к ней К. И. Богдановича.

В то время К. И. Богданович был еще молодым ученым, всего три года тому назад окончившим Петербургский горный институт. В течение двух лет после этого он работал как геолог на строительстве Самарканд-

* Описанию этих маршрутов посвящен составленный Роборовским и Козловым третий том Трудов экспедиции — «Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции». СПб., 1896 г.

** В. А. Обручев. Краткий обзор экспедиций, снаряженных Русским географическим обществом для исследований материка Азии с 1846 по 1896 г., «Известия» Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXVII, 1897.

ского участка Закаспийской железной дороги. Здесь сразу же проявились его недюжинные способности, любовь к науке и блестящая школа крупнейшего русского геолога, впоследствии президента Академии наук СССР, А. П. Карпинского, учеником которого он был.

В Тибетской экспедиции К. И. Богданович шел в основном самостоятельными маршрутами и произвел первые в то время и в тех местах обстоятельные геологические обследования, собрав при этом весьма интересную коллекцию горных пород. Им было выяснено, в частности, строение Таримской впадины и окружающих ее с севера и с запада громадных хребтов, а также исследованы богатые нефритовые и золотоносные месторождения в горах Кунь-луня*.

Мы не останавливаемся подробнее на самостоятельной деятельности в этой экспедиции В. И. Роборовского, П. К. Козлова и К. И. Богдановича, так как она в статье о М. В. Певцове имеет для нас подчиненный интерес. Некоторые дополнительные сведения о их работах читатель сумеет почерпнуть из комментариев, помещенных в конце книги.

Здесь же следует отметить, что труды всех участников Тибетской экспедиции имели огромное значение для науки, и им будут посвящены лучшие страницы книги, которую напишут об истории исследования природы Центральной Азии.

* *
*

Зима 1891 года. Прошло около двух лет с тех пор, как Тибетская экспедиция покинула пределы России. Последние восемь месяцев от нее уже не приходило на родину никаких известий. Столько же времени ничего не знали о ее судьбе и русские консулы в Кашгаре и Урге. Все это начинало вызывать серьезное беспокойство, когда, наконец, в Петербурге было получено сообщение о том, что Певцов и его спутники благополучно прибыли в Зайсанский пост.

Третьего января 1891 года население Зайсана встречало отважных русских путешественников, проложивших еще один маршрут в труднодоступных областях Центральной Азии. На улицах поселка, — вспоминает Певцов, — «...на всем пути до отведенной нам квартиры теснились толпы народа, собравшегося посмотреть на приезд своих соотечественников из далекого путешествия по чужим краям».

К. И. Богданович
(1864—1947)

* Описание и результаты своего путешествия К. И. Богданович изложил во втором томе Трудов Тибетской экспедиции — «Геологические исследования в Восточном Туркестане», СПб., 1892 г.

На следующий день начали поступать многочисленные телеграммы с приветствиями и поздравлениями и первая — из Омска, от Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Закончилось третье и последнее путешествие М. В. Певцова по Центральной Азии...

Второго октября 1891 года на торжественном собрании членов Русского географического общества, после приветственной речи вице-председателя Общества П. П. Семенова-Тян-Шанского М. В. Певцов сделал первое краткое сообщение о результатах совершенного им путешествия. А в 1895 году — в год пятидесятилетнего юбилея Русского географического общества, был издан и самый отчет Певцова, составляющий первый том Трудов Тибетской экспедиции.

Чем же обогатила географическую науку эта экспедиция?

Какие новые научные сведения принесла она о Центральной Азии?

Некоторые географы (современники М. В. Певцова и даже ныне живущие) склонны были рассматривать Тибетскую экспедицию, несмотря на все ее достижения, только как сокращенную по программе экспедицию Пржевальского. Певцову даже ставилось в вину, что «он ограничил свою задачу лишь доисследованием некоторых областей Восточного Туркестана и северного Тибета»*. С этим, однако, нельзя согласиться.

Действительно, план экспедиции, намеченной сначала в Восточный Тибет, был сокращен; соответственно изменился, как нам известно, и главный объект исследований. Но вместе с этим в Тибетской экспедиции была принята несколько иная и самая методика исследований. Причем ее изменение уже диктовалось в то время более высоким уровнем рекогносцировочной изученности Восточного Туркестана. Поэтому Тибетскую экспедицию не следует рассматривать только как механически реорганизованную экспедицию Пржевальского, во главе которой «волею судьбы»** был поставлен М. В. Певцов. Это была новая экспедиция со своими программой, задачами и методами, в результате которых исследования Певцова, Роборовского, Козлова и Богдановича дали результаты, вряд ли бы возможные при иных обстоятельствах.

Н. М. Пржевальский, первый проложивший смелые маршруты в глубь Центральной Азии, уничтожил предубеждение о недоступности этих территорий, царившее тогда в представлениях ученых всего мира.

Смело открывая страницу за страницей книгу природы Центральной Азии, Пржевальский не останавливался подробно ни на одной из них. Устремленный к новым географическим открытиям, он спешил в места, с которых еще не была сорвана завеса «неизвестного».

«...Впрочем Географическое общество, смотря, как и сам Пржевальский, на его смелые маршруты, как на предварительные научные рекогносцировки неведомых стран (достоинство которых обуславливалось высокими личными качествами и талантливостью Н. М. Пржевальского), конечно, сознавало, что много еще останется доделать впоследствии на путях, смело пробитых путешественником...»***.

М. В. Певцов по складу своего ума и характера относился к иному типу исследователей. Его не манили с такой силой, как Пржевальского,

* Н. В. Павлов. Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов. М., 1940 г.

** Там же.

*** П. П. Семенов-Тян-Шанский. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. II.

неведомые страны, он не испытывал и столь сильной страсти к самому процессу путешествия. В этом отношении М. В. Певцов скорее был похож на Г. Н. Потанина — исследования обоих устремлены главным образом к глубокому и детальному изучению местности, к получению наиболее точных, многократно проверенных данных.

Методика, принятая Певцовым в Тибетской экспедиции, представляла собой переход к следующей, после рекогносцировок Пржевальского, ступени географических исследований, получившей полное развитие только в современных экспедициях. Если в пространственном отношении исследования Пржевальского можно назвать «линейными», то в экспедиции Певцова они уже были до некоторой степени «площадными»; если во времени первые были «мимолетными рекогносцировками», то вторые имели уже определенные элементы «стационара».*

Наконец, еще одна методическая особенность Тибетской экспедиции. Пржевальский считал, что «единственной гарантией успеха его предприятий было их безусловное подчинение одной энергичной воле, а потому, относясь с братской гуманностью к своим спутникам, он держал их в строгом дисциплинарном подчинении»*. Всю наиболее ответственную научную работу Пржевальский стремился выполнить сам, доверяя помощникам лишь второстепенные дела. Певцов в Тибетской экспедиции, наоборот, распределил основные научные обязанности между членами экспедиции, одновременно сам занимаясь всем комплексом географических исследований и, в особенности, астрономическими и метеорологическими наблюдениями. Систематические остановки на более или менее длительный срок в одном месте и общий темп движения экспедиции давали ему возможность посылать своих спутников в длительные самостоятельные экскурсии. «В этом было известное достоинство руководства М. В. Певцова, давшее П. К. Козлову немало опыта, навыков и ориентировки в самостоятельных и всецело от него зависящих поездках»**. Такую же школу самостоятельных исследований прошел у Певцова и Роборовский. Но главным следствием этого метода было значительное увеличение общей площади, покрытой исследованиями Тибетской экспедиции.

Таким образом, экспедиция Певцова в Кашгарию и Кунь-лунь не только обследовала территории, не посещенные еще исследователями, но и о тех местах, в которых уже побывал Пржевальский, дала новые разносторонние научные сведения — результаты точных и детальных наблюдений, проводившихся в течение более или менее длительного срока в одном месте.

Обратимся теперь непосредственно к основным научным результатам Тибетской экспедиции.

Еще на пути к главной цели своего путешествия — горной системе Кунь-лунь, Певцов нанес на карту и дал описание неисследованной до тех пор местности вдоль караванной дороги от Ак-су до Якка-худук и далее на юг по долине крупнейшей реки Кашгарии Яркенд-дарьи***.

* П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. II, 1895 г.

** Н. В. Павлов. Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов. М., 1940 г.

*** На страницах отчета М. В. Певцова, посвященных этой части маршрута, сообщаются также первые, очень интересные сведения о развалинах древнего буддийского города «Такла-макан», находящихся, по словам туземцев, на окраине одноименной пустыни к востоку от города Яркенда.

Первые стационарные наблюдения проводились М. В. Певцовым в течение сорока пяти дней в урочище Тохта-хон, расположенном на высоте 2 832 метров над уровнем океана в северных предгорьях Кунь-луня.

В результате были весьма точно определены долгота и широта места, магнитные наклонение и склонение и 28-ю барометрическими измерениями—высота над уровнем океана. Помимо этого М. В. Певцов впервые определил в районе урочища Тохта-хон высоту верхней и нижней границы, распространение ели в горах Кунь-луня. В то же время геолог экспедиции К. И. Богданович совершил продолжительную экскурсию на запад до Яркенд-дарьи; П. К. Козлов проехал в долину верховьев Холостан-дарьи, а Роборовский собрал интересный гербарий в окрестных горах на высоте, где в наших широтах проходит граница вечного снега. Длительное пребывание в этом урочище дало возможность М. В. Певцову близко познакомиться с туземным населением, описание которого он приводит в своем отчете.

Огромной ценности научный материал был собран экспедицией во время пятимесячного пребывания в оазисе Ния. Здесь М. В. Певцов оборудовал метеорологическую станцию и с 1 января 1889 года проводил на ней полный цикл метеорологических наблюдений.

Впервые в глубине Центральноазиатского нагорья, у подошвы Тибета, проводились систематические метеорологические наблюдения и измерения на стационарно установленных приборах. Крупнейший русский климатолог А. И. Воейков в своей известной статье «О климате Центральной Азии» почти целиком приводит результаты этих наблюдений и данную Певцовым характеристику климата Кашгарии. При этом А. И. Воейков отмечает: «известно, насколько экспедиция под его [М. В. Певцова.—Я. М.] начальством обогатила науку сведениями о Восточном Туркестане и соседних с ним странах».

Свои многочисленные метеорологические и климатические наблюдения в Нии и других местах этой части Западного Китая М. В. Певцов впоследствии обобщил в прекрасной статье «Климат Кашгарии», о которой мы подробнее еще будем говорить несколько дальше.

Едва ли не одним из важнейших результатов пребывания экспедиции в Нии явились этнографические описания, которым Певцов посвятил одну из глав своего отчетного труда.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов об этнографических исследованиях Певцова. Эти исследования представляют безусловный интерес и ценность для современной этнографии, но во многих своих частях они уже устарели и нуждаются в обработке на основании новейших научных положений. Читателю следует помнить, что пока Певцов производит, так сказать, зарисовки с натуры, пока он сообщает фактические сведения, — в нем проявляются и тонкая разносторонняя наблюдательность, и способности бытоописателя; но как только путешественник пытается вдаваться в область социальных или политических вопросов, немедленно сказываются присущие ему буржуазная ограниченность и незнание законов развития человеческого общества.

Длительное пребывание среди кашгарцев, с которыми у Певцова были самые искренние дружеские отношения, дало ему обильный фактический материал, на основании которого он сумел нарисовать яркую картину, изображающую быт, обряды и занятия этого народа.

Помимо общих этнографических описаний, мы находим у Певцова подробную характеристику сельского хозяйства Кашгарии: форм земле-

пользования, способов обработки земли, данные о вегетационном периоде для различных сельскохозяйственных культур и о величине урожаев по четырем округам этой страны. Певцов сообщает также краткие сведения о промышленности и кустарном производстве, внутренней и внешней торговле в Кашгарии.

Благодаря этим экономико-географическим исследованиям описания Певцова занимают особое место среди трудов других путешественников по Центральной Азии.

Из Нии М. В. Певцов с П. К. Козловым и К. И. Богдановичем совершил экскурсию на север в глубь Такла-макан к мазару Джафара, впервые определил географическое положение этого пункта и значительно пополнил сведения о южной окраине пустыни и долине реки Нии-дарья. Из Нии были также совершены самостоятельные экскурсии: Богдановичем — вдоль северного подножья Кунь-луня; Роборовским — на северо-восток через город Черчен к верховьям реки Черчен-дарья и далее до плоского перевала Гульджа-даван, ведущего на Тибетское нагорье.

Следующим «узлом» маршрутов экспедиции было расположенное у северного подножья хребта Русского урочище Кара-сай. Отсюда спутники Певцова сделали в поисках удобных проходов в Тибет две самостоятельные экскурсии. Роборовский пересек Кунь-лунь перевалом Сарыктуз и проник по Тибетскому нагорью на юг приблизительно на 85 км. П. К. Козлов поднялся по долине реки Бостан-тограк к озеру Дашикуль; отсюда он прошел к северо-востоку около 100 километров вверх по реке, впадающей в это озеро.

М. В. Певцов проделал в Кара-сае свою обычную серию астрономических, магнитных и барометрических наблюдений и произвел разнообразные географические исследования в окрестных районах.

Особое значение имеют результаты изучения М. В. Певцовым прохладных ветров, дующих из раскаленных пространств пустыни Такламакан. Это парадоксальное явление обратило внимание наблюдательного путешественника, и он использовал пребывание в Кара-сае для его исследования. Помимо подробного описания ветров Певцов дает на страницах своего отчета принципиально правильное объяснение природы этого явления.

Кроме самостоятельных экскурсий В. И. Роборовского и П. К. Козлова, М. В. Певцов совместно с ними проделал маршрут в совершенно не изученный район озера Дашикуль. Здесь Певцов первым из исследователей горных областей внутренней части Центральной Азии использовал геодезический способ триангуляций, с помощью которого очень точно измерил относительную высоту хребта Ак-таг.

Не менее интересным является и проделанное Певцовым вблизи Даши-куля измерение скорости распространения звука в разреженном воздухе на высоте 4 000 метров над уровнем океана*.

Следующие весьма важные географические исследования были произведены Певцовым между отрогами Кунь-луня — хребтами Алтын-таг и Пржевальского. В результате этих исследований обширная территория северной окраины Тибета получила на географических картах совершенно иные очертания.

Одновременно с этой экскурсией В. И. Роборовский, следовавший самостоятельным маршрутом, прошел к озеру Незамерзающему, откры-

* Подробное описание этого опыта помещено в Приложениях.

тому Пржевальским в его последнее путешествие, и тем самым сомкнул в этой части Кунь-луня его маршрут с маршрутом экспедиции Певцова.

Представляет безусловный интерес открытие и исследование Тибетской экспедицией Токсунской впадины — западной части обширной Турфанской депрессии.

Приблизительно за год до Певцова, в октябре 1889 года, экспедиция братьев Грумм-Гржимайло открыла Люкчунскую впадину — восточную часть той же, лежащей ниже уровня океана, Турфанской котловины*.

Открытие и исследование обширной депрессии, расположенной почти в самом центре Азиатского материка, имело огромное значение для науки. Оно пролиvalo свет на многие необъяснимые до тех пор климатические особенности самого Турфанского оазиса, а самое главное — давало новые возможности для проведения наиболее точных метеорологических наблюдений на всем Центральноазиатском нагорье.

До этого открытия, чтобы получить данные об изменении температуры под влиянием высоты, приходилось для сравнения брать показатели в пунктах, лежащих на берегах морей и имеющих, естественно, совершенно иные климатические особенности. Теперь же метеорологические изменения «на уровне океана» можно было производить в Турфанской впадине — почти в самом центре Азиатского материка.

Мы здесь вкратце остановились лишь на некоторых важнейших, на наш взгляд, результатах Тибетской экспедиции, подробно описанию которой посвящен уже упоминавшийся нами отчет М. В. Певцова — «Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах» (СПб., 1895 г.).

Еще не был написан этот отчет, еще не до конца были разобраны и обработаны коллекции, когда уже появилась статья известного русского геодезиста И. И. Стебницкого, дававшая наилучшую оценку исследовательским работам М. В. Певцова в Тибетской экспедиции: «...нельзя не притти к заключению, что Русское географическое общество, присудив ему высшую свою награду — Константиновскую медаль, воздаст лишь должное ученому и трудолюбивому географу-путешественнику»**.

* * *

*

Организм Певцова, успешно противостоявший жарам и морозам Центральноазиатского нагорья, испытанный в лишениях и тяжелом труде во время длительных путешествий, плохо переносил петербургские зимы. По возвращении из Тибетской экспедиции, М. В. Певцов начал часто болеть.

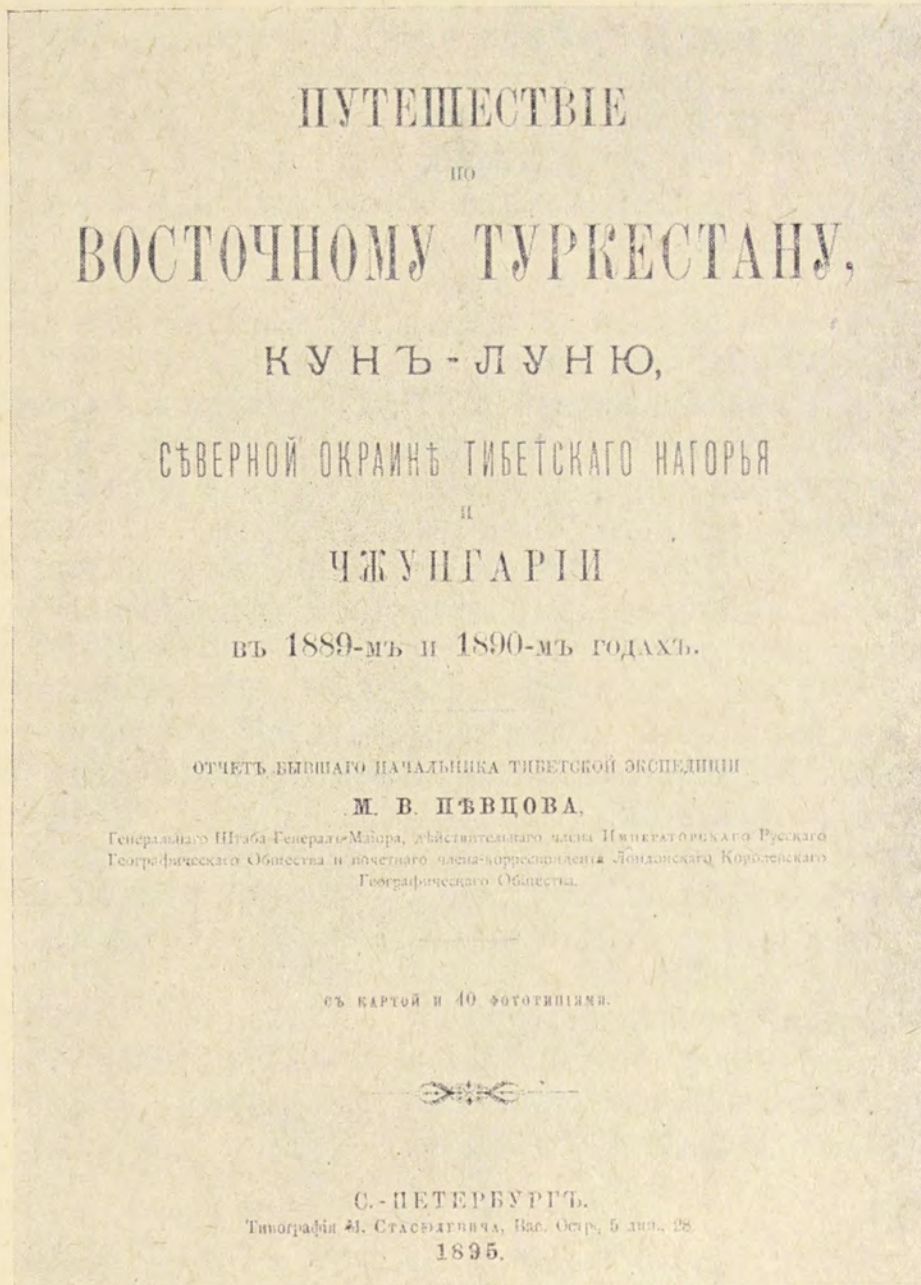
«Я третью зиму хвораю инфлуэнцией, — писал М. В. Певцов в одном из своих писем от 20 марта 1897 г., — от которой не могу никакими способами и средствами избавиться... Остается одно —

* В 1893 г. В. И. Роборовский по заданию Русского географического общества подробно обследовал всю Турфанскую котловину и установил в Люкчуне метеорологическую станцию, производившую там в течение двух лет систематические наблюдения.

** Отчет Русского географического общества за 1891 г.

убраться отсюда заблаговременно, что, по всей вероятности, придется сделать нынешней весной...».

Однако различные обстоятельства не дали М. В. Певцову выполнить это намерение, и он до конца своих дней прожил в Петербурге.

Титульный лист первого тома Трудов Тибетской экспедиции

Закончив работу над отчетом об экспедиции, М. В. Певцов попрежнему все свое свободное время посвящал занятиям любимыми науками—геодезией, географией и астрономией.

В 1894 году в «Метеорологическом Вестнике» появляется статья М. В. Певцова «Климат Кашгарии (Восточного Туркестана)». Интересные сведения, которые приводит в ней путешественник, и до сих пор являются почти единственными для суждения о климате этой части Центральной Азии. Особый интерес представляет описание частых не только в Восточном Туркестане, но и во многих других местах Центральной Азии (а в пределах Советского Союза — в Средней Азии и на Украине), пыльных бурь.

«Пыльные туманы,— пишет Певцов,— весьма обыкновенное явление в Кашгарии. Образование их обуславливается всецело ветрами, и потому бурные месяцы, особенно февраль, имеют наибольшее число дней с сухими [пыльными.—Я. М.] туманами. После каждой сильной бури, сопровождающейся всегда неизбежно страшной пыльной мглой, во время которой бывает иногда трудно читать среди дня на дворе, сухой туман, несмотря на следующую за ней абсолютную тишину, продолжается еще двое или трое суток. В течение этого времени сверху постоянно, но очень медленно и незаметно осаждается тончайшая минеральная пыль, носившаяся долго в воздухе. Она покрывает иногда поверхность земли слоем от двух до четырех линий толщиной, и на этой минеральной пороше явственно отпечатываются следы людей и животных».

В статье также приводятся сведения о направлении господствующих ветров, данные измерений температуры и влажности воздуха, сроки покрытия льдом рек и озер и общая характеристика выпадающих в Кашгарии атмосферных осадков.

Огромный опыт, приобретенный М. В. Певцовым в барометрических измерениях высот во время путешествий, он обобщил в статье «О барометрическом нивелировании», опубликованной в XXIX томе «Записок» Русского географического общества (1896 г.). Несколько позже Певцов опубликовал другую свою статью «Список пунктов внутренней Азии, высоты которых определены посредством барометров» (XXXI том «Записок» Русского географического общества). Эти статьи и сейчас еще являются весьма ценным руководством как для географов, изучающих Центральную Азию, так и для составителей географических карт.

В это же время М. В. Певцов занимался исследованием многих вопросов из области астрономии.

В 1901 году в «Известиях» Русского астрономического общества была помещена его статья «Сокращенный способ предвычислений покрытий неподвижных звезд Луной и солнечных затмений для данных мест».

Это был последний печатный труд М. В. Певцова. Частые болезни, становившиеся год от года все тяжелее и продолжительнее, надломил силы путешественника, и 25 февраля 1902 года, после недолгой, но тяжелой болезни, М. В. Певцов скончался.

* *

*

Заканчивая этот очерк жизни и географической деятельности М. В. Певцова, хочется привести несколько мест из прекрасной сравнительной характеристики, данной академиком В. А. Обручевым трем крупнейшим исследователям Центральной Азии.

«Когда будет написана история географических открытий и исследований во Внутренней Азии во второй половине XIX века, на ее страницах займут почетное место и будут поставлены рядом имена трех русских путешественников — Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова».

«Если нанести маршруты всех троих на одну и ту же карту, мы увидим, что Внутренняя Азия будет искрещена ими в разных направлениях, и не останется ни одной страны, кроме южной половины Тибета, где бы не пролегал маршрут хотя бы одного из них».

«Трудно даже решить вопрос, кто из них сделал больше другого,

кому отвести первое место, кому второе, кому третье как исследователям Внутренней Азии. Правильный ответ будет такой: для одних стран сделал больше Потанин (например, для Северной Монголии, Ордоса, восточной окраины Тибета), для других — Пржевальский (для Алашаня, Цайдама, Сев. Тибета), для третьих — Певцов (для Джунгарии, Зап. Куэн-луня). Но и Потанин, и Пржевальский собрали много данных о Джунгарии, Пржевальский — об Ордосе, Певцов — о Северном Тибете и т. п.».

«Путевые отчеты всех трех пионеров являются настольными книгами современного натуралиста, занимающегося изучением природы и жителей Внутренней Азии, не только географа и этнографа, но и геолога, зоолога, ботаника, даже климатолога и археолога»*.

* * *

Предлагаемая читателю книга представляет собой второе издание отчетного труда М. В. Певцова о его путешествии по Кашгарии и Кунь-луню в 1889—1891 годах.

При переиздании редакция сочла целесообразным опустить первую главу труда, посвященную краткому обзору истории Восточного Туркестана, как не относящуюся непосредственно к путешествиям автора и содержащую местами уже устаревший и не всегда достаточно верный исторический материал. Сокращению подверглись также некоторые, небольшие по размерам, случайные и неправильные по существу, социально-бытовые характеристики, приведенные Певцовым с чужих слов, а не на основании собственных наблюдений. Кроме того, очень незначительно сокращено приложение I (астрономические наблюдения) за счет подробного, интересного только для специалиста, объяснения математических способов, применявшихся автором при вычислении географических координат.

В этом издании мы сохранили, как в тексте, так и на приложенной карте, принятую Певцовым транскрипцию географических названий. Лишь в очень редких случаях, когда название в первом издании не соответствовало уже твердо установившемуся в географической литературе и на современных картах единому написанию, были произведены соответствующие изменения**.

* Академик В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин, М.—Л., 1947 г.

** Например заменено: Хласса на Лхаса, Чжунгария на Джунгария, Тэрскей-ала-тау на Терскей Ала-тау и т. д. Однако, повторяем, подобных изменений очень немного, они почти исчерпываются приведенными примерами.

Во времена М. В. Певцова не было еще окончательно установившегося названия для областей, объединяемых ныне термином Центральная Азия и он их в своих трудах называет «Внутренней», «Центральной», а иногда и «Средней Азией».

Территориальное определение географического понятия «Центральная Азия» претерпевало изменения по мере возрастания изученности внутренних частей Азиатского материка. До экспедиций Русского географического общества последней четверти XIX века под этим названием объединяли чрезвычайно различные по своей геологической истории и современному географическому облику огромные пространства основного массива южной половины Азии, за исключением ее приокеанических низменностей и полуостровов.

В советской географической науке принято понимать под термином «Центральная Азия», согласно определения В. А. Обручева, территорию, которую ограничивает на севере и западе государственная граница СССР, на востоке — водораздел хребта Большой Хинган, на юге — Великая Китайская стена до города Ланьчжоу (Гаолян, провинция Ганьсу) и далее подножие хребта Кунь-лунь.

Примечания автора нами оставлены на страницах под текстом, так же как и небольшие комментарии, подписанные — *Прим. ред.* и принадлежащие, повидимому, П. П. Семенову-Тян-Шанскому, под наблюдением которого проходило первое издание этого труда.

Наши примечания, расположенные в порядке номеров от 1 до 52, помещены в конце книги и соответствуют цифровым индексам в тексте*. В этих комментариях мы стремились пояснить и дополнить в свете современных географических представлений научные сведения, сообщаемые автором.

Настоящее издание ставит своей целью познакомить широкие круги советских географов и интересующихся природой Центральной Азии читателей других специальностей с описанием наиболее крупной экспедиции М. В. Певцова.

В этом труде, который заслуженно может быть отнесен к классическим произведениям русской научной географической литературы, с наибольшей полнотой и силой проявились дарования М. В. Певцова — разностороннего и наблюдательного исследователя-географа, путешественника и писателя.

Читатель не только с пользой, но и с большим интересом прочтет эту книгу, излагающую простым и ясным языком обширный познавательный материал, который в значительной части сохранил свое научное значение и в наше время.

Я. МАРГОЛИН

* Краткие пояснения, которые мы считали необходимым дать непосредственно в самом тексте книги, заключены в квадратные скобки [].

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 октября 1888 г. в городе Караколе (ныне Пржевальск) Семиреченской области скончался наш знаменитый путешественник Н. М. Пржевальский. Преждевременная смерть постигла его лишь за несколько дней до начала предстоявшего ему нового, многотрудного путешествия по Центральной Азии. Пржевальский во главе большой, хорошо снаряженной экспедиции намеревался пройти чрез Восточный Туркестан в Тибет, исследовать сначала совершенно неизвестную северо-западную часть этой высокой земли, потом проникнуть, если окажется возможным, в Лхасу, а оттуда на восток, в страну Кам, привлекавшую его как страстного натуралиста своей богатой растительной и особенно животной жизнью. Но этому заветному научному предприятию Николая Михайловича не суждено было осуществиться: простудившись еще на пути в исходный пункт экспедиции, в окрестностях Пишпека, он заболел брюшным тифом и через две недели отошел на вечный покой почти на рубеже той обширной страны, исследованию которой им были посвящены многие годы его страннической жизни.

Начальство над осиротевшей по смерти Н. М. Пржевальского экспедицией было возложено на меня. В личный состав ее, сверх избранных покойным себе сотрудников—поручика В. И. Роборовского и подпоручика П. К. Козлова—был включен еще, по желанию Русского географического общества, геолог, горный инженер К. И. Богданович; конвой же экспедиции, вследствие сокращения первоначального плана предприятия, уменьшен на 13 человек.

Задача реорганизованной таким образом экспедиции, поставленная Русским географическим обществом по соглашению с военным министерством, заключалась главным образом в исследовании крайнего хребта Кун-лунь на пространстве от верховьев реки Юрун-каш до меридиана озера Лоб-нор и прилежащей к нему на юге полосы Тибетского нагорья, приблизительно до параллели 35°. При этом выступление экспедиции из Пржевальска, по причине необычайно снежной зимы в Тяньшане и завалов в горных проходах, было отложено до весны 1889 г., а пребывание ее за границею рассчитано на два года.

По назначении в декабре 1888 г. начальником экспедиции, я начал готовиться к путешествию и прежде всего знакомиться по доступным мне источникам с теми странами, которые нам предстояло посетить. В этом деле мне много помог наш известный синолог доктор Э. В. Бретшнейдер, скопировавший для меня из китайского атласа издания 1863 г. карты Восточного Туркестана, Джунгарии и Северо-западного Тибета, в масштабе 26 верст в дюйме, с переводом всех названий на русский язык. Кроме того, он сделал для меня извлечение из новейшей китайской географии «Си-юй-ту-чжи» о горах Восточного Туркестана и составил список сочинений европейских авторов об этой стране и о Тибете.

В течение трех месяцев, оставшихся до отъезда из Петербурга, я успел несколько познакомиться с Восточным Туркестаном по сочинениям: Иакинфа, Риттера, Валиханова, Шау, Форсайта, Беллью, Куропаткина, Пржевальского, Громбчевского, Зеланда и отчету нашего консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского за 1885 г. *1.

Что же касается Северо-западного Тибета, то об этой стране не только в европейских, но и в китайских источниках, просмотренных нашими синологами Э. В. Бретшнейдером и В. П. Васильевым, не нашлось никаких сведений. В рукописном географическом обозрении Тибета, составленном по тибетским источникам академиком В. П. Васильевым, которым он любезно разрешил мне пользоваться, я тоже не нашел никаких сведений о северо-западной части этой страны, кроме общего указания, что она очень высока и отличается суровым климатом.

Кроме предварительного ознакомления с помянутыми странами, мне в течение того же короткого периода времени приходилось заниматься еще исследованием инструментов, вычислением эфемерид и приобретением необходимых для путешествия вещей.

21 марта 1889 г. я вместе с геологом экспедиции К. И. Богдановичем выехал из Петербурга. В Москве к нам присоединились В. И. Роборовский и П. К. Козлов, вызванные из Пржевальска еще в феврале, и 24 марта мы все вместе отправились в этот город. Путь наш пролегал через Владикавказ, Тифлис, Баку и Каспийское море в Узун-ада, а оттуда по Закаспийской железной дороге через Ашхабад, Мерв, Чарджуй и Бухару в Самарканд. Из этого последнего мы ехали уже на почтовых лошадях чрез Ташкент, Чимкент, Аулие-Ата и Пишпек до Пржевальска, куда прибыли 20 апреля.

Снаряжение экспедиции было почти окончено еще при жизни

* Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб., 1829.

Риттер. Землеведение. Восточный, или Китайский Туркестан. Вып. 1 и 2. Перевод с примечаниями и дополнениями В. В. Григорьева. СПб., 1869 и 1873.

Валиханов. О состоянии Алтышара. Записки Русского географического общества, 1861, кн. 3.

Р. Шау. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб., 1873.

Report of a mission to Yarkand 1873 under command of sir T. D. Forsyth. Calcutta, 1875.

Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре, 1873—1874. СПб., 1877.

Пржевальский. Четвертое путешествие в Центральной Азии. СПб., 1888.

Куропаткин. Кашгария. СПб., 1879.

Громбчевский. Отчет о поездке в Кашгар в 1885. Маргелан, 1886.

Петровский. Отчет консула в Кашгаре, 1885.

Зеланд. Кашгария и перевалы Тянь-шаня. Записки Зап.-сиб. отд. Геогр. общ., кн. IX, Омск, 1887.

Н. М. Пржевальского и по осмотре найдено мною в отличном состоянии. Выбор людей для конвоя, сделанный им самим, был также вполне удачный. Оставалось только купить лошадей, построить палатки, юрты и запастись на первое время продовольственными продуктами, на что потребовалось около трех недель.

10 мая все приготовления были окончены, и 13-го числа того же месяца экспедиция тронулась в далекий путь. В состав ее, кроме меня и трех моих сотрудников, входили переводчик, препаратор, 12 нижних чинов конвоя, два проводника и несколько погонщиков из киргизов, а животные экспедиции состояли из 88 верблюдов, 22 лошадей, 100 овец для пищи и трех сторожевых собак.

По составленному заблаговременно маршруту я наметил для экспедиции путь через Восточный Туркестан в Тибет по местностям, частью вовсе не исследованным еще европейскими путешественниками, частью — лишь местами. По этому маршруту экспедиция направилась через перевал Бедэль на юго-восток и, достигнув реки Яркенд-дарья, повернула по ней на юго-запад в Яркенд. Оттуда мы следовали по большой хотанской дороге на юг до Каргалыка, из которого, по случаю наступления сильных жаров, должны были свернуть на юго-запад, в горы Кун-луня, и пробыть в них на урочище Тохта-хон до сентября. Из этой местности экспедиция направилась 1 сентября прямым путем опять на большую хотанскую дорогу и, выйдя на нее в селении Гума, следовала по ней до самого Хотана, откуда через Чиру и Керию перешла в селение Ния и там расположилась на зимнюю квартиру, совершив предварительно экскурсию на юго-восток, в Кун-лунь, для отыскания проходов через этот окраинный хребет на Тибетское нагорье.

Весна, лето и часть осени 1890 г. были посвящены исследованию юго-восточной окраины Кашгарской котловины, Кун-луня и прилежащей к нему на юге полосы Тибетского нагорья на протяжении от верховьев реки Керия-дарья до меридиана озера Лоб-нор. В начале октября экспедиция спустилась с этого нагорья к озеру Лоб-нор и затем через Курлю, Карашар, Токсун, Урумчи, Хотубей, минуя озеро Телли-нор и кумирню Матэня, вышла 3 января 1891 г. в Зайсанский пост.

Произведенные мною и моими сотрудниками за границей исследования доставили нижеследующие результаты.

Снято лично мной посредством легкой мензулы и кипрегеля маршрутной глазомерной съемки, в масштабе 5 верст в дюйме, около 5 500 верст. Моим помощником В. И. Роборовским во время его экскурсий в стороны от магистрального пути экспедиции снято буссолю такой же съемки в масштабе 10 верст в дюйме около 2 500 верст и 5 верст в дюйме — до 200 верст. Другим моим помощником, П. К. Козловым, тоже во время боковых экскурсий, снято в масштабе 10 верст в дюйме около 300 верст и 5 верст в дюйме — 250 верст. Геолог экспедиции К. И. Богданович во время своих экскурсий отдельно от экспедиции снял буссолю в масштабе 10 верст в дюйме около 1 500 верст. Следовательно, членами экспедиции сделано маршрутной глазомерной съемки около 10 250 верст и измерено ртутным барометром, пипсотермометром и anerоидом 335 высот.

Пассажным инструментом, двумя столовыми и тремя карманными хронометрами мною определены широты и долготы 34 пунктов на пути экспедиции, причем в 10 из них сделаны еще магнитные наблюдения. В. И. Роборовский во время своих экскурсий определил малым

универсальным инструментом и двумя карманными хронометрами географическое положение 13 пунктов.

На соби́рание географических и этнографических сведений мною было обращено особое внимание. С этой целью я старался опрашивать повсюду как можно больше туземцев, проверять их показания перекрестными допросами и заносить немедленно в дневник.

Геолог экспедиции К. И. Богданович, кроме наблюдений на пространстве около 4 000 верст, пройденных вместе с экспедицией, производил еще геологические исследования на протяжении около 2 000 верст во время своих отдельных экскурсий, преимущественно в горы. Собранная им богатая коллекция горных пород и почв поступила в Музей геологического комитета и будет, вероятно, в скором времени разработана.

Зоологическая коллекция экспедиции, переданная в Музей Академии наук, состоит из 60 видов млекопитающих (в числе 200 экз. шкур с черепами), 220 видов птиц (около 1 200 экз.), 11 видов рыб (до 100 экз.), 20 видов земноводных и пресмыкающихся (до 80 экз.) и около 200 видов насекомых, почти исключительно жесткокрылых, которых взял на себя труд описать вице-председатель Русского географического общества П. П. Семенов.

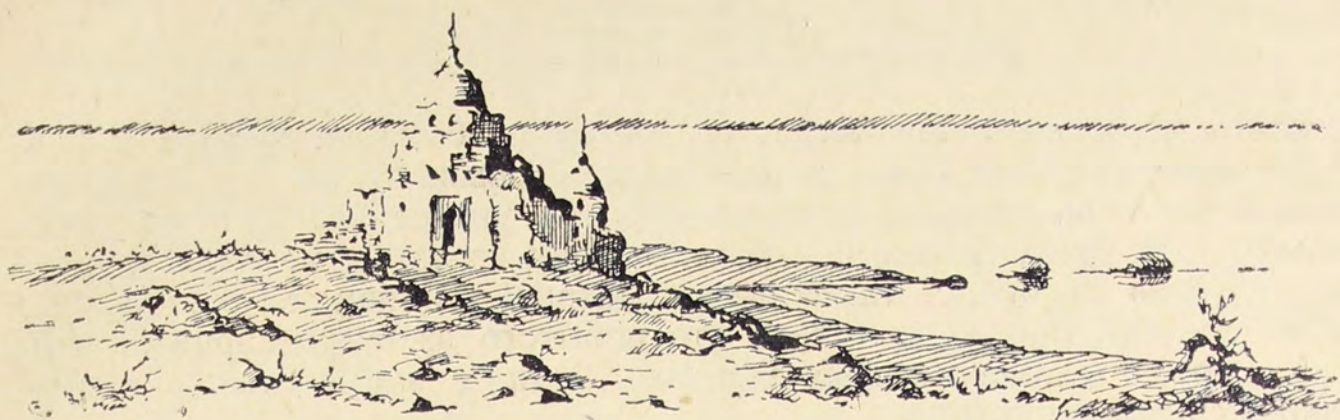
Гербарий экспедиции, содержащий в себе до 700 видов растений (в числе около 7 000 экз.), поступил в Ботанический сад.

Таких результатов экспедиция могла достигнуть только благодаря ревностному исполнению моими сотрудниками — В. И. Роборовским, П. К. Козловым и К. И. Богдановичем — лежавших на них обязанностей.

Представляя в настоящей книге на суд читателей описание нашего путешествия, считаю долгом принести искреннюю признательность: российскому консулу в Кашгаре Н. Ф. Петровскому и секретарю консульства Я. Я. Лютшу за их попечение и содействие, оказанные экспедиции во время пребывания ее в пределах Восточного Туркестана; директору Зоологического музея Академии наук Ф. Д. Плеске за определение собранных экспедицией птиц; ученым консерваторам того же музея С. М. Герценштейну и Е. А. Бюхнеру за определение первым рыб и вторым добытых экспедицией млекопитающих, а также нашим синологам академику В. П. Васильеву и доктору Э. В. Бретшнейдеру за их содействие в предварительном ознакомлении с Восточным Туркестаном и добрые советы и астроному Главной обсерватории Ф. Ф. Витраму, исследовавшему положение тех звезд, затмения которых были наблюдаемы мною для получения абсолютных долгот опорных пунктов.

С.-Петербург 12 апреля 1894 г.

М. ПЕВЦОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ ПРЖЕВАЛЬСКА ДО ЯРКЕНДА

Отъезд из Пржевальска. — Долина южного берега озера Иссык-куль. Развалины на дне этого озера. — Ущелье и перевал Барскоун. — Следование по сырту. — Перевал Бедэль. — Спуск с хребта Кок-шал на юг, в Кашгарию. — Переправа через реку Таушкан-дарья. — Переход через хребет Кара-тэке. — Теснина Дунгарет-мё-агазы. — Контраст во флоре и фауне северного и южного склонов этого хребта. — Селение Калпын. — Очерк Кашгарию. — Путь экспедиции по солончаковой пустыне до станции Якка-худук. — Первобытный лес и болото Лалмой. Движение вверх по долине реки Яркенд-дарья. — Природа этой долины. — Прибытие в Яркендский оазис.

Четырнадцатого мая 1889 г. я с Роборовским и Козловым*, напутствуемые пожеланиями наших знакомых счастливого пути и благополучного возвращения на родину, отправились из Пржевальска в экипажах до ближайшей попутной деревни Сливкиной, отстоящей в 40 верстах к западу. Караван же наш, в составе 14 нижних чинов конвоя, 22 лошадей, 80 порожних верблюдов экспедиции и 50 наемных с багажом, выступил по той же дороге накануне, и мы должны были догнать его в Сливкиной.

Дорога из Пржевальска в деревню Сливкину идет по высокой степной долине, расстилающейся между хребтом Терскей Ала-тау и озером Иссык-куль от 15 до 20 верст в ширину. В этой долине, верстах в 20 к западу от Пржевальска, в местности Койсары, на дне Иссык-куля, находятся развалины небольшого древнего города, лежащие близ южного берега озера на глубине около пяти футов. Строения, от которых сохранились только немногие основания до двух футов толщины, были сложены из превосходного кирпича небольшого формата и украшены

* Геолог экспедиции К. И. Богданович направился еще 6 мая через Нарын и Ат-баш в Кашгар, чтобы осмотреть третичные образования окрестностей озера Чатыр-куль. Из Кашгара он прошел в Янги-гиссар, а оттуда на запад, в горы Сары-кол, из которых проехал в Яркенд и встретил экспедицию близ селения Аксак-марал.

отчасти изразцами. Несмотря на долгое пребывание в воде и разрушительное действие волн, в развалинах добывают поныне совершенно целые кирпичи, которые местные киргизы употребляют на сооружение памятников своим близким кровным. Один из таких мавзолеев, строившийся близ дороги, я тщательно осматривал и немало изумлялся необыкновенной прочности только что добытого из озера кирпича, весьма сходного по размерам, форме и плотности с знаменитым китайским обожженным кирпичом.

По словам многих спрошенных мною киргизов, в этих развалинах нередко находят обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, а также хорошо сохранившиеся человеческие черепа и толстые кости. От одного из спрошенных мною киргизов по имени Джеламана, весьма любознательного и правдивого, я получил в подарок две медные, очень древние монеты, найденные в развалинах.

Деревня Сливкина, основанная лет 30 тому назад переселенцами из Европейской России, имеет 140 дворов и 500 жителей, которые, благодаря избытку земли и плодородию почвы, пользуются полным благосостоянием. Нас поместили в чистой, хорошо убранной комнате и угощали сытным ужином, а караван остановился в поле, за селением.

Утром мы отправились к каравану пешком в сопровождении большой толпы народа, собравшейся провожать экспедицию. Перед выступлением мы простились с последними на пути русскими людьми, искренно пожелавшими нам благополучного возвращения в родную страну. Некоторые из жителей Сливкиной провожали экспедицию версты три от селения и трогательно простились с нами.

Дорога от Сливкиной идет на запад по той же степной долине, в которой нередко встречались киргизские пашни и тучные пастбища. В 16 верстах от деревни мы остановились на ночлег у ручья; вечером поднялся сильный ветер, продолжавшийся до утра. На озере, отстоявшем в трех верстах от нашего лагеря, всю ночь бушевали волны и к утру на плоском его берегу образовался высокий белый вал из пены, исчезнувший только после полудня, когда озеро успокоилось.

На следующей станции степная долина между хребтом и озером, по которой пролегает дорога, суживается и часто пересекается глубокими лощинами, загроможденными массивными валунами. Поэтому дорога становится затруднительнее и в конце станции приближается к плоскому берегу озера, покрытому сплошь крупными кругляками.

Третью ночь мы провели на берегу Иссык-куля близ устья впадающей в него маленькой речки. Вода в озере слегка горько-соленая, негодная для питья, но скот пьет ее охотно; для кушанья же ее можно употреблять за неимением лучшей, да и то, по всей вероятности, только в течение непродолжительного времени.

От ночлежного места на берегу озера караван прошел еще верст 12 по долине, пересекая балки, усеянные валунами и крупными кругляками, а потом повернул к югу и направился вверх по речке Барскоун, текущей с хребта Терской Ала-тау в озеро Иссык-куль. Вскоре мы вступили в живописное ущелье этой речки и, пройдя по нему верст 10, остановились на ночлег у нижней границы елового леса, на прекрасном лугу, обильно орошенном источниками.

Южнее и выше ночлежного места простиралась зона елового леса, покрывающего, впрочем, только северные склоны гор, а южные пока-

тости их безлесны*. Дно же самого ущелья покрыто густым еловым лесом и усеяно массивными валунами. В этом глухом лесу шумно струится речка Барскоун в каменном ложе, ниспадающем местами ступенями, и рокот ее далеко разносится по лесной чаще.

Пробираясь на следующий день медленно вверх по ущелью узкой тропой, извивающейся среди валунов, мы встретили неожиданно поперечный ров глубиной в два с лишком аршина и шириной около четырех аршин. Судя по свежести выемки, он был лишь несколько дней тому назад прорыт могучим временным потоком, вырвавшимся, вероятно, из временной же естественной запруды на соседней высоте. У этой преграды мы должны были остановиться и для беспрепятственного перехода через ров срезать лопатами его крутые обрывы.

На той же станции мы миновали чудный каскад, низвергающийся совершенно отвесно саженой 15 со скалы левого бока ущелья и переходящий ниже в бешеный поток, который с изумительной быстротой и ревом несется по крутизне в речку.

В ущелье Барскоун на всем его протяжении, до самых верховьев орошающей его речки того же названия, не выходит ни одна побочная теснина, а потому речка не имеет ни одного значительного притока.

Бока этого сумрачного ущелья очень круты и высоки; густой еловый лес, покрывающий его дно, еще более усиливает господствующий в нем мрак.

В верховьях речки ущелье переходит в узкую долину, свободную от леса, который покрывает только соседние горные склоны до высоты 10 000 футов. В этой долине, ввиду предстоявшего трудного перехода через гребень хребта Терской Ала-тау, экспедиция остановилась на дневку. Рано утром я отправил вперед двух казаков с проводником для осмотра перевала Барскоун, на котором, по уверению сопровождавших нас киргизов, должен был лежать еще снег. По осмотре оказалось, что перевал действительно покрыт снегом глубиной более аршина; для исправления пути мною в тот же день были отправлены вперед девять человек с 25 свободными верблюдами. Проложив с большим трудом дорогу, они возвратились в лагерь уже поздно вечером.

Утром 21 мая отправлены были вперед 10 человек со всеми порожними 88 верблюдами для проложения дороги за перевалом, а часом позже последовала за ними экспедиция. Из узкой долины мы поднялись по весьма крутому склону на высоту и, пройдя несколько верст по косоугору, начали восхождение на перевал по траншее в снегу, проложенной нашими людьми. Подъем, несмотря на умеренную крутизну, был очень труден: верблюды с выюками поминутно проваливались и падали; чтобы поднять их нужно было сначала развьючить, потом освобожденных от выюков укладывать на более твердое место, а багаж переносить на руках и снова навьючивать. По такой мучительной дороге мы прошли за пять часов не более двух верст и, спустившись немного с вершины перевала, остановились на ночлег в долине, покрытой таким же глубоким снегом**. Передовые наши люди, вернув-

* На северных склонах видно было много засохших лесов, в которых часть мертвых деревьев еще держалась на корне, а другая уже лежала.

** Вершина перевала Барскоун, по моему измерению, поднимается на 12 220 футов над уровнем моря.

шиеся в лагерь вечером, успели в этот день проложить дорогу вперед только на протяжении двух верст от вершины перевала.

Благодаря ночному морозу, скрепившему снег, первые три версты от перевала мы прошли по широкой нагорной долине беспрепятственно; но потом, когда стало теплее, верблюды с вьюками начали проваливаться и повторились те же мучения, как и накануне. Солнце, показывавшееся по временам из-за облаков, сильно пекло в этой высокой долине, а когда скрывалось — становилось холодно и часто падала крупа. В сумерки мы свернули на восток к горе, свободной от снега, и достигли с большим трудом ее подошвы, когда уже стемнело, пройдя в этот памятный день с 8 часов утра до 8 часов вечера только девять верст. На склоне горы, по счастью, нашлось немного прошлогодней травы для наших животных, голодавших почти двое суток. От яркости света, отражаемого белым снеговым покровом, почти у всех нас разболелись глаза.

Вечером мы совещались о направлении дальнейшего пути. По мнению наших проводников, нам нужно было продолжать путь сначала по той же нагорной долине на юг, а потом через хребет по перевалу Суёк. Но так как на этой долине и замыкающих ее на юге горах, через которые пролегает прямая дорога, повсюду был виден снег, то я не решился последовать их совету без предварительной рекогносцировки.

Взобравшись утром на вершину горы, мы увидели оттуда на юго-востоке долину, почти совершенно свободную от снега. При тщательном обозрении ее в бинокль, я тут же решил направить экспедицию круглым путем по этой долине. Караван, предшествуемый длинной вереницей свободных верблюдов, обогнул гору и вступил в помянутую долину, представляющую юго-восточное продолжение широкой нагорной долины, по которой мы следовали накануне. Эта нижележащая долина орошена речкою Арабель, получающею начало близ перевала и собирающею в себя в верховьях множество притоков. В нижней долине Арабели мы встречали только местами небольшие полоски мелкого снега, да и то лишь на первой половине станции, а на второй, благодаря значительному понижению долины, его уже вовсе не было, но зато каравану нередко приходилось пересекать топкие лощины.

На ночлежном месте, лежащем гораздо ниже предыдущего, было достаточно прошлогодней травы для наших отощавших животных, а на низких местах показывалась уже свежая зелень. С этого места мы оставили речку Арабель, текущую далее в теснине, и направились севернее ее по волнистой местности, в которой миновали несколько малых озер, еще покрытых посиневшим льдом. В конце перехода экспедиция вышла на караванную дорогу, ведущую из Пржевальска через перевалы Зауке или Кашка-су и Бедэль в Кашгарию, и по ней спустилась снова в долину речки Арабель, в которой разбила палатки для ночлега на зеленом лугу, украшенном яркими цветами.

Караванная дорога пролегает не более 10 верст вниз по долине речки Арабель, которая на этом протяжении огибает горы с востока и потом течет на юго-запад. Дорога же направляется от реки на юг и пересекает плоский хребет, простирающийся в одном направлении с Арабелью.

Пройдя первую половину станции по долине Арабели, а вторую по волнистой местности, мы ночевали у северного подножья помянутого плоского хребта.

Подъем на этот хребет с севера по перевалу Ак-бель очень отлог, но зато длинен. Последние четыре версты до вершины перевала мы шли по снегу, который был, однако, неглубок. Спуск с хребта на юг, бывший в то время совершенно свободным от снега, значительно короче и круче подъема с севера.

К югу от помянутого плоского хребта простирается высокая и весьма волнистая земля, называемая местными киргизами сыртом (спина). Она покрыта пологими, переплетающимися между собою ветвями Тянь-шаня, между которыми залегают пространные долины и котловины с солонцеватой почвой. В общем же в этой высокой земле преобладает все-таки форма равнины. Древесной растительности, кроме немногих низкорослых кустарников, в ней вовсе нет. Плоские хребты ее большею частью пустынные, но в междугорных долинах и котловинах, а отчасти в ущельях и лощинах самых хребтов встречаются очень хорошие пастбища, на которых преобладают повсюду кипец (*Stipa orientalis*) и осока (*Carex* sp.?). Эти пастбища привлекают в летнее время на сырт множество киргизов со стадами скота, который, благодаря обилию подножного корма, а также отчасти отсутствию жаров и насекомых, очень хорошо откармливается в описываемой высокой земле.

В горах сырта и в особенности в главном хребте Тянь-шаня, Кок-шале, окаймляющем эту высокую землю с юго-востока, водятся много диких горных баранов (*Ovis Poli*)². На пути по ней мы ежедневно замечали близ дороги черепа этих животных с массивными, хорошо сохранившимися рогами. В главном хребте живут также во множестве улары (*Megaloperdix himalayanus*) — колоссальные горные куропатки, величиною с молодую индейку, мясо которых очень вкусно и считается у киргизов лакомым блюдом.

В течение трехдневного следования по сырту мы, кроме маленького каравана, шедшего из Пржевальска в Ак-су, не встречали вовсе людей. На третий день экспедиция достигла северного подножья главного хребта, Кок-шала, и остановилась в узкой долине, близ перевала Бедэль, на ночлег. Эта высокая долина в то время казалась очень печальной: в ней не видно было ни млекопитающих, ни птиц и даже насекомых; вокруг царил мертвая тишина, нарушавшаяся только журчанием орошающей ее речки.

По прибытии экспедиции к подножью Кок-шала, я в тот же день послал двух казаков с проводником для осмотра перевала Бедэль. Оказалось, что на северном его склоне на протяжении около двух верст лежал еще глубокий снег, а потому на следующий день утром я отправил туда четырех человек с порожними верблюдами для проложения дороги, которые возвратились вечером. На рассвете пошел большой мокрый снег, продолжавшийся до полудня и задержавший экспедицию еще на день в долине.

30 мая рано утром я отправился с одним казаком вперед на перевал для измерения его высоты, а караван выступил часом позже. Дорога первые пять верст поднимается постепенно по узкой долине, потом идет по косогору, на котором встречается несколько крутых подъемов и, наконец, восходит по крутому склону на вершину перевала. Ночной мороз прочно скрепил снег, лежавший на северном склоне перевала, а потому мы беспрепятственно достигли его вершины, поднимающейся до 13 860 футов над уровнем моря³. С этой высоты при ярком сиянии солнца и полном отсутствии облаков небесный свод казался окрашенным в

очаровательный темноголубой цвет. Измерив высоту перевала, мы, не ожидая каравана, последовали далее. Спуск на юг несравненно круче подъема с севера и только благодаря зигзагам, описываемым на нем дорогою, доступен для караванов.

С перевала дорога спускается в долину и, пройдя по ней версты две, снова вьется зигзагами по крутизне к речке Бедэль. Проходя по этой высокой долине, мы любовались величественным зрелищем: с южного склона хребта неслись по чрезвычайно крутым лощинам мутные притоки речки Бедэль, казавшиеся издали желтыми лентами, которые, извиваясь прихотливо по крутизнам, спускались в глубокую долину названной речки. Юго-восточный склон станового хребта тяньшанской системы — Кок-шала, замыкающего сырт со стороны Кашгарии, несравненно круче северо-западного и притом, как во всех окраинных хребтах, гораздо длиннее внутреннего склона, обращенного к высокой земле.

Караван, подошедший к перевалу только перед полуднем, когда солнце уже сильно грело, встретил большие препятствия: верблюды беспрестанно проваливались в рыхлый снег, и их приходилось перевыучивать. К ночи только небольшую часть вьючных верблюдов успели перевести с большими усилиями через перевал, а остальные ночевали близ вершины Бедэля на свободной от снега площадке, где с ними провели ночь почти все наши люди. Переход через Бедэль оставшей части каравана продолжался весь следующий день, и только поздно вечером прибыли в лагерь за перевалом последние верблюды. Наши люди в оба эти дня страшно измучились, но никто из них не упал духом.

После многотрудного перехода через хребет Кок-шал я счел необходимым сделать дневку на сборном месте за перевалом, в долине речки Бедэль. В той же долине, близ нашего лагеря, стоял большой караван из Уч-турфана, следовавший с бумажными тканями в Пржевальск и ожидавший освобождения Бедэля от снега.

От подножья перевала мы спускались по узкой долине речки Бедэль, которая на протяжении первой станции имеет весьма сильное падение. В верхнем течении речки долина местами значительно суживается и, в противоположность ущелью Барс-коун, принимает в себя много побочных теснин, по которым стремятся притоки этой речки. На первом же переходе, верстах в 20 от перевала, стали встречаться кустарники: барбарис, жимолость, ива и другие, отсутствующие в верховьях долины. Вода в речке ежедневно с 3 до 8 часов пополудни значительно прибывала от таяния снега на высоких вершинах Кок-шала и окрашивалась в желтый цвет. Температура воздуха на юго-восточном склоне главного хребта, по мере понижения долины, быстро повышалась, и повсюду замечалось полное пробуждение растительности.

На второй станции характер долины, ведущей с перевала, изменяется: она переходит сначала в широкий, потом в узкий коридор с отвесными конгломератовыми боками. В этом коридоре речка Бедэль, получающая в нижней части название Уй-тал, течет уже гораздо покойнее, чем в верховьях. Перед вступлением речки в теснину дорога оставляет ее и поднимается по весьма крутому склону на плоскую высоту, где у самого выхода дороги расположено небольшое здание с оградой. В нем помещается китайский пикет для осмотра проходящих торговых караванов, которым никак нельзя миновать этого дозорного пункта.

С высоты мы увидели на юге обширную долину, окаймленную с полуденной стороны высоким горным хребтом, синевшим в туманной дали.

К востоку же и западу простирались последние отпрыски Кок-шала, бороздящие его высокое и плоское предгорье.

Пройдя около 10 верст по высоте, экспедиция повернула к речке Уй-тал и спустилась по узкой балке в ее долину, которая верстах в восьми ниже пикета значительно расширяется и покрыта очень хорошей растительностью. В этой широкой долине мы разбили палатки для ночлега.

Перед вечером к нам в лагерь прибыли аксакалы (старшины) наших торговцев в городах Ак-су и Уч-турфане для встречи экспедиции. По обычаю они привезли нам дастархан (угощение) из вареных яиц, пшеничных лепешек, редиса и свежих абрикосов. Пригласив аксакалов в палатку, я в свою очередь угощал их чаем и расспрашивал об оазисах Ак-су и Уч-турфане. Они сообщили мне, что в Аксуйском оазисе считается около 140 000 жителей, в том числе в самом городе Ак-су не более 6 000. Почва оазиса очень плодородна и дает обильные урожаи хлебных растений, овощей и плодов. Русских торговцев в Ак-су проживает до 200 человек, и все они сарты⁴ Ферганской области. Главный предмет их сбыта — ситцы, а вывоза — бумажные ткани для туземцев Туркестанского края.

В Учтурфанском оазисе вместе с городом всего около 8 000 жителей. Почва его также очень плодородна, и в нем засевают преимущественно пшеницу и рис, а хлопка, как и в Ак-су, возделывают мало. Из Учтурфанского оазиса, в котором не бывает почти вовсе неурожая, пшеница и рис вывозятся в другие оазисы страны, где обнаруживается недостаток в зерне. В этом оазисе, лежащем значительно выше Ак-су, летние жары гораздо умереннее, чем там; но дожди в обоих оазисах выпадают редко; снега зимой бывает тоже немного, и он держится недолго.

В городе Уч-турфане проживает около 100 наших подданных ферганских сартов, торгующих русскими товарами. Главные предметы их сбыта и вывоза — те же, что и в Ак-су. Из этого города, по свидетельству аксакалов, существует прямая горная дорога в Пржевальск через перевал Гугутлик, ныне совершенно заброшенная; но ее нетрудно исправить, и тогда караванное движение по ней между помянутыми городами будет удобнее, чем по кружному пути через трудно доступный перевал Бедэль*.

От последнего ночлежного места на речке Уй-тал мы прошли только версту вниз по ее долине, а потом поднялись по крутому склону на плоское южное предгорье Кок-шала и направились к юго-западу. Все это пологое предгорье усеяно щебнем и изборождено сетью весьма плоских лощин с малыми сухими руслами, которые, соединяясь ниже, образуют значительные ложа временных потоков, несущих свои воды на юг, в реку Таушкан-дарья.

На юге мы отчетливо различали высокий горный хребет и широкую долину реки Таушкан-дарья, окаймляемую им с полуденной стороны. Повернув почти на юг и спустившись с предгорья в эту долину, экспедиция направилась к стоявшим в ней юртам. Обитатели их — китайские киргизы — встретили нас радушно и указали удобное место для лагеря на арыке (оросительной канаве), выведенном из реки Таушкан-дарья.

* Кашгарцы называют этот перевал Бадэль, а наши пограничные киргизы — Бедэль. Этим последним названием именуется он и на картах.

На следующий день нам предстояла переправа вброд через многоводную и быструю Таушкан-дарью. Проводники из китайских киргизов повели нас к тому месту, где река разделяется на семь рукавов. Четыре из них мы перешли беспрепятственно, а через три остальные переправа была очень затруднительна. Вода доходила до живота нашим рослым верблюдам, а лошади едва держались на ногах в бурных потоках и местами всплывали. К счастью, все обошлось благополучно, и мы расположились на правом берегу Таушкан-дарьи, у подошвы хребта, на дневку.

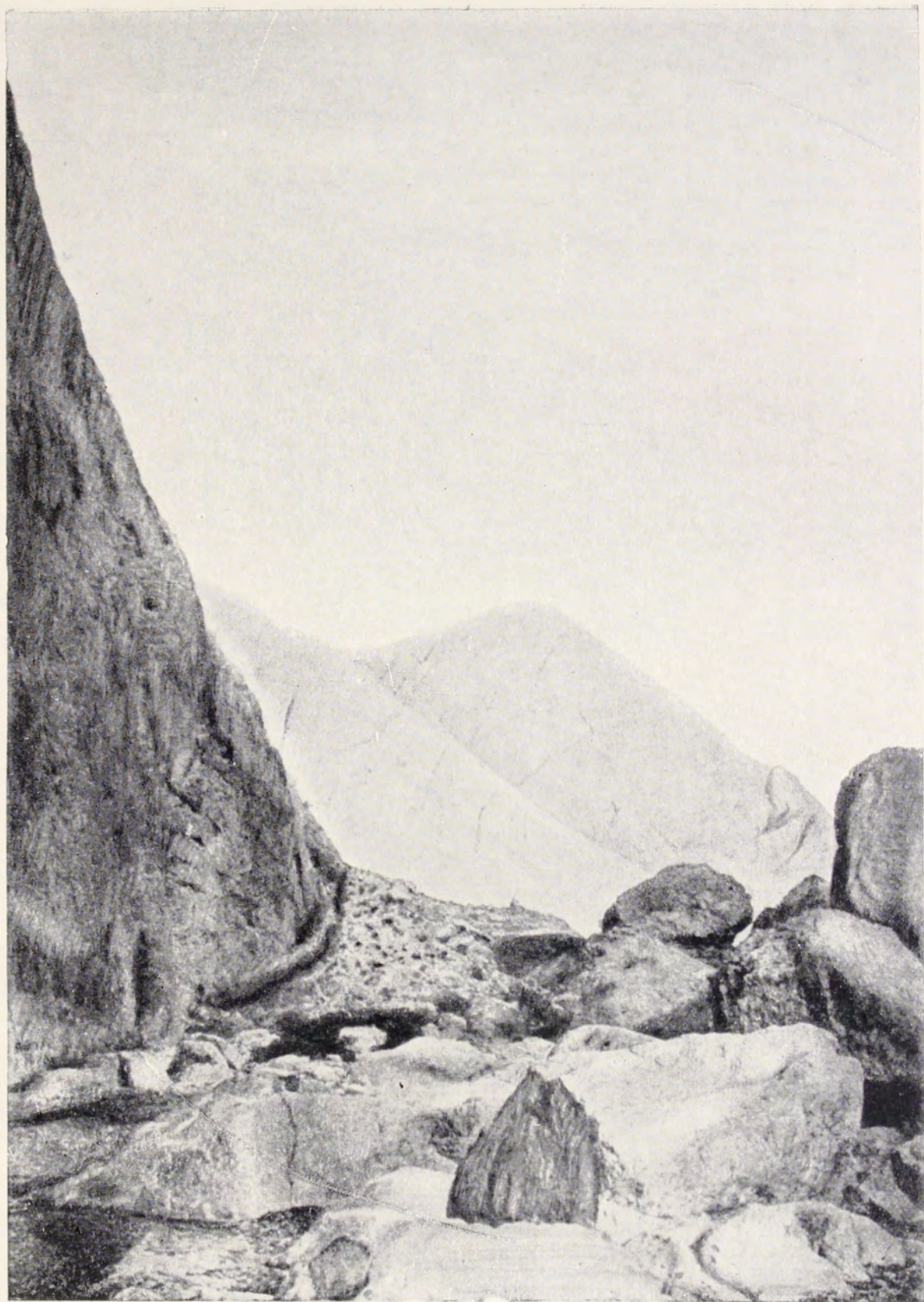
Вскоре после переправы к нам прибыл китайский чиновник, посланный учтурфанским окружным начальником приветствовать экспедицию, и привез от него в подарок пару кур, пару домашних уток и два мешка ячменя для лошадей. Угостив чиновника, я просил его передать благодарность окружному начальнику и часы, посланные в виде ответного подарка.

Широкая долина реки Таушкан-дарья заключается между главным хребтом Тяньшанской системы — Кок-шалом — и его длинным восточным отрогом, называемым Кара-тэке. Этот отрог мы должны были пересечь на пути к реке Яркенд-дарья, на которую предполагали выйти близ устья Кашгар-дарьи.

Местность Сапыр-бай, в которой находился наш лагерь, была покрыта прекрасным подножным кормом. Чтобы подкрепить наших животных для предстоявшего перехода через хребет, я счел полезным дать им двухдневный отдых. С этого места были отпущены 50 наемных верблюдов, следовавшие от самого Пржевальска с багажом экспедиции, который мы должны были везти далее на своих верблюдах.

6 июня мы тронулись в путь и около 15 верст следовали вверх по правому берегу Таушкан-дарьи, вдоль подножья хребта Кара-тэке, опускающегося в ее долину весьма крутыми склонами. Потом мы вступили в горы этого хребта и пересекли пространную междугорную равнину, в которой дорога поворачивает на юго-восток и направляется по узкой пустынной долине. Окрестные невысокие горы также повсюду пустынные и безводны. День был очень жаркий, людей и животных мучила жажда, а до воды было далеко. В конце длинного перехода мы увидели на юге высокие горы, на северных склонах которых зеленели небольшие еловые перелески и луга. Эти горы, покрытые древесной растительностью и лугами, составляли резкий контраст с обнаженными пустынными высотами нижнего пояса. Наконец, перед закатом солнца, мы достигли маленького источника и, обрадованные находкой воды, остановились на ночлег близ киргизских пашен, орошаемых маленьким арыком.

От источника экспедиция продолжала путь почти на юг по той же долине, поднимаясь постепенно все выше и выше. Дорога местами проходит горными воротами, образуемыми отрогами ее окраинных гор, сходящихся навстречу друг другу. В отвесных стенах этих узких ворот, напоминающих открытые глубокие коридоры, заметны были углубления в виде ниш, зиявших на высоте. Приблизившись к гребню хребта, мы прошли через величественную теснину, называемую Дунгарет-мё-агазы. Это — узкая щель в колоссальной скале, имеющая около 120 сажен длины, от 3 до 5 ширины и до 100 сажен высоты с отвесными стенами. Из последних в одном месте выдаются каменные выступы, нависшие противоположно друг над другом и совершенно закрывающие собою небо в зените. Несмотря на весьма слабое освещение этого мрачного коридора, в который солнечные лучи проникают лишь на самое короткое

Ущелье Куран-бугас в горах Кара-теке

время около полудня, мы собрали в нем 14 видов цветковых растений*. Говор наших людей, проходивших через эту замечательную теснину, раздавался резким эхом, а звук выстрела, сделанного препаратом, — сильным и продолжительным треском.

Наш проводник-киргиз, ехавший во главе каравана, вступив в теснину, начал громко кричать, приглашая передовых людей последовать его примеру. Он уверял, что в это ущелье забегают по временам голодные тигры и нападают на проезжающих, если последние едут молча, а от крика убегают. Мы не заметили, однако, в теснине никаких следов пребывания тигров.

Описанная теснина прорезает мощный горный отрог, упирающийся в глубокую балку, по которой его невозможно обогнуть, а потому единственным путем остается эта теснина. Из нее дорога, извиваясь зигзагами, ведет по узкой лощине, окаймленной низкими холмами, на косогор и восходит по крутому склону на вершину перевала Дунгарет-мё. С высшей точки его, поднимающейся на 8 670 футов над морем, нашим взорам открылась очаровательная панорама: на северном склоне хребта близ гребня видны были небольшие еловые леса, ниже их расстились зеленые луга, на которых стояли киргизские юрты и паслись многочисленные стада; к югу же все видимое пространство было покрыто строем гор, уходивших в туманную даль, за горизонт.

Спуск с перевала Дунгарет-мё сначала отлог, а потом обрывается крутыми каменистыми уступами в ущелье, из которого дорога вскоре выходит в узкую долину. В этой долине, у маловодного источника, мы разбили палатки для ночлега.

От сопровождавших экспедицию местных киргизов я узнал, что хребет Кара-тэке оканчивается немного западнее меридиана города Уч-турфан. Кроме перевала Дунгарет-мё, через него ведут еще два прохода: Кругбогус верстах в 40 восточнее и Сары-бель в 25 верстах западнее нашего пути. На северном склоне хребта, близ гребня, встречаются небольшие еловые лески и древовидный можжевельник; южный же склон почти вовсе безлесен. В горах Кара-тэке водятся барсы и появляются изредка тигры. Последние заходят в них, по всей вероятности, с юга из обширных лесов и тростниковых зарослей долины Яркенд-дарья, служащих коренным жилищем тигров в Кашгарии. Кроме того, в горных лесах описываемого хребта живут маралы; на больших высотах, близ россыпей встречаются улары, а в нижнем, каменистом поясе — много каменных куропадок.

В хребте Кара-тэке кочует около 14 000 китайских киргизов, имеющих до 3 000 юрт и разделяющихся на три рода: Хутчи, Черек и Кызыл-тукме. Лето они проводят со стадами на больших высотах, близ гребня хребта, на которых встречаются хорошие пастбища, а на зиму спускаются в нижние горные долины, где снега выпадает очень мало, и в долину реки Таушкан-дарья,

С южного склона хребта Кара-тэке мы спускались по долине и прошли чрез несколько горных ворот, образуемых сходящимися отрогами соседних гор и имеющих от 30 до 40 сажен ширины. В конце станции экспедиция повернула почти на восток и прошла чрез короткое, но очень каменистое и трудное для выючных животных ущелье Куран-бу-

* Белую розу, жимолость, черную смородину, три вида караганы, три вида барбариса, кызыльник, желтую фиалку, незабудку и два вида ломоноса.

гас, по которому струится речка с солоноватой водой. Переночевав, по выходе из ущелья, на ее берегу, мы пересекли неширокую долину и вступили в другое ущелье, орошаемое той же самой речкой. Это второе ущелье, прорезающее, подобно первому, поперек весьма плоскую каменную гряду, имеет от 20 до 30 сажен ширины и отвесные стены повсюду почти равной высоты, около 40 сажен. Говор проходивших по нему наших людей напоминал громкий разговор в обширном пустом зале. Дресвяное дно теснины, в котором часто скрывается орошающая ее речка, и обнаженные стены совершенно лишены растительности.

Из теснины дорога вместе с речкой выходит в узкую долину и спускается по ней несколько верст; потом, повернув почти прямо на юг, следует по холмам, а из них выходит на широкую междугорную долину. Пройдя по этой последней верст 15, мы, после утомительной станции в 35 верст, разбили палатки для ночлега на берегу многоводной речки, образующейся в той же обширной долине из ключей.

Горы южного склона хребта Кара-тэке, в особенности среднего и нижнего поясов, опаляемые знойными солнечными лучами, отличаются вообще пустынным характером. Источники и речки в них встречаются очень редко, а растительность, кроме немногих орошенных долин, крайне бедна и однообразна. Горы же северного склона того же хребта, менее подверженные иссушающему действию солнечных лучей, покрыты сравнительно лучшей растительностью. В высшей зоне их встречаются нередко еловые лески и можжевельниковые рощи, тучные луга и разнообразные кустарники, почти вовсе отсутствующие на горах южного склона. Животная жизнь на северном склоне хребта также заметно разнообразнее, чем на южном.

Перед вечером с юго-востока показался пыльный туман, закрывший вскоре окрестные горы. В 7 часов вечера солнце совершенно померкло и настала такая тьма, что мы потеряли из вида влижайшие высоты. Только поздно вечером, при полном затишье, пыльная мгла стала мало-помалу рассеиваться, и на небе замерцали тусклым светом звезды⁵.

Утром, спустившись немного вниз по речке в южном направлении, мы через широкие горные ворота вышли на необозримую равнину. Оставшийся позади хребет Кара-тэке имеет в этом месте около 80 верст ширины, считая по меридиану, и граничит на юге с обширной пустынной равниной.

В северной части этой подгорной равнины, орошенной помянутой речкой, мы встретили первое на нашем пути селение Калпын, состоящее из двух отдельных частей. Оба оазиса, осененные деревьями, казались издали большими лесными островами, зеленевшими на темносером фоне пустынной равнины. Они обильно орошены сетью арыков, получающих начало в двух главных каналах, выведенных из речки верстах в четырех выше оазисов.

В обоих оазисах жилища туземцев, состоявшие из лёссовых мазанок, с такими же надворными постройками, разбросаны в виде отдельных ферм, окруженных лёссовыми же стенками прямоугольного начертания. К этим надворным оградкам примыкают такие же садовые стенки, а вокруг ферм простираются прекрасно возделанные поля, по которым тянутся в разных направлениях красивые аллеи, осеняющие берега арыков.

Перед селением экспедиция была встречена многочисленными группами туземцев, приветствовавших нас с обычным радушием, и остано-

вилась на ночлег близ южной окраины его. Вскоре по прибытии наш лагерь окружила большая толпа народа, собравшаяся посмотреть на иноземцев и пробывшая у нас до позднего вечера. Оседлые туземцы Кашгарии, встреченные нами впервые в этом многолюдном селении, отнеслись к нам вполне дружелюбно и произвели на всех приятное впечатление. Многие из них приносили нам дастархан (угощение) из кислого молока, пшеничных лепешек, вареных яиц и абрикосов, за которые получали от нас подарки: ножи, ножницы, иголки, зеркала и другие мелочи.

В день нашего пребывания в Калпыне, 10 июня, температура воздуха в 2 часа пополудни была 35° Цельсия, и в жаркие часы неоднократно подувал порывами слабый прохладный ветерок с юго-востока, из внутренней Кашгарской пустыни, продолжавшийся не более 2 минут и быстро понижавший термометр на 2°. Эти слабые воздушные течения направлялись, как казалось, не горизонтально, а сверху — под углом около 10° к горизонту..

При дальнейшем следовании экспедиции, в особенности на пути вверх по долине Яркенд-дарьи, нам неоднократно приходилось наблюдать такие прохладные нисходящие токи со стороны центральной пустыни, умерявшие по временам нестерпимый зной.

Перед вечером опять появился пыльный туман с юго-востока, закрывший окрестности, и рассеялся окончательно только на другой день около полудня.

В селении Калпын мы в первый раз встретили отложения лёсса, рассеянные на окраинах Кашгарии в виде островов, большинство которых занято селениями; и только те из лёссовых островов, которые не орошены искусственно, остаются необитаемыми*. Таким образом размещение оседлого населения Кашгарии тесно связано с распределением лёссовых отложений и воды для искусственного орошения земли, без которого в этой сухой стране земледелие совершенно невозможно.

Для пояснения рассказа о дальнейшем путешествии экспедиции по Кашгарии считаю необходимым предпослать ему краткий географический очерк этой страны.

Кашгария, или Восточный Туркестан**, представляет обширную котловину, возвышающуюся средним числом около 3 500 футов над уровнем океана и окруженную со всех сторон горами. На севере она окаймлена Тянь-шанем, на юге — колоссальным окраинным хребтом Тибет-

* Лёссом, как известно, называется суглинистый мергель желто-бурого цвета, состоящий из мельчайших частиц глины, извести и песка. Отложения лёсса, встречающиеся преимущественно в сухих континентальных странах, как, например, во Внутреннем Китае, в Кашгарии и у нас в Туркестане, отличаются в иных местах значительной толщиной. Эти лёссовые толщи — продукт оседавшей из атмосферы веками и прессовавшейся собственно тяжестью тонкой минеральной пыли. Поднимаемая с земной поверхности воздушными течениями, мельчайшая минеральная пыль, вследствие своей необыкновенной легкости, носится, подобно пузырькам водяных паров, в воздухе и потом осаждается на защищенные от ветров места, образуя на них с течением времени мощные толщи. Следовательно, лёсс — образование атмосферическое или субаеральное (подветренное), как называют его геологи⁶. Он отличается замечательным плодородием и необыкновенною устойчивостью при истощении растениями. Поэтому во всех странах, имеющих лёссовую почву и достаточное количество воды для ее орошения, земледелие процветает с древнейших времен и доныне еще обеспечивает с избытком их обитателей земледельческими продуктами.

** Эти географические названия даны стране европейцами, туземцы же именуют свою родину Алты-шаари, т. е. шестиградие, по числу шести больших ее городов.

ского нагорья — Кун-лунем, на западе — окраинным же хребтом Памирского нагорья — Сары-колом,⁷ а на северо-востоке ее замыкает длинный отрог Тянь-шаня — Курук-таг. Между этим последним и Кун-лунем остаются, однако, ворота шириною, по свидетельству туземцев, в два дня пути, посредством которых Кашгарская котловина сообщается с соседней, вышележащей Хамийской пустыней.

Такое замкнутое положение Кашгарии, окаймленной со всех сторон горами, из которых западные и северо-западные, между прочим, защищают ее от влажных ветров, обуславливает чрезмерную сухость воздуха в этой стране и отчасти некоторую своеобразность ее флоры и фауны*.

По причине крайней сухости климата вся обширная внутренность Кашгарской котловины представляет совершенную пустыню, и только подгорные окраины этой котловины, орошенные изредка реками и речками, сбегаящими с соседних гор, испещрены оазисами с лёссовой почвой, в которых ютится все оседлое население страны.

Великая Кашгарская пустыня, называемая Такла-макан**, простирается до 800 верст в длину и до 350 верст в ширину. За исключением долин немногих иссякающих в ней речек, она, судя по рассказам туземцев и отчасти по нашим собственным наблюдениям, по всей вероятности, вовсе лишена органической жизни. В этой мертвой земле высокие и длинные песчаные гряды, простирающиеся почти в меридиональных направлениях и плотно утрамбованные господствующими ветрами, перемежаются обширными щебне-галечными равнинами, свободными от песка или только изредка испещренными мелкими песчаными наносами. Поэтому пустыню Такла-макан, далеко не повсюду покрытую песком, следовало бы именовать каменисто-песчаною.

Достойно замечания также то, что эта обширная пустыня со всех сторон окаймлена почти непрерывной полосой тополевого леса. На северо-западе, севере и северо-востоке окружающая ее лесная полоса тянется непрерывной лентой по долине Яркенд-дарьи, на юго-востоке по долине Черчен-дарьи, а на юге и юго-западе по области лёссовых бугров, граничащей с подгорными, щебне-галечными, пустынными равнинами. В этой области грунтовые воды сочатся с гор на небольшой глубине и питают древесную растительность, которая без их живительного действия не могла бы существовать в столь сухой стране. В той же области, чаще чем в других местах котловины, встречаются источники, поддерживающие нижние течения всех иссякающих во внутренней пустыне рек.

Население Кашгарии, численность которого простирается приблизительно до 2 000 000 человек, разделяется на оседлое, пастушеское и кочевое. Оседлые обитатели страны, в числе около 1 800 000, размещаются на ее окраинах, в оазисах, а кочевые и пастушеские, не превышающие вместе 200 000, занимают внутренние склоны окраинных хребтов Кашгарии.

* Действительно, многих животных, и в особенности растительных видов, распространенных повсеместно в соседних странах Центральной Азии, в Кашгарии вовсе не встречается. С другой стороны, ей присущи некоторые растительные и животные формы, которых нет в сопредельных с нею странах.

** Так называют эту пустыню обитатели Западной Кашгарии, у жителей же Южной Кашгарии, равно как и у китайцев, для нее нет никакого общего названия.

В этнологическом отношении оседлые туземцы Кашгарии представляют помесь древних арийцев иранской ветви с тюрко-монголами⁸. Они магометане-сунниты, но далеко не фанатичны и относятся довольно дружелюбно к иностранцам, в особенности к русским, о которых им передают много хорошего наши ферганские сарты, торгующие повсеместно в их стране. Кашгарцы отличаются кротостью, добродушием, честностью и широким гостеприимством. Этими симпатичными чертами искупаются в значительной мере присущие им, хотя и в слабой степени, отрицательные нравственные качества, оправдываемые отчасти и исторической судьбой этого поистине многострадального народа.

От селения Калпын до большой дороги из Кашгара в Ак-су путь экспедиции пролегал на юго-восток по пустынной солончаковой равнине, покрытой на первой станции близ гор щебнем и галькой. К северо-востоку от дороги простирался длинный отрог гор Кара-тэке, а к юго-западу — два низкие параллельные степные кряжи Карыс-таг, в которых, по словам проводников, прежде добывали серебро и свинец. За этими кряжами залегает обширная безводная степь, покрытая весьма скудной растительностью.

Северо-западная часть равнины, по которой пролегал наш путь, орошена речкой Чилан-су, образующейся из подгорных ключей и несущей солоноватую воду, между тем как вода прибрежных источников, струящихся в речку, почти совершенно пресная. Две первые станции дорога направляется вдоль названной речки, текущей в узкой балке, и спускается в эту глубокую балку только на ночлежных местах. На первом из них мы наловили в речке много гольцов, которых в ней живет два вида (*Nemachilus jarkandensis* et *N. bombifrons*). Вечером к нам приехал чиновник из города Ак-су, посланный местным дао-таем (губернатором) приветствовать экспедицию и сопровождать ее до границы области. Этот чиновник из туземцев, бывавший во многих местностях Кашгарии, сообщил мне интересные сведения о посещенных им странах, а также о нравах, обычаях и языке туземцев.

Следующую станцию мы прошли также вдоль речки и ночевали на ее берегу. Сопровождавший экспедицию чиновник указал развалины древней маленькой крепостцы, лежащие около самой дороги, границу Аксуйской и Кашгарской областей, а потом сопку с глиняной конической башней на вершине, высотой около двух сажен. По его словам, таких сторожевых курганов встречается много в этой пограничной местности. На них в древние, смутные времена стояли передовые посты, извещавшие о появлении неприятеля сигнальными огнями. По преданию, эти сторожевые посты сняты не более 300 лет тому назад.

Пообедав с нами на втором ночлежном месте, чиновник простился и уехал. Пыльный туман, господствовавший с полудня, скрывал окрестности и только перед солнечным закатом немного рассеялся.

Оставив речку Чилан-су, теряющуюся близ станции Чилан на почтовой дороге из Кашгара в Ак-су, экспедиция повернула круто к юго-востоку и следовала первые пять верст по солончаковым буграм, поросшим тамариском. Потом мы вступили в печальную местность, покрытую такими же буграми, из которых торчали корни вымершего тамариска. В этой унылой местности дорога пересекает две большие совершенно ровные площади, покрытые тонкой соляной корой ослепительной белизны. Они живо напоминали замерзшие озера, одетые первым снеговым покровом.

Описываемая солончаковая пустыня считается туземцами самую жаркую местностью во всей окрестной стране. По счастью, когда мы пересекали ее 13 июня, день был облачный и с востока дул прохладный ветерок, умерявший значительно зной. В конце длинной, утомительной станции мы с восторгом увидели вдали на юго-востоке необозримый лес, к которому направлялась дорога. Перейдя неширокую долину, прорезанную сухим руслом, экспедиция вышла на большую дорогу из Кашгара в Ак-су и вступила в обширный тополевый лес. В этом лесу мы вскоре достигли почтовой станции Якка-худук и остановились на ночлег, пройдя в тот день 35 верст, в том числе 32 по пустыне.

Маленькое селение Якка-худук с почтовой станцией расположено на левом берегу длинного рукава реки Яркенд-дарья, называемого в этом месте Пшаксындынын-су, а выше — Угузильде. От селения Якка-худук он течет на юго-восток около 150 верст до местности Ават и там сливается с рекой, но доходит до нее только в половодье Яркенд-дарьи в июне и июле, а в остальное время иссыкает на пути в лесу. Ширина этого рукава в половине июня была около 10 сажен, средняя глубина 3 фута, а скорость течения не более 2 футов в секунду.

Почти вся обширная площадь между главным руслом Яркенд-дарьи и ее помянутым рукавом, заключающая около 6 000 кв. верст, покрыта тополевым лесом, простирающимся с запада на восток до 150 верст в длину и верст на 70 в ширину с севера на юг. Этот девственный лес состоит из двух видов пустынного тополя (*Populus diversifolia* et *P. pugnosa*) с примесью изредка джиды (*Elaeagnus* sp. ?). Он очень редок, кустарников в нем мало, а почва повсюду покрыта опавшими листьями и ветвями, перемешанными с лёссовой пылью. Все это придает ему какой-то монотонный и вместе с тем мертвенный вид*.

В описываемом первобытном лесу, по свидетельству туземцев, живут тигры, кабаны и маралы, а на окраинах его пасутся стада степных антилоп (*Gazella subgutturosa*). Селения в нем, по недостатку воды, редки и притом малолюдны; около них водится множество фазанов.

Пройдя от станции версту по почтовой дороге, экспедиция повернула почти прямо на юг и направилась лесом по проселочному пути. Вскоре мы перешли на правый берег помянутого рукава Яркенд-дарьи и миновали обширную поляну, покрытую зыбучим шеском, а немного дальше — пашни жителей небольшого селения Пшаксынды. В этом уединенном селении, окруженном со всех сторон первобытным лесом, мы остановились на ночлег близ маленького озера. Жители селения сначала испугались нас и не показывались, но потом, когда наш проводник из Якка-худука объяснил им, что мы русские, посланные для описания страны и населяющего ее народа, никого не обижаем, — они успокоились и посещали безбоязненно наш лагерь до позднего вечера. Сообщая мне различные сведения о своей лесной стране, туземцы, между прочим, жаловались на недостаток воды для орошения пашен. Уровень рукава Яркенд-дарьи, из которого выведены арыки на их поля, повышается одновременно с разлитием этой реки в июне и июле, когда в воде не встречается уже такой настоятельной потребности для орошения посевов, как ранее — в мае.

* Такие тополевые леса, покрывающие долины многих рек Кашгарии, туземцы называют *тограк*.

Перед вечером мы с удовольствием слушали кукование кукушек в окрестных лесах, напоминавшее нам далекую родину; позднее раздались крики фазанов, сбегавшихся пить к озерку, на котором к тому времени появилось множество плавающих и болотных птиц.

Из селения Пшаксынды дорога идет сначала лесом, в котором встречались солонцеватые поляны, поросшие приземистым и редким камышом. На них сильно пахло сернистым водородом, выделяющимся в большом количестве из рыхлой солончаковой почвы. На второй половине перехода экспедиция вышла из леса к обширному болоту, называемому Лалмой, и направилась по юго-восточной окраине его, вдоль лесной опушки. Это болото, имеющее овальную форму, простирается с северо-востока на юго-запад верст 60 в длину и до 12 верст в ширину; оно покрыто густым тростником, достигающим местами трех саженей высоты. Среди болота протекает медленно помянутый рукав Яркенд-дарьи—Угузильде, раздробляющийся на множество ветвей, которые образуют целый лабиринт малых пресных озер и два значительных озера. В высоких и густых тростниках болота Лалмой живут тигры и множество кабанов, а около озерков гнездится масса плавающих и болотных птиц.

На окраинах болота, покрытых низкорослым камышом и сочными солянками, паслись стада овец, принадлежащих жителям соседних селений, и стояли кое-где убогие тростниковые хижины пастухов. Эти последние, при неожиданном появлении экспедиции, тоже испугались ее и попрятались в тростниковые заросли. Я вынужден был послать одного из проводников для успокоения бедных пастухов, которым он объяснил, что мы люди совершенно мирные и никого не обидим. Ободренные его словами, пастухи оставили заросли и возвратились к своим стадам.

В этот день мы разбили лагерь для ночлега на юго-восточной окраине болота, на берегу узкого протока, поросшего высоким тростником. С четырех часов пополудни пыльный туман начал мало-помалу застилать окрестности; солнце, казавшееся через пыльную мглу бледнофиолетовым диском, померкло часа за два до заката, и стало так темно, как в сумерки. Поздно вечером туман постепенно рассеялся и на небе показались звезды.

Еще до появления пыльного тумана мы пытались обозреть болото Лалмой с невысокого тополя, стоявшего на его окраине, но кроме обширных зарослей тростника, казавшихся сплошными, не могли ничего усмотреть на нем. Между тем собравшиеся вечером в наш лагерь пастухи уверяли, что оно покрыто множеством малых озерков и что близ ночлежного места, среди тростника, лежит довольно большое озеро Ак-куль.

Утром, перед выступлением экспедиции, в лагерь зашел один из владельцев стад, пасшихся на окраине болота, и по моей просьбе согласился провести меня с одним казаком на озеро Ак-куль. Пройдя немного от ночлежного места по дороге, мы свернули с нее к болоту и, оставив лошадей на опушке высокого тростника, направились через него к берегу озера. Тропинка привела нас к челноку, стоявшему в конце узкого и глубокого канала. По этому каналу мы выехали в челноке на озеро Ак-куль, имеющее около четырех верст длины и до 400 сажен ширины. Озеро глубоко и содержит пресную воду, пахнущую тростником; в нем живет много рыб, которых туземцы ловят на крюки зимой*. К западу

* По словам туземцев, эти рыбы достигают величины почти человеческого роста. Они принадлежат, по всей вероятности, к тем же видам из семейства карповых, которые живут в Яркенд-дарье.

от Ак-куля лежит поблизости в тех же тростниках озеро Тевезлик-ак, меньших размеров. Затем, по всему болоту, в особенности в юго-западной части его, рассеяно множество малых пресных же озер, питающихся водою рукава Яркенд-дарьи, который разбивается в болоте на многие ветви, соединяющие образуемые ими озера. Уровень всех этих озер, по рассказам туземцев, заметно повышается во время разлития Яркенд-дарьи.

Экспедиция, пройдя в этот день всю станцию по юго-восточной окраине болота, вдоль опушки девственного леса, миновала на пути два маленькие селения Сыгызлык и Чиган-чон и остановилась на ночлег на берегу арыка, выведенного из небольшого озерка. В этом месте болото Лалмой суживается до пяти верст и усеяно множеством малых озерков, из которых крайние юго-восточные выдаются местами из области тростника и имеют открытые берега. Масса плавающих и голенастых птиц оживляет своим присутствием эту монотонную впадину.

Из лагеря были отчетливо видны отдельные кряжи, простирающиеся к северо-западу, югу и юго-востоку от болота, а вдали, верстах в 60, на северо-западе синел высокий хребет Чили-таг, примыкающий, по словам туземцев, на северо-востоке к горам Кара-тэке. В этом пустынном хребте при Якуб-беке добывали серебро и свинец, но с водворением в Кашгарии владычества китайцев рудники заброшены. У юго-восточного подножья Чили-тага, в местности Хай-барным, находятся обширные развалины, в которых туземцы добывают домашнюю утварь и изредка золотые и серебряные вещи.

К юго-востоку от нашего лагеря простирался любопытный отдельный кряж Калап-таг, необыкновенно узкий и крутой, с сильно заостренным и зазубренным гребнем.

На следующий день, пройдя верст шесть по юго-восточной окраине болота, мы повернули на запад и переправились по узким мостикам через семь широких и глубоких каналов, выведенных туземцами из запруды рукава Яркенд-дарьи, питающего своими водами болото Лалмой. К югу от мостиков сооружена длинная и высокая земляная плотина, запирающая помянутый рукав, который выше нее образует значительное озеро. Оно служит резервуаром для малых оросительных канав, выведенных из нижележащих озерков юго-восточной окраины болота, получающих воду из больших каналов.

Повернув от мостов на северо-запад, экспедиция направилась поперек болота Лалмой по зарослям невысокого тростника, в которых не встречалось ни топей, ни протоков. Из болота, имеющего в этом месте 4 версты ширины, мы вышли на ровную степь и вскоре достигли большой дороги из Кашгара в Ак-су, пролегающей вдоль южного подножья отдельного кряжа Оку-мазар-таг. Пройдя по ней около версты, экспедиция повернула на юг и следовала верст 10 до самого ночлежного места по сухой степи, покрытой кустарниками.

На ночлег мы остановились на западной окраине того же болота Лалмой, на открытом берегу небольшого пресного озерка. К востоку от лагеря простирались заросли тростника, среди которых рассеяно множество малых озерков, соединенных узкими протоками. Над этими озерами беспрестанно носились стаями и в одиночку плавающие и болотные птицы.

Судя по карте, наш лагерь должен был находиться близ устья реки Кашгар-дарья, показываемой на картах притоком Яркенд-дарьи. В дей-

ствительности же, по собранным мною от туземцев сведениям, Кашгар-дарья теряется в обширном тростниковом болоте, лежащем верстах в 30 к востоку от селения Марал-баши, близ почтовой станции Червак. Это болото выклинивается на юго-восток узкой полосой, не достигающей впадины Лалмой, в которую, однако, притекает из ее оконечности ручеек, впадающий в то самое озерко, где находился наш лагерь. Таким образом, воды Кашгар-дарьи все-таки доходят, хотя и в весьма малом количестве, до Яркенд-дарьи.

С ночлежного места у озерка мы направились к югу вдоль западной окраины болота к оконечности отдельного кряжа Мазар-таг и миновали на пути три плоские песчаные гряды, расположенные на полуострове этого болота; а потом, повернув на юго-запад, пересекли невысокий отрог отдельного кряжа Гумбес-таг. С высшей точки перевала пред нами открылась очаровательная картина на юге и востоке: величественная Яркенд-дарья, извиваясь желтой лентой, неслась по своей зеленеющей долине, покрытой на левом берегу низкорослым камышом, а на правом — непрерывною полосой тополевого леса верст в 15 ширины. За этим лесом желтели на всем видимом пространстве плоские песчаные барханы пустыни Такла-макан, из которых резко выделялась весьма высокая и длинная песчаная гряда Эзыр-таг. На востоке, в густых зарослях тростника блестели, подобно зеркалам, малые озерки, образуемые рукавом Яркенд-дарьи, отделяющимся от нее верстах в 10 от перевала. Далее в долине этой реки, повернувшей почти на восток, видны были отдельный кряж Тузлук и широкая песчаная гряда Цапа-таг. На северо-востоке простирался помянутый выше необыкновенно острый кряж Калап-таг, зубрины которого с высоты и в профиль казались еще более глубокими, чем с юго-восточной окраины болота Лалмой.

Спустившись с перевала, мы вскоре свернули с дороги и остановились на левом берегу Яркенд-дарьи на дневку. Река лишь за несколько дней до нашего прибытия на нее, 18 июня, стала разливаться и несла большую массу необыкновенно мутной, желтого цвета воды. Ширина ее в том месте простиралась до 40 сажен, а скорость течения—до 6 футов в секунду. Средняя глубина Яркенд-дарьи была в то время около двух сажен, а в омутах, в которых повсюду замечались водовороты, она достигала пяти сажен.

Река несла столь мутную воду, что ее нельзя было не только пить, но и употреблять на кушанье. Поэтому мы вырыли на низменном берегу большую яму и, соединив ее с рекой узкой канавой, пересыпали эту канаву песчаной плотинкой. Просочившись через песок и отстоявшись в яме, вода стала совершенно пригодною для кушанья и питья.

В день прибытия экспедиции на Яркенд-дарью, около 6 часов вечера, у нас случилось горестное событие: утонул один из нижних чинов конвоя — ефрейтор Григорьев. Расправляя мешок невода на отмели, обрывающейся круто в омут, он нечаянно оступился и попал в водоворот, но не умея вовсе плавать, показался на несколько секунд на поверхности и исчез бесследно. Из числа находившихся поблизости наших людей лучшие пловцы немедленно бросились в омут для спасения погибавшего и стали нырять, но не могли найти его. До самой ночи и весь следующий день наши люди вместе с проводниками искали в этом омуте и ниже в реке труп несчастного, но, к сожалению, нигде не нашли. Это печальное событие повергло всех нас в уныние, тем более тягостное, что мы не могли даже предать труп земле. Товарищи покойного

сделали деревянный крест и водрузили его на берегу против омута, в котором безвременно погиб наш общий любимец.

На дневке я тщательно осмотрел всех наших верблюдов, из которых многие от укушений оводами казались ненадежными для продолжительного пути. Действительно, по осмотре, из 88 верблюдов только 48 были признаны годными под выюки, которых мы имели 50, а остальные слабыми. Поэтому после непродолжительного совещания мы решили из Яркенда, до которого нам оставалось пройти около 250 верст, повернуть на юго-запад в горы Кун-луня и, выбрав там прохладное место с хорошим подножным кормом, простоять на нем до спадения жаров. Этою мерою, как показали последствия, мы спасли многих слабых верблюдов, большая часть которых наверное погибла бы на пути по жаркой пустыне между Яркендом и Хотаном в июле и августе.

В день дневки, в 3 часа пополудни, термометр Цельсия показал в тени $37,5^{\circ}$, а температура берегового лёсса в то же время была $63,0^{\circ}$. Наши бедные животные сильно страдали от оводов, появляющихся во множестве в долине Яркенд-дарьи с наступлением жаров; кроме того, их постоянно тревожили мухи, мошки, а по вечерам еще и комары.

Дальнейший путь экспедиция продолжала вверх по долине Яркенд-дарьи. Пройдя немного от места дневки, мы обогнули южную оконечность кряжа Гумбес, у которой находится старинное мусульманское кладбище, расположенное на живописном горном мысе, омываемом с трех сторон рекой и осененном тополевою рощею. От кладбища мы следовали по открытой части долины, поросшей невысоким и редким камышом. Около дороги и по сторонам паслись стада овец и видны были тростниковые хижины пастухов. По уверению туземцев, овцы очень хорошо откармливаются молодым, зеленым камышом, который в Кашгарии в начале лета жнут, сушат на солнце, потом вяжут в снопы и дают понемногу зимой скоту, довольствующемуся круглый год преимущественно подножным кормом. Местами в долине реки встречались площади, покрытые густым и сочным камышом, выросшим на выжженных нарочно туземцами местах.

На левом берегу Яркенд-дарьи долина ее на протяжении первой станции повсюду покрыта камышом, а на правом — тополевым лесом, тянувшимся вдоль реки непрерывною полосой от 20 до 30 верст ширины. К юго-востоку от этой полосы простирается пустыня Такла-макан, на окраине которой, сопредельной долине Яркенд-дарьи, по свидетельству сопровождавших нас туземцев, живут дикие верблюды, приходящие по временам к реке на водопой. Те же туземцы утверждали, что в трех днях пути на юг от кряжа Гумбес-таг, в северо-западной окраине пустыни, находятся обширные развалины, называемые Мылькитнин-шаари. Они состоят из остатков глиняных домов, среди которых сохранились древесные пни, обломки разных орудий, черепки глиняной посуды и кости домашних животных. Из этих развалин туземцы добывают медные и чугунные котлы, а также находят в них изредка золотые и серебряные вещи, привлекающие преимущественно искателей, именно: кольца, серьги и различные привески. На раскопки туда ездят исключительно зимой с запасами воды, съестных припасов и фуража для животных по крайней мере на три дня.

Переночевав на берегу маленького пресного озерка с чистой водой, экспедиция продолжала путь по долине, покрытой в начале перехода камышом и изредка маленькими тополевыми рощами, а далее сплош-

ным тополевым лесом, в котором часто встречаются малые песчаные бугры и местами длинные грядки.

На полянах, покрытых низкорослым камышом, стояли тростниковые хижины пастухов, около которых спокойно расхаживали куры и беззаботно играли дети, а вокруг паслись стада овец. Сплошной лес по левому берегу Яркенд-дарьи, начавшийся со второй половины станции, простирается к западу от реки верст на 40 до большой песчаной пустыни, занимающей почти все треугольное пространство между большими дорогами из Кашгара в Яркенд и Марал-баши, а из последнего в Яркенд. Эта безводная пустыня, не имеющая общего названия, покрыта лишь местами крайне скудную кустарниковой растительностью и, по единогласному уверению многих опрошенных мною туземцев, вовсе лишена животной жизни.

На третий ночлег мы остановились на самом берегу Яркенд-дарьи, уровень которой с каждым днем заметно повышался. С крутых ее берегов, подмываемых быстрым течением, поминутно срывались значительные массы земли, производившие своим падением сильный шум, а по реке почти непрерывно неслись корчи, ветви и целые деревья со скоростью от 4 до 5 футов в секунду.

Флора долины Яркенд-дарьи весьма однообразна: на открытых местах повсюду преобладает камыш (*Phragmites communis*), к которому присоединяются в небольшом, впрочем, количестве: осока (*Grех. sp. ?*), кендырь (*Аросуm venetum et A. pictum*), ломонос (*Clematis orientalis*), рогозник (*Турhа sp. ?*), солодка (*Glycyrrhiza sp. ?*), ситник (*Мугiорhуllum verticillatum*) и несколько видов солянок. Лугов, покрытых разнообразными травянистыми растениями, в ней вовсе нет. Представителями древесной растительности служат только: два вида пустынного тополя (*Рорulus diversifolia et P. ruinosa*), образующие леса, джида, или лох (*Elaeagnus sp.?*) и мелколистная ива (*Salix microstachya*), а из кустарников встречаются преимущественно: облепиха (*Hippophaë stenocarpa*), сугак (*Lucium ruthenicum*) и гробенщик, или тамариск (*Tamarix sp.?*)

Животная жизнь долины тоже очень бедна видами. В безлюдных лесах правого берега живут тигры, кабаны, маралы и степные антилопы. В реке водится много рыб: маринка (*Schizostorax argentatus et, S. Biddulphii*), османы (*Diptychus gymnogaster*) и голец (*Nemachilus yarkandensis*)*.

Туземцы прибрежных селений ловят рыбу преимущественно зимой и отчасти весной сетями. Кроме того, в летнюю половину года ее отравляют ядом, закладываемым в пилули из хлеба, которые разбрасывают в реке. Этот яд привозится в Кашгарию из Индии и продается в Яркенде.

Летом в долине Яркенд-дарьи появляется множество оводов, комаров, мух и мошек, а также ядовитых паукообразных: скорпионов, каракуртов, фаланг, сороконожек и тарантулов. Путешественникам в это время года следует осмотрительно выбирать места для ночлегов; лучше всего останавливаться на влажных не солончаковых открытых лугах, свободных от всякого сора, лома, древесных ветвей и опавших листьев.

* По рассказам туземцев, рыбы Яркенд-дарьи достигают величины почти человеческого роста, но нам самим не приходилось видеть таких крупных особей.

Четвертую станцию по долине Яркенд-дарьи мы прошли также по редкому тополевому лесу, в котором часто приходилось пересекать обширные поляны, покрытые низкорослым камышом; на них встречались тростниковые жилища пастухов и стада овец. На ночлег мы остановились на берегу длинной и глубокой старицы, верстах в четырех от реки *. Близ ночлежного места на песчаном береговом откосе замечены были свежие следы нескольких тигров, приходивших к старице на водопой. В самой старице мы наблюдали в этот день драку двух водяных ужей (*Tropidonotus hydrus*), из которых один с рыбкою во рту быстро плавал по поверхности воды, а другой, гоняясь за ним и ударяя его хвостом, пытался отнять у него добычу. Выстрел нашего препаратора в ужей мелкой дробью прекратил их драку; оба они тотчас же исчезли в глубине. Наши люди, опасаясь этих «водяных змей», как они именовали ужей, не решались купаться в старице, несмотря на сильный жар и уверения проводников, что они безвредны.

На другой день экспедиция, повернув круто к западу, прошла опять всю станцию по редкому тополевому лесу, пересекая попрежнему обширные поляны, поросшие редким камышом, на которых также встречались хижины пастухов и стада овец, а в лесу — длинные и узкие песчаные грядки. В этот день мы разбили лагерь для ночлега близ селения Аксак-марал, на берегу многоводного протока из Яркенд-дарьи, называемого Заоке-су или Янги-устэн. Названный проток образовался, по словам туземцев, в 1886 г, когда они прочистили древнее сухое русло, по которому и пошла вода из реки. Он течет верст 50 на север, орошая поля селений Аксак-марал и Шемала, а потом теряется в обширном болоте, лежащем к юго-западу от селения Марал-баши, в котором образует несколько небольших озер.

В селении Аксак-марал мы вышли на большую дорогу, ведущую из Марал-баши в Яркенд, и следовали по ней до этого города. Селение расположено на обоих берегах протока Заоке-су и имеет около 200 жителей. Дома в нем, как и во всех вообще селениях Кашгарии, разбросаны в виде отдельных ферм. Стены домов состоят из частокола, обмазанного снаружи и внутри глиной, а плоские крыши — из жердей, покрытых тростником; точно так же сооружены и надворные постройки. Дворы домов, примыкающие к ним садики и огороды окружены живыми изгородями из колючих кустарников. В садиках растут абрикосы, персики и яблоки, а поля засеяны преимущественно пшеницей и отчасти кукурузой.

Через проток Заоке-су, суживающийся в селении до двух сажен, перекинут деревянный мост, под которым он несетя со страшной быстротой; берега его в этом узком месте предохранены от размыва деревянной обшивкой.

От селения Аксак-марал экспедиция направилась в Яркенд уже по большой дороге, пролегающей по левому берегу Яркенд-дарьи и удаляющейся от реки не более пяти верст. На ней расставлены путевые знаки (потаи), отстоящие друг от друга около четырех верст. Они состоят из частокола в форме четырехугольных, усеченных пирамид, высотой футов в 20, обмазанных снаружи глиной. Эти знаки поставлены

* В этом месте выехал навстречу экспедиции ее геолог К. И. Богданович, успевший совершить длинный путь из Кашгара через хребет Сары-кол к его снеговой группе Мустаг-ата и оттуда через Яркенд к нам навстречу⁹.

по распоряжению китайских властей вскоре по занятии ими страны после смерти Якуб-бека. Приказав разрушить все его сооружения, кроме мечетей, напомиравшие народу о созидательной деятельности этого замечательного властелина, они не пощадили и прежних путевых знаков, которые были уничтожены и заменены новыми.

Селение Аксак-марал, стоящее в низменной местности, защищено от ежегодных разливов текущей поблизости Яркенд-дарьи высоким земляным валом, который тянется к югу от него вдоль большой дороги почти на 15 верст. К западу же от этой дороги простирается верст на 20 редкий тополевыи лес, за которым лежит мертвая песчаная пустыня, носящая против Аксак-марала название Кызыл-кум.

После небольшого перехода от селения Аксак-марал по большой дороге, мы расположились для дневки на берегу обширного временного озера, образовавшегося от разлития Яркенд-дарьи. Выступив из берегов, она наполнила в этом месте своими водами пространную плоскую впадину и образовала таким образом временный водоем около 15 верст в окружности, сообщавшийся с рекой широким проливом.

За время нашего следования по долине Яркенд-дарьи вода в этой реке поднималась постепенно все выше и выше, но полный разлив, по словам туземцев, должен был последовать не ранее начала июля. Жары, достигавшие в это время в долине реки $38,0^{\circ}$ Цельсия, были очень тягостны для людей и животных экспедиции. Последним приходилось еще жестоко страдать от оводов, мух, мошек и комаров, не дававших им покоя в течение всего дня. Для избежания крайне утомительных переходов в жаркие часы дня мы обыкновенно вставали на рассвете, выступали с ночлежных мест в 5 часов утра и к 10 часам успевали проходить станцию средним числом в 20 верст.

На пути по долине Яркенд-дарьи нам неоднократно приходилось наблюдать днем, от 12 до 4 часов, слабые прохладные ветры с востока и юго-востока из пустыни Такла-макан. Они дули лишь по временам, через неравные промежутки времени и не долее одной минуты, направляясь, как нам казалось, с высоты под углами от 5° до 10° к горизонту и понижая каждый раз быстро термометр на 2—3 градуса.

Легкие пыльные туманы, господствовавшие почти ежедневно, очень мало умеряли солнечный зной. К вечеру появлялись обыкновенно тонкие облака с запада, закрывавшие на всю ночь небо, но не разрешались ни разу дождем.

От временного озера мы прошли всю станцию тополевым лесом. На первой половине ее встречались местами земляные валы, сооруженные на низменных берегах Яркенд-дарьи для защиты окрестных местностей от наводнений. В конце перехода экспедиция миновала небольшое селение Ала-айгыр с такими же деревянными постройками, как и в Аксак-марале, но только дома в нем расположены несколько теснее. Пшеница с полей была уже снята, и ее молотили на плотно утрамбованных площадках, гоня по разостланному хлебу на кордах быков и лошадей. Перед входом в селение экспедицию встретили почетные старики с аксакалом во главе, предложившие нам обычный дастархан (угощение) из кислого молока, пшеничных лепешек, вареных яиц и абрикосов.

Переночевав на арыке, верстах в пяти от селения Ала-айгыр, экспедиция продолжала путь лесом, в котором пересекла обширную поляну,

простирающуюся около 10 верст в длину по дороге и верст шесть в ширину.

На этой поляне, покрытой кое-где небольшими тополевыми рощами, в виде островков, торчали повсюду стволы засохших тополей с опавшими ветвями. По объяснению сопровождавших экспедицию туземцев, лес на помянутой поляне и далее к юго-западу высох от недостатка грунтовой воды, просачивающейся ныне в меньшем, чем прежде, количестве из Яркенд-дарьи. Возвышенные места поляны покрыты лёссовыми буграми, поросшими тамариском и сугаком (*Lyxium ruthenicum*), а в низменных местах ее зеленели заросли низкорослого камыша, на которых паслись стада овец окрестных селений и стояли деревянные хижины пастухов.

Перейдя поляну, экспедиция вступила опять в тополевый лес и, переночевав на берегу длинного прибрежного озера, следовала по редкому молодому лесу, в котором часто встречались лёссовые бугры и торчали повсюду стволы мертвых тополей. На второй половине станции мы миновали небольшое селение Майнэт с деревянными домами.

Добродушные поселяне поднесли нам вареные яйца, лепешки и кислое молоко. Старшина селения, отправившийся провожать экспедицию до ночлежного места, сообщил мне дорогою, что редкий тополевый лес простирается в этом месте к западу от Яркенд-дарьи верст на 50 до песчаной пустыни, которая против Майнэта носит название Сугучакикум. Она совершенно безводна и покрыта лишь местами крайне скудной растительностью, а животной жизни в ней вовсе нет. По правому же берегу реки Яркенд-дарья тянется непрерывная полоса тополевого леса шириною от 20 до 25 верст, граничащая на юго-востоке с пустыней Такла-макан.

К югу от селения Майнэт дорога еще одну станцию пролегает по редкому тополевому лесу, в котором также встречалось много лёссовых бугров, поросших тамариском, и мертвых деревьев, а в низменных местах, орошенных арыками из Яркенд-дарьи, зеленели заросли низкорослого камыша.

В 20 верстах от Майнэта мы разбили лагерь для ночлега у постоянного двора (по-туземному — «лянгер») Авата, расположенного на берегу многоводного арыка из Яркенд-дарьи. Он течет верст 20 на запад и орошает пашни жителей многолюдного селения Мугала (600 жителей), находящегося в 50 верстах к северо-западу от постоянного двора Авата, близ восточной окраины пустыни Сугучакикум. По недостатку в окрестностях этого селения воды, обитатели его возделывают землю верстах в 30 к юго-востоку от своего селения и орошают ее из упомянутого арыка. На время полевых работ большинство их переселяется на пашни и проживает в шалашах.

Почва на всем пройденном нами по большой дороге пространстве, начиная от селения Аксак-марал, — первичный лёсс. При обильном орошении она могла бы питать весьма густое население, но проведение из Яркенд-дарьи длинных оросительных каналов потребует очень больших затрат, так как местных рабочих далеко не достаточно. Притом и период разлития Яркенд-дарьи (между 15 июня и 15 июля) не совпадает со временем усиленного орошения полей, которого они требуют еще в мае. Дожди же в описываемой стране выпадают очень редко и несвоевременно, именно в июне и июле, когда большинство

хлебных растений уже созрело или созревает. Снега зимой бывает тоже очень мало, и он держится недолго, но холода продолжаются четыре месяца.

Яркенд-дарья на три месяца (декабрь, январь и февраль) покрывается льдом от 15 до 18 дюймов толщины, по которому могут безопасно двигаться в эти месяцы тяжело нагруженные повозки.

В лесной полосе долины Яркенд-дарьи, простирающейся по правому берегу, первые поселения начинаются немного южнее параллели постоянного двора Авата и рассеяны очень редко по девственному прибрежному лесу, населенному кабаргами, маралами и антилопами. Тигры же, часто встречающиеся в северных безлюдных лесах долины, в южной населенной ее части уже не живут постоянно, а только изредка забегают с севера.

По рассказам опрошенных мною туземцев, жители наиболее многолюдного селения этой лесной полосы, Мекета, ездят иногда зимой в пустыню Такла-макан на раскопки и добывают там из развалин разные вещи, которые у них можно купить.

К сожалению, по случаю сильного разлива Яркенд-дарьи, сообщение через нее прекратилось, а потому мне не удалось побывать в Мекете и собрать там более точные сведения о развалинах пустыни и добываемых в них предметах.

В селениях, расположенных на большой дороге из Марал-баши в Яркенд, учреждены почтовые станции, помещающиеся в отдельных просторных домах. На станциях содержится по несколько почтовых лошадей, но экипажей нет. В них вообще очень редко ездят в Кашгарии, так как колесное движение по тамошним дорогам, пролегающим большей частью по весьма рыхлому лёссовому грунту, а местами — по сыпучим пескам, очень затруднительно. Поэтому сообщение в экипажах заменяется в этой стране верховой ездой на лошадях и ослах. Только одни китайские чиновники и купцы предпочитают езду в арбах — двухколесных, крытых тростниковыми циновками повозках, на деревянных осях, с весьма высокими колесами. В арбу впрягают от четырех до шести лошадей или ослов, которые едва тащат ее шагом. Тяжести же перевозят исключительно вьючным способом, преимущественно на ослах и только отчасти на лошадях и верблюдах.

Пройдя несколько верст от лянгера Авата, мы оставили позади лес и вступили в открытую страну левого берега Яркенд-дарьи. К западу от дороги все видимое пространство покрыто мелкими лёссовыми буграми, среди которых кое-где растут чахлые тополи, кусты тамариска и торчат стволы мертвых деревьев. За последними приезжают в эту местность дровосеки из Яркенда, истребившие уже совершенно такие же стволы в южной, ближайшей к городу части равнины.

Выйдя утром из леса в открытую местность, мы увидели далеко на западе высочайшую снеговую группу хребта Сары-кол, Муссагата, которая, впрочем, лишь ненадолго предстала пред нами во всем своем невыразимом величии, скрывшись вскоре в легком пыльном тумане.

В описываемой открытой местности мы прошли через маленькое селение Лайлык с деревянными домами, которых далее к югу нигде уже не встречали.

Переночевав на крутом берегу Яркенд-дарьи, разлившейся выше Лайлыка версты на две в ширину, экспедиция продолжала путь по

той же открытой равнине. По обе стороны дороги стали встречаться поля и временные жилища яркендских хлебопашцев. По недостатку земли в густонаселенном Яркендском оазисе, часть его жителей занимается земледелием на этой равнине, переселяясь сюда на время полевых работ.

Кровом им служат тростниковые хижины с небольшими двориками, обнесенными изгородями из прутьев. В этой временно населенной местности замечалась повсюду оживленная деятельность: в одних местах жали пшеницу, в других молотили, гоняя по разостланному хлебу на кордах быков, в третьих веяли обмолоченный хлеб. По дороге тянулись вереницы ослов, увозивших в Яркенд собранное зерно и солому, а также дрова, нарубленные дровосеками из сухих стволов в соседней северной части равнины; навстречу нагруженным ослам шли вереницы порожних — за хлебом и дровами.

К описываемой прибрежной равнине подходит очень близко песчаная пустыня с запада, выдающаяся в нее несколькими узкими мысами, оконечности которых пересекает большая дорога. По правому же берегу Яркенд-дарьи, текущей верстах в пяти от дороги, тянется попрежнему непрерывная лесная полоса шириною около 20 верст.

В конце перехода экспедиция миновала селение Терек-лянгер с глиняными домами, рассеянными очень редко по оазису. Дворы домов со всеми надворными постройками обнесены прямоугольными глиняными стенками, к которым примыкают такие же садовые ограды. У зажиточных поселян глиняными стенками окружены не только дворы и сады, но и прилежащие к ним поля. По числу таких оград, окружающих весь земельный участок владельца, можно судить о благосостоянии жителей селения.

В каждом селении, как бы оно ни было малоллюдно, есть непременно мечеть и около нее пруд (бостан), обсаженный деревьями, в котором правоверные туземцы совершают омовения. Пруды, осененные деревьями, встречаются и на окраинах некоторых селений у дорог, служа местами отдохновения для путников, застигнутых жарою в дороге. Впрочем, обитатели Кашгарии очень привычны к перенесению зноя: мы неоднократно с изумлением наблюдали, как они в конце июня и в первой половине июля, когда лёсс на дороге нагревался до 65° Цельсия, проходили по такой раскаленной почве целые станции без всякой обуви.

От селения Терек-лянгера дорога до самого Яркендского оазиса пролегает по густонаселенной и хорошо выделанной местности. На этом протяжении (45 верст) мы прошли через три многолюдные селения — Ажикты, Тагарчи и Аката, растянувшиеся длинными полосами вдоль дороги. Дома в них рассеяны в виде отдельных ферм и только в селении Ажикты, имеющем базар, теснятся в центральной части, образуя узкую базарную улицу.

Большая дорога в этой густонаселенной местности обсажена пирамидальными тополями, защищающими путников в летнее время от солнечного зноя. На полях, кроме кукурузы и пшеницы, значительная часть которой была уже снята, часто встречались полосы прекрасного льна, возделываемого в Кашгарии преимущественно для семени. Из последнего готовят масло для пищи и освещения, а волокно употребляют исключительно на веревки; полотна же из него вовсе не ткнут.

Вверху: река Яркенд-дарья близ селения Майнет во время разлива

Внизу: мертвый тополевый лес и лёссовые бугры, поросшие тamarиском, между селениями Ала-айгыр и Майнетом

3 июля около полудня мы достигли наконец обширного Яркендского оазиса, северная окраина которого отстоит около 8 верст от городской стены. Дома на окраине оазиса рассеяны довольно редко и сплочиваются только на базарах, но по мере приближения к городу, расположенному в центральной его части, расстояние между домами уменьшается, и около городской стены они образуют уже местами тесные улицы.

Верстах в двух от города экспедицию встретила депутация от наших торговцев в Яркенде с аксакалом Насыр-Джаном-ходжою во главе, приготовившим для нее квартиру в отдельном загородном доме. В этом доме, отстоящем в версте от города, мы расположились с большим удобством, пользуясь тенистым садом и чистым прудом для купанья.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТ ЯРКЕНДА ДО ХОТАНА

Яркендский оазис. — Его пространство, почва и естественные произведения. — Город Яркенд. — Промышленность и торговля. — Опрос ладакцев. — Развалины Конё-татар. — Путь экспедиции из Яркенда через Каргалык в горы Кун-луня. — Стоянка в местности Тохта-хон. — Характер окрестных гор; их флора и фауна. — Ваханлыки и пастухи. — Неожиданное свидание с европейцами. — Дальнейшее следование экспедиции в Хотан. — Полоса лёссовых бугров с ее древесною растительностью, окаймляющая пустыню Такла-макан с юго-запада. — Сведения об этой пустыне. — Легенда о ее происхождении и суеверные сказания о ней. — Остановка в Хотанском оазисе.

Яркендский оазис, занимающий по приблизительному исчислению площадь около 600 кв. верст, имеет превосходную лёссовую почву, обильно орошен арыками из Яркенд-дарьи и потому считается плодороднейшим во всей Кашгарии.

Избыток воды обуславливает существование в этом оазисе обширных рисовых плантаций, которые в течение всего лета должны быть покрыты водой. Они занимают площадь почти в 50 кв. верст к юго-востоку от города и дают множество риса, который вывозится в Кашгар и Хотан.

Кроме того, Яркендский оазис производит много пшеницы, кукурузы, ячменя и хлопка. В нем возделываются также: сорго, лен, конопля, кунжут, мак и табак. Урожай хлебных растений в этом оазисе таковы: пшеница родится средним числом сам-15, кукуруза сам-40, рис сам-18 и ячмень сам-16.

В Яркендском оазисе снимают обыкновенно две жатвы в лето, но не со всей возделываемой площади земли, а лишь с тех ее участков, которые не требуют отдыха. Эти участки еще осенью засевают озимую пшеницею или, чаще, раннею весною — ячменем. Озимая пшеница и ячмень созревают в Кашгарии в начале июня; по снятии их освободившиеся поля немедленно засевают кукурузой, которая поспевает уже в октябре. С полей же, требующих отдыха, снимают только одну

жатву, а люцерну, засеваемую в каждом хозяйстве, три и даже четыре раза в лето.

Бывают, однако, неблагоприятные годы, в которые вторую жатву редко удается снять. Это случается после малоснежных зим в окраинных горах и их неизбежного последствия — весеннего маловодья рек, орошающих оазисы, а также в годы слишком позднего наступления весны.

Весь Яркендский оазис, как говорится, утопает в зелени, берега арыков, прудов, придорожных канав и все свободные от посевов места засажены деревьями: пирамидальными тополями (*Populus italiana* et *P. alba*), платанами (*Platanus orientalis*), тутом (*Morus nigra* et *M. alba*), джидою, или лохом (*Elaeagnus* sp. ?), белой, или японской, акацией (*Sophora japonica*), жужубой (*Zizyphus vulgaris*) и ивой (*Salix microstachya*). При всех сельских и некоторых городских домах разведены сады, в которых успешно растут: абрикосы и персики разных пород, белые вишни, гранаты, грецкие орехи, яблоки, груши и виноград. Огородные овощи: лук, морковь, редис, бобы, фасоль, петрушка и укроп роятся в изобилии. Картофеля, огурцов и капусты туземцы Кашгарии не разводят; их можно найти, однако, во всех оазисах страны, в которых живут китайцы или дунгане¹⁰, возделывающие эти овощи для себя. Дынь же, арбузов и тыкв в Яркендском оазисе разводится множество.

Во всем Яркендском оазисе, за исключением городов, по последней переписи считается до 150 000 жителей. Следовательно, в нем на каждую квадратную милю приходится по 12 500 человек, а на квадратную версту—250 человек. В действительности же плотность населения этого оазиса должна быть еще несколько больше, потому что на площади в 50 кв. верст, занимаемой рисовыми плантациями, число постоянных жителей очень незначительно.

В северо-восточной части оазиса расположены рядом два города: туземный, или мусульманский, и китайский, называемый Янги-шаари (т. е. Новый город). Туземный город обнесен глиняной стеной в виде неправильного пятиугольника с башнями по углам и бойницами вверху, но без рва. Городская стена имеет до двух сажен в толщину, почти четыре сажени в высоту и до четырех верст в окружности.

В 150 саженях к северо-западу от туземного города расположен китайский город, окруженный также стеною из необожженного кирпича прямоугольного начертания около 300 сажен длины и 200 ширины. Стена имеет башни по углам и на середине каждого фаса, четверо ворот и бойницы; толщина ее около сажени, а высота не более двух сажен; вокруг нее простирается широкий и глубокий ров.

В мусульманском городе считается около 30 000 жителей, почти исключительно туземцев, а в китайском — только 1 500 человек, в том числе 500 солдат; остальные же обитатели его — китайские чиновники, купцы, ремесленники, прислуга и немного туземцев. В Янги-шаари помещаются: окружное управление, начальник округа, все китайские чиновники и две лянцзы (батальона) китайских войск.

Дома в туземном городе мало разнятся от сельских. Это небольшие мазанки с плоскими крышами, в которых оставляются оконные отверстия, закрываемые створчатыми ставнями. Больших архитектурных зданий, за исключением немногих мечетей, вовсе нет. Этим последним в мусульманском городе насчитывается до 60, но из них только три

обращают на себя внимание величиною и внешним видом, а именно: Алтын-мечеть, считающаяся главной, с высшим духовным училищем Хандык-медресе; мечеть Мухаммет-хана и Джалмы. Первые две старинные, а последняя выстроена недавно, при Якуб-беке¹¹.

Улицы в этом городе очень узки и мрачны, в особенности те из них, которые для защиты от солнечного зноя покрываются на лето сверху тростниковыми циновками. Вода в городских прудах и канавах, употребляемая для питья и кушанья, отвратительная, а грязь и зловоние в туземном городе царствуют повсюду. Санитарное состояние его вообще крайне неудовлетворительно, а потому болезненность и смертность в Яркенде, в особенности летом, достигают весьма больших размеров. Этому немало способствует также близкое соседство с городом обширных рисовых плантаций, порождающих летом изнурительные лихорадки. В Яркенде, между прочим, сильно распространен зоб, заболевание которым туземцы объясняют употреблением недоброкачественной воды. Зобатые мужчины и женщины в этом городе встречаются очень часто, но только среднего возраста; у молодых же людей обоего пола и у детей зоба не бывает.

В туземном городе два базара, состоящие из узких, местами крытых циновками улиц, длиною около 300 сажен. Наружные фасады домов, образующих базарные улицы, заняты лавочками, разными ремесленными заведениями и чайными домами (чай-ханэ), напоминающими наши сельские харчевни. Все базарные постройки отличаются малыми размерами, причем лавки, чай-ханэ и ремесленные заведения расположены в беспорядке: рядом с пекарней, например, помещается кузница, а возле лавки с мануфактурным товаром цирульня или чайный дом. Лавки снаружи открыты и заграждаются с лицевой стороны только невысоким барьером, а перед чайными домами и ремесленными заведениями устроены маленькие веранды с навесами и лежанками, на которых ремесленники часто занимаются своим делом, а посетители чайных домов закусывают и пьют чай.

Смесь и пестрота на этих базарах поистине поразительные, не менее изумительны своим причудливым разнообразием и житейские сцены, меняющиеся на них, как в калейдоскопе. Вот, например, компания туземцев, усевшись чинно на веранде перед чайным домом, насыщается любимым пловом, а на соседней веранде цирульник бреет голову своему клиенту; рядом с цирульней, в кузнице, раздаются удары молотов и сыплются огненные искры; подле нее торговец семенами отвешивает свой товар покупателю в то время, когда другой сосед его, портной, примеряет на веранде халат заказчику. Для полноты картины нужно добавить еще разносчиков с лотками на головах или на тачках, шныряющих с обычными призывными криками взад и вперед по базару, непрестанное движение толпы посетителей, вереницы проходящих нагруженных и порожних ослов, издающих по временам неистовый рев, и несмолкаемый говор людей. Весь этот шум не мешает, однако, некоторым ремесленникам после трудов покойно спать среди белого дня на лежанках своих веранд.

Базары открыты ежедневно, а дважды в неделю, в определенные раз навсегда дни, на них бывают торжки. Торговцы увеличивают на эти дни количество товаров в своих лавочках, а ремесленники стараются приготовить побольше вещей на продажу. Число посетителей базаров в такие дни значительно превышает будничную базарную толпу.

В китайском городе — только один базар, но широкий и сплошь крытый. Лавки китайских и туземных купцов на этом базаре больше и лучше, чем на базарах мусульманского города. Ремесленные заведения на нем точно так же обширнее и содержатся опрятнее. Вообще в Янги-шаари замечается больше чистоты, чем в туземном городе; дома в нем тоже лучше и поместительнее.

Туземные торговцы горько сетуют на пошлины (бадж), которыми ныне облагаются все предметы торговли на базарах, исключая жизненные припасы. Эти пошлины, введенные недавно китайскими властями, крайне стесняют торговлю. Хотя они и не обременительны по своим размерам, но взимание их придирчивыми китайскими сборщиками и наложение клейм на все оплаченные предметы составляют очень сложную процедуру, в высшей степени неприятную торговцам.

Цены на жизненные припасы и вообще на предметы первой потребности в Яркенде очень умеренные.

Соль в Яркендский оазис доставляется: каменная из гор хребта Сары-кол и самосадочная из соляных озер, лежащих близ большой дороги из этого оазиса в Кашгар.

К юго-западу от Яркенда, в горах Кун-луня, в летнее время добывается ежемесячно около 100 пудов меди, из которой в Кашгаре китайское казначейство чеканит монеты (пулы), стоимостью в 0,6 и в 0,3 нашей копейки.

Река Яркенд-дарья ежегодно во время разлития осаждает на своих плоских берегах близ юго-восточной окраины Яркендского оазиса массу золотоносного ила, из которого туземцы извлекают посредством промывки значительное количество золота. Право промывки золотоносного ила и вольной продажи добытого из него золота предоставляется безвозмездно каждому желающему.

В промышленном отношении Яркенд занимает первое место после Хотана. В этом городе готовится множество обуви, которая, за удовлетворением местной потребности, вывозится на продажу в другие города страны. Затем следуют в нисходящем порядке: производство бумажных тканей, выделка кож, ковров, войлоков, сбруи и небольшого количества шелковых тканей.

Кроме того, в Яркенде выделывают немного разных вещей из нефрита, добываемого в горах Кун-луня по верхнему течению Яркенд-дарьи¹². Эти вещи сбываются почти исключительно китайским купцам, которые отправляют их в Пекин.

Из Яркенда ежегодно вывозится много риса и пшеницы, преимущественно в Кашгар для продовольствия расположенных там в большом числе китайских войск, которым местного хлеба нехватает. Остальной же излишек этих продуктов отправляется в Хотан.

Яркенд ведет небольшую торговлю с Ладаком, куда из этого города вывозятся только козий пух и «нашá» (гашиш) — наркотическое вещество, добываемое из конопли*.

Из Ладака же в Яркенд доставляется: преимущественно белая ки-

* Нашá отправляется из Ладака в Индию и выкуривается там низшими классами населения, которым опий, по своей дороговизне, недоступен. Фунт нашá стоит в Яркенде от 40 коп. до 1 рубля, смотря по качеству; ежегодный вывоз ее из этого города простирается до 60 пудов. Козьего же пуха в Ладак ежегодно вывозится около 2700 пудов. Из этого пуха, продаваемого в Яркенде по 32 коп. за фунт, в Кашмире готовят знаменитые шали, вывозимые оттуда даже в Европу.

сея на чалмы, женские кисейные платки, индийские лекарственные вещества, бенгальский чай низкого сорта (контрабандой) и немного английских ситцев (бомбейских фабрик) и металлических изделий. Торговля с Ладаком крайне стесняется трудностью караванного пути через высочайшие хребты Кун-лунь и Кара-корум. Товары по этому пути перевозятся выючным способом на лошадях (по шести пудов на каждой), которых на высоких перевалах заменяют яками, нанимаемыми у горцев — ваханлыков.

Караванное сообщение с Ладаком поддерживается только в летние месяцы — с мая по ноябрь. Доставка каждого пуда товара из Яркенда в город Ле обходится от 4 до 5 рублей на наши деньги, а следование каравана между этими городами продолжается до 35 дней. При таких невыгодных условиях трудно рассчитывать на развитие торговли между Кашгарией и Индией в значительных размерах, а капитальное исправление горной дороги из Яркенда в Ле потребовало бы промадных неплатных затрат.

В Яркенде проживает постоянно около 100 человек наших торговцев, в числе которых нет ни одного русского — все ферганские сарты, именуемые туземцами Кашгарии вообще андижанами. Главный предмет их сбыта — мануфактуры наших фабрик, преимущественно ситцы, а металлические изделия. Кроме того, они продают сахар, стеариновые свечи, зажигательные спички, разный мелочный товар и некоторые изделия ферганских ремесленников.

Из Яркенда же наши торговцы вывозят преимущественно грубую бумажную ткань (мату) для туземцев Туркестанского края; затем козий пух, овчины, ковры и войлоки.

В Яркенде считается до 30 караван-сараев, в которых останавливаются торговые караваны, прибывающие с товарами из Ле, Кашгара, Хотана и других городов. В этих обширных зданиях находятся помещения не только для людей и товаров, но и для всех животных приходящих караванов.

Во время пребывания в Яркенде я, между прочим, узнал, что в этом городе находится несколько человек ладакцев, пришедших с караваном из города Ле, которые бывали в Тибете. Надеюсь получить от них какие-нибудь сведения о северо-западной части этой страны, я пригласил их через аксакала Насыра-Джана-ходжу к себе на квартиру. По справке оказалось, что трое из прибывших ладакцев действительно были в Тибете и по приглашению аксакала немедленно пришли ко мне. На предложенный им вопрос, в какой части Тибета они были, ладакцы отвечали, что два года тому назад, т. е. летом 1887 г., они ходили с торговым караваном из Ле через Рудок в монастырь Торго, находящийся в 10 днях пути к западу от Лхасы. Около этого монастыря, по их словам, ежегодно в июле бывает большая ярмарка, на которую стекаются торговые караваны из Ладака, Лхасы и других местностей Тибета. С одним из таких караванов им и пришлось, в качестве погонщиков, побывать в Торго летом 1887 г.

По рассказу опрошенных ладакцев, из Рудока в Торго ведет торная караванная дорога, пролегающая на всем протяжении по весьма широкой междугорной долине на юго-восток. Эта обширная долина окаймлена с северо-востока и юго-запада высокими горными хребтами, на которых белеют местами вечноснеговые горы. На всем пути от Рудока до Торго путники не видели ни одного озера, но речки и ручьи встречались в до-

лине часто. Погода в ней во время следования каравана, в июле и июне, стояла прохладная и часто выпадали дожди. Подножный корм для животных в долине повсюду очень хорош, и нет ни одной безводной станции. В ней кочуют местами тибетцы в черных палатках, а между их стойбищами пасутся привольно многочисленными стада диких яков, куланов и антилоп.

По свидетельству тибетцев, с которыми путники все-таки имели сношения, страна к северу от долины, за горами, очень высока, пустынная и безлюдна. Тибетцы весьма редко посещают ее со своими стадами, потому что в ней вовсе нет хорошего подножного корма. Через эту страну не существует никакого сообщения с Кашгарией, о которой обитатели долины слышали от ладакцев, проходивших с караванами в Торго. По словам тибетцев, через эту пустынную и безлюдную страну к ним в долину никогда не проникали чужеземцы с севера.

Ладакцы провели в пути из Рудока в Торго и обратно два месяца, включая и пребывание на ярмарке, продолжавшееся две недели. От Рудока до Торго, по пройденной ими караванной дороге, они насчитали 16 переходов, составляющих в общем итоге расстояние около 650 верст*.

Окончив расспросы, мы показали ладакцам типы тибетцев, рисунки их палаток, утвари и других вещей. Увидев типы, они с изумлением воскликнули: «Чантан! чантан! (т. е. тибетцы! тибетцы!), это те самые люди, которых мы видели на пути в Торго, вот и палатки их! Как вы могли нарисовать все это так верно за глаза?». Потом, указывая на рисунки некоторых предметов, они называли их по-тибетски и объясняли назначение.

Поблагодарив ладакцев за их интересное сообщение о неизвестной стране, я раздал им подарки и дружески простился с этими простодушными людьми.

В Яркенде я пытался также разузнать что-нибудь о развалинах пустыни Такла-макан. Аксакал Насыр-Джан-ходжа, проживший в этом городе 18 лет, сообщил мне, что, по уверению многих знакомых ему туземцев, в 40 верстах к востоку от Яркенда, на окраине пустыни, находятся развалины, называемые Конё-татар и занимающие обширное пространство. В них ясно заметны основания домов и сохранились пни от больших деревьев, осенявших некогда поселение. В этих развалинах туземцы находят домашнюю утварь, обломки разных орудий, а иногда золотые и серебряные вещи. В песчаной же пустыне, простирающейся к северу от Яркенда, неизвестно никаких развалин, по крайней мере поблизости Яркендского оазиса.

Все эти сведения о развалинах, сообщенные Насыром-Джаном-ходжою, подтвердили мне опрошенные мною жители Яркендского оазиса.

8 июля экспедиция оставила Яркенд и направилась по Хотанской дороге почти прямо на юг. Первые пять верст от города мы шли среди рисовых плантаций, над которыми плотно дороги приподнято искусственно фута на три. Плантации в то время были залиты водой вершка в четыре глубины. Они занимают низменную площадь с бурой перегнойной почвою, резко отличающейся от светложелтой лёссовой почвы

* Вот перечень станций на этой дороге, записанных со слов ладакцев: Рудок, Лямолебра, Роксум, Тасоль, Зюлюнцы, Робан, Яхстод, Джамтон, Цемар, Нанцан, Типце, Камгон, Тчок, Цуруль, Цака, Топченмо, Торго.

остальных возвышенных мест Яркендского оазиса. Рис сеют в конце апреля и тотчас же заливают засеянные поля водой, которая должна покрывать их до конца сентября, пока он не созреет. В этот период времени на рисовых полях, покрытых постоянно водой, живет много болотных птиц. Во время жаров рисовые плантации порождают упорные лихорадки, которыми часто заболевают не только живущие поблизости их поселяне, но и многие из городских жителей.

На шестой версте от города мы перешли по мосту через небольшой рукав Яркенд-дарьи, называемый Сугучаком. От моста рисовые плантации тянутся еще версты на три по правую сторону дороги, а по левую простираются большею частью пустыри, на которых разбросаны кое-где, в виде маленьких островков, усадьбы туземцев, осененные деревьями. Далее экспедиция следовала около версты по густозаселенной прибрежной местности почти до самой Яркенд-дарьи. Эта величественная река была в то время в полном разливе и несла совершенно мутную, желтую воду; ширина ее на переправе простиралась около 130 сажен; средняя глубина, по словам перевозчиков, до двух сажен, а скорость течения приблизительно 6 футов в секунду.

Переправа нашего каравана на шести больших лодках, благодаря ловкости и стараниям туземцев-перевозчиков, продолжалась не более двух часов и окончилась благополучно.

Большая хотанская дорога пересекает Яркенд-дарью верстах в восьми выше летней переправы, и по ней в высокую воду сообщение прекращается, потому что там нет удобных мест для пристаней. При низкой же воде Яркенд-дарью переходят в том месте вброд, а зимой по льду.

От переправы дорога идет около 16 верст по низменной долине Яркенд-дарьи с бурой перегнойною почвою. По сторонам ее встречались изредка рисовые поля, орошаемые из многоводного арыка, который направляется вдоль дороги. Селения в этой низменной местности редки и малолюдны.

Из долины мы поднялись на возвышенную равнину, опускающуюся к ней с юго-востока довольно крутым и высоким увалом. На этой равнине, имеющей уже чистую, светложелтую лёссовую почву, плотность населения значительно больше, чем в низменной долине Яркенд-дарьи с бурой перегнойной почвой. Поднявшись на нее, мы прошли почти 20 верст по оазису, тянущемуся непрерывно вдоль дороги с обширными полями, которые были покрыты прекрасной кукурузой.

В этом сплошном оазисе мы миновали два большие селения с базарами — Паскал и Ешим-базар. В первом из них экспедиция вышла на большую хотанскую дорогу, направляющуюся, как выше замечено, западнее летней переправы через Яркенд-дарью. Сельские базары расположены обыкновенно в центральных частях селений, где дома сплочиваются и образуют узкую улицу с лавочками, пекарнями, чай-ханэ и разными ремесленными заведениями.

К юго-западу от дороги селения, по словам проводников, простираются верст на 100, до гор, а на северо-востоке культурная зона оканчивается верстах в пяти. За нею следует полоса мелких лёссовых бугров, шириною около 30 верст, а за последнею — пустыня Такламакан. В этой полосе бугров, служащей как бы преддверием названной пустыни, растет повсюду тамариск, а в плоских котловинах между буграми встречается редкий низкорослый тополь. На восточной окраине

ее находится мазар (могила) мусульманского святого Дзыды-паши и при нем маленький монастырь, посещаемый паломниками. Дорога в монастырь отходит с почтового тракта в селении Ешим-базар, от которого он отстоит верстах в 40 к северо-востоку. Монастырь расположен на арыке, питаемом обильными источниками, близ западной окраины пустыни Такла-макан, покрытой в том месте высокими песчаными грядами, на которых нет никакой растительности.

Южнее селения Паскал мы прошли мимо мазара Шайдалыка, находящегося у самой дороги. Туземцы, проезжающие по этой дороге в Яркенд с продуктами на продажу, молятся у могилы святого и берут около нее горсть земли, которая, по их верованию, способствует выгодному сбыту привезенных на базар продуктов. Затем экспедиция перешла по мосту через многоводный арык, выведенный из далекой Яркенд-дарьи. Он орошает поля и сады многих селений, лежащих к западу от дороги, и, по пересечении ее, направляется к северу, питая и там своими водами обширную площадь культурной земли. Этот арык, текущий в глубоком и извилистом русле, очень сходен с речкой, и мы, переходя через него по мосту, были вполне уверены, что пересекаем речку. Но проводники уверяли, что это искусственный канал, прорытый очень давно их предками и промывший в течение долгого времени себе ложе, неотличимое от речного.

Из селения Ешим-базар экспедиция вышла на широкую долину реки Тызнап и пересекла по мостам пять узких, но глубоких разветвлений ее рукава, называемого Тызнап-бой. По берегам этих протоков простираются густые заросли тростника, усеянные малыми озерками, на которых в то время было много плавающих и голенастых птиц. Солонцеватая, перегнойная почва долины, в особенности на берегах рукава Тызнап-бой, очевидно, мало пригодна для земледелия, и потому долина реки Тызнап в этом месте очень слабо населена.

Река Тызнап, через которую мы перешли совершенно свободно вброд, получает начало под названием Холостан-дарья в высоких горах Кун-луня, близ перевала Янги-даван и течет в северо-восточном направлении. По выходе из гор на равнину она пересекает большую хотанскую дорогу между селением Ешим-базар и городом Каргалык и теряется верстах в 15 к востоку от нее в лёссовых буграх. Долина названной реки, подобно долине Яркенд-дарьи, окаймлена с юго-востока увалом соседней возвышенной равнины. На этой последней, отличающейся превосходною лёссовою почвою, селения следуют с небольшими промежутками одно за другим до самого города Каргалык. Поля были покрыты превосходной кукурузой, поднимавшейся местами до девяти футов в высоту; встречалось и немало усадеб, окруженных с прилежащими к ним полями непрерывными глиняными стенками — верными признаками благосостояния их владельцев. Внутри каждой из таких оград заключается двор с домом и надворными постройками, обнесенный, в свою очередь, с двух или трех сторон внутреннею стенкою, прилегающею к наружной ограде, а в надворную стенку упирается садовая. Затем, все остальное пространство, ограниченное внешней, или объемлющей, стенкой, занимают поля. Самые же земельные участки туземцев очень незначительны: у зажиточных они редко бывают более трех наших десятин на семейство, а у бедных не превосходят двух десятин, считая в том числе площадь, занятую двором со всеми на нем постройками и садом.

11 июля экспедиция прошла через маленький городок Каргалык и расположилась на ночлег близ юго-западной его окраины в оазисе. Каргалыкский оазис занимает площадь около 300 кв. верст и орошается многоводным арыком, выведенным из реки Тызнап. Тучная лёссовая почва его отличается замечательным плодородием. В этом оазисе мы видели много усадеб, обнесенных глиняными стенками, а на полях — превосходную кукурузу до 10 футов высоты. Плоды и овощи в нем рождаются в изобилии.

На северной окраине оазиса расположен городок Каргалык, не обнесенный стеной, в котором проживает окружной начальник с несколькими китайскими чиновниками и находится окружное управление. В городе есть порядочный базар с лавочками и различными ремесленными заведениями.

В Каргалыкском оазисе вместе с городом считается до 30 000 жителей. Следовательно, в нем на каждую квадратную географическую милю приходится средним числом около 4 900 жителей, а на квадратную версту до 100 человек. В действительности же плотность его населения должна быть гораздо больше, потому что в северо-восточной части оазиса много пустырей.

В этом оазисе я окончательно решил повернуть с экспедицией с большой хотанской дороги в горы Кун-луня и простоять там в прохладной местности до спадения на равнине жаров. Наши животные были так утомлены сильными жарами и насекомыми, что дальнейшее следование на них в Хотан по пустынной большей частью равнине, в нестерпимые жары, представлялось крайне рискованным.

Оставив большую дорогу, экспедиция направилась из Каргалыкского оазиса почти прямо на юг, по кружному караванному пути, ведущему через селение Кок-яр и перевал Янги-даван в Ладак. По выходе из оазиса эта дорога пролегает по пустынной щебне-галечной равнине, простирающейся на запад до берегов реки Тызнап. На востоке же вдоль дороги на протяжении около 15 верст тянется полоса Каргалыкского оазиса, постепенно выклинивающаяся в южном направлении.

В 20 верстах от оазиса экспедиция вступила в долину плоской и пустынной песчаниковой гряды, простирающейся в восточно-западном направлении почти параллельно подножью Кун-луня. Эта неширокая долина, окаймленная весьма высокими обрывами, орошена маленькой речкой Таш-булак и в северной части совершенно бесплодна; в южной же оживляется довольно разнообразной растительностью и присутствием трех маленьких поселков. У первого из них мы разбили палатки для ночлега на зеленом лугу, покрытом невысокой, но густой травой. Такие луга встречаются очень редко в Кашгарии и притом почти исключительно на запущенных низменных полях. В омутах речки Таш-булак мы наловили порядочное количество маринки и гольцов, добыв там же двух водяных ужей.

Около 4 часов пополудни на северо-востоке показалась темная пыльная туча, надвигавшаяся со стороны пустыни Такла-макан. К 6 часам солнце совершенно померкло и настала такая тьма, что нельзя было различить высокого обрыва, отстоявшего не далее 200 сажен от нашего лагеря.

На следующий день мы продолжали путь сначала по той же долине, постепенно расширяющейся в южном направлении. По берегам речки Таш-булак она покрыта камышом, злаком чиём (*Lasiagrostis*

splendens) и разнообразными кустарниками. Миновав два маленьких поселка, расположенных в южной части долины, экспедиция вышла на обширную щебне-галечную равнину, называемую Юз-баш-аягы. Эта пустынная равнина, заключающаяся между предгорием Кун-луня и пересеченной нами песчаниковой грядой, простирается на запад от дороги верст на 100, до реки Тызнап, а на юго-востоке она переходит в долину речки Килиан-су, окаймляемую с юго-запада отрогом Кун-луня — Коштагом, а с северо-востока — помянутою песчаниковою грядою. Западная часть равнины представляет бесплодную пустыню, в восточной же ее части, орошенной местами маленькими речками, встречаются изредка малолюдные селения.

Река Таш-булак, текущая поперек описываемой равнины с юга на север и прорезающая потом означенную гряду, то иссыкает в своем ложе, то появляется на дневной поверхности равнины, и только после обильных дождей в соседних горах, в которых находятся ее истоки, она разливается и течет непрерывно.

Пройдя верст 16 по пустынной равнине, экспедиция достигла выселка Юз-баши и остановилась около него на ночлег. К востоку и юго-востоку от этого поселка видны были кое-где на равнине оазисы с селениями, протянувшимися узкими полосами по берегам орошающих их арыков.

От выселка Юз-баши мы прошли еще верст семь по той же пустынной равнине, встретив на ней несколько стад степных антилоп (*Gazella subgutturosa*); потом вступили в долину, образуемую плоскими, пустынными песчаниковыми отрогами Кун-луня. Она орошена речкою Таш-булак и покрыта по ее берегам камышом и кустарниками. В этой долине расположено многолюдное селение Кок-яр, имеющее около 800 жителей. Дома в нем, по недостатку места в долине, сплочены гораздо теснее, чем в равнинных оазисах. Пахотной земли в селении недостаточно, воды тоже мало, а потому жители его занимаются в больших размерах овцеводством. Стада их пасутся в соседних горах Кун-луня, на которых встречаются местами хорошие пастбища. Недостаток пахотной земли и воды для орошения полей вынудил даже некоторых жителей Кок-яра перейти от занятия земледелием исключительно к овцеводству.

Переночевав близ южной окраины селения, мы прошли верст семь по песчаной равнине и должны были остановиться на ночлег у выселка Пуса-лянгера, так как далее, на протяжении 20 верст по дороге, не было воды, а дни стояли очень жаркие. Долина речки Таш-булак, носящей выше Кок-яра название Ясполун-су, к юго-востоку от этого селения значительно расширяется и покрыта плоскими песчаными буграми, но далее к югу опять суживается. В широкую часть долины Ясполун-су выходят с юга узкие междугорные долины, заключающиеся между пустынными песчаниковыми отрогами Кун-луня.

В день нашей стоянки у лянгера Пуса повторился густой пыльный туман. После полудня начал дуть свежий ветер с северо-востока, принесший вскоре такую массу пыли, от которой быстро померкло солнце, а потом совершенно скрылись из вида и ближайшие высоты.

Пользуясь продолжительной остановкой, я расспрашивал жителей поселка Пуса-лянгера о соседних горах Кун-луня и просил указать в них место, удобное для продолжительной стоянки каравана. Туземцы советовали нам идти по той же дороге на реку Холостан-дарья (верхнее

течение реки Тызнап), где, по их словам, есть места с весьма хорошим подножным кормом. Если же верблюды будут не в состоянии перевалить через лежащий на пути крутой хребет Топа-таг, то остановиться севернее его гребня — на урочище Тохта-хон.

Взяв из Кок-яра проводников, мы направились к югу по пустынной долине, окаймленной невысокими и бесплодными отрогами Кун-луня. К востоку и западу от нее, между соседними отрогами, простираются такие же пустынные долины; все они имеют весьма значительное падение к северу и прорезаны вдоль глубокими сухими руслами, по которым стремятся временные потоки после обильных дождей в высоких горах хребта Топа-таг, замыкающих эти долины на юге.

В конце станции долина перешла в скалистое ущелье, в котором под высоким утесом находится источник, наполняющий чашеобразное полукаменное углубление чистой водой. Немного южнее источника, где ущелье расширяется в долину, мы разбили лагерь для ночлега.

В тот же день я послал одного из наших казаков с туземцами для осмотра перевала через хребет Топа-таг по дороге на реку Холостан-дарья. Этот перевал, называемый Топа-таг-даван, оказался недоступным для наших слабых верблюдов. Оставшись еще на день в том же месте, я отправил другого казака с туземцами осмотреть урочище Тохта-хон, на которое нам указывали жители Пуса-лянгера. Посланный, возвратившись в тот же день в лагерь, сообщил, что на этом урочище подножный корм для верблюдов хорош, а для лошадей посредственный; воды же в двух соседних источниках для всего каравана будет совершенно достаточно. Другого, более удобного места для продолжительной стоянки экспедиции во всей окрестной местности не было, а потому я решил расположить ее на урочище Тохта-хон.

Пройдя верст семь до местности Ак-мечеть по неширокой долине, мы повернули на юго-восток и следовали верст шесть до самого урочища Тохта-хон по узкой, извилистой побочной долине. Сообщенные о нем казаком сведения оказались совершенно верными. Мы расположили лагерь на небольшой междугорной площади, в расстоянии около версты от источников, находящихся в глубоких ущельях, в которых не было удобного места для стоянки.

На другой день по прибытии в местность Тохта-хон я со всеми сотрудниками, в сопровождении трех казаков и двух туземцев, отправился осматривать перевал Топа-таг-даван. Мне хотелось достоверно узнать, нельзя ли как-нибудь исправить пролегающую через него дорогу, чтобы сделать ее доступною для верблюдов с вьюками, или обойти трудные на ней места кружным путем.

Выехав на урочище Ак-мечеть, мы направились к юго-западу по узкой долине, ведущей на перевал, и верстах в шести от этого урочища достигли северного подножья главного хребта Топа-таг. Подъем на перевал Топа-таг-даван, вершина которого возвышается на 10 330 футов над морем, очень крут, хотя восхождение на него и облегчается несколько зигзагами дороги. Спуск на юге на протяжении около полуверсты от вершины перевала тоже сильно крут, но далее дорога идет версты три по отлогому склону, потом по весьма трудным каменным уступам, называемым Аккурран-даван, и наконец последние три версты спускается постепенно ущельем к реке Холостан-дарья, на урочище Баранса.

Добравшись с трудом до реки, мы окончательно убедились в недоступности перевала Топа-таг-даван для верблюдов с вьюками, а

обход трудных на нем мест оказался совершенно невозможным. После кратковременного отдыха на берегу быстрой Холостан-дарьи, текущей в том месте в узкой и пустынной долине, мы сели на лошадей и возвратились тем же путем в свой лагерь.

Таким образом, мы должны были остаться в местности Тохта-хон и пробыли там почти полтора месяца — с 18 июля по 1 сентября. Оттуда геолог экспедиции К. И. Богданович совершил продолжительную экскурсию на запад, в горы Кун-луня, до Яркенд-дарьи¹³. Другой мой сотрудник, П. К. Козлов, с препаратором экспедиции ездил в долину верхней Холостан-дарьи и добыл там несколько интересных видов птиц для коллекции. Ботаник экспедиции В. И. Роборовский занимался собиранием растений для гербария в окрестных горах, а я — астрономическими и магнитными наблюдениями, расспросами туземцев об окрестной стране, а также измерениями высот верхней и нижней границ древесной растительности на соседних горах.

Горы, в которых мы находились, принадлежат к системе Кун-луня, заполняющего в юго-западной Кашгарии обширное пространство своими длинными северными и северо-западными отрогами. Один из таких мощных отрогов, называемый Топа-таг*¹⁴, простирается с юго-востока на северо-запад по правому берегу Холостан-дарьи и отделяет от себя почти прямо на север длинные отрасли, оканчивающиеся бесплодными песчаниковыми отпрысками.

Горы хребта Топа-таг и его помянутых северных отрогов в окрестностях урочища Тохта-хон отличаются необычайным расчленением, остротою гребней и чрезмерной крутизной своих склонов. Они повсюду изборозжены целым лабиринтом узких, извилистых долин и сумрачных ущелий. Эти глубокие долины и теснины в свою очередь разветвляются на множество побочных, еще более узких долин, лощин и щелей. Бока всех долин очень круты, а стены ущелий почти повсеместно отвесны; падения же тех и других чрезвычайно велики. Поэтому после каждого обильного дождя с этих гор несутся с оглушительным ревом и страшной быстротой многочисленные бешеные потоки, иссякающие вскоре по прекращении ливня. Источники же в них редки и необильны водой, а постоянных речек, несмотря на значительное выпадение осадков, вовсе нет. Причина тому заключается, без сомнения, в необычайной крутизне самых гор и сильном падении долин и ущелий, по которым дождевые и снеговые воды быстро уносятся на соседнюю северную равнину. Шумные потоки, которыми они низвергаются с высоты, большей частью еще на пути к этой равнине иссякают в рыхлой лёссовой почве нижних долин и появляются на ее поверхности в виде скромных источников, образующих небольшие речки. Этим постоянным источникам и питаемым ими речкам обязаны своим существованием небольшие оазисы, рассеянные по соседней, подгорной равнине.

По причине необыкновенной крутизны и чрезвычайного расчленения описываемых гор сообщение по ним очень затруднительно. По свидетельству туземцев, через хребет Топа-таг, кроме перевала Топа-таг-даван, нигде нельзя не только переехать верхом на лошади, но и перевести ее в поводу. Они уверяли, что даже пешему человеку, не привыкшему к ходьбе по горам, трудно пройти через этот хребет, минуя

* Т. е. пыльные горы, потому что они повсюду покрыты слоем лёсса, нанесенного северными и северо-восточными ветрами из внутренней Кашгарии.

помянутый перевал. Нам хотелось проехать с урочища Тохтан-хон вер-
хами через хребет Топа-таг на Холостан-дарью восточнее перевала
Топа-таг-даван; но туземцы категорически заявили о совершенной
невозможности такой поездки, и никто из них не решился служить нам
проводником.

На северных склонах описываемых гор, преимущественно в крутых
и глубоких лощинах, защищенных от жгучих солнечных лучей сосед-
ними высотами, встречаются изредка небольшие еловые и можжевело-
вые лески с кустарниками черной смородины, рябины, розы, жимолости
и ивы *. В открытых же долинах и лощинах растут: чий, барбарис, ло-
монос, мирикария (*Muricaria germanica* et *M. sp. ?*). Несмотря на одно-
образие травянистой растительности этих гор, на них находится немало
порядочных пастбищ. Преобладающие кормовые растения собственно
на горах — кипец (*Stipa orientalis*) и овсянка (*Festuca altaica*). На гор-
ных склонах растет также много касатика (*Iris sp. ?*), которого скот
не ест.

Во время нашего пребывания в горах Топа-тага, к сожалению, бы-
ла засуха: в течение 45 дней только два раза выпадал порядочный
дождь и три раза маленький, смачивавший лишь слегка почву. Посевы
туземцев в горных долинах, орошаемые в благоприятное время кроме
дождя еще арыками из временных потоков, совершенно погибли. Под-
ножный корм в горах от бездождья сильно засох, и только в некото-
рых долинах зеленели еще заросли чия, которым питались наши вер-
блюды; для лошадей же подножного корма было недостаточно, и им
приходилось ежедневно давать понемногу ячменя.

В горах Топа-тага водятся много голубых горных баранов
(*Pseudois Nahoor*) и живут сурки, а в верховьях Холостан-дарьи и ее
притоков встречаются тибетские медведи. Из птиц в этих горах гнез-
дятся: ягнятники, грифы, улары, каменные куропатки, голуби, красно-
носые клушицы, чекканы, земляные ласточки, сорокопуты, белоголовые
плисицы, стенолазы, мухоловки и другие мелкие птички.

На урочище Тохта-хон и в соседних горах живет постоянно около
100 таджиков, переселившихся туда из Вахана еще в конце прошлого
века и называемых поэтому туземцами ваханлыками. Они высокого
роста, с густой окладистой бородой, темнокариими глазами, дугообраз-
ными, сходящимися густыми же бровями и с горбиной на носу. Вахан-
лыки говорят на древнеперсидском наречии, но знают все очень
хорошо и туземный язык. Несмотря на принадлежность к секте шиитов,
они живут в согласии с туземцами-суннитами и отличаются вообще
кротким нравом.

Мужчины и женщины ваханлыков носят большею частью самодель-
ные шерстяные халаты, сапоги из шкур собственной выделки и куполо-
образные овчинные шапки шерстью внутрь с отворотами в виде околы-
ша. Главное занятие ваханлыков — скотоводство и преимущественно
овцеводство. Подспорьем ему служит земледелие, которым они немного
занимаются в некоторых горных долинах, засевая исключительно ячмень.
Ваханлыки ведут пастушескую жизнь: они живут зимой в каменных
хижинах или в глиняных мазанках, расположенных в ущельях, близ

* Верхняя граница ели в этих горах, по моему измерению, лежит на высоте
10 830 футов, а нижняя опускается до 9 960 футов.

источников, а летом — в войлочных юртах, устанавливаемых около зимних жилищ. Скот их пасется круглый год на окрестных горах и на ночь пригоняется почти всегда к жилищам. Перекочевки же с места на место с юртами и стадами ваханлыки предпринимают только в редких, исключительных случаях, когда в окрестностях их поселений бывает бескормица.

В тех же горах Кун-луня пасутся многочисленные стада овец, принадлежащие жителям селения Кок-яр, в числе которых есть владельцы 1 000 и более штук. Стада пасут беднейшие жители того же селения, имеющие немного и своего скота. Пастухи проводят все лето со стадами на больших высотах, проживая, подобно ваханлыкам, в глиняных или каменных хижинах и юртах, расположенных близ источников, к которым пригоняют овец на ночь. На зиму же они спускаются в нижние долины и живут в глиняных мазанках или в землянках.

По рассказам туземцев и рекогносцировке П. К. Козлова, река Холостан-дарья, получающая начало с перевала Янги-даван верстах в 120 от урочища Тохта-хон, течет на северо-восток в узкой долине, переходящей местами в ущелье. Верстах в 90 от истоков она принимает слева многоводный приток Мохон-дарья, а в 20 верстах ниже его в нее изливается справа еще более многоводная и длинная речка Улук-лайляк-дарья. Караванная дорога в Ладак, пролегающая из Каргалыка через Кок-яр, урочище Ак-мечеть, перевал Топа-таг-даван и урочище Баранса на Холостан-дарье, от последнего направляется вверх по этой реке на перевал Янги-даван через Кун-лунь. Она во многих местах проходит по опасным горным карнизам, доступным только для яков, горных лошадей и ослов; верблюды же с вьюками не могут проходить по ней.

Верстах в 20 ниже помянутого урочища Баранса долина реки Холостан-дарья, получающая оттуда название Тызнап, значительно расширяется, и в ней появляются селения, число которых постепенно возрастает вниз по реке. Жители их, благодаря значительному понижению и расширению долины, занимаются успешно земледелием и содержат много овец. Стада их пасутся в горной области Холостан-дарьи, где встречается немало хороших пастбищ, в особенности в долинах Улук-лайляк-дарьи и Мохон-дарьи, весьма богатых настоящими альпийскими лугами. В верховья же Холостан-дарьи, в которых также много хороших лугов, пастухи не проникают, опасаясь набегов канжутцев.

17 августа наш лагерь на урочище Тохта-хон совершенно неожиданно посетили три европейца: француз Довернь и два английских офицера — майор Кумберленд и лейтенант Боуер. Они прибыли из Ладака и намеревались проехать через Таш-курган и Канжут обратно в Ле. Довернь весьма образованный и любознательный негодичник, проживающий в Кашмире более 20 лет и много путешествовавший по окрестным странам, сообщил нам немало любопытных сведений о них. Он, между прочим, был и на озере Пангонг, которое, по его словам, содержит столь соленую воду, что в нем нет никакой животной жизни; окрестности же этого длинного озера совершенно пустыни. На мой вопрос, не передавали ли ему жители Ладака каких-нибудь сведений о северо-западной части Тибета, Довернь сообщил, что они той страны не посещают и ничего не знают о ней. Торговые караваны из Ладака и Кашмира ходят только в Лхасу и в некоторые монастыри Южного Тибета, а в северной и северо-восточной частях его не бывают.

Довернь и его спутники, доставившие нам большое удовольствие своим посещением, пробыли на урочище Тохта-хон почти сутки и затем отправились в дальнейший путь на реку Холостан-дарья.

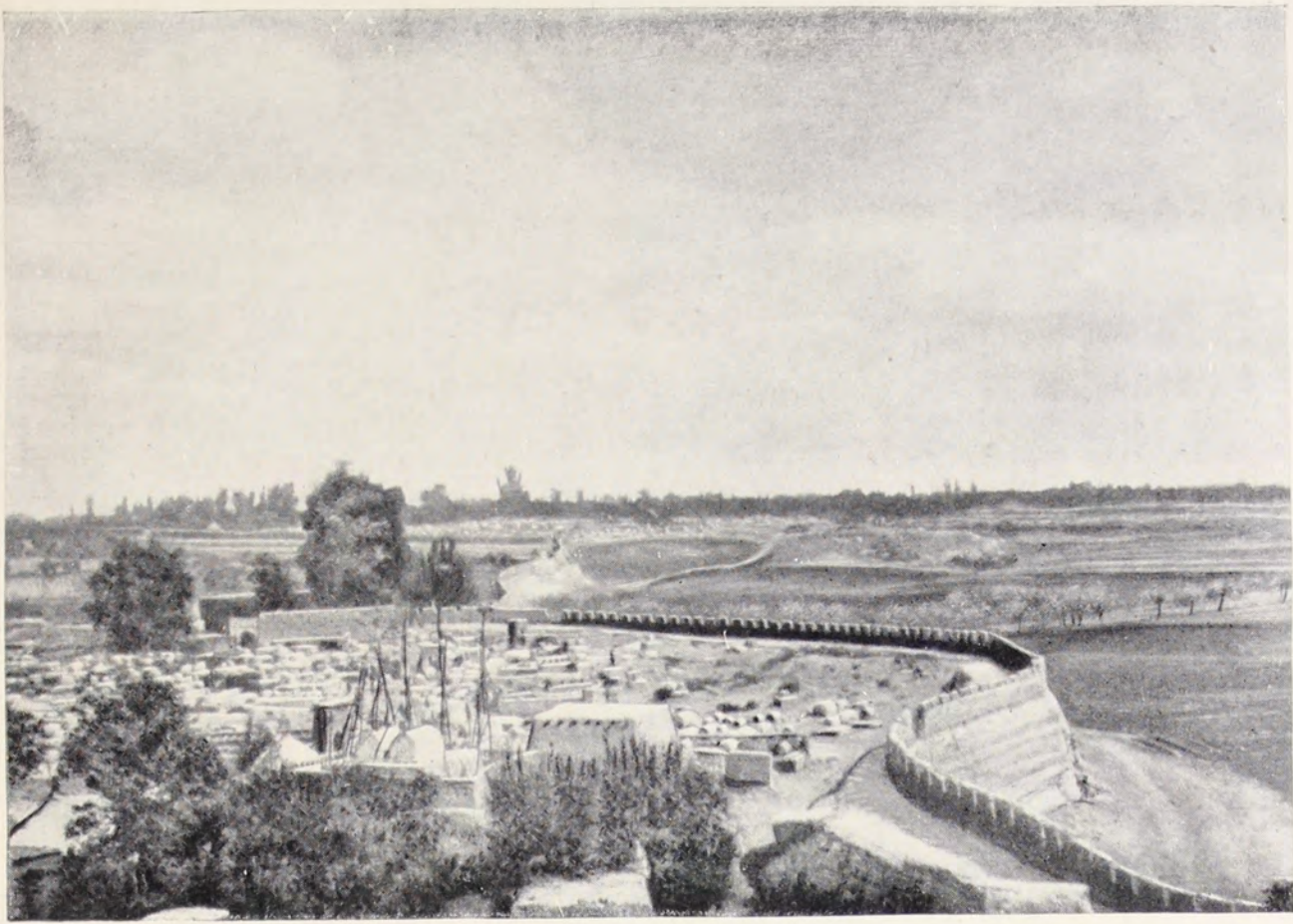
Во время нашей продолжительной стоянки на урочище Тохта-хон почти ежедневно, с 10 часов утра до 5 пополудни, дул порывами прохладный ветер с северо-востока, со стороны пустыни Такла-макан, приносящий пыль. С горных вершин, на которые я всходил по временам, все видимое к северо-востоку пространство казалось покрытым легким пыльным туманом, тогда как высокие горы на западе, за рекой Холостан-дарья, почти всегда можно было различить отчетливо. В половине августа три дня подряд господствовал такой густой пыльный туман, что мы потеряли совершенно из вида вершины ближайших к лагерю гор. Северо-восточный ветер, проникавший к нам по узкой долине с северо-запада, дул регулярно с 10 часов утра до 5 пополудни во все ясные дни, а в пасмурные, когда все небо было покрыто облаками, что случалось, впрочем, редко, — преобладали затишья.

Несмотря на засуху, сильно повредившую развитию растительности во всей окрестной стране, наши верблюды в течение 45-дневного пребывания в горах, на значительной высоте (9 290 футов), где не было ни жаров, ни насекомых, заметно поправились. Лошади, которым ежедневно давали понемногу ячменя, тоже достаточно подкрепились; притом их легко было поправить на пути в Хотан, довольствуясь фуражом, который можно найти во всех придорожных селениях. Поэтому в конце августа, когда жары на равнине уже значительно уменьшились, мы начали готовиться к дальнейшему пути.

В благодарность ваханлыкам и пастухам соседних хижин, относившимся к нам все время с искренним дружелюбием и оказавшим экспедиции много услуг, мы пригласили 30 августа тех и других к себе в лагерь, угостили обедом, чаем и лакомствами, а вечером пускали в их присутствии фейерверк, сопровождавшийся пальбой из нашей маленькой пушки. Такой прием привел наших простодушных гостей в полный восторг. После фейерверка, когда они собирались расходиться по домам, я подошел к ним и, поблагодарив за дружеское к нам расположение и оказанные услуги, пожелал им счастливой жизни, умножения стад и просил о сохранении доброй памяти о нас. Они отвечали, что не только сами до конца своих дней будут вспоминать нас добром, но передадут эти отрадные воспоминания и детям. Затем мы горячо простились с добродушными бедняками, мысленно пожелав им лучшей доли в будущем.

1 сентября экспедиция оставила Тохта-хон и направилась по старой дороге в Кок-яр. Обратный путь с гор на равнину был несравненно легче переднего: мы спускались по долине, имеющей весьма значительное падение, в особенности на первом переходе. Переночевав на прежнем месте, близ источника, мы на другой день встретили партию рабочих из Кок-яра, в числе 200 человек, шедших по наряду на казенный медный прииск. Этот прииск находится в долине Холостан-дарьи, верстах в 18 выше урочища Баранса, в местности Кызыл-элюр. Медь выплавляют из руды в малых печах, вырытых в обрыве, употребляя древесный уголь и ручные меха. Вся добытая медь отправляется в Кашгар, где из нее чеканят монеты.

С рабочими следовали 10 мастеровых из Каргалыка для починки инструментов. Все люди шли пешком, а багаж их, состоявший из платья,

Вверху: вид Яркендского оазиса с городской башни

Внизу: вид города Яркента с городской башни

посуды, инструментов и съестных припасов, был нагружен на ослов. Шествие замыкал китайский чиновник с несколькими полицейскими.

На второй ночлег мы расположились на старом же месте, у лянгера Пуса. Воды в речке Ясполун-су не было вовсе: жители лянгера довольствовались водой из пруда, наполненного посредством арыка в половодье этой речки. В одной версте к западу от лянгера течет постоянный ручей, образующийся в соседней долине из источников, но вода в нем солоновата и притом содержит значительное количество сернистого водорода; скот, однако, пьет ее охотно.

На следующий день экспедиция миновала знакомое селение Кок-яр. Хлеб с полей был уже собран, оставалось немного кукурузы позднего посева. На плоских крышах строений повсюду возвышались скирды кукурузных стеблей, листья которых объедает зимой скот, а самые стволы употребляются на топливо.

Пройдя верст 5 от Кок-яра, мы остановились на ночлег близ выселка Тобен-лянгер, на берегу речки Таш-булак. Эта речка, носящая выше Кок-яра название Ясполун-су, усиливается близ южной его окраины водами многих источников и течет до выхода на соседнюю равнину все лето непрерывно. У Тобен-лянгера, где мы ночевали, в ее русле встречаются неглубокие ямы, в которых живет много гольцов и есть водяные ужи.

По рассказам туземцев, к западу от долины селения Кок-яр на протяжении около 50 верст до реки Тызнап простирается волнистое и совершенно пустынное плоскогорье. Долина же этой реки, обильно орошенная арыками, весьма плодородна, и в ней расположено много селений.

От Тобен-лянгера мы прошли еще около 8 верст по долине Кок-яра; потом, выйдя из нее на описанную уже выше пустынную подгорную равнину, свернули с караванной дороги и направились по проселочному пути на восток. По этому пути мы должны были выйти на большую хотанскую дорогу в многолюдном селении Гума и следовать по ней до самого Хотана.

Равнина, на которую мы спустились с гор Топа-тага, простирается, как было замечено выше, с северо-запада на юго-восток и заключается между предгорьями Кун-луня и плоской песчаниковой грядой, тянущейся почти параллельно этим предгорьям и прорезанной в меридиональных направлениях несколькими речками. В общем эта равнина представляет пустынную, щебне-галечную страну, западная половина которой, лишенная воды и растительности, безлюдна; в восточной же половине, благодаря соседству гор, с которых стекает достаточное количество воды, встречаются изредка маленькие речки, образующиеся на подгорной окраине равнины из ключей. По берегам этих речек и выведенных из них арыков, на лёссовых отложениях в виде длинных островов, расположены небольшие селения и выселки, вытянувшиеся вдоль них узкими полосами.

Переночевав у выселка Бунака, мы сделали небольшой переход по пустынной равнине и остановились в селении Кент-сай на дневку. Селение расположено на правом берегу маленькой речки и растянуто верст на восемь в длину, а в ширину простирается не более полуверсты. Поля и сады его орошаются из большого арыка, поглощающего почти половину речной воды. В оазисах этой пустынной подгорной равнины засевают, как и повсюду в Кашгарии, больше всего кукурузы, затем пше-

ницы и немного ячменя, сорго и проса. Озимая пшеница, по словам туземцев, созревает гораздо ранее яровой, а потому, по снятии ее, освободившиеся поля тотчас же засевают кукурузой, поспевающей в октябре.

Верстах в пяти к северу от селения Кент-сай расположено селение Зулун, вытянувшееся вдоль по той же речке, которая ниже его прорезает плоскую песчаниковую грядку, окаймляющую описываемую пустынную равнину с северо-востока.

Следующую от селения Кент-сай станцию экспедиция прошла по весьма пустынной щебне-галечной равнине Боранын-сай, большая часть которой совершенно лишена растительности. В конце перехода мы приблизились к помянутой песчаниковой грядке и вступили в долину прорезающей ее речки Боран-су, в которую впадает слева ручей Годам-су, образующий живописный водопад в три сажени высоты. У этого водопада, на зеленой лужайке, экспедиция остановилась на ночлег. В двух верстах ниже его, на речке Боран-су, расположено селение Бора, вытянувшееся по узкой поперечной долине песчаниковой грядки. Через это селение пролегает большая караванная дорога из Яркенда в Ладак¹⁵.

На другой день мы вышли в селении Бора на помянутую караванную дорогу и поднялись по ней из долины на песчаниковую грядку, по которой эта дорога пролегает целую станцию. Волнообразная поверхность грядки, почти повсюду покрытая тонким слоем песка, вовсе лишена растительности. Пройдя около 20 верст по этой мертвой грядке, мы спустились с нее по весьма крутому склону в неширокую долину речки Килиан-су и остановились в селении Ой-тограк на ночлег. Оно, подобно другим селениям описываемой пустынной страны, растянуто на большое протяжение в длину по обоим берегам названной речки, прорезающей также помянутую песчаниковую грядку, а в ширину простирается не более полуверсты. После грустного перехода по мертвой песчаниковой грядке этот оазис с тенистыми садами и приветливым населением был поистине отрадным местом отдохновения.

Из селения Ой-тограк мы опять поднялись на песчаниковую грядку, которая к юго-востоку от прорезающей ее речки Килиан-су значительно понижается и переходит в возвышенную плоскость. Поверхность этого пустынного плато, сплошь покрытого щебнем и галькой, совершенно бесплодна. На север она опускается невысоким обрывом к соседней равнине, а на юго-западе образует крутой, нагорный обрыв долины речки Килиан-су. Эта долина, простирающаяся с юго-востока на северо-запад между предгорьями Кун-луня и описываемым плато, представляет юго-восточное, клинообразное продолжение пустынной равнины, пересеченной нами вкось, на пути из Кок-яра в селение Бора. В долине Килиан-су, выше селения Ой-тограк, расположены три маленьких поселка, оазисы которых представлялись нам с высоты в виде небольших зеленых островков, резко выделявшихся на темносером фоне пустынной долины.

Пройдя немного по плато, экспедиция оставила большой караванный тракт в Ладак и повернула по проселочной дороге почти на северо-восток. На пути по плато мы пересекли три низких, насажденных на нем кряжа — типичные представители так называемых гор размыва; потом, в конце перехода, спустились в долину речки Пшне-су, окаймленную с запада небольшим обрывом пройденного плато, а с востока — весьма высоким и почти отвесным склоном плоской высоты противоположного берега. В долине расположено селение Пшна, вытянувшееся узкой полосой верст на 10 по обоим берегам орошающей ее речки. В этом селе-

нии мы остановились на ночлег. Жители его встретили нас как и повсюду в Кашгарии, очень радушно: принесли нам множество винограда, персиков, арбузов, дынь и свежих грецких орехов.

Утром, пройдя версты две по селению вниз по речке, текущей на север, мы поднялись по весьма крутому склону на плоскую высоту правого берега долины и направились по ней к северо-востоку. Эта высота, подобно описанному плато, представляет звено общего плоского песчаникового поднятия, простирающегося параллельно подножью Кун-луня и окаймляющего пересеченную нами подгорную пустынную равнину с северо-востока.

По высоте, вправо от нашего пути, простирался плоский и широкий насажденный кряж, отделяющий короткие ветви на восток. Миновав северо-восточную его оконечность, мы стали постепенно спускаться с высоты. Вдали, на севере, все видимое пространство казалось покрытым буграми, а ближе расстилалась пустынная равнина. Спустившись с высоты на эту равнину, мы вышли на большую хотанскую дорогу и вскоре достигли многолюдного селения Гума, на западной окраине которого разбили палатки для ночлега.

Около 6 часов пополудни на северо-востоке показалась темная пыльная туча, медленно подвигавшаяся из пустыни Такла-макан. Слабый ветерок, дувший с той стороны, по мере приближения тучи стал постепенно усиливаться и наконец перешел в шторм. Из пронесившейся над нами тучи посыпалась масса пыли с песком, помрачившая дневной свет до того, что нельзя было различить соседних домов. С удалением тучи на юго-запад небо прояснилось, но слабый ветер продолжал дуть с северо-востока почти до самого утра.

Селение Гума расположено на большой дороге из Яркенда в Хотан, по обоим берегам речки Гумын-су, и простирается верст на 20 в длину, а в ширину от 2 до 5 верст. В нем считается 750 дворов и около 3 500 жителей. Почва этого оазиса, как и всех вообще оазисов юго-западной и южной частей Кашгарии, лёссовая с весьма значительной примесью песка, нанесенного ветрами из соседней пустыни. Она уступает в плодородии чистым лёссовым почвам Яркендского и Каргалыкского оазисов, но при обильном орошении все-таки дает очень хорошие урожаи. Жители Гумы содержат много овец, пасущихся в соседних горах Кун-луня, и достаточное число ослов, но лошадей и крупного рогатого скота у них мало.

По рассказам жителей Гумы, к северо-востоку от их селения и вообще от большой хотанской дороги простирается параллельно ей непрерывная полоса мелких бугров, имеющая от 30 до 100 верст ширины. Близ дороги эти бугры повсеместно покрыты тамариском, а далее к северо-востоку в них растут рассеянно и купами тополевые деревья — преимущественно в котловинах между холмами и в сухих руслах. Еще далее в том же направлении, за пределом полосы бугров, залегает пустыня Такла-макан, в которой, по уверению туземцев, нет никакой растительности и животной жизни. Эта мертвая земля только местами покрыта высокими и длинными песчаными грядами, простирающимися почти в меридиональных направлениях, а между грядами залегают обнаженные, щебне-галечные равнины (по-туземному «саи») темного цвета. Жители селений, расположенных вдоль большой хотанской дороги, не проникают в глубь самой пустыни, а посещают только сопредельную ей окраину полосы бугров, в которую ездят иногда зимой за тополевым лесом для

домашних потребностей. Оттуда, по их словам, с высоты бугров можно ясно видеть темные щебне-галечные равнины этой мертвой земли и покрывающие их местами высокие песчаные гряды, уходящие за горизонт, в неведомую даль.

Из селения Гума мы вышли на пустынную щебне-галечную равнину и направились по большой дороге почти прямо на восток. Вдали на юге был ясно виден высокий северо-западный отрог Кун-луня — хребет Кош-таг, гребень которого, покрытый свежим снегом, ярко белел все утро, а потом скрылся в легком пыльном тумане. В хребте Кош-таг, по словам наших проводников, встречаются изредка на северных склонах гор небольшие можжевеловые лески, а в высоких областях его есть порядочные пастбища, на которых пасутся стада овец, принадлежащих жителям селений большой дороги. Источники в этом хребте редки и необильны; постоянных же речек в нем вовсе нет.

После небольшого перехода от Гумы по щебне-галечной пустыне, лишенной всякой растительности, мы остановились в селении Мукойлы на дневку. Пользуясь свободным временем, я расспрашивал местных жителей об окрестной стране, о направлении ветров, облаков и об осадках. Они подтвердили сведения, собранные в Гуме, о полосе мелких бугров, тянущейся параллельно хотанской дороге, и о пустыне Такламакан, а также сообщили, что в их стране преобладают западные и северо-западные ветры, затем следуют юго-западные и северо-восточные; южные же и восточные ветры дуют очень редко. Облака движутся с юго-запада, запада и северо-запада и почти никогда не приносятся с остальных стран горизонта. Дожди выпадают очень редко, преимущественно в июне и июле; снега зимой бывает тоже мало, и он держится недолго; толщина снегового покрова достигает, однако, иногда почти четверти аршина, но он редко лежит долее недели.

Показания туземцев юго-западной Кашгарии о преобладающих ветрах подтверждаются формой песчаных образований этой страны, которые я старался тщательно осматривать при каждом удобном случае*.

Близ южной окраины селения Мукойлы находятся небольшие развалины, в которых мы нашли много обломков старинной глиняной посуды, ныне вовсе не выделяваемой и не употребляемой в Кашгарии. Около развалин сохранились следы большого арыка и фундамент древнего мазара праведника Османа. К сожалению, жители селения не могли сообщить нам ничего определенного об этих древностях.

От селения Мукойлы дорога попрежнему идет по щебне-галечной пустыне, простирающейся на юг до соседней плоской высоты, которая тянется параллельно дороге. Пустыня покрыта местами мелкими песчаными наносами и небольшими столовидными лёссовыми высотами, выветрившимися большею частью в глыбы усеченно-пирамидальной формы. К северо-востоку от дороги простирается полоса мелких бугров, поросших тамариском. По осмотре оказалось, что эти бугры также лёссовые, происшедшие, по всей вероятности, от выветривания сплошной лёссовой толщи, отложившейся широкой полосой вдоль окраины пустыни Такламакан. На такое происхождение этих бугров указывают их обрывистые повсеместно склоны и обнаруживающиеся в них пласты

* Эти показания согласуются также с признаками, замеченными ботаником экспедиции В. И. Роборовским на растениях этой страны, стебли и ветви которых заметно наклонены к востоку и юго-востоку.

плотно спрессовавшегося первичного лёсса. Поверхность бугров и промежутков между ними засыпана тонким слоем песка, нанесенного ветрами из пустыни Такла-макан.

Последние пять верст перехода мы сделали по лёссовой высоте, распавшейся местами на глыбы, и остановились на ночлег в селении Чода. С 2 часов пополудни начал дуть холодный ветер с северо-востока, из пустыни, и вскоре густой пыльный туман окутал всю окрестную местность.

Дальнейший путь экспедиция продолжала по местности, отличающейся таким же характером, как и на предыдущих станциях: дорога идет по пустынной щебне-галечной равнине, простирающейся на юг верст на 15 до подножья плоской гряды, а к северо-востоку от нее тянется непрерывно полоса мелких лёссовых бугров, поросших тамариском.

На пути из селения Чода мы миновали селение Моджа и остановились на ночлег у лянгера Гундулук, расположенного на поляне, среди обширных зарослей тростника. К северо-востоку от него, на лёссовых высотах, находится множество обломков старинной глиняной посуды*, о происхождении которых обитатели лянгера сообщили нам следующую легенду.

В древности на этом месте стояли роскошные палаты, в которых жил царь, отличавшийся крайнею жестокостью и непомерною скупостью. Аллах хотел наказать его за жестокое обращение с подданными, но царь стал умолять его о пощаде, обещая исправиться. Милосердный аллах сжалился над ним и назначил ему испытание. Он повелел царю сделать множество глиняной посуды и, когда она была готова, приказал ему разбить ее всю. Царь разбил худшую посуду, а лучшую оставил себе. Тогда аллах окончательно разгневался на него и, сказав ему: «Ты людей не щадил, а посуду пожалел», — наказал жестокого и скаредного царя лишением царства и всех сокровищ. Обломки же посуды, разбитой царем, доныне сохранились на том самом месте, на которое были выброшены.

За лянгером Гундулук мы пересекли плоскую лёссовую высоту, распавшуюся большею частью от выветривания на столовидные и усеченно-пирамидальные глыбы; потом шли по щебне-галечной пустыне, миновали селение Зангуй и снова очутились в такой же пустыне, покрытой изредка мелкими песчаными наносами, среди которой и остановились ночевать у лянгера Сай. Вода в колодце, имеющем 12 сажен глубины, содержит значительное количество сернистого водорода и издает сильный запах, напоминающий гнилые яйца. Чтобы освободить ее, хотя немного, от этого зловонного газа, надо долго и сильно мешать воду в ведре и переливать ее ковшом.

Мертвая, щебне-галечная пустыня простирается к югу от лянгера Сай верст на 15 до подножья плоской гряды Дува, тянущейся параллельно дороге. С севера же она окаймлена полосой мелких лёссовых бугров, сопровождающих большую дорогу на всем ее протяжении до Хотана. В юго-западной, придорожной части полосы эти бугры покрыты тамариском, а в северо-восточной — низкорослым и редким тополем. Присутствие в этой полосе древесной растительности следует, по всей

* Эта посуда, судя по обломкам, состояла из горшков высотой в 1,7 фута, с ушками на боках, и кувшинов, около фута высоты, с ручкою и тисненными рисунком вверху, ниже горла. Ныне в Кашгарии никакой глиняной посуды не выделывают, из других стран она туда не привозится, кроме фарфоровых чашек из Китая.

вероятности, приписать незначительной глубине местных водоносных горизонтов, по которым сочится горная вода с соседнего хребта Кош-таг. Количество же атмосферических осадков в описываемой полосе, как и в других местностях равнинной Кашгарии, столь незначительно, что без живительного действия горных вод, проникающих в нее подземным путем по непроницаемым слоям, в ней не могли бы расти даже столь неприхотливые деревья, как пустынный тополь. На близость к дневной поверхности непроницаемых слоев во всей вообще полосе лёссовых бугров, опоясывающей пустыню Такла-макан на юго-западе, указывают также существующие в ней источники. Они поддерживают нижние течения многих речек, которые по выходе из окраинных гор теряются в подгорных пустынных равнинах, а потом в области бугров снова собираются из источников и, проникнув внутрь пустыни Такла-макан, исчезают в ней уже совершенно.

Перед вечером я осматривал песчаные наносы в окрестностях лянгера Сай. Бесплодная щебне-галечная пустыня покрыта в этом месте спорадически низкими серповидными песчаными грядами. Выпуклостями они обращены к западо-северо-западу, а вогнутыми частями — в противоположную сторону, причем выпуклые, или наветренные, склоны их очень отлоги, а вогнутые, подветренные, гораздо круче. Расположение и форма этих гряд указывают на преобладание в стране западных ветров, что вполне согласуется с показаниями туземцев, которых я неоднократно расспрашивал о направлении ветров, облаков и об осадках в их стране.

После небольшого перехода от лянгера Сай по безжизненной пустыне экспедиция достигла многолюдного селения Пиальма и остановилась близ южной окраины его на дневку. Это селение, имеющее около 1 500 дворов и 6 500 жителей, расположено по обоим берегам речки Кара-су. Почва оазиса Пиальмы, как и всех вообще оазисов Юго-западной и Южной Кашгарии, лёссовая, с весьма значительной примесью песка*. При обильном орошении она все-таки дает очень хорошие урожаи, в особенности кукурузы. Жители селения содержат много овец, пасущихся в соседних горах хребта Кош-таг.

Старшина селения Пиальма, долго беседовавший с нами, сообщил некоторые сведения об окрестной стране. По его показанию, к северо-востоку от большой хотанской дороги простирается полоса мелких бугров, имеющая против Пиальмы около 100 верст ширины. За нею залегает пустыня Такла-макан, представляющая совершенно бесплодную, щебне-галечную равнину (сай) темного цвета, покрытую местами высокими песчаными грядами меридионального направления. Жители селения Пиальма ездят только в северо-восточную окраину полосы бугров за тополем, который растет там в изобилии, а внутренности пустыни не посещают. С высоких бугров этой окраины можно, однако, обозреть пустыню на далекое расстояние и ясно различать покрывающие ее местами колоссальные песчаные гряды.

Жителям селений, расположенных на большой дороге от Яркенда в Хотан, не известно, существуют ли на юго-западной окраине пустыни Такла-макан, соседней этой дороге, какие-либо развалины. О происхождении же самой пустыни у них сохранилась легенда, напоминающая по

* Для простоты мы будем называть такую почву, свойственную всем без исключения оазисам Юго-западной и Южной Кашгарии, песчано-лёссовой.

содержанию библейскую историю Содома и Гоморры. По этой легенде, в давно прошедшее время нынешняя пустыня Такла-макан была цветущей страной, в которой текли многоводные реки, росли густые, зеленые леса и стояло множество городов и селений. Обитатели этой привольной страны сначала были набожны и добродетельны, потом стали вести нечестивую жизнь. Господь, по милосердию своему, долго терпел грехи ее жителей, все более и более совращавшихся с пути благочестия, но, наконец, решился наказать их. В одну из темных ночей пошел с неба на всю страну песок, сыпавшийся непрерывно несколько дней. Застигнутые врасплох, все жители страны были погребены под мощною толщею выпавшего песка. Спасся только один праведник, по имени Вали, со всем семейством, которого господь предупредил об угрожавшей жителям страны гибели и повелел ему оставить ее. Благочестивый Вали, взяв свое семейство, удалился заблаговременно на север, в окрестности нынешнего города Ак-су. Там он провел остаток своей жизни и скончался. Могила (мазар) его, находящаяся близ города Ак-су, ныне посещается многими поклонниками.

Под влиянием поверья в существование в древности на месте нынешней безжизненной пустыни Такла-макан цветущей, густо-населенной страны со многими городами, туземцы Юго-западной Кашгарии именуют еще эту пустыню страной погибших или наказанных городов (Гарешаари). Кроме того, их пылкая, необузданная фантазия создала суеверные сказания о чудесных явлениях, будто бы наблюдаемых ныне в Такла-макан. Так, эти сказания повествуют, что некоторые из посещавших пустыню туземцев слышали в ней по ночам пение петухов и видали в лунные ночи людей, восстававших из земли и блуждавших по песчаным горам. Другим очевидцам будто бы приходилось встречать в той же пустыне неведомых людей, которые, заметив их, поспешно удалялись в песчаные холмы, и совершенно одичалый домашний скот, точно так же убегающий от них в глубь пустыни.

Все эти фантастические сказания, несомненно, проникнуты суеверным ужасом туземцев к соседней безжизненной пустыне, действующей на их умы своим легендарным прошлым и современною мертвенностью¹⁶.

От селения Пиальма экспедиция продолжала путь по щебне-галечной пустыне, совершенно лишенной растительности, и вскоре вступила в пределы Хотанского округа. На юге, в расстоянии около 100 верст, был ясно виден весьма высокий горный хребет, простиравшийся в северо-западном направлении и покрытый снегом. Наши проводники называли его Осман-кыр и утверждали, что этот хребет — отрог Кун-луня, тянущийся по правому берегу среднего течения реки Кара-каш.

К северу от дороги простиралась, как и на предыдущих станциях, полоса мелких лёссовых бугров, а к югу — щебне-галечная пустыня, окаймленная с полуденной стороны цепью степных кряжей Ятаньчи. Южнее ее видны были вершины значительного хребта, простирающегося с юго-востока на северо-запад.

Пройдя верст 20 по мертвой щебне-галечной пустыне, мы остановились среди нее на ночлег у постоялого двора Ак-лянгер, с колодцем в 20 сажен глубины. Несмотря на совершенное отсутствие растительности и наземной воды, тут живет много тушканчиков (*Dipus* sp.?), водящихся и в окрестностях лянгера Сай, расположенного в такой же мертвой пустыне. На обоих лянгерах, при добывании воды из колодцев ведрами, было вынута несколько трупов этих грызунов. Мы сначала недоумевали,

как могут существовать они в такой безжизненной пустыне, но затем пришли к заключению, что пищею им служат, несомненно, остатки фуража от останавливающихся в лянгерах караванов и проезжающих, а питьем — лужицы воды, проливаемой у колодцев при наполнении сосудов.

Оставив Ак-лянгер, экспедиция следовала сначала по щебне-дресвяной пустыне, потом пересекла плоскую песчаниковую высоту, простирающуюся с севера на юг и оканчивающуюся немного южнее дороги. Она прорезана продольными лощинами и почти повсюду покрыта песком. В одной из таких лощин, около самой дороги, находится мазар мусульманского святого имама Магомета-Шакира и при нем маленький монастырь. В этом монастыре содержится до 10 000 голубей в память названного святого, который их очень любил. Проходящие караваны считают долгом снабжать монастырь зерном для содержимых в нем голубей, а за неимением его — деньгами.

Перейдя высоту, мы очутились в лёссовых буграх, выдающихся в этом месте с севера на юг клинообразной полосой и покрытых толстым слоем крупнозернистого песка. С бугров мы спустились на низменную солончаковую равнину, на которой миновали маленькое озерко и, поднявшись снова на бугры, следовали по ним до самого ночлежного места у селения Зава-курбан.

Близ западной окраины этого селения на левом берегу речки Кара-су стоит форт с глиняной стеной прямоугольного начертания, имеющий около 150 сажен длины, 100 сажен ширины и двое ворот. В этом форте, сооруженном по приказанию Якуб-бека тогдашним начальником Хотанского округа Ниаз-беком, ныне помещаются базар и караван-сарай.

Экспедиция разбила палатки для ночлега между фортом и селением Зава-курбан, на берегу речки Кара-су, в которой мы наловили много гольцов (*Nemachilus jarkandensis*). Ниже селения долина этой речки покрыта густыми зарослями тростника, в которых живут во множестве кабаны, а верстах в 40 к северо-востоку от него речка Кара-су, по словам жителей Зава-курбан, образует длинное озеро около 40 верст в окружности, называемое Ессы-куль, поросшее почти сплошь тростником. По прибытии в Хотан я расспрашивал там многих туземцев об этом озере, но никто не мог мне сообщить о нем положительных сведений. Между тем положение его соответствует месту большого озера Яшиль-куль, показанного на известной китайской карте издания 1863 г. и перенесенного с нее на европейские карты.

Всю следующую станцию, около 12 верст, мы прошли по многолюдному оазису Зава-курбан, площадь которого простирается до 170 кв. верст. Лёссовая почва его с незначительной примесью песка, удобряемая жителями плодородным илом из реки Кара-каш, дает очень хорошие урожаи. На полях мы видели много прекрасной кукурузы позднего посева, которую уже начинали снимать.

Близ восточной окраины оазиса дорога пересекает большой солончаковый пустырь, орошаемый тремя узкими, но топкими рукавами реки Кара-каш, через которые устроены мосты. Выйдя из селения, мы остановились на левом берегу этой реки на ночлег. Долина ее, имеющая около версты ширины, почти сплошь покрыта кругляками и галькой, нанесенными рекой во время летних разливов. Для защиты селения Зава-курбан от наводнений возведена на левом, низменном берегу реки высокая плотина из булыжника.

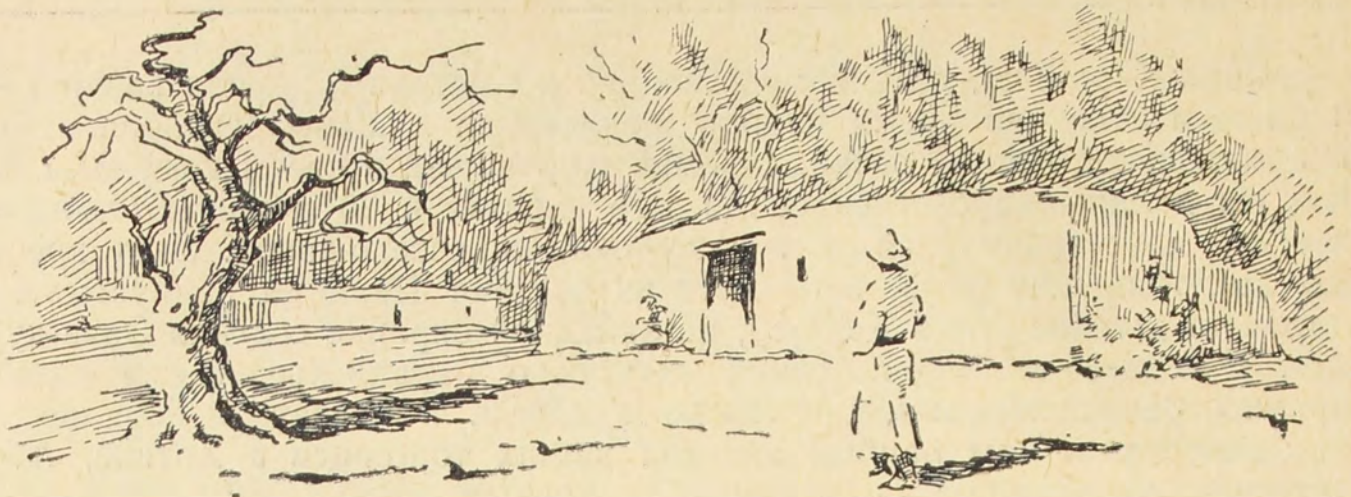
Река Кара-каш, весьма многоводная и быстрая в период разлива — в июне и июле, во время нашего пребывания в конце сентября имела вид маленькой горной речки, скромно журчавшей в своем каменном ложе. Из долины ее был виден на юге верстах в 30 довольно высокий хребет, простирающийся с юго-востока на северо-запад. Этот хребет мы заметили еще ранее — на пути из селения Пиальма по пустыне, а потом из долины речки Кара-су, на западной окраине селения Зава-кур-ган. Севернее его простиралось несколько параллельных ему низких хребтов, расположенных, как казалось издали, в шахматном порядке.

Вечером к нам прибыл аксакал наших торговцев в Хотане, Абу-саттар, с чиновником из туземцев, посланным начальником Хотанского округа для встречи и сопровождения экспедиции в Хотан.

Утром 22 сентября мы перешли обмелевшую реку Кара-каш и вступили в знаменитый Хотанский оазис, славившийся еще в глубокой древности своими естественными богатствами, промышленностью и торговлей с Западной Азией, Индией и Китаем. Все расстояние от реки Кара-каш до города Хотана, 23 версты, мы прошли по оазису, встретив на пути только два небольших пустыря. Миновав китайский город, экспедиция прошла через туземный и расположилась лагерем близ восточной окраины последнего, на берегу речки Ильчи.

В течение шестидневного пребывания в Хотане я мог собрать лишь важнейшие сведения о городе и окружающем его оазисе. В этом деле мне оказал большую услугу аксакал Абу-саттар, проживший в нем почти безвыездно около 18 лет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТ ХОТАНА ДО НИИ

Описание Хотанского оазиса и города Хотан. — Производительность, промышленность и торговля. — Развалины в окрестностях Хотана. — Следование экспедиции в Керию. — Показания туземцев о полосе лёссовых бугров к северу от керийской дороги и о пустыне Такла-макан. — Очерк Керийского оазиса и пути из него по пустыне в Нию. — Несчастья с путниками во время песчаных бурь в этой пустыне. — Поездка из Нии в Кун-лунь для осмотра перевала Сарык-туз. — Пребывание в монастыре Люнджилик-ханум. — Сказание о событии, вследствие которого возник этот монастырь. — Расспросы его обитателей о Тибетском нагорье. — Возвращение в Нию. — Переезд из лагеря на квартиру. — Зимние занятия членов экспедиции.

Хотанский оазис, орошаемый реками Кара-каш и Юрун-каш, занимает площадь около 1 000 кв. верст. Наибольшая его длина с юго-запада на северо-восток 70 верст, а наибольшая ширина с северо-запада на юго-восток — 30 верст.

Во всем оазисе, за исключением городов, считается до 30 000 дворов с 130 000 жителей*. Следовательно, Хотанский оазис гораздо обширнее Яркендского, но населен несравненно реже: в нем на каждую квадратную географическую милю приходится около 6 370, а на квадратную версту — 130 жителей, т. е. почти вдвое менее, чем в Яркендском оазисе¹⁷. Такая сравнительно слабая населенность Хотанского оазиса тотчас же бросается в глаза путешественнику, прибывшему в этот оазис из густонаселенного Яркендского.

Дома поселян здесь рассеяны значительно реже, чем в Яркендском оазисе, и самые земельные участки их гораздо больше тамошних. В Хотанском оазисе на каждый отдельный двор (семейство) причитается в

* Кроме сопредельных с ним оазисов Зава-курган и Кара-каш, имеющих вместе до 30 000 жителей.

среднем всей усадебной земли почти 3,5 десятины *, а в Яркендском — только около 1,7 десятины.

Песчано-лессовая почва Хотанского оазиса значительно уступает в плодородии чистой лёссовой почве Яркендского и Каргалыкского оазисов; притом в восточной части, по правому берегу реки Юрун-каш, она, по словам жителей, гораздо лучше, чем в западной, между Кара-кашем и Юрун-кашем.

Землю в Хотанском оазисе, как и повсюду в Кашгарии, удобряют навозом, грязью, выбрасываемую из арыков при очистке их, и городскими нечистотами, а в прибрежных частях оазиса — еще и речным илом, осаждаемым реками Кара-каш и Юрун-каш ежегодно, во время разливов, в своих плоских долинах.

Из хлебных растений в описываемом оазисе засевают больше всего кукурузы, затем следуют пшеница, рис и ячмень. Посевы сорго, гороха, кунжута, льна, конопли, мака и табаку сравнительно незначительны. Средние урожаи хлебных растений таковы: кукуруза родится сам-30, рис сам-14, пшеница сам-13 и ячмень сам-14.

В оазисе снимают обыкновенно по две хлебные жатвы в лето с одного и того же участка пахотной земли, именно: ячмень раннего посева и кукурузу, реже озимую пшеницу и после нее кукурузу. Две хлебные жатвы дает, однако, не вся возделываемая земля: участки, требующие отдыха, засевают только однажды в лето кукурузой, пшеницей или ячменем, а по снятии этих хлебов сажают иногда на освободившихся полях редис или засевают их люцерной.

Годы, в которые приходится довольствоваться только одной хлебной жатвой, считаются бедственными. В эти редкие, впрочем, годы весеннее разлитие рек Кара-каш и Юрун-каш, по причине малоснежья зим в Кун-луне или чрезмерной продолжительности их, бывает значительно позднее обыкновенного, а потому вторичный посев хлебных растений в такие годы становится невозможным, и в зерне обнаруживается большой недостаток. Он пополняется привозным хлебом из Яркендского и Аксуйского оазиса, а иногда из Учтурфанского, Кучасского и других северных оазисов, в которых недороды хлеба случаются очень редко.

Вследствие весьма значительного развития среди населения Хотанского оазиса кустарных промыслов, занимающих много рук, в нем даже в урожайные годы ощущается недостаток в хлебе, пополняемый доставкой пшеницы и риса из Яркенда, Каргалыка и Ак-су. Из последнего хлеб доставляется на верблюдах осенью и зимой по прямой дороге через пустыню Такла-макан, пролегающей по долине Хотан-дарьи.

Почти все свободные от посевов места оазиса засажены деревьями, из которых преобладают пирамидальный тополь (*Populus italiana* et *P. alba*) и тут (*Morus nigra* et *M. alba*); затем следуют: джида (*Elaeagnus* sp.?), акация (*Sophora japonica*), жужуба (*Zizyphus vulgaris*) и ива (*Salix microstachya*), но платанов в этом оазисе мы не видели. Из плодовых деревьев в нем растут: персиковые, абрикосовые, ореховые, а также грушевые, яблони и айва.

Отдельных садов, обнесенных особыми оградами, в Хотанском оазисе и вообще во всей Южной Кашгарии мало; фруктовые деревья в этой

* За исключением же площади, занятой городами, усадьбами, дорогами, арыками, прудами, а также пустырей и бесплодной долины реки Юрун-каш, пахотной земли на каждый двор придется, вероятно, не более трех десятин.

стране рассаживаются большею частью на широких межах между ближними к дому пашнями. Земельные участки поселян обносятся преимущественно живыми изгородями из колючих кустарников белой розы и облепихи, а также из повелики и марены. Только одни дворы, со всеми на них строениями, окружены глиняными стенками с сухими ветками колючих кустарников на верху, вмазываемыми при самом возведении этих оград.

Огородные овощи: лук, морковь, редис, бобы, фасоль и укроп, а также дыни, арбузы и тыквы рождаются в оазисе в изобилии. Картофель, капусту и огурцы разводят в небольшом количестве только проживающие в городе китайцы, а туземцы этих растений не возделывают.

Хотанский оазис известен обширностью своих хлопчатниковых плантаций, с которых собирается множество хлопка, отличающегося лучшим качеством, сравнительно с яркендским. Наибольшая часть его потребляется на месте для выделки дешевых хлопчатобумажных тканей, а остальной вывозится в северные оазисы, в которых собственного хлопка недостаточно.

Описываемый оазис с древнейших времен славился также шелководством. Цветение этого производства обуславливалось обширными насаждениями тутая, произрастающего в Хотанском оазисе вполне успешно. Ныне, по причине болезни шелковичного червя, шелководство в этом оазисе пришло в упадок, и шёлка, который прежде вывозился оттуда в виде сырца и тканей, теперь недостаточно даже для собственной потребности. В последнее десятилетие в Хотан стали привозить в небольшом количестве шёлковые ткани из нашего Туркестана. Хотанцы надеются, что болезнь шелковичного червя, как это случалось прежде неоднократно, со временем пройдет, и производство шёлка достигнет прежних размеров.

В Хотанском оазисе возделывается еще много винограда различных сортов. Часть его расходуется на приготовление дешёвого вина (мус-саляс), потребляемого, невзирая на запрещение корана, в значительном количестве туземцами. Смежный оазис Кара-каш также производит много винограда, из которого там готовится такое же вино.

В центральной части Хотанского оазиса расположены рядом два города, туземный и китайский, примыкающие друг к другу.

В туземном городе, не имеющем стены, считается всего около 5 000 жителей. Главная улица его, более полуторы версты длины, занята базаром, отличающимся такою же изумительною пестротой, как и в Яркенде. Лавочки, чай-ханэ и разные ремесленные заведения теснятся на этом базаре без всякого порядка. Непрестанный говор толпы, рев ослов и поднимаемая ими пыль, крики разносчиков и вдобавок противный запах кунжутного масла, на котором готовят кушанье в чай-ханэ, производят какое-то ошеломляющее впечатление на европейца, впервые посещающего такой базар. Ремесленных заведений на хотанском базаре очень много, и они отличаются разнообразием: там можно наблюдать ткачество материй и ковров, разматывание шёлковых коконов, очищение хлопка от коробочек и прядение его, шитьё платья, обуви, приготовление сбруи, кузнечные работы и многие другие производства, которые трудно перечислить сполна.

На хотанском базаре дважды в неделю бывают торжки, во время которых он значительно оживляется. На эти торжки являются в большом числе ткачи с бумажными тканями и шерстяными коврами, скор-

няки с выделанными мехами и поселяне с сельскохозяйственными продуктами на продажу.

Кроме базара, в туземном городе существуют еще два постоянных рынка — скотский и лесной.

Дома в Хотане, так же как и в Яркенде, очень невзрачны, т. е. такие же маленькие мазанки с плоскими крышами, как и там. Из городских зданий выделяются обширностью и изяществом своей архитектуры только пять больших мечетей. Из них мечеть Хазрет-султана, с мазаром этого святого и приютом для нищих, — самая древняя, украшенная снаружи изразцами. Мечеть Джалмы вмещает до 5 000 молящихся, мечеть Чаарсы тоже очень обширна, затем следуют еще две большие мечети — Хаитга и Алтын-мечеть.

Улицы в туземном городе узки, а переулки так тесны, что в иных совершенно невозможно разъехаться двум верховым. Но грязи в этом городе все-таки меньше, чем в многолюдном Яркенде, и воздух в нем чище.

К туземному городу примыкает на западе небольшой китайский городок Янги-шаари (Новый город), построенный в 1883 г. и окруженный глиняною стеною с двумя воротами. Вокруг стены, имеющей около 18 футов высоты и 7 футов толщины, простирается глубокий ров с оборонительною стенкою позади. В китайском городе проживает начальник округа с чиновниками; там же помещается окружное управление и батальон (лянца) китайских солдат. В этом городе есть маленький базар с китайскими и туземными лавочками и немногими ремесленными заведениями. Жителей в нем считается около 500 человек, в том числе около 100 китайских чиновников, купцов, ремесленников и прислуги, 250 солдат и до 150 туземцев. Дома, лавочки и ремесленные заведения в Янги-шаари лучше, чем в туземном городе, и содержатся несколько опрятнее, а улицы шире и чище.

В промышленном отношении Хотанскому оазису принадлежит первое место в Кашгарии. Ныне в этом оазисе выделяется больше всего грубой хлопчатобумажной ткани (маты) из местного хлопка, которая вывозится в другие оазисы, преимущественно Северной Кашгарии, и к нам, в Туркестан, для туземного населения. Затем следуют производства войлоков и шерстяных ковров. Хотанские войлоки из белой шерсти, мягкие, прочные и изящные, славятся во всей Центральной Азии своей доброкачественностью. Шерстяные ковры отличаются необыкновенной прочностью, красотой рисунков, нелиночестью растительных красок и дешевизной*. Лучший шерстяной ковер около 12 футов длины и 6 футов ширины стоит не дороже 25 рублей на наши деньги. На хотанском базаре еженедельно продается кустарями до 100 шерстяных ковров. Ковры и войлоки выделяются из шерсти тонкорунных овец, принадлежащих богатым жителям оазиса и пасущихся круглый год в соседних горах Кун-луня, к югу от Хотана.

В Хотанском оазисе приготовляются также и шелковые ковры весьма высокого качества. Стоимость их, конечно, гораздо больше шерстяных, но сравнительно с европейскими ценами таких ковров она все-таки очень низка. Шелковый ковер в 7 футов длины и 4 фута ширины стоит около 50 рублей. Ныне, с упадком шелководства, выделка шел-

* Краски приготовляются из корня марены (*Rubia tinctorum?*), шафрана и сугака (*Lycium ruthenicum*).

ковых ковров весьма незначительна; по той же причине и шёлковых материй в Хотанском оазисе теперь ткут очень мало. В них ощущается недостаток даже для местной потребности, а потому дешёвые шёлковые ткани, как выше замечено, в последнее десятилетие привозятся в Хотан из нашего Туркестана.

В Хотанском оазисе выделяется еще очень много мехов, преимущественно белых и отчасти черных, из шкур тех же тонкорунных овец, шерсть которых употребляется на войлоки и ковры. Большинство этих мехов вывозится к нам, в Россию*.

В Хотане существует несколько частных мастерских для приготовления разных вещей из нефрита и одна большая казенная мастерская, в которой работают китайцы. Нефрит (по-китайски юй) добывают в коренных месторождениях—в горах Кун-луня, лежащих к югу от Хотана и носящих название Карангу-таг; а также из рек Юрун-каш и Кара-каш в виде галек, вынесенных из гор. Большая часть нефритовых вещей отправляется в Китай, а по Кашгарии и соседним странам расходится лишь незначительная часть их.

Хотан ведет оживленную внутреннюю торговлю, преимущественно с северными оазисами страны. Главные предметы его сбыта в эти оазисы: хлопчатобумажные ткани, хлопок, войлоки и ковры, а второстепенные — меха и медная посуда. Взамен перечисленных предметов, из северных оазисов в Хотан доставляется преимущественно хлеб, производство которого в этом оазисе недостаточно для удовлетворения местной потребности, а окрестная страна не в состоянии пополнить недостаток.

Внешняя торговля Хотана, собственно с Россией, весьма значительна. К нам оттуда вывозится очень много маты для туземцев Туркестанского края, а также меха, войлоки, ковры, овечья шерсть, козий пух и овчины**. В прежнее время из Хотана в наши пределы вывозилось еще немало шёлка-сырца, отпуск которого прекратился вовсе со времени начала болезни шелковичного червя.

Хотан, подобно Яркенду, имеет торговые связи с Ладаком. Туда сбываются преимущественно козий пух и нашá (гашиш), затем немного малых шерстяных ковров и войлоков. Из Ладака же в Хотан привозится больше всего кисей на чалмы и женских кисейных платков; затем индийские лекарственные вещества и небольшое количество английских ситцев (бомбейских фабрик), сукон и металлических изделий. Кроме того, из Ладака доставляется тайком индийский чай низкого сорта (бенгальский), ввоз которого строго воспрещен китайским правительством в видах обеспечения сбыта собственного чая в Кашгарии.

Торговые сношения Хотана с Ладаком, так же как и Яркенда, крайне затрудняются горным путем через Кун-лунь и Кара-корум. Торговые караваны из Хотана в Ладак и обратно ходят почти исключительно летом и направляются через селение Саньджу и Килианский

* Белый мех в Хотане стоит 10 рублей, а черный—15. У нас же, в России, курчавую шерсть белых мехов немного распрямляют, подчищают и продают эти меха под названием тибетских за 60—90 рублей.

** В Хотане пуд обыкновенной овечьей шерсти стоит 2 рубля 50 коп., фунт очищенного от ости козьего пуха—36 коп., а простая овчина—21 коп. Провозная же плата от него до города Ош в Фергане около—1 рубля 50 коп. с пуда на наши кредитные деньги.

перевал. В течение осени и зимы 1889/1890 г. из Ладака в Хотан пришли только два каравана; хотанские же караваны, выступившие в путь уже поздною осенью, не могли проникнуть в Ладак через заваленные глубоким снегом горные проходы и повернули назад.

В Хотане проживает около 80 человек наших торговцев — ферганских сартов. Они сбывают преимущественно мануфактуры наших фабрик, в особенности ситцы и металлические изделия. Кроме того, они продают значительное количество сахара, стеариновых свечей, мыла, зажигательных спичек и разного мелочного товара. Из Хотана наши торговцы вывозят, как выше замечено, больше всего маты и белых бараньих мехов, а затем ковры, войлок, овечью шерсть, козий пух и овчины.

Китайская торговля в Хотане, как и повсюду в Кашгарии, очень незначительна. Китайские купцы продают туземцам в большом количестве только чай и дешевую фарфоровую посуду. Сбыт же китайских мануфактурных и в особенности металлических изделий весьма ограничен, по причине сильной конкуренции русских торговцев теми же предметами.

В окрестностях города Хотан в двух местах сохранились большие развалины. В одних из них, находящихся в местности Тертыр, верстах в шести к востоку от туземного города, заметны остатки глиняной стены квадратного начертания около 200 сажен в стороне, а внутри ограды можно различать основания домов. В этих развалинах находят домашнюю утварь и монеты, принадлежащие глубокой древности.

Другие развалины находятся в 8 верстах к юго-западу от того же города, на берегах речки Аляльвах, где, по словам местных летописцев, стоял в IX веке н. э. большой дворец хотанского царя Консуса. Остатки этого дворца и окружавших его домов сохранились до настоящего времени. В речке Аляльвах, близ развалин, еще в недавнее время находили жемчуг, но местные власти стали отбирать его у искателей. Вследствие этого, раскопки в той местности производятся ныне тайком, и потому очень трудно узнать достоверно, что именно там добывают теперь.

Аксакал наших торговцев в Хотане, Абу-саттар, проживший в этом городе почти 18 лет, уверял меня, что некоторые из местных жителей ездят зимой на север, в пустыню Такла-макан, и добывают там из развалин медную посуду, а иногда находят золотые и серебряные вещи. По словам искателей, в этих развалинах можно ясно различать основания глиняных домов и пни росших около них деревьев, обломки глиняной посуды, разных орудий, мельничные жернова и кости домашних животных. Туземцы, занимающиеся раскопками, тщательно скрывают места нахождения развалин и совершают свои поездки туда всегда секретно.

Все эти сведения о развалинах окраин пустыни Такла-макан и находках в них требуют, конечно, проверки. Однако едва ли возможно допустить, чтобы единогласные показания о них многих туземцев были всецело плодом пылкой фантазии местного населения и не заключали в себе ничего правдоподобного. Во всяком случае, будущим исследователям-археологам предстоит много любопытнейших работ в этой стране, весьма богатой памятниками древности.

28 сентября мы оставили Хотан и направились в город Керия. В двух верстах от восточной окраины туземного города экспедиция

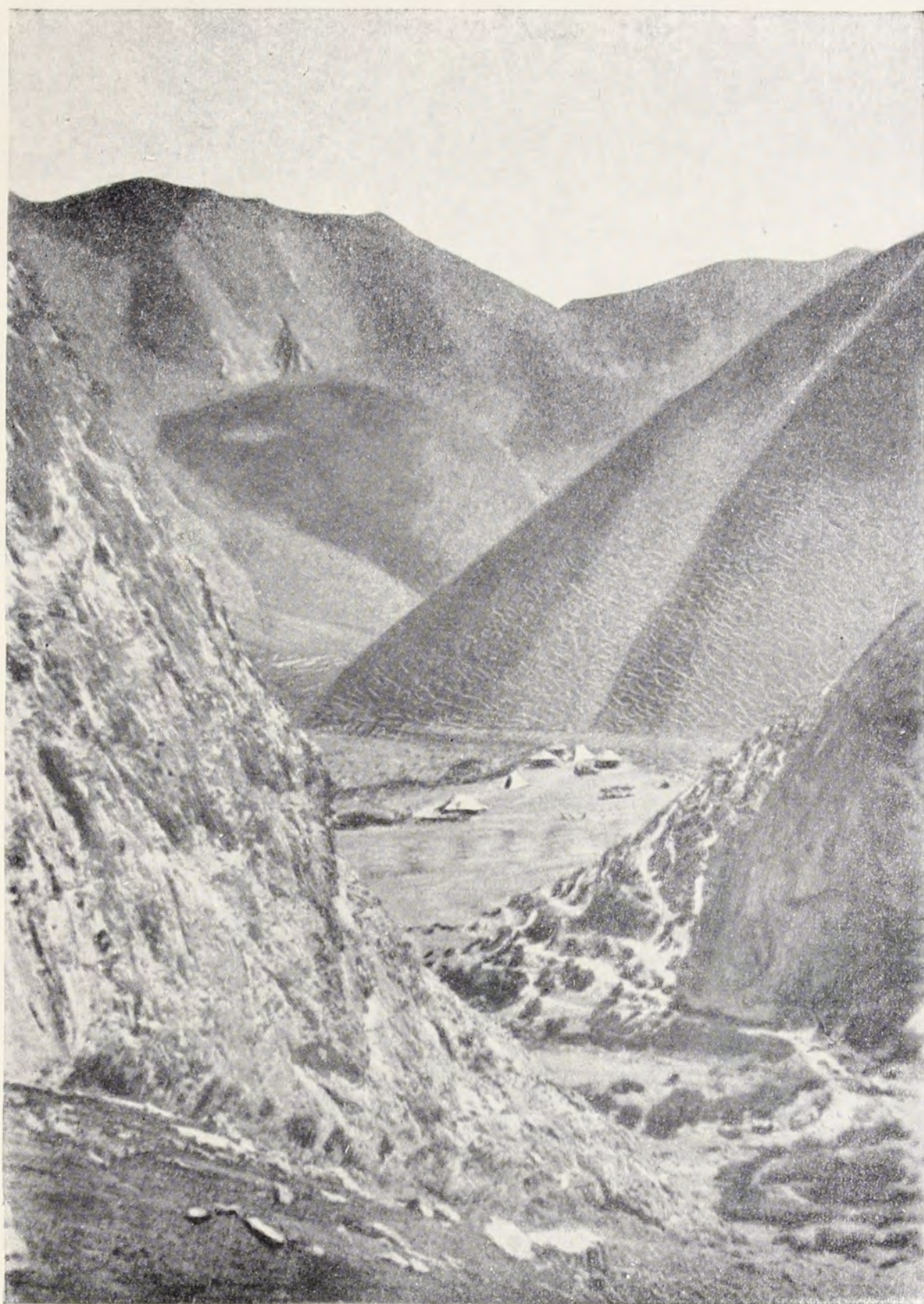
перешла через реку Юрун-каш, долина которой, подобно долине Кара-каша, сплошь покрыта кругляками. По левому, низменному берегу реки, около переправы, сооружена длинная плотина из камней, защищающая прибрежную часть оазиса от наводнений. Воды в реке в то время было очень мало, но во время разлива она бывает многоводна, и быстра. В это время Юрун-каш, по словам туземцев, несет больше воды, чем Кара-каш, почему они и считают его главной рекой. Обе реки получают начало на Тибетском нагорье, прорезают Кун-лунь и, спустившись в Кашгарскую котловину, сливаются в ней верстах в 120 к северо-востоку от Хотана. Разлитие этих рек-близнецов происходит одновременно, в июне и июле, от периодических дождей в Кун-луне и таяния его ледников. Тогда переправа через них совершается на больших лодках (каюках), и только в конце августа обе реки становятся проходимыми вброд.

От слияния Юрун-каша с Кара-кашем образуется река Хотан-дарья, несущая свои воды через пустыню Такла-макан в Яркенд-дарью. Осенью течение Хотан-дарьи прерывается, и вода остается только в наиболее углубленных местах ее ложа в виде небольших пресных озерков, не пересыхающих до следующего наводнения. Продолжительность существования этих озерков, в которых все время живут рыбы, дает повод полагать, что по прекращении поверхностного течения горная вода продолжает сочиться в глубине песчаного ложа реки до следующего разлива. Иначе никак нельзя объяснить сохранение малых озерков в столь сухой стране, как пустыня Такла-макан, и пребывание в них рыб, которые наверное погибли бы без освежения в этих озерках воды подземным путем.

От переправы мы прошли около 30 верст по оазису. Почва в восточной половине Хотанского оазиса, по словам туземцев, плодороднее, чем в западной, и водою эта половина в летнее время тоже обильнее западной, орошаемой рекою Кара-каш; поэтому плотность населения в ней больше, и оно, повидимому, зажиточнее, чем к западу от реки Юрун-каш. На пути по восточной половине Хотанского оазиса мы миновали три базара и пересекли четыре протока реки Юрун-каш, текущие в обрывистых балках, промытых ими в рыхлой лёссовой толще.

На другой день экспедиция вышла из Хотанского оазиса и остановилась на восточной его окраине на ночлег. Впереди расстилалась обширная солончаковая равнина, покрытая низкорослым и редким камышом. Летом, во время разлива реки Юрун-каш, эта низменная равнина затопляется водой, и тогда на ней образуется множество мелких озерков, пересыхающих по спадении воды. Перед наводнением жители оазиса жнут на ней молодой камыш на зиму для скота, а осенью пасут свои стада.

Сделав маленький переход по упомянутой солончаковой равнине, мы ночевали на северо-восточной окраине оазиса, у большой дороги, ведущей из Хотана в Керю, по которой нам надлежало следовать. С ночлежного места был ясно виден на юге высокий хребет Тэкелик-таг, простирающийся с юго-востока на северо-запад до реки Юрун-каш, а перед ним—два небольших, параллельных ему степных кряжа. Этот обособленный хребет сочленяется на юге волнистым поднятием с окраинным хребтом Кун-лунь, носящим против Хотанского оазиса название Карангу-таг.

Лагерь экспедиции на урочище Тохта-хон, в горах Кун-луня

Вверху: вид гор Кун-луня к юго-востоку от урочища Тохта-хон

Внизу: отдельный дом в Хотанском оазисе

Большая дорога, по которой мы направились в Керию, тотчас же за чертою оазиса вступает в пределы Керийского округа и пролегает большую часть первого перехода по пустынной щебне-галечной равнине, а потом по мелким песчаным наносам. Эти наносы распространились на юг от длинного песчаного острова, тянувшегося в этом месте вдоль дороги, немного севернее ее. В песках мы остановились на ночлег у одинокого лянгера Яилган; к северу от него, верстах в 12, среди песчаных барханов, покоится прах мусульманского святого Сиявуш-хана, к мазару которого заезжают на поклонение набожные мусульмане¹⁸.

Следующую станцию, до лянгера Ашма, мы прошли также по пескам, которые на этом переходе значительно глубже и покрыты изредка тамариском, несколько оживляющим печальную придорожную местность. За лянгером Ашма экспедиция оставила пески и вступила в область лёссовых бугров, покрытых лишь тонким слоем песка, по которой следовала до многолюдного селения Чира, и там остановилась на дневку.

По собранным мною сведениям, к северу от Хотанского оазиса и керийской дороги простирается широкая, в три дня пути, полоса лёссовых бугров, покрытых песком и поросших тамариском и тополем. Восточнее лянгера Ашма керийская дорога вступает в эту полосу и пролегает до самого города Керия по южной ее окраине. Севернее полосы бугров залегает совершенно бесплодная пустыня Такла-макан, представляющая, по рассказам туземцев Южной Кашгарии, необъятную каменистую равнину, покрытую высокими и длинными песчаными грядами меридионального направления. К югу же от этой полосы, до самых предгорий Кун-луня, простирается щебне-галечная равнина, крайне бедная растительностью. Такие пустынные равнины туземцы называют саями. Поверхность их, почти сплошь покрытая каменными обломками преимущественно темного цвета, в ясные и тихие летние дни накаляется до такой степени, что жары на саях бывают положительно невыносимы и дневные переходы по таким равнинам, как уверяют туземцы, становятся невозможными.

Оазис Чира простирается по обоим берегам речки Аши-дарья и занимает площадь около 100 кв. верст с населением до 7 000 человек. Пахотной земли в этом оазисе много, а потому усадьбы туземцев размещены очень просторно. В Чире, как и во всех вообще селениях Керийского округа, снимают преимущественно одну жатву в лето, и только в благоприятные годы, именно, когда после снежной зимы в Кун-луне наступает ранняя весна, получают две жатвы. В такие годы горная вода приходит в оазисы в первой половине апреля, а потому в них успевают посеять и полить в этом месяце ячмень, который в первой половине июня уже созревает. По снятии ячменя, освободившиеся поля тотчас же засевают кукурузой и собирают ее в конце сентября или начале октября. В неблагоприятные же годы населению Керийского округа приходится довольствоваться одной жатвой, которой, однако, благодаря обширности запашек и хорошим урожаям, бывает достаточно для продовольствия местного населения.

В Чире рождаются в изобилии: персики, абрикосы, грецкие орехи, гранаты, яблоки¹⁹, груши, виноград, дыни, арбузы и тыквы, а также и все разводимые туземцами огородные овощи.

В прежнее время Чира в особенности славилась своим шелководством и выделкою шелковых тканей, но ныне оно, как и в Хотане,

находится в упадке, по причине болезни червя. В этом оазисе существуют обширные плантации хлопчатника, и из собираемого с них хлопка выделяется очень много тканей, вывозимых в северные оазисы и к нам, в Туркестан. Кроме того, в Чире готовится писчая бумага из луба тутовых деревьев.

Богачи описываемого оазиса, подобно хотанцам, владеют большими стадами тонкорунных овец с курчавою шерстью, пасущихся круглый год в соседних горах Кун-луня. Из шерсти этих овец, как выше сказано, готовят ковры, а из шкурок их выделывают меха.

Сильная песчаная буря задержала нас в Чире еще на день после дневки. С раннего утра начал дуть порывистый ветер с северо-востока, перешедший потом в настоящий шторм. Песок и лёссовая пыль, поднятые бурей, совершенно помрачили дневной свет и покрыли землю в защищенных от ветра местах слоем почти в два дюйма толщины. После бури наши люди долго очищали песок и пыль, засыпавшие все выюки и палатки.

К востоку от Чиры, до самого города Керия, придорожная местность отличается уже иным характером, чем на пути от Хотана до этого селения. По выходе из него большая дорога вступает в лёссовые бугры, покрытые тамариском и низкорослым камышом — верным признаком незначительной глубины водоносного горизонта. В этих буграх мы миновали два небольших селения — Гулакма и Дамаку, основанные в недавнее время. На занимаемых ими местах прежде находились такие же лёссовые бугры, как и в окрестностях. Туземцы соседних многолюдных оазисов, постепенно переселявшиеся в эти местности, срывали малопомалу бугры и освободили таким образом от них две весьма значительные площади, занятые ныне селениями с их полями. Первобытный лёсс разровненных бугров, послуживший почвой для полей, обильно орошаемых из речек, в первые годы давал, по словам жителей, баснословные урожаи: пшеница родилась сам-50—60, а кукуруза сам-80—100. Потом урожаи стали медленно понижаться и ныне уменьшились слишком вдвое против первых лет возделывания первобытной почвы. Пахотной земли в этих селениях очень много, и потому дома в них рассеяны редко; обширные заросли камыша в окрестностях служат привольными пастбищами для скота.

В ночь с 6 на 7 октября в селении Дамаку в первый раз замерзла в лужах вода, и с этого времени начались ночные заморозки, достигавшие $-7,0^{\circ}$ по термометру Цельсия; днем же, при ясной и тихой погоде, господствовавшей всю осень, было очень тепло, так что термометр Цельсия между 2-мя и 3-мя часами полудни нередко подымался до $16,0^{\circ}$. Несмотря, однако, на преобладание затишья, легкий пыльный туман скрывал от нас на юге величественный Кун-лунь все время, пока мы шли из Хотана в Керию.

От селения Дамаку экспедиция продолжала путь по лёссовым буграм, поросшим тамариском, камышом и изредка одинокими, чахлыми тополями. В конце перехода бугры стали редеть, и мы очутились наконец на равнине, покрытой лишь кое-где низкими лёссовыми грядами. В этой равнинной местности, одетой сплошным растительным покровом из низкорослого камыша и отчасти тамариска с тополем, экспедиция расположилась на ночлег близ лянгера Кара-кыр, на берегу маленькой речки. Она получает начало из ключей южнее дороги и образует на пути длинный ряд небольших озерков, на которых в то время было

множество пролетных уток. К северу от дороги в одной версте, на берегу той же речки, находится мазар Султанэ, посещаемый многими проезжими туземцами.

Следующую станцию мы шли сначала по равнине, густо поросшей камышом и тамариском, на которой изредка встречались лёссовые бугры; затем, перейдя речку Лай-су, образующуюся также южнее дороги из ключей, снова вступили в область обрывистых лёссовых бугров, почти вовсе лишенных растительности, и следовали по этой печальной местности около 6 верст. Из бугров дорога выходит на обширную болотисто-солончаковую равнину Шивал-комыш, поросшую тростником, и пролегает по ней тоже около 6 верст. На этой равнине с бурой перегнойной почвой, пропитанной солью, находится много источников, содержащих соленоватую воду с сильным запахом сероводорода; из них образуются многоводные ручьи, питающие малые озера, окаймленные по берегам зарослями высокого тростника. На восточной окраине описываемой равнины мы пересекли неширокую песчаную полосу, протянувшуюся с севера на юг, и остановились ночевать на западной окраине большого селения Тогра-гас, служащего как бы предместьем Керийскому оазису.

Жители названного селения подтвердили собранные мною на пути от Хотана сведения о полосе лёссовых бугров и пустыне Такла-макан. По их показаниям, к северу от керийской дороги, на всем ее протяжении между Чирой и Керией простираются на три дня пути бугры, поросшие тамариском и изредка тополем. Последний в южной части полосы бугров сильно разрежен жителями соседних селений, а в северной половине, куда люди проникают редко, встречаются не только одинокие деревья и кусты, но даже большие тополевыя рощи.

На север от полосы бугров лежит пустыня Такла-макан, совершенно лишенная растительности. В ней высокие и длинные песчаные гряды перемежаются с совершенно ровными или слегка волнистыми саями. Жители ближайших селений, подобно туземцам Юго-западной Кашгарии, посещают только северную полосу бугров, куда они ездят зимой за тополем, а в самую пустыню не проникают.

К югу от того же участка керийской дороги простираются верст на 10 песчано-лёссовые бугры; далее на такое же от них расстояние—мелкие песчаные наносы, а южнее их, до самых предгорий Кун-луня—бесплодные сая.

Последнюю станцию до Керии мы шли сначала по многолюдному селению Тогра-гас, потом по болотисто-солончаковой полосе, протянувшейся с севера на юг и отделяющей названное селение от Керийского оазиса. На этой полосе, отличающейся совершенно таким же характером, как и равнина Шивал-комыш, мы миновали небольшой рынок Шамби-базар, а затем вступили в самый оазис, по которому следовали около 12 верст до города Керия. Пройдя город, экспедиция вскоре вышла из оазиса и расположилась лагерем близ восточной его окраины, на берегу реки Керия-дарья.

Керийский оазис занимает площадь около 220 кв. верст. Наибольшая часть его расположена по левому берегу реки Керия-дарья, а наименьшая, называемая Беш-тограк,— по правому. В оазисе вместе с городом считается около 3 000 домов с населением в 14 000 человек. Следовательно, в нем на каждую квадратную версту приходится около 64 жителей, т. е. вдвое менее, чем в Хотанском оазисе. Поэтому усадьбы

поселян в Керийском оазисе размещены очень просторно: на каждый двор (семейство) в нем приходится около 7 десятин земли, тогда как в Хотанском оазисе 3,5 десятины, а в Яркендском только 1,7 десятины. Почва Керийского оазиса песчано-лессовая, но при обилии воды, доставляемой летом рекою Керия-дарья, дает хорошие урожаи: кукуруза родится средним числом сам-28, рис сам-11, пшеница сам-14 и ячмень сам-12. В этом оазисе снимают большею частью одну хлебную жатву в лето и только изредка, в благоприятные годы, когда река разливается ранней весной,—две, именно ячмень и кукурузу. Но хлеба, благодаря обширности запашек и обилию урожаев, бывает достаточно даже от одной жатвы, а когда снимают две, то в нем обнаруживается излишек, сбываемый на золотые прииски в Кун-лунь для продовольствия рабочих.

Избыток воды позволяет засеивать весьма значительные пространства в долине реки рисом. Хлопчатник в Керийском оазисе возделывается также в весьма большом количестве и по качеству не только не уступает, но даже превосходит хотанский. Плоды и огородные овощи в этом оазисе рождаются очень хорошо. В нем засеивают много конопли для приготовления нашин, курение которой сильно распространено между жителями. Шелководство в Керийском оазисе развито лишь в небольших размерах.

Богатые жители города и оазиса владеют большими стадами обыкновенных курдючных и тонкорунных овец с курчавой шерстью. Тонкорунные овцы пасутся круглый год в горах Кун-луни, западнее реки Керия-дарья, а простые — частью в Кун-луне, к востоку от названной реки, частью в ее долине ниже города.

Река Керия-дарья, получающая начало на Тибетском нагорье и прорезающая Кун-лунь, летом во время разлива бывает очень многоводна и обильно орошает Керийский оазис. По выходе из него она пересекает полосу лессовых бугров, поросших тамариском и тополем, в два дня пути шириной, потом вступает в пустыню Такла-макан и течет по ней на север в широкой солонцеватой долине непрерывно круглый год на расстоянии около 300 верст от города Керия²⁰. В малую воду, осенью и зимой, нижнее течение этой реки поддерживается множеством неиссякающих источников, преимущественно с соленоватой сероводородной водой, образующих в ее долине массу малых озерков, которые сообщаются с рекой протоками. В этих озерах, равно как и в самой реке, живет множество рыб.

Долина нижней Керии-дарьи почти повсюду покрыта тополем, зарослями кустарников и тростника, в которых живут тигры и множество кабанов. В 40 верстах ниже города Керия в этой долине расположено небольшое селение Хасан-ата, ниже которого на протяжении около 60 верст в ней живут только пастухи со стадами овец, принадлежащих жителям Керийского оазиса. В 100 верстах к северу от города Керия в той же долине находится мазар хазрет-имама Гулам-ша с монастырем, посещаемый пилигримами; ниже его долина Керии-дарьи уже необитаема. По свидетельству туземцев, доезжавших до места исчезновения названной реки, долина ее верстах в 200 к северу от упомянутого мазара заграждается высокими песчаными грядами. Немного южнее этих гряд и оканчивается Керия-дарья в плоской солончаковой впадине, совершив длинный путь сначала по высочайшему нагорью, потом по мрачному ущелью Кун-луни, в котором она несется с неимо-

верной быстротой*, и наконец по мертвой и безмолвной пустыне Такла-макан.

Близ восточной окраины оазиса расположен небольшой городок Керия, не имеющий стены. В нем только одна большая улица, служащая базаром, а остальные очень малы. Больших мечетей три, из которых главная, с медресе, называется Гаитка. В базарные дни городок значительно оживляется, в особенности осенью и зимой, в свободное от полевых работ время. Тогда многие из поселян оазиса и соседних селений являются на базар просто для развлечения: посмотреть и узнать новости на базарном сборище, заменяющем в Средней Азии клубы и газеты.

Промышленность и торговля города Керия очень незначительны. В нем выделяется больше всего маты и немного шерстяных ковров, войлоков и мехов. В этом городе проживает около 30 человек наших торговцев — ферганских сартов, сбывающих преимущественно мануфактурный товар, металлические изделия и разные мелочи. Предметами же вывоза служат: мата, козий пух, меха и овчины. Кроме того, наши торговцы скупают небольшую часть золота, добываемого в Кун-луне. В Ладак из Керии отправляются через Хотан только козий пух и нашá.

В летнее время часть жителей Керийского оазиса уходит на золотые прииски в Кун-лунь. Этим отхожим промыслом занимаются почти исключительно бедняки, закабаленные богачами-золотопромышленниками, у которых они состоят постоянно в неоплатных долгах и работают на них почти за бесценок.

В Керии китайскими властями учреждена школа для сыновей почетных туземцев, в которой этих мальчиков готовят для занятия низших административных должностей и мест переводчиков. Их обучают преимущественно китайскому языку, одевают по-китайски и воспитывают в китайском духе. Окружной начальник присылал ко мне в лагерь весь личный состав этой школы на показ. После осмотра и расспросов мы угостили учителей и мальчиков, показали им картины и при прощании наделили лакомствами.

Во время пятидневного пребывания в Керии я узнал от туземцев и наших торговцев, что перевалы через Кун-лунь в Тибет находятся только в верховьях рек Толан-ходжа и Бостан-тограк. Западнее же этих рек, на всем пространстве до селения Полу, через которое пролегает очень трудный выючный путь на юг, в Ладак, нет ни одного горного прохода через окраинный хребет. Поэтому я решил следовать с экспедицией далее на восток до оазиса Ния и, оставив там лишних людей и тяжести, совершить оттуда до наступления зимы экскурсию в Кун-лунь для отыскания в указанных местах перевалов через этот хребет в Тибет. По возвращении же из гор предполагалось расположиться на всю зиму в Нии, так как путешествие в Тибет в это время года на усталых выючных животных было совершенно невозможно.

Из Керии мы направились 15 октября в Нию и всю первую станцию шли по пескам. На этом переходе впервые увидели мы на юге величественный Кун-лунь, отстоящий от дороги верстах в 40. Он представился нам в виде резко очерченного вала колоссальных размеров²¹. Отдаленных снеговых гор, соседних Тибетскому нагорью, не было видно

* Там на протяжении не более 80 верст падение реки около 6 160 футов, т. е. до 77 футов, или 11 сажен, на версту.

вовсе. На вопрос, какова страна за хребтом, наши проводники отвечали, что там, по рассказам горцев-пастухов Кун-луня, залегает необъятная высокая равнина, пустынная и безлюдная. На ней пасутся, однако, яки, куланы и антилопы. Достигнуть этой равнины с севера можно только через Полу по весьма трудному горному проходу ущельем реки Кураб и по верхнему течению реки Толан-ходжа, называемому Сарык-туз, где переход через Кун-лунь не затруднителен даже для тяжело нагруженных вьючных животных. На пространстве же между Полу и рекою Сарык-туз нет ни одного прохода, доступного для караванов. На этом протяжении через окраинный хребет не могут переезжать даже одиночные всадники, и только пешие горцы отваживаются переходить через него, да и то в немногих местах.

Первый ночлег мы имели в селении Ой-тограк, растянувшимся верст на шесть вдоль дороги. Дома в нем разбросаны очень редко, пахотной земли много, но песчано-лессовая почва, содержащая весьма значительное количество песка, малоплодородна. Притом в селении в летнее время ощущается недостаток в воде для орошения пашен. Эти неблагоприятные условия весьма заметно отражаются на благосостоянии его жителей, большинство которых бедно²².

От Ой-тограка до выселка Ясулгун дорога пролегает по саю, покрытому местами узкими песчаными грядами. К северу же от дороги тянутся высокие песчаные гряды Ой-яр-кум. Переезд из Керии в Нию почти по сплошным пескам в ветренную погоду бывает небезопасен. На половине пути между Ой-тограком и Ясулгуном наш проводник указал близ дороги кости людей, шедших из Черчена в Керию и погибших от сильной песчаной бури в этом месте. Путники были засыпаны песком, под которым трупы их лежали долгое время и разложились. Потом ветер обнаружил их, и тогда только узнали о гибели этих несчастных людей.

От выселка Ясулгун до селения Ния нам предстоял переход в 50 верст по безводной, песчаной пустыне, а потому мы остановились в нем на дневку. В этом бедном выселке, имеющем всего 10 дворов, песчано-лессовая почва также малоплодородна, как и в Ой-тограке. Недостаток в летнее время воды для орошения пашен тоже очень чувствителен. По свидетельству жителей Ясулгуна, к северу от их селения простираются пески, называемые Кызыл-кум. Близ селения они неглубоки, но далее на север высота песчаных гряд возрастает, и в двух днях пути от него они достигают уже весьма значительных размеров. С этих последних гряд видны далеко на севере еще более высокие и длинные песчаные гряды, до которых никто из жителей Ясулгуна не доезжал. В песках Кызыл-кум, перемежающихся небольшими саями, нет ни воды, ни растительности, и никакой животной жизни.

Судя по этим показаниям, полоса лессовых бугров с ее древесною растительностью, окаймляющая пустыню Такла-макан с юга и юго-запада, между меридианами селений Ой-тограк и Ния прерывается. На указанном пространстве пустыня начинается непосредственно от дороги, ведущей из Керии в Нию. Этот перерыв в распространении лесса и тополя вокруг пустыни соответствует отсутствию в том же промежутке источников, а восточнее Ясулгуна — грунтовых вод вообще, даже на больших глубинах. В 18 верстах к востоку от Ясулгуна, в балке у лян-гера Аврас, вырыт колодец почти в 40 сажен глубины, в котором вода бывает только летом, когда по этой балке струится с гор поток; в

остальное же время года колодец остается сухим. Отсутствие непроницаемых слоев и водоносных жил на небольших глубинах на этом пространстве подтверждает, повидимому, наше предположение о поддержании древесной растительности лесной полосы, окаймляющей пустыню Такла-макан на юге и юго-западе, водами горного происхождения.

На всем 50-верстном расстоянии от Ясулгуна до Нии дорога пролегает по совершенно пустынной и безводной щебне-галечной равнине, испещренной узкими песчаными грядками. Эти грядки простираются с северо-запада на юго-восток и почти равносторонны. Такое строение их ясно указывает на преобладание в Южной Кашгарии северо-восточного и юго-западного ветров, причем последний, повидимому, пересиливает северо-восточный.

На первой половине станции песчаные грядки рассеяны по щебне-галечной равнине значительно реже, чем на второй, где они местами сплочиваются почти в непрерывные грядовые наносы. В этих местах дорогу во время бурь заметает песком до того, что от нее не остается никакого следа и проезд в такую погоду между Нией и Керией становится крайне затруднительным. Для указания путникам, застигнутым песчаной бурей, направления дороги на второй половине станции, между лянгером Аврас и Нией расставлены изредка маяки, состоящие из высоких жердей с прикрепленными к ним сверху крестообразно пучками хвороста.

В описываемой пустыне, в особенности в западной ее половине, заметны признаки, повидимому, распавшихся местных гор. Тут нередко встречаются весьма плоские бугры обширных размеров, на вершинах которых лежат массивные камни. Эти обломки твердых пород постепенно мельчают по радиальным направлениям от вершин бугров, переходя на их отлогих склонах в гальку, щебень, гравий и дресву, устилающие почти сплошь равнинные между буграми пространства. Но выходов коренных горных пород ни на вершинах, ни на склонах этих плоских бугров и на окружающих их плоскостях не заметно.

На 18-й версте экспедиция миновала лянгер Аврас, расположенный на берегу неглубокой балки, в которой находится помянутый выше колодец в 40 сажен глубины. Вода в балке и колодце появляется только летом, во время таяния снегов и ледников в горах Кун-луня, откуда она стекает по непрерывному руслу, а в остальное время года ее привозят ежедневно в лянгер из выселка Ясулгун.

В 9 верстах от лянгера Аврас мы остановились на ночлег у сухого русла Чаканды-экин, в совершенно пустынной местности. Во всей окрестной унылой пустыне, кроме жалких кустиков хвойника (*Ephedra* sp. ?), сиротливо приютившихся по одиночке в сухом русле, нет никакой растительности и не заметно было ни одного животного, не исключая насекомых.

Последний переход, в 23 версты, до Нии был в особенности утомителен: дорога, направляющаяся к северо-востоку, очень часто пересекает песчаные грядки, которые, по мере приближения к селению, все более и более сплочиваются, возрастая вместе с тем в высоту. Эти грядки простираются от 10 до 20 верст на юг от дороги, а далее, до самого предгорья Кун-луня, залегает пустынный сай. К северу же от дороги размеры песчаных грядок постепенно увеличиваются, и в двух днях пути от нее там воздымаются уже высокие песчаные гряды пустыни Такла-макан, отделившие от себя на юг по воле ветров — как бы свои

детища — мелкие песчаные образования, испещряющие придорожный сай.

Переваливая с одной песчаной грядки на другую, мы увидели наконец верст за семь оазис Ния, который с радостным чувством приветствовали издали. Через два часа мы достигли этого оазиса, после утомительного перехода по мертвой пустыне расположились лагерем в двух верстах к северо-востоку от него, на берегу речки Ния-дарья.

Решившись провести зиму в Нии, я, на третий день по прибытии экспедиции в это селение, послал двоих из наших людей с туземцами разыскивать лучшее пастбище для экспедиционных верблюдов и лошадей. В долине речки Ния-дарья, верстах в 17 ниже селения, они нашли место с порядочным подножным кормом, куда потом были переведены все наши верблюды и большая часть лошадей. Затем, при содействии местного бека Измаила, я нанял в Нии на зиму отдельный дом для помещения экспедиции и, осмотрев его, указал, какие в нем нужно сделать приспособления ко времени нашего возвращения из Кун-луня. Часть этих работ была возложена на наших людей, а остальные — на туземцев.

Сделав все необходимые распоряжения для устройства зимней квартиры экспедиции и подрядив туземцев на ежедневную доставку нашим верблюдам соленого кукурузного хлеба, а лошадям фуража, мы стали поспешно готовиться к предстоящей экскурсии в горы для отыскания проходов через окраинный хребет Кун-лунь в северо-западный Тибет. Погода стояла очень хорошая: дни были солнечные, тихие и теплые, а вечера прохладные, и ночью термометр опускался до -5° Цельсия. 23 октября в нашей юрте замечены были комары, а 25 числа того же месяца я наблюдал множество комаров и мошек, летавших над поверхностью воды соседнего арыка. Такая теплая погода побуждала нас пользоваться благоприятным временем и спешить в горы.

Для ускорения экскурсии в Кун-лунь мы наняли у туземцев шесть свежих верблюдов, на которых нагрузили весь необходимый багаж, и, взяв с собой четырех нижних чинов из конвоя и двух туземцев, направились 27 октября из Нии на юго-восток, к подножью окраинного хребта. В этой поездке участвовали все мои сотрудники: В. И. Роборовский, П. К. Козлов и геолог экспедиции К. И. Богданович.

Тотчас же по выходе из оазиса мы очутились на весьма пустынной равнине, почти вовсе лишенной растительности и покрытой близ селения тонким слоем песка, а далее щебнем и галькой. На этой печальной равнине нередко встречались отдельные высоты разнообразных форм: узкие и низкие кряжи, столовидные возвышенности, покрытые мелкими сопками, и наконец плоские гряды, прорезанные узкими и извилистыми поперечными долинами. Все эти высоты, носящие у туземцев общее название кыр (древний), представляют, по всей вероятности, образование размыва и, подобно покрываемой их равнине, почти совершенно бесплодны.

Пройдя 16 верст, мы остановились на ночлег у подножья узкого кряжа, среди безводной и безжизненной местности. Длинные переходы по таким пустынным местностям, превосходящие 40 верст, мы обыкновенно разделяли всегда на два. Взяв с собою воды для людей, выступали с ночлежного места в прохладное время около часу пополудни, а в жары не раньше четырех часов, и останавливались перед закатом солнца на ночлег, приблизительно на середине безводной станции, а

другую ее половину проходили на следующий день с утра. Опыт убедил, что такой прием значительно облегчает длинные переходы по безводным местностям и в жаркое время года оказывается безусловно необходимым. Ночных же переходов ученым экспедициям, понятно, следует избегать и предпринимать их лишь в крайних, исключительных случаях.

На второй половине станции мы пересекли несколько низких и узких грядок, потом шли по пустынной, совершенно бесплодной равнине, не встретив на ней ни одного живого существа. К северо-востоку от дороги эта мертвая пустыня на всем видимом пространстве представляет совершенную равнину, а к юго-западу покрыта столовидными высотами, увенчанными почти сплошь мелкими сопками. Среди этих малых высот резко выделяется плоская гряда Эмчек-кыр, простирающаяся с юго-запада на северо-восток. С половины последнего перехода в пустыне стали встречаться жалкие кустики хвойника (*Ephedra* sp. ?), растущие одиноко в сухих руслах, а последние четыре версты мы следовали по сплошной каменной стлани из крупных обломков. На ночлег наш маленький караван остановился у жалкого лянгера, сложенного из камней на берегу речки Чижган, текущей в узкой и каменистой балке.

Наши проводники уверяли, что пересеченную нами на пути от Нии до речки Чижган каменистую пустыню, простирающуюся с лишком на 40 верст по дороге, крайне трудно и рискованно переходить в жаркие летние дни. В такие дни поверхность ее, в особенности близ речки Чижган, раскаляется столь сильно, что жар на ней становится положительно невыносимым даже для привычных к нему туземцев, и они переходят ее в период жаров по ночам. Действительно, темный цвет каменных обломков, покрывающих почти сплошь эту мертвую пустыню, должен немало способствовать чрезмерному нагреванию ее поверхности жгучими солнечными лучами под $36^{\circ}50'$ северной широты, где наибольшая полуденная высота солнца достигает $76^{\circ}40'$, и потому показания туземцев о нестерпимых летних жарах в ней заслуживают полного доверия.

Из узкой балки речки Чижган, загроможденной крупными валунами, мы поднялись на пустынную щебне-галечную равнину и, пройдя по ней версты три, взошли на плоскую гряду Кэй-каш, простирающуюся почти в меридиональном направлении. Спустившись немного с этой гряды, караван следовал по равнине, потом по плоской высоте, покрытой песчаными наносами и склоняющейся постепенно к широкой долине речки Яик. Перейдя эту плоскую и каменистую долину, мы поднялись на предгорье Кун-луня, резко отличающееся своей природой от оставшейся позади пустыни.

Северное предгорье окраинного хребта представляет в этом месте высокую, волнообразную равнину с весьма значительным падением к сопредельному северному саю, к которому она опускается в 20—25 верстах от подножья хребта небольшими увалами. Средняя абсолютная высота самого предгорья у подошвы Кун-луня близка к 9 500 футам, а подножье его, граничащее с саем, возвышается от 6 000 до 7 000 футов над уровнем океана. Предгорье покрыто местами небольшими отдельными горами и прорезано в северо-западном направлении многими узкими поперечными лощинами, а изредка весьма глубокими балками рек, выходящих из ущелий окраинного хребта. Почва предгорья песчано-лессовая, а под лёссом на небольшой глубине залегают мощные конгломератовые толщи, обнажающиеся во всех глубоких балках. Преобла-

дающие растения предгорья суть: белолозник (*Eurotia* sp. ?) и полынь (*Artemisia* sp. ?), образующие повсеместно обширные насаждения. Кроме того, на нем растут в изобилии: кипец (*Stipa orientalis*), карагана (*Caragana* sp. ?) и изредка хармык (*Nitraria* sp. ?). Полынью и кипцом питаются многочисленные стада овец, пасущиеся летом в горах Кун-луня, а зимой на его предгорьях.

Верстах в шести восточнее Яика протекает в глубокой балке речка Сугет, на которой мы остановились на ночлег у лянгера того же названия.

На следующий день, поднявшись из балки речки Сугет, мы продолжали путь по волнистой местности предгорья, покрытой пышным белолозником, полынью, кипцом и караганою. В ней встречались нередко мелкие лёссовые бугры, засыпанные тонким слоем песка, а по сторонам дороги видны были небольшие отдельные горы. В 10 верстах восточнее Сугета дорога пересекает глубокую балку речки Юлгун, в которую она спускается с запада по отлогому откосу, но подъем из балки на восток очень крут и только благодаря зигзагам дороги доступен для выючных животных, которым, однако, необходимо давать при подъеме по этому крутому склону частые отдыхи.

От речки Юлгун до реки Толан-ходжа мы следовали также по волнистой местности предгорья, прорезанной в восточной половине многими глубокими лощинами, направляющимися к северо-западу. Переход через эти лощины крайне утомителен для выючных животных, в особенности для верблюдов. Подошва Кун-луня на этой станции, как и на предыдущей, отстоит не далее 12 верст от дороги, но господствовавший в то время легкий пыльный туман не позволял нам отчетливо различать даже передовые горы хребта. Заметно было, однако, что эти горы опускаются к предгорью весьма крутыми склонами.

После утомительного перехода в 30 с лишком верст по местности, изрезанной лощинами, мы спустились в весьма глубокую балку реки Толан-ходжа и остановились в ней на ночлег. Глубина этой балки, имеющей почти повсюду отвесные конгломератовые стены, простирается до 80 сажен, а ширина от 25 до 100 сажен. Толан-ходжа, принадлежащая к числу больших рек Кун-луня, получает начало на северном его склоне, близ гребня, и летом, во время разлития, несет большую массу воды далеко на север в пустыню Такла-макан. В остальное же время года она теряется тотчас же по выходе из предгорья окраинного хребта, но далее, на севере, верстах в 30 от него, снова собирается из источников и под названием Яр-тунгуз течет уже непрерывно круглый год около 130 верст на север.

Подъем из балки реки Толан-ходжа на восток несравненно круче спуска с запада: выючные животные могут взбираться по этому весьма крутому склону не иначе, как с частыми отдыхами, замедляющими восхождение почти на целый час. По выходе из балки дорога направляется по местности, отличающейся таким же характером, как и на предыдущих станциях предгорья. Только восточнее реки Толан-ходжа поперечные лощины далеко не так глубоки, как на западе, и лёссовые бугры, покрытые песком, встречаются реже. Отдельных же высот на предгорье Кун-луня в этой местности гораздо больше, чем к западу от реки Толан-ходжа.

Переночевав среди длинной безводной станции, мы на другой день около полудня достигли бедного пастушеского селения Кара-сай, распо-

ложенного у самого подножья Кун-луня, и остановились там на ночлег. Обитатели его — пастухи — проводят все лето со стадами овец в горах, а на зиму спускаются в свое селение и пасут их в его окрестностях, на предгорье окраинного хребта, покрытом густыми насаждениями полыни, которую охотно едят овцы²³. Большая часть этих обыкновенных курдючных овец принадлежит богатым жителям Керийского оазиса, а своего собственного скота у пастухов мало. Они занимаются немного хлебопашеством в нижних горных долинах и у подножья хребта, засевая исключительно один ячмень. Пастухи живут зимой в Кара-сая в убогих пещерных жилищах, вырытых в лёссовом обрыве, а глиняных мазанок в этом жалком селении очень мало.

Взяв из Кара-сая проводников, мы вступили в горы Кун-луня и шли сначала на юг по узкой долине речки Кара-сай-су, потом, повернув к юго-западу, поднялись по весьма крутому склону на косогор и следовали по карнизу высокого, почти отвесного обрыва. Далее по узкой долине мы взошли на перевал Урулят-даван, с которого с трудом спустились в ущелье маленькой речки, и, пройдя вниз по ней версты три, снова поднялись по очень крутому косогору на другой перевал Кош-лаш. С вершины этого последнего открывается очаровательный вид на необозримый строй гор Кун-луня. Оттуда, между прочим, ясно видна высочайшая в этой части хребта снеговая группа Ак-таг, соседняя Тибетскому нагорью, а также большая часть долины верхней Толан-ходжи и величественные горные ворота в мощном луче Кун-луня — Астын-таге, через который эта река прорывает себе путь на северо-запад²⁴.

С перевала Кош-лаш мы спустились по отлогому склону в узкую долину, к монастырю Люнджилик-ханум, и там расположили наш лагерь. В этой маленькой обители я остался с двумя из наших людей, а сотрудники мои с двумя остальными, в сопровождении трех туземцев, на другой день по прибытии в монастырь отправились в верховья реки Толан-ходжа для осмотра перевала через Кун-лунь на Тибетское нагорье, на который нам указывали туземцы и наши торговцы еще в Керии²⁵. Во время отсутствия моих сотрудников я определил географическое положение монастыря, измерил неоднократно барометром высоту места* и собрал некоторые расспросные сведения об окрестной стране.

Настоятель монастыря (халие) передал мне сказание о событии, вследствие которого возник этот монастырь, занесенное, по его словам, в одну из местных летописей, хранящихся ныне в городе Керия.

Около 1 000 лет тому назад один из потомков Магомета, имам Джафар-Садык, выехал из родной Медины с 500 сподвижников на проповедь ислама в Центральную Азию и через Бухару проник в Восточный Туркестан. Сначала в Кашгаре, потом в Яркенде и Хотане он проповедывал туземцам-буддистам веру пророка и приобрел много последователей. Местные правители, подстрекаемые буддийским духовенством, воспротивились обращению туземцев в ислам и стали преследовать проповедника. Из Хотана он вынужден был удалиться со своими сподвижниками в окрестности нынешней Нии. Вместе с ним скрылась туда же его родственница Ай-толан, сопровождавшая имама от самой Медины, со своей дочерью Люнджилик-ханум, молодой, необыкновенно красивой девушкой. Но и в этом уединенном убежище проповедник не нашел себе

* По этим измерениям названный монастырь лежит на высоте 10 620 футов над уровнем моря.

покоя: неверные (т. е. приверженцы буддизма) бросились за ним в погоню. Решившись дать им отпор, имам Джафар-Садык отправил с надежными людьми Ай-толан с дочерью на юг, в горы Кун-луня, а сам с дружиной остался в долине речки Ния-дарья, немного севернее оазиса Ния. Там напали на него в превосходных силах неверные и уничтожили почти всю дружину имама. Сам он, тяжело раненный в этой битве, бежал по долине речки Ния-дарья в пустыню и там вскоре скончался от ран. Немногие сподвижники проповедника, спасшиеся вместе с ним бегством, благоговейно предали его труп земле на возвышенном берегу Нии-дарьи. Там и доныне сохраняется нетленным тело этого великого ревнителя ислама, в 100 верстах к северу от Нии, в пустыне Такла-макан, и на поклонение ему стекается множество паломников, не только из Кашгарии, но даже из нашего Туркестана и из Индии.

После поражения дружины имама Джафара-Садыка неверные, проведая о бегстве Ай-толан с дочерью в горы и прельстившись рассказами о чудной красоте Люнджилик-ханум, направились по их следам в Кун-лунь, чтобы овладеть этой красавицей. Завидев с горы приближавшихся врагов, девушка стала взывать к аллаху об избавлении от грозившей опасности и в заключение мольбы произнесла: «Пусть лучше разверзнется земля и поглотит меня, чем достанусь неверным». Едва успела она проговорить последние слова, как в горе, под ее ногами, мгновенно образовалась трещина, поглотившая Люнджилик-ханум, и тотчас же закрылась. Только коса этой девушки, зацепившаяся при ее падении в бездну, осталась на поверхности горы и доныне хранится на том месте в ковчеге, как святыня. Ай-толан, стоявшая поблизости дочери, осталась невредимою; после гибели Люнджилик-ханум она убежала немедленно в горы на юг и там вскоре умерла от горести. Мазар ее находится верстах в 10 к югу от монастыря Люнджилик-ханум.

Близ южной подошвы горы, поглотившей Люнджилик-ханум, в честь этой девушки, окончившей столь печально и безвременно свое земное существование, воздвигнута мечеть, в которой настоятель монастыря с братией ежедневно в срочные часы возносят молитвы. Подле мечети находится несколько маленьких каменных келий для помещения посещающих монастырь поклонников, а настоятель с братией и служителями живут отдельно в глиняных мазанках.

На горе, над местом трещины, в которой исчезла Люнджилик-ханум, поставлено множество шестов с конскими и яковыми хвостами на верхушках и наложена масса черепов с рогами диких горных баранов и яков. С крутого южного обрыва известковой горы, принявшей в свои недра Люнджилик-ханум, ниспадает несколько маленьких каскадов, свергающих по временам мелкие, круглые камешки. По поверью туземцев, эти камешки суть отверделые слезы Люнджилик-ханум, и набожные пилигримы заботливо собирают их у подножья горы, как реликвии, и развозят по домам.

Во время пребывания в монастыре я расспрашивал его обитателей о северной окраине Тибетского нагорья. Они сообщили мне, что сами в той страхе не бывали, но слышали от искателей золота, ходивших на юг, за Кун-лунь, что там залегает весьма высокая, пустынная равнина, покрытая небольшими холмами, на которой, несмотря на скудную растительность, водятся дикие яки и антилопы. Эта нагорная равнина безлюдна на протяжении 17 дней пути от Кун-луня на юг, но далее, по рассказам ладакцев, проходящих в Кашгарию с караванами, на ней

живут люди в черных палатках, имеющие много скота. Никто из этих людей, однако, не проникал в Кашгарию не только теперь, но, по уверению стариков, и в давно прошедшее время, по крайней мере на пространстве между Полу и рекой Бостан-тограк. Точно так же и жители Кашгарии, не исключая и горцев Кун-луня, никогда не отходили далеко от окраинного хребта в глубь Тибета и не посещали кочевьев его обитателей.

Погода в горах Кун-луня во все время моего пребывания в монастыре (с 5 по 10 ноября) стояла великолепная: днем, при совершенно безоблачном небе, дул теплый ветерок с юго-запада, и в полуденные часы на солнце было не только тепло, но даже немного жарко; зато по переходе в тень сразу обдавало холодом. Теплопрозрачность воздуха в ясные дни на больших высотах Кун-луня поистине изумительна, чему, кроме разреженности, способствует еще чрезмерная сухость его. В безоблачные летние дни, когда солнце на таких высотах жжет невыносимо, стоит только укрыться в тень, где через несколько минут наверное почувствуешь холод.

На пятый день возвратились в монастырь мои сотрудники, успешные осмотреть перевал через Кун-лунь. В 8 верстах от монастыря они спустились в долину реки Толан-ходжа, носящей в верховьях название Сарык-туз, и направились по ней вверх на юго-запад. Долина на всем протяжении до вершины перевала доступна для каравана, и движение по ней затрудняется лишь немногими балками на левом берегу реки, в которых, однако, нетрудно разработать отлогие спуски и подъемы. Эта долина ведет на пологий перевал, имеющий незначительный спуск на Тибетское нагорье, и выше истока реки Сарык-туз становится уже бесплодною. По свидетельству пастухов, встреченных моими сотрудниками в верховьях названной реки, один из них, по имени Осман (находившийся в то время в Керии), несколько лет тому назад ездил с партией золотоискателей по долине реки Сарык-туз на Тибетское нагорье и проникал вдоль южного подножья Кун-луня до верховьев реки Керия-дарья. По возвращении оттуда Осман в рассказе пастухам о своей поездке с золотоискателями, между прочим, упоминал, что весь путь от истоков Сарык-туза до реки Керия-дарья они совершили по весьма высокой и бесплодной нагорной равнине.

Какова страна к югу от перевала, за Кун-лунем — никто из опрошенных пастухов не знал, потому что ни один из них, кроме Османа, не переходил через окраинный хребет на Тибетское нагорье.

Ограничившись вышеприведенными предварительными сведениями о перевале и прилежащей к нему области Тибетского нагорья, я решил возвратиться в Нию и, перезимовав в этом селении, попытаться весной проникнуть через долину Сарык-туса на Тибетское нагорье, сколько возможно далее на юг от Кун-луня.

10 ноября мы выступили из монастыря в обратный путь и, переночевав в Кара-сае, направились по старой дороге в Нию. Погода во время обратного следования стояла очень хорошая: Кун-лунь на этот раз был ясно виден с дороги, и я мог исправить ошибки в моей маршрутной съемке, произведенной в передний путь во время легкого пыльного тумана.

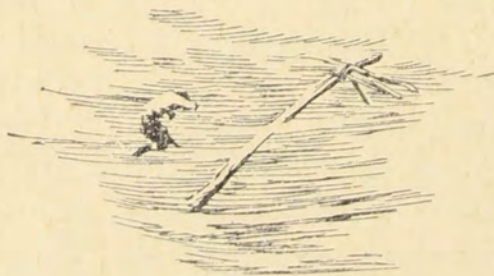
17 ноября мы прибыли в Нию и узнали от остававшихся в лагере людей, что во время нашего отсутствия на равнине было всего два ясных и теплых дня, а в остальные дул холодный ветер с северо-

востока и господствовал пыльный туман, сопровождавшийся облачностью.

Наша зимняя квартира в Нии была еще не готова, и экспедиции пришлось провести неделю в лагере. Между тем погода с каждым днем становилась холоднее, по временам дул суровый ветер с северо-востока, лужи и малые озерки покрылись льдом; но в ясные и тихие дни термометр около 2 часов все-таки подымался на короткое время немного выше 0°.

24 ноября мы переместились, наконец, на квартиру и через три дня вполне устроились в новом жилище. Я с сотрудниками расположился в четырех комнатах, из которых в одной большой, служившей столовой, мы поставили походную железную печь, а в остальных протапливали в холодное время камины. Наши люди поместились в одной обширной комнате, в которой была сложена печь с очагом, а переводчик с препаратором заняли отдельную смежную комнатку. На дворе под навесом была сложена русская печь для печения хлеба, а в одной из надворных глиняных построек устроена баня.

В течение всей зимы, проведенной нами в глухой стране, среди чуждого народа, мы как-то мало тяготились своим одиночеством, благодаря походной библиотеке, в которой было много хороших книг, и присылке газет из Кашгара по китайской почте исправлявшим в то время должность консула Я. Я. Лютшем. С 1 января нового стиля 1890 г. я начал производить правильные метеорологические наблюдения, продолжавшиеся до 1 мая, когда их пришлось по необходимости прервать по случаю выступления из Нии. Кроме того, я занимался вычерчиванием маршрутной съемки, а с наступлением теплого времени — астрономическими и магнитными наблюдениями. Главным же моим занятием в течение зимы было пополнение собранных на пути расспросных сведений по этнографии. Все эти сведения в совокупности с личными наблюдениями и впечатлениями послужили материалом для этнографического очерка, составляющего содержание следующей главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАШГАРИИ

Размещение и численность населения.— Этнологические заметки.— Оазисы.— Распределение лёсса.— Ирригация, земледелие и скотоводство.— Пища и одежда.— Жилище.— Нравы, обычаи, обряды и обыденная жизнь оседлых обитателей Кашгарии.— Их праздники, общественные моления и суеверие.— Похороны и поминки.— Остатки рабства, сословия, значение духовенства.— Кустарная промышленность, торговля, налоги и пошлины.— Экономическое состояние населения.— Административное разделение и порядок управления.— Китайский режим.

По причине совершенного бесплодия Центральной Кашгарии, представляющей мертвую пустыню Такла-макан, оседлое население этой страны, как было замечено во второй главе, группируется на ее подгорной окраине, испещренной оазисами. Внутренние же склоны окраинных хребтов, обращенные к котловине, населены кочевниками и полуоседлыми туземцами, ведущими пастушеский образ жизни.

Оазисы Кашгарии, рассеянные, подобно островам, по ее подгорной окраинной полосе и отличающиеся повсюду весьма плодородной лёссовой почвой, обязаны своим существованием в этой чрезмерно сухой стране живительному действию рек, сбегających с соседних окраинных гор и в большинстве, после короткого течения, иссякающих бесследно в ее обширной центральной пустыне Такла-макан. Исключение составляют только величайшая река страны Яркенд-дарья с весьма немногими левыми притоками и вторая по длине — Черчен-дарья, несущие свои воды в весьма отдаленное от их истоков озеро Лоб-нор.

По собранным мною на месте от туземных и отчасти китайских чиновников сведениям, численность всего населения Кашгарии простирается ныне приблизительно до 2 000 000 человек, в том числе около 1 800 000 оседлого и 200 000 кочевого и пастушеского.

Оседлые туземцы Кашгарии, живущие в оазисах и занимающиеся земледелием, в этнологическом отношении представляют помесь арийцев иранской ветви с тюрко-монголами. Об этом, несомненно, свиде-

тельствуют их телесные признаки, присущие обоим смешавшимся расам, а отчасти и самый язык, в составе которого заключается много древнеперсидских слов.

Рост кашгарцев в общем не выше среднего, грудь слегка впалая, а спина выпуклая; корпус у них сухощавый, поджарый, верхние и нижние конечности тонкие, почему общий вес тела мал. Лицо продолговатое, к подбородку суженное, затылок плоский, скулы выдающиеся; уши оттопыренные, нос у корня широкий, а на конце слегка заостренный. Рот умеренный, глаза прямые, карие или темнокарие, брови дугообразные. Волосы на голове и бороде черные, средней густоты, но значительно гуще, чем у киргизов. Цвет кожи светлосмуглый, но у субъектов, не принадлежащих к рабочему классу, отличается большей белизной. Выражение лица спокойное, задумчивое, как бы испытующее, причем у женщин на нем заметно более оживления, чем у мужчин.

Таковы в общих чертах телесные признаки типа, который может считаться преобладающим в среде оседлого населения Кашгарии. Само собой разумеется, что в этом населении должно встречаться немало и уклонений от него вполне естественных у метисов. Так, в Яркендском и отчасти в Каргалыкском округах приходилось неоднократно замечать туземцев, подходящих по телесным признакам весьма близко к таджикам, т. е. высокого роста, с густой, окладистой бородой, густыми дугообразными бровями, с горбиной на носу и узким межбровьем. Точно так же в Южной Кашгарии, в Хотанском и Керийском округах, встречались изредка туземцы среднего роста, с правильными европейскими чертами лица, русой бородой и серыми глазами, представлявшие по наружности резкий контраст с остальной массой населения страны.

В числе оседлых туземцев Кашгарии считается около 6 000 дунган, переселившихся в эту страну из Внутреннего Китая в текущем столетии и проживающих в оазисах Аксуйской области. Дунгане, по всей вероятности, тюркского происхождения, но издавна усвоили язык, одежду и обычаи китайцев, от которых отличаются лишь несколько наружностью и своим магометанским вероисповеданием. Несмотря, однако, на долговременное общение с китайцами, они питают к ним непримиримую ненависть.

К числу оседлых обитателей Кашгарии принадлежит еще около 300 семейств цыган, из которых 270 проживают в Кашгарском оазисе, а остальные 30 в Яркендском. Они занимаются преимущественно плетением корзин и отчасти барышничеством.

Кочевое население Кашгарии состоит только из одних киргизов, населяющих южный склон главного хребта Тяньшанской системы — Кок-шала — с его отрогом Кара-тэке и окраинный хребет Памирского нагорья — Сары-кол. Эти кочевники, называемые кара-киргизами, отличаются несколько наружностью, языком и бытом от своих северных сородичей, кочующих в сибирских степях.

Внутренний склон Кун-луня в южной и юго-западных частях Кашгарии занимают туземцы, отличающиеся от обитателей оазисов только своим полуоседлым, пастушеским образом жизни. В юго-западной части того же окраинного хребта, именно в горах Килиан-таг и Топатаг, живут еще около 350 человек таджиков, вышедших в конце прошлого столетия из Вахана и называемых поэтому кашгарцами ваханлыками. Они ведут также полуоседлый пастушеский образ жизни, говорят на древнеперсидском наречии и, несмотря на принадлежность

Вверху: восточная окраина Хотанского оазиса

Внизу: вид долины Керии-дарьи с восточной окраины Керийского оазиса

к секте шиитов, уживаются в ладу со своими соседями-суннитами, пасущими стада в тех же горах.

Кашгарский народ не именуется никаким общим названием. Оседлые туземцы Кашгарии различаются только прозвищами по местам жительства. Так, например, говорят: кашгар-лык, яркенд-лык, хотан-лык (т. е. кашгарец, яркендец, хотанец и т. п.). Для всего же народа, населяющего Кашгарию, у туземцев нет никакого общего названия, кроме магометан.

Все оседлые туземцы Кашгарии, исключая дунган, говорят на одном и том же тюркском наречии, в котором заключается, по всей вероятности, не менее одной пятой древнеперсидских слов. Кроме того, в этом наречии встречается немало арабских слов, вошедших в него со времени распространения в Кашгарии арабами ислама. Областные различия туземного языка столь незначительные, что обитатели отдаленнейших местностей Кашгарии объясняются друг с другом совершенно свободно.

Окраинная подгорная полоса Кашгарии, в которой размещается ее оседлое население, в общем представляет пустынную страну, хотя далеко не столь бесплодную, как внутренняя пустыня Такла-макан. В этой подгорной полосе преобладают сая—пустынные щебне-галечные равнины, покрытые весьма скудной растительностью; в ней встречаются также песчаные пространства, из которых наиболее обширные лежат к северу от Яркенда и юго-западу от Черчена, и изредка солончаки. Зато по ней рассеяно немало оазисов с весьма плодородной лёссовой почвой, в которых группируется все оседлое население страны. Величина этих оазисов зависит главным образом от количества орошающей их воды. На берегах многоводных рек находятся все большие оазисы, а именно: Аксуйский, Кашгарский, Яркендский, Хотанский и Керийский, а по берегам малых рек и речек рассеяны сравнительно лишь небольшие оазисы.

Между оазисами, удаленными друг от друга нередко на несколько десятков верст, расстилаются пустынные, преимущественно щебне-галечные равнины, местами вовсе лишенные растительности. Среди этих печальных равнин оазисы в летнее время представляются очаровательными островами, покрытыми пышной растительностью. Приближаясь к оазису, путник еще издали замечает на горизонте темнозеленую полосу осеняющих его деревьев, из которой местами высоко вздымаются стройные пирамидальные тополи. По мере приближения эта полоса постепенно возрастает в длину и высоту, мало-помалу обозначаются очертания отдельных деревьев; затем показываются разбросанные по окраине оазиса дома, и наконец утомленный путник с восторженным чувством вступает в тенистый оазис. В нем все свободные от посевов места засажены деревьями: топодем, тутом, белой акацией, ивою, джидою, жужубою и разнообразными кустарниками. Среди этих насаждений рассеяны в живописном беспорядке маленькие серовато-желтые дома, окруженные глиняными стенками; вокруг них зеленеют сады и поля; везде струятся арыки, распространяющие приятную прохладу, освежающую усталого путника после утомительного перехода по знойной пустыне. Местами встречаются мечети с прудами, обсаженными деревьями, в которых правоверные совершают перед молитвою омовения. В больших оазисах с городами или базарами, расположенными чаще всего в центральных частях, дома, по мере приближения к центру оазиса, все

более и более сближаются и наконец образуют шумную базарную улицу или целый город.

Дом (уй) туземцев — это маленькая лёссовая мазанка с плоской крышей, в которой оставляются небольшие оконные отверстия. Постройка такого жилища весьма несложна и недорога. С площади, предназначенной для двора и строений, снимают поверхностный слой лёсса потребной толщины и, собрав его в кучи, утрамбовывают эту площадь. Затем, примешав к заготовленному лёссу мелкой соломы и полив эту смесь водой, разминают ее в густую массу, из которой кладут стены строения от 3 до 4 футов толщины и от 7 до 9 футов высоты. В стенах оставляются отверстия для дверных коробок, а в жилых постройках еще внутренние ниши, служащие шкафами и каминами. Доведя стены постройки до надлежащей высоты, укрепляют на их верхних краях потолочные балки, на которые настиляется помост тонких жердей. Этот помост покрывают тростниковыми циновками, а на них постилают тростник, посыпают его слоем лёсса вершка в три толщины и слегка утрамбовывают. В крышах жилых строений оставляют небольшие оконные отверстия, в которые вставляются рамки со створчатыми ставнями, закрываемыми только зимой, да и то лишь на ночь. Эти отверстия пропускают так мало света в комнаты, что в них в пасмурные дни господствует почти всегда полумрак. Пол в жилых постройках набивается из той же лёссовой массы, из которой возводятся стены, причем задняя, наибольшая часть каждой комнаты, предварительно отделяется от передней, или проходной, перегородкой из брусьев от 10 до 20 дюймов высоты, и в задней части пол набивается почти в уровень с поверхностью верхнего бруса, а в передней значительно ниже. На устроенных таким образом низеньких нарах настилаются тростниковые циновки, а поверх них — войлоки. На этих нарах туземцы работают, едят и спят, — словом, проводят на них почти все время пребывания в доме.

Двери в домах делают одностворчатые, но всегда низкие, так что при входе в туземное жилище приходится нагибаться. Почти в каждой жилой комнате устраивают камин, состоящий из узкой, но высокой стенной ниши, окаймленной по краям плоским карнизом. Из верхней, клинообразной части этой ниши выходит внутри стены кверху дымовой канал, оканчивающийся низенькой трубой.

Почти во всяком доме можно встретить веранду с навесом, пристраиваемую к одной из наружных стен дома, или сени с широким отверстием во всю длину внешней стены, в которое вставляется деревянная решетка. На верандах и в сенях устраивают всегда высокие нары, заменяющие в летнее время нары внутренних покоев, а на дворах, подле стен и иногда в садах, под тенистыми деревьями, делают из лёссовой массы лежанки (супá) для сиденья и спанья.

Дом со всеми надворными постройками окружается лёссовой оградой футов в шесть высоты. Для сокращения ее длины задние стены домов и надворных построек нередко располагают по окружной черте дворов и соединяют их лёссовыми стенками. Такой же оградой обносят и прилежащие к надворным стенкам сады, а в Южной Кашгарии их окружают преимущественно живыми изгородями. У богатых поселян лёссовые стенки служат часто окружными межами их земельных участков.

Почва во всех оазисах Кашгарии лёссовая. Отложения лёсса покрывают, однако, далеко не всю площадь этой страны, а только окраин-

ную, подгорную полосу ее, да и то лишь спорадически. Вокруг внутренней пустыни Такла-макан, представляющей, по всей вероятности, сплошной сай, покрытый лишь местами песчаными грядами, простирается почти непрерывная полоса мелких лёссовых бугров от 30 до 120 верст ширины. Эти обрывистые бугры, образовавшиеся, повидимому, от выветривания окружающих пустыню лёссовых толщ, покрыты почти повсеместно тонким слоем песка, нанесенного ветрами из внутренней Такла-макан. Внешняя граница означенной полосы лёссовых бугров представляет извилистую кривую, очерчивающую ее клиновидные выступы, или зазубрины, которые, однако, нигде не достигают подножий окраинных гор Кашгарской котловины. В подгорной области Кашгарии, заключающейся между предгорьями окраинных хребтов и внешней границей помянутой полосы лёссовых отложений, окаймляющей пустыню Такла-макан, преобладают, как выше сказано, почти повсеместно сай, т. е. пустынные щебне-галечные равнины, покрытые весьма скудной растительностью, и лишь изредка встречаются песчаные пространства и солончаки. Лёссовые же отложения на подгорной окраине рассеяны лишь спорадически, островами. На этих-то уединенных островах, а также на окраине сплошной лёссовой полосы, окружающей пустыню Такла-макан, и преимущественно на ее клиновидных выступах, расположены почти все оазисы Кашгарии.

Предгорья и внутренние склоны южных и юго-западных окраинных гор также покрыты большею частью отложениями лёсса, подымающимися на них до 12 000 футов над морем, но не достигающими значительной мощности. Только обнаженные песчаниковые высоты, встречающиеся местами в западных и юго-западных горах, подверженных постоянным ветрам, свободны от лёссовых отложений. Эти отложения отсутствуют также на южном склоне главного хребта Тяньшанской системы—Кок-шала, вероятно, по причине господствующих в той стране северо-западных ветров, относящих от гор минеральную пыль внутрь котловины.

Мощность лёссовых отложений Кашгарии не должна быть велика. Таких значительных толщ лёсса, как в северных провинциях Внутреннего Китая, мне не приходилось наблюдать в описываемой стране.

Качество кашгарского лёсса, как сельскохозяйственной почвы, не везде одинаково. В Яркендском и Каргалыкском округах желтозем отличается сравнительно большим плодородием, чем в Хотанском и Керийском, в которых к нему примешано весьма значительное количество крупнозернистого песка и лёссовидных песчано-глинистых наносов.

Первобытная лёссовая почва, отличающаяся необыкновенным плодородием и устойчивостью, от долголетнего пользования, конечно, несколько истощается и начинает требовать уже удобрения. В Кашгарии поля удобряют преимущественно навозом и грязью, выбрасываемую из арыков при их очистке, реже нечистотами, собираемыми с базаров, или плодородным лёссовидным илом, осаждающимся в долинах многих рек во время их разлития. Удобрение же первобытным лёссом соседних девственных холмов и толщ, которого в Кашгарии повсюду достаточно, очень редко практикуется. Вообще вознаграждение почвы в этой стране, несмотря на потребность в нем, далеко недостаточно и отражается чувствительным ущербом на количестве собираемых сельскохозяйственных продуктов. Главного тука — навоза — там очень мало, потому что туземцы имеют весьма незначительное количество лошадей

и крупного рогатого скота, который содержится притом почти круглый год на подножном корму; овцы же пасутся постоянно в соседних горах или на отдаленных от селений пастбищах, с которых их не пригоняют вовсе на ночь во дворы. При таком значительном недостатке навоза и крайней ограниченности удобрения минеральными туками производительность сельскохозяйственной почвы Кашгарии должна быть значительно ниже той нормы, до которой ее, казалось бы, возможно довести посредством надлежащего удобрения.

Способ владения усадебной и пахотной землей во всей Кашгарии повсеместно подворно-участковый. Вся возделываемая и находящаяся под строениями земля общины издревле разделена на участки, принадлежащие отдельным владельцам и переходящие по наследству к их потомкам. Эти участки по праву собственности владельцев могут быть отчуждаемы ими сполна или по частям, а также расширяемы покупкой земли у соседей. Затем вся остальная земля оазиса, а именно: пастбища, леса и луговые пространства, поросшие камышом, который ежегодно снимается для скота, — считается государственною и находится в общем, нераздельном пользовании всех жителей селения.

Размеры земельных участков поселян Кашгарии вообще весьма незначительны. В густонаселенных оазисах, Яркендском и Каргалыкском, средняя величина такого участка простирается приблизительно до 1¹/₂ десятин на двор (семейство, состоящее из пяти человек), считая в том числе площадь, занятую усадьбой, садом, огородом, арыками, дорогами, прудами и межами. За исключением этой площади, на каждый двор придется, по всей вероятности, не более одной десятины собственно-полевой возделываемой земли²⁶.

В Хотанском и Керийском округах эти участки значительно больше и в среднем достигают приблизительно трех десятин на двор, но зато там почва менее плодородна, и двойные жатвы, в особенности в Керийском округе, собираются гораздо реже, чем в названных выше округах.

Ценность пахотной земли в густонаселенных округах, Яркендском и Каргалыкском, имеющих притом чистую лёссовую почву, значительно выше, чем в менее населенных Хотанском и Керийском, уступающих и по плодородию почвы двум первым округам. По собранным мною на месте сведениям, стоимость десятины пахотной земли в посещенных экспедицией округах Кашгарии выражается приблизительно следующими числами:

О к р у г а	Средняя стоимость десятины земли в кредитных рублях		
	В оазисах с городами	В многолюдных оазисах с ба- зарами	В малолюдных оазисах без базаров
Яркендский	670	560	430
Каргалыкский	600	500	380
Хотанский	510	360	270
Керийский	430	280	230
Средние	550	420	330

Земледелие составляет основное занятие массы оседлого населения Кашгарии. Кустарная промышленность и торговля, в особенности мелочная, занимают также очень много рук. В этой необычайно сухой стране земледелие возможно только при искусственном орошении (ирригации) посевов. Даже в весьма высоких нагорных долинах, поднимающихся до 11 000 футов, над уровнем моря, где количество выпадающего в летнее время дождя несравненно больше, чем в подгорных оазисах, и там пашни требуют искусственного орошения, хотя и не столь обильного, как в самой котловине. Можно утвердительно сказать, что на всем необъятном пространстве Кашгарии, не исключая горных пространств, едва ли найдется где-либо незначительная площадь возделываемой без искусственного орошения земли. Такова сухость воздуха в этой замкнутой котловине, защищенной от влажных ветров высокими окраинными горами Тянь-шаня, Сары-кола и Кун-луня.

Ирригация, существующая в Кашгарии с незапамятных времен, доведена туземцами до весьма значительной степени совершенства. Каждый туземец начинает изучать ее практически еще с раннего детства. Летом в оазисах Кашгарии нередко можно видеть группы мальчиков, проводящих миниатюрные арыки на свои игрушечные поля и пускающих по ним из настоящих оросительных канав воду, или устраивающих запруды и дамбы. Поэтому нас не должны удивлять умение туземцев различать на-глаз малейшие уклоны местности в ту или другую сторону, отличное знание ими всех сложных приемов и манипуляций искусственного орошения и находчивость в крайне затруднительных, по нашим представлениям, обстоятельствах в этом деле.

Система искусственного орошения в Кашгарии весьма однообразна. Здесь нет ни водочерпательных колес, приводимых в движение водой, ни насосов, ни элеваторов и тому подобных гидротехнических сооружений, весьма обыкновенных, например, во Внутреннем Китае. Для орошения оазиса, расположенного обыкновенно в долине реки, выводят из этой реки выше его один или несколько больших арыков, направляемых по наиболее возвышенным местностям орошаемого оазиса. Из главных арыков, на которых устраивают всегда водяные мельницы*, выпускаются в нижележащие местности того же оазиса второстепенные оросительные каналы, разветвляющиеся в свою очередь на многие малые водные артерии, орошающие непосредственно поля и сады. Если главный арык почему-либо нельзя направить по наиболее возвышенной местности оазиса, то его проводят по дамбе, от которой отделяются, подобно ветвям от ствола, малые дамбы второстепенных арыков и т. д. Кроме того, для сбережения воды и поднятия ее уровня на главных арыках устраивают нередко запруды, расширяя эти арыки в каналы и возводя на их берегах высокие насыпи.

Каждый арык, орошающий поле, проводится по наиболее возвышенной линии его, а если оно горизонтально, то по невысокой насыпи. Поверхность же самого поля срезается по перпендикулярным к арыку направлениям террасообразными, слегка наклонными от арыка полосками, перегораживаемыми земляными валиками на четырехугольные клеточки в несколько квадратных сажен. Таким террасообразным строением пашен и устройством на них клеточек достигается медленный

* В Кашгарии существуют только водяные мельницы, а ветряных там вовсе не строят.

сток воды с орошаемого поля, необходимый для надлежащего пропитывания ею рыхлой лёссовой почвы. Для орошения поля прокапывают из арыка маленькие канавки и пускают по ним воду на верхние терраски. Наполнив ближайšie к арыку клеточки, она переливается из них через валики в смежные четырехугольники, из которых потом спускается в нижележащие клеточки соседней терраски и т. д. до самого края поля. Когда почва достаточно напитается водой, запирают выводные канавки из арыка, и поле высыхает.

Таким образом орошают периодически все засеянные поля до тех пор, пока хлеб не созреет²⁷.

Орошением в каждом оазисе заведывают особые выборные, называемые мирабами, или арык-аксакалами (арычные старшины). Вода распределяется по участкам поселян соответственно количеству находящейся под посевами земли и с соблюдением очереди. При этом не обходится, как сетовали мне неоднократно туземцы, без злоупотреблений. На поля богатых и влиятельных поселян, не говоря уже о туземных властях, воду пускают нередко вне очереди и в большем количестве, чем следовало бы по расчету.

В Кашгарии возделывают: кукурузу (кунак), пшеницу (бугдай), рис (грюнж), ячмень (арпа), сорго (джугара), обыкновенное просо (тарык) и горох.

Из этих растений первое место занимает кукуруза, посевы которой превышают общее количество остальных зерновых хлебов. Такое предпочтение отдается маису [кукурузе], потому что он дает всегда весьма прибыльные урожаи. Кашгарцы очень любят маисовый хлеб и уверяют, что он питательнее пшеничного.

После маиса следует пшеница, посевы которой, однако, едва ли превышают одну треть количества засеваемой кукурузы. Ячменя* на равнинах засевают еще меньше, чем пшеницы, и большая часть его употребляется на довольствие лошадей и ослов, так как овса в Кашгарии не возделывают. В горах же сеют исключительно ячмень, потому что там (выше 8 000 футов) ни кукуруза, ни пшеница не вызревают, между тем как голый ячмень в Кун-луне возделывается успешно до высоты 12 000 футов над уровнем моря.

Сорго, сильно истощающее, по словам туземцев, почву и требующее много удобрения, засевают мало. Обыкновенное просо и горох встречаются еще реже на полях Кашгарии.

Рисовые плантации существуют только в тех оазисах, где есть избыток воды и удобные для посева риса места. Его сеют исключительно в низких речных долинах и других болотистых местах, которые легко затоплять, на бурой перегнойной почве с непроницаемой подпочвою. На возвышенных же местах с лёссовой почвой рисовых плантаций не встречается.

Из кормовых растений в Кашгарии сеют одну только люцерну (бидай), но зато посевы ее можно видеть почти на каждом участке.

Средние степени урожая зерновых хлебов в посещенных экспедицией округах Кашгарии показаны в нижеследующей таблице:

* В Кашгарии возделывается исключительно голый, или гималайский, ячмень, а обыкновенного там нигде не сеют.

О к р у г а	Средние степени урожаев (сам):			
	кукуруза	пшеница	ячмень	рис
Яркендский	40	15	16	18
Каргалыкский	36	14	15	16
Хотанский	30	13	14	14
Керийский	28	14	12	12
Средние	34	14	14	15

Эти числа выведены из показаний многих туземцев различных оазисов каждого из четырех названных округов, а потому должны быть близки к истинным.

В Яркендском, Каргалыкском и Хотанском округах почти ежегодно снимают по две хлебные жатвы, преимущественно ячмень раннего посева и после него кукурузу, реже озимую пшеницу и маис. В этих округах только в редкие, неблагоприятные годы, бывает одна жатва, именно после малоснежных зим в горах и слишком позднего наступления весны. Двойная жатва получается, однако, не со всей возделываемой площади, а лишь с наиболее тучных земель, не требующих отдыха; с остальных же снимают только один хлеб — пшеницу, ячмень или кукурузу — и после них иногда редис. Рис, требующий обильного и продолжительного орошения, дает повсеместно одну жатву; люцерну же снимают от 3 до 5 раз.

В Керийском округе, вследствие позднего разлива рек, орошающих оазисы, снимают большею частью одну хлебную жатву, и только в благоприятные годы, когда после обильного выпадения зимой снега в Кун-луне наступает ранняя весна, там бывает две жатвы. Замедление весеннего разлива рек в этом округе происходит оттого, что количество атмосферических осадков в Кун-луне, судя по растительности и показаниям туземцев, значительно уменьшается в восточном направлении. Поэтому в горах Кун-луны, в пределах Керийского округа, зимы бывают вообще малоснежнее, чем в юго-западной части того же хребта, питающей реки Яркендского, Каргалыкского и Хотанского округов. Между тем первый, т. е. весенний разлив рек в Кашгарии, столь необходимый для земледелия, происходит исключительно от таяния свежего снега в нижних и средних горных областях, выпавшего в течение предшествовавшей зимы, и величина его, следовательно, зависит от количества этого снега. По этой причине в начале весны реки Керийского округа бывают маловоднее рек названных выше западных округов, и первое орошение из них полей производится не ранее конца апреля или даже начала мая, когда прибыль воды в них от начавшегося уже в это время таяния снегов в высоких горных областях значительно увеличивается. Позднее, когда таяние этих снегов и ледников усиливается, и в особенности в период дождей в Кун-луне, выпадающих ежегодно в июле, реки Керийского округа сильно разливаются, но времени для созревания хлебных растений вторичного посева остается уже недостаточно²⁸.

Кроме хлебных растений, в Кашгарии еще возделываются: хлопчатник, лен, конопля, кунжут, мак, табак, марена и шафран.

Лучший хлопок получается с плантаций Хотанского и Керийского округов, в которых хлопчатник по климатическим условиям произрастает гораздо успешнее, чем в остальных округах. Конопля разводится преимущественно для приготовления нащёй (гашиша) — наркотического вещества, сбываемого в большом количестве в Индию и отчасти потребляемого самими туземцами Кашгарии. Кроме того, из конопляного семени готовят масло для пищи и освещения, а из волокна делают веревки. Лен сеют преимущественно для семени, из которого также выжимают масло для пищи и освещения; волокно же весьма хорошего качества употребляют исключительно на веревки. Из кунжутного семени тоже готовится масло для пищи и освещения, а стебли растения идут на топливо. Мак разводят в небольшом количестве преимущественно для приготовления опиума, сбываемого, подобно нащёй, в Индию и потребляемого на месте.

Туземный табак, повидимому, довольно хорошего качества и родится в изобилии, но обрабатывается крайне плохо, и потому из него получается продукт очень низкого сорта — хуже нашей махорки.

Овощи: лук, морковь, редис, бобы, фасоль, укроп и петрушка родятся повсюду очень хорошо. Картофель, капусту и огурцы туземцы не разводят вовсе. Зато дынь, арбузов и тыкв во всех оазисах очень много.

Садоводство процветает повсеместно: при каждом сельском доме можно встретить небольшой садик или плодовые деревья, растущие близ дома, между пашнями на широких межах. Последний способ рассадки фруктовых деревьев преобладает в Хотанском и Керийском округах, а в остальных их разводят преимущественно в отдельных садах, обнесенных лёссовыми оградами, которые примыкают к надворным стенкам.

В садах Кашгарии успешно произрастают: абрикосы, персики, яблоки, груши, черешни, белые вишни, грецкие орехи, гранаты, айва и виноград. Миндальных деревьев и фисташек, столь обыкновенных в нашем Туркестане, в Кашгарии нет, а также и слив. Абрикосовые деревья повсюду преобладают над остальными и дают плоды различных сортов; равно как и виноградные лозы, которых тоже очень много. Яблоки и груши невысокого качества, хороших же сортов вовсе нет, и туземцы не заботятся о приобретении лучших семян из нашего Туркестана, где их теперь нетрудно достать. Кашгарцам полезно было бы переменить также семена многих других растений, сильно выродившихся в их стране, и развести у себя подсолнечник, картофель, капусту и огурцы, которых у них нет.

Из свежих персиков и абрикосов, часто еще не дозревших, туземцы варят похлебку, заправляемую мукой. Эти плоды, а также дыни и арбузы едят в свежем виде с хлебом и без хлеба. Кроме того, все плоды, исключая айвы, гранат, черешен и вишен, сушат. В особенности много заготавливается впрок абрикосов, персиков, винограда и грецких орехов, подаваемых гостям при каждом дастархане (угощении).

Кашгарцы — большие любители цветов: почти в каждом саду можно видеть маленький цветник с их любимыми цветами: тюльпанами, астрами, мальвами и бархатцами. Женщины нередко украшают этими цветами голову, а мужчины накалывают их иногда на ермолку или на грудь.

Земледельческие орудия кашгарцев — первобытного устройства. Поля вспахивают плугом (бугус), состоящим из коленчатого (самородного) корпуса, на нижний конец которого надевается железный стреловидный лемех (тыш), а к верхнему прикрепляется рукоять. В вертикальную часть корпуса, немного выше колена, вставляется короткое дышло (кешкин), поддерживаемое сверху распоркой. К концу дышла прикрепляются две постромки (урмачи), привязываемые к концам треугольного ярма; это последнее удерживается на шее рабочего быка двумя вертикальными стойками, врезанными в ярмо и стягиваемыми внизу веревочкой.

Боронование вспаханной земли производится деревянными смыками, а потом ее выравнивают иногда еще граблями²⁹.

Для рытья и очистки арыков, разрыхления земли, производства выемок и насыпей и вообще для всех почти земляных работ служит кетмень — общераспространенное в Кашгарии орудие. Это — железная лопата с загнутой почти под прямым углом трубкой, в которую вставляется ручка.

Хлеб жнут серпами, сходными с нашими, но значительно менее изогнутыми. Теми же серпами снимают люцерну и молодой камыш, употребляемый в Кашгарии вместо сена.

Для молотбы хлеба утрамбовывают плотно на поле площадку и среди нее прочно устанавливают толстый кол. На этот кол надевается веревочное кольцо, прикрепляемое к длинной оглобле, к которой посредством постромок привязывают несколько быков или лошадей и гоняют их, как на корде, вокруг кола по разостланному хлебу. При таком способе молотбы солома (саман) раздробляется на мелкие части, легко пережевываемые скотом.

На той же площадке и провеивают обмолоченный хлеб, подбрасывая его лопатой высоко вверх — к вершине установленного для молотбы кола.

Для хранения зерна у кашгарцев не существует совсем амбаров. Они вырывают на дворе или на поле, близ домов, ямы и, обложив их бока и дно соломой, ссыпают туда хлеб. Потом покрывают его сверху соломой же, засыпают землей и сравнивают поверхность так, что присутствие такого зернохранилища становится почти незаметным.

Все тяжелые земледельческие работы исполняются мужчинами, а женщины занимаются только полотьём [полкой], посадкой и уборкой овощей, собиранием плодов и другими, сравнительно легкими, работами на полях и в садах.

Заработная плата в Кашгарии вообще очень низка. Годовой работник на хозяйском продовольствии и одежде получает в среднем около 13 рублей. Кроме того, хозяин почти всегда отделяет для него маленький кусок земли, который он засеивает для себя хозяйскими семенами. Поденщику на готовом продовольствии платят летом в страдную пору 12 коп., а зимой не дороже 5 коп.

Цены на продовольственные продукты тоже очень низки: пуд лучшей пшеничной муки стоит не дороже 40 коп., а маисовой — 25 коп.; фунт мяса продается по 4 и по 3 коп.; фунт скоромного масла по 12 коп. и постного по 5 коп.; курица стоит 18 коп., десяток яиц — 6 коп.

Из домашних животных туземцы Кашгарии содержат: лошадей, ослов, крупный рогатый скот, овец, коз и очень немного яков (в горах) и верблюдов. Лошадей, употребляемых преимущественно для верховой

езды и отчасти для перевозки тяжестей вьючным способом, имеют только богатые поселяне и торговцы. Кашгарские лошади невысоки, но статны и выносливы. Крупного рогатого скота у туземцев тоже немного*. Пашни пахут преимущественно на быках, а бедные поселяне, не имеющие их, впрягают в плуги ослов или обрабатывают землю ручным способом, посредством кетменя и граблей.

Осел (ишак) — весьма распространенное в Кашгарии домашнее животное, содержащееся почти каждым поселянином. Перевозка почти всех тяжестей в домашнем хозяйстве и большей части товаров внутри страны производится вьючным способом на ослах. На них же преимущественно совершают туземцы переезды верхом, а бедные возделывают свои поля. Тяжелые туземные двуколки (арбы) с высокими колесами, по причине рыхлости полотна грунтовых дорог, употребляются очень редко. На них ездят почти исключительно китайские чиновники и купцы со своими семействами.

Овец в Кашгарии очень много; большая часть их мелкой курдючной породы с белой шерстью и черными пятнами на голове. Эта порода отличается миниатюрными рогами и вкусным мясом с небольшим, однако, количеством жира.

В Южной Кашгарии, в горах Кун-луня, между реками Керия и Кара-каш пасутся стада тонкорунных овец также мелкой курдючной породы, но с мягкой и длинной курчавой шерстью, преимущественно белого цвета и реже черного. Из шкур этих овец выделывают очень хорошие меха, вывозимые к нам в Россию, а из шерсти — знаменитые хотанские ковры и войлоки. Тонкорунные овцы пасутся круглый год в горах и с перемещением из них в жаркую котловину вскоре утрачивают ценные качества своего руна, которое развивается и становится грубым.

Овцы обыкновенной породы подгорных оазисов пасутся тоже большей частью целый год в соседних горах, а в отдаленных от гор оазисах — на окрестных пастбищах, покрытых низкорослым камышом, насаждения которого встречаются во всех речных солончаковых долинах.

В Кашгарии собирают молоко не только от коров, но и от овец. Из овечьего молока готовят масло и простоквашу (катык) — любимое кушанье туземцев, в особенности летом, во время жаров.

Козы пасутся вместе с овцами и содержатся преимущественно для пуха, сбываемого в Кашмир, где из него выделывают знаменитые шали, а отчасти в Россию. Коз также доят, и молоко их считается целебным**.

Скот в Кашгарии питается круглый год преимущественно подножным кормом, кроме небольшого числа лошадей и ослов, содержащихся временно на дворах для работ. Зимой рогатому скоту, лошадям и ослам дают понемногу сухого камыша, заготавливаемого летом, соломы, жмыхов и кукурузных листьев, а рабочим лошадям и ослам, кроме того, изредка — ячменя или кукурузы и люцерны. Естественных лугов с мягкими кормовыми травами в Кашгарии нет, а поэтому там вместо сена заготавливают на зиму для скота молодой камыш, да и то в небольшом количестве. От недостатка корма скот зимой там бывает до того слаб, что не в со-

* Этот скот средней величины, но быки сильны и, кроме полевых работ, часто употребляются как вьючные животные.

** К домашним животным нужно еще добавить собак и кошек; последние содержатся почти во всех домах.

стоянии долго двигаться. В этом, впрочем, виноваты отчасти сами туземцы, запасавшие летом слишком недостаточно зеленого камыша, которого повсюду много. Сочный молодой камыш, скошенный своевременно, может заменить собою сено, в чем мы сами имели возможность убедиться, кормя в Кашгарии зимой своих лошадей таким камышом.

Из домашних птиц кашгарцы содержат больше всего кур, очень немного уток и еще менее гусей. Куриное мясо у них признается очень полезным для больных, а потому здоровые редко едят его, сберегая на случай чьей-либо болезни в семействе. Вареные яйца туземцы очень любят и почти всегда включают их в меню дастархана.

Общеупотребительное кушанье массы обитателей Кашгарии — умач. Это — жидкий кисель, приготовляемый из маисовой муки*. Только по праздникам едят лапшу из пшеничного теста с кусочками баранины. Летом к умачу добавляется еще похлебка из свежих, часто не дозревших персиков или абрикосов, заправляемая маисовой мукой, а также свежие фрукты, дыни и арбузы, съедаемые с лепешками. Кроме того, летом туземцы, имеющие коров или овец, едят часто кислое молоко (катык). Это же молоко, разбавленное водой, служит прохладительным напитком в жары. Осенью едят еще незрелые початки кукурузы, вареные в соленой воде.

У богатых и зажиточных туземцев, кроме перечисленных блюд, нередко готовятся еще следующие кушанья: 1) сурпа — суп из баранины с морковью, петрушкой и редисом; 2) кесме-гуджа — лапша из пшеничного теста с кусочками баранины, 3) шула — жидкая рисовая каша с мелкокрошеной бараниной и жиром, 4) грюнчжи-ач — густая рисовая каша с кусочками баранины и сухими плодами, 5) манту — пшеничные пирожки с начинкой из баранины и жира с луком, приготовляемые на пару, 6) вареная холодная баранина и наконец 7) палау — плов из риса с кусочками баранины, приправленной постным маслом, морковью, луком и изюмом. Это блюдо считается самым лакомым, и без него не обходится ни одна пирушка.

Кашгарцы очень любят лук, в особенности зеленый, и часто приправляют им почти все свои кушанья.

Жидкие кушанья туземцы берут деревянными ложками с длинными ручками, а все остальные, не исключая густой каши и плова, — прямо руками.

Для варки пищи служат большею частью чугунные и реже медные котлы, привозимые преимущественно из России, а для кипячения воды на чай — медные кувшины местного изделия с длинными и узкими горлами. Затем вся остальная домашняя утварь, а именно: чаши, блюда, ведра, кадки и ступы — деревянная, долбленая. Тыквенные фляги, отличающиеся легкостью и достаточной прочностью, — во всеобщем употреблении, в особенности в дороге.

Глиняной посуды ныне в Кашгарии не выделывают и не употребляют даже привозной. В древности же эта посуда была распространена по всей стране, так как везде встречаются ее обломки. В Юго-западной Кашгарии нам самим неоднократно приходилось находить множество остатков этой посуды, которая, судя по обломкам, была очень прочна

* Из пшеничной и маисовой муки туземцы пекут толстые, сдавленные в середине лепешки (тукачи), летом с зеленым луком, и большие тонкие сочни. Хлебов же вроде наших европейских, в Кашгарии совсем не пекут.

и даже изящна. Когда и почему глиняная посуда вышла из употребления — туземцы не могли нам объяснить.

Китайская фарфоровая посуда и наши подносы встречаются только у зажиточных и богатых туземцев, да и то в ограниченном количестве.

Почти все кашгарцы, в том числе и многие женщины, курят и жуют табак. Для курения служат массивные деревянные кальяны с медной оправой местного изделия, а трубок туземцы не употребляют. В городах и многолюдных селениях распространено еще курение наші (гашиша), очень вредное для здоровья. В больших городах существуют даже особые заведения для курения ее, в которых можно встретить не только мужчин, но и женщин. Из всех городов Керия в особенности отличается многочисленностью курильщиков наші. К счастью, это зло мало распространено среди поселян, отличающихся вообще чистотою своих нравов.

Нижняя одежда мужчин состоит из короткого халата (чапана) и панталон, сшитых из белой хлопчатобумажной ткани. Сверху надевается халат из серой, коричневой или синей бумажной же ткани, зимой на вате или на бараньем меху, опоясываемый всегда синим, коричневым или малиновым бумажным кушаком. Летом мужчины ходят в ермолках, которые снимаются только на время бритья головы, а зимой сверх ермолок надевают теплые куполообразные шапки с широкими меховыми околышами (бараньими или лисьими). Мужчины обуваются в сапоги с узкими голенищами и высокими каблуками. Отправляясь в мечеть или в гости, они надевают на них еще калоши, оставляемые в сенях.

Женщины носят длинные рубашки из белой бумажной ткани и шаровары из такой же ткани, сильно суженные внизу. У рубашек замужних женщин делается на груди разрез и обшивается по краям малиновыми или пунцовыми бумажными лентами, а у девушек рубашки шьются с разрезами на плечах, застегиваемыми посредством пуговиц. Верхняя одежда женщин состоит из длинного халата, спускающегося почти до земли, с длинными же рукавами. Кушаков женщины не носят, а поверх халатов надевают иногда короткие кофты с широкими рукавами. Женщины, подобно мужчинам, обуваются в сапоги, которые отличаются от мужских короткими и еще более узкими голенищами.

В жаркое время сельские женщины не стесняются ходить в одних рубашках, и не только около дома, но даже на базарах. Мужчины в это время ходят тоже большею частью в одном нижнем белье. Притом оба пола в течение всего лета, несмотря на сильное нагревание земли, обходятся большею частью без обуви, а дети и без всякой одежды.

Девушки заплетают волосы в несколько мелких косичек, связывая их назад тесемками, а замужние женщины собирают свои волосы спереди в два плоские локона, концы которых заплетаются каждый в одну косу и спускаются на грудь. Головной убор женщин состоит в летнее время из ермолки или платка, завязанного на затылке, а зимой женщины носят теплые плоскодонные шапки с меховыми околышами*. Под шапку надевается белый платок, закидываемый на спину, а спереди из-под нее спускается белая кисейная вуаль, прикрывающая лицо. Впрочем, многие туркестанки, в особенности в многолюдных селениях, ходят с открытым лицом, а торговки на базарах никогда не закрывают

* Дома женщины ходят с повязанными на голове платками, и с обнаженной головой никогда не едят.

его. Обычай закрытия мусульманками своих лиц, предписываемый кораном и строго соблюдавшийся в Кашгарии во времена Якуб-бека, теперь часто нарушается и со временем, вероятно, вовсе выведется в этой стране.

Кашгарки носят в ушах серебряные серьги с камушками и привесками, а на пальцах серебряные же кольца. На шею они надевают коралловые или стеклянные бусы; голову же летом нередко убирают живыми цветами. Румяна и белила местного приготовления составляют также необходимую принадлежность туалета туземных франтих.

Обыденная жизнь кашгарского народа, его нравы, обычаи, обряды, поверья и социальное состояние представляют много любопытного, в особенности для нас, русских, имеющих с ним тесные торговые связи и потому наиболее заинтересованных жизнью этого соседнего нам народа.

На последующих страницах я попытаюсь описать вкратце быт туземцев Кашгарии по тем отрывочным сведениям, которые мне удалось собрать во время пребывания в этой стране. Такой беглый очерк, конечно, не может претендовать на достоинства специального этнографического исследования, но при весьма значительной неполноте наших сведений об этом народе он послужит, по крайней мере, некоторым дополнением к наличным материалам по этнографии малоизвестного Восточного Туркестана.

Кашгарский народ отличается кротким характером, честностью, гостеприимством и услужливостью. Эти симпатичные его черты в значительной мере преобладают над присущими ему, хотя и в слабой степени, отрицательными нравственными качествами. Но указывая на них, нельзя не оговорить, что развитию этих качеств, по всей вероятности, немало способствовал долговременный гнет, от которого многострадальный кашгарский народ не освободился еще вполне и до настоящего времени, а равно и беспримерная превратность его исторической судьбы.

Во всяком случае, беспристрастный исследователь должен, по всей справедливости, признать нравственный уровень туземцев Кашгарии стоящим на весьма значительной высоте. Действительно, процент преступности, служащий верным критерием для суждения о народной нравственности, в Кашгарии очень мал. Тяжкие уголовные преступления—грабежи, убийства, поджоги и т. п.—столь редки в этой стране, что совершение такого преступления считается прискорбным событием, о котором народная молва отзывается, как о чем-то необычайном, приводящем в некоторый ужас кроткое туземное население. И не только такие возмутительные злодеяния, но даже самые обыкновенные у нас в Европе преступления, как, например, воровство, в Кашгарии случаются, говоря относительно, несравненно реже, чем в любом из европейских государств, исключая разве скандинавские. Дома в этой стране не имеют ни запоров, ни замков; хлеб почти всю зиму хранится в ямах на полях, и никто не опасается воров; на базарах нередко можно видеть открытые лавки, покинутые отлучившимися на время хозяевами, и товар в них остается в целости.

Приведенные факты, несомненно, свидетельствуют о нравственной чистоте обитателей Кашгарии, стоящих в моральном отношении, пожалуй, значительно выше многих цивилизованных народов нашей части света.

Кашгарцы — магометане-сунниты, но почти вовсе не проникнутые религиозным фанатизмом. К иноверцам, в особенности к христианам, они никогда не относятся враждебно, а к нам, русским, питают даже некоторую симпатию, благодаря доброй славе, распространяемой о нас повсюду в Кашгарии нашими подданными — ферганскими сартами, торгующими в этой стране.

Перехожу теперь к описанию обыденной жизни кашгарского народа, начиная с рождения.

Беременная женщина, почувствовав приближение родов, сообщает об этом мужу, который секретно призывает повивальную бабку. Самые роды тщательно скрываются туземцами от посторонних: у них существует поверье, что если о родах проведают чужие, то эта огласка может затруднить их и сделать даже опасными. Повивальная бабка, войдя в комнату роженицы и приблизившись к ней, произносит трижды слово «сюп» (изыдь) и каждый раз плюет на нее. Этим, по поверью туземцев, изгоняется из беременной злой дух, препятствующий появлению на свет ребенка. Затем бабка запирает дверь и приступает к своему делу, а муж роженицы остается всегда во время родов в смежной комнате или в сенях и в случае сильного страдания больной призывается бабкою к ее постели, так как, по убеждению туземцев, присутствие мужа при трудных родах способствует благополучному разрешению его жены от бремени.

Новорожденное дитя бабка завертывает в пеленки и кладет по правую сторону матери, потом, поздравив ее и мужа с рождением сына или дочери и получив вознаграждение, удаляется, а уход за больной и малюткой принимают на себя родственницы родильницы. Отцы бывают всегда гораздо более рады рождению мальчиков, нежели девочек, и на этот счет у мужчин есть поговорка: «сын в дом, а дочь из дома». Матери же, как и все женщины в мире, предпочитают дочерей.

На другой или третий день по рождении ребенка, к его родителям приходят родные и близкие знакомые с поздравлениями, причем женщины приносят деньги или лелешки, а отцы отделенных сыновей*, осчастливленные рождением внуков, дарят им лошадь, корову или осла, смотря по состоянию.

По прошествии трех или четырех дней от рождения дитяти, его отец приглашает приходского муллу для наречения имени новорожденному и созывает по этому случаю к себе в дом родню и близких знакомых. Приглашенных сначала угощают, потом приносят к ним младенца. Мулла, взяв его в руки, обращается лицом к западу (к Мекке) и читает молитву (тагби); потом поворачивается последовательно с ним к северу и к югу, прочитывая при всяком обращении ту же молитву. Наконец, сотворив ее в третий раз, он нарекает имя новорожденному и передает его одному из родственников, а тот другому и т. д.; младенец передается последовательно, пока не побывает на руках у всех присутствующих родных. Последний кладет его на пол, с которого малютку берет одна из родственниц и относит к матери. После этой церемонии мулла и гости расходятся по домам.

Через 15 дней по рождении младенца кладут в люльку, через 20 дней в первый раз омывают, а через 40 моют вторично и мальчику бреют

* У кашгарцев принято отделять только женатых сыновей, да и то лишь по достижении ими 20-летнего возраста.

голову. Для этого приглашаются несколько мальчиков в возрасте от 5 до 10 лет. Из них выбирают одного, отличающегося кротким характером и имеющего в живых отца и мать. Избранник, опоясавшись кушаком и воткнув за него плеть, берет в правую руку бритву и, по указанию старших, прикасается слегка ее обухом к голове ребенка, а один из присутствующих мужчин, приняв от него бритву, бреет голову новорожденному. После этого приглашенных мальчиков угощают сладким компотом из ягод джиды.

Дитя кормится грудью матери до двухлетнего возраста и даже далее. С шести или семи лет дети начинают уже посещать школу. Обрезание мальчиков совершается в возрасте от семи до десяти лет, а если ребенок болезненный, то иногда откладывается до 12-летнего возраста. Эта операция сопровождается также некоторою торжественностью. В назначенный день отец мальчика приглашает к себе родных и близких знакомых, которым подается дастархан. После угощения присутствующих мальчика уводят в отдельную комнату, в которой фельдшер (канчи), при содействии мужчин, совершает быстро обрезание. При этом редко употребляется насилие, а большею частью ловкий, невинный обман.

С десяти лет мальчики начинают уже понемногу помогать в легких работах отцам, а девочки того же возраста — матерям.

Кашгарцы очень чадолюбивы, часто ласкают своих детей, нежат их и вообще слишком балуют. Жестокое обращение родителей с детьми представляет редкое исключение; напротив, поправки весьма обыкновенны.

Юноши, достигшие 14 лет, а девушки 12 лет, могут вступать уже в брак. О брачном союзе детей родители жениха и невесты улавливаются иногда еще до совершеннолетия их и даже вскоре после рождения. Относительно степени родства соблюдаются предписания корана, запрещающего братьям вступать в брак с родными сестрами, дядям с родными племянницами, отчимам с падчерицами, племянникам с тетками и пасынкам с овдовевшими мачехами. Возбраняется также всякому мусульманину иметь одновременно женами двух родных сестер, но вдовец может жениться на сестре своей умершей жены.

Юноши, за исключением безродных сирот, редко вступают в дома родителей своих жен, а большею частью вводят последних в свои семьи.

Сватовство составляет необходимую прелюдию всякого брака, хотя бы договор родителей о брачном союзе их детей был заключен заранее. Сватом избирается предпочтительно родной дядя жениха по отцу, а за отсутствием его — другой близкий родственник отца. Вместе со сватом отправляются еще двое или трое родственников или друзей женихова отца в качестве дружек и свидетелей. О времени прибытия сватов родителям невесты большею частью дают знать заблаговременно; их в таких случаях поджидают и встречают за воротами. Войдя в дом и поздоровавшись с хозяином, сват и дружки садятся у порога. Хозяин дома начинает их упрашивать пересесть на почетное место. После неоднократных просьб они пересаживаются в переднюю часть комнаты на нары. Присев на них, сват читает молитву (пату), потом встает и спрашивает хозяина дома о здоровье, благополучии семейства и т. д. Ответив на эти вопросы и спросив его в свою очередь о том же, хозяин просит его садиться. Гостям подается дастархан и после него чай. Напившись чаю,

сват объявляет отцу невесты о цели своего посещения и начинает расхваливать жениха, не забывая перечислить все имущество его родителей, если они состоятельны или богаты. Дружки единогласно подтверждают все его уверения, как бы он ни увлекался в своих похвалах и оценке имущества родителей жениха. Отец невесты по обыкновению отвечает уклончиво, а сваты настаивают на категорическом ответе. Наконец он объявляет им, что без совета жены не может дать решительного ответа и призывает ее в комнату, где находятся сваты. При входе ее они встают со своих мест и кланяются. Она отвечает им легким поклоном и садится возле мужа. Сват передает ей содержание своего разговора с мужем и просит о выдаче дочери. Мать невесты сначала отказывается под предложениями молодости дочери, неопытности в хозяйстве и т. п., заставляя сватов долго себя упрашивать. Этого требует обычай, чтобы люди потом говорили «она не так-то охотно выдала за такого-то свою дочь, которая ей, стало быть, была не в тягость». Наконец после долгих уговоров супруги изъявляют свое согласие или отказываются. В случае согласия начинается торг о свадебных подарках, подносимых невесте от жениха, и расходах его на самую свадьбу. У оседлых туземцев Кашгарии не существует обычая выкупать невесту, столь обыкновенного у других народов Центральной Азии*. В Кашгарии жених или, точнее, его отец обязуется только поднести невесте свадебные подарки и справиться на свой счет самую свадьбу. Родители же невесты дают приданое за дочь по своему усмотрению, и о нем не бывает даже речи при сватовстве. Во время сговора они уславливаются со сватом только о свадебных подарках жениха и о предстоящих ему расходах на свадьбу. Эти подарки, смотря по состоянию родителей жениха, состоят из шелковых, полушелковых или бумажных тканей, кисейных платков, сапог, серег, бус и других мелочей.

Исполнив поручение, сват с дружками отправляется к отцу жениха и сообщает ему о последствиях сватовства. Если соглашение состоялось, то отец жениха озабочивается покупкой свадебных подарков невесте. Когда все обещанные подарки будут куплены, он в сопровождении приходского муллы и одного из почетных прихожан отправляется с ними к родителям невесты, куда вслед за ним гонят из его двора одну или несколько овец. Эти подарки служат как бы залогом: родители невесты, приняв их, не могут уже отказать жениху; невесте же они выдаются только после свадьбы.

По принятии подарков родители невесты просят будущего свата с его спутниками погостить у них и посылают звать к себе родных и близких знакомых. Между тем в ожидании гостей колют пригнанных овец, и женщины готовят плов. Когда все приглашенные соберутся, хозяева дома объявляют им о помолвке дочери. Гости встают и поздравляют их, а также и отца жениха. Потом начинается пирушка, по окончании которой родители невесты подносят своему будущему свату новый халат или шапку. Поблагодарив их за подарок и простившись, он со своими спутниками удаляется; вслед за ним уходят и все остальные гости.

К назначенному для бракосочетания дню родители невесты приглашают к себе своих родных и знакомых. Отец жениха, в сопровождении приходского муллы и близких родственников, приезжает к ним в этот

* Этот выкуп, называемый калыном или калымом (у киргизов), выплачивается у оседлых народов деньгами, а у кочевых — скотом.

день после всех приглашенных. Будущий сват со своими родными встречает его за воротами, помогает ему и его спутникам сойти с лошадей и вводит в дом. Хозяин усаживает их на почетное место и угощает. Вскоре после отца приезжает со своими друзьями и жених. На дворе его встречает одна родственница невесты с чашкою чая в руках и произносит приветственную речь. Для этой роли избирается женщина бойкая и красноречивая. Поблагодарив за приветствие и выпив чай, жених с приятелями входит в дом, где его встречает будущий тесть, усаживает подле отца и угощает. Невеста с матерью и со всеми приглашенными женщинами находится в это время на женской половине дома, в которой ее одевают. Когда невеста будет готова, извещают об этом присутствующих; вслед за тем двери в женскую половину растворяются, и женщины-родственницы вводят ее, покрытую платком, в собрание. Жених становится по правую сторону невесты, а перед ними ставят столик с хлебом и чашей соленой воды. После этого совершается самый обряд бракосочетания. Мулла, называя жениха по имени, спрашивает его, согласен ли он взять себе в жены стоящую рядом с ним девицу (произносит имя). Если жених даст отрицательный ответ, брак не может состояться. При согласии жениха мулла обращается с подобным вопросом к невесте. Она отвечает согласием или несогласием или же молчит. Молчание невесты считается согласием, а отрицательный ответ не может служить препятствием браку. Окончив опросы, мулла читает молитву, в которой призывается благословение аллаха на брачующихся и испрашивается им долгая, счастливая супружеская жизнь. По прочтении молитвы он отламывает от предлежащего хлеба два куска и, обмокнув их в соленую воду, подает их жениху и невесте, которые должны тут же съесть эти куски в знак духовного объединения и полного согласия в предстоящей им супружеской жизни. Этим актом оканчивается обряд бракосочетания, и присутствующие поздравляют молодых.

После поздравлений женщины-родственницы с плачем и причитаниями начинают снаряжать новобрачную к переселению из родительского дома к мужу. Они медленно опоясывают ее кушаком, расстилают на полу войлок или ковер, усаживают на него молодую и, оплакав ее, наконец, берут в руки концы ковра и выносят на нем новобрачную на двор. Там они пересаживают ее на лошадь верхом, не снимая с ее головы покрывала. Затем весь свадебный кортеж направляется в дом родителей молодого в таком порядке: впереди едут рядом верхами новобрачные, за ними следуют пешком родственники, позади которых идут остальные приглашенные, а в конце — музыканты. На пути музыка играет, а сопровождающие новобрачных мужчины и женщины поют и пляшут.

В узких улицах, переулках или на мостах молодые пары нередко преграждают путь новобрачным веревками, натянутыми поперек дороги, и требуют выкупа. Получив несколько монет, они иногда не удовлетворяются ими, а вынуждают еще молодых сойти с лошадей и поплясать. Существует также обычай зажигать к приезду новобрачных костер перед воротами двора родителей молодого, вокруг которого их обводят три раза, прежде чем они вступят на двор. Это троекратное обхождение огня, по поверью туземцев, предохраняет новобрачных от всех житейских невзгод и приносит семейное счастье.

На дворе встречает новобрачных мать молодого и вводит их в отдельную комнату, в которой они остаются наедине. Гостей же хозяева

приглашают в остальные комнаты, в которых им предлагается чай и дастархан. Настоящей пирушки в этот день не бывает: ее справляют обыкновенно на второй и третий дни по совершении обряда. Молодых в эти дни скрывают за занавесью в одной из комнат, занимаемых пирующими, а летом в палатке, разбитой на дворе, близ которой расстилаются войлоки, и на них справляется пир. В оба дня приглашенных на свадьбу угощают кушаньями, плодами, чаем и печеньем; музыка почти непрерывно играет, а гости танцуют. Во второй день свадебного пира занавес или палатка, в которой помещались новобрачные, поднимается, и они показываются гостям, приветствующим молодых различными пожеланиями. Вскоре после этого оканчивается свадебное торжество, и гости расходятся по домам.

Кашгарцу, как и всякому мусульманину, разрешается кораном иметь одновременно не более четырех жен. Мусульманка же, вдова или разводясь с мужьями, может вступать в брак неограниченное число раз.

Большинство туземцев Кашгарии, в особенности поселян, имеет по одной жене. Многоженство обычно только у купцов, зажиточных ремесленников и других наиболее обеспеченных в материальном отношении людей. Некоторые богатые торговцы, переезжающие постоянно из одного города или многолюдного селения в другое, имеют по 5, а иные даже по 10 жен, проживающих в тех местах, которые им приходится посещать по торговым делам.

Туземец, имеющий несколько жен и постоянное место жительства, помещает их в разных домах, построенных на одном и том же дворе, а за неимением нескольких домов — в одном доме, но непременно в разных комнатах, с отдельными выходами в сени или на двор. Первая жена считается старшею и полноправною хозяйкою дома, а остальные — ее помощницами, обязанными ее почитать и исполнять беспрекословно ее приказания. В действительности же бывает почти всегда иначе: жёны одного мужа, помещающиеся под общей кровлей, очень редко живут в согласии и едят с одного очага; между ними почти всегда господствует непримиримая ненависть, и ее неизбежное последствие — полная неурядица в доме. Пищу готовят порознь, и каждая старается расходовать из общего достояния как можно больше для себя и заботится только о себе, вследствие чего в доме царят хаос и опустошение. По сознанию самих туземцев, полигамия разрушает основы семейного счастья и наносит большой ущерб благосостоянию многожёнца. Поэтому разумнейшие из кашгарцев избегают ее даже при полном достатке средств к содержанию нескольких жён и решаются на второй брак только в случае бесплодия первой жены или рождения ею исключительно дочерей.

Во второй, третий и четвертый браки туземцы вступают преимущественно со вдовами или разведенными с мужьями женщинами, а на девушках женятся реже, потому что они требовательнее в подарках, да и свадьба обходится дороже. Сватовство и брачный обряд при втором и следующих браках те же, что и при первом, но свадьбы справляются скромнее. По поводу второго брака между тестем и зятем по первой жене часто бывают распри. Тесть обыкновенно начинает его укорять, зачем он берет вторую жену, как будто первая нехороша и т. п. Зять возражает, задевая при этом жену, начинается перебранка, и дело доходит порой до суда.

Развод у оседлых туземцев Кашгарии устраивается легко: при обоюдном согласии супруги могут развестись во всякое время беспре-

пятственно и распределить между собой по желанию детей. По настоянию же одного мужа или жены брачный союз может быть расторгнут только по уважительным причинам, а именно: 1—при несогласном сожитии супругов; 2—побоях, неоднократно нанесенных мужем жене; 3—неспособности мужа или жены к отправлению супружеских обязанностей; 4—прелюбодеянии, совершенном мужем или женой; 5—сумасшествии одного из супругов и, наконец, 6—вступлении мужа в последующий брак без согласия первой жены.

Таковы постановления мусульманского права вообще относительно расторжения брака. По обычному же праву кашгарцев развод допускается в случаях, значительно менее уважительных, как, например: неоднократной ссоре супругов и недовольстве ими друг другом, скупости мужа на покупку необходимой одежды для жены, растрате им ее приданого и т. п.

При разводе, состоявшемся по вине жены, она лишается своего приданого, свадебных подарков и вообще всех купленных ей мужем вещей. Если же виновником развода был муж, то он обязан выдать оставляющей его жене ее приданое и все принадлежащие ей вещи. Кроме того, он должен содержать ее на свой счет 100 дней после развода. В течение этого времени она считается еще несвободной и только по прошествии означенного срока может выйти замуж за другого.

Дети при разводе распределяются по взаимному соглашению разведенных супругов, а если оно не состоится, то мальчики остаются при отце, а девочки поступают к матери, к которой переходят также и грудные мальчики на все время, пока кормятся ее молоком.

Разведенные супруги могут вторично сочетаться браком лишь в том случае, когда разведенная жена, выйдя замуж за другого, овдовевает.

В большинстве семейств поселян, в которых отсутствует полигамия, супруги живут в согласии и разводы случаются гораздо реже, чем у горожан. Хотя по понятиям туземцев, освященным кораном, женщина во всех отношениях должна стоять гораздо ниже мужчины, но в Кашгарии муж не предпринимает ничего важного без совета и согласия жены, которая является не только полноправной хозяйкой в доме, но нередко пользуется еще неограниченным влиянием на своего супруга.

По обычаю, жена при входе мужа должна встать с места, отойти к порогу и сесть там тогда, когда сядет муж. Она обязана подавать ему что-либо и принимать от него всегда обеими руками и притом стоя, тогда как муж может принимать и подавать ей все одной рукой в сидячем положении. Этот обычай, впрочем, соблюдается только при гостях, да и то лишь в редких семействах, придерживающихся старинных, строгих мусульманских традиций. Вообще женщина в Кашгарии пользуется значительной самостоятельностью и отнюдь не служит рабыней мужу, как в некоторых иных мусульманских странах.

Взаимные отношения оседлых туземцев Кашгарии отличаются вежливостью. При обращениях они всегда величают друг друга «вы»; это же местоимение употребляется взаимно и супругами при гостях. Только родители, обращаясь к своим детям, и хозяева к рабочим, называют их «ты». При встречах на дороге или при входе в дом туземцы произносят «асселяу-алейкюм?» (здоровы ли?), на что дается ответ: «алейкюм-асселям» (слава богу); затем следуют вопросы: «как поживаете? счастливо ли? (тола обдан-ма? тола хуш-ма?), здорово ли семейство?» и т. п. Эти приветствия сопровождаются поклонами, приложением правой руки

к сердцу и, наконец, взаимным пожатием обеих рук. Целование при встречах и прощаниях между мужчинами, даже близкими родственниками, не принято; но женщины-родственницы или приятельницы целуются иногда в правые щеки. Прощаются пожеланием благополучия («му-барак») или возгласом: «аллах акбер» («бог велик»). Приступая к еде или к какому-нибудь делу, набожные кашгарцы произносят вполголоса: «биссимилля арахман арайим» («во имя всеблагого милосердного господа»), причем мужчины поглаживают слегка руками бороду.

Кашгарцы зимой и летом встают за полчаса до рассвета. Первою поднимается жена и, надев нижнее белье*, зажигает ночник (чирак), потом разводит огонь в очаге. Зимой она ставит на очаг чайник с водой для омовения и, согрев нижнее белье мужа, наконец будит его. Надев белье, он направляется к очагу для омовения, потом расстилает на нарах маленький войлок или коврик (джай-намаз), становится на колени лицом к западу и молится. После него моется жена и также молится. Окончив молитву, муж усаживается на нары, а жена готовит завтрак. Когда кушанье будет готово, она расстилает на нарах или на маленьком кругленьком столике с короткими ножками скатерть и подает завтрак. Остальные члены семьи, окончившие уже к этому времени омовения и молитву, собираются к завтраку и садятся: сыновья — близ отца, а дочери — около матери. После завтрака богатые и зажиточные туземцы пьют кирпичный чай, а бедные — суррогат его из местных трав, да и то лишь изредка. Затем мужчины в будничные дни отправляются на работы, а в праздники в мечеть**. Женщины же убирают сначала комнаты, потом чешут головы и одеваются. Приведя в доме все в порядок, туземки отправляются доить коров, затем приносят воду и готовят кушанье. Летом они полют огороды, сажают овощи, цветы, собирают плоды и вообще исполняют легкие полевые работы, тогда как все трудные лежат на мужчинах.

Зимой женщины очищают и прядут хлопок, шерсть, разматывают шелковые коконы, ткнут материи и ковры, делают войлок и шьют одежду. Мужчины же в течение зимы имеют много свободного времени. Уход за скотом, заготовление дров и изредка поездки на мельницы — вот почти и все их зимние работы.

С окончанием полевых работ мужчины и женщины часто посещают ближайšie базары, и по временам без всякой нужды, а просто для развлечения и узнавания новостей, циркулирующих на этих сборищах, которые заменяют туземцам клубы и газеты. С этого же времени у богатых и зажиточных туземцев устраиваются нередко вечеринки под названием «томаша» (увеселение), на которые приглашаются родные и знакомые. На них присутствует всегда музыка. Музыканты, и вместе с тем певцы, аккомпанируя себе, распевают любимые народные песни «Алтын-джан» (Золотая душа) и «Назыр-гум» (Моя милая), а присутствующие мужчины и женщины танцуют попарно поодиночке. Танцор или танцорка медленно и плавно, едва переступая, движется вокруг, слегка изгибая корпус, и при этом вяло, как бы нехотя, жестикулирует руками. Быстрые движения в танцах под учащенные темпы музыки и песни ту-

* Кашгарцы спят без белья, имея лишь на головах: мужчины — ермолки, а женщины — платки.

** Мусульманки в мечети не ходят, а молятся всегда дома.

земцы не уважают, и их редко приходится видеть. Танец туземцев в общем грациозен, но крайне монотонен.

В антрактах между танцами присутствующих на томаше угощают чаем, плодами, пирожками, холодным мясом и пловом.

Кашгарцы вообще очень любят музыку, пение и танцы. Серьезные и сосредоточенные в обыденной жизни, они при звуках музыки и песни необыкновенно оживляются и с увлечением предаются веселью. Их любимые песни «Алтын-джан» и «Назыр-гум» отличаются приятными мелодиями и содержательностью. Музыка же, служащая главным образом аккомпанементом песням самих музыкантов и немногих присоединяющихся к ним любителей-певцов, оркестрована удовлетворительно и играет довольно стройно*. К сожалению, музыкальные мотивы туземцев, весьма приятные для слуха, так же монотонны, как и их грациозный танец.

Будучи страстными любителями музыки, пения и танцев, кашгарцы пользуются всеми удобными житейскими случаями (обрезание, помолвки, свадьбы) для устройства томаша, несмотря на весьма неудовлетворительное экономическое состояние значительной части населения. Праздников же у них очень немного. Кроме пятницы, посвящаемой всеми вообще мусульманами молитве и отдохновению от недельных трудов, в Кашгарии празднуют только три главных праздника: роза-аит, курбан-аит и янги-иль (новый год).

Праздник роза-аит, считающийся торжественным и справляемый в IV луне (в мае) в течение трех дней, следует после единственного в году поста розы, продолжающегося 30 дней. Во время всего этого поста правоверным не разрешается днем вовсе есть, а только вечером и ночью до рассвета. Путешествующим же мусульманам (муссафир) и женщинам, кормящим грудью своих детей, дозволяется есть и днем. В пост роза-аит каждый мусульманин должен сколь возможно чаще посещать мечеть и совершать ежедневно 62 омовения. Такой искус, однако, выполняется только самыми набожными стариками, свободными от работ.

В первый день праздника роза-аит, кануном которого оканчивается пост, мужчины с восходом солнца, одевшись в лучшее платье, отправляются в мечеть. Моление начинается чтением отпустительной молитвы, продолжающимся около 10 минут, во время которого все молящиеся стоят на коленях с наклоненными головами, совершенно неподвижно и благоговейно слушают молитву. После этой молитвы мулла читает часа два коран, а предстоящие слушают его чтение стоя или сидя. По окончании моления присутствующие поздравляют друг друга, тут же, в мечети, с праздником и потом расходятся по домам. Закусив немного дома, они отправляются к родным и знакомым с поздравлениями. В каждом доме гостей потчуют мясом, вареными яйцами, пловом, чаем, печеньем и фруктами. Взаимные посещения продолжаются во все три дня праздника, в течение которых никто не работает, но томаша в эти дни не устраивают.

Спустя 70 дней после розы-аита справляется другой праздник — курбан-аит, продолжающийся также три дня. Этот праздник установлен в воспоминание аврамова жертвоприношения. По верованию мусульман,

* В состав полного оркестра входят следующие инструменты: 1) чаштар — шестиструнная скрипка с длинным грифом, 2) ситар — лютня с тремя медными струнами, 3) дутар — двуструнная лютня, 4) рабоб — шестиструнная лютня, 5) калун — гусли, наконец, 6) доб — бубен.

Авраам, намереваясь принести в жертву богу своего сына Исаака ([у некоторых мусульманских богословов —] Измаила), не мог никак вонзить в его тело нож, который отскакивал от него, как от камня, и на вопрос Авраама [ножу], почему он не действует, [нож] отвечал, что господь воспретил ему убивать Исаака. В это время явился архангел Гавриил и указал Аврааму на ягненка, которого надлежало принести в жертву вместо Исаака.

В первый день праздника курбан-аит правоверные с восходом солнца отправляются в лучших одеждах в мечеть и там молятся около двух часов. По возвращении из мечети в свои дома каждый взрослый мужчина в богатом семействе закалывает барана, а в остальных глава дома колет одного барана на все семейство. Заколотые бараны признаются принесенными в жертву богу. Мусульмане веруют, что эти жертвы облегчат им по смерти переход в рай по узкому, как лезвие ножа, мосту, по которому праведники благополучно переходят туда, а грешники падают в бездну ада.

Из жертвенных баранов женщины тотчас же начинают готовить кушанья на праздник, а мужчины, посидев немного дома, отправляются поздравлять родных и знакомых с праздником. Визиты в этот праздник продолжаются тоже три дня, и во всех домах гостям предлагают дастархан. На базарах в продолжение всего праздника играет музыка и устраиваются танцы, в которых принимают участие не только мужчины, но и женщины. Существует также обычай во время курбан-айта биться яйцами, как у нас на пасху.

Новый год (янги-иль), начинающийся с февральского новолуния, празднуется также три дня, но праздничного богослужения в мечетях в эти дни не бывает. Туземцы в течение всех трех дней ходят к родным и знакомым с поздравлениями, и в каждом доме гостей потчуют кушаньями, чаем и фруктами. В новый год для женщин устраивают на базарах качели, на которых они качаются с песнями. Около качелей играет музыка, постоянно толпится народ и происходят танцы.

Кроме праздничных богослужений, у кашгарских мусульман бывают еще общественные моления об урожае и отпущении грехов. Моление об урожае совершается ежегодно 26-го числа I луны, которое считается началом весны. В этот день поселяне собираются к мазару (могиле святого), а где его нет — к мечети, и разводят в стороне костры, на которых женщины из принесенных с собою припасов готовят кушанье. Мужчины же усаживаются около самого мазара или мечети. Впереди их садятся в кружок муллы и читают молитвы о ниспослании воды и обильного урожая. По окончании молитвы муллы и мужчины в ожидании пищи ведут обыкновенный разговор. Когда кушанье будет готово, каждая женщина, варившая для своего семейства в отдельном котле, посылает часть приготовленной пищи муллам, другую часть присутствующим на молении диванам (дервишам), а остальное съедается тут же членами семьи. После обеда все расходятся по домам.

Общественное моление об отпущении грехов бывает в день барата (14-го числа III луны, за 16 дней до праздника розы-аит). Перед вечером этого дня правоверные собираются к мазару или мечети, куда доставляются бараны и рис для приготовления пищи молящимся. Собравшиеся туземцы садятся близ мазара или мечети на разостланных войлоках. Впереди них усаживаются также на войлоках двумя отдельными группами монашествующие мусульмане — гапизы и сопи. Гапизы чи-

тают поочередно коран по одной главе (суре) каждый и по окончании ее обращаются лицом к сопи. Эти последние, стоя на коленях в кружок и сцепившись руками, заканчивают чтение каждой главы громким возгласом «Алла-гу», повторяемым до ста раз, и при всяком возгласе делают поклон. Затем, очередной гапиз читает следующую главу корана, заканчиваемую сопи тем же возгласом, и т. д.; моление продолжается до полуночи. В полночь богомольцы едят приготовленную для них пищу и потом продолжают в таком же порядке молиться до рассвета. В эту ночь правоверные просят всевышнего об отпущении грехов и о помощи в нуждах и бедствиях. Под конец в толпе молящихся, наэкзальтированной долгим бдением и заунывными возгласами сопи, слышатся стоны, вопли и порою даже истерические рыдания. С рассветом моление оканчивается, и утомленные богомольцы расходятся по домам.

Женщины в эту ночь собираются группами в домах и там слушают коран, читаемый им набожными старушками.

Оседлые туземцы Кашгарии очень суеверны: почти все они, несомненно, верят в заговоры, колдовство, порчу, талисманы, ведьм и домашних. Многие болезни кашгарцы приписывают вселению в больных злых духов (джинь), для изгнания которых нередко призывают к ним чародеев, называемых пырхонами. Одновременно с чародеем приглашается к больному и музыка, которая должна играть во все время изгнания из него злых духов. При первых звуках музыки к больному начинают сходить соседи, которых собирается порою так много, что всем не хватает места в доме, и большая часть посетителей остается на дворе. По прибытии пырхона и музыки больного, если он в силах, усаживают на нары и дают ему в руки веревку, верхний конец которой прикрепляется к потолку. Ухватившись за нее руками, больной привстает с места и начинает на ней кружиться. В это время пырхон расставляет на полки свои куклы, потом берет ветку от яблони или джиды и, привязав к ней разноцветные лоскутки бумажных тканей, садится в угол комнаты. Когда больной, покружившись до изнеможения на веревке, сядет на нары, пырхон с криком вскакивает с места, ускоренно движется вокруг больного и, ударяя его приготовленной веткой, произносит следующее заклинание:

Эй, вы! с коралловыми глазами,
С жемчужными зубами,
Длинные и тонкие, как змеи,
В небесном пространстве летающие
И на облаках ездящие,
На одинокие деревья лазящие,
В пустующих домах и мельницах обитающие,
Вылезайте вон! вам здесь не место,
Уходите туда, откуда пришли!

Произнеся это заклинание, чародей бросает ветку, берет вместо нее в руку нож и, замахиваясь им на больного, повторяет то же заклинание, а потом отходит в угол. Посидев там недолго, он снова вскакивает с места, берет в обе руки свои куклы, ходит вокруг больного и, ударяя его по голове куклами, произносит прежнее заклинание, оканчивая его воззванием к духам, чтобы они переселились в куклы. После этого он садится на свое место в угол, раскрывает волшебную книгу и ищет в ней указания места в теле больного, в котором находятся духи. Наконец пырхон встает и просит присутствующих вести за собой боль-

ного. Сам он идет впереди и бешено кружится, за ним следует музыка, позади ее ведут больного, а в конце процессии движется народ. Чародей направляется к заброшенной мельнице, пустующему дому, а за отсутствием их — к одинокому дереву или на перекресток дорог. Придя на избранное место, он просит посадить больного на землю и накрыть его халатами, а сам между тем чертит палкой около него круг, по окружности которого устанавливает несколько палок с просмоленной ватой на верхних концах и зажигает эти факелы. Потом он начинает бегать вокруг больного и, ударяя его по тому месту, в котором должны сидеть духи, сначала веткой, потом куклами, горящим факелом и, наконец, живым петухом или курицей, повторяет то же самое заклинание, как и в доме. Этим оканчивается чародейство. Если больной вскоре после него выздоровеет, значит злые духи были из него изгнаны, если же болезнь затянется надолго или он умрет, — это объясняется тем, что в нем пребывали столь сильные духи, которых не может изгнать пырхон, а только святой.

Изгнание злых духов из больного на дому продолжается от одного до трех дней, что зависит от усмотрения пырхона, а потом уже его выводят из дома. Если больной не в силах держаться на ногах, то вместо него в доме, по указанию пырхона, кружится на веревке один из присутствующих, и никто обыкновенно не отказывается от этой роли, потому что духи, по народному поверью, немедленно переселятся из больного в отказывавшегося заместить его. Окончательное же изгнание злых духов из больного вне дома должно быть проделано непременно над ним самим, а потому, если он не в состоянии следовать за пырхоном сам, его несут за ним на носилках.

Туземцы для излечения болезней обращаются также часто к знахарям и знахаркам, пользующимся большим доверием в этой стране. Они лечат своих пациентов заговорами, настойками сушеных лягушек, ящериц, змей и т. п. средствами. Пишут также на бумаге подходящие к случаю изречения корана и, смыв написанное водой, дают ее больным пить. Знахари и знахарки, кроме того, снабжают желающих талисманами, предохраняющими не только от болезней, но и от всяких бед и напастей.

Суеверия туземцев касаются вообще всех сторон их быта. Так, например, завидев новую луну, некоторые набожные кашгарцы начинают прыгать, чтобы стряхнуть с себя грехи, накопившиеся в течение прошедшего месяца. Существует также обычай вечером в день барата разводить на улицах костры, через которые прыгают женщины для очищения от грехов и предохранения себя от болезней. В тот же вечер юноши и мальчики, собравшись в партии, берут тыквенные фляги из-под масла, прикрепляют их к шестам и зажигают. Потом с этими факелами они поднимаются на крыши домов и поют стих «чарамазан-барат». По поверью туземцев, пение этого стиха на крышах домов при свете факелов предохраняет живущих в них от вселения злых духов.

Кашгарцы стараются хранить в своих очагах неугасимый огонь, который, по их поверью, приносит благополучие дому. Золу же из них никогда не выносят днем, а только вечером или рано утром до рассвета, так как дневное очищение очагов может навлечь несчастье на живущих в доме. Оседлые туземцы Кашгарии очень боятся гроз, во время которых многие из них молятся об избавлении от угрожающей опасности.

Вообще поверья кашгарцев столь многочисленны и разнообразны, что о них можно было бы написать целую книгу, а потому в настоящем, сжатом очерке я должен ограничиться сообщением лишь наиболее характерных из них.

Преобладающие среди туземцев Кашгарии болезни суть: лихорадки, сыпи, ревматизм, глазные и зоб. Легочные болезни редки, а сифилис и волчанка (род проказы) замечаются только в больших городах. Болезненность и смертность в этой стране вообще весьма умеренные.

Независимо от обращения к пырхонам, знахарям и знахаркам, туземцы пользуются еще у своих профессиональных лекарей и лекарок, не обладающих никакими научными познаниями и руководствующихся при лечении своих пациентов исключительно лечебниками весьма сомнительного достоинства. Медикаментами служат преимущественно сухие травы и корни как местные, так и привозные из Индии. Последние в особенности славятся своей целебной силой и продаются недешево. Из индийских лекарств наибольшею популярностью пользуются корни «пиль-пиль» и «боз-бога», которые, по уверению туземцев, помогают от всех простудных болезней. Эти корни обращают в порошок и принимают его с чаем.

По смерти туземца (или туземки) его домашние тотчас же извещают родных и знакомых о постигшем горе и приглашают их к себе в дом помолиться об упокоении души усопшего и разделить с ними печаль. Собравшись в комнату, где лежит умерший, родные и друзья окружают его, оплакивают с причитаниями и просят бога об отпущении ему грехов. Затем, утешив близких умершего, они расходятся по домам.

Похороны у бедных бывают летом на другой день, а зимой на другой или третий после смерти. У богатых же покойников редко хоронят на второй день, а большею частью на третий и даже на четвертый, чтобы дать время съехаться на похороны родне.

Тело умершего остается до дня похорон в том самом положении, в каком его постигла смерть, и к нему никто не прикасается. К назначенному для похорон дню близкие умершего приглашают трех мулл и созывают родных и знакомых. Муллы вырывают в комнате умершего небольшую яму, накрывают ее дверною створкою и, раздев мертвеца, кладут его на эту створку. Затем все трое мулл приступают к омовению покойника: один поливает его водой, другой моет, а третий поворачивает*. При омовении тела, кроме мулл, никто не может присутствовать; родные умершего и все приглашенные на похороны находятся в это время в соседних комнатах и там его оплакивают.

По омовении покойника муллы надевают на него последовательно три белые одежды из кисеи или хлопчатобумажной ткани. Нижняя одежда состоит из короткой рубашки, доходящей до пояса, с прорезом на груди; поверх этой рубашки надевается другая такого же покроя, но спускающаяся до колен; наконец, третьей одеждой служит саван, в виде мешка, с прорезом против лица, завязываемый вверху, над головой, и ниже ног веревочками. Тело умершего предается земле без гроба с вытянутыми по бокам руками и босыми ногами.

Одев покойника, муллы выносят его на войлоке в соседнюю комнату, кладут на нары и открывают его лицо, чтобы родные могли в последний раз посмотреть на него и запечатлеть в своей памяти дорогие

* Женщин омывают набожные старушки.

черты. Обычай, однако, требует, чтобы женщины не видели лица умерших мужчин, но этот суровый обычай не удерживает их от прощального взгляда на лицо отошедшего на вечный покой своего кровного и потому редко соблюдается. Но лица мертвой женщины отнюдь не должен видеть ни один мужчина, хотя бы он был ближайший родственник ее.

Когда муллы вынесут одетого покойника в смежную комнату и откроют его лицо, плач и рыдания собравшихся в ней родных усиливаются. Мужчины и женщины, окружив тело умершего, начинают выть и кричать: «ой, отец (или брат), зачем ты нас покинул? на кого оставил? как нам, сырым, жить без тебя?» и т. п. При этом прощальном вопле никто, однако, из родных не обнимает и не целует покойника, а только смотрят ему в лицо. Наконец один из мулл, отстранив окружающих покойника, читает над ним отпустительную молитву, по окончании которой четверо мужчин выносят его на том же войлоке на двор, кладут на носилки и покрывают пеленой. Те же мужчины поднимают носилки, и печальная процессия отправляется на кладбище. Впереди носилок идут близкие родственники умершего в трауре и с посохами в руках, плача и причитая всю дорогу, а по сторонам их следуют дальние родные и друзья покойного, также в трауре и с посохами, поддерживая поочередно носилки. За носилками шествуют безмолвно муллы и, наконец, посторонние. Женщины никогда не сопровождают покойников на кладбище: выйдя вместе с похоронной процессией за ворота, они останавливаются и смотрят на нее все время, пока она не скроется из вида.

Могила роется в длину всегда по направлению меридиана, а в глубину в рост человека. В восточном ее обрыве, немного выше дна, выкапывается во всю длину боковая ниша, в которой мог бы свободно поместиться труп. Когда покойника поднесут к могиле, один из мулл, называемый мазар-шейх (смотритель кладбища), принимает его из носилок и укладывает в нишу так, чтобы труп лежал на спине, головою к югу, а лицо было обращено немного на запад, по направлению к Мекке. Затем отверстие ниши закладывают кирпичами, а самую могилу засыпают землей. Муллы читают над ней молитвы, по окончании которых присутствовавшие на похоронах отправляются поминать умершего. Поминки в день похорон справляются всегда в доме одного из близких родственников покойного, так как в доме умершего в течение трех дней после его кончины не разводят вовсе огня и ничего не готовят.

У богатых туземцев около могилы ставят палатку, в которой муллы после погребения читают от семи до сорока дней коран.

Все близкие родственники умершего в продолжение 40 дней по его смерти носят траур — черные или белые халаты и белые кушаки; сыновья же покойного, кроме того, в течение этого времени не бреют головы.

Через три дня справляются поминки в доме умершего, на которые приглашают мулл, родных и знакомых. Родственники предварительно посещают могилу покойного, молятся там и потом уже отправляются на поминки. После угощения муллы читают молитвы об отпущении грехов покойному, по окончании которых приглашенные расходятся. Такие же поминки справляются в 20-й и 40-й дни по смерти покойного. В 40-й день, после поминок, один из друзей умершего приглашает его сыновей к себе в дом, снимает с них траур и бреет им головы. В годовой день кончины покойного справляются по нем третьи и последние поминки.

На могилах своих родных кашгарцы воздвигают памятники из лёс-совой массы в виде гробниц, на которых покоятся в лежащем положении вылепленные из той же массы цилиндры или шестигранные призмы. Над могилами же людей, прославившихся святостью жизни и канонизированных, сооружают из лёсса или обожженных кирпичей мавзолеи с куполами и оградами, обставляемые со всех сторон шестами. К вершинам этих шестов привязывают флаги, конские и яковые хвосты, а на карнизах и оградах самых мавзолеев помещают черепа с рогами диких баранов. Такие могилы (по-туземному — мазары) называются по именам погребенных в них святых. У мазаров в установленные дни совершаются молебствия, и благочестивые мусульмане нередко приходят к ним на поклонение.

В Кашгарии еще до настоящего времени сохранились остатки рабства. В минувшие времена главные города этой страны — Кашгар, Хотан и в особенности Яркенд — были настоящими невольничьими рынками. В них приводили на продажу много пленников, захваченных в Канджуге, Бадахшане, Гильгите и Читрале, которых покупали богатые туземцы Кашгарии. Якуб-бек окончательно уничтожил позорную торговлю людьми, строго запретив продавать захваченных в плен людей, но позволял рабовладельцам удерживать за собой рабов, купленных ранее запрещения. Эти рабы (мужчины и женщины), называемые кулами или хызмет-кар, проживают доныне у своих владельцев — дворян (хакимов) и купцов, но число их, говорят, не достигает и 1 000. Несмотря на давность своего пребывания в Кашгарии и метизацию с туземцами*, они сохранили некоторые телесные признаки, свойственные их народностям, и отличаются заметно наружностью от коренных обитателей этой страны.

Современные цены рабов в Кашгарии таковы:

М у ж ч и н ы		Ж е н щ и н ы	
Возраст	Цена	Возраст	Цена
от 3 до 10 лет	90 рублей	от 3 до 10 лет	140 рублей
„ 10 до 20 “	130 „	„ 10 до 20 “	220 „
„ 20 до 40 “	180 „	„ 20 до 30 “	270 „

Право владения рабами при продаже передается посредством купчих крепостей, совершаемых у местных казы (судей).

Вместе с рабством уцелели еще в Кашгарии и высшие сословия, игравшие встарину важную роль. К ним принадлежат: хакимы, сеиды и ходжи.

Хакимы, переименованные ныне китайцами в шанье (дворяне), суть потомки прежних туземных правителей. Они владеют родовыми землями, обрабатываемыми преимущественно их собственными рабами. Несмотря на официальное переименование, эти дворяне продолжают титуловать себя хакимами. Так именует их и народ, присвоивший им еще

* Женщина-рабыня может выйти замуж за свободного, но сама остается рабыней и дети ее признаются рабами; если их более семи, то одно дитя, по выбору матери, становится свободным. Раб-мужчина также может жениться на свободной женщине, оставаясь рабом, но дети их считаются свободными.

другое название — гучжа. Хакимы живут в городах и селениях, занимаются почти исключительно земледелием, а торговлей пренебрегают. Они происходят от шести именитых колен, к которым принадлежали туземные правители и высшие сановники страны, считаются благородными и пользуются некоторым почетом.

Сеиды признаются потомками Магомета. Предки их — пришельцы из Аравии, проповедывавшие в Кашгарии ислам, были чистокровные арабы. Они вступили в браки с туземными женщинами и оставили после себя смешанное потомство, продолжавшее метизацию. Поэтому нынешние сеиды окончательно утратили все черты арабского типа, говорят исключительно на туземном наречии и ничем, даже цветом кожи, не отличаются от туземцев. Как потомки пророка они пользуются в народе уважением. Большая часть сеидов — лица духовные, а остальные занимаются земледелием. Сеиды проживают преимущественно в селениях.

Ходжи — потомки святых, живут почти исключительно в селениях и большую часть времени проводят в молитве и паломничестве по мазарам. Они владеют землями, но сами не обрабатывают их, а сдают в аренду. Этот класс пользуется еще большим уважением в народе, чем сеиды. Благочестивые туземцы, приступая к какому-нибудь важному делу, — например, к постройке дома, к торговой операции, выполнению подряда, или отправляясь в далекий путь, — приходят к ходжам за благословением и приносят им деньги, платье или съестные припасы. Почти все ходжи — лица духовные, а светских между ними очень мало.

Духовенство в Кашгарии весьма многочисленно: в каждом, даже незначительном селении есть несколько мулл, имеющих свои приходы (малля). Один из них, носящий звание ахуна, считается старшим, и ему подчиняются остальные муллы. Ахуны в свою очередь подчиняются хукум-казы — высшему духовному лицу в округе. Главою же магометанского духовенства в Кашгарии считается яркендский хукум-казы, носящий титул аляма и имеющий двух помощников. Сельские муллы пользуются земельными участками, которые обрабатывают сами или сдают в аренду, а также доходами за требы. Эти последние, впрочем, по причине неудовлетворительного экономического состояния населения и отчасти неприязнительности самих мулл, очень незначительны.

Народное образование, отправление правосудия и общественная благотворительность лежат почти всецело на духовенстве, представляющем поэтому весьма влиятельный класс.

Умственное развитие кашгарского народа очень ограничено. Школ в Кашгарии, правда, много, но преподавание в них отличается вполне схоластическим направлением, очень мало развивающим мыслительные способности и почти не дающим никаких положительных знаний. Между тем туземцы Кашгарии отличаются весьма заметно природными дарованиями — быстротою соображения и понятливостью, но при этом не чужды легкомыслия и легковерия.

В каждом селении, соответственно числу жителей, существуют две или более начальные школы для мальчиков и девочек отдельно. В мужских школах преподают приходские муллы, а в женских — учительницы или учителя из светских лиц. Дети обоего пола начинают посещать начальные школы с шести- или семилетнего возраста и учатся в них до 10—12 лет. В этих школах обучают чтению и письму на родном языке,

но главным предметом считается коран, заучиваемый наизусть в подлинном арабском тексте, которого не понимают вовсе не только ученики, но и большинство самих учителей.

В городах, кроме начальных школ, существуют еще средние училища — медресе, а в больших городах, именно: Ак-су, Кашгаре, Яркенде и Хотане — и высшие медресе. Те и другие состоят при главных мечетях и готовят молодых людей почти исключительно для духовного поприща. В этих медресе преподают в соответственных объемах: мусульманское богословие, философию и право, а также арабский язык, арифметику и начала геометрии. Преподавание в средних и высших медресе отличается чисто схоластическим характером и дает очень мало положительных знаний.

Всеми учебными заведениями каждого округа заведывает да-мулла — инспектор их. Общего же попечителя учебного дела в Кашгарии не имеется.

Отправление правосудия лежит тоже почти исключительно на духовенстве. Только тяжкие уголовные преступления, как то: убийства, грабежи, поджоги, вооруженное сопротивление властям и преступления политические судятся по китайскому уголовному кодексу и караются обыкновенно смертною казнью (отсечением головы). Следствия по этим преступлениям (кроме политических) производятся туземными чиновниками — беками — под наблюдением китайских чиновников и поступают на рассмотрение в окружные ямыни (присутственные места), а оттуда представляются в областные ямыни, куда отправляют одновременно с ними и самих преступников. Обвиняемых в таких преступлениях нередко подвергают пыткам. Из областных ямыней судные дела с приговорами представляются на конфирмацию к генерал-губернатору Синьцзянской провинции (в Урумчи), которому предоставлено право утверждения смертных приговоров.

Затем все остальные преступления и проступки, а равно и гражданские дела подлежат ведению народных судей. Для этого каждый административный округ разделен на несколько судебных участков, имеющих своих особых народных судей — казы, избираемых самим народом из числа наиболее уважаемых ахунов участка и утверждаемых в должностях судей окружными хукум-казы. Маловажные дела разрешаются по обычному праву приходскими муллами, а все остальные — казы, которые при своих решениях руководствуются указаниями шариата*.

Высшая судебная власть в каждом округе принадлежит окружному хукум-казы, которому может быть обжаловано всякое решение участкового казы. Резолюции же хукум-казы считаются окончательными и никакому обжалованию не подлежат.

О характере уголовного и гражданского процессов у кашгарских мусульман по шариату могут дать некоторое представление нижеследующие выдержки, сообщенные мне местными казы.

Подозреваемый в первый раз в краже, когда нет достаточных улик, допускается к очистительной присяге и по принятии ее отпускается безнаказанно. В случае же отказа от присяги подлежит наказанию 40—50 ударами палок и аресту от 5 до 10 дней со связанными руками. Понес-

* Шариатом, как известно, называется свод разъяснений корана, представляющий коллективный труд многих мусульманских ученых. Этого труд был вызван крайнею сжатостью, неясностью и даже противоречиями, нередко встречающимися в коране.

ший уже наказание за первую кражу и обвиняемый во второй—к очистительной присяге не допускается, а в случае недостатка улик и записательства подвергается легкой пытке, именно — сжиманию пальцев на руках деревянной колодкой. Если подозреваемый не сознается на этой пытке, то, дав ему несколько палочных ударов, отпускают; при сознании же наказывают от 70 до 100 ударов палками и подвергают виновного аресту от одного до 12 месяцев, если по истечении первого месяца ареста его не возьмет никто на поруки. За третью кражу полагается наказание от 100 до 500 палочных ударов, арест от 6 месяцев до двух лет* и после него отдача в заработки на срок, пока осужденный не заработает всех денег, затраченных на его содержание во время заключения.

В гражданском процессе шариат, в противоположность европейским кодексам, не требует непременно облечения в письменную форму договоров, долговых и иных обязательств; они могут быть доказываемы на суде свидетельскими показаниями.

Наследство делится так: жены умершего получают каждая по $\frac{1}{8}$ всего оставшегося после него движимого и недвижимого имущества, а остальное поступает к детям, причем сыновья получают вдвое больше дочерей. Бездетным наследуют их родители, если они живы, — в противном же случае наследство переходит в побочные линии.

В Кашгарии существуют еще блюстители общественной нравственности, называемые шейх-исламами. Они избираются народом и утверждаются в этих званиях окружными хукум-казы. Шейх-исламы наблюдают за нравственностью населения, доброкачеством продаваемых на базарах съестных припасов, верностью весов и мер. На обязанности их лежит также надзор за тем, чтобы женщины закрывали лицо, а мужчины посещали исправно мечети.

Звание шейх-ислама считается почетным, и лица, исправляющие эти должности, не получают никакого вознаграждения. Шейх-исламы, впрочем, относятся очень снисходительно к исполнению правоверными своих религиозных обязанностей и обнаруживают лишь некоторую ревность в наблюдении за базарами.

Кустарная промышленность в Кашгарии развита в весьма значительных размерах, занимая очень много рук во всех многолюдных оазисах с городами и базарами. Наибольшая часть кустарей занимается производством дешёвых хлопчатобумажных тканей из местного хлопка, которые, за удовлетворением собственных потребностей, вывозятся в большом количестве в наш Туркестан для туземцев. Сбыт этих тканей в наши пределы обуславливается крайнею дешевизною их в местах производства**.

В промышленном отношении первое место принадлежит Хотанскому оазису. Кроме обширного производства хлопчатобумажных тканей, в этом оазисе выделяется еще множество превосходных шерстяных ковров, войлоков и бараньих мехов, а также шёлковые ткани и ковры, медная посуда, клей, писчая бумага и нефритовые вещи.

* Степень наказания соразмеряется со степенью ухищрения преступника при совершении кражи, стоимостью похищенного и количеством растроченного имущества.

** Кусок белой хлопчатобумажной ткани (маты) в 10 аршин длины и около аршина ширины стоит в Хотане всего 30 коп., а провоз оттуда до города Ош (Ферганской области) обходится около 1 рубля 50 коп. с пуда.

Оазис Чира (Керийского округа) славится выделкой наилучших хлопчатобумажных и шёлковых тканей, хотя это производство далеко не так обширно, как в Хотанском оазисе.

Шелководство до болезни червя в особенности процветало в Хотанском и Каракашском (Хотанского округа) оазисах, а также в Чире. В этих трех оазисах добывалось ежегодно очень много шёлка-сырца, часть которого вывозилась к нам, в Россию. Ныне шелководство в них, по причине болезни червя, находится в упадке, но, вероятно, скоро достигнет прежних размеров. Шелководством занимаются довольно успешно еще в Яркендском, Кашгарском, Аксуйском и Кучасском оазисах. В Керии оно ныне, как и в Хотане, пало, а в Нии занятие шелководством почти вовсе прекратилось.

В Яркендском оазисе выделяется также весьма значительное количество хлопчатобумажных тканей, но главными предметами кустарной промышленности в этом оазисе служат выделка кож и приготовление из них обуви, которая вывозится оттуда во многие другие оазисы страны. Производство сбруи, ковров, писчей бумаги и в особенности столярного клея* также весьма распространено в этом оазисе.

В Каргалыкском оазисе готовят много войлоков, почти не уступающих по доброте хотанским. Шерсть для них получается с овец, содержащихся в большом числе богатыми жителями этого оазиса и пасущихся в соседних горах Кун-луня³⁰.

Многие из кустарей занимаются своими производствами на городских и сельских базарах, на которых работает также и большинство ремесленников: портных, сапожников и кузнецов.

Внутренняя торговля Кашгарии, в особенности мелочная, весьма обширна. Можно утвердительно сказать, что число торговцев в этой стране превышает действительную потребность в них. Этот избыток в людях торгового класса происходит от чрезмерной склонности или, вернее, страсти туземцев к торговле, как к какой-нибудь азартной игре. Занятие торговлей составляет заветную мечту многих бедных горожан и отчасти поселян. Когда им удастся скопить небольшую сумму, они тотчас же открывают торговлю.

В больших оазисах, как, например, Яркендском и Хотанском, кроме обширных городских базаров, на которых еженедельно два раза бывают торжки, существует еще много малых рынков, рассеянных по этим оазисам. На них торжки бывают один раз в неделю и самые базары именуются по этим дням. Кроме того, базары с еженедельными торжками существуют во всех без исключения многолюдных селениях страны.

Крупные торговцы занимаются преимущественно хлебными операциями. Они скупают осенью по дешёвым ценам у поселян и мелких торговцев хлеб, держат его у себя всю зиму, а с наступлением весны до нового урожая продают этот хлеб нуждающимся почти по двойным ценам на месте или на стороне, где цены выше. Эта спекуляция дает огромные барыши хлеботорговцам, но очень убыточна для населения, так как осенние цены на хлеб, устанавливаемые по стачкам [по взаимному договору] скупщиков его, чуть не вдвое ниже весенних и летних цен, открываемых [назначаемых] этими же скупщиками.

* Писчую бумагу в Кашгарии готовят из луба тутовых ветвей, листьями которых кормят шелковичных червей. Бумага эта груба, но очень прочна. Клей же добывают из обрезков овчин, остающихся при кройке мехов, и из негодных для выделки шкур.

Внутренняя торговля Кашгарии крайне стесняется пошлинами (бадж), наложенными в недавнее время китайцами на все предметы торговли, кроме продовольственных продуктов. Хотя эти пошлины и незначительны, но взимание их сопряжено с большими хлопотами и тратой времени для торговцев, которые обязаны иметь на всех продаваемых товарах клейма, налагаемые по уплате следуемых с них пошлин. Для взыскания их во всех городах и многолюдных селениях с базарами назначены особые китайские чиновники, называемые народом баджигерами (сборщиками пошлин).

Успеху внутренней торговли вредит отчасти также отсутствие в Кашгарии золотой и серебряной монет, которые в прежнее время ходили по всей стране*. Китайцы ныне изъяли из обращения эти монеты и ввели в Кашгарии свою медную монету — чжос, по-туземному — пула. Эти последние чеканят в Кашгарии из местной меди, добываемой в горах Кун-луня, к юго-западу от Яркенда. Обращающиеся ныне в Кашгарии пулы двоякого достоинства: крупные стоимостью в 0,54 нашей копейки и мелкие в 0,27 коп. Первые ходят только в Хотанском и Керийском округах, а последние — во всех остальных.

50 крупных пул или 100 мелких составляют тэньгу — стоимость прежней серебряной монеты, употребляемой доныне в виде фиктивной денежной единицы в счетах. 8 тэнег приравниваются лану (8,73 золотника) китайского серебра (94-й пробы), который по нынешнему курсу стоит около 2 рублей 30 коп. на наши кредитные деньги. Китайское серебро обращается во всей стране клейменными слитками (ямбами) весом около 4,6 нашего фунта и мелкими кусками. Те и другие повсюду можно обменять на пулы.

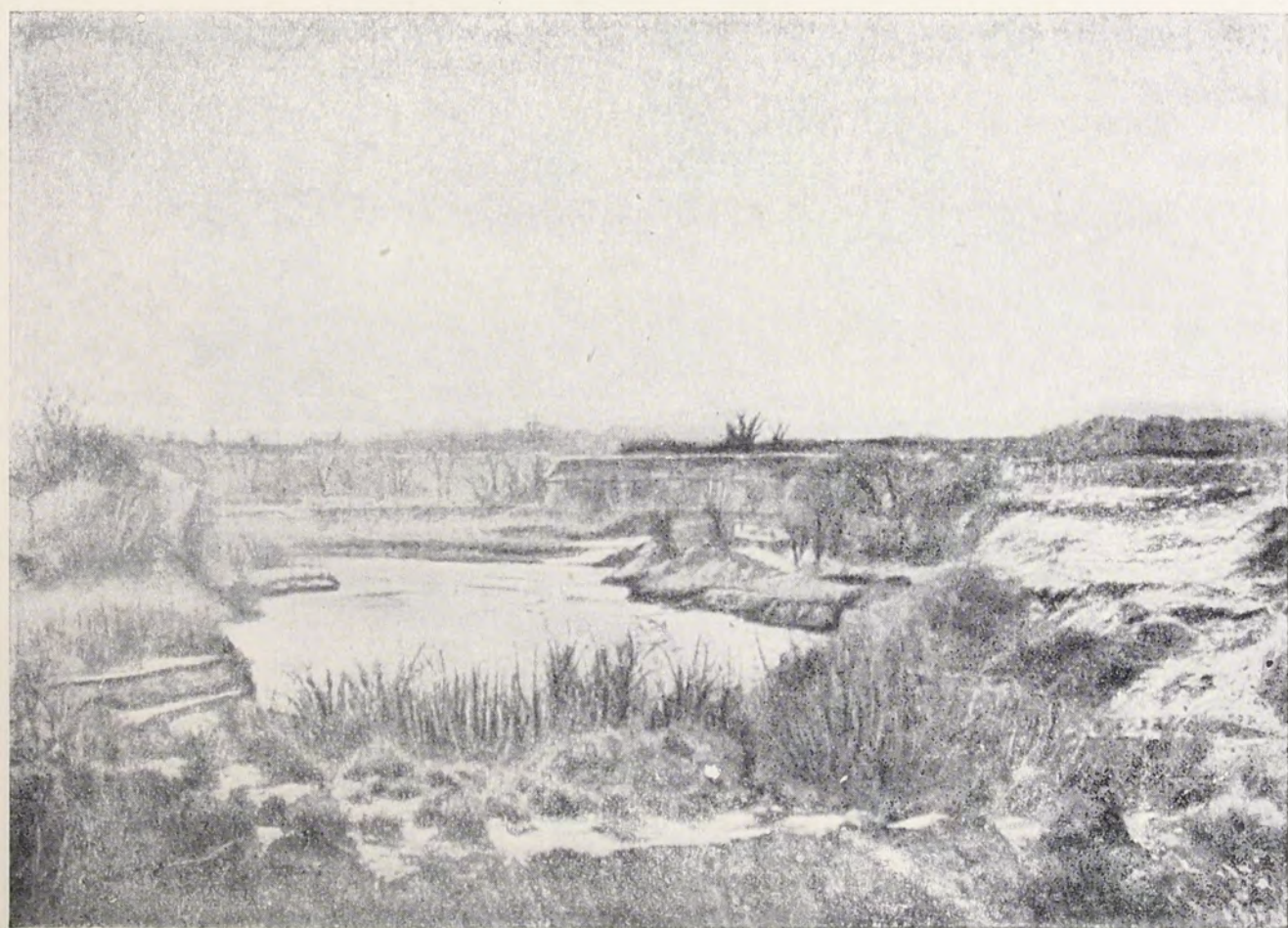
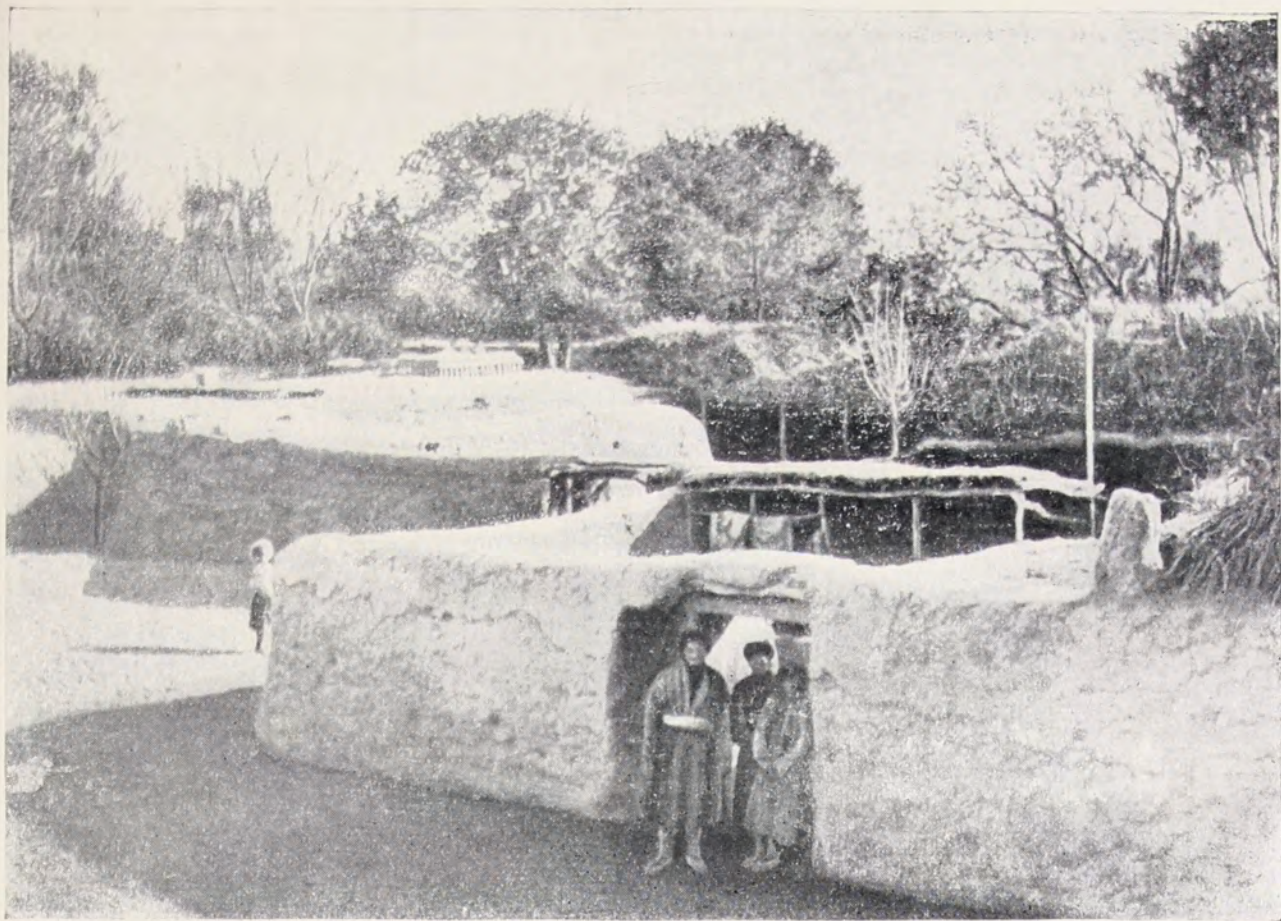
Единицею веса служит чарык, равный 18,75 нашего фунта, с подразделениями: уч-щак ($\frac{3}{4}$ чарыка), ярым-чарык ($\frac{1}{2}$ чарыка), щак ($\frac{1}{4}$ чарыка) и ним-щак ($\frac{1}{8}$ чарыка). Золото, серебро и легкие лекарственные вещества взвешивают на китайских весах, употребляя лан (8,73 золотника), цянь (0,783 золотника) и фын (0,0873 золотника).

Погонная мера в Кашгарии — кулач (маховая сажень) — равна 6,19 нашего фута. Она разделяется на 10 равных частей, называемых беш-сар (7,43 дюйма), из коих каждая, в свою очередь, подразделяется на 5 частей — сар (1,486 дюйма).

Путевую меру ныне служит китайская ли (0,537 версты), а в прежнее время расстояния по дорогам измерялись ташем (около 8 верст).

Внешнюю торговлю Кашгария ведет в настоящее время главным образом с Россией и отчасти с Индией; торговые же обороты ее с Внутренним Китаем очень незначительны. Между тем русская торговля в Кашгарии с каждым годом все более и более расширяется. Эту торговлю ведут преимущественно наши ферганские сарты, называемые в Кашгарии андижанами, и отчасти семиреченские сарты и татары. Большинство наших торговцев проживает постоянно в городах Кашгарии, отлучаясь из них лишь на короткое время в Фергану и Верный за товаром. Главным предметом сбыта служат мануфактуры наших фабрик: ситцы, тик, кумач и другие хлопчатобумажные ткани; затем железо разных видов, металлические изделия, в особенности чугунные котлы, а

* Золотая монета — тилля — стоила около 3 рублей на наши кредитные деньги, а серебряная — тэньга — ценилась в 27 коп.

Вверху: дом туземца в оазисе Ясулгун
Внизу: урочище Андэрэ в низовьях реки Толан-ходжа

также мыло, стеариновые свечи, сахар, зажигательные спички, зеркала, бусы и многие другие мелочи. Из Кашгарии же к нам вывозятся преимущественно дешевые хлопчатобумажные ткани для туземцев Туркестанского края, потом бараньи меха, овчины, овечья шерсть, войлоки, ковры, сырые кожи и козий пух.

Конкуренция Внутреннего Китая и Индии для нашей торговли с Кашгарией несколько не опасна. Доставка в эту страну товаров из весьма удаленного от нее Внутреннего Китая, при отсутствии хороших путей сообщения и недостатке перевозочных средств, обходится очень дорого. Такую высокую провозную плату могут выдержать только весьма ценные товары, имеющие очень ограниченный сбыт в этой стране. Даже китайский чай, потребляемый в большом количестве в Кашгарии, встречает себе сильного соперника в контрабандном чае, привозимом ныне окольными путями из Бенгалии. О доставлении же из Внутреннего Китая железа и тяжеловесных металлических изделий не может быть и речи, так как цены на эти предметы китайцам пришлось бы возвысить вдвое против наших. Поэтому китайские купцы ограничиваются сбытом в Кашгарии чая, фарфоровой посуды, шелковых и хлопчатобумажных тканей на весьма скромные суммы.

Транспортирование кладей из Индии и Кашмира через Кара-корум и Кун-лунь по весьма трудному горному пути обходится также очень дорого, а потому оттуда привозятся в Кашгарию почти исключительно одни дорогие предметы, как-то: кашмирская кисея, индийский чай, лекарственные вещества и очень немного английских ситцев и металлических вещей (ножей, бритв, иглол, наперстков и др.). По той же причине и из Кашгарии в Кашмир и Индию вывозятся лишь наиболее ценные предметы: козий пух, нашá, хотанские ковры и небольшое количество войлоков.

Итак, нам нет оснований опасаться торговых соперников ни со стороны Внутреннего Китая, ни со стороны Индии и сомневаться в дальнейшем преуспевании нашей торговли с Кашгарией.

При Якуб-беке и ранее туземцы-поселяне платили налоги натурою, именно $\frac{1}{10}$ часть собранных с земли произведений (херадж); купцы же, кустари и ремесленники оплачивали свидетельства — первые на право торговли, а последние — цеховые. Китайцы с восстановлением своей власти в отпавшей Кашгарии в 1878 г. изменили несколько прежнюю систему налогов, переложив натуральный налог на денежный. Теперь поселяне платят налог деньгами с возделываемой земли в размере 10% стоимости получаемых с нее произведений и, кроме того, особую пошлину со скота; с крупного по 3 тэньге, а с мелкого по одной тэньге. В больших оазисах с городами, в которых расположены китайские войска, поземельный налог взимается с поселян попрежнему натурою в размере $\frac{1}{10}$ собранных произведений и поступает на продовольствие солдат и войсковых лошадей. Торговцы же, кустари и ремесленники ныне не оплачивают никаких свидетельств, а вносят лишь пошлины с продаваемых ими товаров и произведений*.

Кроме указанных налогов, на туземцах Кашгарии тяготеет еще много разных темных поборов, взимаемых в свою пользу местными вла-

* Кочевники-киргизы избавлены от всяких налогов в китайскую казну: с них взыскивается только небольшой сбор на содержание их администрации; полуоседлые же туземцы платят лишь налог со скота.

стями, которые в совокупности с законными обложениями очень обременяют население. Такое чрезмерное вымогательство отражается весьма неблагоприятно на благосостоянии туземцев, большинство которых, несмотря на умеренность и бережливость, не пользуется достатком³¹. Богатые же и зажиточные туземцы, держащиеся в стороне от властей, опасаясь темных поборов, стараются жить как можно скромнее и нередко припрятывают свои ценные вещи, чтобы они не попадались на глаза жадным китайским чиновникам, бесцеремонно обирающим население.

Кашгария составляет ныне часть обширной Синьцзянской провинции Китая, образованной в 1884 г. из западных земель и управляемой генерал-губернатором, резиденция которого находится в городе Урумчи. В административном отношении Кашгария разделяется на две области — Аксуйскую и Кашгарскую, подчиненные дао-таям на правах губернаторов, которые пребывают со своими управлениями в Ак-су и Кашгаре. Области разделяются на округа, вверенные окружным начальникам из китайцев*. Округа в свою очередь подразделяются на бекства, представляющие низшие административные единицы, управляемые беками — чиновниками из туземцев. Этим последним подчиняются старшины селений — аксакалы — и отдельных частей их: мин-баши (тысяцкий), ом-баши (сотник) [десятник] и юз-баши (десятник) [сотник]. Беки избираются окружными начальниками и утверждаются в своих должностях дао-таями. Большинство их — люди ловкие, пронырливые, умеющие угождать начальству.

Такие именно люди и нужны местным китайским властям на низших административных должностях: через этих беков, своих ставленников, окружные начальники и состоящие в их управлениях китайские чиновники производят негласные поборы с населения, львиная доля которых достается, конечно, китайцам, а остатки бекам. Народ же, от которого невозможно скрыть эти проделки, питает затаенную ненависть к бекам и поносит их втихомолку кличкой предателей.

Вообще нынешний китайский режим крайне неприятен кашгарскому народу. Туземцы горько сетуют на китайцев за их темные поборы, высокомерие, презрительное к ним отношение и постыдные вымогательства мелких китайских чиновников, позволяющих себе во время командировок не только кормиться на счет населения, жестоко обращаться с ним, присваивать его ценные вещи, но и отбирать от него жен и дочерей себе в наложницы. Китайские чиновники, по уверению туземцев, берут взятки с торговцев предпочтительно деньгами, а за неимением их — и товарами, которые отсылают к бекам для продажи по высоким ценам, и эти последние по необходимости исполняют такие щекотливые поручения, пополняя выручку поборами. Мало того, местные китайские власти, пользуясь щедрыми приношениями богатых туземных купцов и золотопромышленников, относятся равнодушно к безжалостной эксплуатации этими богачами населения и даже к своеволию над ним. Богачи (баи), разумеется, вполне довольны своим привилегированным положением и хвалят китайский режим, но народ ропщет на него и с сожалением вспоминает Якуб-бека. По признанию самих туземцев, он был жесток и чрезмерно

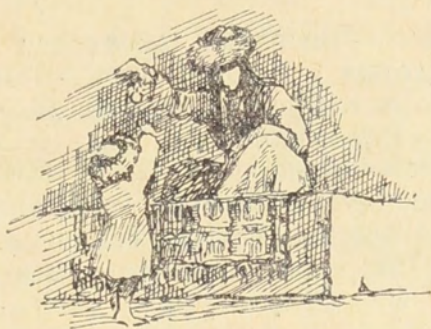
* Аксуйская область состоит из следующих округов: Аксуйского, Учтурфанского, Кучасского и Карашарского, а в состав Кашгарской области входят Кашгарский, Яркендский, Каргалыкский, Хотанский и Керийский округа.

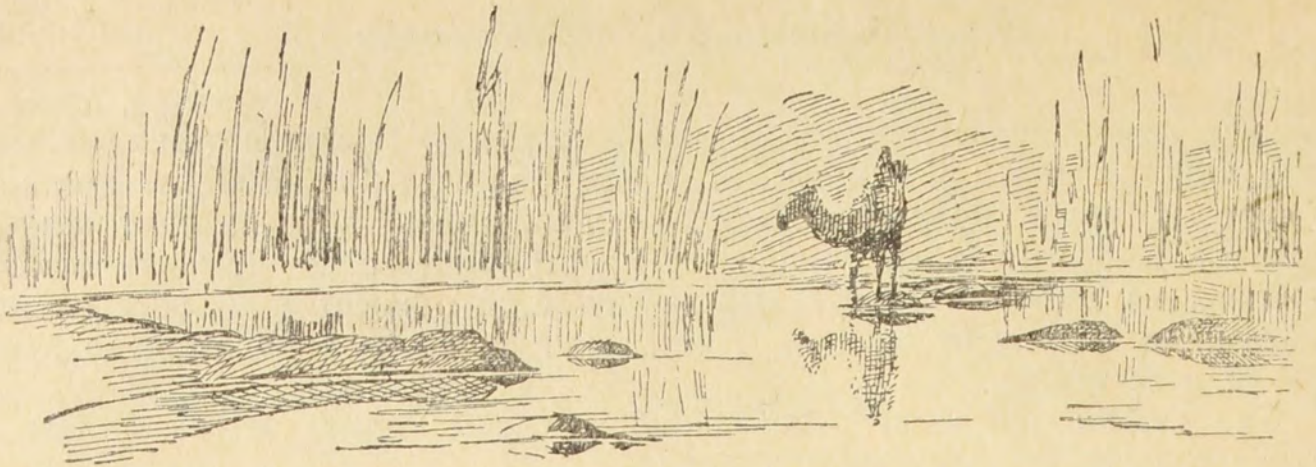
ревнив в охранении мусульманских традиций, но вместе с тем справедлив и снисходителен к бедным. При нем баи платили большие налоги, на счет которых преимущественно содержались войска, покупалось оружие и выплачивалось жалованье иностранным офицерам (турецким и сипаям из магометан). Бедных же он строго воспрещал обременять налогами, а потому большинство населения при нем жило гораздо привольнее, чем теперь.

Так отзываясь кашгарский народ о своем бадаулете, безвременно погибшем от ков вероломных китайцев*.

Эти отзывы о китайском режиме туземного населения, относящегося пристрастно к своим поработителям, заключают в себе, по всей вероятности, немало преувеличений. Не отрицая в них значительной доли справедливости, мы имеем, однако, основание полагать, что китайское владычество над Кашгарией все же не так тягостно для ее населения, как списывают его туземцы иностранцам.

* Якуб-бек, по общему убеждению кашгарцев, был отравлен мальчиком, подававшим ему всегда кальян (чубукчи), которого на это низкое преступление будто бы подкупили китайцы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОЧЕРК НИИНСКОГО ОАЗИСА И ЭКСКУРСИЙ ИЗ НЕГО ПО ОКРЕСТНОЙ СТРАНЕ И НА ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

Очерк Ниинского оазиса.—Весенние экскурсии членов экспедиции.—Поездка на север, в пустыню Такла-макан.—Природа долины нижней Нии-дарья.—Пребывание в монастыре имама Джафара-Садыка.—Характер окрестной пустыни.—Возвращение в Нию.—Сборы в Тибет.—Новый путь экспедиции в Кара-сай.—Экспедиции В. И. Роборовского и П. К. Козлова на Тибетское нагорье.—Распросные сведения о Кун-луне.—Наблюдения над прохладным ветром из пустыни Такла-макан.—Общая экскурсия на Тибетское нагорье.—Обзор нагорной пустыни к югу от Кун-луня.—Физические наблюдения на берегу озера Даши-куль.—Возвращение в Кара-сай.

Оазис Ния, в котором мы провели зиму 1889/90 г., расположен у южного преддверия пустыни Такла-макан и орошается речкой Ния-дарья. Эта речка образуется немного выше оазиса из источников и течёт с лишком 100 верст на север, по широкой, солонцеватой долине, в которой нередко встречаются источники, поддерживающие ее на длинном пути по пустыне³². Весною и летом, с конца апреля до начала августа, Ния-дарья от таяния снегов и ледников в Кун-луне становится очень многоводною и течёт в это время непосредственно с окраинного хребта, представляя собой продолжение горной речки Улук-су. Осенью же и зимой течение ее на пространстве от подножья Кун-луня до оазиса Ния прерывается, и только присутствие на этом протяжении плоского и каменистого сухого ложа указывает на периодическое разлитие названной речки. По спадении в Нии-дарье воды в конце июля на ней тотчас же сооружают в самом оазисе и ниже его по несколько земляных плотин для доставления воды мельницам, построенным на главных арыках.

Оазис, протянувшийся с востока на запад полосой верст 12 в длину и около двух верст в ширину, состоит из трех отдельных частей, из которых две западные разделены неширокой долиной речки Ния-

дарья, а восточная часть, наиболее длинная, отделяется от средней пустырем. Площадь Ниинского оазиса включает в себе около 20 кв. верст, с 380 дворами и населением до 1 850 человек³³. Дома в этом оазисе рассеяны очень редко, и на каждый двор в нем приходится приблизительно до 5 десятин земли. Лёссовая почва его с значительной примесью крупнозернистого песка, нанесенного ветрами из соседней пустыни, уступает в плодородии чистому лёссу Яркендского и Каргалыкского округов, но, благодаря обилию воды, дает все-таки хорошие урожаи: кукуруза в Нии родится средним числом сам-28, пшеница сам-13, ячмень сам-12 и рис сам-14. Последнего засевают, впрочем, очень мало, хотя в долине речки Ния-дарья, ниже оазиса, встречаются нередко места, удобные для рисовых плантаций. Пашни и огороды в Нии удобряют исключительно навозом и грязью из арыков. Удобрение кладут весной, перед посевом, в весьма незначительном количестве и притом далеко не на всю возделываемую землю, а только на некоторые, наиболее истощенные ее участки.

В Нии, по причине слишком позднего разлива речки, снимают обыкновенно одну хлебную жатву, и очень редко, в исключительные годы, когда после обильной снежной зимы в Кун-луне наступает рано весна, получают двойные жатвы.

Садоводство и огородничество в оазисе вполне успешны; хлопок также родится в изобилии и хорошего качества. Шелководство же, вследствие болезни червя, находится ныне в полном упадке.

Кустарная промышленность в Нии развита слабо: кустари ее ограничиваются выделкой небольшого количества хлопчатобумажных тканей, кож и овчин. Главные занятия жителей Нии — земледелие и садоводство, но сбыт земледельческих продуктов из этого уединенного оазиса очень затруднителен. Он расположен среди обширной ненаселенной страны и отстоит от ближайшего города Керия в 100 верстах, а к востоку от него на протяжении 300 верст до самого Черчена нет ни одного населенного пункта. Такое неудобное положение оазиса Ния вознаграждается отчасти стечением богомольцев, проходящих ежегодно через него зимой в мазар имама Джафара-Садыка, находящийся в 100 верстах к северу от Ниинского оазиса, в пустыне Такла-макан. В течение этого времени через Нию ежегодно проходит до 1 000 пилигримов, запасающихся в ней печеным хлебом и фуражом для своих животных. Кроме того, часть излишнего хлеба сбывается на соседний золотой прииск Соургак, куда жители Нии доставляют зимой еще и дрова.

Богатые и зажиточные поселяне оазиса владеют стадами обыкновенных курдючных овец, пасущихся вместе с небольшим числом коз круглый год в долине речки Ния-дарья, ниже оазиса; тонкорунных же овец жители Нии не имеют. Крупного рогатого скота и лошадей у них очень немного, но ослов содержат все домохозяева. Из домашних птиц у них водится достаточное число кур и немного уток.

Беднейшие жители Нии уходят летом на золотые прииски в Кун-лунь, но вследствие бессовестной эксплуатации нанимателей-богачей, у которых они состоят в кабале, заработки их на этих приисках очень незначительны.

В Нии имеется небольшой базар, на котором каждый понедельник бывают торжки. На эти дни приезжают из Керии купцы с товаром и для покупки от местных жителей овечьей шерсти, козьего пуха, овчин, кож и отчасти зернового хлеба. Наши торговцы, проживающие в

Керии, посещают также по временам ниинский базар, сбывая на нем преимущественно бумажные ткани и мелочной товар. Зимой ниинский базар бывает гораздо более оживлен, чем летом. В зимнее время по понедельникам на него стекается большая часть жителей селения, из которых многие ходят туда исключительно для развлечения. В это время нередко приезжают на базар пастухи с гор Кун-луня для продажи продуктов скотоводства и покупки на вырученные деньги предметов домашнего обихода.

В селении Ния, имеющем 1 850 жителей, существует одна начальная школа для мальчиков, которых в ней обучается от 70 до 75 человек, и три начальные школы для девочек на 20 учениц каждая. В мужской школе учителем состоит старший местный мулла (ахун), а в женских преподают светские мужчины. Во всех трех школах обучают чтению и письму на родном языке; кроме того, ученики и ученицы заучивают наизусть коран на совершенно непонятном для них арабском языке.

В селении считается 14 приходов и столько же мечетей, из которых только одна главная просторна, а остальные представляют большую частью небольшие трехстенные мазанки с деревянными решётками, заменяющими переднюю, т. е. восточную стену.

Зима в оазисе Ния, лежащем под $37^{\circ}5'$ с. ш. и $82^{\circ}40'$ в. д. от Гринвича, на высоте 4 460 футов над уровнем моря, довольно мягкая. 25 октября (по старому стилю) мною было замечено еще много комаров и мошек в окрестностях этого оазиса. В ночь с 25-го на 26-е число того же месяца в мелких лужах замерзла в первый раз вода. Суровое же время началось только с первых чисел декабря, когда стали дуть холодные ветры с северо-востока, сопровождавшиеся большей частью пыльными туманами. Они дули почти все время только днем, а по ночам при ясном небе и морозах от -10° до -12° Цельсия господствовало преимущественно затишье. В начале декабря лед на запрудах речки Ния-дарья держал уже человека. В ночь с 12-го на 13-е число этого месяца выпал первый снег в одну линию толщины, но быстро исчез; ночью с 19-го на 20 декабря снова выпал снег в пол-линии толщины и также скоро исчез. В третий и последний раз снег выпал 4 февраля в три линии толщины и лежал почти трое суток, в продолжение которых господствовал сырой туман. Вообще в течение декабря и января почти ежедневно дули слабые холодные ветры с северо-востока, стихавшие перед вечером, а по ночам, при тихой погоде и ясном большей частью небе, морозы достигали -15° по Цельсию. В тихие же и ясные дни, которые были, впрочем, очень редки, термометр Цельсия около 3 часов пополудни поднимался до $+5^{\circ}$.

С наступлением февраля погода резко изменилась: ночные морозы уменьшились, а днем стали дуть постоянно свежие ветры с северо-востока, запада и северо-запада, сменявшиеся по временам в течение нескольких часов и переходившие изредка в штормы от 25 до 3 метров в секунду. Пыльные туманы, поднимаемые этими ветрами, господствовали до половины марта и сопровождались всегда облачностью неба. Солнце можно было видеть только около полудня, когда оно через густую пыльную мглу казалось тусклым бледнофиолетовым диском, на который можно свободно смотреть простым глазом. Во время же бурь пыльные туманы были до того густы, что в полуденные часы нельзя было различать за 20-30 шагов деревьев, а однажды, во время шторма, я не мог отсчитать на дворе в час пополудни показания термометра.

После каждой бури пыльный туман, несмотря на следовавшее за нею затишье, продолжался еще два или три дня, в течение которых из атмосферы постоянно, но очень медленно осаждалась тончайшая минеральная пыль. Она покрывала иногда поверхность земли слоем до трех линий толщины, на котором, как на снежной пороше, отпечатывались следы людей, скота и птиц. По этой минеральной пороше в окрестностях Нии можно было местами проследить зайцев. Вообще пыльные туманы во время нашего пребывания в Нии были так часты, что мы в течение пяти месяцев только четыре раза по утрам в половине января могли видеть Кун-лунь, отстоящий от нее по прямой линии не дальше 40 верст.

С первой половины февраля прекратились вовсе ночные морозы, вскрылись запруды на речке, начался пролет птиц, и жители оазиса стали пахать землю. В начале марта показался молодой камыш, а в половине этого месяца вскрылись озера, и многие перелетные птицы, зимовавшие в окрестностях Нии, начали собираться в стаи и отлетать на север*. Во второй половине марта ветры стали стихать, изредка перепадали маленькие дожди, термометр Цельсия около 3 часов пополудни часто поднимался выше 20°, и в последних числах этого месяца все фруктовые деревья уже цвели. Туземцы уверяли, что весна 1890 г. запоздала недели на две. В горах же Кун-луня зимой и в особенности ранней весной того года выпало много снега, и поэтому жители Нии ожидали высокой воды в речке и обильного урожая.

С наступлением теплого времени в котловине, в горах Кун-луня продолжались еще холода и свирепствовали сильные снежные бури, так что путешествие в Тибет ранней весной было совершенно невозможно. Поэтому я решил воспользоваться оставшимся свободным временем для совершения экскурсий в неисследованные еще местности окрестной страны. Первым отправился на экскурсию геолог экспедиции К. И. Богданович. С 1 февраля по 10 марта он успел проехать вдоль северного подножья Кун-луня между реками Керия-дарья и Юрун-каш, проникая местами по долинам и ущельям внутрь хребта, и ознакомиться с геологическим строением его на этом протяжении, а также исследовать обособленный кряж Тэкелик-таг.

Другой мой сотрудник, В. И. Роборовский, с 18 февраля по 6 апреля совершил экскурсию на северо-восток. Из Нии он прошел по северной, или по-туземному — нижней, дороге в Черчен. Оттуда он направился к верховьям реки Черчен-дарья и, дойдя до того места, где она, под названием Улук-су, прорывает окраинный хребет, продолжал путь к северо-востоку и достиг плоского перевала Гульджа-даван, ведущего на Тибетское нагорье. С этого перевала он повернул назад, спустился вниз по Черчен-дарье до выхода ее из гор и направился в селение Ачан. Из него Роборовский снова перешел на Черчен-дарью и следовал по ней до Черчена, откуда по старой дороге возвратился в Нию³⁴.

10 марта к нам в Нию прибыл известный путешественник Б. Л. Громбчевский со своим сотрудником Конрадом и несколькими казаками, спустившийся в конце февраля в Хотан с верховьев реки Кара-каш³⁵. Свидание с соотечественником, приехавшим вместе с Богда-

* Там зимовали следующие птицы: утки, гагары, чайки, пегалицы, дрозды, скворцы, удоы, хохлатые жаворонки, грачи, свиристели, стенолазы, камышовки, сорокопуть и орланы.

новичем, в далекой стране было для нас поистине радостным событием. К сожалению, 15-го числа того же месяца мы должны были проститься с Громбчевским, торопившимся с отъездом в Полу, откуда он намеревался проникнуть в область Тибетского нагорья, лежащую между верховьями рек Керия-дарья и Юрун-каш.

В конце марта я тоже совершил экскурсию к мазару имама Джафара-Садыка, находящемуся в 100 верстах к северу от Нии, в пустыне Такла-макан. Мне хотелось несколько ознакомиться с природой этой мертвой земли и кстати определить географическое положение названного мазара, представляющего один из важных пунктов страны. Пустыня начинается почти от самой Нии: близ северо-западной части оазиса, называемой Кент-сарык, местность сразу поднимается увалом сажени в четыре высоты, увенчанном довольно высокими песчаными грядами восточно-западного направления. К северу от этих гряд простирается возвышенное пустынное плато, покрытое местами также песчаными грядами, которые простираются уже с северо-запада на юго-восток. На описываемом плато встречаются изредка плоские котловины с соляными залежами, покрытые редким низкорослым камышом и одинокими чахлыми деревьями тополя. Эту ближайшую к Нии часть пустыни следует считать лишь преддверием мертвой земли, начинающейся верстах в 50 севернее оазиса.

23 марта я с Козловым и Богдановичем, в сопровождении двух нижних чинов нашего конвоя и нескольких туземцев, отправились на наемных лошадях из Нии к мазару. Вскоре по выходе из селения мы поднялись на пустынное плато и следовали по нему в северо-восточном направлении. Оно покрыто местами высокими и длинными песчаными грядами, простирающимися с северо-запада на юго-восток. На нем встречались плоские котловины, поросшие редким приземистым камышом и одинокими деревьями тополя. Пройдя около 7 верст по плато, мы спустились в широкую долину речки Ния-дарья и направились по ней к северу. С запада эта долина окаймлена высоким увалом вышележащей пустыни, увенчанном местами песчаными горами, которые поднимаются до 20 сажень над поверхностью плато. На востоке же описываемую долину на первых 40 верстах замыкают отдельные песчаные гряды, простирающиеся с северо-запада на юго-восток и поднимающиеся тоже до 20 сажень над окрестными равнинами. Между этими грядами залегают широкие долины, покрытые зарослями тростника, кустарников и изредка тополевыми рощами. В 40 верстах севернее оазиса долина Нии-дарьи уже с обеих сторон окаймлена непрерывными увалами высокой пустыни.

Солонцеватая долина речки Нии-дарьи, простирающаяся в среднем до 15 верст в ширину, очень богата источниками, поддерживающими речку на ее длинном пути по пустыне. Многие из них содержат слегка солоноватую воду с незначительным содержанием сернистого водорода. Долина покрыта местами тополем, тамариском и зарослями многих других кустарников, но преобладающее в ней растение — приземистый камыш, которым питаются преимущественно стада овец жителей Нии, пасущиеся круглый год в этой долине*. По уверению пастухов, в долине речки Ния-дарья на всем ее протяжении вовсе нет волков; тигров в

* Местности, покрытые зарослями кустарников, камышом и тополем, туземцы называют *джангал*.

этой долине тоже нет. Зато в зарослях высокого тростника, покрывающих некоторые ее болота, водится много кабанов, похищающих иногда у пастухов ягнят³⁶; на окраинах долины, близ увалов, пасутся стада степных антилоп, а в зарослях кустарников и камыша встречаются очень большие дикие кошки, миниатюрные зайцы и изредка фазаны.

В южной части долины возвышаются местами очень узкие и длинные гряды, простирающиеся с севера на юг, параллельно боковым увалам самой долины, и покрытые низкорослым камышом. В этой части встречаются также изредка озера, замкнутые или сообщающиеся с рекой, из которых первые содержат соленую воду, а последние — солоноватую; в речке же и сообщающихся с нею озерах живет много рыб.

Селений и пашен в долине Нии-дарьи вовсе нет, хотя в ней находится немало мест, удобных для рисовых плантаций, а в 30 верстах от оазиса, в окрестностях лянгера Таилгун, по левому берегу речки простирается обширная площадь лёсса, вполне пригодная для посевов пшеницы, кукурузы и других хлебов.

Пройдя в первый день 23 версты, мы остановились на ночлег в лянгере Ёган-тограк. Лянгеры на этом пути построены и содержатся исключительно для богомольцев, останавливающихся в них на отдых или на ночлег.

На следующий день мы прошли от лянгера около 14 верст по редкому тополевому лесу, в северной половине которого встретили лёссовую почву, вполне удобную для культуры земледелия. Далее, миновав вновь построенный лянгер Таилгун, наш караван вступил в открытую часть долины, усеянную малыми плоскими песчаными буграми. В этой местности к востоку и западу от дороги простираются в меридиональных направлениях две узкие и длинные гряды, а на западе, в пустыне близ увала возвышается огромная песчаная гора Дём-эгыл, имеющая до 25 сажен относительной высоты. По выходе из полосы песчаных бугров мы очутились в солончаковой местности, поросшей изредка высоким тростником, и следовали по ней до лянгера Отур—второго ночлежного пункта на дороге из Нии.

На пути я расспрашивал встречных пастухов о соседнем пустынном плато. По их словам, пустыня в этом месте отличается таким же характером, как и в окрестностях Нии. Она представляет возвышенную землю, покрытую местами песчаными грядами, в которой встречаются плоские котловины с низкорослым и редким камышом, но деревьев в них нет. При этом пастухи объяснили, что им не приходится проникать далеко внутрь пустыни, а посещать лишь ближайšie к долине ее местности для розыскания заблудившихся овец, которые иногда, отбившись случайно от стад, забегают на соседнее плато.

От лянгера Отур дорога ведет сначала по солончаковой равнине, поросшей местами тростником, кустами тамариска и небольшими тополевыми рощами, рассеянными по ней в виде островов. Далее она поднимается на возвышенность, покрытую малыми столовидными лёссовыми буграми, и извивается среди них короткими зигзагами. Вступив в эти бугры, осененные тамариском, караван прошел в виду высокой песчаной горы Сыгылган, возвышающейся на соседнем пустынном плато, и пересек несколько сухих лож, занесенных песком стального цвета, на котором ясно отпечатались следы лисиц, диких кошек и антилоп. Возвышенность, по которой мы шли, называемая Сары-буя, обрывается на запад невысоким, но крутым увалом к нижележащей земле, сплошь покрытой

большим тополевым лесом. Дорога пролегает местами по высоте, местами по нижележащей лесной равнине, которая на севере переходит в болото. В этом болоте, поросшем высоким тростником, находится небольшое озеро Икин-куль и живет много кабанов.

На третий ночлег мы остановились в лянгере Дубе-бостан, расположенном на правом берегу Нии-дарьи, которая на пройденной станции удаляется до 6 верст к востоку от дороги.

На следующий день, продолжая путь к мазару, мы вскоре по выступлении из лянгера поднялись на высоту, увенчанную, как и на предыдущей станции, столообразными лёссовыми буграми, между которыми дорога вьется тоже короткими зигзагами. В буграх растет тамариск, редкий тополь и повсюду торчат стволы мертвых деревьев, придающие и без того унылой придорожной местности еще более печальный вид. Немного западнее дороги высота, увенчанная буграми, обрывается крутым склоном к болотистой полосе, по которой протекает Ния-дарья, питающая в этой низменности несколько малых озерков, а далее к западу простирается обширный тополевым лес.

В 12 верстах ниже лянгера Дубе-бостан Ния-дарья образует открытое озеро Муки-куль, имеющее три версты длины и около одной версты ширины. С востока и запада это озеро окаймлено плоскими высотами, увенчанными буграми, обрывающимися к нему крутыми склонами. Озеро имеет весьма значительную глубину и содержит соленоватую воду, в которой, однако, живет много рыб, достигающих, по свидетельству туземцев, веса двух чарыков (37 фунтов). На нем лежат два маленьких островка, один возвышенный, а другой низменный, покрытый тополем.

Пройдя версты три по восточному нагорному берегу озера, мы повернули на северо-запад и спустились с высоты на солончаковую равнину, покрытую зарослями кустарников. На этой равнине встречались местами небольшие рощицы тополя и видны были изредка столовидные лёссовые бугры, а к западу от дороги простиралась высокая и длинная песчаная гряда Юлгенджи, меридионального направления. Последние 5 верст мы следовали по сплошному топовому лесу и около 2 часов пополудни 26 марта достигли монастыря, воздвигнутого близ могилы имама Джафара-Садыка.

Монастырь расположен на правом берегу речки Ния-дарья, которая по выходе из озера Муки-куль, усилившись водами источников, образует немного выше обители пять глубоких пресных озерков. Наибольшее из них простирается до двух верст в окружности, а наименьшее около одной версты, и во всех пяти озерках живет много рыб. Из нижнего озера Ния-дарья выходит двумя многоводными рукавами и течет почти прямо на север.

Монастырь, стоящий близ нижнего озера, имеет две мечети, много келий и служб; все эти строения обнесены высокой глиняной оградой. Портал главной мечети сложен из обожженного кирпича и украшен вверху изразцами. Из монастыря проложена очень хорошая дорога на запад, к могиле имама Джафара-Садыка, отстоящей от него в полуверсте. Дорога пролегает по дамбе, пересекая по мостам два рукава Нии-дарьи, потом поднимается по отлогому склону на плоскогорье пустыни, к могиле, над которой сооружен небольшой мавзолей, окруженный оградой и обставленный шестью с флагами, конскими и яковыми хвостами.

Настоятель обители Магомет-Аслам, 91-летний старец, с братией, состоящей из восьми мулл, принял нас очень радушно и отвел три лучшие келии, в которых мы расположились с удобством. Монастырь владеет стадом овец в 5 000 голов, пасущихся в долине нижней Нии-дарьи, и пользуется приношениями богомольцев, посещающих его ежегодно осенью и зимой в числе около 1 000 человек. Пилигримы стекаются в этот монастырь со всех концов Кашгарии; даже индийские мусульмане приходят нередко на поклонение к могиле имама Джафара-Садыка.

Настоятель Магомет-Аслам, по происхождению араб, родом из Кандагара, еще мальчиком переселился с отцом из родной страны в город Керия. Там он окончил курс в высшем медресе и 37 лет от роду был назначен настоятелем монастыря имама Джафара-Садыка, которым управлял уже 54 года. В течение всего этого времени, по свидетельству старца, в монастыре и его окрестностях не было ни одного обильного и продолжительного дождя, а зимой ни разу не выпадал снег глубже полувершка и не лежал долее трех суток. Но речка Ния-дарья, иссякающая теперь в восьми верстах севернее монастыря, в прежнее время была во все времена года многоводнее и оканчивалась в 22 верстах ниже обители. Образованные ею близ монастыря озера были в то время тоже несколько обширнее и глубже, а растительность долины Нии-дарьи пышнее нынешней.

Летом, по словам обитателей монастыря, в долине нижней Нии-дарьи бывают такие сильные жары, каких не испытывают жители Нии и других оазисов подгорной полосы. Действительно, цвет кожи у обитателей этой долины, по моим наблюдениям, значительно темнее и губы голще, чем у туземцев Южной Кашгарии, живущих вне великой пустыни.

Преобладающие ветры в долине нижней Нии-дарьи—северо-восточный и западный, а после них чаще других дует северо-западный; с остальных же стран горизонта ветры дуют очень редко.

Окрестная пустыня на всем известном обитателям монастыря пространстве представляет сплошной сай, покрытый местами длинными и высокими песчаными грядами. В глубь ее, как говорил мне старец Магомет-Аслам, в течение 54-летнего его управления монастырем никто не проникал ни на восток, ни на запад и не пересекал ее поперек с юга на север по направлению долины Нии-дарьи. Как далеко простирается эта долина к северу, обитателям монастыря неизвестно. Монастырские пастухи, проникавшие верст на 20 от монастыря в ту сторону, уверяли, что оттуда долина Нии-дарьи, резко обозначенная боковыми увалами, простирается на всем видимом на севере пространстве и уходит за горизонт. Развалин и вообще следов древних поселений в этой долине, по свидетельству ее обитателей, нигде не заметно.

На другой день по прибытии в монастырь, Козлов, по моему предложению, поехал с казаком в сопровождении двух монастырских пастухов для съемки нижнего течения Нии-дарьи от мазара до места ее исчезновения, а я отправился пешком на запад для обозрения соседней части пустыни. Миновав мазар, я пошел на юго-запад к усмотренной вдали высокой песчаной гряде и следовал до нее по совершенно мертвой щебне-галечной земле с темною поверхностью. Достигнув подножья гряды, я направился сначала вдоль него на северо-северо-запад и пересек на пути несколько рывтин с мелкой галькой на дне. Потом я

повернул на запад и стал подниматься по отлогому песчаному склону на самую гряду. Песок на северо-восточном склоне гряды оказался столь плотно утрамбованным ветром, что в нем почти вовсе не вязли ноги, а потому восхождение на гряду было нисколько не затруднительно. Заметив самую высокую гору гряды, я направился к ней кружным путем, обходя глубокие лощины, и через полчаса достиг ее вершины, поднимающейся до 25 сажен над окрестным саем. С этой высокой вершины, благодаря ясной погоде, можно было обозреть обширную площадь мертвой земли. На всем видимом оттуда пространстве к юго-западу, западу и северо-западу расстилался темный сай, уходивший за горизонт в неизвестную даль, и на этом мертвом сае вздымались местами весьма высокие и длинные песчаные гряды, простиравшиеся почти в меридиональных направлениях. Между ними, на темных полосах сая, шириною от 10 до 20 верст, желтели изредка малые песчаные наносы, резко выделявшиеся своим ярким жёлтым цветом. На севере была отчетливо видна широкая долина Нии-дарьи, окаймленная с востока и запада увалами пустыни и скрывавшаяся в туманной дали по крайней мере верстах в 40 от места наблюдения. В этой долине, севернее монастыря, видны были изредка тоже песчаные гряды, а к востоку от нее простирался такой же темный сай, покрытый песчаными грядами, как и к западу.

Долго обозревал я с высоты эту мертвую землю, по внутренности которой, по всей вероятности, не ступала еще нога человека, по крайней мере с тех пор, как угасла в ней органическая жизнь. Даже слабые перелетные птицы во время своих периодических странствований не отваживаются переноситься над этой страшной пустыней, минуя долины иссякающих в ней рек, а направляются всегда вдоль них.

С вершины гряды я спустился по западному склону ее, который оказался значительно круче восточного и притом близ гребня несравненно рыхлее его, так что ноги вязли в песке почти до колен. Благодаря, однако, большой крутизне этого склона, я вскоре сошел на отлогое и твердое песчаное предгорье гряды, отделяющей длинные, весьма плоские отпрыски на запад. Такое неравносклонное строение гряды ясно указывает на преобладание в южной части пустыни восточных ветров, пересиливающих западные.

Спустившись с гряды, я направился далее на запад по темному саю, сплошь усеянному щебнем, галькой и гравием. Местами этот сай вздувается, образуя небольшие, весьма плоские бугры и пологие грядки. На вершинах тех и других поднятий покоятся довольно массивные каменные обломки, постепенно мельчающие по мере удаления от них к подошвам. Это распределение каменных обломков, присущее всем вообще плоским поднятиям сая, указывает, повидимому, на вековое распадение в описываемой пустыне гор, от которых ныне остались лишь едва заметные следы. Существуют также основания полагать, что современные песчаные гряды пустыни покрывают собою плоские поднятия ее из твердой земли, служившие барьерами для песчаных наносов, которые постепенно скоплялись на наветренных склонах их и образовали целые гряды. Это предположение оправдывается постепенным склонением сая от обеих подошв гряды в противоположные стороны и присутствием на таких покатосях рытвин с прокатанной галькой, имеющих падение в тех же направлениях. Кроме того, на саях встречаются изредка малые песчаные образования, еще не вполне законченные и указывающие, по-

видимому, на такой образ происхождения больших песчаных гряд. Эти образования состоят из песчаных кос, присыпанных к восточным склонам пологих грядок из твердой земли, постепенно погребаемых под такими наносами. Слабое понижение сая в обе стороны от подошв уже сформировавшихся малых песчаных грядок свидетельствует, что и они в свое время находились в таком же зачаточном состоянии. Указанием на подобный образ происхождения больших и малых песчаных гряд пустыни служит также отсутствие песчаных наносов на грядках из твердой земли, тянущихся по направлению господствующих ветров, и постепенное засыпание песком таких же грядок, простирающихся перпендикулярно к этому направлению, т. е. с севера на юг.

Пройдя около 20 верст по пустыне, я не нашел в ней никаких признаков органической жизни, не встретил ни одного живого существа. Черешки тополевых листьев, занесенных бурями из долины Нии-дарьи в эту мертвую землю, были единственными виденными в ней предметами органического происхождения. Не подлежит, однако, сомнению, что она была некогда довольно обильно орошена. Об этом свидетельствуют сухие русла древних потоков с галькой, бороздящие местами сай и направляющиеся с запада на восток в долину речки Ния-дарья. Полное отсутствие в этих руслах свежих наносов, землистого налета на гальке, а также растительности и ее остатков указывают на давность периодического движения по ним воды, оставившей, однако, в них явственные следы своего пребывания. Да и помимо указанных признаков древности этих русел, никак нельзя допустить современное существование периодических потоков в стране, в которой, по единогласному свидетельству ее обитателей, ныне вовсе не выпадают обильные дожди.

По возвращении из пустыни я долго беседовал с настоятелем монастыря Магометом-Асламом. Во время этой беседы почтенный старец, между прочим, уверял меня, что имам Джафар-Садык проповедывал «ислам в Кашгарии будто бы по пророчеству Иисуса Христа». По его словам, в сунне³⁷ есть одно из откровений Магомета своим ученикам, свидетельствующее о таком пророчестве. В этом откровении Магомет сказал: «пророк Иисус, живший 600 лет тому назад в земле Иудейской, предвозвестил, что один из моих потомков отправится в глубь Азии на проповедь преподаваемого мною вероучения, которое будет принято и распространится между многими народами той страны». Имам Джафар-Садык, продолжал далее старец, был действительно потомок Магомета, о чем свидетельствуется в описании его жития. Он родился в Медине и около 1 000 лет тому назад отправился оттуда с дружиной в 500 человек на проповедь ислама в Среднюю Азию. Имам проповедывал сначала в Бухаре, а потом прибыл в Кашгарию, жители которой в то время исповедывали буддизм, и начал проповедь с Кашгара, затем переходил последовательно в Яркенд и Хотан. Проповедь его возбудила сильное неудовольствие буддийского духовенства, по наущению которого тогдашние местные владетели стали преследовать проповедника. В особенности много неприятностей претерпел он в Хотане, откуда наконец должен был бежать со всей своей дружиной в пустынную местность, соседнюю нынешней Нии. Вслед за ним отправлен был из Хотана большой отряд войск, который настиг имама при входе речки Ния-дарья в пустыню, а там разбил наголову его дружину. Сам Джафар-Садык, тяжело раненный в этой битве, бежал с немногими сподвижниками по долине речки Ния-дарья на север и близ нынешнего монастыря скончался от

ран. Уцелевшие сподвижники омыли его тело и погребли в той самой могиле, в которой оно сохраняется нетленным по настоящее время. Впоследствии благочестивые мусульмане соорудили над этой могилой мавзолей и построили близ нее монастырь.

Так повествовал мне почтенный старец о деятельности и судьбе имама Джафара-Садыка. Ай-толан, по его словам, была действительно родственница имама, сопутствовавшая ему во все время странствования от Медины, которую он отправил вместе с дочерью Люнджилик-Ханум перед битвою с неверными в безопасное место — в горы Кун-луня. Там постигла этих женщин трагическая участь, описанная местным летописцем по преданиям. Передав мне вкратце содержание летописного сказания о судьбе Ай-толан и ее дочери, старец Магомет-Аслам повторил почти дословно рассказ о них настоятеля монастыря Люнджилик-Ханум.

П. К. Козлов, ездивший с казаком и монастырскими пастухами вниз по речке Ния-дарья до места ее исчезновения, по возвращении оттуда сообщил мне следующие сведения о посещенной им местности. В шести верстах ниже монастыря два рукава речки, вытекающие из нижнего озера, сливаются, а Ния-дарья от соединения ее рукавов течет в одном русле версты две на север, уменьшаясь постепенно на этом протяжении, и наконец исчезает в обширной плоской впадине. Поблизости этой впадины лежат две сообщающиеся с нею небольшие плоские же котловины, наполняющиеся одновременно водой в период разлития речки. В это время, по словам пастухов, во всех трех впадинах образуются мелкие озера, совершенно высыхающие осенью. Севернее впадин, в тополевом лесу, заметно древнее ложе речки Ния-дарья, в котором ныне вовсе не бывает воды даже во время половодья этой речки. Оно явственно различимо на протяжении около 10 верст к северу от впадины, принимающей речку, и на берегах его растет густой тополевый лес. Далее на север русло становится едва заметным и обозначается на расстоянии двух верст кустарником, покрывающим его берега; еще далее долина переходит в совершенную пустыню, в которой возвышаются местами длинные песчаные гряды почти меридионального направления. Такие же гряды покрывают изредка долину и южнее, между параллелями монастыря и северного предела древесной растительности.

Мы пробыли в монастыре почти двое суток, в течение которых я успел определить его географическое положение и собрать наиболее интересные сведения об окрестной стране. Утром 28 марта, простившись с обитателями монастыря и поблагодарив их за радушный прием, мы двинулись в обратный путь и ночевали в лянжере Дубе-бостан.

Погода во все время нашего путешествия в монастырь и обратно стояла тихая, с ясными ночами, и температура воздуха с каждым днем значительно повышалась. 27 марта в 3 часа пополудни в монастыре термометр Цельсия показал 27,2°. Растительность долины, благодаря весьма значительной прибыли тепла, развивалась очень быстро. Во время переднего пути рост молодого камыша был не более четырех вершков, а при обратном следовании, по прошествии всего 4-6 дней, он достиг уже восьми вершков. Летом, по свидетельству обитателей долины нижней Нии-дарьи, в ней бывают невыносимые жары и множество комаров, оводов, мошек и клещей. Последние стали появляться уже во время нашего пребывания в долине. Близ лянжера Дубе-бостан я сел после прогулки отдохнуть на кочку и вскоре заметил целое полчище клещей,

стремившихся со всех сторон ко мне и минуты через две начавших уже взбираться на мои сапоги. Непостижимо, как могут выносить нестерпимый летний зной и мучения от насекомых овцы, пасущиеся все лето в этой долине, в которой тогда появляется еще множество скорпионов, фаланг и тарантулов.

От содержателя следующего на пути лянгера Отур я узнал, что в четырех верстах к юго-востоку от него речка Ния-дарья образует большое пресное озеро, называемое Акканы-куль, весьма богатое рыбами. На другой день утром я отправился с казаком и проводником на это озеро. На пути нам попал навстречу местный пастух, которого я пригласил проводить нас до озера. Он охотно последовал за нами и привел нас на озеро Акканы-куль, имеющее около 12 верст в окружности, с пресной водой. В нем живет множество рыб, достигающих веса двух чарыков (37 фунтов). Озеро питается водами двух изливающихся в него речек: Нии-дарьи с юго-запада и Белек-лыка с юго-востока. Эта последняя получает начало из ключей верстах в 50 от озера Акканы-куль и образует на пути девять узких, но очень глубоких озерков с солоноватой, сернисто-водородной водой, переполненных рыбами. Северо-восточный и юго-западный берега озера Акканы-куль, покрытые лёссовыми буграми, довольно высокие, а юго-восточный и северо-западный — низменные, поросшие высоким тростником. На озере в то время было множество плавающих и болотных птиц: уток, серых гусей, чаек, гагар и улитов, а в холмах к югу от него паслись стада антилоп. Ния-дарья, по образованию этого озера, вытекает из него на северо-запад в виде узкого и глубокого канала, несущего чистую воду, которая на пути к лянгеру Дубебостан становится мутною.

С озера мы направились вверх по речке Ния-дарья, миновали длинную и узкую гряду, протянувшуюся верст на пять по ее правому берегу, и близ вновь построенного лянгера Таилгун вышли на дорогу, по которой дошли до лянгера Отур, где остановился на ночлег наш караван.

На следующий день мы прошли до лянгера Ёган-тограк, в окрестностях которого камыш достиг уже девяти вершков высоты, и его жадно пожирала наша тощие лошади. Многие травянистые растения были уже в полном цвету, и по вечерам показывались летучие мыши.

Во время стоянки в лянгере Ёган-тограк мы ловили своим маленьким неводком рыбу в Нии-дарье, протекающей в одной версте к востоку от него, и поймали фунтов 20. В этой речке и образуемых ею озерах водятся четыре вида рыб из семейства карповых, и почти все они необыкновенно живучи. В особенности отличается изумительной живучестью вид *Nemachilus jakkandensis*. После того, как вынули все внутренности, эта рыба шевелилась еще почти полчаса в жорыте с водой. Другой живой нетронутый экземпляр был положен мною на крышу навеса, и, пролежав на ней более получаса на солнце при температуре воздуха 20° Цельсия в тени, остался жив и шевелился долго в воде, обнаружив признаки жизни даже по удалении из него всех внутренностей.

31 марта, в страстную субботу, мы возвратились в Нию и на другой день, 1 апреля, праздновали все вместе пасху. Недоставало только В. И. Роборовского с одним казаком, прибывшего из своей продолжительной экскурсии лишь 6 апреля.

С наступлением апреля в Нии начались очень теплые дни: термометр Цельсия около 3 часов пополудни почти ежедневно поднимался выше 25°; все фруктовые деревья были в цвету, а с абрикосовых цветки

начинали уже осыпаться. Выступление в Тибет пришлось, однако, отложить до конца этого месяца. От пастухов Кун-луня, приехавших в базарные дни в Нию, мы узнали, что в начале апреля в нижнем поясе его лежал еще местами снег, стояла холодная погода и по временам свирепствовали снежные метели. Кроме того, наши верблюды и лошади, истощенные зимней бескормицей, только с конца марта, благодаря появлению свежего камыша, начали понемногу поправляться. По этим причинам я вынужден был отложить выступление в Тибет до получения благоприятных известий из Кун-луня.

Между тем, не теряя времени, мы с самой пасхи стали деятельно готовиться к предстоявшему многотрудному путешествию в неизвестную страну: сушили сухари и мясо, исправляли палатки и формировали выюки. Из числа оставшихся в экспедиции 50 верблюдов 28 были отправлены с лишними тяжестями в сопровождении двух казаков и нескольких туземцев по северной дороге через Черчен на урочище Башмалгун, в верховьях реки Черчен-дарья, которое, по произведенной В. И. Роборовским рекогносцировке, оказалось богатым подножным кормом. Эти 28 верблюдов предназначались для обратного пути экспедиции и должны были откармливаться все лето на тучных пастбищах названного урочища, которое, по проектированному в то время маршруту, назначалось исходным пунктом для обратного следования экспедиции. Благодаря этой мере, экспедиция, как оказалось впоследствии, была действительно вполне обеспечена перевозочными средствами на обратный путь в 2 000 верст и беспрепятственно достигла государственной границы.

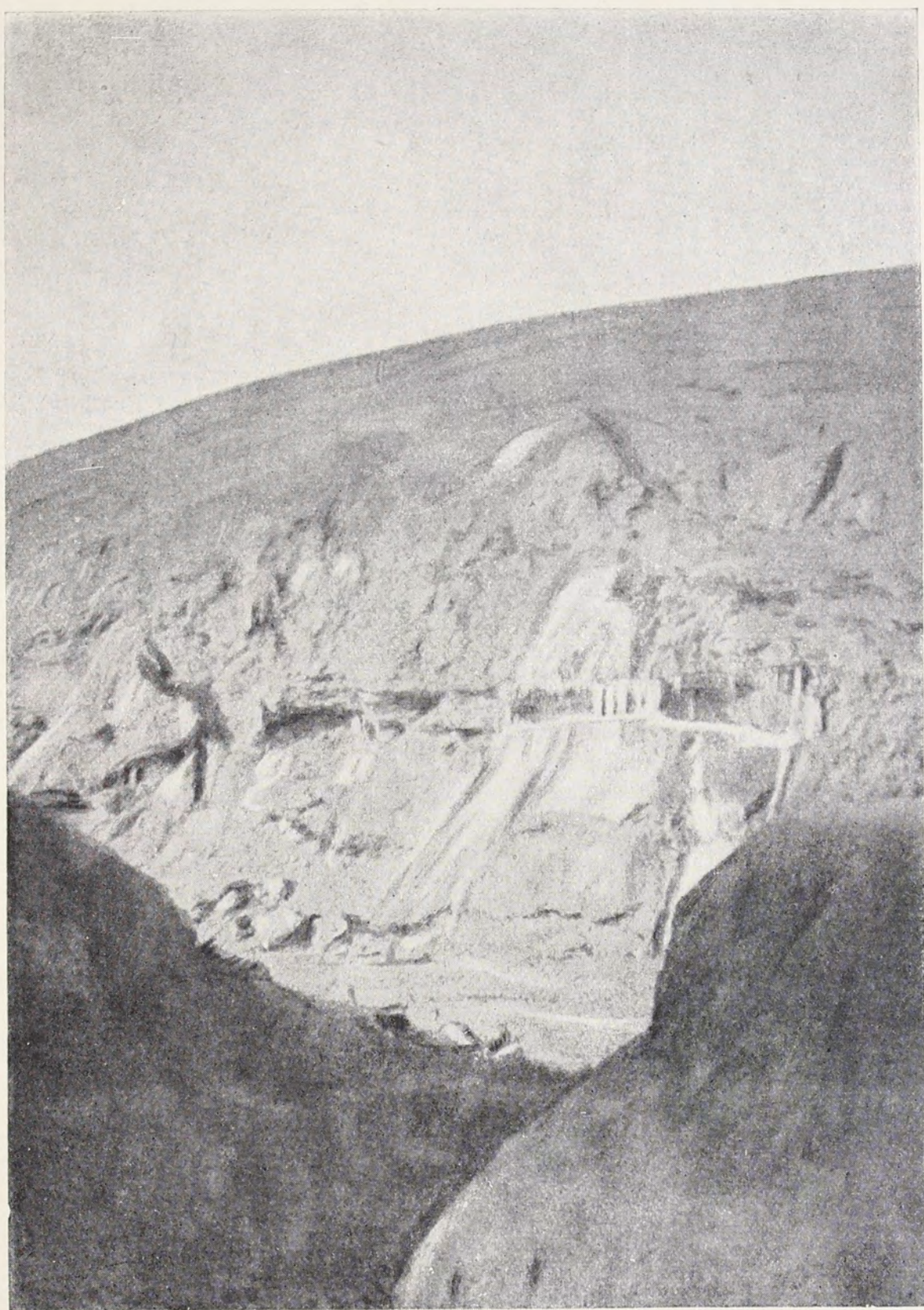
Во второй половине апреля мы узнали от пастухов Кун-луня, приехавших в Нию на базар, что снег в нижних долинах этого хребта уже стаял, а на предгорьях его показалась свежая растительность. По получении этого известия мы начали поспешно собираться в путь.

24 апреля 1890 г. экспедиция в полном составе* выступила из Нии, в которой ей пришлось провести с лишком полгода, если не считать экскурсий из нее в окрестную сторону. Перед выступлением около нашей квартиры собралась большая толпа туземцев, пожелавшая посмотреть на отъезд знакомых ей чужестранцев. Местный бек Измаил, его помощник мин-баша и некоторые из поставщиков экспедиции отправились провожать нас до первого ночлежного места.

По проектированному заранее маршруту экспедиция должна была направиться в селение Кара-сай у подножья Кун-луня, посещенное нами осенью предыдущего года. Но путь туда, в видах пополнения наших сведений об окрестной стране, избран был по указанию туземцев другой — именно сначала по северной черченской дороге, а потом вверх по реке Толан-ходжа.

Пройдя верст пять вниз по речке Ния-дарья, мы повернули к северо-востоку и перевалили сначала через две длинные песчаные гряды, простирающиеся с северо-запада на юго-восток; потом пересекли весьма плоскую песчаную гряду того же направления и, спустившись с нее в широкую, болотистую долину, остановились там ночевать на урочище Кум-чаклык. Эти песчаные гряды, окаймляющие долину реки Ния-дарья с востока, тянутся одиноко по равнине в виде длинных песчаных остро-

* Исключая геолога К. И. Богдановича, который отправился одновременно с нею к югу, на прииск Соургак, с тем, чтобы оттуда проехать горами Кун-луня в Кара-сай.

Каскад у могилы Люджилик-ханум в Кун-луне

Вверху: группа жителей оазиса Нии

Внизу: северо-западная оконечность Ниинского оазиса

вов. Между ними заключаются пространные долины, поросшие камышом, зарослями кустарников и местами тополевыми рощами, которые в особенности часты в юго-восточных концах долин.

Широкая долина, в которой мы ночевали, весьма богата источниками, образующими ручьи и лужи, покрытые по берегам высоким тростником. В эту долину, по словам туземцев, выходят русла горных речек Чижган и Яик, из коих первое исчезает в ней, а второе простирается вдоль северо-восточной ее окраины. Летом, в период разлития горных речек, сухое русло Яика наполняется водой, а по руслу Чижгана горная вода затопляет все низменные места долины, обращая их в мелкие временные озера.

Перейдя поперек помянутую долину, ширина которой простирается до шести верст, мы оставили черченскую дорогу и повернули по тропе на восток. Она привела нас на возвышенную равнину с твердою глинистою поверхностью, покрытою тонким слоем песка. Такие местности туземцы называют «шипанг». В этой песчаной пустыне встречались местами плоские котловины, покрытые редким низкорослым камышом и именуемые туземцами «шивал». В них возвышались местами небольшие бугры и узкие грядки, поросшие таким же камышом.

Последние пять верст экспедиция следовала по сплошному шивалу и спустилась с него в плоскую долину на ночлег. В этой долине, простирающейся с севера на юг, лежит цепь небольших озер, сообщающихся между собой протоками. Из них крайнее южное, называемое Баш-покан-куль, имеет две версты длины и около 120 сажен ширины; среднее Тогры-куль — полверсты длины и до 100 сажен ширины; северное Юмалак-куль — около двух верст длины и до 140 сажен ширины. Верстах в шести к северу от этого последнего, по обе стороны черченской дороги, лежат два почти равной ему величины озера — Узун-айдыр-куль и Белек-лык, соединенные с верхними озерами и между собой протоками. Из нижнего озера Белек-лык вытекает речка того же названия, впадающая в озеро Акканы-куль и образующая на пути четыре малых, узких озера.

Все поименованные озера питаются водами источников горного происхождения, и в долину их, замкнутую на юге увалом, не выходит ни одно сухое русло с гор. Уровень воды в них повышается осенью, после половодья горных речек. Вода во всех озерах солоноватая и притом с весьма значительным содержанием сернистого водорода. Несмотря на это, в них живет несметное множество рыб. В южном озере я наблюдал в одном месте почти непрерывное движение их огромными стаями. Эти стаи были так велики, что от натиска их колебался камыш, покрывающий отмели озера. Рыбы, по словам туземцев, достигают двух чарыков (37 фунтов) веса. Один из наших казаков в течение получаса добыл на удочку около 30 штук, весом от 2 до 6 фунтов, из которых мы выбрали несколько экземпляров для коллекции. Туземцы бьют рыб палками в узких протоках между озерами, которые по временам буквально наполняются ими.

Описываемые озера отличаются весьма большой глубиной. В южном озере в расстоянии двух сажен от крутого берега я с помощью шнура с грузом и поплавка нашел глубину в три сажени. По свидетельству нашего проводника, его отец опускал в это озеро зимой через прорубь груз на веревке в 40 кулачей (35 сажен) длины и во многих местах на середине не мог достать дна.

На озерах во время нашего пребывания было много плавающих и в особенности болотных птиц. На увалах их плоской долины стояли тростниковые хижины пастухов, а в самой долине, покрытой молодым, зеленым камышом, паслись стада овец ниинцев. Доброжелательные пастухи, угощавшие нас кислым овечьим молоком, предупреждали быть осторожнее при ходьбе по болотистым местам долины озер. Они утверждали, что на низменных берегах их нередко встречаются места, на которых легко провалиться и исчезнуть бесследно в пучине жидкой грязи, прикрытой сверху зыбкой растительной оболочкой.

Из долины озер караван продолжал путь на восток по местности, сходной с пройденной накануне. Тропа пролежала по твердой глинистой равнине, покрытой тонким слоем песка, с плоскими котловинами и лощинами, поросшими редким приземистым камышом. С половины перехода на плоскости стали встречаться невысокие горки, засыпанные песком, а на последних восьми верстах отверделую глину сменил сай, покрытый также слоем песка, из-под которого местами обнажались крупные каменные обломки.

На этом сае мы пересекли древнее ложе весьма значительной реки, занесенное песком и поросшее кустами тамариска. В конце станции равнина перешла в волнистую землю с небольшими отдельными высотами, с которой мы спустились в балку реки Толан-ходжа и остановились в ней на ночлег в местности Кош-лаш. В течение всего перехода дул сильный ветер с запада, и на песчаной равнине, которую мы пересекли, бушевала метель, сопровождавшаяся мглой. К счастью, ветер был попутный; при встречном же ветре движение по этой пустыне было бы крайне затруднительно, и мы наверно не дошли бы в один день до Толан-ходжи.

Широкая балка реки Толан-ходжа с крутыми лёссовыми обрывами покрыта почти повсюду камышом, зарослями кустарников и купами тополевых деревьев. Сама Толан-ходжа в то время была очень маловодна и имела вид маленькой речки, несшей прозрачную воду. Немного южнее урочища Кош-лаш находится слияние двух рукавов Толан-ходжи, между которыми заключается высокий, обрывистый и длинный остров Кетмет-лик³⁸.

На следующий день мы прошли всего версты три вверх по реке Толан-ходжа и остановились на урочище Булак-баши. Выше него русло реки до самого предгорья Кун-луня остается большую часть года сухим и наполняется ею только в период разлития Толан-ходжи в июне и июле. На этом урочище и немного южнее него в балке реки находятся ключи, питающиеся, без сомнения, горной водой, выходящей тут на дневную поверхность. Они поддерживают нижнее течение Толан-ходжи по прекращении непрерывного поверхностного движения воды по ее руслу с гор. К югу от источников береговые обрывы постепенно понижаются и наконец совершенно сглаживаются на соседней обширной каменистой равнине. Растительность же в долине выше источников вовсе исчезает, оканчиваясь на первой версте от них редкими, приземистыми кустиками тамариска.

На урочище Булак-баши мы должны были сделать дневку, так как на следующем ночлежном месте, отстоящем в 28 верстах от него, по словам проводника, не было подножного корма. Поэтому во время дневки я велел нашим людям нарезать свежего камыша и, просушив на солнце, сформировать из него несколько вьюков.

С урочища Булак-баши мы направились к югу уже по сухому руслу реки Толан-ходжа. Крутые берега ее балки, покрытые в этом месте высокими песчаными грядами, понижаясь постепенно в южном направлении, в двух верстах от ночлежного места совершенно сгладились, и перед нами предстала на юге необозримая равнина, усеянная сплошь кругляками и крупной галькой. На этой каменной стлани едва можно было различить, да и то лишь по свежим наносам и землистому налету на камнях, сухое ложе реки Толан-ходжа, которая в половодье, очевидно, широко разливается по ней, делясь местами на рукава. Северная половина описываемой каменистой равнины совершенно бесплодна, а в южной сухие русла рукавов реки покрыты изредка одиночными кустами тамариска, хвойника и реомюрии. К востоку от нашего пути на равнине вздымались местами довольно высокие и длинные гряды размыва, покрытые песком; на западе же простиралась необъятная каменистая равнина. Мы шли по тропе, прилегающей по правому берегу широкого сухого ложа реки и часто теряющейся на сплошной каменной стлани.

На 20-й версте наш караван пересек правый рукав сухого ложа реки шириною около 100 сажен, обозначающийся довольно явственно свежими наносами и кустами растущего в нем тамариска. Перейдя его, мы повернули немного к юго-западу и следовали уже по щебне-дресвяной равнине до самого ночлежного места на урочище Ак-таш. В этой местности река выходит из узкой балки предгорья Кун-луня, опускающегося к соседней каменистой равнине пологим склоном. Она струилась в то время скромным потоком, иссякавшим вскоре по выходе из теснины на каменную стлань.

Показание нашего проводника оказалось совершенно справедливым: на урочище Ак-таш и в окрестностях его действительно не было подножного корма, потому запас зеленого камыша, взятый с предыдущего ночлежного места, был очень полезен.

Дальнейший путь экспедиция продолжала по правому берегу Толан-ходжи. Южнее урочища Ак-таш, в предгорье Кун-луня, эта река течет повсюду в узкой конгломератовой балке, отвесные обрывы которой по мере приближения к хребту становятся все выше и выше. Самое же предгорье Кун-луня в северной половине представляет возвышенную щебне-дресвяную равнину, постепенно склоняющуюся на север, к сопредельному саю. К западу от реки оно почти сплошь покрыто мелкими песчаными буграми, поросшими одиночными кустами хвойника. К востоку же от нее щебне-дресвяная покатость предгорья лишь изредка испещрена весьма узкими песчаными полосками восточно-западного направления. Небольшие песчаные волны этих полосок покрывают собою бугорки из твердой земли, обнажающиеся местами из-под песка, и представляют пытливому наблюдателю поучительный пример зарождения на неровностях земной поверхности песчаных образований, вырастающих с течением времени, по всей вероятности, в высокие холмы и целые гряды.

Толан-ходжа на протяжении всей станции течет в глубокой балке с отвесными конгломератовыми стенами, и к ней никак нельзя спуститься даже пешему человеку³⁹. Наши собаки, томимые жаждой, все время искали спуска в балку, но не могли нигде сойти к реке. Между тем мы часто пересекали тропы, ведущие к Толан-ходже с юго-востока и проложенные, как показывали следы, степными антилопами. По одной из таких торных троп мой сотрудник П. К. Козлов направился к обрыву балки и был немало изумлен той страшной крутизной, по кото-

рой эти грациозные животные спускаются к воде. Она казалась столь недоступною, что человеку можно было рискнуть спуститься по ней только на веревке.

На второй половине станции твердая щебне-галечная почва предгорья, по которому мы постепенно поднимались, перешла почти незаметно в мягкую лёссовую с примесью крупнозернистого песка. С изменением почвы и жалкая растительность, покрывавшая сай, заменилась пышным белолозником, караганой и полынью, но свежей зелени было еще мало.

Пройдя 30 верст вдоль балки Толан-ходжи, экспедиция остановилась на урочище Бас-сулан на ночлег. В этом месте находится спуск к реке с востока, очень крутой, но все-таки доступный для навьюченных животных. Противоположный же склон балки, по которому вьется зигзагами тропа, гораздо круче, и по нему могут взбираться только порожденные животные, да и то с трудом.

Мы разбили лагерь на высоте, около самого спуска в балку, и привозили воду для людей на верблюде, а животных гоняли на водопой в балку.

Осенью и зимой на урочище Бас-сулан, благодаря доступности реки и присутствию в окрестностях порядочных пастбищ, живут временно горцы-пастухи со стадами овец. Кровом им на это время служат небольшие пещеры, вырытые в конгломератовом обрыве балки близ спуска.

Утром после небольшого дождя, выпавшего на рассвете, были ясно видны передовые горы Кун-луня, покрытые свежим снегом; за ними вдаль на юго-западе белела высокая снеговая гора Чижган-чакыл, от которой отделяется мощный отрог, простирающийся на северо-восток до реки Толан-ходжа.

От урочища Бас-сулан до селения Кара-сай нам предстоял безводный переход в 40 верст, который, по обыкновению, был разделен на два. Взяв с собой воды для людей и напоив животных, мы выступили после полудня и следовали сначала вверх по Толан-ходже, текущей выше ночлежного места в весьма узком, но неглубоком коридоре, вьющемся по дну ее балки. Южнее отвесные стены балки переходят в крутые и длинные откосы, а коридор, в котором течет река, — в очень узкую и мрачную щель.

На 8-й версте мы повернули от реки к юго-востоку и поднялись по увалу на возвышенную террасу предгорья, покрытую лёссовыми буграми. Они занесены слоем крупнозернистого песка, из-под которого лишь в немногих местах обнажаются крутые обрывы их. Далее мы следовали по волнистой местности предгорья с мягкой лёссовой почвой и вышли на торную дорогу из Нии в Кара-сай, по которой осенью 1889 г. ездили в Кун-лунь. Пройдя по ней верст пять, караван остановился на ночлег в долине у сухого русла, где было много свежей полыни.

3 мая мы прибыли в Кара-сай и разбили близ этого селения лагерь. За три дня до нашего прихода там выпал глубокий снег, исчезнувший лишь накануне. Свежая растительность только что появилась, и потому подножный корм у подошвы хребта был плох, в особенности для верблюдов. В горах же, по уверению пастухов, он был еще хуже, и потому стада их продолжали пастись на предгорье, ниже селения. При отсутствии свежего подножного корма в Кун-луне движение в Тибет всей экспедиции было рискованно, тем более что мы не знали достоверно, найдется ли там место, пригодное хотя бы для кратковременного

пребывания ее. Поэтому я вынужден был задержать ее в Кара-сае до тех пор, пока в горах не появится свежая растительность, а в течение этого времени порешил совершить несколько экскурсий на Тибетское нагорье. Если там найдется место с удовлетворительным подножным кормом, то предполагалось при первой же возможности перейти туда со всем караваном и предпринимать из этого пункта поездки по нагорью.

Расположив экспедицию в Кара-сае, я на другой день по прибытии туда послал одного казака с туземцами разыскивать внизу, на предгорье, пастбище для наших верблюдов, так как в окрестностях этого селения подножного корма для них было еще недостаточно. В тот же день посланные люди нашли верстах в двенадцати от Кара-сая, на реке Бостан-тограк, место с порядочным подножным кормом, на которое я велел перевести всех верблюдов экспедиции. Вместе с тем были наняты у туземцев верховые и выучные лошади для экскурсий, закуплен фураж и найдены проводники, бывавшие на Тибетском нагорье. Через три дня по прибытии в Кара-сай все приготовления к экскурсиям были окончены и рекогносцировочные партии могли выступить в путь.

7 мая В. И. Роборовский с одним казаком и туземцем по имени Осман, ездившим с партией золотоискателей на Тибетское нагорье, к верховьям реки Керия-дарья, отправился в эту безвестную страну. Перейдя Кун-лунь по долинному перевалу Сарык-туз и достигнув Тибетского нагорья, он направился к юго-западу, вдоль подножья окраинного хребта. Путь его пролегал по весьма высокой стране, поднимающейся в среднем около 15 570 футов над уровнем моря и представляющей нагорную пустыню. Кроме жалкого, приземистого белолозника, стелющейся мирикарии и тибетской осоки, встречающихся далеко не повсюду, в ней не найдено никаких других растений. С конечного пункта рекогносцировки, на верховьях реки Керия-дарья, до которой путники дошли с большими трудностями, они видели вдали, на юго-западе, громадные снеговые горы, сочленяющиеся с Кун-лунем. Совершенное отсутствие подножного корма для лошадей и истощение взятого с собой фуража вынудили В. И. Роборовского повернуть с Керии-дарьи и возвратиться по старой дороге в Кара-сай, куда он прибыл 18 мая.

Неутешительные сведения, сообщенные моим сотрудником о Тибетском нагорье, не остановили, однако, меня от дальнейших попыток проникнуть через перевал Сарык-туз в глубь этой нагорной пустыни. Спустя несколько дней по его возвращении я предложил ему отправиться вторично по тому же перевалу за Кун-лунь и по достижении нагорья следовать прямо на юг сколь возможно далее от окраинного хребта. При этом, если страна окажется не столь пустынной, как на пути к верховьям Керии-дарьи, В. И. Роборовскому было поручено отыскать в ней место, удобное для временного расположения всей экспедиции.

Другой мой сотрудник, П. К. Козлов, был направлен мной на Тибетское нагорье вверх по реке Бостан-тограк, по которой можно, как уверяли туземцы, без больших затруднений пересечь окраинный хребет Кун-лунь.

27 мая оба мои сотрудника в сопровождении нескольких нижних чинов конвоя экспедиции и туземцев отправились в путь, а я остался в Кара-сае продолжать астрономические наблюдения и сбор расспросных сведений о Кун-луне. Геолог экспедиции К. И. Богданович, отправившийся одновременно с нею из Нии прямо на юг, в горы Кун-луны, посетил золотой прииск Соургак и оттуда проследовал вдоль подножья

этого хребта в Кара-сай, заезжая попутно в некоторые его долины и ущелья. После кратковременного отдыха в Кара-сае он направился прямо горами на северо-восток, на прииск Копа, и вернулся оттуда в Кара-сай лишь в конце июня⁴⁰.

По собранным мною расспросным сведениям и личным наблюдениям, количество атмосферических осадков в горах Кун-луня по направлению с юго-запада на северо-восток заметно уменьшается. Такое неравномерное распределение осадков в окраинном хребте весьма наглядно отражается на флоре юго-западной и северо-восточной его частей. Так, в горах юго-западной части Кун-луня нередки небольшие еловые и можжевельниковые лески с зарослями разнообразных кустарников и обширные альпийские луга, служащие очень хорошими пастбищами. В северо-восточной же части того же хребта лесов вовсе нет, кустарная растительность очень однообразна, и альпийские луга к северо-востоку от реки Керия-дарья встречаются все реже и реже, уступая при этом далеко, как по пространству, так и по разнообразию своей растительности, лугам юго-западной части Кун-луня. Между тем почвенные условия в обеих частях, повидимому, одинаковы: горы Кун-луня на всем протяжении от меридиана озера Лоб-нор до верховьев реки Тызнап покрыты почти до 12 000 футов высоты слоем лёсса, не различающегося резко своими качествами. Поэтому постепенное обеднение гор окраинного хребта растительностью в северо-восточном направлении следует, по всей вероятности, приписать уменьшению в нем атмосферических осадков в том же направлении. По свидетельству туземцев, количество ежегодно выпадающих в горах Кун-луня дождя и снега к юго-западу от реки Керия-дарья действительно значительно больше, чем к северо-востоку от нее. Дождевые и снеговые тучи в этих горах, по их показаниям, приносятся всегда с юго-запада, запада и северо-запада, а дожди выпадают преимущественно в июне и июле. В августе же, сентябре, октябре и часто даже в ноябре в Кун-луне преобладает хорошая погода: ясные, тихие дни и холодные ночи. В конце января начинаются бури, сопровождающиеся нередко снежными метелями, и продолжаются до апреля.

В Кун-луне, почти на всем его протяжении в пределах Кашгарии, живут туземцы, отличающиеся от обитателей ее оазисов исключительно своим пастушеским образом жизни и, пожалуй, еще большей чистотой нравов. Они пасут стада овец, принадлежащие богатым жителям оазисов, и это занятие переходит у них наследственно от родителей к детям, так что многие поколения их родились и провели всю свою жизнь в горах. Обитатели оазисов называют этих пастухов таглыками (горцами) и относятся к ним с некоторым пренебрежением, как бы к людям низшей расы. В действительности же таглыки, уступая несколько жителям котловины в учтивости и знании приличий, простодушнее и откровеннее их.

Плотность пастушеского населения Кун-луня и численность пасомых им стад, соответственно уменьшению обширности и тучности пастбищ в северо-восточном направлении, также постепенно уменьшаются в этом же направлении. Наиболее населены горы его между верховьями рек Керия-дарья и Юрун-каш. На этом пространстве пасутся многочисленные стада тонкорунных и обыкновенных курдючных овец, для которых едва хватает подножного корма на горных пастбищах. К северо-востоку же от Керии-дарьи плотность пастушеского населения и число овец постепенно уменьшается.

Таглыки проводят со стадами все лето на высоких горах, достигая в июле высочайших альпийских пастбищ, а осенью спускаются в нижние горные долины и на северное предгорье Кун-луня, где расположены их убогие селения, состоящие из пещерных жилищ и весьма немногих мазанок. В этих селениях они проводят зиму, а стада пасутся в окрестностях и отгоняются по мере вытравления ближайших пастбищ на отдаленные*. Около своих селений таглыки засевают ячмень для собственной потребности; поливка пашен и уборка хлеба производятся немногими людьми, преимущественно стариками, остающимися на лето в селениях, а остальные уходят со стадами в горы. Кочуя там с ними все лето, таглыки не пользуются в это время никакими подвижными жилищами: на всех известных им горных пастбищах, на которые они последовательно, по мере вытравления корма, перегоняют стада, ими устроены для себя постоянные жилища. Они состоят из пещер, вырытых в лёссовых или конгломератовых обрывах, близ источников и речек. Эти пещеры, напоминающие несколько по форме внутренность нашей русской печи, имеют толстые лицевые стены с входными отверстиями. В одной из боковых стен выдалбливается небольшая ниша, служащая очагом, из которой выходит вверх дымовой канал; а в остальных стенах пробиваются ниши для помещения посуды и прочих домашних вещей. Другой канал, выведенный наружу через потолок пещеры, служит вентилятором.

В таких примитивных жилищах проводят таглыки все лето с женами, детьми и с необходимым домашним скарбом, меняя их [эти жилища] всякий раз с перемещением стад на другие пастбища. Спустившись осенью с гор в свои селения, они по вытравлении скотом соседних пастбищ бывают вынуждены угонять далеко от них стада и проживать временно на этих отдаленных от селений пастбищах в таких же пещерных жилищах, как и летом в горах Кун-луня.

Таглыки, как выше сказано, пасут стада овец, принадлежащие жителям оазисов, но имеют немного и своего скота: лошадей, ослов, коров и больше всего овец. За пастьбу чужих стад горцы получают с владельцев весеннюю шерсть и половину собранного масла, а другая вместе с летней шерстью поступает к хозяину стада. Ежегодный приплод, по условию с владельцами, должен быть не менее 50 ягнят на каждые 100 голов овец. Излишек против этой нормы составляет прибыль пастуха, а недостаток пополняется в конце года из его собственности. Пошлины с овец в казну (по одной тэньге с головы) уплачиваются хозяином и пастухом пополам; потери же от падежей и волков принимаются на свой счет владельцем, но пастух обязан представлять всякий раз доказательства такой убыли овец. Каждый хозяин клеймит своих овец собственным клеймом, почему их всегда легко отличить от других, и в течение года раза два осматривает и пересчитывает их⁴¹.

Таглыки сопутствовали нам во всех экскурсиях по горам Кун-луня и на северную окраину Тибетского нагорья. Мы сблизились с этими простодушными людьми и полюбили их за чистосердечие, откровенность и услужливость. В горах они удивляли нас своей способностью скоро и легко взбираться на страшные крутизны, казавшиеся нам неприступ-

* Случается, что среди зимы таглыки из нижних долин переселяются со стадами временно на высокие горы, где температура воздуха в это время, вероятно, вследствие господства зимних антициклонов в Кун-луне, бывает гораздо выше, чем в нижних долинах.

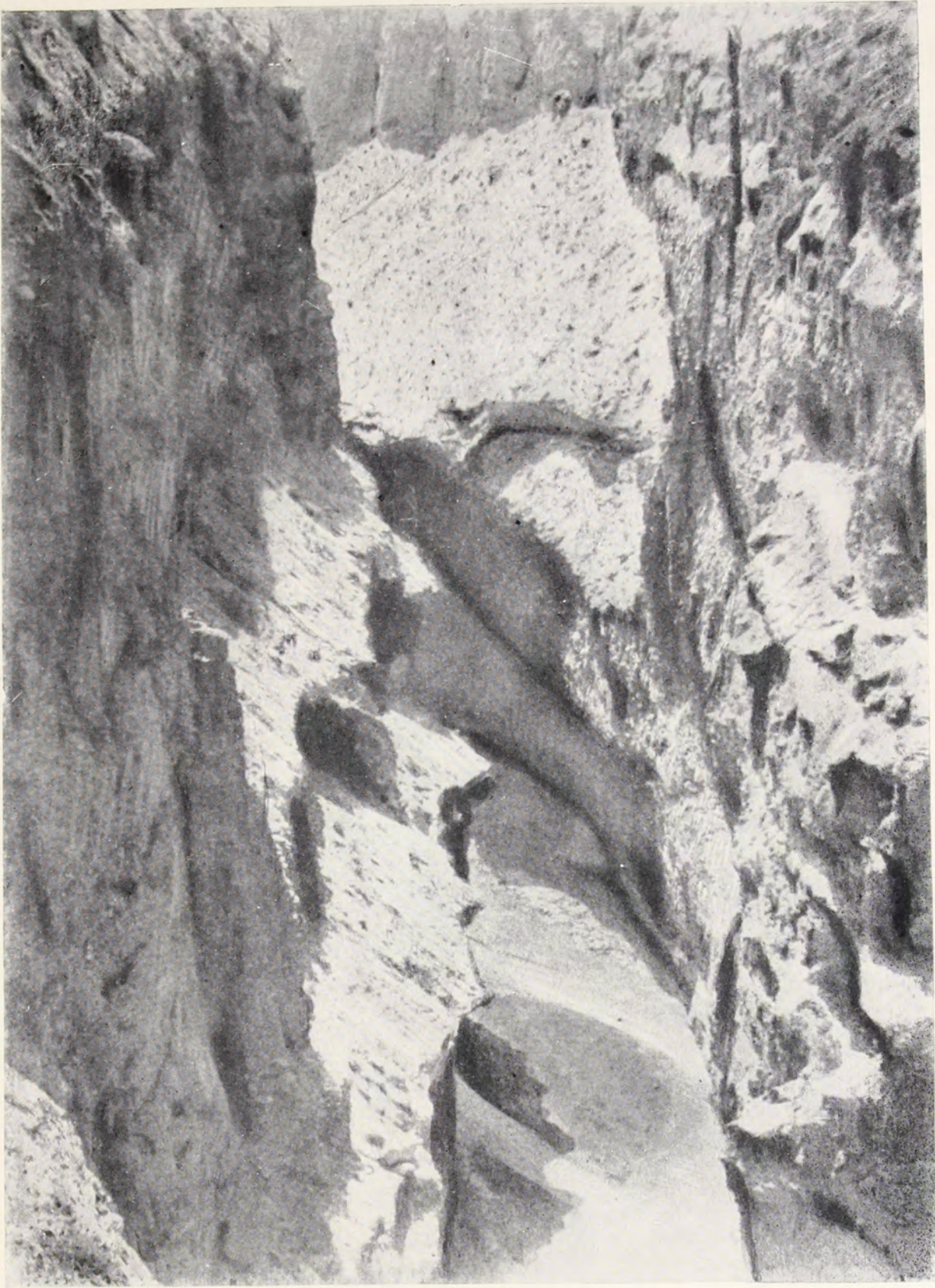
ными. Зато во время пребывания за Кун-лунем, в Тибетской нагорной пустыне, которой таглыки почему-то страшатся, они далеко не проявляли такой отваги и нередко обнаруживали даже некоторое малодушие. Эти мужественные люди, столь покорные климатическим невзгодам своей суровой горной родины, неоднократно пытались уговаривать нас не отходить далеко от окраинного хребта на юг, в глубь безлюдной нагорной пустыни, в которой, по их убеждению, легко погибнуть, и непритворно радовались каждый раз, когда мы поворачивали оттуда назад в Кун-лунь.

Во время пребывания в Кара-сае с 3 мая по 15 июня мне приходилось почти ежедневно наблюдать там прохладный северный ветер из внутренней пустыни Такла-макан*. Во все ясные дни этот ветер дул регулярно с 11 часов утра до 5 часов пополудни порывами, и на низележащей северной равнине в это время постоянно крутились столбы пыли, поднимаемой вихрями. В пасмурные дни он был слабее, и если несколько таких дней следовало подряд, то в средние из них случались затишья. По ночам же почти ежедневно подувал слабый южный ветерок из соседнего ущелья Кун-луня, против которого находился наш лагерь.

Северный ветер, дувший из внутренней пустыни, был всегда прохладен и умерял в значительной степени дневной жар, понижая во время своих порывов температуру почти на 3° Цельсия. Между тем от приезжих из Нии мы достоверно знали, что там с наступлением мая начались уже жары и господствовали во все время нашего пребывания в Кара-сае. В пустыне Такла-макан они в тот же период времени были, без сомнения, еще сильнее, чем в Нии, а потому меня крайне изумлял дувший оттуда прохладный ветер, который так приятно освежал нас в жаркие солнечные дни в Кара-сае. Еще в начале наблюдений над ним мне казалось, что он дует не в горизонтальном направлении, а сверху, под некоторым углом к горизонту. Для определения этого угла я устроил простейший прибор: между рожками деревянной вилки от мерного шнура наклеил лист бумаги и, прикрепив эту вилку горизонтально к трубе кипрегеля, установленного на мензуре, направлял трубу на север, навстречу ветру. Придавая плоскости бумаги различные углы возвышения, я по вибрации ее на ветре ясно замечал, что он действительно дул не в горизонтальном направлении, а под углами, по приблизительной оценке, от 5° до 10° к горизонту. Сила же его, определяемая во время опытов по анемометру Робинсона, колебалась от 3 до 10 метров в секунду и, по мере поднятия от подножья хребта на юг, в горы, постепенно возрастала, достигая на больших высотах 15 и более метров в секунду.

Наблюдение в Кара-сае в мае и июне прохладного ветра из пустыни Такла-макан было не единственным во время нашего путешествия по Кашгарии. Еще в июне и июле 1889 г., при следовании экспедиции по долине Яркенд-дарьи, вдоль северо-западной окраины этой пустыни, приходилось неоднократно ощущать прохладные воздушные токи, направлявшиеся со стороны той же пустыни, как казалось, сверху и понижавшие термометр Цельсия до $3,2^{\circ}$. Потом во время пребывания в горах Кун-луня, на урочище Тохта-хон, с 18 июля по 1 сентября мы почти ежедневно наблюдали прохладный северо-восточный ветер, дувший

* Во время моего отсутствия из Кара-сае с 14 июня по 5 июля этот ветер, по словам оставшихся там людей, дул также почти ежедневно.

Балка реки Толан-ходжа на урочище Бас-сулан

из помянутой пустыни, и, наконец, по временам при следовании по северному предгорью Кун-луня — в июне 1890 г.

В пустыне Такла-макан все лето господствуют страшные жары, и потому в ней должен существовать в это время года постоянный барометрический минимум. Еще в конце марта мы наблюдали в монастыре имама Джафара-Садыка температуру воздуха в $27,2^{\circ}$ Цельсия, а песок нагревался тогда до 60° Цельсия*. Какова же она бывает во внутренней пустыни в июне и июле, когда темные каменистые саяи ее и пески раскаляются, вероятно, до 80° Цельсия, если не более! Несомненно, что в таком горниле должен существовать в течение всего лета сильный восходящий дневной ток колоссальных размеров; причем горячий и чрезмерно сухой воздух пустыни, поднимаясь очень высоко над ее поверхностью, затрачивает на это поднятие огромное количество своей теплоты. Таким образом в высших слоях атмосферы над пустынею Такла-макан в жаркие летние дни скопляются массы охлажденного воздуха, и потому там давление, подобно тому, как над экватором, должно быть больше, чем на равных абсолютных высотах над подгорными равнинами и в особенности над окраинными горами котловины. Вследствие этого холодный воздух стремится оттуда по радиальным направлениям к окраинным хребтам для заполнения существующего над ними и над их предгорьями разрежения, и эти воздушные течения, по причине возрастания на окраинах котловины разности давлений с высотой, должны быть сильнее на самых горах, чем на возвышенных подгорных равнинах. Такое объяснение вполне согласуется с наблюдениями дневных прохладных ветров из внутренней пустыни, происхождение которых, по моему убеждению, следует приписать всецело чрезмерному нагреванию ее поверхности⁴².

8 июня возвратился из командировки Козлов, а 10-го числа того же месяца прибыл в Кара-сай и Роборовский.

П. К. Козлов поднялся по долине реки Бостан-тограк на Тибетское нагорье к озеру Даши-куль — крайнему пункту, до которого доходят горцы — охотники и золотоискатели. От озера он направился к северо-востоку по широкой нагорной долине между Кун-лунем и его мощным восточным отрогом. Путь его пролегал вверх по реке, текущей с южного склона окраинного хребта в озеро Даши-куль. Долина ее, поднимающаяся до 14 000 футов над уровнем моря, оказалась совершенно пустынной: кроме жесткой и колючей тибетской осоки, растущей притом на весьма немногих влажных местах небольшими островками, в ней не замечено было других растений. Пройдя по этой долине около 100 верст от озера, Козлов, за отсутствием подножного корма и истощением бывшего с ним фуража, принужден был повернуть назад и возвратиться по старой дороге в Кара-сай.

В. И. Роборовский, перейдя Кун-лунь по тому же, как и прежде, перевалу Сарык-туз, взял курс почти прямо на юг и прошел около 75 верст по Тибетскому нагорью, отличающемуся в том месте еще более пустынным характером, чем на пути к верховьям реки Керия-дарья. Оно поднимается в среднем до 16 600 футов над морем и покрыто низкими сланцевыми грядами, простирающимися почти с запада на восток, а между этими грядами залегают каменистые долины

* В. И. Роборовский на обратном пути из Черчена в Нию 1 апреля 1890 г. наблюдал температуру песка на солнце в 67° Цельсия.

и замкнутые котловины. На юго-западе, за рекой Керия-дарья, путники снова видели высочайшие снеговые горы, усмотренные в первый раз с берегов этой реки; а на юге волнистую землю замыкал довольно высокий и весьма длинный кряж, отделяющийся, повидимому, от помянутых гор и отходящий очень далеко на восток.

Кроме приземистого белолозника, Роборовский не нашел в посещенной им нагорной пустыне ни одного растительного вида. Острые сланцевые и кварцевые гребни, торчащие повсюду на ее поверхности, разреженность воздуха и сильные ветры, сопровождавшиеся частыми снежными метелями, крайне затрудняли движение и погубили всех лошадей, кроме одной, да и та отказывалась служить⁴³. Последнюю станцию на обратном пути по нагорью Роборовский и его спутник, унтер-офицер Бессонов, следовали пешком, навьючив на единственную уцелевшую у них лошадь теплую одежду и остатки съестных припасов. С большим трудом добрались они до северного подножья перевала, где у них была оставлена часть запасов, и, переночевав в том месте, должны были пройти вниз по долине Сарык-туз еще одну станцию пешком до золотого прииска Кан-булак. Там их радушно приняли золотоискатели и дали временный приют до тех пор, пока не прибыли к ним люди с лошадьми и съестными припасами, высланные мною из Кара-сая.

Описанные экскурсии моих сотрудников на северную окраину Тибетского нагорья через перевал Сарык-туз и долину реки Бостан-тограк познакомили нас несколько с этой неизвестной страной и вместе с тем убедили в тщетности попыток проникнуть в нее со всей экспедицией. Признавая, однако, необходимым пополнить их рекогносцировки обзорением хоть небольшого участка этой нагорной пустыни к югу от озера Даши-куль, я решил совершить туда экскурсию и углубиться, сколько возможно, далее на юг от окраинного хребта.

За три дня до выступления были посланы вперед в долину реки Бостан-тограк наши люди с туземцами для исправления дороги, заготовлен значительный запас фуража и наняты вьючные быки, ослы и лошади для доставления его к озеру Даши-куль. Там предполагалось устроить склад, из которого можно было бы пользоваться припасами при поездках на юг и восток от этого озера.

16 июня мы выступили из Кара-сая на озеро Даши-куль. В этой экскурсии мне сопутствовали Роборовский и Козлов, четверо нижних чинов нашего конвоя и девять таглыков — проводников и погонщиков; сзади тянулся большой караван из лошадей, ослов и быков, нагруженных продовольственными припасами и фуражом.

Обогнув отпрыски Кун-луня, бороздящие его предгорье к северо-востоку от Кара-сая, мы повернули на юго-восток, к реке Бостан-тограк, текущей в глубокой балке с отвесными стенами, и вскоре вступили в горы Кун-луня. Пройдя версты две по неширокой долине этой реки, мы очутились на берегу ее левого многоводного притока Кубучи-дарья, где нам пришлось пройти по весьма трудному и опасному месту. Кубучи-дарья, текущая в низовье почти перпендикулярно к Бостан-тограку, встречает близ устья твердый конгломератовый мыс, заставляющий ее повернуть круто к западу. Обогнув этот мыс, она впадает в Бостан-тограк, а в стрелке между слившимися реками заключается высокая и очень узкая конгломератовая коса, по которой пролегает дорога.

Спустившись по крутому откосу в глубокую балку Кубучи-дарьи и перейдя на правый берег этой многоводной реки, мы поднялись по

чрезвычайно крутому мысу помянутой косы на ее узкий гребень. Оттуда я не без ужаса увидел, по какому опасному месту пролегает впереди дорога: ровно 300 шагов она идет по этому узкому гребню, имеющему не более 3-4 футов ширины и обрывающемуся в обе стороны совершенно отвесными стенами до 25 сажен высоты. Собравшись с духом, я прошел скорым и ровным шагом по этому ужасному гребню, который, к сожалению, нигде нельзя обойти круглым путем. Достигнув широкого места косы, я с облегченным сердцем остановился на нем и, обернувшись назад, был немало удивлен тем невозмутимым спокойствием, не отличавшимся от беспечности, с которым следовали наши горцы со своими животными по этому опасному месту. Однако никто из них не решился проехать по нему верхом: все они шли пешком, ведя лошадей в поводу, а быки и ослы следовали спокойно сами.

На обратном пути мы прошли по этому месту далеко не так боязливо, как в первый раз, и мне кажется, что при частых переходах через такие опасные места инстинкт самосохранения у нас мог бы притупиться для подобных случаев так же, как и у горцев Кун-луня.

К югу от мыса, в высоких горах, было видно сумрачное ущелье реки Кубучи-дарья, обрамленное колоссальными горными склонами необычайной крутизны. Эта многоводная река получает начало близ гребня Кун-луня и течет в северо-западном направлении, меняя его лишь в низовье на северное. Область ее, по своей недоступности, очень мало известна даже местным горцам. Кубучи-дарья почти на всем своем протяжении течет среди высоких, недоступных гор, опускающихся к ее мрачному ущелью чрезвычайно крутыми склонами. В этих колоссальных склонах зияют местами еще более мрачные щели ее притоков. Вообще область Кубучи-дарьи, по рассказам таглыков, так мало доступна, что они не могут кочевать в ней летом со своими стадами, и посещается изредка лишь охотниками на диких баранов, да и эти отважные ходоки по горам не могут проникать в некоторые, наиболее недоступные местности ее.

Бостан-тограк выше устья Кубучи-дарьи носит название Ак-су и течет попрежнему в глубокой балке. Пройдя версты три от опасного места к востоку по долине реки Ак-су, мы спустились по крутому откосу в балку этой реки и разбили лагерь на урочище Кош-лаш. В этой местности балка реки Ак-су значительно расширяется, и на дне ее, покрытом злаком чиём, мирикарией и полынью, находятся небольшие пашенки таглыков, на которых созрел в то время ячмень.

Вечером, около 8 часов, вдали на востоке послышался глухой шум, напоминавший отдаленный рокот воды, ниспадающей с мельничной плотины. Шум становился все громче, и через полчаса мы заметили массу воды, двигавшуюся по поверхности реки стеною около двух футов высоты со скоростью до 70 сажен в минуту. Вся эта вода, прибывшая вдруг, образовалась, несомненно, от таяния в жаркие часы дня снега и льда на высоких горах Кун-луня, отстоявших верстах в 50 от нашего лагеря по течению реки, и шла оттуда около шести часов.

Несмотря на сильное падение рек Кун-луня, простирающееся в среднем по нашей барометрической нивелировке до восьми сажен на версту, скорость движения в них воды, при нормальной ее прибыли, едва ли превышает 8 верст в час или 7-8 футов в секунду, а быстрота движения первой воды, наполнившей сухие русла, по крайней мере вдвое менее. Такая умеренная скорость течения горных рек Кун-луня объясняет-

ся крайнею неровностью их русел, покрытых сплошь крупными камнями и усеянных во многих местах массивными валунами, замедляющими движение воды. В сухих же руслах, кроме этих препятствий, движение первой прибывшей воды замедляется еще тем, что она должна предварительно наполнять все углубления ложа, чтобы двигаться дальше.

В исключительных случаях, именно после сильных и продолжительных ливней в горах, когда уровень воды в горных реках поднимается до одной сажени выше нормального, скорость ее движения на поверхности достигает 18 футов в секунду или до 18,5 версты в час. Тогда только одни нижние слои воды, катящиеся по дну камни и даже массивные валуны, встречают сильное сопротивление, а верхние несутся беспрепятственно почти со скоростью паровоза.

Из балки реки Ак-су караван поднялся в узкую долину этой реки и продолжал путь на восток по ее левому берегу. Верстах в семи от устья Кубучи-дарьи Ак-су принимает справа многоводный приток Кютэль-дарья с востока и выше слияния с ним течёт уже с юго-востока на северо-запад в весьма узкой, но неглубокой балке, к которой спускаются с обеих сторон крутые горные склоны. Дорога, повернув на юго-восток, пролегает верст шесть по крутым косогорам левого берега Ак-су, потом переходит на правый берег ее и, извиваясь то по косогорам, то по узким площадкам, выходит на урочище Отур-булак, где мы остановились на ночлег. Река Ак-су, текущая на этом урочище в плоских берегах, образует небольшой остров, покрытый порядочной растительностью.

Подходя к ночлежному месту, мы встретили партию наших рабочих, исправивших так хорошо дорогу на протяжении этой трудной станции в 13 верст, что мы прошли по ней беспрепятственно.

В окрестностях урочища Отур-булак встречаются порядочные альпийские пастбища, на которых летом откармливаются стада овец, пасомые таглыками. Пещерные жилища этих пастухов рассеяны по всем горным пастбищам и расположены повсюду на берегах речек или у источников, из которых таглыки и их стада пользуются водой. В горах бассейна реки Ак-су водятся горные бараны и их смертельные враги — барсы, похищающие иногда у таглыков овец. Но коренным местопребыванием этих животных служит совершенно безлюдная и труднодоступная горная область реки Кубучи-дарья, в которую проникают только отважные горцы-охотники.

Горная вода на урочище Отур-булак пришла почти двумя часами раньше, чем на предыдущем ночлежном месте, и притом в меньшем количестве, но подвигалась также стеной около фута высоты.

С урочища Отур-булак мы прошли версты три по косогорам левого берега Ак-су, текущей выше его уже в плоских берегах; потом, повернув круто почти на восток, следовали большую часть перехода в этом направлении. Долина реки Ак-су от поворота резко изменяется: дно ее становится совершенно плоским, а бока состоят из весьма крутых и высоких обнаженных утесов темного цвета, блестящих на солнце и придающих этой бесплодной долине печальный вид. Ровное дно ее, покрытое повсюду мелкой галькой, гравием и дресвой, вовсе лишено растительности и только в редких местах, где река отложила маленькие островки глины, оно поросло злаком из рода *Lolium*. Сама же Ак-су то скрывается в рыхлом грунте своей пустынной долины, то выходит на дневную поверхность.

В конце перехода мы повернули круто на юго-восток и, перейдя в каменистую часть долины, остановились ночевать на урочище Баши-булак. Тут на небольшом островке, покрытом мирикарией, полынью и злаком *Lolium*, животные нашего каравана в последний раз насытились подножным кормом, который далее на пути повсюду очень плох.

На урочище Баши-булак находится минеральный ключ, а верстах в трех ниже его другой, более многоводный, минеральный источник, называемый Ёган-булак, бьет из расселины скалы. Вода в обоих источниках кисло-соленая, а температура ее была в то время 6,7° Цельсия.

На следующий день мы продолжали путь к юго-востоку сначала по неширокой каменистой долине той же реки Ак-су. На 6-й версте наш караван оставил эту реку, текущую в верховьях с востока на запад из снеговых гор, и направился по ее левому многоводному и длинному притоку Кара-таш-дарья. Долина ее отличается уже иным характером: она значительно шире пройденной долины реки Ак-су, но уступает ей много в глубине; относительная высота ее окраинных гор, по мере поднятия долины в юго-восточном направлении, постепенно уменьшается, а самые горы становятся мягче, и обнажения на них встречаются уже гораздо реже, чем в долине Ак-су. Весьма отлогие предгорья их, покрытые щебнем и дресвой, склоняются медленно к широкому галечному ложу речки Кара-таш-дарья, обрываясь к нему крутыми, но невысокими берегами. Долина Кара-таш-дарья и ее окраинные горы, покрытые лишь кое-где жалкими, приземистыми кустарниками, пустынно и безмолвны: на всем пути по ней мы не видели ни одного живого существа. Через широкие боковые ущелья показывались вдали снеговые вершины мощных лучей Кун-луня, замыкающих область реки Ак-су с северо-востока и юго-запада.

В 20 верстах от урочища Баши-булак мы приблизились к самому гребню Кун-луня, прорванному в этом месте узкой долиной речки Кара-таш-дарья. Она получает начало на южном склоне окраинного хребта, пробегает немного по Тибетскому нагорью, а потом прорывается на северо-запад через углубленную седловину гребня Кун-луня. Перед седловиной дорога поворачивает на восток и направляется по узкой долине верхней Кара-таш-дарья, имеющей сильное падение. На востоке эта долина маскируется двумя заходящими друг за друга горными мысами прорванного ею гребня Кун-луня, так что путнику, поднимающемуся по ней с запада, она представляется замкнутою с восточной стороны крутой недоступной седловиной помянутого гребня. В действительности же между горными мысами его, расположенными уступом, остаются широкие ворота, через которые стремится речка Кара-таш-дарья с Тибетского нагорья.

Пройдя через эти ворота, мы продолжали путь по долине, которая выше них значительно расширяется и направляется попрежнему почти на восток. В широком ложе речки Кара-таш-дарья тут лежали еще местами большие глыбы льда, образовавшиеся, по всей вероятности, осенью и не успевшие растаять до 20 июня. С северной стороны долина верхней Кара-таш-дарья замыкается гребнем Кун-луня, быстро повышающимся от помянутой седловины в восточном направлении и вскоре восходящим за предел снеговой линии. Крутое южное предгорье его, сплошь усеянное белой галькой, прорезано многими лощинами, по которым стремятся в Кара-таш-дарью ручьи. С юга описываемую долину окаймляет оригинальный песчаниковый луч Кун-луня, отделяющийся от его гребня близ

помянутых горных ворот. Северный склон этого любопытного кряжа, оканчивающегося тупым мысом на Тибетском нагорье, почти совершенно отвесный, и у подножья его лежит масса огромных отторженцев, сорванных с высоты и продвинувшихся местами сажен на 200 от подошвы кряжа. Южный же, весьма пологий склон его, обращенный к Тибетскому нагорью, совершенно плоский, как крыша, и изборозжен кое-где лишь ничтожными рытвинами.

Пройдя верст шесть от горных ворот по крутой долине Кара-ташдарьи, мы достигли урочища Отлик-булак, представляющего как бы небольшой островок этой пустынной долины, покрытой тибетской осокой— жесткой и колючей травой, которую, однако, едят быки и весьма неохотно голодные лошади и ослы. К востоку и юго-востоку от этой местности простирается уже ровное и совершенно пустынное Тибетское нагорье. Повернув с урочища Отлик-булак на юго-восток, наш караван лотянулся по пустынной равнине, покрытой щебнем и дресвой, к оконечности помянутого песчаникового мыса и, обогнув ее, вышел к озеру Даши-куль. На берегу его мы разбили наш лагерь, в укромном месте, защищенном от преобладающих западных и северо-западных ветров невысоким обрывом этого мыса.

На озере Даши-куль нам пришлось провести пять дней перед поездкой на Тибетское нагорье. Наши животные были сильно утомлены переходом через Кун-лунь, при пересечении которого им пришлось пройти под выюками по трудной дороге с лишком 60 верст и при этом подняться на 4 190 футов над Кара-саем. Кроме того, нужно было определить географическое положение исходного пункта на озере, сделать в нем магнитные наблюдения и измерить высоты снеговой линии, нижних краев соседних ледников и вершины высочайшей в этой части Кун-луня горы Ак-таг, отстоявшей в 15 верстах к северо-востоку от нашего лагеря. Для определения этих высот я должен был проложить небольшую тригонометрическую сеть, измерив на соседней равнине базис в 1 600 сажен.

На другой день по прибытии на озеро выючные животные, доставившие продовольственные припасы и фураж, были отправлены с излишними туземцами обратно в Кара-сай, а при нас осталось только шесть таглыков с необходимым для предстоявших экскурсий числом быков и ослов. Чтобы соблюсти экономию в фураже, все оставшиеся животные паслись днем на урочище Отлик-булак и к северу от него на предгорье хребта, где встречались низкорослые кусты белолозника и реденькая полынь. К ночи же они пригонялись в лагерь и получали небольшую дачу фуража, за исключением быков, которые наедались достаточно осоки и потому были оставляемы на пастбище.

Озеро Даши-куль, лежащее на высоте 13 880 футов над уровнем моря, имеет треугольную форму и простирается до 15 верст в окружности. Оно содержит горько-соленую воду, в которой, кроме маленьких креветок, нет никакой животной жизни. Берега его совершенно плоски и низменны, а глубина большею частью незначительна, и только в северо-западном углу озера, у подножий омываемых им отдельных высот, она несколько увеличивается. Уровень озера, судя по изменениям, замеченным на его плоских берегах, подвержен значительным колебаниям. Они зависят от переменных ветров, пригоняющих воду то к южному, то к восточному берегу, и отчасти от массы воды, приносимой в озеро питающей его рекой. Цвет поверхности озера Даши-куль при ясной погоде аквамариновый, при пасмурной — серовато-голубой, а ночью при лун-

ном свете — почти белый. На озере часто появлялись турпаны (*Casarca guttata*) со своими детенышами, по временам прилетали на него шилохвостые утки (*Dafila acuta*), плаунчики и черношейные журавли, а вдоль берегов кружились стрижи и кашмирские ласточки.

На берегах этого озера было найдено несколько еще не разложившихся трупов птиц, не живущих оседло на высоком Тибетском нагорье и погибших, без сомнения, во время весеннего пролета через эту суровую страну из Индии на север*. В окрестностях же его, в совершенно пустынной долине, мы видели много черепов диких яков, принадлежавших виду этого животного, отличному от живущего ныне в диком же состоянии в северо-восточной части Тибета.

Описываемое озеро лежит в широкой междугорной долине, окаймленной с севера южным склоном Кун-луня, гребень которого в том месте поднимается далеко за предел снеговой линии. С южной же стороны эту нагорную долину замыкает широкий и плоский восточный отрог окраинного хребта, отделяющийся от него близ истоков Кубучи-дарьи и гянущийся очень далеко на восток. Этот мощный отрог, в свою очередь, окаймляет с севера высшую область Тибетского нагорья, поднимающуюся с лишком на 2 200 футов над высокой долиной озера Даши-куль, которая представляет собою лишь ступень с севера в ту заоблачную землю.

Верстах в 40 к востоку от озера Даши-куль помянутый восточный отрог Кун-луня прорезается в меридиональном направлении широкой поперечной долиной, по которой нетрудно подняться в высшую область нагорья, окаймляемую им с севера, а в 90 верстах к востоку от того же озера он отделяет от себя на север весьма плоскую ветвь, связующую его с главным хребтом Кун-луня и замыкающую долину озера Даши-куль с востока. Перевал через это плоское поднятие, имеющий весьма пологий, почти незаметный подъем с запада, на восточной стороне, напротив, значительно круче. Нагорная долина, заключающаяся между Кун-лунем и его отрогом, восточнее этого перевала несколько понижается, и растительность ее становится лучше. П. К. Козлов во время первой своей экскурсии на Тибетское нагорье видел в той части долины реку, которая получает начало на восточном склоне помянутого плоского перевала, потом поворачивает почти прямо на север и прорезает Кун-лунь. Сопровождавшие Козлова таглыки не могли ничего сообщить ему об этой реке, которую видели в то время в первый раз. По съемке же той нагорной долины Козлова и моему маршруту по северному предгорью Кун-луня эта река должна быть Мит — левый приток Кара-мурана.

Озеро Даши-куль питается водами довольно многоводной речки, получающей начало на южном склоне Кун-луня и текущей по упомянутой междугорной долине сначала на юго-запад, а потом почти на запад. Эта безымянная речка, имеющая не более 100 верст длины, перед впадением в озеро разделяется на многие рукава и образует дельту, усеянную малыми озерками, на которых часто встречались турпаны, шилохвостые утки и плаунчики.

В течение пятидневного пребывания на озере я успел окончить все свои работы, которым немало препятствовали сильные ветры, дувшие ежедневно с 11 часов утра до 7 часов пополудни. Сначала ветер дул

* На берегах Даши-куля найдены были трупы следующих птиц: кроншнепа, улитатравника, бекаса-барашка и водяного пастушка.

всегда с севера, потом с северо-запада и наконец с запада, постепенно усиливаясь и достигая около 3 часов пополудни 20-25 метров в секунду. Этот сильный и холодный ветер не сопровождался никогда пыльными туманами, которых на Тибетском нагорье мы вовсе не замечали. К вечеру он стихал, но зато ночи были холодные: с 19-го на 20 июня и с 20-го на 21-е озеро Даши-куль покрывалось по ночам льдом, простиравшимся до 150 сажен от берега и державшим небольшие камни. К полудню оно освобождалось от льда и после 21 июня уже не замерзало. Утром 23 июня выпал снег почти в дюйм толщины, исчезнувший с равнины к 9 часам утра, но державшийся на высотах до полудня. К югу от озера, над высшей областью нагорья, за хребтом, ежедневно носились темные снеговые тучи, разрешавшиеся, судя по спускавшимся из них белым полосам, густым снегом, и оттуда слышались по временам отдаленные раскаты грома. Эти грозы, значительно изменявшие показания моих магнитных приборов, вынуждали меня дважды прерывать начатые магнитные наблюдения.

Пользуясь точно измеренным на соседней равнине для триангуляции базисом в 1 600 сажен, я с помощью нашей маленькой пушки и тщательно выверенного хронографа сделал опыт определения скорости распространения звука в разреженном воздухе, на абсолютной высоте в 13 880 футов, при давлении в 456,8 мм, температуре воздуха 10° Цельсия, абсолютной влажности 2,8 и относительной 31. Из 12 отдельных наблюдений, давших очень согласные результаты, эта скорость оказалась 1 073 фута в секунду, т. е. почти такая же, какая была найдена из опытов на небольших высотах.

Произведенные мною тригонометрические измерения дали следующие абсолютные высоты: вершины горы Ак-таг 20 880 футов, снеговой линии на южном склоне Кун-луня 19 140 футов и нижнего края ледника 18 080 футов. В точке, к которой приведены относительные геодезические высоты (столб в лагере), постоянно наблюдался в срочные часы ртутный барометр, и высота ее по этим наблюдениям вышла 13 880 футов.

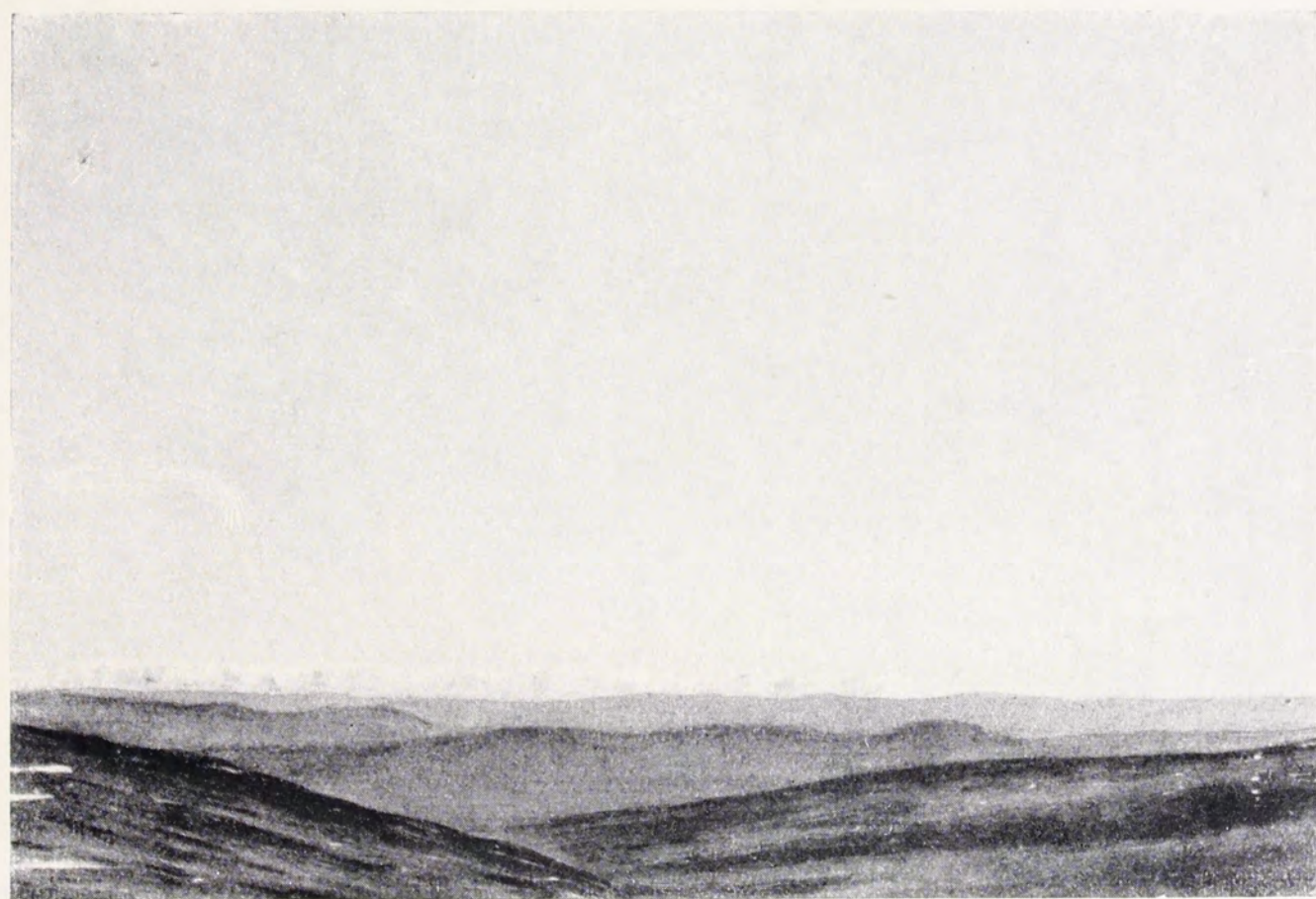
25 июня мы направились с озера для обозрения окрестной страны двумя партиями. П. К. Козлов с одним казаком и двумя таглыками поехал на восток вверх по речке, впадающей в озеро Даши-куль. Потом он должен был повернуть на юг и по широкой поперечной долине восточного отрога Кун-луня, отстоящей верстах в 40 от этого озера, подняться в высшую область Тибетского нагорья с тем, чтобы обозреть ее по возможности на большем пространстве. Другая партия, состоявшая из меня с В. И. Роборовским, двух нижних чинов конвоя и двух таглыков, отправилась прямо на юг от озера. При обеих партиях следовало несколько вьючных быков и ослов, нагруженных фуражом и съестными припасами на неделю.

Обогнув западную оконечность озера, мы направились на юг к замеченной еще из лагеря поперечной долине плоского хребта, окаймляющего высшую область нагорья с севера. Около четырех верст мы шли по пустынной равнине, поднимаясь постепенно к подножью хребта. На ней мы видели несколько черепов диких яков, из которых один, хорошо сохранившийся, был захвачен нами на обратном пути с собой. Потом мы вступили в поперечную долину окраинного хребта, имеющую на первых четырех верстах весьма значительное падение. В эту долину выходят с запада многие ущелья, с востока же в нее спускаются с окрестных гор одни крутые лощины. В южной части долины встречалась изредка

Вверху: конгломератовая балка реки Толан-ходжа по выходе из гор Кун-луня

Внизу: лагерь экспедиции близ селения Кара-сай у подножья Кун-луня

Вверху: озеро Даши-куль у южного подножья Кун-луня

Внизу: вид нагорной пустыни к югу от озера Даши-куль

низкорослая полынь, а выше — только небольшие группы приземистых кустиков белолозника.

Несмотря, однако, на такую жалкую растительность самой долины и окрестных гор, в них живут антилопы, тибетские зайцы и куланы. Свежие следы этих травоядных, а также волков и лисиц мы замечали неоднократно на мягких местах долины. В ней мы нашли также признаки временного пребывания людей: железный наконечник стрелы, ныне уже не употребляемой в Кашгарии, и небольшие груды камней, сложенные на некоторых, наиболее заметных горных мысах, преимущественно при устьях побочных теснин. Они, вероятно, служили путеводными знаками охотникам или золотопромышленникам, посещавшим некогда эти пустынные горы.

Характерную особенность описываемого окраинного хребта представляют его передовые, т. е. северные горы, соседние подножью. Они отличаются большей абсолютной и относительной высотой сравнительно с горами среднего пояса хребта и поднимаются почти до уровня его гребня. Наиболее высокие вершины их во все время нашего пребывания на озере были покрыты снежной порошею, тогда как горы среднего пояса того же хребта оставались большей частью свободными от нее. Эти передовые горы состоят из весьма высоких, как бы отдельных, массивов, сочлененных лишь слабыми поднятиями. Между ними залегают обширные нагорные впадины, сообщающиеся с нижележащими долинами ущельями и весьма крутыми лощинами.

Поднявшись около 10 верст по долине, мы заметили в простирающемся по ней сухом русле воду и остановились около нее на ночлег. Небольшой ручеек, пройдя в этом месте сажен 100 по дну плоского песчаного русла, уходит опять в землю. По берегам его росли маленькие кустики приземистого белолозника — единственного растения среднего и высшего пояса этого пустынного хребта. Вокруг царил мертвая тишина и не видно было ни одного живого существа.

Большую часть следующего перехода мы употребили на подъем. Относительная высота окрестных гор по мере поднятия становилась все меньше и меньше, а вместе с тем уменьшалась глубина главной и побочных долин, которые в среднем поясе хребта встречались довольно часто. Верстах в пяти от ночлежного места поперечная долина, по которой мы шли, разветвилась на три довольно широкие, но неглубокие долины. Мы направились по средней из них, которая вскоре сузилась и перешла в извилистую теснину с весьма значительным падением, а окрестные горы преобразились в холмы, покрытые кое-где группами приземистого белолозника. На дне этой теснины встречались изредка мокрые песчаные места, но текучей воды нигде не было.

На 18-й версте от ночлежного места мы стали подниматься по весьма крутому склону на гребень окраинного хребта и после часового утомительного восхождения достигли наконец высшего места перевала, поднимающегося на 16 590 футов над морем. На вершине перевала мы были очарованы открывшимся оттуда величественным видом: на юге нам представилась высокая земля, покрытая цепями холмов восточно-западного направления, вдали на юго-западе по этой волнистой земле тянулся высокий кряж, повидимому, отрог окраинного хребта, постепенно понижающийся в юго-восточном направлении и уходивший за горизонт; к северу от перевала теснились, подобно застывшим колоссальным волнам океана, холмы высшего и среднего поясов хребта, возраставшие в

северном направлении и переходившие наконец в нижней его зоне в грандиозные массивы.

С вершины перевала мы спустились по отлогому южному склону окраинного хребта, имеющему не более $1\frac{1}{2}$ верст протяжения, на весьма высокую равнину и, отойдя полверсты от его подножья, разбили палатки в плоской лощине*. Вокруг простиралась ровная щебне-дресвяная нагорная пустыня, поросшая кое-где группами приземистых кустиков белолозника. Воды на поверхности, по тщательным розыскам, нигде не оказалось, но в лощине, спускавшейся с перевала, найдено было мокрое песчаное место. На этом месте наши люди вырыли яму, которая, к общей радости, вскоре наполнилась прекрасной водой, а бывшие с нами таглыки накопили толстых корней белолозника — единственного топлива в этой заоблачной земле. Но огонь поддерживался в ней с большим трудом: нужно было постоянно вдвухать воздух в костер маленьким мехом, который был взят на всякий случай с собой. Вода на этой высоте (16 100 футов) кипела при $84,2^\circ$ Цельсия, и свежего мяса нельзя было сварить: от долгого пребывания в кипятке оно только краснело и почти вовсе не разваривалось. Мы предпочли довольствоваться похлебкой из сухого мяса, дававшего больше навара.

27 июня с раннего утра до 10 часов шел большой снег, и наш лагерь очутился среди необозримой снежной поляны, напоминавшей нам родные равнины, одетые зимним покровом. К 10 часам он прекратился; из-за густых свинцовых облаков начало показываться по временам солнце, и стал подувать с запада легкий ветерок. От совокупного действия жгучих солнечных лучей и сухого ветра снег очень быстро исчезал, и к 11 часам его уже не стало. Тепловые солнечные лучи в этой заоблачной земле сильно жгут обнаженные части тела путника, обращенные прямо к солнцу, тогда как остающиеся в тени в то же время нередко зябнут.

В 11 часов, когда снег с равнины совершенно исчез, я с Роборовским и одним казаком, взяв с собой барометр, камеробскуру с принадлежностями и вьючную лошадь с запасами, отправились на рекогносцировку окрестной местности к югу от лагеря.

Около трех верст мы ехали по щебне-дресвяной равнине, на которой часто встречались выходы коренных пород, выступавших из земли едва заметными гребнями. Затем мы спустились в глубокую долину, шириною около версты, окаймленную высокими увалами, на дне которой не оказалось, однако, никаких следов проточной воды. Из долины мы поднялись на волнистую щебне-дресвяную землю, покрытую местами низкими грядами холмов восточно-западного направления. Между этими грядами заключаются обширные замкнутые котловины с солонцеватой почвой и слабым соляным налетом в наиболее углубленных местах плоского дна.

На поверхности земли повсюду встречались длинные трещины шириною до пяти дюймов, засыпанные смесью из песка, щебня, гравия и дресвы. Они служат неоспоримым свидетельством жестокости зимних морозов в этой нагорной пустыне и отсутствия во время их снежного покрова. Следов дождя в ней не оказалось вовсе: мы нигде решительно не видали ни сухих русел, ни промоин в лощинах, трещинах, обрывах и расселинах, ни отпечатков дождевых капель, столь долго сохраняющихся

* Ширина окраинного хребта по пройденному нами направлению около 30 верст.

на некоторых породах, как, например, на отверделой глине. Поэтому весьма вероятно, что в описываемой нагорной пустыне круглый год выпадает только снег, но от действия жгучих солнечных лучей и почти постоянных иссушающих ветров очень скоро исчезает, оставляя некоторое количество влаги в почве. Грунтовых же вод, судя по мокрым местам, встречающимся изредка в котловинах, в этой заоблачной стране должно быть все-таки достаточно.

Низкорослый белолозник, едва заметный с лошади и растущий притом весьма рассеянно, отдельными группами миниатюрных кустиков, — единственное растение, найденное нами в нагорной пустыне. Высота его над поверхностью земли по крайней мере втрое меньше, чем в нижележащей долине озера Даши-куль. При сравнении же его с белолозником того же самого вида с северного предгорья Кун-луня, растущего высоким, ветвистым кустом, между ними оказывается столь значительная разница, что с первого взгляда сравниваемые растения легко признать принадлежащими двум различным видам. Зато белолозник нагорной пустыни, скрывающийся от суровости ее климата в земле, имеет массивный корень, служивший нам единственным топливом.

Замечательно также полное отсутствие в описываемой нагорной пустыне мхов и лишайев. Природа, очевидно, отказала ей в этих приготовителях почвы для растений высшей организации, которые не могут прозябать в столь суровой стране.

Несмотря на крайне скудную растительность нагорной пустыни, в ней живут, однако, некоторые животные. В одной из плоских ее котловин мы видели несколько штук антилоп-оронго, замечали неоднократно следы куланов, зайцев, тибетских степных куропаток и спугнули одного хохлатого жаворонка. Но яков мы там не встречали и не находили даже ни следов, ни черепов их.

Тщетно мы искали в этой невыразимо печальной стране каких-либо признаков временного посещения ее людьми: их нигде решительно не оказалось. Не видно было ни путеводных знаков из камней на возвышенных местах, ни остатков одежды, обуви, сбруи, посуды, костей домашних животных, огнищ и опаленных на кострах камней. Словом, не заметно было никаких следов, оставляемых, обыкновенно людьми в необитаемых странах при временном их посещении и очень долго там сохраняющихся.

Усмотрев вдали на юге высокий холм, мы направились к нему с тем, чтобы обозреть с него по возможности большее пространство. Взобравшись на вершину этого холма, мы могли действительно визировать оттуда во все стороны на далекие расстояния. Везде тянулись по нагорной пустыне цепи холмов восточно-западного направления, а между ними обозначались обширные плоские котловины. На юго-западе верстах в 30 от нашего обсервационного пункта простирался в юго-восточном направлении высокий кряж, усмотренный накануне с перевала и уходящий попрежнему за горизонт. Верстах в 15 почти прямо к югу от того же пункта возвышалась целая группа тесно сплоченных коротких и невысоких кряжей с острыми гребнями, простиравшихся, подобно грядам, тоже с запада на восток.

Едва успели мы обозреть с вершины холма окрестности и снять три вида, как нашла темная грозовая туча, раздались громовые удары, засверкала молния, и из тучи посыпался густой снег. Порывистый западный ветер, дувший с утра, внезапно усилился, и поднялась ужасная

метель. Чтобы укрыться хоть сколько-нибудь от жестокой снежной бури, мы почти ощупью спустились немного по юго-восточному склону холма и остановились на покатости. Там мы пытались развести из захваченных с собой дров костер, но напрасно: сильный ветер со снегом каждый раз тушил вспыхнувший огонек. К счастью, гроза и метель вскоре прекратились, мы снова поднялись на вершину холма и, открыв с трудом окоченелыми руками барометр, измерили ее высоту, оказавшуюся впоследствии по вычислению равною 16 150 футам.

Прозябнув сильно на холме, мы поспешно спустились с него и направились обратно в лагерь, сходя по временам с лошадей, чтобы согреть себя усиленной ходьбой. Но и движение скорым шагом мало помогло: холодный ветер, дувший с утра, пронизывал нас все время на обратном пути. Прибыв в лагерь в сумерки, мы должны были надеть шубы, и только после нескольких выпитых почти залпом чашек горячего чая перестали дрожать от холода.

Вечером, по окончании обычной записи в дневник, мы, сидя в палатке у костра, долго рассуждали с моим спутником, В. И. Роборовским, уже немало странствовавшим по пустыням Центральной Азии, о способе исследования нагорной пустыни, в которой тогда находились. Обсудив всесторонне этот вопрос, мы пришли к заключению, что для углубления в нее на далекие расстояния от Кун-луня совершенно необходимо предварительное устройство у южного подножья его складов с большими запасами продовольственных продуктов и фуража (ячменя, отрубей и прессованной люцерны) для животных. Из таких первоклассных складов должны пополняться по мере надобности второстепенные склады, открытые южнее, в самой нагорной пустыне. Эти последние могли бы служить исходными пунктами для экскурсий по ней, которые следовало бы при таких условиях предпринимать с небольшим числом людей и столькими вьючными животными, чтобы иметь с собой запас продовольственных продуктов и фуража для всего каравана по крайней мере на две недели.

Такой способ исследования северной полосы Тибетского нагорья со стороны Кашгарии на всем протяжении от верховьев реки Керия-дарья до меридиана озера Лоб-нор в длину и верст на 300 в ширину от Кун-луня потребовал бы, без сомнения, больших денежных затрат и очень много времени. Задача могла бы значительно упроститься, если бы в Кашгарии было достаточно домашних яков. Эти животные, организм которых вполне приспособлен к пребыванию на больших высотах, несравненно надежнее лошадей, быков, ослов, мулов и даже верблюдов для путешествий по весьма высоким странам. Притом они весьма охотно едят белолозник и тибетскую осоку, растущую, по всей вероятности, в южной половине указанной полосы, и потому для яков на время путешествия по рассматриваемой нагорной пустыне потребовалось бы гораздо меньше фуража, чем для прочих вьючных животных.

Основываясь на этих соображениях, мы полагаем, что исследование нагорной пустыни, простирающейся к югу от Кун-луня, в указанных пределах было бы гораздо удобнее предпринять с запада, из Ладака. Обитатели этой горной страны содержат достаточно домашних яков, кротких и вполне привычных к перевозке вьюков; кроме того, в Ладаке легко найти опытных людей для путешествия в Тибетскую нагорную пустыню, а также запастись продовольственными продуктами и фуражом. В северо-восточной части Тибета также можно приобрести домаш-

них яков, но они не так кротки, как ладакские, и притом там гораздо труднее будет заготовить продовольственные продукты и фураж на время путешествия.

Наши средства и краткость времени, остававшегося для путешествия экспедиции собственно по Тибетскому нагорью, не позволяли нам проникать далеко внутрь этой страны: не имея позади складов продовольственных припасов и фуража, мы могли удаляться от Кун-луня к югу не более 100 верст. При таких обстоятельствах экспедиция должна была ограничиться обозрением небольших отдельных районов северной полосы Тибетского нагорья на пространстве от верховьев реки Кериядаря до меридиана озера Лоб-нор, чтобы ознакомиться по крайней мере в общих чертах с характером природы этой безвестной страны.

В ночь с 27-го на 28 июня снова выпал снег в два дюйма толщины, и мы провели второе утро среди необозримой снежной поляны. С 7 часов ее начало озарять по временам яркое солнце и быстро растоплять своими жгучими лучами снег. К 9 часам он уже исчез с равнины и оставался только на холмах, которые все утро курились, подобно вулканическим сопкам, и нагорная пустыня с этими повсюду дымящимися на ней холмами казалась какой-то волшебной, сказочной землей.

Продовольственных припасов и фуража у нас осталось только на три дня. Поэтому в 9 часов мы сняли палатки и направились обратно к своему пристанищу на озере. С вершины перевала В. И. Роборовский снял несколько видов, а я в это время повторил барометрическое определение ее высоты. Затем полюбовавшись недолго дивной картиной курившихся в нагорной пустыне бесчисленных холмов, мы простились с нею и начали спускаться с хребта. Обратный путь был несравненно легче переднего: одни и те же расстояния мы проходили при спуске почти вдвое скорее, чем при восхождении на хребет. На ночлег остановились на старом месте, у ручья; ночью опять выпал снег около двух дюймов толщины, но утром очень быстро стаял и держался до 10 часов только на вершинах гор. В полдень 30 июня мы прибыли в лагерь, на озеро Даши-куль.

П. К. Козлов, возвратившийся накануне нашего прибытия на озеро, также успел обозреть небольшой район высшей области Тибетского нагорья. Пройдя около 40 верст вверх по речке, впадающей в озеро Даши-куль, он оставил на ней одного таглыка с двумя вьючными быками и частью запасов, а сам с казаком и другим горцем повернул на юг по направлению к усмотренной широкой поперечной долине окраинного хребта. По этой долине путники поднимались верст 40 до его гребня; в северной части, близ подножья хребта, она глубока, и окрестные горы очень высоки, но по мере простиранья к югу глубина ее уменьшается, а вместе с тем мельчают и окраинные горы, переходящие около гребня в холмы. Кроме приземистого белолозника и полыни, встреченной только в нижней части долины, в ней не найдено никаких растений. В этой долине Козлов видел также следы куланов, антилоп и тибетских зайцев, но признаков посещения ее людьми не нашел. Достигнув гребня хребта, опускающегося на юг отлогим и коротким склоном, Козлов увидел оттуда на юге землю, покрытую цепями холмов восточно-западного направления. По обозрению с вершины перевала нагорной пустыни путники спустились по той же долине с окраинного хребта, имеющего в том месте с лишком 40 верст ширины, и направились на речку, где был оставлен таглык, а оттуда возвратились в лагерь, на озеро Даши-куль.

Утомленным во время экскурсии людям и животным необходим был отдых, а потому мы по прибытии на озеро провели там следующий день.

1 июля наш караван направился в обратный путь по старой дороге в Кара-сай. Спуск с хребта мы совершали очень быстро, понижаясь ежедневно средним числом на 1 000 футов. Животные шли бодро, да и люди, заметно повеселели, оставив позади унылую нагорную пустыню, в которой мы все, не исключая и таглыков, испытывали одышку, слабую головную боль и легкие лихорадочные пароксизмы по вечерам. Температура воздуха, колебавшаяся на Тибетском нагорье в пределах от 3° до 15° Цельсия, по мере спуска с хребта значительно повышалась; с каждой станцией прибавлялось несколько десятков растительных видов, и самые растения становились все пышнее и пышнее, как будто мы стремительно переносились из полярного пояса в умеренный. На ночлеги караван останавливался на прежних местах, и везде мы находили растительность, значительно развившуюся за время нашего отсутствия.

4 июля мы благополучно прошли по опасному конгломератовому мысу у слияния рек Ак-су и Кубучи-дарья. На этот раз мы следовали по нему не так боязливо, как в передний путь, и в полдень прибыли в Кара-сай.

По возвращении в лагерь мы нашли там все в полном порядке. Верблюды и лошади экспедиции, отправленные еще в начале июня на новое пастбище, в долину Сарык-туз, очень хорошо поправились и были готовы к продолжению пути.

Геолог экспедиции К. И. Богданович возвратился из поездки на прииск Копа в Кара-сай за три дня до нашего прибытия туда. Перед этой поездкой я просил его собрать подробные сведения о перевалах через Кун-лунь восточнее реки Бостан-тограк. Во время пребывания в Копа и рекогносцировки гор к югу от названного прииска Богданович расспрашивал об этих проходах многих туземцев, из показаний которых выяснилось, что к востоку от реки Бостан-тограк до верховьев Черчен-дарьи в окраинном хребте нет ни одного перевала, доступного для верблюжьих караванов. На этом протяжении Кун-лунь могут пересекать только одиночные всадники да легко нагруженные ослы, для которых лучшими проходами считаются Мит и Далай-куган, ведущие по ущельям речек того же названия—левых притоков реки Кара-муран⁴⁴. С другой стороны, В. И. Роборовский во время весенней поездки в долину верхней Черчен-дарьи достоверно узнал, что из нее существует несколько проходов через окраинный хребет на Тибетское нагорье, доступных для караванов. На обратном пути он неоднократно встречал партии рабочих, шедших за Кун-лунь, на прииск Акка-таг, которые сообщили ему маршрут из долины верхней Черчен-дарьи на этот прииск и уверяли, что дорога туда вполне доступна для караванов.

Основываясь на вышеприведенных сведениях, я порешил перевести всю экспедицию по дороге, пролегающей по северному подножью Кун-луни через Копа и Ачан, в долину верхней Черчен-дарьи, на урочище Баш-малгун, где находились наши люди с 28 верблюдами и багажом, отправленные туда еще из Нии. В этой местности предполагалось оставить большую часть людей с животными экспедиции и повторить на наемных лошадях экскурсии на Тибетское нагорье. При этом я намеревался посетить непременно прииск Акка-таг, где в то лето ра-

ботало до 300 человек, чтобы собрать там расспросные сведения об окрестной ему стране.

На другой же день по прибытии в Кара-сай мы начали снаряжаться в путь: пекли на дорогу хлеб, исправляли выючные седла и формировали вьюки. Верблюды и лошади экспедиции, пасшиеся в долине Сарык-туза, были заблаговременно пригнаны в Кара-сай, в окрестностях которого подножного корма для них было уже достаточно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОТ КАРА-САЯ ДО ЛОБ-НОРА

Следование экспедиции из Кара-сая по северному предгорью Кун-луня через Копа в Ачан.— Необычайное разлитие реки Мольджа.— Поворот из Ачана в Черчен.— Пребывание в этом селении.— Движение оттуда через хребет Алтын-таг в долину верхней Черчен-дарья.— Остановка на урочище Мандалык.— Последние экскурсии на юг, к подножью хребта Пржевальского.— Расспросные сведения, собранные от охотников прииска Акка-таг об окрестной ему стране.— Возвращение по новым дорогам в Мандалык.— Путь экспедиции с урочища Мандалык по безлюдным нагорным долинам на северо-восток, к озеру Лоб-нор.— Прибытие на это озеро.

Утром 10 июля экспедиция, провожаемая толпой местных таглыков, состоявшей наполовину из наших спутников по Тибетскому нагорью, выступила из Кара-сая. Пройдя верст пять по волнистому предгорью, мы вышли на реку Бостан-тограк и направились вниз по ее левому берегу. Эта река, подобно Толан-ходже, по выходе из гор, течёт по предгорью в весьма глубокой и излучистой конгломератовой балке с отвесными стенами. В том месте, где мы на нее вышли, и несколько выше, Бостан-тограк омывает высокий, почти отвесный утес обнаженного горного мыса, упирающегося в реку и заставляющего ее повернуть круто к северо-востоку. Эта необычайно крутая скала, блестящая на солнце, называется Эйнак-таг (зеркальная гора).

На 14-й версте мы спустились по весьма крутому откосу в глубокую балку реки Бостан-тограк и расположились на ночлег. В этот день с 11 часов утра начал дуть прохладный ветер с севера, принесший такую массу пыли, что перед вечером мы не могли ясно различать ближайших к лагерю обрывов балки. Ровно в 9 часов вечера пришла горная вода, возвестившая о своем приближении глухим шумом. Река почти вдруг сильно вздулась и начала катить небольшие камни, издававшие слабый грохот. В течение всей ночи переправа через нее была невозможна, но к утру вода стала сбывать, и к 10 часам река уже обмелела.

Конгломератовая коса между реками Ак-су и Кубучи-дарьей

Ущелье реки Кубучи-дарьи в Кун-луне

Бостан-тограк, подобно Толан-ходже, течёт непрерывно только летом, в половодье, а в остальное время иссякает тотчас же по выходе из предгорья Кун-луня на соседний сай. Ниже, близ северной черченской дороги, эта река снова собирается из ключей и течет оттуда, под названием Андэрэ, круглый год верст 140 на север.

От реки Бостан-тограк до ближайшей речки Ой-яйляк, пересекаемой дорогой, считается около 40 верст безводного пути. Мы, по обыкновению, разделили этот длинный переход на два. Взяв с собой два бочёнка воды для людей и напоив всех животных, караван после полудня переправился через обмелевшую реку и поднялся из балки на высоту. Дорога пролегает по волнистой местности предгорья, прорезанной узкими, но неглубокими лощинами; мягкая лёссовая почва его покрыта полынью и белолозником, которые в то время по случаю засухи были очень тощи. На первой половине перехода мы пересекли несколько лёссовых грядок, засыпанных песком, и миновали ряд небольших отдельных высот, поднимающихся на предгорье близ подошвы Кун-луня. Этот окраинный хребет к востоку от реки Бостан-тограк значительно расширяется, вместе с тем становится плосче и не опускается уже, как западнее, к предгорью крутыми склонами, а ниспадает к нему постепенно отлогими ветвями, прорезанными неглубокими долинами, ущельями и лощинами, из которых выходят многочисленные мелкие лощины и балки, пересекаемые повсеместно дорогой. С уменьшением крутизны северо-западного склона Кун-луня на вышеуказанном пространстве уменьшается также и падение его предгорья, которое становится тоже плосче и ниже как над уровнем моря, так и над сопредельным северным саем, а прорезающие его балки и лощины несравненно мельче, чем к западу от Бостан-тограка.

Пройдя около 20 верст от реки, мы остановились на ночлег в плоской лощине, где был порядочный подножный корм и оказалась небольшая яма с водой, которой утолили жажду наши лошади. На второй половине перехода волны предгорья значительно сгладились, местность стала ровнее; отдельных высот на предгорье уже не замечалось, а прорезающие его каменистые лощины сделались шире и мельче. На 15-й версте мы пересекли весьма плоскую долину с целою сетью сухих каменистых русел временной речки, делящейся на несколько рукавов; судя по величине устилающих ее ложе камней, она должна сильно бушевать во время разлива.

В этот день мы разбили палатки для ночлега на берегу маловодной речки Ой-яйляк, текущей в неглубокой долине. Верстах в пяти к югу от переправы через нее, близ подножья Кун-луня, находится маленькое селение Ой-яйляк, имеющее всего 10 дворов. Обитатели его, таглыки, кочевали в то время со стадами в горах, а в селении оставалось только несколько человек для полевых работ. В этом убогом селении, благодаря понижению предгорья, растут деревья и, кроме ячменя, зреет еще горох.

На следующий день мы приблизились к горам и большую часть станции шли близ подножья Кун-луня. С приближением к окраинному хребту местность стала волнистее: на этом переходе мы пересекли три глубокие балки, из которых одна орошается речкой Бугана, и много лощин.

Последние пять верст экспедиция следовала по песчаным буграм, в которых нас застигла сильная буря. При слабом северо-западном

ветре и тонких слоистых облаках, покрывавших все небо, внезапно показалась с наветренной стороны наземная песчаная туча, надвигавшаяся темной стеной приблизительно сажен в 300 высоты; вся эта стена состояла из тесно сплоченных и сильно крутящихся песчаных столбов. Она двигалась с северо-запада на юго-восток с весьма большой скоростью, пробегая, по всей вероятности, не менее версты в минуту. По мере ее приближения ветер все более и более усиливался и наконец перешел в настоящий шторм; нас совершенно окутала масса песка, сквозь которую едва можно было различать в пяти шагах лошадей, казавшихся окрашенными в светложелтый цвет. После первых неистовых порывов ветер значительно ослаб и стал дуть гораздо ровнее, но густая мгла продолжала скрывать от нас все окружающее. Более часа шли мы во мраке, пересекли невысокий мягкий отрог Кун-луня и, спустившись с него в долину ручья Комыш-булак, остановились там в затишье на ночлег.

Проводники уверяли, что подобные песчаные бури случаются в их стране нередко ранней весной; приближение таких наземных песчаных туч возвещается на туземном языке словами «топа ягды!» (т. е. пыль идет).

К вечеру ветер совершенно стих, и пошел мелкий дождь, продолжавшийся до рассвета. Ночью нас разбудил шум сильно вздувшегося ручья Комыш-булак, который утром, с прекращением дождя, быстро обмелел и стал струиться так же тихо, как накануне.

С ручья Комыш-булак дорога пролегает попрежнему близ подножья Кун-луня, пересекая несколько глубоких балок с сухими руслами и небольшую полосу мелких песчаных бугров. Перейдя ее, мы спустились в последнюю глубокую балку и по выходе из нее следовали несколько верст до реки Мольджа по равнине, на которой нас застиг сильный дождь. Подходя к этой реке, мы миновали массу глубоких шахт, пробитых золотоискателями по сторонам дороги. В них погибло в короткое время от обвалов 13 рабочих, погребенных тут же, на прииске, и над могилами этих несчастных людей водружены шесты с конскими хвостами. Гибель стольких рабочих произвела удручающее впечатление и понудила золотоискателей оставить опасный прииск.

Спустившись в весьма глубокую балку Мольджи, мы хотели тотчас же перейти на правый берег реки, где подножный корм был гораздо лучше, чем на левом; но сильная прибывь воды после ливня заставила нас провести ночь на этом последнем. Утром, когда вода в реке немного сбыла, мы немедленно перешли на правый берег ее и, разбив лагерь на зеленой лужайке, возвышавшейся с лишком на сажень над уровнем воды, расположились на дневку.

Едва успели поставить палатки, как пошел мелкий дождь, вода в реке начала быстро прибывать, и вскоре переправа через нее стала уже невозможной. Дождь продолжал идти непрерывно, а река все более и более вздувалась; к полудню уровень воды в ней поднялся почти на аршин против утреннего; рукава ее, слившись в одно целое, образовали многоводную реку около 150 сажен ширины, несшую необыкновенно мутную желто-бурого цвета воду большими волнами. Около 3 часов пополудни, когда скорость движения воды в реке достигла 12 футов в секунду, она начала катить по дну камни, издававшие грохот, подобный отдаленным раскатам грома. Позднее этот непрерывный гром настолько усилился, что заглушал говор людей. Перед вечером скорость движения

воды увеличилась до 15 футов в секунду, и река, кроме камней, стала ворочать еще массивные валуны. Кувыркаясь по ее неровному каменному ложу, они по временам падали с его уступов и производили в свою очередь глухие удары, напоминавшие отдаленную пальбу из больших пушек. В то же время от непрерывного дождя с отвесных конгломератовых обрывов балки начали ниспадать местами каскады и подмывать торчавшие на пути камни, которые стали срываться с высоты и падать в балку. Один из таких массивных камней, упавший с противоположного обрыва балки, прокатился как раз по тому самому месту, на котором накануне был разбит наш лагерь. К счастью, мы стояли не под отвесным обрывом балки, а близ подножья ее мягкого откоса, и потому были обеспечены от падающих камней.

Еще более поразительное зрелище представляла в это время Мольджа в 200 саженях ниже нашего лагеря. Там два противоположных каменных мыса балки образуют ворота сажен в семь ширины, через которые должна была пробиваться вся огромная масса воды. Река с изумительной быстротой неслась через эти извилистые ворота очень большими волнами, яростно ударявшими об утесы и разбивавшимися с пеною и брызгами. На дне же ее гремели непрерывно камни и валуны, от движения которых и сильных ударов волн содрогались самые скалы ворот.

В 11 часов вечера уровень воды в реке поднялся почти на сажень над утренним, и она стала угрожать затоплением нашего лагеря. По тревоге были перенесены в полчаса палатки и весь багаж экспедиции на возвышенное место, где мы могли безопасно провести ночь. Во время этого перемещения непрерывный гром камней, учащенная пальба валунов и рев реки слились в один оглушительный вой, вынуждавший сильно выкрикивать приказания, чтобы они могли быть услышаны при таком страшном шуме. В полночь мы улеглись, как всегда, на войлоках, разостланных в палатках на земле, но долго не могли заснуть от сильного гула и дрожания земли, которая в то же время, как нам слышалось, будто тяжело стонала.

С полуночи дождь прекратился, и на рассвете вода стала сбывать. К 10 часам утра река значительно успокоилась: гром камней стал очень слабым, а пальба валунов прекратилась совершенно. По осмотре прежнего лагерного места на том же берегу оказалось, что уровень воды ночью не достиг до него только 10 дюймов.

По случаю минувшего ненастья экспедиция должна была простоять еще один день на берегу Мольджи. Наши проводники совершенно справедливо утверждали, что после продолжительного дождя спуски и подъемы в балках, которые нам предстояло пересечь на пути, становятся столь скользкими, что по ним трудно бывает проходить не только выючным животным, но и людям. Признавая их предостережение вполне основательным, я задержал экспедицию еще на день в балке реки Мольджа.

После полудня небо немного прояснилось, и вода стала быстро сбывать; к вечеру река, разделившись на рукава, обмелела, стихла и в этом, так сказать, смиренном виде, представляла поразительный контраст с тем необыкновенно возбужденным состоянием, в котором мы наблюдали ее накануне.

Мольджа, по выходе из предгорья Кун-луня, вскоре иссякает в песках и только в половодье в июне и июле пробивает себе путь далее

на север. Разливаясь в это время очень широко в нижнем течении, она пересекает черченскую дорогу и теряется верстах в 30-40 к северу от нее. В остальное же время Мольджа иссыкает в песках значительно южнее черченской дороги.

Поднявшись из балки реки Мольджа, экспедиция продолжала путь вдоль подножья Кун-луня, пересекая по временам глубокие балки с сухими руслами и небольшие песчаные пространства, состоящие из малых плоских бугров, нанесенных ветрами с северо-востока. Там желтело целое море песков, залегающих на пространстве между реками Черчендаря и Мольджа. Эта песчаная пустыня, носящая на западе название Кызыл-кум-буглук, безводна и крайне бедна растительностью. Через нее пролегает, однако, прямая дорога из Черчена в Копа, по которой ходят зимой верблюжьих караваны.

На второй половине перехода мы удалились от подножья хребта, местность стала ровнее, а прорезающие ее лощины и балки — мельче. Зато песчаные пространства на этом протяжении встречались чаще.

Северный склон Кун-луня на пространстве между реками Бостантограк и Кара-муран, будучи шире и отложе, чем на западе, вместе с тем отличается весьма прихотливым очертанием своего подножья. Подошва окраинного хребта, высылающего на этом пространстве к северу короткие отрасли, прорезанные повсюду ущельями, очень извилиста и зазубрена. Предгорье же его, склоняющееся, в свою очередь, тоже медленно к соседней пустыне, лежит значительно ниже как над уровнем моря, так и над этой пустыней, чем западнее реки Бостантограк, и прорезано в общем далеко не столь глубокими балками и лощинами, как там.

К востоку от реки Кара-муран Кун-лунь, получающий название Токуз-даван, опускается на север уже гораздо круче; узкое предгорье его тоже сильно вздувается и быстро падает к соседней песчаной пустыне, а прорезающие его балки и лощины становятся глубже.

Переночевав на урочище Узун-кол, мы сделали небольшой переход по каменистой равнине, прорезанной мелкими, еще более каменистыми оврагами, миновали селение Копа и разбили палатки для ночлега. Это селение, расположенное при входе в горное ущелье, имеет до 50 маленьких домиков, сложенных из камней, и несколько пещерных жилищ. Летом в нем проживает до 300 рабочих, занятых добычей золота, а зимой число обитателей селения сокращается наполовину. Вся окрестная равнина, соседние долины, ущелья и в особенности прорезающие их сухие русла усеяны шахтами глубиною до 10 сажен, пробитыми в конгломератовых толщах. За недостатком воды золото на этом прииске извлекается посредством провеивания. Вынутые из шахты куски конгломерата и мягкую землю сначала разрыхляют, потом выбирают из нее щебень и гальку. Остальные же минеральные частицы провеивают во время ветров, подбрасывая их кверху в больших деревянных чашах над разостланными на земле тканями или войлоками. Ветер уносит все легкие частицы, а гравий, дресва и крупный песок с крупинками золота частью остаются в чашах, частью падают на разостланные под ними ткани. Эти остатки осторожно разгребают и выбирают из них крупинки золота величиною от булавочной головки до горошины, а иногда и крупнее. Если вынутая из шахт земля сыра, то ее предварительно сушат и потом уже провеивают.

В Копа проживало в то время 12 китайцев и несколько богатых туземцев, занимавшихся исключительно продажей приисковым рабочим всего необходимого и покупкой золота, которого ежедневно добывалось всего от 40 до 80 золотников. Наши торговцы, проживающие в Керии, посещают также по временам этот прииск, привозя туда на продажу русские товары и скупая часть золота. На деньги оно продавалось очень дорого — по 4 рубля 50 коп. золотник. Скупщики выменивали его на товар, сбывая этот последний по двойным ценам и более, а потому им золотник обходился не дороже двух рублей⁴⁵.

Местность вокруг Копа, усеянная повсюду камнем, совершенно пустынна. В этом унылом селении и в его окрестностях ничего не растет, и воды в протекающей через него маленькой речке едва хватает для обитателей. Хлеб, овощи и все вообще продовольственные продукты доставляются на прииск из Керии, Нии и Черчена, откуда пригоняют также и овец для пищи. Лес привозят зимой на вьюках с низовьев реки Мольджа по дороге, направляющейся вверх по этой реке и выходящей потом на подгорный тракт немного восточнее места переправы через нее.

Мы прибыли в селение Копа вскоре после случившегося там сильного наводнения. С 13-го по 20 июля в соседних горах Кун-луня шли дожди, от которых протекающая через него маленькая речка в короткое время сильно разлилась, снесла базар и разрушила много хижин. Следы произведенного ею опустошения были еще свежи, и многие из жителей селения разыскивали свое имущество, унесенное водой.

Из Копа экспедиция следовала около шести верст вдоль подножья широкого и плоского северо-восточного отрога Кун-луня, прорезанного многими ущельями. Дорога пролегает по местности, усеянной почти сплошь крупными камнями, и вьется между шахтами, окруженными земляными валиками. Ночью на этом пространстве очень легко сбиться с пути и попасть в шахту.

Выбравшись из области шахт, мы шли по волнистой местности, усеянной тоже камнями, и пересекли сначала несколько неглубоких балок, а потом множество малых оврагов; затем, миновав горный мыс помянутого отрога, экспедиция следовала по весьма плоской и каменистой местности, изрезанной повсюду мелкими рытвинами, и наконец спустилась в широкую долину реки Мит — левого притока Кара-мурана. Вся эта плоская долина, простирающаяся до восьми верст в ширину, сплошь покрыта кругляками и галькой, нанесенными рекой во время разливов из соседних гор Кун-луня. Вынос такой огромной массы каменных обломков, устилающих буквально всю долину реки Мит, обуславливается, по всей вероятности, сильным расчленением гор Кун-луня в области верхнего течения названной реки и присутствием в них множества скалистых ущелий.

Река Мит по выходе из гор разделяется в своей плоской каменистой долине на многие рукава, то сливающиеся друг с другом, то разъединяющиеся. Среди этой долины, между двумя рукавами реки, возвышается небольшой конгломератовый островок, покрытый мягкой, наносной землей, и на нем, благодаря присутствию плодородной почвы, поселились белолозник, чегеран, мирикария и полынь. На этом островке, называемом Отры-ёл и представляющем единственный оазис мертвой, каменистой долины реки Мит, мы расположились на ночлег. В долину часто забегали из соседних песков антилопы на водопой и, утолив

жажду, поспешно удалялись на северо-запад, в песчаную пустыню, в которой, вероятно, находили для себя достаточно подножного корма.

С островка Отры-ёл мы шли версты четыре по каменистой долине реки Мит, потом поднялись на узкую, вроде косы, высоту, выдающуюся на север от подошвы Кун-луня, и тотчас же спустились с нее в балку речки Хашаклык — правого притока реки Мит, изливающегося в нее верстах в пяти ниже дороги. Из этой балки караван поднялся на совершенно плоскую дресвяную высоту и следовал по ней верст пять до реки Кара-муран. После утомительного пути от самого селения Копа по необычайно каменистой, мертвой и унылой местности движение по этой мягкой равнине было настоящим отдыхом. По сторонам дороги паслись стада антилоп, развлекавших нас своими грациозными движениями. В числе их было немало молодых, резвившихся около своих матерей и заигрывавших со сверстницами.

Перейдя многоводную реку Кара-муран, текущую в широкой конгломератовой балке, экспедиция разбила лагерь на возвышенной террасе правого берега этой балки. К реке часто приходили на водопой стада антилоп, живущих во множестве в окрестной стране, несмотря на ее скудную растительность. Весьма вероятно, что их привязывает к ней отсутствие поселений и редкое посещение ее людьми.

Река Кара-муран, по свидетельству туземцев, подобно Бостантограку, получает начало на южном склоне Кун-луня и, пройдя немного с востока на запад по Тибетскому нагорью, прорезает этот окраинный хребет и спускается в Кашгарскую котловину*. Кара-муран, как и Мольджа, в малую воду иссякает верстах в 40 от гор в песчаной пустыне Кызыл-кум-буглук. В половодье же эта река пробивается через пески, поворачивает круто на запад, потом на северо-запад и, разливаясь очень широко в своем нижнем течении, пересекает черченскую дорогу, от которой течет еще верст 100 в северо-западном направлении. Верстах в 30 к северо-западу от переправы на нашем пути Кара-муран принимает слева приток Мит. Истоки этой реки находятся также на южном склоне Кун-луня, а по ущелью ее пролегает тропа, ведущая на Тибетское нагорье и доступная только для одиночных всадников да легко нагруженных ослов. В горах Кун-луня река Мит собирает в себя очень много притоков, доставляющих ей большую массу воды в период разлития.

К востоку от реки Кара-муран дорога на протяжении 12 верст пролегает по высокой дресвяной плоскости, не имеющей ни малейших неровностей. Далее равнина медленно склоняется в восточном направлении, и на ней появляются полосы плоских песчаных бугров, нанесенных ветрами из соседней пустыни. По этой наклонной плоскости мы спустились к балке с сухим руслом, занесенной во многих местах песком. От балки дорога постепенно поднимается по дресвяной же равнине в песчаные бугры, поросшие густыми кустами белолозника, и следует по ним около шести верст. Перейдя пески, экспедиция пересекла глубокую балку маленькой речки и направилась сначала вверх по правому берегу этой балки, потом мы повернули от нее на юго-восток, пересекли

* С левой стороны в Кара-муран изливается речка Далай-куган, по ущелью которой могут проникать на Тибетское нагорье одиночные всадники и легко нагруженные ослы.

несколько глубоких лощин и вышли к маленькому селению таглыков—Салкынчи, около которого разбили палатки для ночлега.

Бедное селение Салкынчи, состоящее из нескольких хижин, расположено у самого подножья Кун-луня, при выходе из него маленькой речки. Во время нашего посещения в нем проживало лишь несколько таглыков, наблюдавших за пашнями, а все остальные его обитатели кочевали со стадами в соседних горах. Они пасут овец, принадлежащих тоже богатым жителям Керии, и проводят с ними все лето на Кун-луне. Около селения расположены небольшие поля, орошаемые арыками и засеваемые ячменем—единственным хлебным растением, возделываемым в нижних долинах Кун-луня и на его высоком предгорье, близ подножья. Окрестности селения были покрыты в то время хорошей растительностью: злаком чиём и луговыми травами в лощинах, а на возвышенных местах—полынью и другими кормовыми растениями.

Всю станцию в 15 верст от селения Салкынчи до селения Ачан мы шли по высокому предгорью Кун-луня, возле самого подножья хребта, пересекая беспрестанно узкие и глубокие лощины, поросшие хорошей травой. Эта дорога очень затруднительна, а потому караваны с тяжелыми выюками проходят станцию между Ачаном и Салкынчи кружным путем, пролегающим по нижележащей равнине, на которой лощины встречаются реже и притом далеко не такие глубокие. Предгорье Кун-луня, поднимающееся постепенно к востоку от реки Кара-муран, на пространстве между селениями Салкынчи и Ачан достигает уже с лишком 9 000 футов высоты над уровнем моря и опускается в небольшом расстоянии от подошвы хребта крутым скатом на север. С высоты его была ясно видна на севере песчаная пустыня, желтевшая на всем обозреваемом пространстве, а перед нею простиралась обширная плоская высота в виде овального острова, соединяющаяся с предгорьем нешироким поднятием, как бы перешейком.

После утомительного перехода по предгорью, на котором каравану приходилось поминутно пересекать глубокие и узкие лощины, мы достигли селения Ачан, обитаемого также таглыками. Большая часть его жителей тоже кочевала со стадами овец в горах, а в селении оставалось лишь несколько человек, занятых пашнями, на которых рос очень хороший ячмень и немного редиса. Большинство овец, пасущихся в Кун-луне, восточнее реки Кара-муран, принадлежит богатому и влиятельному чиновнику из туземцев Мусса-беку, служащему в управлении керийского окружного начальника. Этот бек, пользуясь своим положением, вынуждает бедных таглыков пасти его стада на весьма невыгодных для них условиях, а потому постоянно приходилось выслушивать жалобы на него горцев.

Селение Ачан, состоящее из немногих жалких хижин, расположено у подножья Кун-луня, на берегу маленькой речки Ачан-су, вытекающей из снеговых гор Ачанын-акка-чакыл, которые отстоят от него верстах в 20 к юго-востоку. Это были первые снеговые горы Кун-луня, виденные нами в столь близком расстоянии от его северной подошвы. К востоку от Ачана северный склон окраинного хребта становится еще круче, а снеговые горы еще более приближаются к его подножью. Высокое и узкое предгорье окраинного хребта прорезано там очень глубокими балками (по-туземному—чап), а потому прямая дорога, ведущая из Ачана вдоль подножья Кун-луня на верховья реки Черчендаря, крайне неудобна для караванного движения. Она пересекает

множество глубоких балок с весьма крутыми спусками и подъемами, а в одном месте проходит по весьма узкому гребню между двумя пропастями. Поэтому я решил следовать с экспедицией по нижней дороге, пролегающей по равнине, перейти на правый берег Черчен-дарьи и затем через перевал Чука-даван в хребте Алтын-таг спуститься в горную долину этой реки.

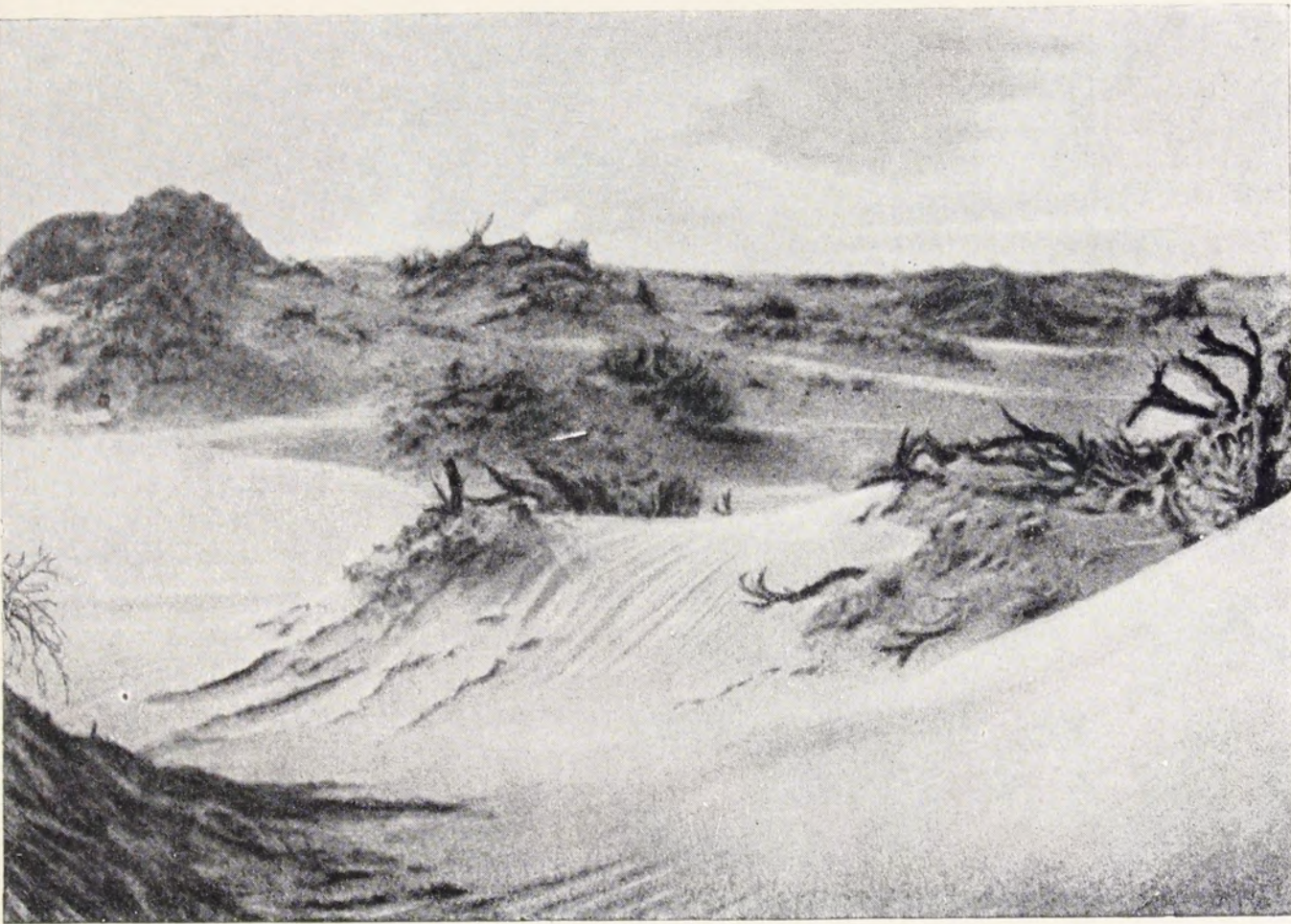
В селении Ачан мы пробыли два дня, в течение которых наши животные, утомленные последними трудными переходами, отдохнули и попаслись на хорошем подножном корму в окрестностях этого селения. На другой день по нашем прибытии в Ачан перед вечером начал дуть прохладный ветерок с севера, из пустыни, и к утру следующего дня принес массу пыли, скрывшей из вида соседние горы. Вслед за пылью в этой стране появляются всегда облака, еще более усиливающие крайне неприятный удручающий сумрак сухого тумана. Весь день 25 июля при слабом северном ветре господствовал густой пыльный туман, сквозь который трудно было различать даже ближайшие к лагерю высоты.

26 июля мы направились к Черчен-дарье и шли сначала по черченской караванной дороге, которая верстах в 15 от Ачана вступает в песчаную пустыню и следует по ней почти до самого Черчена. В пустыне она пересекает русла речек Иссинген и Ак-яр, несущих летом, в период разлива, свои воды далеко на северо-запад в пески, а в остальное время иссякающих вскоре по выходе из гор. Тогда дорога на всем протяжении от Ачана до Черчена в 90 с лишком верст становится безводною. Она пролегает большею частью по сыпучим пескам, которые к северо-западу от селения Ачан носят название Ачанын-кум, а далее на запад до самой реки Мольджа называются Кызыл-кум-буглук. По этим пескам проходит также прямая дорога из Черчена в Копа, имеющая около 130 верст протяжения, в том числе до 100 верст по пескам. По ней черченцы доставляют зимой на прииск продовольственные припасы, которые перевозятся всегда на верблюдах, причем верблюдожатые, за отсутствием в пустыне воды, должны запастись ею для себя на весь путь.

Свернув в четырех верстах от Ачана с черченской дороги, экспедиция направилась по тропе и шла сначала на север, потом на северо-восток. Первую станцию тропа пролегает по мягкой лёссовой равнине, покрытой изредка весьма плоскими песчаными буграми и прорезанной неглубокими балками. Эта подгорная равнина, благодаря присутствию подпочвенных вод, далеко не бесплодна, и на ней пасутся стада степных антилоп.

В 20 верстах от Ачана мы пересекли речку Иссинген, текущую в широкой, каменистой долине, и остановились на ней ночевать. Она была в то время в полном разливе и несла, по словам проводников, свои воды далеко на северо-запад, во внутренность песчаной пустыни; в остальное же время Иссинген теряется, не доходя до песков.

Следующую станцию экспедиция шла в северо-восточном направлении, удаляясь все более и более от гор. Тропа пролегла уже по пустынной дресвяной равнине, монотонной и печальной, покрытой изредка плоскими песчаными буграми и весьма скудную растительностью. Среди станции караван пересек полосу довольно высоких песчаных грядок, простирающихся с северо-запада на юго-восток. Направление их и неравносклонность указывают на борьбу в этой местности северо-восточного ветра с юго-западным и преобладание последнего.

Вверху: вид Тибетского нагорья с вершины перевала к югу от озера Даши-куль

Внизу: песчаные бугры, поросшие тamarиском, близ станции Кара-мурай на дороге из Нии в Черчен

С возвышенной полосы песчаных грядок мы спустились в узкую долину речки Ак-яр, несущей свои воды, подобно Иссингену, в период разлива далеко на северо-запад, в песчаную пустыню, а в остальное время не достигающей песков. От нее тропа опять идет по печальной дресвяной равнине верст семь до следующей речки Курам-лык. Достигнув долины этой речки, мы разбили лагерь для ночлега на возвышенном и длинном острове, заключающемся между сухими руслами. К востоку от него лежит другой такой же остров между рукавами самой речки, которая в то время уже значительно обмелела. В русле западного рукава ее находятся массивные валуны, принесенные, очевидно, этой речкой с гор. Таких крупных валунов мне не приходилось замечать ни в одной из рек, текущих с Кун-луня, в столь большом расстоянии от его подножья (около 30 верст). Поэтому присутствие их в ложе речки Курам-лык можно объяснить, мне кажется, только сильным катаклизмом, происшедшим в ее горном ущелье, как, например, прорывом временной преграды, образовавшейся от обвала и разрушенной внезапно напором скопившейся выше нее огромной массы воды.

С ночлежного места на острове мы повернули прямо на север и шли сначала по самому острову, весьма медленно склоняющемуся в этом направлении, а потом по сухому ложу левого рукава речки Курам-лык. Из этого последнего экспедиция поднялась немного на пустынную дресвяную равнину и, пройдя по ней несколько верст, пересекла живое русло той же речки, текущей на северо-запад в неглубокой долине. От речки тропа идет опять по пустынной дресвяной равнине, понижающейся в конце станции увалом, или уступом, к долине реки Черчен-дарья, на берегу которой мы остановились на ночлег.

От продолжительных дождей в горах Черчен-дарья разлилась, и переправа через нее, к сожалению, была совершенно невозможна. В пустынной долине ее не было вовсе подножного корма для лошадей, которых пришлось довольствоваться исключительно ячменем, имевшимся всегда в экспедиции на крайние случаи, да и для верблюдов корм был очень плох. Перед вечером к нам прибыли черченские старшины, посланные местным беком для встречи экспедиции. По доброму туземному обычаю, они привезли нам пшеничных лепешек, вареных яиц, фруктов и несколько десятков снопов люцерны для лошадей, которая была так необходима нам в этом пустынном месте.

Вода в Черчен-дарье к вечеру значительно прибыла, а ночью шел мелкий дождь. Утром река уже бушевала, ворочая мелкие камни, от движения которых происходил глухой шум. По единогласному заключению наших проводников и прибывших из Черчена старшин, на убыль воды в скором времени никак нельзя было рассчитывать; оставаться же долго в пустынной долине, при отсутствии подножного корма, мы не могли. Поэтому экспедиция должна была следовать в Черчен и ожидать там спадения воды.

После полудня караван в сопровождении черченских старшин направился вниз по долине Черчен-дарьи, окаймленной высокими и крутыми увалами. К западу от этой реки простирается сначала пустынная дресвяная равнина, граничащая с обширной песчаной пустыней, в которой была видна высокая цепь барханов, носящая название Баш-та-кум.

В 25 верстах выше Черчена долина Черчен-дарьи быстро расширяется, и левый ее увал становится все ниже и ниже. В этом месте выведен из реки очень большой арык, направляющийся вдоль левого

увала долины на северо-запад, к развалинам древнего Черчена, где китайские власти хотели основать поселение. Но попытка оросить эту пустынную местность, стоившая громадного труда, оказалась безуспешной: арык сильно занесло речными осадками, и его пришлось забросить.

Переночевав на берегу помянутого арыка, мы на другой день вскоре вышли на караванную дорогу из Черчена в Ачан у лянгера Мусса-бек, расположенного близ впадения в этот арык речки Курам-лык. Она, по всей вероятности, тоже содействовала занесению его осадками, внося в него во время разлива значительное количество мутной воды. В остальное же время Курам-лык теряется недалеко от гор.

От лянгера мы шли уже по караванной дороге, пролегающей по восточному рубежу песчаной пустыни. За пять верст от оазиса скудная растительность придорожной местности стала постепенно уступать место более пышным и разнообразным растениям, свойственным окраинам оазисов. Сначала появились камыш и тамариск, потом солодка, кендырь и другие растения.

После долгого странствования по пустынным местностям Черченский оазис представился нам обетованной землей, со вступлением в которую не только люди, но и животные нашего каравана заметно оживились. Перейдя через селение, экспедиция разбила палатки близ северной его окраины, у маленькой тополевой рощи.

Черчен-дарья, при входе в оазис, разделяется на два рукава, между которыми заключается обширный остров Арал-чик. Большая часть Черченского оазиса, заключающая в себе около 15 кв. верст, расположена на левом берегу западного, или главного, рукава реки, а меньшая занимает остров, содержащий около 5 кв. верст. Во время нашего пребывания во всем оазисе считалось только 200 домов с населением в 1 000 человек; но несколько лет назад в нем было до 3 500 жителей, большинство которых переселилось в последние годы прошлого десятилетия в Нию, Керию и другие оазисы страны. К такому огульному переселению черченцы были вынуждены тяжестью возложенных на них, в виде натуральной повинности, земляных работ при проведении из Черчен-дарьи большого арыка на северо-запад, в пустыню. Близ западной окраины нынешнего Черченского оазиса существовал в древности город, развалины которого теперь едва заметны, да и то лишь в немногих местах. В них находят во множестве обломки глиняной посуды а также монеты и человеческие кости. По китайским летописям, население этого города состояло преимущественно из китайцев, а потому местные китайские власти распорядились, чтобы все человеческие кости с развалин были бережно собраны в одно место и хранились, как святыня. Это требование было исполнено: все найденные в развалинах кости собраны и сложены в одну грудку, к которой строго воспрещено прикасаться. Затем, китайцы пожелали основать на месте древнего города поселение и обязали туземцев провести из Черчен-дарьи к месту его развалин большой арык. Жители Черчена трудились с лишком три года над этим сооружением, получившим название Янги-арык (Новый арык). Выведенный ими арык имел около 30 верст длины, с лишком две сажени ширины и до одной сажени глубины, но оказался недолговечным: речные осадки вскоре уменьшили его глубину и ширину почти вдвое. Жители оазиса, обремененные трудной земляной работой, в большинстве переселились из него; очищать арык от наносов стало некому, и

он, по всей вероятности, в скором времени будет совершенно занесен речными осадками.

Так неудачно окончилось задуманное китайцами восстановление древнего Черчена. Намерены ли они продолжать это дело — туземцам было неизвестно*.

В Черченском оазисе, вследствие весьма значительной убыли населения, осталось много свободной земли. Ныне на каждый двор (семейство в 5 человек) в нем приходится до 10 десятин. Лёссовая почва его с небольшой примесью песка и речного ила очень плодородна: средний урожай пшеницы на старых пашнях сам-15, кукурузы сам-35 и ячменя сам-14. Несколько лет тому назад, когда население оазиса было с лишком втрое более нынешнего, черченцы стали понемногу разрабатывать первобытные лёссовые холмы, покрывающие его окраины, и сеять на выравненных местах хлеб. В первые годы эти новые пашни, обильно орошаемые арыками, давали баснословные урожаи: пшеница родилась на них сам-60, а кукуруза сам-120. С течением времени урожай на новых землях стали постепенно снижаться, но и поныне еще очень обильны. Опыт посевов на первобытной лёссовой почве убедил черченцев наглядно в ее необычайном плодородии, в особенности в первые годы, когда она давала поистине баснословные урожаи. Поэтому разработка лёссовых холмов в оазисе, по отзыву жителей, приняла бы, без сомнения, обширные размеры, если б не последовало такой большой убыли в его населении.

Кроме пшеницы, кукурузы и небольшого количества ячменя, в Черченском оазисе возделывают еще хлопок, коноплю и табак; овощи и фрукты рождаются в нем обильно. Из деревьев, не считая фруктовых, в этом оазисе произрастают: серебристый тополь, джида, жужуба и тут. Но шелководство ныне, как и во всей Южной Кашгарии, в упадке.

Богатые и зажиточные поселяне оазиса, расширившие вследствие убыли населения весьма значительно свои запашки, сетовали на недостаток рабочих рук. Большинство беднейших черченцев уходит в летнее время на золотые прииски Акка-таг и Бухалык, а остающиеся в нем самостоятельные хозяева неохотно нанимаются в поденщики.

Крупного рогатого скота и лошадей у черченцев немного, но зато они владеют большими стадами обыкновенных курдючных овец, пасущихся частью в горах Кун-луня, частью в долине Черчен-дарьи, ниже оазиса.

Дома в Черченском оазисе малы и убоги. В западной части оазиса находится небольшой базар, состоящий тоже из маленьких убогих жилищ с миниатюрными лавочками и ремесленными заведениями.

Кустарная промышленность в оазисе очень слабо развита и ограничивается удовлетворением почти одних только местных потребностей. Черченские кустари выделывают только небольшое количество грубых бумажных тканей, войлоков и кож. Торговля Черчена очень незначительна: из него сбывается исключительно избыток хлеба на соседние золотые прииски — Копа, Акка-таг и Бухалык — да еще небольшое количество бумажных тканей и других необходимых предметов таглыкам ближайших гор Кун-луня.

* Все эти сведения о древнем Черчене и о попытке китайцев восстановить его записаны мною со слов черченцев.

Во время пребывания в Черчене мы имели свидание со старым знакомым — ниинским бекем Измаилом, приехавшим туда по поручению начальства для исчисления скота. Черченский же бек был в то время вызван по делам службы в Керию. Нас неоднократно посещал его сын, проживающий почти постоянно в селении Татран, расположенном на реке Черчен-дарья, в 40 верстах ниже Черчена, где пасутся овцы бека. По его словам, в этом селении живет ныне только 10 семейств, но ранее в нем было гораздо больше жителей. Черчен-дарья во время наводнения так сильно попортила арыки в Татране, что жители, несмотря на все усилия, не могли восстановить их и вынуждены были переселиться в другие оазисы страны.

В долине Черчен-дарьи, по словам того же рассказчика, в окрестностях Татрана находится много малых озер, сообщающихся с рекой протоками. В этих озерах, частью пресных, частью солоноватых, живет масса рыб; в самой же реке, несущей мутную воду, их гораздо меньше. Долина Черчен-дарьи покрыта тополевым лесом, зарослями кустарников и камыша, в которых водятся кабаны и фазаны. Ниже Татрана, в густых лесах местности Бугулук живут маралы, а в песках к юго-востоку от этого селения встречаются дикие верблюды, забегавшие нередко зимой в долину Черчен-дарьи.

К северу от Татрана на протяжении одного дня пути простирается тополевый лес, за которым следует полоса тростниковых зарослей такой же ширины, а за нею опять лес. Как далеко он тянется к северу, никому из жителей Татрана неизвестно, потому что никто из них не проникал далее двух дней пути в ту сторону от своего селения.

В Черчене за несколько дней до нашего туда прибытия произошло сильное наводнение. В последних числах июля в оазисе шли такие обильные и продолжительные дожди, каких не помнил никто из его старожилов. Вода в Черчен-дарье, бывшей в то время в полном разливе, достигла небывалой высоты и произвела разрушения: смыла несколько домов, мельниц и оград, попортила большинство арыков и затопила поля. Множество народа трудилось несколько дней над восстановлением арыков, порча которых могла губительно отозваться на неснятых еще с полей и огородов растениях.

Жары в Черченском оазисе во время нашего пребывания с 29 июля по 3 августа были очень умеренные. С севера, из пустыни ежедневно дул прохладный ветерок, умерявший в значительной степени дневной жар. Вода в Черчен-дарье сбывала очень медленно и задержала нас в оазисе пять суток.

3 августа утром туземцы сообщили нам, что уровень воды в Черчен-дарье значительно понизился и переправа через реку уже открылась. В час пополудни мы выступили и, пройдя версты три по оазису, переправились через несколько глубоких и быстрых рукавов Черчен-дарьи на остров Арал-чик, на котором расположена восточная часть селения. Дорога, минуя оконечность его, направляется почти прямо к югу и пролегает верст шесть вдоль острова; потом она пересекает несколько рукавов восточного русла реки, из которых один был особенно глубокий и стремителен.

Перейдя через реку, мы направились по ее каменистой долине на юг. По мере удаления от оазиса растительность долины становилась все скуднее, и мы вскоре очутились опять в пустыне, покрытой лишь кое-где жалкими кустами хвойника.

В восьми верстах от последней переправы караван повернул из долины к юго-востоку и, поднявшись на ее правый, возвышенный берег, пересек юго-западный отрог длинной и высокой песчаной гряды Кара-кум, простирающейся почти в меридиональном направлении. Эта гряда тянется уже по пустыне, лежащей к северо-востоку от Черченского оазиса и простирающейся до 250 верст в длину и от 30 до 50 верст в ширину. Она занимает пространство между нижней Черчен-дарьей и подножьем хребта Алтын-таг.

Судя по рассказам туземцев и отчасти по нашим собственным наблюдениям, означенная пустыня, подобно внутренней обширной пустыне Такла-макан, представляет сплошной сай, покрытый лишь местами высокими песчаными грядами, простирающимися, как и в центральной пустыне, почти в меридиональных направлениях. В северо-восточной части этой пустыни, соседней местности Ваш-шаари, по единогласному уверению туземцев, встречаются в небольшом числе дикие верблюды. Они проводят лето в соседних горах Алтын-тага, а зимой нередко заходят в долину Черчен-дарьи, но живут в это время года долго и в самой пустыне, скрываясь в нее при всякой угрожающей им опасности. Поэтому следует полагать, что описываемая пустыня в северо-восточной своей части далеко не так безводна и бесплодна, как в юго-западной, где она почти вовсе лишена органической жизни.

С юго-восточного отрога песчаной гряды Кара-кум, оканчивающегося у крутого берега долины Черчен-дарьи, мы спустились на мертвый сай, покрытый изредка песчаными наносами, и, пройдя по нему версты четыре, ночевали на том же нагорном берегу долины, близ реки.

Утром при ясной погоде были отчетливо видны на юге снеговые горы Кун-луня, которые на всем протяжении этого хребта от селения Ачан до крутого поворота Черчен-дарьи на северо-запад отстоят, по видимому, недалеко от его северного подножья.

Следующую станцию экспедиция прошла по тому же нагорному берегу долины Черчен-дарьи. К востоку от дороги тянулась песчаная гряда Кара-кум, постепенно понижающаяся в юго-восточном направлении, а между нею и долиною реки простирался мертвый сай, покрытый кое-где песчаными наносами. Лишь в конце перехода стали встречаться близ обрыва в долину тощие кустики реомюрии. Перейдя через оконечности небольшой песчаной гряды, мы остановились на ночлег опять на высоком берегу долины Черчен-дарьи поблизости реки. На этом урочище, называемом Баш-кичик, переходят вброд Черчен-дарью в малую воду, и для указания места переправы на правом нагорном берегу долины сложены из камней небольшие пирамиды.

С урочища Баш-кичик мы выступили после полудня с запасом воды для людей и, пройдя немного по нагорному берегу долины, повернули на юго-восток. Дорога на протяжении 12 верст пролегает по пустынному саю, покрытому изредка мелкими песчаными наносами и одинокими кустиками хвойника. На второй половине перехода равнина становится мягче, кусты на ней встречаются чаще, наконец появляются солянки, а на горизонте впереди и по сторонам показываются низкие грядки. Перейдя сухое ложе речки Джигды-лык, караван остановили на ночлег в плоской безводной долине, покрытой солянками.

На другой день мы продолжали путь сначала по мягкой дресвяной равнине, поросшей солянками; по сторонам дороги тянулись низкие

рядки, а впереди на юго-востоке возвышался хребет Алтын-таг *. По мере приближения к нему растительность становилась разнообразнее и пышнее. Верстах в пяти от подножья хребта мы вступили в неглубокую долину его отлогого предгорья, покрытого небольшими отдельными высотами, и, поднявшись по ней на самое предгорье, вскоре спустились в балку речки Муна-булак. По ней караван втянулся в глубокое ущелье Алтын-тага и, пройдя версты две, разбил палатки для ночлега. В этом месте речка Муна-булак выходит на поверхность и струится на протяжении около версты, а выше и ниже скрывается в своем мягком дресвяном ложе, наполняющемся водой только после дождей в горах.

Место для лагеря в узком ущелье оказалось тесным, а вода в речке солоноватой, но подножный корм на нем был хорош: мирикария, хармык, злак чий и несколько видов солянок.

Дальнейший путь экспедиция продолжала по узкому и извилистому ущелью речки Муна-булак. Это сумрачное ущелье на первых 10 верстах принимает в себя много побочных еще более узких теснин, а в боковых скалах его нередко встречаются расселины от одной до двух сажен ширины, зияющие в обнаженных утесах. На 14-й версте из скалы бьют солоноватые ключи, иссякающие в мягком дресвяном дне ущелья, а на 20-й версте течёт с востока из побочной теснины маленький солоноватый ручеек, также вскоре теряющийся по выходе в ущелье речки Муна-булак.

Подъем на гребень хребта Алтын-таг по лощине сначала очень крут, потом дорога поворачивает почти на восток и пролегает параллельно его оси, восходя постепенно по косогору на вершину перевала Чукадаван, поднимающуюся на 9 530 футов над морем. Спуск с перевала только на протяжении первой полуверсты крут, а далее дорога постепенно склоняется по долине, которая переходит ниже в теснину, ведущую к реке Черчен-дарья. Эта последняя против нее течет в очень глубокой, недоступной балке, а потому дорога по выходе из теснины поворачивает на восток, пересекает лощину, потом горный отрог и спускается по каменистому оврагу к броду восточнее устья помянутой теснины.

Переправившись на левый берег Черчен-дарьи, мы прошли вверх по ней около версты и разбили лагерь для ночлега на урочище Ян-дам. В этот день экспедиция сделала утомительный переход в 32 версты, в том числе 24 поднималась на хребет Алтын-таг.

С урочища Ян-дам мы прошли еще версту по левому берегу Черчен-дарьи, потом переправились на правый и следовали всю станцию на восток по узкой долине этой реки, окаймленной на юге горами хребта Токуз-даван, а на севере — Алтын-тага. Окраинные горы долины той и другой стороны невысоки и спускаются к ней не круто; а снеговые вершины в южном хребте Токуз-даван отстоят в этом месте далеко от его подножья, и их не видно с берегов реки.

* Туземцы называют этот хребет на всем его протяжении от Черчен-дарьи до песков Кум-таг Астын-тагом (Нижний хребет), произнося это название так, что не знающий их языка может легко принять его по созвучию за Алтын-таг (Золотой хребет). Под последним названием помянутый хребет уже издавна изображается на всех картах, а потому для избежания недоразумений я удержал его и на приложенной к настоящей книге карте, поместив на ней, однако, в скобках и название Астын-таг. В описании же редакция сочла полезным сохранить за ним прежнее его название с тою целью, чтобы облегчить географам обобщение ранних сведений об этом хребте с современными.

Дорога на первой половине перехода часто пересекает горные отрасли и балки, а на второй становится несколько ровнее, но на всем протяжении очень камениста. Пройдя 24 версты, экспедиция переправилась на левый берег Черчен-дарьи и остановилась ночевать на урочище Ак-су-агазы, очень богатом подножным кормом.

Алтын-таг представляет собою мощный луч Кун-луня, сочленяющийся с главным хребтом системы, Токуз-даваном, в области верхнего течения реки Черчен-дарья на всем пространстве от урочища Ак-су-агазы до ее выхода из гор и поворота на северо-запад. Он окаймляет с севера нижнюю террасу Тибетского нагорья, соседнюю озеру Лоб-нор и ограниченную на юге насажденными хребтами системы Кун-луня. Южнее этих последних простирается второй уступ того же нагорья, окаймленный в свою очередь на юге весьма высоким хребтом Акка-таг* — восточным отрогом Кун-луня, отделяющимся от него близ истоков реки Кубучи-дарья. За этим хребтом лежит уже высочайшая область Тибетского нагорья, та заоблачная земля, часть которой мы обозревали во время экскурсии с озера Даши-куль на юг.

Ширина Алтын-тага в юго-западной его части по дороге, пролегающей через перевал Чука-даван, около 30 верст, из которых на северный склон причитается 26, а на южный — только четыре. К северо-востоку от названного перевала хребет постепенно расширяется и верстах в 30 от него представляет другой проход — Хадалык, — доступный только для одиночных всадников. Он ведет с юга в широкую продольную долину северного склона хребта, в которой, по свидетельству туземцев, водятся тибетские медведи и барсы, а из нее тропа выходит по ущелью на подгорный сай.

Алтын-таг опускается на северо-запад террасообразно, уступами и прорезан в этом направлении многими узкими долинами, покрытыми в нижней зоне хребта довольно хорошей растительностью: тополевым лесом, камышом, облепихой и многими другими кустарниками. Предгорье же его, представляющее бесплодный сай, опускается медленно к соседней каменисто-песчаной пустыне, простирающейся до самой Черчен-дарьи.

С урочища Ак-су-агазы экспедиция следовала версты две по солонцеватой долине Черчен-дарьи до впадения в нее речки Ак-су, текущей с южного хребта Музлук, потом прошла почти такое же расстояние вверх по долине этой речки до выхода ее из глубокой балки. Тут дорога оставляет названную речку и, повернув на восток, пролегает по дресвяной долине, окаймленной на юге горами хребта Музлук, а на севере отдельным кряжем Туре-таг, простирающимся среди широкой долины Черчен-дарьи с запада на восток, подобно высокому и длинному острову. Пройдя около восьми верст по означенной долине, мы повернули круто на северо-восток и вскоре достигли урочища Мандалык, на котором находились в то время наши люди с верблюдами и излишним багажом экспедиции, отправленные в долину верхней Черчен-дарьи еще из Нии. В этой местности экспедиция расположилась на продолжительную стоянку.

Прибыв в долину верхней Черчен-дарьи еще в половине мая, наши люди остановились сначала на урочище Ак-су-агазы, так как в верхней

* Хребет этот, открытый Н. М. Пржевальским и названный им хребтом «Загадочным», переименован по постановлению Совета Русского географического общества (3 марта 1886 г.) в «хребет Пржевальского»⁴⁶. — Прим. ред.

части долины подножный корм для верблюдов был еще плох. Свежая зелень появилась в ней только в июне, и тогда они перешли в местность Баш-малгун, отстоящую в 20 верстах к востоку от урочища Мандалык, а в конце июля спустились оттуда на это урочище.

В течение всего июля в долине Черчен-дарьи, несмотря на ее значительную высоту (около 10 000 футов), было много комаров; но, к счастью, свежий западный ветер, дувший ежедневно с 10 часов утра до 5 вечера, не позволял им изнурять наших верблюдов, которые в два месяца успели очень хорошо откормиться. По словам наших казаков, в июне и июле в долине дул по временам и восточный ветер, сопровождавшийся ненастьем, но облака двигались всегда с запада на восток.

С урочища Мандалык нам предстояло совершить последние экскурсии на Тибетское нагорье. На другой же день по прибытии я начал хлопотать о найме у местных таглыков верховых и вьючных лошадей для этих экскурсий, так как нашим собственным лошадям ввиду длинного обратного пути до границы необходимо было дать продолжительный отдых. Кстати, подножный корм на урочище Мандалык был так хорош, что они в продолжение нашего отсутствия могли вполне поправиться.

К сожалению, наши сборы на экскурсии замедлились на несколько суток. Таглыки, кочевавшие со стадами в долине верхней Черчен-дарьи, отпустили своих лошадей еще весной на свободу, и они, пасясь все лето без надзора, одичали и не подпускали к себе близко людей. Их ловили с большим трудом и приводили по одиночке в наш лагерь, где этих одичалых лошадей пришлось гонять на корде и приручать. Ловля лошадей, укрощение их и заготовление на дорогу ячменя задержали нас шесть суток в Мандалыке.

Основываясь на сведениях о соседней области Тибетского нагорья, собранных от местных таглыков и рабочих, возвращавшихся с прииска Акка-таг через Мандалык, я решил совершить последние экскурсии на это нагорье двумя партиями. В. И. Роборовский в сопровождении одного казака и двух таглыков должен был пересечь южный окраинный хребет долины верхней Черчен-дарьи, Музлук, по перевалу того же названия, и следовать на юго-восток до подножья другого окраинного хребта—Пржевальского (Акка-таг). Затем ему предложено было направиться вдоль подошвы этого хребта на восток, осмотреть большие озера, лежащие, по рассказам туземцев, в широкой долине между хребтами Пржевальского и Музлук, и возвратиться в Мандалык другим путем с востока.

Со второю партией, состоящею из П. К. Козлова, К. И. Богдановича, четырех казаков и четырех таглыков, я намеревался отправиться на прииск Акка-таг и, собрав там сведения об окрестной стране, проникнуть, если будет возможно, на юг, за хребет Пржевальского, с тем, чтобы обозреть хоть небольшую часть лежащей за ним нагорной пустыни.

Обе партии были снабжены 20-дневным запасом продовольственных продуктов для людей и 20-ю гарнцами ячменя на каждую лошадь. 14 августа все приготовления были окончены, и на следующий день В. И. Роборовский отправился в путь, а 16-го выступила и вторая партия.

Первую половину станции мы шли на восток по широкой, солонцеватой долине Черчен-дарьи, поросшей хармыком; потом повернули кру-

то почти прямо на юг и направились вверх по речке Музлук, текущей с окраинного хребта того же названия и впадающей в Черчен-дарью слева. Пройдя через горные ворота между оконечностями двух длинных отрогов хребта Музлук, караван вступил в неглубокую долину, окаймленную плоскими предгорьями этих отрогов, и разбил палатки для ночлега на урочище Музлук-аягы. Речка Музлук, орошающая это урочище, образуется немного южнее его из ключей и течёт круглый год до самой Черчен-дарьи, а выше них, на протяжении почти перехода, каменистое ложе ее остается большую часть года сухим и наполняется водой только в период летних дождей и таяния ледников в горах.

Пройдя несколько верст на юг по берегу сухого ложа речки Музлук, мы обогнули оконечность обособленного кряжа, обрывающегося почти отвесным склоном к юго-западу, и следовали вдоль его подножья на юго-восток. Дорога пересекает несколько оврагов, направляющихся из щелей отвесного склона этого кряжа в глубокую балку речки Музлук, промытую последнею в половодье. Неширокая долина ее окаймлена с северо-востока помянутым обособленным кряжем, а с юго-запада плоскими ветвями главного хребта Музлук. На пути по ней мы нередко пересекали торные тропы антилоп, по которым эти животные спускаются на водопой к речке Музлук во время ее разлития.

В конце перехода наш караван вступил в горы главного хребта и направился по узкой долине речки Музлук, текущей в них уже непрерывно круглый год. Невысокие горы нижней зоны хребта Музлук, покрытые скудной растительностью, имеют печальный вид; но южнее, по мере приближения к гребню, растительность этого хребта становится лучше, и на нем пасутся стада диких баранов.

Поднявшись верст девять по горной долине речки Музлук, мы остановились на ночлег в местности Баш-музлук, между двумя ручьями, впадающими в названную речку справа. Эта солонцеватая местность покрыта весьма скудною растительностью, но вода в обоих ручьях пресная. Верстах в пяти к юго-западу от ночлежного места видны были снеговые горы высокого северо-западного луча главного хребта с небольшими ледниками, имеющими сильное падение и дающими начало речке Музлук.

С полуночи пошел большой снег и продолжался до рассвета. Утром от таяния его образовался такой густой туман, что мы не могли различать высоких холмов, отстоявших не далее 100 сажен от наших палаток, и вынуждены были отложить выступление до 10 часов, когда он стал рассеиваться.

С урочища Баш-музлук дорога пролегает около версты по ровной площадке долины, прорезанной местами мелкими оврагами, затем спускается в каменистую балку правого притока речки Музлук и направляется по ней почти до самого перевала. Путь по дну этой балки, сплошь покрытому крупными камнями, очень утомителен для животных, в особенности в верховьях речки, где крутизна подъема значительно возрастает. Из балки дорога выходит в широкую лощину весьма большой крутизны и по ней поднимается почти полверсты на перевал Музлук, вершина которого по моему барометрическому измерению лежит на высоте 15 450 футов над уровнем моря.

Спуск с перевала Музлук на первой версте крут, на второй он значительно отложе, а далее дорога склоняется постепенно по неширокой междугорной долине, переходящей южнее в теснину, к реке Улук-су —

верховью Черчен-дарьи. В верхней половине эта долина, орошенная маленькой речкой, текущей с перевала, покрыта порядочной растительностью; в нижней же, где речка иссякает, она становится пустынной.

После трудного перехода через хребет Музлук, простирающийся на этом пути до 28 верст в ширину, мы переправились через многоводную Улук-су и остановились ночевать на ее правом, пустынном берегу. Еще не успели поставить палатки, как поднялся западный ветер со снегом, и разыгралась сильная метель, скрывшая из вида всю окрестную местность. Мокрый снег, падая на землю, быстро таял и сохранился только на окрестных горах, да и то лишь до утра: яркое утреннее солнце, озарившее на короткое время нагорную пустыню, очень скоро расплавил его.

Перевалив через хребет Музлук, мы очутились уже на Тибетском нагорье, возвышающемся над долиной верхней Черчен-дарьи с лишком на 3 000 футов, а над уровнем моря 13 000 футов. В описываемой области оно покрыто длинными юго-восточными отрогами названного хребта. Эти мощные, тесно сплоченные отроги, восходящие местами за предел снеговой линии, бороздят нагорье на далекое расстояние к югу и придают ему горный вид. Таким образом, окраинный хребет образует в рассматриваемой области как бы горный выступ на Тибетское нагорье в виде обширного полуострова, простирающегося до 50 верст в длину и до 60 в ширину. Западнее этого выступа хребет Музлук, по свидетельству туземцев, уже не отделяет от себя к югу таких мощных отрогов, а восточнее его высылает на Тибетское нагорье только изредка длинные и узкие лучи, теряющиеся на соседнем весьма высоком плато.

Следующую станцию мы прошли вверх по реке Улук-су, текущей с юго-востока на северо-запад в узкой долине между отрогами Музлука. В одном из них, простиравшемся влево от нашего пути, видны были снеговые вершины, усмотренные еще накануне, при спуске с перевала к реке Улук-су. Долина этой реки на протяжении всей станции печальна и бесплодна: в ней лишь кое-где встречались миниатюрные островки плодородной земли, покрытые пшеничной (*Triticum*) и тибетской осокой, а все остальное пространство совершенно лишено растительности. Окраинные горы ее, большею частью обнаженные, отличаются почти полной мертвенностью и только в узких щелях да лощинах покрыты одинокими кустиками чахло-белолозника.

Река Улук-су, разбиваясь на многие рукава, приближается местами к горным утесам своей долины, а дорога в этих местах переходит с одного берега реки на другой, причем броды через нее, кроме глубины и быстроты главных рукавов, затрудняются еще толкостью их дна.

Переправившись в последний раз через Улук-су, караван прошел верст восемь по ее правому берегу и остановился ночевать на урочище Улуксунын-коши. На нем находятся два небольших песчаных островка, покрытых пшеничкой и тибетской осокой, а на каменистом предгорье соседнего кряжа растут одинокие, приземистые кустики тощего белолозника.

Перед вечером на том же урочище остановились на ночлег двое туземцев, возвращавшихся с прииска Акка-таг в Черчен. Мы были очень рады встрече с ними в этой безлюдной, нагорной пустыне и пригласили их к себе в палатку на чай. От них мы узнали, что летом на прииске работало до 300 человек, из которых осталось не более 50, да и те вскоре

должны были уйти оттуда. Путники сообщили нам подробные сведения о дороге на прииск, до которого оставалось только три перехода, и уверяли, что там можно найти людей, знающих хорошо окрестную страну. Они советовали мне расспрашивать о ней преимущественно приисковых охотников, которые все лето проводят на охоте за антилопами, куланами и яками, удаляясь порой далеко от прииска. Мясо убитых зверей они сбывают по дешёвым ценам на прииск, а шкуры увозят домой, в Кашгарию, и там продают. Охотники посещают не только ближайšie к прииску местности, но пробираются иногда по следам раненных ими яков на юг, за хребет Пржевальского, в нагорную пустыню. Кроме того, они нередко проникают на далекие расстояния от прииска к востоку и западу по горам хребта Пржевальского и его северному предгорью.

С урочища Улуксунын-коши караван продолжал путь сначала по той же горной долине реки Улук-су. Дорога от ночлежного места поднимается на возвышенную плоскость правого берега реки, сплошь покрытую крупными камнями. С этой плоской возвышенности мы увидели в первый раз на юге величественный хребет Пржевальского (Аккатаг), который в то время был покрыт свежим снегом почти на половину своей относительной высоты. Он простирался на всем обозреваемом пространстве в восточно-западном направлении, уходя на западе за горизонт, а на востоке его закрывали ближайšie горы. От урочища Улуксунын-коши до подножья хребта Пржевальского (Аккатаг), по приблизительной оценке, около 60 верст, в том числе до 20 по горам отрогов Музлука, а остальные 40 по ровной долине. На западе от реки Улуксу, где полуденные отроги Музлука постепенно укорачиваются, эта долина расширяется, а к востоку суживается.

Пройдя около четырех верст по сплошной каменной стлани, мы достигли слияния двух речек — Паткаклык и Гюкерма, получающих начало в хребте Пржевальского, в расстоянии около 60 верст, и образующих Улук-су, или верхнюю Черчен-дарью. Выше слияния обе эти речки, огибая горы, текут почти навстречу одна другой — Улук-су с юго-востока, а Паткаклык с запада — и только перед соединением образуют маленькую стрелку, близ которой стоит отдельная скала Кара-чука с отвесными склонами. Паткаклык многоводнее Гюкермы, или Аккатагнын-су, как называют иначе эту речку, и потому должен считаться началом Черчен-дарьи.

От слияния речек мы повернули на юго-восток и направились вверх по Гюкерме, текущей в узкой долине, между отрогом Музлука и невысокой обособленной цепью гор, простирающейся в юго-восточном направлении. Несмотря на повышение местности, растительность этой долины, отличающейся местами плодородной почвой, значительно лучше, чем в нижележащей долине реки Улуксу. Тут нередко встречались островки, покрытые пшеничкой и тибетской осокой, а в горных лощинах и расселинах росли белолозник, ползучая мирикария и полынь. В этой долине, как и в других высоких местностях Кун-луня, мы неоднократно наблюдали иссушающее действие жгучих солнечных лучей больших высот на растительность. В местах, покрытых сплошь травой и изредка большими камнями, повсюду замечались густота и пышность травянистой растительности по северную, теневую сторону камней и сравнительно очень слабое развитие ее на прочих сторонах, в особенности на южной. Такое иссушающее действие тепловых солнечных лучей на растительность этой весьма высокой местности представляется тем более

любопытным, что в ней в течение всего лета солнце очень редко показывается из-за облаков, да и то лишь на весьма короткое время.

Переночевав в междугорной долине речки Гюкерма, мы на другой день вскоре вышли из гор на широкую долину той же речки, окаймленную на севере отрогом Музлука, а на юге невысоким хребтом помянутой обособленной цепи гор, замыкающей с полуденной стороны западную, суженную часть ее долины. Этот хребет, простирающийся в юго-восточном направлении, отделяет на север весьма плоские ветви, между которыми заключаются три широкие болотистые лощины, весьма богатые источниками.

Дорога по выходе из гор пролегает по широкой щебневатой долине, прорезанной местами небольшими оврагами, направляющимися с севера от отрога Музлука на юг, к речке Гюкерма. Последняя течёт несколькими рукавами верстах в двух южнее дороги в плоской солонцеватой долине, поросшей тибетской осокой. Придорожная же щебневатая местность повсюду пробуравлена норками пищух (*Lagomis ladacensis*) — маленьких грызунов, живущих во множестве в описываемой долине.

Караван прошел верст 15 по упомянутой щебневатой долине в восточном направлении, потом повернул к юго-востоку, переправился через несколько топких рукавов речки Гюкерма на левый ее берег и вступил в обширную лощину, заключающуюся между южным кряжем и его двумя плоскими отрогами. Северная часть этой лощины заполнена топким солончаком, поросшим осокой, а южная, более возвышенная, по которой пролегает дорога, покрыта щебнем и дресвой. Придорожная местность лощины тоже повсюду пробуравлена норками пищух, а местами в ней встречались довольно глубокие ямы, вырытые антилопами-оронго (*Pantholops Hodgsoni*). В эти ямы названные животные скрываются от сильных бурь и лежат в них до тех пор, пока не утихнет шторм.

В девяти верстах от переправы мы пересекли отрог южного кряжа, обрывающийся круто к востоку, и, спустившись на обширную равнину, продолжили путь вдоль подножья этого кряжа на юго-восток. Северо-восточный его склон и весьма широкое предгорье, склоняющееся медленно к речке Гюкерма, покрыты низкорослым, но густым кипцом (*Stipa orientalis*). На этом предгорье паслись стада антилоп-оронго, перебежавших небольшими партиями к речке на водопой.

После 32-верстного перехода мы разбили палатки для ночлега у подножья помянутого кряжа, на урочище Кулан-лык, орошенном источниками и покрытом густым кипцом. На юге проглядывал по временам из облаков снеговой хребет Пржевальского (Акка-таг), до подошвы которого от ночлежного места оставалось не более 15 верст.

На следующий день караван прошел верст пять вдоль подножья того же кряжа до его юго-восточной оконечности, а далее до самого предгорья хребта Пржевальского следовал по равнине. Миновав оконечность кряжа, мы увидели вдали на западе высокую отдельную гору, покрытую вечным снегом, а на северо-западе нашим взорам открылась широкая долина, заключающаяся между окончившимся кряжем и его отрогом, не доходящим лишь немного до подножья хребта Пржевальского. Через эти ворота проходит речка Гюкерма, текущая, по выходе из снегового хребта, сначала на восток, потом на север и наконец на северо-запад. Продолжая путь по равнине, мы пересекли несколько рукавов названной речки и направились вверх по ее правому притоку, на кото-

ром встретили маленький водопад, низвергающийся с отвесного обрыва высотой около сажени. Затем, повернув на северо-восток, мы прошли немного вверх по ручью, впадающему в помянутый приток, и разбили лагерь на берегу маленького живописного озера Яшиль-куль, образуемого этим ручьем на волнистом предгорье хребта Пржевальского.

По прибытии на озерко я в тот же день послал одного из наших проводников, бывавшего в этой местности, на прииск Акка-таг, который находится в ущелье хребта, верстах в 14 к югу от озера Яшиль-куль. Ему велено было разыскать там людей, хорошо знающих окрестную страну, и пригласить их к нам в лагерь.

Посланный возвратился с прииска перед вечером со старшиной рабочих и тремя туземцами, из которых двое были приисковые охотники. Я пригласил прибывших в свою палатку на чай и долго расспрашивал их об окрестной стране, но не мог в один вечер окончить опрос и предложил старшине с его спутниками переночевать у нас в лагере, на что они охотно согласились. Большая часть следующего дня была употреблена мною на расспросы этих людей, уехавших от нас на прииск лишь перед закатом солнца.

По собранным мною от старшины и охотников сведениям, снеговой хребет Пржевальского (Акка-таг) представляет непрерывное продолжение восточного отрога Кун-луня, пересеченного нами дважды во время экскурсии с озера Даши-куль на юг. По мере простиранья на восток этот мощный отрог постепенно возвышается и достигает снеговой линии. Вершины, покрытые вечным снегом, появляются в нем восточнее меридиана Черчена, и число их все более и более увеличивается в этом направлении. К юго-западу от прииска, близ истоков речки Гюкерма, находятся три весьма высокие снеговые горы, а к востоку от него простирается целый ряд вечноснеговых гор, венчающих гребень хребта Пржевальского на всем известном туземцам протяжении его в восточном направлении. Высочайшею вершиною этого хребта они считают гору Тюменлык-таг, отстоящую в 270 верстах к востоку от прииска. От нее хребет Пржевальского начинает постепенно поворачивать на юго-восток и уходит в этом направлении в неизвестную туземцам Кашгарии страну. Он повсюду очень беден растительностью, но северное предгорье его покрыто густым кипцом, в особенности на востоке, где встречаются хорошие пастбища. Из крупных млекопитающих в хребте Пржевальского живут только яки и горные бараны. На предгорье же его водятся сурки, множество пищух, а также пасутся большие стада куланов и антилоп-оронго, спускающихся по временам на соседнюю северную долину.

Между хребтами Пржевальского и Токуз-даван с его восточным продолжением — Музлуком — залегает обширная долина, на которой вздымаются местами отдельные высоты. Она орошена несколькими реками, получающими начало в хребте Пржевальского и прорезающими Музлук с Токуз-даваном. Верстах в 15 к западу от прииска течёт в глубоком ущелье речка Гюкерма, поворачивающая по выходе из хребта Пржевальского сначала на восток, затем на север и наконец на северо-запад. Около 60 верст западнее ее истоков вытекает с того же хребта речка Паткаклык, образующая по слиянии с Гюкермой Улуксу, или верхнюю Черчен-дарью, пересекающую хребет Музлук. Еще далее к западу, в 40 верстах от Паткаклыка, в хребте Пржевальского получает начало речка Чикур-сай, прорезающая хребет Токуз-даван и впадающая в Черчен-дарью слева немного ниже урочища Ян-дам. На-

конец в 20 верстах западнее Чикур-сая с того же хребта течёт многоводная река Тертля, также прорывающая Токуз-даван и изливающаяся в Черчен-дарью близ ее выхода из гор и повсрота на северо-запад.

Описываемая долина, простирающаяся от 30 до 50 верст в ширину, не имеет общего названия, и только одним бассейнам орошающих ее рек, посещаемым охотниками, даны этими последними соответствующие наименования: Паткаклык-сай, Чикур-сай и Тертля-сай.

Близ подножья хребта Пржевальского и по берегам рек долина покрыта довольно хорошей растительностью, преимущественно густым кипцом; но западнее реки Тертля, где высота южного хребта значительно уменьшается, она становится бесплодной, и скудная растительность встречается только на предгорье хребта Пржевальского.

В нагорную долину между хребтом Пржевальского и Токуз-даваном пробираются одни лишь приисковые охотники, добывающие в ней куланов и антилоп, которые водятся во множестве в этой безлюдной долине. Они доходят, впрочем, только до реки Тертля и очень редко проникают далее на запад, в сопредельную с нею пустыню Ачан-сай, в которую иногда удаляются преследуемые ими звери.

К югу от хребта Пржевальского, по свидетельству допрошенных туземцев, простирается весьма высокая, холмистая земля. Она лежит несравненно выше широкой долины между хребтом Пржевальского и Музлуком, имеющей около 14 000 футов абсолютной высоты, так как с этой последней нужно целый день подниматься, чтобы достигнуть гребня окраинного хребта. Южный же склон его к высокой земле короток и отлог. Сильная одышка, испытываемая людьми в высокой земле за хребтом при скорой ходьбе и подъеме на холмы, служит, по объяснению охотников, неоспоримым свидетельством ее весьма значительного превышения над помянутой долиной.

В заоблачной земле, простирающейся к югу от хребта Пржевальского, по рассказам охотников, лето всегда очень холодное и падает только снег, а дождя не бывает. Высоких гор в ней нет, но зато она покрыта повсюду холмами, между которыми залегают, впрочем, нередко пространные котловины. Щебневатая поверхность этой нагорной пустыни лишь изредка покрыта одинокими, приземистыми кустами белолозника, а в низменных местах — тибетской осокой. Источники в описываемой заоблачной земле встречаются очень редко, а речек и озер там вовсе нет. Грунтовых же вод везде достаточно: в котловинах и длинных лощинах встречаются нередко мокрые места, в которых стоит только вырыть ямы — и они вскоре наполнятся хорошей водой.

Из животных в нагорной пустыне за хребтом Пржевальского живут в небольшом числе исключительно яки, да и то лишь летом. Ни куланов, ни антилоп и вообще никаких иных млекопитающих там нет. Птиц, пресмыкающихся, земноводных и насекомых охотникам также не приходилось видеть в ней. Яки питаются осокой и белолозником, который они часто вырывают копытами из земли с корнем, и поедают не только стебель растения, но и верхнюю, мягкую часть его корня. Воду они пьют из источников, а в местностях, где их нет, выбивают копытами на мокрых местах низин небольшие ямы, наполняющиеся водой, и приходят к ним для утоления жажды.

Описываемую заоблачную землю посещают изредка одни лишь приисковые охотники во время преследования раненных ими яков. Эти животные проводят лето преимущественно в горах хребта Пржеваль-

ского, и только небольшая часть их, избегая опасности от охотников, мигрирует на летние месяцы в нагорную пустыню. Приисковые охотники бьют яков большею частью в самом хребте Пржевальского; при этом случается иногда, что раненные ими яки уходят на юг, за хребет. Тогда охотники, взяв с собой запас ячменя для ослов, отправляются за ними по следам и проникают в нагорную пустыню порою до двух дней пути на юг от окраинного хребта. Добив раненого зверя, они снимают с него шкуру, вырезают лучшие куски мяса, затем нагружают эту добычу на ослов и спешат с нею на прииск.

Осенью, когда с прииска уйдут все рабочие, яки спускаются с помянутого хребта и с лежащей за ним высокой земли на его северное предгорье и пасутся на нем до апреля, пока на прииск не станут собираться люди. С прибытием же первых партий рабочих они удаляются в горы хребта Пржевальского и там проводят лето. При этом наиболее осторожные из них, подвергавшиеся уже преследованию, при появлении охотников в горах удаляются на юг, в нагорную пустыню, весьма бедную растительностью, но зато безопасную от людей, и пасутся там до осени.

Приисковые охотники занимаются все лето исключительно охотой на яков, горных баранов, куланов и антилоп-оронго. Мясо убитых зверей они сбывают рабочим прииска по весьма дешёвым ценам, а шкуры увозят домой, в Кашгарию, и продают на базарах. По уходе с прииска людей охотники остаются там еще на несколько недель, так как к этому времени на предгорье хребта собирается множество зверей, которых они бьют тогда только для шкур.

Наиболее удобный перевал через хребет Пржевальского находится в верховьях речки Гюкерма. Подъем по ущелью этой речки на хребет большею частью отлог, но местами приходится пробираться по опасным карнизам и косогорам. На гребень же хребта нужно восходить по весьма большой крутизне. Зато спуск с него на высокую землю короткий и отлогий. Ни с гребня окраинного хребта, ни с вершин холмов самой нагорной пустыни, на которые приходилось подниматься охотникам, они нигде не видели в ней высоких гор, а только одни холмы, простирающиеся повсеместно цепями в восточно-западном направлении. Среди этих холмов встречаются, однако, изредка столь высокие, что на вершинах их почти все лето держится снежная пороша.

Перед нашим прибытием к подножью хребта Пржевальского там было продолжительное ненастье, во время которого выпало много снега, покрывшего этот хребет сплошной белой пеленой почти на половину его относительной высоты. Перевалы через названный хребет, по уверению спрошенных охотников, были так занесены снегом, что не представлялось никакой возможности перейти через него. Если бы мы успели прибыть к прииску месяцем раньше, то могли бы беспрепятственно пересечь этот окраинный хребет и с достаточным запасом фуража проникнуть от него на юг, в нагорную пустыню, на два или даже на три дня пути.

На прииске Акка-таг, лежащем на высоте около 15 500 футов, в течение апреля и мая почти каждую ночь замерзала вода, причем в ясные апрельские ночи лед достигал пальца толщины. В июне и июле ночи были большей частью безморозны, в особенности в последнем месяце. С наступлением же августа вода по ночам опять стала замерзать. Небо почти все лето было облачно, и очень часто выпадали дождь или снег.

Рабочих на прииске было около 300 человек, разделенных на артели. Половину добытого золота они, по обычному условию, отдают хозяину артели за пищу, одежду, инструменты и вообще за полное содержание, а другая половина остается в их пользу. В начале сезона добыча золота была ничтожна, потом искатели напали на хорошие россыпи, доставившие значительную прибыль, в особенности хозяевам артелей, да и рабочие остались довольны доставшейся им долей золота.

Волнистое предгорье хребта Пржевальского вокруг нашего лагеря на озерке Яшиль-куль, лежащем на высоте 15 050 футов, было покрыто преимущественно кипцом. Кроме того, на нем росли: метлик, пшеничка и астрагалы, а из кустарников—белолозник и лапчатка. На этих сравнительно привольных пастбищах наши лошади ежедневно наедались досыта и успели хорошо подкрепиться в течение кратковременной стоянки на предгорье хребта Пржевальского. На озерко и разливы образующего его ручья часто прилетали утки и кулики, а на соседних высотах повсюду паслись небольшие стада антилоп. Рыб и моллюсков ни в озерке, ни в разливах ручья мы не нашли.

Небо днем было большею частью облачно, а ночи ясные и морозные. Над хребтом же Пржевальского постоянно носились густые облака, разрешавшиеся по временам снегом. Они скрывали все время от наших взоров этот грандиозный хребет, вершины которого очень редко показывались из густых облаков, да и то лишь на самое короткое время. По ночам озерко покрывалось льдом, но к 10 часам утра уже освобождалось от него. Термометр *maximum-minimum* в ночь с 23-го на 24 августа показал — 11,0° Цельсия, а наибольшую температуру в эти дни +8,6° и +10,5°.

Во время трехдневного пребывания на озерке Яшиль-куль я определил его географическое положение, измерил высоту и сделал в этом пункте магнитные наблюдения. Недостаток продовольственных припасов не позволил нам продолжать исследования в описываемой стране. Я вынужден был повернуть назад и направиться другим путем на урочище Мандалык.

Утром 25 августа мы сняли лагерь и направились обратно на урочище Мандалык по новой дороге, пролегающей значительно восточнее переднего пути. Первые восемь верст караван следовал по волнистой местности предгорья хребта Пржевальского, потом спустился на пустынную щебневатую равнину и шел по ней до самого ночлежного места, почти прямо на север. Эта необозримая равнина, местами совершенно бесплодная, прорезана несколькими малыми сухими руслами, направляющимися с юго-востока на северо-запад к речке Гюкерма, и одним весьма широким ложем могучего временного потока, изливающегося в ту же речку.

На ночлег мы остановились среди пустынной равнины, в местности Музлук, у сухого русла, покрытого по берегам порядочною растительностью. В одном из мокрых мест его дна наши люди выкопали яму, которая через час наполнилась очень хорошей водой.

Незадолго до солнечного заката небо совершенно очистилось от облаков, и перед нами предстал во всем своем невыразимом величии колоссальный хребет Пржевальского, так долго скрывавшийся от наших взоров в облаках. В нем резко выделялась огромной высоты снеговая гора, находящаяся, по словам сопровождавших нас туземцев, близ истоков речки Гюкерма. Она имеет форму усеченной пирамиды с

Вверху: вид снеговой группы Сулан-таг с юго-востока

Внизу: северный склон хребта Ачик-кол

небольшой выемкой на вершине. Перед этой величественной горой возвышается другая, почти такой же формы гора, уступающая в высоте задней, а между ними простирается обширное снежное поле. Абсолютная высота задней горы, по моему приблизительному измерению, простирается до 23 700 футов. Туземцы, возвращавшиеся вместе с нами с прииска, уверяли, что гора Тюменлык-таг, отстоящая от него в девяти днях пути (около 270 верст) к востоку, еще выше этой горы.

Перед вечером к нашим лошадям, пасшимся поблизости лагеря, забежал кулан и, держась в стороне, внимательно рассматривал их до тех пор, пока люди не отправились загонять табун на ночь в лагерь.

К востоку от лагеря, на необозримой равнине, видны были небольшие отдельные грядки и холмы. По этой равнине пролегает дорога на прииск Бухалык, отделяющаяся от нашей старой дороги на Акка-таг близ переправы через речку Гюкерма и пересекающая обратный путь немного южнее урочища Музлук. От перекрестка до Бухалыка считается 12 дней пути, т. е. около 400 верст, в том числе до 300 верст вдоль подножья хребта Пржевальского, а остальные 100 вниз по речке Чулак-аккан.

От урочища Музлук караван поднимался постепенно верст 10 в северо-западном направлении к подножью невысокого горного отрога Калыпнын-иче, окаймляющего долину Гюкермы с севера. На пути к нему мы миновали обширный солончак с ровным, лоснящимся дном, покрытым соляным налетом. Издали его легко принять за озеро, которое, по всей вероятности, и существовало некогда на занимаемом им месте. На северной окраине этого солончака, отстоящего верстах в трех к востоку от дороги, находятся ключи с пресной водой, и вокруг них растет хорошая трава.

По мере приближения к хребту крутизна подъема постепенно увеличивалась, а на предгорье его она возросла уже весьма значительно. Достигнув южного подножья отрога, мы вступили в узкое, извилистое ущелье, из которого перешли в долину, и разбили палатки для ночлега у подошвы плоского перевала, поднимающегося до 15 000 футов над морем. С него струится маленький солоноватый ручеек, иссякающий ниже в дресвяной почве долины, и на пустынных его берегах растут одиноко приземистые кусты белолозника. В этой печальной долине, покрытой лишь кое-где крайне скудную растительностью, царил мертвая тишина и не заметно было ни одного живого существа.

Поднявшись на следующее утро по отлогому склону на перевал, мы спустились с него немного и вышли в широкую нагорную долину, окаймленную на юго-западе пересеченным кряжем, а на северо-востоке весьма высоким снежным отрогом главного хребта — Ягалыком. Оба эти отрога, понижаясь постепенно в юго-восточном направлении, переходят в низкие кряжи, теряющиеся на соседнем высоком плато. По упомянутой междугорной долине простирается в юго-восточном направлении широкое сухое ложе, принимающее в себя многие побочные сухие же русла. В нижней, юго-восточной части долины оно наполнено водой, образующей широкую, но мелкую реку, изливающуюся в соленое озерко Ачик-куль, или Айгунутагнын-куль, около пяти верст в окружности.

В описываемой высокой долине, кроме небольшого островка между рукавами сухого ложа, покрытого тибетской осокой, мы не встретили ни единого места, одетого хотя бы скудным растительным покровом, и не видели никакого живого существа.

Около 20 верст караван поднимался почти незаметно по высокой нагорной долине в северо-западном направлении и наконец взошел на весьма плоское поднятие, сочленяющее ее окраинные хребты. С этого перевала, возвышающегося с лишком на 16 000 футов над уровнем моря, мы спустились по весьма крутому склону в глубокую и узкую долину, по которой направились прямо к западу. Из унылой нагорной равнины мы, таким образом, быстро перешли в нижележащую долину, весьма резко отличающуюся от первой своей растительностью. Спускаясь стремительно по ней, мы встречали все более и более растительных видов, различающихся заметно своею пышностью по мере уменьшения высоты.

Переночевав верстах в шести от перевала у источника, мы на другой день вскоре спустились по той же теснине в горную долину речки Калы-дарья, правого притока Улук-су. Эта долина, простирающаяся в северо-западном направлении, окаймлена мощными ветвями отрогов Музлука, прорезанными глубокими поперечными ущельями, которые разрывают северо-восточную ветвь как бы на отдельные горные массивы.

В конце перехода долина речки Калы-дарья значительно сузилась и стала очень каменистою; но растительность ее по мере понижения весьма заметно улучшилась. В этот день караван остановился на ночлег в узкой долине речки Калы-дарья, верстах в двух выше ее устья. Небольшая площадка, на которой мы разбили лагерь, была почти сплошь покрыта белолозником и полынью.

На следующий день мы поднялись из теснины по весьма крутому косоугору на возвышенное плато, прорезанное несколькими балками, и перешли по нему к реке Улук-су, текущей в этом месте в глубокой долине. Далее мы следовали верст шесть по косоугорам правого берега реки Улук-су, которая ниже прорезает главный хребет, стремясь в мрачном, непроходимом ущелье, а дорога поворачивает от реки на северо-восток, в обход этого ущелья. Она ведет по узкой долине на перевал Кызыл-боён, достигающий высоты 15 000 футов над уровнем моря. Подъем на перевал очень длинен, почти 15 верст, но зато отлог. Главный хребет Музлук образует в этом месте глубокую седловину, в виде ворот. К востоку от нее гребень хребта очень быстро поднимается и восходит за предел снеговой линии, на запад же он постепенно склоняется к реке Улук-су.

С вершин перевала дорога спускается на север по узкой, безводной долине, имеющей весьма значительное падение. Сойдя на предгорье хребта, мы должны были из безводной долины повернуть на восток, в противоположную нашему пути сторону, и перейти на ночлег в соседнюю долину, орошенную маленькой речкой. В этой местности, называемой Кызыл-унгуй, расположено малолюдное селение таглыков, состоящее из немногих пещерных жилищ, вырытых в лёссовом обрыве. Обитатели его, уже спустившиеся с гор, встретили нас очень радушно и угощали кислым молоком.

30 августа с раннего утра пошел густой снег, покрывший поверхность земли почти на два вершка. По случаю ненастья пришлось отложить выступление и снять лагерь уже после полудня, когда весь снег исчез.

Спустившись немного вниз по речке, караван повернул на запад и следовал около восьми верст по волнистой местности северного пред-

горья Музлука, с которого мы сошли в широкую щебневатую долину реки Улук-су, и только в сумерки достигли этой реки. Переправа через нее, вследствие сильной прибыли воды с гор, оказалась невозможной, и мы принуждены были провести ночь на ее правом, пустынном берегу, покрытом весьма скудною растительностью.

Река Улук-су, прорезав хребет Музлук, выходит верстах в десяти выше переправы из узкой долины, которою оканчивается на севере ее мрачное ущелье. По уверению таглыков, через это ущелье трудно проникнуть даже пешеходу, а для всадника оно совершенно не доступно.

За ночь вода в реке значительно сбыла, и мы могли беспрепятственно перейти на ее левый берег. От переправы дорога направляется сначала на запад, потом на северо-запад и первую половину перехода пролегает вдоль подошвы крутого, сильно зазубренного обрыва, посредством которого высокое предгорье Музлука опускается на север, к долине Черчен-дарьи. По этому волнистому предгорью тянутся два обособленных кряжа, из которых южный, наиболее высокий, простирается от реки Улук-су до ее притока Музлук, а северный оканчивается на половине этого протяжения.

Улук-су, по выходе из гор, течёт верст 15 на север и, приняв справа речку Ала-ялык, бегущую с востока, поворачивает почти под прямым углом на запад. От этого поворота она получает уже название Черчен-дарья и стремится многими рукавами по широкой, междугорной долине.

Сделав длинный 40-верстный переход, караван перед закатом солнца пришел на урочище Баш-малгун в долине Черчен-дарьи и там расположился на ночлег. Это урочище, простирающееся до 30 верст в окружности, отличается весьма хорошей растительностью и славится во всей окрестной стране лучшим пастбищем. Низменные места его покрыты мирикарией (по-туземному — малгун), от которой оно получило свое название, и сочными злаками, а на возвышенных солонцеватых местах растут хармык и другие солончаковые растения. Урочище Баш-малгун весьма богато источниками, сливающимися в ручьи, а эти последние образуют маленькие озера, на которых летом гнездится много плавающих и болотных птиц.

Осенью в местности Баш-малгун пасут свои стада таглыки, спускающиеся к этому времени с гор, и угоняют их вниз по реке только с наступлением сильных холодов. Весной, до перекочёвки в горы, таглыки снова пригоняют свои стада на это урочище и пасут их до июня, пока на нем не появятся комары.

Пройдя верст семь по южной окраине урочища Баш-малгун, караван следовал почти такое же расстояние по пустынной, песчано-глинистой площади, пересекаемой речкой Музлук, а остальные 8 верст до урочища Мандалык — по солончаковой равнине, покрытой отверделой корой, под которой залегают рыхлая, соленая земля. По этой равнине можно ездить беспрепятственно только по немногим пересекающим ее тропам, а движение целиком очень затруднительно: кора не выдерживает тяжести лошадей, которые на каждом шагу вязнут и портят себе ноги.

По прибытии 1 сентября на урочище Мандалык мы были радостно встречены остававшимися там людьми экспедиции. Во время нашего отсутствия их часто посещали таглыки соседних хижин, с которыми они успели сблизиться, и проводили большую часть времени в обществе этих добродушных горцев.

На другой день по возвращении я осматривал верблюдов и лошадей экспедиции. Те и другие в течение двух недель успели очень хорошо откормиться на тучных пастбищах урочища Мандалык и стали вполне пригодными для дальнего пути до границы.

3 сентября возвратился из своей поездки В. И. Роборовский, прошедший в 19 дней около 700 верст. Перейдя через Музлук по перевалу того же названия, он следовал сначала вверх по реке Улук-су, потом по речке Гюкерма, с которой свернул на дорогу в Бухалык. Достигнув подножья хребта Пржевальского, он направился вдоль него на восток, миновал большое солоноватое озеро Ачик-куль, около 75 верст в окружности, и дошел до реки Петелик-дарья, текущей с хребта Пржевальского на север. Затем Роборовский следовал вниз по этой реке до ее впадения в реку Кала-утаг, соединяющую два больших озера долины: Чон-кум-куль (пресное) и Аяг-кум-куль* (горько-соленое). Пройдя по южному берегу последнего озера, он пересек хребет Музлук в верховьях речки Ала-ялык, правого притока Черчен-дарьи, и спустился по ней в долину этой реки.

С прибытием В. И. Роборовского экспедиция начала поспешно готовиться к обратному пути на родину. По намеченному мною маршруту через озеро Лоб-нор, Курлю, Карашар и Урумчи до первого нашего поселения — Зайсанского поста — нам предстояло пройти около 2 000 верст.

Для расширения района исследований экспедиции на обратном пути до озера Лоб-нор я предложил Роборовскому следовать в сопровождении одного казака и двух туземцев вниз по Черчен-дарье, пересечь Алтын-таг по перевалу Чука-даван и, спустившись с этого хребта, пройти вдоль его подножья по проселочной дороге до урочища Вашшаари. Оттуда он должен был повернуть на реку Черчен-дарья и проследить ее течение до самого устья. Для экспедиции же, по указанию местных таглыков, избран был другой путь, ведущий по высоким горным долинам сначала на северо-восток, потом на северо-запад и наконец через Алтын-таг на север к озеру Лоб-нор, до которого от Мандалыка считается по этому пути около 600 верст.

Утром 7 сентября, перед выступлением, в наш лагерь собрались для прощания почти все окрестные таглыки. Аксакал их, маленький симпатичный старичок, оказавший экспедиции много разных услуг, был щедро награжден мною за это деньгами. Кроме того, мы оставили ему в подарок юрту и несколько лишних вещей. Когда я стал прощаться с ним, старик горько зарыдал и, обливаясь слезами, произнес: «В течение всей моей жизни никто не помог мне столько, как вы, таксыр (господин); да вознаградит вас за это аллах и приведет невредимым в родную страну!». Тронутый его искренностью, я от души поблагодарил добросердечного старика за дорогие напутственные слова и пожелал ему счастливой жизни. Все остальные таглыки, получившие хорошую плату за своих лошадей, горячо благодарили меня и трогательно простились с экспедицией.

Расставшись с таглыками и В. И. Роборовским, выступившим одновременно с нами в противоположную сторону, мы покинули Мандалык и направились к урочищу Баш-малгун. Экспедиция почти целый месяц до самого Лоб-нора должна была следовать по высокой, безлюдной

* Аяг-кум-куль. — озеро Незамерзающее Н. М. Пржевальского.—Прим. ред.

стране, в которой, по словам таглыков, мы могли встретить только рабочих, возвращавшихся с прииска Бухалык, да, пожалуй, еще охотников. Прежде в этой стране кочевали монголы, переселившиеся лет 50 тому назад в Цайдам, и с тех пор она осталась необитаемой. От пребывания монголов в ней сохранились до настоящего времени некоторые следы, а именно: груды камней (обо), сложенные на горных перевалах, остатки очагов, развалины каменных оградок, в которые номады загоняли на ночь мелкий скот, и т. п. Причины, побудившие монголов покинуть навсегда описываемую страну, туземцам Кашгарии неизвестны в точности. Они полагают, что эти кочевники вынуждены были оставить ее по требованию китайского правительства, желавшего сократить необъятную площадь, занимаемую монгольским населением, вероятно, в видах удобства управления им.

Переночевав на урочище Баш-малгун, экспедиция выступила оттуда после полудня с запасом воды для людей, переправилась через пять мелких рукавов Черчен-дарьи и следовала в северо-восточном направлении. От переправы дорога поднимается на плоское предгорье Алтын-тага и пролегает по ровной, щебневатой местности, пересеченной изредка мелкими оврагами.

Перед вечером мы разбили палатки для ночлега в пустынной, безводной местности, покрытой невысокими отдельными холмами, и любовались эффектным зрелищем освещения снеговых гор соседнего хребта Ачик-кол* заходящим солнцем. Сначала они окрасились в светлопурпуровый цвет, потом последовательно представлялись в золотистом, фиолетовом и наконец в бледномалиновом цветах.

Всю следующую станцию поднимались постепенно по долине между хребтами Алтын-таг и Ачик-кол, сочленяющимися на востоке с главным окраинным хребтом Музлук. Этот последний от ущелья реки Улуксу поворачивает сначала немного на северо-восток, потом изгибается почти на север и примыкает к хребту Ачик-кол, простирающемуся в восточно-западном направлении и содержащему в западной половине вечноснеговые горы. Между Ачик-колом и Музлуком заключается неширокая долина речки Ала-ялык, покрытая хорошей растительностью. По ней пролегает дорога из долины Черчен-дарьи через перевал Ала-ялык-нын-атасы хребта Музлук на прииск Бухалык, но по малодоступности этого перевала редко посещается путниками.

Долина между Алтын-тагом и Ачик-колом, по которой пролегал наш путь, в северо-восточном направлении постепенно суживается. Она покрыта многими отдельными холмами, среди которых извивается орошающая ее речка Димна-лык — правый приток Черчен-дарьи, доходящий верстах в 10 выше устья. По мере сужения и поднятия долины растительность ее становилась заметно лучше.

Пройдя 20 верст, мы остановились для ночлега на урочище Димна-лык, орошенном речкою того же названия, текущею в неглубокой балке. Долина в этой местности, в особенности у подножий окраинных хребтов, покрыта густым низкорослым кипцом и полынью, которые с жадностью ели наши животные, голодавшие целые сутки.

От урочища Димна-лык крутизна подъема по долине значительно возрастает. На 8-й версте мы пересекли пологое поднятие, сочленяю-

* Хребет Ачик-кол назван Н. М. Пржевальским хребтом Московским.— *Прим. ред.*

шее ее окраинные хребты и прорезанное глубокою балкою речки Димна-лык, которая пересекает его между двумя отдельными горками, обрывающимися к ней почти отвесными каменными утесами. Спустившись с этого пологого перевала, экспедиция повернула почти на восток и, пройдя еще верст шесть вверх по речке Димна-лык, расположилась ночевать на урочище Кара-чука.

Междугорная долина речки Димна-лык к востоку от помянутого плоского перевала значительно расширяется. С юга она окаймлена снеговым хребтом Ачик-кол, а с севера невысоким, но очень длинным отрогом Алтын-тага, называемым Карава-таг. Отделив от себя этот отрог, Алтын-таг поворачивает круто на северо-восток и быстро поднимается за предел снеговой линии, потом также быстро падает и уходит в северо-восточном направлении за горизонт. Это вздутие Алтын-тага, называемое туземцами Сулан-таг, состоит из ряда тесно сплоченных снеговых гор с величественными ледниками, спускающимися на юго-восток и дающими начало многоводной речке Чакалык. Она течет сначала на северо-восток, потом поворачивает на север и прорезает Алтын-таг. Высочайшая вершина снеговой группы Сулан-таг, по моему измерению с урочища Кара-чука, поднимается на 19 170 футов над морем, а снеговая линия на юго-восточной стороне этой группы — на 18 560 футов.

Восточный отрог Алтын-тага — Карава-таг, опускаясь очень отлого на юг, в долину речки Димна-лык, обрывается крутым и длинным склоном к сопредельной северной равнине, лежащей значительно ниже этой долины. Гребень его местами едва заметен с юга, местами представляется как бы отдельным кряжем, насажденным на пологом поднятии. С севера же этот окраинный кряж кажется резко очерченным хребтом, вздымающимся высоко над нижележащей северной равниной.

Во время стоянки на урочище Кара-чука в наш лагерь заехал охотник, возвращавшийся с прииска Бухалык в Черчен. По его рассказу, этот прииск находится на речке Чулак-аккан, или Кызыл-су, и отстоит от Мандалыка в 20 днях пути на юго-восток. Долина названной речки, покрытая довольно хорошей растительностью, окаймлена невысокими кряжами и простирается с северо-запада на юго-восток. На приiske Бухалык собирается ежегодно в апреле до 100 человек золотоискателей, преимущественно из Черчена, пребывающих на нем до конца августа. Летом, во время работ, цайдамские монголы пригоняют иногда в Бухалык на продажу баранов и привозят ячменную муку, получая за эти предметы плату золотом. В окрестностях прииска водятся яки, медведи, куланы и антилопы. Люди же в той стране не живут; кроме приисковых рабочих и охотников да заезжих из Цайдама монголов, в ней не появляется ни один человек.

Мы подарили охотнику жестянку пороха и попросили его пострелять в цель из своего фитильного ружья. Он оказался довольно искусным стрелком и попадал очень хорошо на 100 шагов в маленькую мишень.

От урочища Кара-чука экспедиция продолжала путь на восток по широкой долине между хребтами Ачик-кол и Карава-таг, постепенно поднимающейся в этом направлении. Выше ночлежного места речка Димна-лык течёт только в половодье, а в остальное время дресвяное ложе ее остается сухим. В нем заметны, однако, кое-где мокрые места, указывающие на подземное просачивание воды.

В западной части описываемая междугорная долина бесплодна, а в восточной встречаются местами небольшие островки растительности, покрывающей преимущественно берега побочных сухих русел долины.

Переночевав на безводном урочище Давбаган-лык, мы на другой день продолжали восхождение по той же долине, орошенной в восточной части ручьями и покрытой по берегам их порядочной растительностью. На половине перехода экспедиция достигла плоского перевала Гульджа-даван, поднимающегося на 14 150 футов над уровнем моря. В этом месте южный снеговой хребет Ачик-кол сочленяется с северным кряжем Карава-таг весьма плоской грядой, служащей водоразделом рек, текущих на восток и запад.

Спуск с перевала так же отлог, как и подъем. Дорога от вершины его склоняется постепенно по безводной, пустынной местности, пересеченной небольшими сухими руслами и покрытой кое-где приземистым белолозником. Верстах в 16 от перевала мы разбили палатки для ночлега на урочище Инэк-аккан, у истоков речки Гульджа, текущей на восток.

С урочища Инэк-аккан экспедиция следовала вниз по речке Гульджа, имеющей на этой станции значительное падение. Со вступлением в ее долину нас стал преследовать ежедневно сильный западный ветер, дувший регулярно с 9 часов утра до 4 часов пополудни, а иногда и далее *. Этот холодный ветер, хотя и был попутным, все-таки сильно понижывал на лошади; мы вынуждены были часто спешиваться и согреть себя усиленной ходьбой.

Спустившись верст 30 по речке Гульджа, мы остановились на дневку в местности Дон-сай, откуда П. К. Козлов с казаком и проводником был командирован на рекогносцировку кряжа Карава-таг и прилежащей к нему на севере равнины. По этой рекогносцировке, продолжавшейся двое суток, оказалось, что помянутый кряж опускается на север крутым и высоким склоном, а на юг, к долине Гульджи—весьма пологим скатом, и что сопредельная ему на севере равнина лежит значительно ниже долины речки Гульджа. С гребня Карава-тага был виден вдаль, на северо-западе, хребет, представляющий, по всей вероятности, продолжение Сулан-тага, но без снеговых вершин, а на северо-востоке—западная оконечность другого хребта—Юсуп-алык-тага, к которому примыкает кряж Карава-таг. Гребень же этого последнего образует местами глубокие и длинные седловины, придающие названному кряжу с севера, из долины Гульджи, вид плоской гряды, увенчанной по оси как бы отдельными, низкими кряжами.

Хребет Ачик-кол, окаймляющий долину речки Гульджа с юга, состоит из тесного строя куполообразных гор, в числе которых нередко встречаются вечноснеговые. Северный склон Ачик-кола короче и круче южного, опускающегося, по рассказам туземцев, постепенно к долине речки Ала-ялык и изрезанного многими поперечными долинами, которые покрыты хорошей растительностью. Через этот хребет, имеющий с лишком 30 верст ширины, ведут с севера на юг два перевала: Песат-сай с урочища Кара-чука в долину речки Ала-ялык и Гал-сай с урочища Дон-сай, выходящий на речку Тогры-сай. Оба они затруднительны и доступны только для одиночных всадников да ослов с весьма легкими выюками. Между этими перевалами Ачик-кол сочленяется с глав-

* Долину эту Н. М. Пржевальский назвал долиною Ветров.—Прим. ред.

ным окраинным хребтом Музлук, подходящим к нему на соединение с юго-запада. Верстах в 20 к востоку от перевала Гал-сай в хребте Ачик-кол заключается весьма высокая снеговая группа, главная вершина которой достигает, вероятно, 20 000 футов над уровнем моря и превосходит по высоте все остальные его горы. От этой колоссальной группы Ачик-кол быстро понижается, как бы уступом, и, отделив далее короткую ветвь на северо-восток, тянется под разными названиями еще очень далеко в восточном направлении.

Во время двухдневной стоянки на урочище Дон-сай с 10 часов утра почти до заката солнца дул жестокий западный ветер. Около 2 часов пополудни сила его достигала почти 20 метров в секунду, и во время порывов он так ужасно сотрясал наши палатки, что мы ежеминутно опасались за их крушение. Этот сильный ветер, дующий, по словам туземцев, в долине Гульджи большую часть года, много вредит развитию ее неприхотливой растительности. Действительно белолозник, кипец и другие растения, покрывающие середину долины, очень низкорослы, как бы прячутся в земле, между тем как на окраинах ее, в лощинах предгорий и других защищенных от ветра местах те же растения гораздо рослее и пышнее.

К ночи ветер обыкновенно стихал, небо освобождалось от облаков, и на нем ярко блистали звезды. Термометр тахитим-минимит показывал по ночам морозы от $-15,0^{\circ}$ до $-17,0^{\circ}$ Цельсия, а днем, около 2 часов, температура воздуха повышалась до $+5,0^{\circ}$ и даже $+7,0^{\circ}$ Цельсия.

С урочища Дон-сай экспедиция спустилась еще верст 10 по речке Гульджа, которая ниже поворачивает круто на северо-восток и вскоре иссякает, а дорога поднимается на весьма плоское, щебне-дресвяное предгорье хребта Ачик-кол. Это слегка выпуклое пустынное предгорье, выдающееся на север в виде полуострова, преграждает путь речке Гульджа на восток, заставляя ее принять северо-восточное направление. Пройдя по нему верст 18, мы спустились на ночлег к речке Тогры-сай, получающей начало на юго-восточном склоне Музлука и прорезающей поперек хребет Ачик-кол по глубокому, но доступному ущелью. В долине этой речки, окаймленной невысокими увалами и лежащей значительно ниже долины верхней Гульджи, мы встретили более разнообразную и пышную растительность, развитию которой способствует также и ее защищенное от ветра положение. Тут мы заметили, между прочим, полынь, отсутствующую в верховьях Гульджи, и рослый белолозник. Соседние горные склоны Ачик-кола были также покрыты порядочной растительностью, и на них паслись большие стада куланов и антилоп-оронго.

Следующую станцию экспедиция прошла вдоль подножья невысокого северо-восточного отрога Ачик-кола, упирающегося многими горными мысами в речку Тогры-сай, которая выше их принимает слева сухое ложе Гульджи. Последние 10 верст мы следовали по правому берегу речки Тогры-сай, переваливая с одного горного мыса на другой. Между этими мысами заключаются узкие лоцины и небольшие площадки, открытые только со стороны речки. На одной из таких площадок, в местности Гэша, экспедиция остановилась на ночлег. Часа через два по прибытии на ночлежное место наши люди заметили несколько стад куланов, пасшихся на соседних высотах. Четверо лучших стрелков отправились за ними на охоту и в сумерки принесли в лагерь 7 штук.

Широкая долина речки Тогры-сай и нижней Гульджи окаймлена на севере весьма высоким горным хребтом Юсуп-алык-таг, простирающимся в восточно-западном направлении. Верстах в 30 к северо-западу от урочища Гэша этот хребет сочленяется с кряжем Карава-таг и, пройдя еще немного в западном направлении, оканчивается на обширной нагорной равнине. В этом хребте, несколько западнее меридиана урочища Гэша, заключается весьма высокая снеговая гора, вершина которой, по моему измерению, поднимается на 20 160 футов над морем, а снеговая линия на южном ее склоне на 18 830 футов. Западнее ее в том же хребте находится другая снеговая гора, уступающая первой в высоте, а восточнее хребет прорезан глубоким ущельем, из которого направляется к речке Тогры-сай широкое сухое русло, обрамленное высокими берегами. К востоку от этого ущелья хребет понижается и не содержит уже в себе снеговых гор.

Речка Тогры-сай ниже урочища Гэша, огибая горный мыс помянутого северо-восточного отрога Ачик-кола, делает крутой поворот к юго-востоку, а потом течет на восток. Дорога же от этого урочища переходит на левый берег названной речки и направляется севернее ее.

Переправившись через речку Тогры-сай, мы следовали сначала по левому ее берегу, пересекли широкое каменистое ложе, выходящее к ней из ущелья Юсуп-алык-тага, а потом от крутого поворота речки направились по плоскому, щебневатому предгорью этого хребта на восток. Около 10 верст экспедиция поднималась по весьма пологому, почти незаметному склону предгорья, опускающегося также медленно на юг, к речке Тогры-сай. Достигнув высшего места его, мы увидели отсюда вдали на юге весьма высокий насажденный хребет, простирающийся от меридиана урочища Гэша на восток сначала под названием Тымирлык-таг, а далее—Амбал-ашкан. Севернее его тянулся в том же направлении невысокий кряж — восточное продолжение Ачик-кола, носящий последовательно названия: Шпи-таг, Пияз-лык и Нургун-алык.

С вершины предгорья мы спускались постепенно верст 14 к обширному урочищу Юсуп-булак, на котором и остановились дневать. Это урочище, лежащее на высоте 11 420 футов над морем и простирающееся с лишком на 30 верст в окружности, богато источниками, дающими начало речке того же названия, и покрыто хорошей растительностью. На северной окраине его лежит обширный солончак с ровною поверхностью, одетою соляным налетом и так обманчиво блестящею издали, что ее трудно отличить от поверхности озера.

На тучных лугах урочища Юсуп-булак паслось много антилоп-оронго, которых наши охотники старательно преследовали целый день; но открытая местность не благоприятствовала им, и они убили только двух.

На пути от перевала Гульджа-даван до местности Юсуп-булак экспедиция постепенно спустилась на 2 730 футов. Пронзительный западный ветер, преследовавший нас в долине верхней Гульджи, по мере нисхождения с высоты стал ослабевать и на урочище Юсуп-булак почти вовсе прекратился. Настали теплые и ясные дни; в 2 часа пополудни термометр Цельсия поднимался до $+15,0^{\circ}$ и $+17,0^{\circ}$, но зато ночные морозы достигали $-20,0^{\circ}$.

На дневке к нам заехал охотник, возвращавшийся с прииска Бухалык, откуда он следовал 12 дней. Я пригласил его в свою палатку, угощал чаем и расспрашивал об этом прииске, о пройденном им пути

и окрестной местности. По его рассказу, прииск Бухалык находится на речке Кызыл-су, текущей с северо-запада на юго-восток в плоской долине, покрытой местами хорошей растительностью. В ней пасутся привольно все лето приисковые животные, преимущественно ослы. Хребет Пржевальского простирается к юго-западу от Бухалыка и невидим из долины Кызыл-су. Прииск посещают изредка летом цайдамские монголы, пригоняющие туда немного баранов и привозящие ячмень на продажу рабочим.

В окрестностях прииска живут тибетские медведи, а также пасутся большие стада куланов и антилоп. Осенью в долину Кызыл-су спускаются с хребта Пржевальского яки и проводят в ней всю зиму.

Дорога с урочища Юсуп-булак на прииск идет сначала на восток, вниз по речке того же названия, потом поворачивает на юго-восток и направляется по ее правому притоку Ат-аткан. На среднем течении этой речки она уклоняется к югу, пересекает хребет Амбал-ашкан и спускается к восточной оконечности озера Чон-кум-куль. Оттуда дорога по равнине выходит в долину речки Кызыл-су, получающей начало в хребте Пржевальского, и следует по ней до самого прииска. Эта дорога вполне доступна для караванов — подножного корма и воды на всех станциях вполне достаточно.

С урочища Юсуп-булак экспедиция следовала попрежнему на восток сначала по пустынной дресвяной равнине, затем пересекла неширокую полосу растительности, простирающуюся от него на юг до обширного солончакового болота, в котором теряется Тогры-сай. Перейдя эту полосу, мы взошли на возвышенное дресвяное плато, поднимающееся среди долины в виде острова. С него был ясно виден на юге хребет Тымирлык-таг, начинающийся, как выше замечено, от меридиана урочища Гэша и идущий на восток. На западе он весьма быстро восходит за предел снеговой линии, потом понижается, образуя против урочища Юсуп-булак длинную седловину, к востоку от которой снова вздувается и получает название Амбал-ашкан. К северу от него простирается кряж Шпи-таг, постепенно понижающийся в восточном направлении. Описав плоскую дугу на юг с глубокою седловиною в вершине, он поворачивает на северо-восток и под названием Нургуналык упирается в речку Ат-аткан.

С дресвяной высоты мы спустились на речку Юсуп-булак и разбили палатки для ночлега в местности Газлык, представляющей восточное продолжение растительной полосы предыдущего урочища, вытянувшейся длинной лентой по обоим берегам этой речки. Собрав в себя воды массы ручьев, речка Юсуп-булак, по выходе с урочища того же названия, становится многоводною и быстрою; но рыб в ней мы не нашли.

На меридиане урочища Газлык хребет Юсуп-алык-таг поворачивает круто к северо-востоку и отделяет от себя почти в восточном направлении весьма плоскую ветвь, сочленяющуюся с высоким хребтом того же направления — Чимен-тагом. Таким образом, между хребтами Юсуп-алык-таг и Чимен-таг, связанными этим плоским поднятием, заключается глубокая седловина, имеющая с лишком 30 верст протяжения. В западной части ее возвышаются два весьма значительных массива, венчающих помянутое плоское поднятие и резко выделяющихся из остальной слитной массы его низких холмов.

К юго-востоку от урочища Газлык простирается обширное солончаковое болото, среди которого лежит небольшое солоноватое озерко.

В этом болоте, принимающем речку Тогры-сай, образуется, по словам проводников, во время ее половодья, обширное озеро, сообщающееся тогда с речкой Юсуп-булак протоком.

Пройдя верст 10 вниз по речке Юсуп-булак, описывающей далее плоскую дугу на север, экспедиция следовала до самого ночлежного места по пустынной дресвяной равнине, покрытой южнее дороги плоскими песчаными высотами. Эти высоты были единственными песчаными образованиями, встреченными нами на всем пути по Тибетскому нагорью.

В этот день мы остановились на ночлег опять на речке Юсуп-булак, но уже в пустынной солончаковой местности, покрытой изредка малыми песчаными буграми и весьма скудной растительностью. К югу от ночлежного места простиралась весьма плоская гряда с углубленной седловиной, а к северу, за речкой — отдельный кряж Кара-чука, направляющийся сначала с северо-запада на юго-восток, а потом поворачивающий почти прямо к северо-востоку.

От ночлежного места речка Юсуп-булак течёт версты четыре на восток, потом поворачивает круто к северо-востоку и огибает отдельный кряж Кара-чука. Следуя вниз по ней, экспедиция пересекла сухое ложе ее правого притока Ат-аткан, получающего начало на северном склоне хребта Амбал-ашкан и прорывающегося через горные ворота в долину Юсуп-булака. Эти ворота заключаются между оконечностями двух хребтов — Нургун-алыка и Кызыл-чапа. Последний, начинающийся на правом берегу помянутого притока невысоким кряжем, быстро возрастает в северо-восточном направлении и переходит за предел снеговой линии, потом поворачивает к юго-востоку и тянется в этом направлении под названием Япкаклык на пять дней пути.

На правом берегу речки Юсуп-булак, ниже ее поворота на северо-восток, часто встречались небольшие, воронкообразные ямы с соляной корой внутри, образовавшейся в них, очевидно, в течение многих лет от испарения воды, которая ежегодно остается в этих ямах после разлива реки.

Ниже устья Ат-аткана, правого притока речки Юсуп-булак, экспедиция вступила в густые заросли мирикарии, покрывающие оба берега названной речки на протяжении около трех верст. Перейдя на левый берег этой речки, мы свернули с нее и направились по зарослям к северо-восточной оконечности кряжа Кара-чука и там остановились ночевать в местности Бахтукой, орошенной многоводным ручьем.

Вскоре по прибытии на ночлежное место из лагеря замечены были вдаль на северо-востоке двое верховых с вьючными осликами, направлявшиеся мимо него на юг. Встреча с людьми в необитаемой стране была для нас всегда радостным событием. Казаки, завидев путников, стали призывать их в лагерь криками и знаками. Те остановились в нерешимости при виде неизвестных людей и не знали, что им делать. Заметив их смущение, мы тотчас же послали к ним верхом одного из наших проводников, с которым они безбоязненно прибыли в лагерь. Пришельцы оказались жителями подгорного селения Чакалык, ехавшими в долину верхней Ат-аткан на охоту за куланами и антилопами. Такие дальние поездки на Тибетское нагорье они совершают ежегодно осенью, по окончании полевых работ, и стреляют этих зверей исключительно ради шкур.

Мы купили у охотников три пуда пшеничной муки, которой у нас было недостаточно. Получив за нее высокую плату, они рассудили, что им не стоит уже ехать на охоту, а лучше возвратиться вместе с нами домой. Для нас такое решение было тоже благоприятно: мы приобрели спутников, отлично знакомых с окрестной страной и знавших дорогу на Лоб-нор гораздо лучше наших проводников из Мандалыка.

Вечером я призвал охотников в свою палатку и расспрашивал подробно об окрестной стране. По их показаниям, речка Юсуп-булак, с которой мы свернули в тот день, иссякает верстах в десяти ниже переправы на пустынной равнине, а в половодье — в двадцати. Необозримая равнина, простирающаяся к северо-востоку от урочища Бахтукой на три дня пути, замыкается юго-восточным отрогом хребта Чимен-таг. На протяжении 40 верст от названного урочища до местности Чон-яр она совершенно бесплодна. Урочище же Чон-яр, занимающее наиболее углубленную часть этой равнины, до двух дней пути в окружности, очень богато источниками, образующими много малых озерков, и покрыто хорошей растительностью. В прежнее время на нем ежегодно зимовали монголы, от стойбищ которых сохранились еще местами следы. Ныне же оно посещается только охотниками из Чакалыка и с Лоб-нора, проводящими там осенью несколько недель, а в прочее время остается безлюдным.

К северо-востоку от урочища Чон-яр, занимающего обширную плоскую впадину, простирается невысокая глиняная гряда, а верстах в 20 от нее по бесплодной равнине тянется с северо-запада на юго-восток отдельный кряж, отстоящий не далее 10 верст от подошвы юго-восточного отрога хребта Чимен-таг, окаймляющего описываемую равнину с северо-востока.

Хребты Амбал-ашкан и Япкаклык, содержащие, по свидетельству охотников, вечноснеговые горы, простираются очень далеко на юго-восток, уходя в неизвестную им страну.

На следующий день экспедиция выступила после раннего обеда с запасом воды для людей и направилась в сопровождении охотников почти прямо на север по пустынной щебне-дресвяной равнине. Первые шесть верст мы шли вниз по ручью, текущему с урочища Бахтукой и иссякающему на этой печальной равнине. По берегам его встречались еще кое-где одинокие кустики, а далее от места исчезновения ручья равнина перешла в мертвую землю, совершенно лишенную растительности. На 15-й версте караван пересек сухое русло, направляющееся с северо-запада на юго-восток, и стал медленно подниматься к плоской гряде, сочленяющей хребты Юсуп-алык-таг и Чимен-таг. Близ южного подножья гряды мы пересекли глубокое сухое ложе, выходящее из ее ущелья на юго-восток. По этому ущелью направляется прямая дорога через гряду на север, доступная только для одиночных всадников, а потому охотники повели нас кружным путем. Караван повернул на северо-восток и, пройдя немного по предгорью гряды, покрытому кое-где тощим белолозником, остановился на ночлег в пустынной и безводной местности.

Утром, благодаря ясной погоде, из лагеря и в особенности с соседнего холма можно было обозревать далекие окрестности. К северу от нас простиралась плоская гряда, соединяющая Юсуп-алык-таг с Чимен-тагом. В западной части ее резко выделялись два массива, господствующие над остальной слитной массой ее мелких гор, подни-

мающихся почти повсюду до одной и той же ровной поверхности. На северо-западе, верстах в 30, белела снеговая группа, служащая узлом, от которого отходят два высоких хребта системы Юсуп-алык-тага. Один из них, направляющийся к юго-западу, уже описан при обозрении долин нижней Гульджи и Юсуп-булака. Другой, более высокий снеговой хребет простирается от помянутого узла сначала на запад, потом на западо-северо-запад и примыкает к окраинному хребту Алтын-таг.

Верстах в 25 к северо-востоку от лагеря простирался короткий юго-восточный отрог Чимен-тага, а в расстоянии около 50 верст к востоку был виден длинный отрог того же хребта, уходивший в юго-восточном направлении за горизонт. Перед ним тянулся параллельный ему короткий степной кряж, а еще ближе — весьма плоская грядда, окаймляющая с северо-востока урочище Чон-яр, которое казалось большим желтоватым пятном на темносером фоне необозримой равнины.

Кружной путь, по которому повели нас охотники, направляется сначала вдоль подножья гряды на северо-восток. Следуя в этом направлении, мы пересекли несколько сухих лож, спускающихся на юго-восток, потом, повернув на север, поднялись по весьма отлогому склону на гребень помянутой гряды. К северо-востоку от вершины перевала, верстах в двух, быстро поднимался над грядой сочлененный с ней хребет Чимен-таг, уходящий на восток, а на западе ярко белела снеговая группа, от которой расходятся хребты Юсуп-алык-тага.

Сойдя немного с гребня гряды по отлогой долине, экспедиция повернула на северо-запад и спустилась в глубокое ущелье, имеющее весьма значительное падение и принимающее в себя с юго-запада очень длинную теснину. По этому ущелью мы вышли на обширную междугорную долину, лежащую значительно ниже соседней южной долины речки Юсуп-булак, и, повернув к юго-западу, направились вдоль северного подножья той же плоской гряды. В конце перехода экспедиция миновала небольшое соленое озеро Узун-шор-куль, омывающее живописные горные мысы гряды, и остановилась близ юго-западной его оконечности на дневку.

Обширная междугорная долина, в которую мы спустились с гряды, лежит на высоте около 9 500 футов над уровнем моря и представляет собою нижнюю террасу Тибетского нагорья, ограниченную на юге хребтами Чимен-таг, Юсуп-алык-таг и связующей их плоской грядой. С севера же эту террасу окаймляет окраинный хребет Алтын-таг, простирающийся в восточно-западном направлении.

Хребет Чимен-таг, по свидетельству охотников, тянется очень далеко на восток, но соединяется ли с Алтын-тагом — им неизвестно. Северный же снеговой хребет Юсуп-алык-тага примыкает к Алтын-тагу на западе, а южный оканчивается на обширной равнине, сочленяясь посредством лишь второстепенного кряжа Карава-таг с этим окраинным хребтом южнее снеговой группы Сулан-таг.

Озеро Узун-шор-куль, лежащее у подошвы помянутой плоской гряды, имеет овальную форму и простирается на три версты в длину при ширине около 350 сажен. Северо-западный берег его, покрытый сплошь толстой соляной корой, низменный и топкий, а юго-восточный — возвышенный и в местах, где в озеро упираются горные мысы, живописен. Глубина озера значительна только при юго-восточном, на-

горном берегу, а в остальных местах оно очень мелко. Узун-шор-куль содержит сильно соленую воду, и потому в нем нет никакой органической жизни.

К северу от озера простирается обширный солончак, на котором сохранились несомненные признаки величественного водоема, покрывавшего всю занимаемую им местность. На северо-западной окраине его лежит другое соленое озеро — Калла-куль, а к востоку от него — третье маленькое соленое же озерко.

В юго-западную оконечность озера Узун-шор-куль изливается многоводный ручей, образующийся у подножья гряды из родников. Область его покрыта очень хорошей растительностью.

Тут, благодаря понижению местности*, между прочим, растут розник (Турпа) и мелколистный камыш, распространенные по всему соседнему солончаку. В этой местности мы в первый раз увидели на Тибетском нагорье степных антилоп (*Gazella subgutturosa*), прибегавших к ручью на водопой.

На описываемой нижней террасе нагорья днем было значительно теплее, чем на соседней южной, за грядой, и только холодные ночи напоминали нам о пребывании на большой высоте.

От озера Узун-шор-куль экспедиция прошла немного вдоль подножья гряды, потом повернула на северо-запад и следовала по пустынной, щебневатой равнине, покрытой изредка тощей реомюрией и полынью. На половине станции мы пересекли сухое ложе, направляющееся к северо-востоку из узкой долины между помянутой плоской грядой и снеговой группой Юсуп-алык-тага. Эта последняя высылает к северо-востоку отрог, оканчивающийся весьма крутым мысом в долине. В юго-западном же направлении от нее отходит, как выше замечено, хребет, теряющийся на равнине, а на запад — колоссальный снеговой хребет, примыкающий непосредственно к Алтын-тагу.

Первую ночь на пути от озера экспедиция провела в пустынной и безводной местности. Утром, пока снимали лагерь, я измерил зенитные расстояния высочайшей вершины помянутой группы Юсуп-алык-таг и нескольких точек снеговой линии на южном склоне ее, определенных засечками. По этим измерениям абсолютная высота главной вершины оказалась 19 050 футов, а снеговой линии на северном склоне группы — 17 830 футов.

Большую часть следующей станции мы прошли по той же пустынной долине, покрытой в западной части многими отдельными холмиками и низкими кряжами. В конце перехода экспедиция пересекла плоский кряж, сочленяющий Алтын-таг с северным хребтом Юсуп-алык-тага и замыкающий долину с запада. Достигнув его подножья, мы вступили в горную страну отрогов этих хребтов и следовали по ней несколько станций. С кряжа караван спустился в долину речки Ильбе-чимен, текущей с юга, из снегового хребта, и, пройдя немного вниз по ней, разбил палатки для ночлега.

Утром на юго-западе был ясно виден колоссальный снеговой хребет Юсуп-алык-тага, простиравшийся к западо-северо-западу. В этот день мы продолжали путь вниз по речке Ильбе-чимен, текущей в неширокой горной долине. На половине перехода экспедиция переправилась

* Эта долина лежит приблизительно на 1 800 футов ниже соседней южной долины речки Юсуп-булак.

на левый берег названной речки, вступающей ниже брода в недоступное ущелье, и, перейдя плоский отрог, следовала по пустынной долине до речки Пашалык — левого притока Ильбе-чимена, получающего начало в том же снеговом хребте. Спустившись по ней версты три, мы достигли ее слияния с Ильбе-чименом, вышедшей из ущелья, и остановились на ночлег. В этой местности, называемой Кош-лаш и покрытой очень хорошей растительностью, стоят две каменные хижины пастухов с Лоб-нора, откармливающих тут в летнее время лошадей. То были первые человеческие жилища, встреченные нами на длинном пути из Мандалыка по безлюдной стране. Поблизости этих убогих хижин, уже покинутых пастухами, расположились на ночлег охотники из Чакалыка, ехавшие на Тибетское нагорье.

Вечером я пригласил охотников в свою палатку, угощал их чаем и расспрашивал об окрестной стране. Они сообщили мне, что северный снеговой хребет Юсуп-алык-таг действительно примыкает на западе к Алтын-тагу и содержит в себе много снеговых гор.

Переход через него невозможен даже для одиночных всадников; поэтому с урочища Кош-лаш нельзя проехать прямым путем в долину верхней Черчен-дарьи, а необходимо огибать горы Юсуп-алык-тага с востока по пройденной нами дороге.

Снеговой хребет Юсуп-алык-таг, по свидетельству охотников, отделяет на северо-запад два мощных отрога — Шор-чап-таг и Тюгелик-таг, заполняющих своими многочисленными разветвлениями всю страну к западу от речки Ильбе-чимен до Алтын-тага. Между этими отрогами течёт с главного хребта многоводная речка Атлаш-су, впадающая слева в Ильбе-чимен, которая ниже, близ южного подножья Алтын-тага, принимает в себя слева же речку Хашаклык и затем, прорезав окраинный хребет, врывается в Кашгарскую котловину.

Горная страна между Ильбе-чименом, снеговим хребтом Юсуп-алык-таг и Алтын-тагом вообще бедна растительностью, в особенности в высокой области, соседней снеговому хребту. Из крупных млекопитающих в ней водятся только одни куланы.

От тех же охотников мы узнали, что в их селении, находящемся в Кашгарской котловине, и в окрестной ему стране господствовали все лето сильные жары, окончившиеся лишь в половине сентября.

После расспросов мы предложили охотникам пострелять в цель. Они с удовольствием согласились и, признаться, немало изумили нас меткостью стрельбы из своих длинных малокалиберных винтовок с прямыми нарезками: на расстоянии 100 шагов все выпущенные ими пули не выходили из круга четырехвершкового диаметра. Поблагодарив охотников за доставленное нам удовольствие, мы подарили им по фунтовой коробке пороха.

С урочища Кош-лаш дорога направляется вниз по речке Ильбе-чимен, долина которой постепенно суживается и становится глубже. На пути по ней мы догнали лобнорских пастухов, спускавшихся с лошадьми с гор домой, на озеро. Лошади, пробывшие все лето на прохладных горных пастбищах, где их не изнуряют ни жары, ни насекомые, очень хорошо поправились и часто резвились в дороге.

Пройдя в этот день всего верст девять, мы разбили палатки для ночлега на берегу той же речки, в местности Даван-тюбе. Впереди предстоял длинный безводный переход через хребет Алтын-таг по перевалу Таш-даван.

На следующий день мы выступили с запасом воды после раннего обеда. Пройдя немного вниз по речке Ильбе-чимен до ее крутого поворота на запад, экспедиция оставила эту речку и направилась к южному подножью Алтын-тага, поднимаясь постепенно на отлогое предгорье его. Близ подошвы хребта мы повернули почти на запад и следовали сначала по ущелью, пересекающему плоский южный отрог Алтын-тага, а потом по высокому плато, покрытому отдельными горками и прорезанному балками. С этой высоты нам открылся обширный кругозор на юге: все видимое пространство к юго-западу от речки Ильбе-чимен казалось покрытым узкими и крутыми хребтами с весьма острыми гребнями, в которых повсюду были видны глубокие выемки, придающие им в профиле фестонобразный вид. Эти хребты, простирающиеся в северо-западном направлении, суть лучи мощных отрогов снегового хребта Юсуп-алык-таг, который скрывался от нас в туманной дали.

С плато экспедиция спустилась в глубокую балку и, пройдя по ней около версты, поднялась на узкую площадку, окаймленную справа холмами, а слева побочной балкой. Пройдя по ней почти такое же расстояние, мы повернули круто к северо-востоку и вступили в узкую долину Алтын-тага, прорезанную довольно глубокой продольной балкой. В этой долине экспедиция остановилась на ночлег в безводной местности, покрытой, однако, густой и пышной полынью.

Утром мы прошли немного по той же долине на северо-восток, потом свернули почти на север в побочную, еще более узкую долину, ведущую на перевал Таш-даван. По этой долине, имеющей весьма значительное падение, мы приблизились к гребню Алтын-тага. Подъем на него с юга, по моему измерению, достигает 30° крутизны и только благодаря зигзагам дороги доступен для вьючных животных. Восхождение нашего каравана на этот трудный перевал с частыми отдыхами для нагруженных верблюдов продолжалось около двух часов. С вершины его, достигающей 12 490 футов над уровнем моря, можно было обозреть почти всю горную страну между Ильбе-чименом и Алтын-тагом. На юге был ясно виден снеговой хребет Юсуп-алык-таг, постепенно понижающийся в западном направлении и примыкающий, повидимому, к Алтын-тагу. Вся страна между ним и речкою Ильбе-чимен казалась заполненной его мощными северо-западными отрогами с их характерными лучами. Эти последние, как выше замечено, состоят из узких и крутых кряжей с весьма острыми гребнями и глубокими седловинами.

Спуск с перевала Таш-даван на север еще круче подъема с юга, а зигзаги весьма каменистой дороги, вьющейся по узкой лощине, очень коротки и потому мало уменьшают падение.

Сойдя очень быстро с вершины перевала, экспедиция следовала сначала по узкой и крутой долине, которая ниже немного расширяется и становится несколько отложе. В 20 верстах от перевала мы остановились в той же долине на ночлег, спустившись на этом расстоянии около версты по вертикальному направлению. На ночлежном месте, покрытом довольно хорошей полынью, не было воды; за нею приходилось посылать в соседние скалы, в которых находится маленький источник Сейфи-булак. Из него наши люди должны были черпать воду ведрами и осторожно спускаться с ними с высоты. Этот источник открыт знаменитым охотником Сейфи из Чакалыка, погибшим в борьбе

Вверху: соленое озеро Узун-шор-куль на Тибетском нагорье

Внизу: вид хребта Алтын-таг с озера Узун-шор-куль на Тибетском нагорье

с медведем на Тибетском нагорье, и назван туземцами его именем.

От ночлежного места близ источника Сейфи-булак экспедиция продолжала путь к западу по той же долине, становящейся все глубже и глубже по мере приближения к подошве хребта. Пройдя по ней верст 10, мы спустились к подножью хребта и направились на северо-запад по дну балки, выходящей из этой долины и суживающейся ниже в каменистую, недоступную для караванов, теснину. Перед входом в эту теснину дорога поднимается из балки по весьма крутому склону на перевал Кум-боён через западный отрог Алтын-тага, упирающийся в помянутую теснину. Взойдя с большим трудом на перевал, мы спустились с него по крутому же песчаному склону на высокое предгорье окраинного хребта, а с этого последнего в глубокую балку, в которую переходит ниже перевала помянутая теснина, и в ней остановились на дневку у источника Аврас-булак. В этот день экспедиция спустилась по вертикальному направлению около полуверсты и, оставив позади холодное Тибетское нагорье с его пустынным окраинным хребтом, очутилась на рубеже теплой Кашгарской котловины.

На ручье Аврас-булак мы простояли почти двое суток, наслаждаясь теплой погодой после холодов, испытанных на суровом Тибетском нагорье. Около 2 часов термометр Цельсия поднимался до 15°, а по ночам опускался лишь немного ниже 0°. Листья камыша и разнообразных кустарников, покрывающих берега ручья, были еще зелены.

Оставшийся позади окраинный хребет Алтын-таг, окаймляющий с севера нижнюю террасу Тибетского нагорья, простирается в общем с юго-запада на северо-восток и переходит за снеговую линию только в группе Сулан-тага*. Ширина хребта против озера Лоб-нор около 40 верст, и близ гребня он почти повсюду равностепенен, но северный, или внешний, его склон несравненно длиннее южного, прилегающего к нагорью. Через Алтын-таг ведут только 4 прохода: Чука-даван, Хадалык, Таш-даван и Курган-даван, отстоящий в 100 верстах к востоку от ручья Аврас-булак. Последний гораздо удобнее Таш-давана для караванов, а перевал Хадалык доступен только для одиночных всадников, да и то с трудом.

В высшей зоне Алтын-тага, благодаря дождям, встречаются места, покрытые польнейю и кипцом; в среднем же и в особенности в нижнем поясах, где дожди бывают реже, растительность гораздо скуднее. Источники в этом хребте, по свидетельству туземцев, очень редки, по крайней мере против Лоб-нора. Однако есть основания полагать, что многие из них, находящиеся в недоступных местах, еще не известны туземцам. Иначе трудно объяснить повсеместное распространение в этом хребте горных баранов, которые, конечно, не могли бы жить в обширных безводных пространствах. Присутствие во многих местах Алтын-тага уларов и каменных куропаток также указывает на существование в нем источников.

Алтын-таг прорезается только двумя речками, получающими начало на Тибетском нагорье: Чакалык и Ильбе-чимен, носящей по выходе из гор название Джахан-сай. Первая получает начало на юго-

* В западной части этого хребта есть месторождения нефрита, но золота из него ныне не добывают; незаметно также, по словам туземцев, нигде следов и древних золотых приисков.

восточном склоне снеговой группы Сулан-тага и течет сначала на северо-восток, потом поворачивает на север и прорезает окраинный хребет в меридиональном направлении. Истоки Ильбе-чимен, как выше замечено, находятся в снеговом хребте Юсуп-алык-таг, с которого эта речка направляется на северо-запад, потом на запад, а по принятии слева притоков Атлаш-су и Хашак-лык поворачивает на север и пересекает Алтын-таг по глубокому, непроходимому ущелью, отстоящему верстах в 25 к западу от перевала Таш-даван. По выходе из гор она получает название Джахан-сай и иссякает верстах в 30 от подошвы хребта в болоте.

После дневки на ручье Аврас-булак экспедиция продолжала путь вниз по этому ручью. В двух верстах ниже его истоков глубокая балка, в которой он течет, переходит в узкую теснину. Массивные песчаниковые выступы ее стен, выдающиеся местами противоположно друг над другом, образуют мрачные коридоры, в которых слабые звуки, едва слышные в открытых местах, раздавались резким эхом. Ручей, судя по размывам, сильно подтачивает стены этих коридоров, которые повсюду наклонены внутрь и угрожают падением.

Ниже коридоров балка постепенно расширяется и, боковые обрывы ее становятся отложе, а ручей иссякает в извивающемся по ней песчаном ложе.

Пройдя около 10 верст по дну балки, мы поднялись из нее на плоское дресвяное предгорье Алтын-тага и направились к северо-западу. Сначала мы шли по торной дороге, ведущей в селение Чакалык, потом повернули вправо по тропе. Пустынное предгорье Алтын-тага, по которому пролегает тропа, представляет сильно покатую к северу дресвяную равнину, покрытую весьма скудной растительностью и прорезанную в меридиональном направлении балкой ручья Аврас-булак, переходящей ниже в овраг. В конце перехода на равнине стали появляться бугры и грядки, среди которых мы остановились на ночлег в безводной местности.

Утром мы спустились верст шесть по тому же плоскому предгорью Алтын-тага, обрывающемуся к сопредельной щебне-дресвяной северной равнине резко очерченными, но короткими и узкими мысами. Между этими мысами, покрытыми большею частью песчаными наносами, заключаются плоские лощины, сливающиеся почти незаметно с сопредельным саем. Спустившись с предгорья, экспедиция следовала по ровному саю, на котором пересекла полосу плоских песчаных гряд около 20 верст длины и до 2 верст ширины. Близ северо-восточной оконечности ее находятся развалины небольшого древнего форта, отстоящие верстах в шести от дороги. Они состоят из полуразрушенной глиняной стены прямоугольного начертания около 40 сажен длины и 30 в ширину, засыпанной местами песком. Внутри ограды заметны основания домов, или казарм, и сохранились при росших вокруг них деревьях, а вне ее теперь не видно никаких следов строений. Туземцы не могли сообщить мне никаких сведений о древности этих развалин, представляющих по местному преданию остатки старинной китайской крепости.

Вскоре по выходе из песков мы достигли правого рукава речки Джахан-сай, по которому спустились к месту слияния его с левым, и, пройдя немного вниз по этой речке, остановились на ней ночевать в местности Мюран. От слияния рукавов долина Джахан-сая покрыта

широкой полосой тополевого леса, зарослями различных кустарников и разнообразной травянистой растительностью. На урочище Мюран находятся пашни лобнорцев, занимающихся немного земледелием исключительно в долине Джахан-сая, так как на солончаковом прибрежье озера хлебные растения не могут прозябать.

На урочище Мюран, лежащем около 3 000 футов над уровнем моря, стало еще теплее, чем на Аврас-булаке. Камыш, некоторые травянистые растения, кустарники и большая часть деревьев были еще зелены; только на немногих старых тополях пожелтела часть листьев.

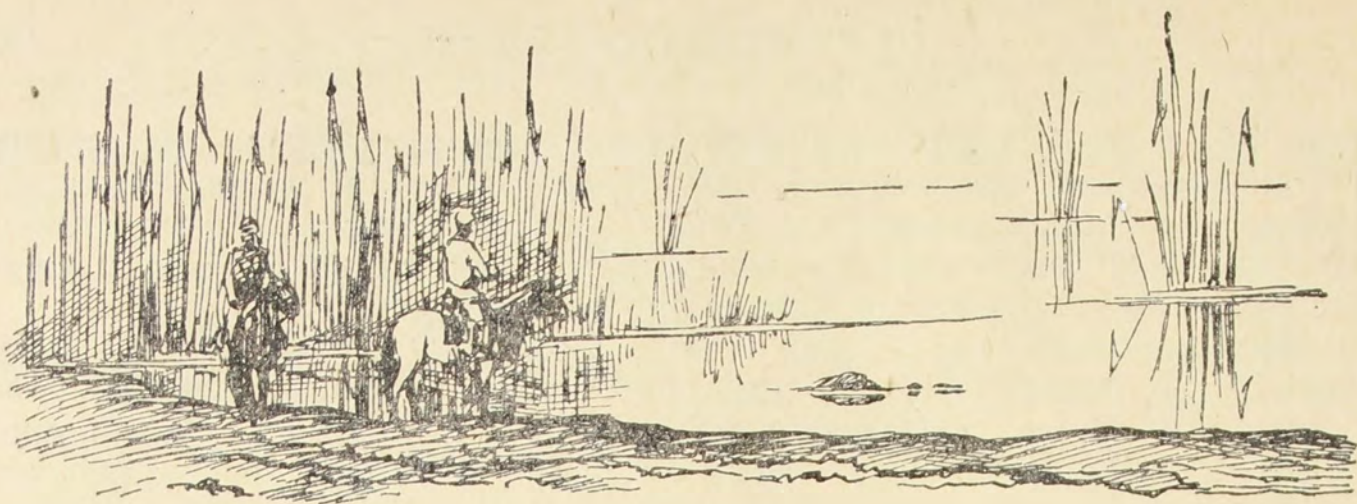
Вечером к нам выехал навстречу старшина из соседнего селения Чакалык с почётными стариками и, по обычаю, привез фруктов, лепешек и вареных яиц. Эти подарки были очень ценны для нас, пришельцев из суровой безлюдной страны, в которой, кроме баранины и хлеба, да невкусного мяса антилоп-оронго, мы не имели другой пищи.

В селении Чакалык, по свидетельству старшины, считается 60 домов и около 260 жителей, занимающихся, главным образом земледелием. Небольшая часть мужчин уходит ежегодно осенью, по окончании полевых работ, месяца на два в Тибет на охоту за куланами и антилопами, которых бьют исключительно для шкур.

С урочища Мюран экспедиция следовала вниз по речке Джахан-сай, долина которой повсюду покрыта тополевым лесом и зарослями разнообразных кустарников. Верстах в семи от названного урочища речка разбивается на рукава и теряется в обширном болоте, поросшем тростником. Миновав это болото, мы шли верст 10 по зарослям камыша и тамариска; по сторонам дороги часто встречались узкие прядки, покрытые теми же растениями, а местами небольшие тополевые рощи. Из зарослей мы вышли на необозримый кочковатый солончак, лишенный вовсе растительности, и пересекли длинную, но узкую полосу плоских песчаных бугров, протянувшуюся по этому солончаку с юго-запада на северо-восток. Пройдя около 12 верст по солончаку, мы вступили в долину реки Яркенд-дарья, покрытую камышом, и в ней были радушно встречены правителем лобнорцев Кунчикан-беком, вышедшим приветствовать экспедицию со старшинами пешком. Сойдя с лошади, я поздоровался с почтенным беком и направился к берегу реки, где нас ожидал В. И. Роборовский, прибывший накануне в лодке из селения Чигелик.

Мы разбили лагерь на правом берегу Яркенд-дарьи, верстах в шести выше ее впадения в озеро Лоб-нор, и расположились на продолжительную стоянку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТ ЛОБ-НОРА ДО КУРЛИ

Обзор Лобнорской впадины. — Усыхание озер, убыль рыб и птиц. — Быт лобнорцев. — Показания их об окрестной стране, развалинах и о пребывании в Лобнорской впадине в 1858—1861 гг. наших староверов. — Движение экспедиции вверх по Яркенд-дарье. — Недавнее образование рекою Конче четырех озер. — Природа долины нижней Яркенд-дарьи. — Очерк быта ее обитателей. — Путь экспедиции от устья Угэнь-дарьи до оазиса Курля.

Еще из Черчена я послал Кинчикан-беку с одним торговцем, ехавшим на Лоб-нор, письмо, в котором извещал его о времени прибытия экспедиции на озеро и просил заготовить для нее муки, риса и других съестных припасов на весь путь до Курли. Почтенный бек исполнил аккуратно мою просьбу: к приходу экспедиции все заказанные припасы были заготовлены и по осмотре найдены вполне доброкачественными. Нам оставалось только переформировать вьюки для дальнейшего пути на север, на что требовалось не более двух дней, но я счел необходимым дать утомленным людям и животным более продолжительный отдых. Мы простояли в низовье Яркенд-дарьи пять суток, в течение которых я определил географическое положение лагеря, измерил неоднократно высоту места * и сделал в этом пункте магнитные наблюдения. Кроме того, почти все свободное время от этих работ мною было употреблено на расспросы туземцев о Лобнорской впадине и ее окрестностях.

Озеро Лоб-нор в настоящее время называется местными жителями Кара-кошун-куль, от монгольского княжества (хошуна) Хара-хошун, существовавшего около 400 лет тому назад на юго-западном берегу его. Название же Лоб-нор, данное этому озеру жившими на нем встарину монголами, — древнее. Оно сохранилось, однако, до наших дней как у китайцев, так и у туземцев отдаленных от озера стран, которые назы-

* Абсолютная высота поверхности озера Лоб-нор по моим 12 барометрическим наблюдениям — 2 650 футов.

вают его Лоб. Этим названием они именуют не только озеро, но и всю окрестную ему страну, а равно и населяющий ее народ ⁴⁷.

Реку, впадающую в озеро Лоб-нор, туземцы на всем ее протяжении называют Яркенд-дарьей. Название же Тарим присвоено ей китайцами по простому недоразумению и сохранилось у них до настоящего времени, перейдя и к европейцам. Выходцы из западной и северной Кашгарии, поселившиеся около 400 лет тому назад на нижней Яркенд-дарье в местностях, неудобных для хлебопашества, не занимались вовсе земледелием, а жили почти исключительно рыболовством и отчасти звероловством. Реку, питавшую их рыбой, они называли тарим (тарим по кашгарски — пашня), и это слово заменило со временем в их лексиконе нарицательное дарья, т. е. река вообще. Китайские чиновники, посещавшие по делам службы нижнюю Яркенд-дарью, приняли имя нарицательное за собственное и назвали ее в своих донесениях Таримом. От китайцев это название заимствовано европейцами и сохранилось на всех картах и в описаниях. Между тем многие опрошенные мною туземцы нижней Яркенд-дарьи утверждали, что эта река именуется у них повсюду Яркенд-дарьей, а таримом они называют всякую реку. Слово «дарья», равнозначащее тариму, нарицательное, — им известно также, но употребляется реже.

Туземцы Южной Кашгарии, которых я расспрашивал о реке Тарим, отзывались сначала неведением такой реки, а когда я пояснил им, о какой реке спрашиваю, уверяли единогласно, что река, впадающая в озеро Лоб, на всем протяжении от устья называется Яркенд-дарьей, а не Таримом. Так именуют эту реку и жители всех селений, расположенных на ней между устьями ее рукава Угэнь-дарья и притока Конче, через которые пролегал наш путь от Лоб-нора в Курлю.

Так как название Тарим, ошибочно присвоенное китайцами Яркенд-дарье, уже с давнего времени вошло во всеобщее употребление, то для избежания недоразумений его следовало бы, мне кажется, помещать на картах рядом с действительным названием этой реки, но в скобках. Для Лоб-нора же, казалось бы, правильным удержать его древнее название, а в скобках приписывать современное местное наименование Кара-кошун-куль*.

Озеро Лоб-нор, по единогласному свидетельству многих допрошенных мною туземцев, представляет ныне обширное водное пространство, поросшее большею частью густым и необыкновенно высоким тростником, который достигает местами четырех сажен высоты и толщины более дюйма. Оно имеет овальную форму и простирается в длину с юго-запада на северо-восток с лишком на 100 верст, а в ширину до 40 верст. Кунчиканбек, объехавший все озеро вокруг, передавал мне, что он пробыл в пути ровно пять дней, делая в день около 50 верст. Следовательно, по его исчислению, окружность озера достигает приблизительно 250 верст. По удостоверению этого бека, оно окружено необозримым кочковатым солончаком, совершенно бесплодным и покрытым местами раковинами. Езда по неровной, отверделой его поверхности очень затруднительна и возможна только близ опушки тростника, где грунт значительно мягче и поверхность ровнее. Тщетно искал Кунчиканбек на берегах Лоб-нора мест, удобных для поселений, — их нигде не оказалось.

* Такие двойные названия нанесены на приложенную к настоящей книге карту Восточного Туркестана.

В юго-западной части озера, поблизости устья Яркенд-дарьи, встречаются свободные от тростниковых зарослей пространства до 10 верст в окружности и до двух сажен глубины. Таких обширных открытых бассейнов, впрочем, очень мало, а все остальные гораздо меньше. В этой же части озера находится узкий канал, длиною около 20 верст, в котором заметно весьма слабое течение пресной воды Яркенд-дарьи, а по сторонам его в озерах, окружённых тростником, вода слегка солоновата.

В 20 верстах к северо-востоку от устья реки тростник становится гораздо гуще, открытые водные пространства встречаются реже, величина их меньше, а вода солонее. Далее 30 верст от устья нельзя пробраться по озеру на самом малом челноке даже при высокой воде в мае, а в остальное время можно проехать только 20 верст. Существуют ли в северо-восточной части озера непокрытые тростником водные пространства — неизвестно, потому что никто из местных жителей не проникал туда ни летом, ни зимой по льду. Кунчикан-бек во время своей поездки вокруг Лоб-нора замечал, что прибрежный тростник растет большею частью на топком, солонцеватом болоте и лишь в западной половине озера — в мелкой соленой воде, но и то местами.

По единогласному свидетельству туземцев, озеро Лоб-нор мелеет с каждым годом. Еще на памяти стариков оно было гораздо обширнее и содержало несравненно больше открытых пространств. В селении Абдал, расположенном в четырех верстах выше устья Яркенд-дарьи, во время нашего пребывания проживал 110-летний старец по имени Абдул-Керим — живая летопись физических изменений, происшедших на озере за время его долгой жизни. Он был еще бодр, свободно ходил, но говорил так невнятно, что его мог понимать вполне только сын Архней-Джан, 52 лет, с которым я неоднократно беседовал о старине. Этот последний, со слов своего отца, передавал мне, что со времени юности его престарелого родителя на Лоб-норе совершились большие перемены. По признанию старца, он не мог бы узнать своей родины, если бы все это время провел в отсутствии и вернулся в родную страну на закате своих дней. Озеро Лоб-нор во время юности Абдул-Керима, т. е. с лишком 90 лет тому назад, в юго-западной части было свободно от тростника, покрывавшего только неширокой каймой его плоские берега, и открытая водная площадь озера простиралась к северо-востоку на всем видимом пространстве. Устье Яркенд-дарьи в то отдаленное время находилось в четырех верстах западнее нынешнего, как раз против того места, где теперь расположено селение Абдал.

Глубина озера была тогда несравненно больше нынешней, и по берегам его стояло много селений, от которых теперь остались едва заметные следы. Вследствие постепенного отступления озера и зарастания его тростником, жители этих селений должны были покинуть их и водвориться на нижней Черчен-дарье. Так опустели последовательно селения: Тур-куль, Баят, Лоб и Кара-кошун.

В озере в прежнее время водилось гораздо больше рыб, чем ныне. Тогда в нем жили выдры, которых давно уже не стало. Плавающих и голенастых птиц на его берегах гнезилось несметное множество.

Река Яркенд-дарья, по преданию, текла 200 лет тому назад севернее нынешнего своего низовья и впадала в небольшое озеро Уччу-куль, сообщавшееся с Лоб-нором проливом. Это предание подтверждает старец Абдул-Керим со слов своего деда, при жизни которого она еще текла в указанном месте и потом переменяла свое ложе. Древнее русло Яркенд-

дарьи, называемое ныне Ширга-чапкан, ясно различимо до настоящего времени. В нем сохранились еще кое-где пни от деревьев, осенявших некогда берега реки. Прежде этих пней было очень много, но жители селений постепенно изводили их на топливо, и теперь они встречаются уже редко.

Единогласные показания туземцев о постепенном обмелении Лоб-нора подтверждаются некоторыми признаками существования в занимаемой им весьма плоской котловине гораздо более обширного водоема, оставившего явственные следы своего пребывания. Так, вдоль северо-западного и юго-восточного берегов озера, поблизости устья Яркенд-дарьи, тянутся продолговатые песчаные гряды, почти параллельные нынешней береговой черте и представляющие по всем признакам прибрежные дюны древнего обширного водохранилища. Кроме того, на окружающем Лоб-нор солончаке, вдали от нынешней береговой черты, встречается местами множество раковин пресноводных моллюсков (*Limnaea auricularia*, — var. *ventricosa*, *Limnaea stagnalis*, *L. peregra* et *Planorbis sibiricus*), живущих в настоящее время в нем. Эти раковины, по словам Кунчикан-бека, он видел местами во время своей поездки вокруг озера вдали от прибрежных зарослей тростника. Наконец присутствие обширного солончака вокруг озера указывает также на его прежние величественные размеры⁴⁸.

В 40 верстах к юго-западу от Лоб-нора лежит другое большое озеро — Кара-боён (Черный перешеек), имеющее около 60 верст в окружности*. Оно получило свое название от двух возвышенных кос темного цвета, вдающихся в озеро с противоположных берегов навстречу одна другой. Озеро Кара-боён, подобно Лоб-нору, покрыто большею частью высоким тростником. В западной части его встречается, впрочем, много открытых пространств с пресной, необыкновенно прозрачной водой, достигающих восьми верст в окружности и до четырех сажен глубины. Открытые водные площади встречаются и в восточной части озера, но меньших размеров. Рыб в Кара-боёне, по свидетельству туземцев, ныне гораздо больше, чем в Лоб-норе.

Кара-боён питается водами рек Яркенд-дарья и Черчен-дарья, из которых первая впадает в северо-западную часть его, а последняя — в западную. Наибольшее количество воды доставляется озеру Яркенд-дарьей, которая во все времена года значительно многоводнее Черчен-дарьи. Разливы обеих рек в низовьях бывают не одновременно: Яркенд-дарья разливается в мае, а Черчен-дарья — в июле. Вдоль Кара-боёна от самого устья Яркенд-дарьи тянется среди тростниковых зарослей узкий канал, расширяющийся местами в озеро. В этом канале заметно слабое течение, и по нему можно проехать на лодке.

Яркенд-дарья, по выходе из озера Кара-боён, несет чистую и пресную воду, которая, однако, далеко не так прозрачна, как в самом озере. Эта река на всем протяжении от Кара-боёна до Лоб-нора имеет извилистое русло и довольно высокие берега, а ширина ее не превосходит 25 сажен. Она течёт со скоростью около четырех футов в секунду и повсюду очень глубока; длина же ее между озерами, считая по извилинам, простирается до 60 верст.

В то отдаленное время, когда Яркенд-дарья изливалась в озеро Учкуль верстах в семи к северу от нынешнего своего устья, между озерами Кара-боён и Лоб-нор не существовало никакого сообщения. Они отде-

* Кара-буран — на карте Н. М. Пржевальского. — Прим. ред.

лялись перешейком в 40 с лишком верст ширины и питались каждое отдельно своей рекой: Лоб-нор — Яркенд-дарьей, а Кара-боён — Черчен-дарьей. Это последнее было тогда тоже гораздо обширнее, чем теперь, и представляло сплошное водное пространство, поросшее только около берегов тростником. Яркенд-дарья, по преданию, промыла себе путь на юг, в озеро Кара-боён, в четыре года, и из него вскоре после того показался проток, соединивший соседние озера, а озеро Учучуль стало мелеть и наконец совсем высохло. Следы его ложа сохранились, однако, до настоящего времени.

Ныне в соединенных озерах живут пять видов рыб *, именуемых туземцами: отур-балык, минлай-балык, тэзек-балык, эгер-балык и ит-балык. Самые крупные экземпляры их достигают 20 фунтов веса. Кроме того, в озерах живут моллюски (*Limnaea auricularia*, var. *ventricosa*, *L. stagnalis*, *L. peregra* et *Planorbis sibiricus*) и водяные ужи (*Tropidonotus hydrus*).

С наступлением мая уровень воды в соединенных озерах начинает повышаться от значительной прибыли ее в Яркенд-дарье в этом месяце и поднимается выше нормального зимнего почти на 5 футов, потом понижается и во время разлива Черчен-дарьи в июле снова повышается, но очень мало. Одновременно с прибылью воды приходит в озера из Яркенд-дарьи и рыба, количество которой по приметам рыболовов при высокой воде гораздо больше, чем при низкой. По мере понижения уровней озер рыба начинает уходить обратно вверх, в Яркенд-дарью, и на зиму, как уверяли туземцы, в озерах остается лишь незначительная часть ее.

В прибрежных тростниках обоих озер прежде жили в большом числе кабаны и водилось много тигров. Последние сильно истребляли кабанов, которых теперь стало гораздо меньше против прежнего. С уменьшением числа кабанов уменьшалось в значительной степени и число их врагов — тигров. В тех же тростниках водятся волки, лисицы, степные кошки, ласки и зайцы.

Плавающих и болотных птиц на озерах бывает и теперь очень много во время весеннего пролета, но на летнее пребывание остается гораздо меньше, чем прежде. Из оседлых птиц, живущих в тростниках, наиболее замечательны фазаны, которых впрочем, очень немного.

Летом в Лобнорской впадине бывают сильные жары, продолжающиеся до трех месяцев, и появляется множество оводов, изнуряющих рогатый скот и ослов, а лошадей туземцы угоняют на все лето в горы. Зима в этой впадине сравнительно теплая и непродолжительная: реки и озера покрываются льдом только на три месяца (декабрь, январь и февраль), причем толщина льда редко превосходит 15 дюймов. Снега выпадает очень мало, и он быстро исчезает. Ветры дуют преимущественно ранней весной почти исключительно с северо-востока и часто приносят массу пыли, от которой несколько дней подряд бывает мгла. Дожди тоже очень редки и необильны; они выпадают большею частью в мае из туч, проносящихся с юго-запада.

Солончаковая почва Лобнорской впадины совершенно неудобна для земледелия. Поэтому основным занятием ее обитателей искони было рыболовство, и только лет 50 тому назад, когда количество рыбы в озерах значительно уменьшилось против прежнего, они стали заниматься

* *Schizostorax piddulphi*, *Aspiozrhyinchus przewalski*, *Nemachilus jarkandensis*, *Schizostorax argentatus* et *Dyptichus gymnogaster*.

понемногу и земледелием. Пашни их, как выше замечено, находятся в долине речки Джахан-сай, на урочище Мюран, отстоящем верстах в 40 от Лоб-нора. Главным же занятием туземцев Лобнорской впадины осталось все-таки рыболовство.

Наиболее обильный лов рыбы в соединенных озерах бывает в мае, во время половодья. В конце апреля вода в нижней Яркенд-дарье и в питаемых ею озерах начинает прибывать и повышается постепенно до конца мая. Одновременно с прибылью воды приходит в озера сверху, из Яркенд-дарьи, и рыба для метания икры в их тихих и сравнительно теплых водах. Выметав ее в течение мая, она уходит обратно вверх по той же реке.

В продолжение всего мая туземцы занимаются деятельно рыболовством. Разъезжая по озерам на своих узеньких, выдолбленных из древесных стволов челноках *, они ставят сети и мерёжи на окраинах тростника, в котором держится преимущественно в это время рыба; затем пробираются по тростниковым зарослям и ударами весел по воде гонят рыбу в расставленные снасти.

Большую часть весеннего улова туземцы заготавливают впрок для зимы: очистив рыбу и вынув внутренности, они вялят ее на солнце несоленою. Свежее мясо лобнорских рыб нежно и довольно вкусно, особенно с приправами, но очень костливо; вяленое же без соли — приторно.

Летом лобнорцы тоже ловят рыбу в сети, мерёжи и на удочку, а осенью бьют еще острогой. Зимой, когда озера покроются льдом, ловля в них рыбы производится в весьма ограниченных размерах только в сети.

Вся свежая и вяленая рыба потребляется самими туземцами, а в продажу не поступает; они продают заезжим купцам только небольшое количество кишечного рыбьего жира.

Кроме рыболовства, обитатели Лобнорской впадины занимаются еще ловлею уток во время весеннего пролета в петли, расставляемые на солончаковых отмелях озер. Мясо добытых уток они употребляют в пищу частью свежее, частью копченое, а перья сбывают преимущественно купцам. Из утиных шкур лобнорцы выделывают для себя немного мехов.

Хлебопашеством лобнорцы, как выше замечено, занимаются на урочище Мюран, в долине Джахан-сая и отчасти в ближайшем земледельческом селении Чакалык. Пшеница у них родится средним числом сам-15, кукуруза сам-20, а ячмень сам-10.

На побережьях озер растет много кендыря (*Arcium venetum* et *A. pictum*), из волокна которого туземцы готовят грубую ткань для будничных одежд и белья, а также все рыболовные снасти. Корни молодого, только что показавшегося из земли, тростника они едят и извлекают из них сахар.

Крупного рогатого скота, лошадей и ослов у обитателей Лобнорской котловины очень мало; но зато они владеют значительным числом овец рослой курдючной породы, резко отличающейся от кашгарской.

Жители описываемой впадины занимаются также и охотой. Осенью туземные охотники ходят на Тибетское нагорье за куланами и антилопами, которых они бьют исключительно для шкур, а некоторые из них

* Лес для челноков и других домашних потребностей лобнорцы сплавляют по Яркенд-дарье, долина которой в 10 верстах выше селения Чигелик становится лесистой.

отправляются на восток, в пески Кум-таг на охоту за дикими верблюдами. Кроме того, многие из туземцев ловят зимой в прибрежных тростниках в капканы лисиц и волков, а изредка отравляют и тигров.

Во всей Лобнорской впадине с селением Чакалык, подчиненным тоже Кунчикан-беку, считается ныне только 160 семейств жителей, или около 800 человек, в том числе 300 в Чакалыке. Зимой и весной 1890 г. в этой области свирепствовала сильная оспа, от которой, по исчислению Кунчикан-бека, умерло около 400 человек, преимущественно детей и молодых людей обоюбого пола. Пожилых же и стариков эпидемия почти вовсе не коснулась.

Обитатели Лобнорской впадины живут в убогих тростниковых хижинах (сатмах), сгруппированных в маленькие селения от 10 до 20 дворов. Основою хижины служит клетка из жердей, а стены ее состоят из сплоченных тесно снопов тростника, прикрепленных к клетке вицами; из того же материала настиляется и плоская крыша. Каждая хижина разделяется внутренними тростниковыми переборками на несколько отделений. В переднем отделении устраивается очаг, против которого оставляется дымовое отверстие в крыше, а в прочих отделениях, предназначенных частью для жилья, частью для хранения домашнего скарба, такие же отверстия служат окнами. При хижинах находятся небольшие дворики, обнесенные тростниковыми изгородями, с миниатюрными службами из того же материала. Селения, состоящие из таких легковоспламеняющихся строений, размещенных притом очень тесно, должны подвергаться большой опасности от огня и выгорать дотла во время пожаров при ветрах.

Все нынешние обитатели Лобнорской впадины и нижней Яркенд-дарьи суть выходцы из Северной и Западной Кашгарии, поселившиеся в этой стране около 400 лет тому назад. До переселения их в ней жили монголы, укочевавшие потом частью на север, в Тянь-шань, частью на юг, в страну Цайдам. Первые колонисты из Северной и Западной Кашгарии застали еще на нижней Яркенд-дарье и в озерной впадине часть монгольских стойбищ и жили сначала попеременно с монголами, оставившими впоследствии в их владение эту страну. Общение с монголами не осталось бесследным на колонистах: в их тюркском наречии донныне сохранилось много чистых и искаженных монгольских слов, оно не обошлось, повидимому, и без метизации пришельцев с аборигенами, выразившейся в более сильном уклонении типа теперешних обитателей страны сравнительно с жителями Западной Кашгарии, к чистому монгольскому облику. Затем, во всем остальном туземцы нижней Яркенд-дарьи и Лобнорской впадины ничем не отличаются от обитателей прочих местностей Кашгарии, кроме немногих обычаев и обрядов. Так, например, здесь отец невесты берет с жениха калым скотом и деньгами в размерах от 5 до 8 штук крупного рогатого скота, от одной до трех лошадей, или же от 10 до 20 овец с придачею серебра от 5 до 10 лан (12—24 рубля). Этот обычай, не существующий в остальной Кашгарии, перешел к обитателям котловины, вероятно, от монголов. Лобнорцы не засыпают могил, как в прочих местностях Кашгарии, а покрывают их жердями, на которые настилают войлок или тростник и забрызывают только слегка землей. Внутренность могилы считается священной, и в нее никто не осмеливается проникать.

К востоку от Лоб-нора, по рассказам туземцев, простирается на семь дней пути бесплодный, кочковатый солончак, а далее в том же

направлении залегают большие пески Кум-таг, тянущиеся полосой почти в два дня пути шириной вдоль подножья хребта Алтын-таг до оазиса Сачжоу. В этот оазис существовала встарину прямая дорога из Черчена, давно уже оставленная. Однако при Якуб-беке по ней ездили туда разведчики для наблюдения за передвижением китайских войск. Указанная дорога пролегла близ подошвы Алтын-тага по южной окраине песков и была доступна только для верблюдов, да и то лишь зимой. Верблюжий подножный корм на ней встречается повсюду; для лошадей же корма очень мало, и безводные станции простираются до 70 верст.

В песках Кум-таг водится много диких верблюдов, за которыми поздней осенью и зимой ездят туда некоторые из чакалыкских и лобнорских охотников. Они подкрадываются к верблюдам в то время, когда последние пасутся, и стараются подойти к ним сколь возможно ближе, чтобы попасть в голову или сердце. По словам охотников, дикие верблюды, будучи легко ранены, уходят очень далеко от стрелка, и потому их крайне трудно преследовать. Нам приносили шкуры двух убитых в песках Кум-таг верблюдов, которые, к сожалению, оказались негодными для коллекции. Охотники уверяли, что дикие верблюды, живущие в песках Кум-таг, крупнее тех, которых им приходилось видеть и убивать в песчаной пустыне к западу от урочища Ваш-шаари.

К северу от песков Кум-таг простирается на день пути солончак, а далее тянутся широкой полосой невысокие пустынные горы Курук-таг, направляющиеся с северо-запада на юго-восток от Курли почти до самого Сачжоу. Между ними и окраинным хребтом Алтын-таг заключается пространная долина, покрытая в южной части песчаными барханами Кум-тага и имеющая в западной части около трех дней пути, а на востоке, при оконечности гор Курук-таг, суживающаяся до двух переходов.

Страна к северу от соединенных озер, между древним ложем Яркенд-дарьи, Ширга-чапкан и горами Курук-таг, по рассказам туземцев, представляет тоже песчаную пустыню, не имеющую названия. Внутренность этой пустыни, не пересекаемой ни одной дорогой, совершенно неизвестна туземцам. Они ездят зимой за топливом только в южную окраину ее, соседнюю помянутому ложу. Там пустыня состоит из небольших, плоских песчаных бугров, покрытых изредка тамариском; далее же, в глубь пустыни, эти бугры совершенно обнажены, но высоких песчаных барханов в ней не видно.

Собирая от туземцев Лобнорской впадины сведения об окрестной стране, я, между прочим, спрашивал их о развалинах. Все опрошенные мною туземцы единогласно уверяли, что, кроме остатков небольшой крепости к востоку от урочища Мюран, в их стране нет никаких развалин не только в самой впадине, но и на плоском предгорье Алтын-тага. Относительно этой впадины можно заметить, что бесплодная солончаковая почва ее исключает возможность существования в ней земледельческих поселений.

Через Лобнорскую впадину проходят по временам в Лхасу тяньшанские и джунгарские торгоуты. Последний перед нашим прибытием караван торгоутов, с ханом во главе, прошел мимо Лоб-нора осенью 1888 г. в числе 200 человек с 400 верблюдами и 100 лошадьми, а в 1889 г. осенью же возвращался уже домой, потеряв в пути 300 верблюдов и почти всех лошадей. Караваны богомольцев следуют от Лоб-нора

на урочище Мюран, пересекают Алтын-таг по перевалу Таш-даван и потом мимо озера Узун-шоркуль, через урочища Чон-яр и Гас направляются в Цайдам. Там в ставке цзун-цзасака они выходят на большую дорогу, ведущую из Монголии в Лхасу, и следуют по ней в этот священный для буддистов город.

Во время стоянки в низовье Яркенд-дарьи и потом при следовании экспедиции вверх по этой реке я собрал от туземцев некоторые сведения о пребывании в Лобнорской впадине наших староверов *. В 1858 г. по долине Яркенд-дарьи, как рассказывали мне туземцы, проехал из Курли русский человек, по имени Иван, отличавшийся высоким ростом, атлетическим сложением и необыкновенной силой. Его сопровождал переводчик из киргизов, объяснявшийся довольно свободно с туземцами. Путники посетили селение Абдал близ устья Яркенд-дарьи, побывали на речке Джахан-сай, осматривая места, и, объехав вокруг озеро Карабоён, возвратились в селение Чигелик, из которого направились обратно вверх по реке в Курлю. В следующем году Иван прибыл на Яркенд-дарью уже с восемью русскими семействами в сопровождении того же киргиза. С ними шел большой караван из нескольких десятков лошадей, нагруженных разным имуществом. Все взрослые мужчины и женщины имели ружья; на пути мужчины иногда охотились, а женщины следовали все время с караваном.

С туземцами путники обходились дружелюбно, никого не обижали, покупали у них на серебро рыбу и овец, расплачиваясь всегда аккуратно. Приступая к еде, они, по подлинному выражению туземцев, «делали правой рукой вот так» (туземцы при этом крестились). Если кто из туземцев прикасался к их посуде, то они ее потом мыли, и не давали из своей утвари никому из них ни есть, ни пить. На вопросы туземцев, из какой они страны идут, пришельцы всем говорили, что следуют из страны Кемчик (левый приток верхнего Енисея), населенной народом одной с ними веры.

Спустившись по Яркенд-дарье до селения Чигелик, пришельцы направились оттуда на юго-запад и поселились в местности, занимаемой ныне селением Лоб. Там они построили себе землянки и жили в них два года, занимаясь хлебопашеством, рыбной ловлей и охотой. С туземцами соседних селений они никогда не ссорились и во всех сношениях с ними отличались миролюбием и добросовестностью.

На второй год пребывания староверов в указанной местности к ним был командирован китайскими властями чиновник из Турфана, уговоривший их возвратиться на родину. В следующем году поселенцы, уложив свой скарб на немногих оставшихся у них лошадей, направились обратно вверх по Яркенд-дарье и, достигнув Курли, жили там несколько месяцев, а потом ушли на север ⁴⁹.

* * *

Накануне выступления экспедиции с низовья Яркенд-дарьи наши люди с помощью туземцев перегнали вплавь верблюдов и лошадей на левый берег реки, а багаж перевезли на двух маленьких паромах, устроенных из челноков.

* О пребывании их на Лоб-норе упоминает Н. М. Пржевальский в своей брошюре «Из Кульджи за Тянь-шань на озеро Лоб-нор», СПб., 1878.

11 октября экспедиция в полном составе направилась в селение Чигелик, расположенное близ впадения Яркенд-дарьи в озеро Кара-боён. Дорога на всем протяжении пролегает по неширокой, солончаковой полосе, ограниченной на юге рекой и прибрежными тростниковыми зарослями озера Кара-боён, а на севере мелкими песчаными буграми, нанесенными из соседней пустыни. На первой станции эта полоса прорезана изредка арыками, выведенными из Яркенд-дарьи для орошения прибрежных лугов, с которых туземцы снимают молодой камыш на вилу для скота.

Переночевав на берегу Яркенд-дарьи, мы почти всю вторую станцию прошли по солонцеватой, глинистой равнине с отверделою и обнаженною поверхностью, усеянною во многих местах раковинами названных выше пресноводных моллюсков, и только в конце перехода пересекли полосу плоских песчаных бугров, протянувшуюся с севера к озеру.

Наконец после ночлега на группе малых озерков Янги-куль, соединенных с озером Кара-боён, мы сделали третий, маленький переход по тростниковым зарослям и остановились на берегу Яркенд-дарьи, немного выше селения Чигелик, состоящего из 16 тростниковых хижин. Тут экспедиции пришлось снова переправляться через Яркенд-дарью. По распоряжению Кунчикан-бека, приехавшего одновременно с нами в Чигелик на челноке, жители этого селения соорудили из пяти своих лодок небольшой паром, на котором был перевезен сначала багаж, а потом по частям верблюды и лошади экспедиции. Переправа задержала нас почти двое суток в Чигелике.

Верстах в 15 к западу от Чигелика начинается мертвая каменисто-песчаная пустыня, называемая Таг-кум и представляющая северо-восточную оконечность великой внутренней пустыни Такла-макан. По рассказам туземцев, между громадными песчаными грядами пустыни Таг-кум, простирающимися почти в меридиональных направлениях, залегают местами совершенно бесплодные щебне-галечные равнины (по туземному — саи). Жители Чигелика не проникали более 15 верст в глубь этой мертвой земли, а потому и не знают, такова ли она далее на западе, как в окрестностях их селения.

Вдоль восточной окраины пустыни Таг-кум простирается почти параллельно нижней Яркенд-дарье древнее ложе рукава этой реки, называемое Кетэк-таим. Оно выходит из долины Яркенд-дарьи верстах в 15 западнее устья реки Конче и оканчивается близ селения Лоб, отстоящего в 15 верстах к юго-западу от Чигелика. Лет 30 тому назад по этому руслу в половодье Яркенд-дарьи текла еще вода, а ныне уже не заходит. В верхней половине ложа встречаются, однако, изредка на дне мокрые места, указывающие на подземное просачивание речной воды, и растут кое-где тополи; в нижней же сохранились только пни деревьев, осенявших некогда этот могучий рукав Яркенд-дарьи.

От селения Чигелик экспедиция повернула на север и направилась вверх по Яркенд-дарье. Первые 10 верст мы следовали по солончаковой местности, орошенной арыками и поросшей большею частью камышом, в которой миновали на 9-й версте небольшой глиняный форт, расположенный на правом берегу реки. При Якуб-беке он был занят маленьким гарнизоном, наблюдавшим за местным населением, а по водворении в Кашгарии китайского владычества заброшен.

К северу от форта, за небольшим прибрежным озерком, начинается уже лесная полоса долины Яркенд-дарьи, сопровождающая ее почти на

всем протяжении до Яркенда. По правому берегу реки лес простирается до пяти верст в ширину, а по левому — не более двух. Он состоит из тополя (*Populus diversifolia*) с зарослями кустарников, распространенными преимущественно по берегам реки, на которых деревья растут чаще и пышнее, чем вдали от них. По дороге, лишь изредка приближающейся к самой реке, часто встречаются поляны, то поросшие камышом, то совершенно обнаженные и покрытые раковинами моллюсков, а также полосы обрывистых лёссовых бугров, среди которых торчат высокие стволы мертвых деревьев, погибших от недостатка влаги. Такой характер сохраняет долина нижней Яркенд-дарьи на всем протяжении от форта до урочища Айрылган при устье реки Конче. В лесах этой долины водятся тигры, кабаны, степные антилопы и кошки, а из птиц замечательны фазаны, которых, впрочем, очень мало.

Река Яркенд-дарья на указанном протяжении имеет не более 30 сажень ширины, но очень глубока и течёт со скоростью около пяти футов в секунду. В ней живет множество рыб, спускающихся, как выше замечено, во время половодья в мае, в соединенные озера для метания икры, а потом уходящих из них обратно в реку.

Дорога из Чигелика до урочища Айрылган, пролегающая по правому берегу Яркенд-дарьи, удобна для движения караванов, исключая предпоследнюю станцию, на которой она пересекает широкую полосу лёссовых холмов с весьма рыхлым грунтом, затрудняющим движение лошадей. Подножный корм для наших животных на всем пути по долине Яркенд-дарьи был удовлетворителен, в особенности для верблюдов. На каждой станции встречалось множество камыша, метелки которого с неосыпавшимися еще семенами охотно ели не только верблюды, но и лошади. Кроме того, во многих местах долины растут солодка, полевица и разные солянки. Древесного топлива повсюду много.

В первые дни нашего путешествия вверх по Яркенд-дарье с восхода солнца почти до полудня над долиной часто проносились большие стада серых гусей, возвращавшихся с севера на юг. Они летели треугольниками, оглашая окрестности беспрестанными криками и придерживаясь магистрального направления реки. Нижняя Яркенд-дарья служит как бы большой дорогой перелетным плавающим и болотным птицам во время их периодических странствований с юга на север и обратно, а озера Баграш-куль и в особенности Лоб-нор — станциями. Отдохнув на Лобноре осенью, пернатые странники переносятся через Алтын-таг в Тибет преимущественно по ущелью речки Джахан-сай, а потом летят через урочище Чон-яр и большие озера на юго-восток, минуя нагорную пустыню за хребтом Акка-таг (Пржевальского).

В 25 верстах выше Чигелика наши проводники указали место на левом берегу реки, откуда начинается древнее ложе Яркенд-дарьи, — Ширга-чапкан, отходящее от нее почти под прямым углом. Река, очевидно, делала в этом месте крутой поворот на восток, а потом промыла себе прямой путь на юг, в озеро Кара-боён.

В 50 верстах от Чигелика, близ урочища Кабагассы, на котором мы имели ночлег, в Яркенд-дарью изливается слева многоводный рукав реки Конче образующий на пути четыре озера. В 1880 г. Конче-дарья верстах в 35 выше своего устья прорвала себе путь на юго-восток, в углубленную долину, поворачивающую потом на юг, и потекла по ней одним рукавом. На пути по этой долине она образовала четыре глубоких озера: Чимынлык, Согот, Талкейчин и Токум-куль, от 5 до 7 верст длины и от

2 до 3 верст ширины, поросшие по берегам высоким тростником. В эти озера зашло множество рыб из соединенных с ними рек Яркенд-дарья и Конче. С появлением рыб на новые озера переселилась часть обитателей долины Яркенд-дарьи, занимающаяся на них ныне преимущественно рыболовством, отчасти скотоводством и ловлею водяных птиц во время весеннего пролета.

От параллели помянутого урочища Кабагассы почти до самого Айрылгана тянутся к западу от дороги высокие песчаные гряды Тана-баг-лаган-кум меридионального направления. Западнее их простирается сухое ложе Кетэк-тарима, а за ним вздымаются громадные песчаные же гряды необъятной мертвой пустыни.

На последнем ночлежном месте перед урочищем Айрылган мимо нашего лагеря, разбитого на берегу реки, проехали в челноке двое из обитателей новых озер. Завидев этих туземцев, наши люди стали звать их в лагерь, но они, узнав, что мы идем с Лоб-нора, где, по местным слухам, еще свирепствовала оспа, не решились сойти на берег, несмотря на все уверения, и только остановились на короткое время против лагеря. От них я получил некоторые сведения о новых озерах, в дополнение к собранным ранее в низовье Яркенд-дарьи, в Чигелике и от проводников из этого селения. По словам самих обитателей озер, кроме протока из нижнего озера Токум-кулы, впадающего в Яркенд-дарью близ урочища Кабагассы, — в эту же реку изливается верстах в 12 выше первого другой короткий проток из озера Талкейчин, лежащего только в трех верстах от Яркенд-дарьи. Обитатели новых озер определили мне их размеры и подтвердили, что все озера действительно глубоки, очень рыбны и покрыты по берегам высоким тростником.

Кроме помянутых людей экспедиция на всем пути от Чигелика до Айрылгана не встретила ни одного человека. Долина Яркенд-дарьи на этом протяжении необитаема: ее посещают только временно рыболовы из Чигелика и с новых озер да проезжие на Лоб-нор и обратно. С появлением оспы в Лобнорской впадине сообщение с ней почти вовсе прекратилось, и долина Яркенд-дарьи от устья Конче до Чигелика совершенно опустела.

На урочище Айрылган экспедиция в третий раз переправилась через Яркенд-дарью на пароме из четырех туземных челноков и расположилась на ее левом берегу на дневку. Яркенд-дарья, текущая в этом месте с запада на восток, имеет не более 15 сажен ширины, но очень глубока и быстра. В двух верстах ниже переправы она принимает слева Конче-дарью — узкую, тихую, но глубокую реку с весьма извилистым ложем и крутыми берегами.

С урочища Айрылган дорога проходит одну станцию вверх по реке Конче. Первую половину этой станции она пролегает то по лёссовым буграм, покрытым тамариском и изредка чахлым тополем, то по ровным местностям, поросшим камышом. Вторую половину станции мы прошли по ровной, прибрежной полосе, покрытой камышом, а по берегам реки — купами тополя. К западу от дороги, на протяжении почти всего перехода, тянулась широкая полоса зыбучих песков Карун-кума, совершенно лишенная растительности.

В 26 верстах от урочища Айрылган экспедиция остановилась на ночлег на правом берегу Конче, в местности Каруна. Тотчас же по прибытии на ночлежное место к нам приехал аксакал из ближайшего попутного селения Янги-су для приветствования и сопровождения эк-

спедиции. По обыкновению, я пригласил его в свою юрту и за чаем расспрашивал об окрестной стране. Аксакал сообщил мне, что Конче-дарья в 1880 г. действительно разделилась на два рукава верстах в 15 выше урочища Каруна, в местности, называемой Дилгий. Там она промыла себе путь на юго-восток, в углубленную долину, и потекла по ней в этом направлении одним рукавом, а другим — по старому руслу, утратившему, по образовании нового рукава, почти половину воды. Новый рукав, пройдя около 25 верст от урочища Дилгий, образует озеро Чимынлык, а по выходе из него течёт уже почти прямо на юг, питая на пути еще три озера — Согот, Талкейчин и Токум-куль, из которых нижнее — Токум-куль и среднее — Талкейчин сообщаются с Яркенд-дарьей протоками. Все озера глубоки, очень рыбны и покрыты по берегам высоким тростником. На них живут в небольшом числе переселенцы с Яркенд-дарьи, занимающиеся преимущественно рыболовством и отчасти ловлею водяных птиц во время весеннего пролета. Обитатели новых озер содержат небольшое число скота, в особенности овец; но земледелием, за недостатком удобных мест, не занимаются вовсе.

К востоку от нового рукава Конче-дарьи, по свидетельству аксакала, простирается бесплодная каменисто-песчаная пустыня, в которой плоские песчаные бугры, подобные застывшим волнам, перемежаются изредка мертвыми саями. С северо-востока пустыня замыкается невысокою, но весьма широкою и почти бесплодною цепью гор Курук-таг (сухие горы), отстоящею в пяти днях пути от урочища Каруна на восток. Эта пустынная цепь, по словам очевидцев, ходивших по прямой дороге из Турфана в оазис Сачжоу, тянется непрерывно от Курли почти до названного оазиса и простирается до трех дней пути в ширину.

От урочища Карун я намеревался продолжать путь вверх по реке Конче, но аксакал и прибывшие с ним из Янги-су туземцы единогласно уверяли, что по этой реке, за неимением дороги, могут пробираться, да и то с трудом, лишь одиночные всадники, а для караванов путь по ней крайне затруднителен. На Конче-дарье находится только одно маленькое селение — Тыккелик, жители которого, за отсутствием прямой дороги вверх по реке, ездят в Курлю по кружной лобнорской, пролегающей по долине Яркенд-дарьи. Эти доводы вынудили меня отказаться от дальнейшего следования вверх по реке Конче.

С урочища Каруна экспедиция повернула к северо-западу и направилась по лобнорской дороге к Яркенд-дарье. Эта дорога пролегает большею частью по зарослям камыша, пересекая местами небольшие тополевы перелески и полосы лёссовых бугров. На ровных полянах, покрытых камышом, встречались раковины пресноводных моллюсков и явственные следы высохших озер. Аксакал и почётные туземцы, сопровождавшие экспедицию, уверяли, что на этих полянах действительно существовали лет 30 тому назад небольшие озера, сообщавшиеся с Конче-дарьей. На 20-й версте мы вышли на Яркенд-дарью и следовали по ее берегу до селения Янги-су, у которого расположились на ночлег.

Дальнейший путь экспедиция продолжала по долине Яркенд-дарьи до селения Карул, расположенного близ слияния этой реки с ее левым рукавом — Угэнь-дарьей. У Карула дорога оставляет Яркенд-дарью, текущую выше него почти по направлению параллели, и направляется к северу в оазис Курля. Расстояние в 160 верст от Янги-су до Карула мы прошли в восемь дней, сделав только одну дневку при выходе из Яркенд-дарьи многоводного протока Кёк-ала, соединяющего ее с рекой Конче.

Первую станцию от селения Янги-су до селения Уйман-куль мы прошли по лёссовым буграм, поросшим тамариском и изредка купами чахлого тополя. Дорога, извивающаяся среди бугров по рыхлому лёссу, неудобна для движения лошадей. На следующих двух переходах до селения Кырчин она пролегает большею частью по солончаковой долине Яркенд-дарьи, покрытой камышом, местами небольшими тополевыми рощами, и только изредка пересекает мысы широкой полосы лёссовых бугров, тянущейся параллельно направлению реки.

На половине последней станции к селению Кырчин экспедицию встретил Насыр-бек, управляющий населением долины Яркенд-дарьи на пространстве между устьями рек Угэнь-дарья и Конче. Эта область носит название Кара-куль и включает в себе всего 12 селений. Насыр-бек проживает в центральном селении Кырчин, в глиняном доме, единственном во всей области, и подчиняется непосредственно гуну (князю) из мусульман, ставка которого находится в многолюдном селении Люкчун. Тому же гуну подчинен и правитель населения Лобнорской впадины Кунчикан-бек. Насыр-бек сопровождал экспедицию четыре перехода от селения Кырчин, ехал почти все время со мной и сообщил мне немало любопытных сведений об управляемой им области.

Из Кырчина П. К. Козлов был командирован мною с одним казаком и двумя туземцами в селение Тыккелик, из которого ему предложено было направиться вверх по реке Конче и снять эту реку до пересечения ее дорогой из Курли на Лоб-нор.

От селения Кырчин экспедиция следовала большею частью по открытой солончаковой долине Яркенд-дарьи, поросшей камышом, изредка тополевыми рощами и отдельными купами этих деревьев, осеняющими преимущественно самые берега реки. Дорога во многих местах пересекала топкие протоки и лужи, оставшиеся после осеннего разлива Яркенд-дарьи и уже покрывшиеся тонким льдом. Вправо от дороги тянулась на всем протяжении плоская высота, увенчанная мелкими обрывистыми буграми.

В двух переходах от Кырчина мы сделали дневку при выходе из Яркенд-дарьи многоводного протока Кёк-ала, соединяющего ее с Конче. Переправившись после дневки через семь рукавов названного протока, экспедиция целую станцию шла по зарослям кустарников и тополя. В этой глухой и пересеченной местности китайцы соорудили небольшую крепостцу (импань), постройка которой в то время была еще не вполне окончена. Крепостца предназначена для заключения туземцев Кашгарии, заподозренных в политической неблагонадежности, которых в ней находилось уже до 200. Для стражи в крепостце расположена лянцза (батальон в 250 человек) китайских солдат.

Последнюю станцию до селения Карул мы следовали по открытой части долины, пересекая очень часто замерзшие лужи и протоки. Берега Яркенд-дарьи на этой станции очень низки, в особенности левый, на котором в двух местах сооружены длинные земляные насыпи, защищающие дорогу от разливов реки.

30 октября экспедиция достигла селения Карул, расположенного на правом берегу реки Угэнь-дарья *, немного выше ее устья. От этого селения дорога, оставив долину Яркенд-дарьи, направляется почти прямо к северу, в Курлю.

* Эта река представляет собою весьма длинный северный рукав Яркенд-дарьи.

На пути по долине Яркенд-дарья, между селениями Янгису и Карул, я расспрашивал подробно, кроме Насыр-бека, еще многих туземцев об их стране и составил по собранным мною сведениям нижеследующий очерк долины нижней Яркенд-дарья на этом протяжении.

Между реками Яркенд-дарья и Конче, текущими в области Каракуль в расстоянии от 25 до 40 верст одна от другой, простирается возвышенная лёссовая плоскость, покрытая почти повсюду мелкими буграми. Эти бугры обязаны своим происхождением частью выветриванию поверхности возвышенности, частью насаждениям на ней тамариска, к кустам которого господствующие ветры наносили постепенно песок с минеральной пылью и присыпали таким образом к ним маленькие холмики. Большая часть поверхности описываемой полосы бугров покрыта тонким слоем песка, нанесенного ветрами из соседних пустынь. Самые бугры поросли тамариском, местами вымершим от недостатка влаги, а в промежутках между ними, на площадках и в котловинах, встречаются изредка одинокие чахлые тополи и небольшие купы этих деревьев.

Описываемая лёссовая высота обрывается к низменной долине Яркенд-дарья большею частью увалом, и лишь в немногих местах опускается к ней пологим, почти незаметным склоном. В некоторых местах она приближается почти к самой реке, высылая к ее берегам возвышенные мысы, в других — удаляется от нее до 10 верст.

Между помянутой плоской высотой, поднимающейся в среднем приблизительно футов на 50 над уровнем Яркенд-дарья, и этой рекой заключается неширокая полоса долины ее левого берега, покрытая местами малыми озерками и изрезанная протоками. Тополевые рощи встречаются в ней только местами, преимущественно в юго-восточной части области, а в северо-западной — повсюду преобладают заросли камыша.

Яркенд-дарья в области Каракуль течет в низменных берегах и часто меняет свое направление. В иных местах она быстро размывает свои берега, в других отлагает на них наносы. По общему отзыву туземцев, изменения, совершающиеся в долине Яркенд-дарья в области Каракуль, столь значительны и скоротечны, что вынуждают нередко ее обитателей переселяться с места на место. Так, в одних местах на берегах реки образуются мощные толщи наносов, препятствующие естественному орошению соседних лугов, а сильная мусть быстро заносит выводимые из нее арыки; в других местах река производит большие размывы и затопляет пастбища, обращая их в топкие болота. Эти изменения заставляют обитателей долины по временам покидать свои селения и перемещаться на новые земли. Благодаря необыкновенной простоте устройства туземных тростниковых хижин переселения туземцев из одной местности в другую не сопряжены с большими затруднениями и совершаются очень скоро. Нам называли несколько селений, жители которых в последнее десятилетие переместились на 3—10 верст от прежних мест.

Кроме кратковременных физических изменений, в области Каракуль, так же как и в Лобнорской впадине, замечается еще медленное осыхание ее. По рассказам туземцев, Яркенд-дарья прежде во все времена года несла значительно большую массу воды, и периодические разливы ее были гораздо продолжительнее, чем теперь.

Ширина Яркенд-дарья в области Каракуль колеблется от 100 до 150 сажен, а наибольшая глубина в омутах достигает трех сажен. Скорость течения в последней половине октября, когда воды уже много убыло, простиралась от 4 до 5 футов в секунду. Фарватер реки очень

изменчив, а образование новых мелей, островов, протоков и прибрежных озерков повсюду весьма обыкновенно.

Прибыль горной воды в нижней Яркенд-дарье от таяния снегов и ледников в Кун-луне и Тянь-шане становится заметной в области Каракуль только в конце августа. С этого времени уровень реки в течение полутора месяцев медленно повышается до одной сажени над ordinарным. С половины октября вода начинает убывать, и ко времени замерзания уровень реки понижается почти до одной сажени против высшего.

По причине низкого летнего уровня воды в Яркенд-дарье, туземцы области Каракуль не орошают вовсе ни весной, ни летом своих полей. Они пускают воду на пашни только с сентября, когда уровень ее в реке достигает уже значительной высоты. Почва в течение всей осени сильно напитывается водой, а с наступлением первых морозов на полях от непрерывного притока воды из реки образуется толстая наледь. Весной таяние этой наледи доставляет уже пропитанной влагою почве новый запас воды, увлажняющий ее столь сильно, что она в течение всего вегетативного периода, несмотря на сухость воздуха, не требует уже искусственного орошения и дает очень хорошие урожаи.

Весной уровень воды в Яркенд-дарье от таяния ледяных наплывов на ее низменных берегах немного повышается. В притоке же ее, Конче-дарье, питающемся водами Тянь-шаня, весенний разлив от таяния горных снегов бывает значительно больше. Совокупною весеннею прибылью вод в обеих реках и слабым весенним же разлитием Черчен-дарьи только и можно объяснить повышение уровней озер Кара-боён и Лоб-нор в мае.

Зима в области Каракуль бывает сравнительно теплая и почти бесснежная. Река покрывается льдом до 15 дюймов толщины только на три месяца: декабрь, январь и февраль. Снег падает редко, лежит большею частью не более недели, а толщина снегового покрова обыкновенно не превосходит четырех дюймов. Лишь в исключительных случаях он держится недели три и достигает глубины в восемь дюймов.

В феврале начинают дуть северо-восточные ветры, приносящие массу пыли, помрачающей нередко дневной свет, и продолжаются до конца марта. В первых числах этого месяца вскрывается река, и на ней появляется масса пролетных плавающих и болотных птиц, спешащих на север. Уровень реки от таяния многочисленных береговых наледей немного повышается, и вскоре после этого вскрываются озера.

С мая по сентябрь в долине господствуют невыносимые жары, и появляется множество оводов, комаров, мух и мошек, сильно изнуряющих скот. Сентябрь и октябрь считаются лучшим временем года: в эти месяцы преобладают тихие, ясные и теплые дни; насекомые, изнуряющие скот, исчезают, и он быстро поправляется. Дожди в долине бывают очень редко, причем дождевые тучи приходят всегда с юго-запада или северо-запада. С этих же стран горизонта появляются и облака.

Растительность долины нижней Яркенд-дарьи крайне однообразна. Из деревьев в ней растут только тополь, мелколистная ива и джида. Тополевые рощи и купы встречаются лишь изредка, преимущественно в юго-восточной части области. Кустарников тоже очень мало. Преобладающее повсюду растение—камыш, служащий материалом для постройки туземных жилищ и главным кормом для скота. Встречаются также довольно часто солодка, рогозник, осока, полевица, солянки, частуха и кендырь, из волокна которого туземцы готовят рыболовные снасти. Кроме того, из кендырных нитей вперемежку с шерстяными тузем-

цы ткнут грубые ткани для будничной одежды и мешков, которые сбывают в большом количестве в Курле и заезжим купцам.

В долине Яркенд-дарьи водятся маралы, кабаны, степные антилопы, кошки и немного тигров. В долине реки Конче, где находится только одно малолюдное селение Тыккелик и растут большие леса, этим зверям привольнее и потому их там гораздо больше. В обеих реках, в особенности в Конче, живут в значительном количестве выдры, шкурки которых ценятся на месте от 8 до 12 рублей. По рассказам охотников, выдры устраивают себе в берегах рек жилища, из которых ведут всегда два выхода: один в воду, другой на сушу. Против последнего туземцы настораживают самострелы, поражающие выдру при появлении ее из норы.

Из птиц, кроме плавающих и болотных, в долинах обеих рек живут еще в небольшом числе фазаны, чёрные грифы, сорокопуты, голуби, сороки, дрозды, дятлы, стренатки, бородатые синицы и другие мелкие птички.

К юго-западу от Яркенд-дарьи простирается мертвая пустыня, называемая туземцами Кетэк-шаари-кум. Она покрыта колоссальными песчаными грядами почти меридионального направления, между которыми залегают песчаные же пространства, состоящие из невысоких, плоских барханов, подобных морским волнам. Огромные песчаные гряды пустыни местами приближаются почти к самой реке, местами удаляются от нее до 10 верст, но повсюду ясно видны с дороги. В этой пустыне еще в недавнее время водились дикие верблюды, за которыми туземцы охотились осенью и зимой, но лет 10 тому назад они куда-то исчезли. В последний раз их видели охотники в песках к юго-западу от селения Янги-су, и с тех пор уже никому не приходилось замечать этих редких животных. Туземные охотники полагают, что они мигрировали вниз по Яркенд-дарье, на юг, а оттуда по Черчен-дарье перешли в каменисто-песчаную пустыню, простирающуюся к юго-западу от местности Ваш-шаари, где, по общему отзыву, живут еще в значительном числе дикие верблюды.

Река Конче-дарья, по свидетельству туземцев области Кара-куль, течёт повсюду в крутых берегах, крайне затрудняющих проведение из нее арыков. По этой причине на всем протяжении названной реки в области Кара-куль находится только одно малолюдное селение Тыккелик (20 дворов). Конче почти повсюду очень глубока и богата рыбами; долина ее выше Тыккелика покрыта большими тополевыми лесами. К северо-западу от этого селения названная река разливается в обширное болото, поросшее высоким тростником с небольшими озерками. Из него выходят четыре малые протока, впадающие слева в глубокий рукав Яркенд-дарьи — Кёк-кала, водами которого и питается главным образом нижняя Конче.

Из Тыккелика существует прямая дорога в город Турфан, по которой жители области Кара-куль гоняют туда на продажу гурты овец*. Первую станцию от селения Тыккелик она пролегает по долине реки Конче, две следующие станции — по пустыне, затем вступает в горы Курук-таг и проходит по ним три станции. На средней из них, в местности

* Вот перечень станций на этой дороге, составленный мною со слов Насыр-бека: 1) Тыккелик, 2) Конче-дарья, 3) Импань, 4) Тограк-булак (дорога вступает в горы Курук-таг), 5) Азган-булак (горами), 6) Сангыр-уртэн (на станции один дом; отходит дорога в Сачжоу), 7) Узун-булак (горами), 8) Ачик-кудук (соленая вода дров нет), 9) Татлык-булак (пресный ключ), 10) Люкчун (селение в 2000 домов, ставка гуна), 11) Ян-хё, 12) Кара-ходжа (селение в 150 дворов), 13) Астанэ, 14) Янги-ават, 15) Турфан.

Сангыр-уртэн, находится малолюдное селение оседлых монголов, из которого отделяется дорога на юго-восток, в оазис Сачжоу, пролегающая по весьма пустынной местности. По ней ходят изредка позднюю осенью и зимой в этот оазис караваны из Турфана и Люкчуна, а иногда прогоняются небольшие гурты овец.

Во всей области Кара-куль находится только 12 селений, в том числе 11 в долине Яркенд-дарьи и одно на реке Конче, а число жителей в них около 1 100 человек. Из 11 селений долины Яркенд-дарьи только два расположены на правом берегу этой реки, а остальные на левом, преимущественно на протоках и прибрежных озерах.

Обитатели описываемой области занимаются преимущественно рыболовством и только отчасти хлебопашеством и звероловством. Они ловят рыбу почти исключительно в искусственных озерах, образовавшихся в прибрежных впадинах. В эти природные углубления еще предки нынешних обитателей области прокопали из реки каналы от 150 до 1 200 сажен длины и создали таким образом искусственные озера*. В настоящее время таких озер в области считается 12, в том числе семь больших и пять малых. Все они находятся на правом берегу реки и поросли по краям высоким тростником. Наибольшее озеро, Янги-куль, простирается до 15 верст в длину, до двух в ширину и достигает трех сажен глубины; второе по величине озеро, Баш-куль, имеет 12 верст длины, одну версту ширины и до трех сажен глубины. Площади остальных пяти больших озер почти вдвое меньше Янги-куля, а малые озера простираются только от одной до трех верст в окружности.

Все озера замкнутые: они сообщаются с рекой только входными каналами, а стока в нее не имеют. При этом все входные каналы заграждены земляными плотинами, которые открываются лишь периодически для впуска в озера свежей воды из Яркенд-дарьи во время ее осеннего разлива. Вместе с водой заходит в эти озера масса рыбы, которую запирают в них тотчас же с понижением уровня реки. В малые озера свежую воду впускают через два года, а в большие — через три, четыре и даже пять лет. На второй год по освежении количество воды в озере немного уменьшается, и она становится солоноватой, на третий год соленою, а на четвертый и пятый годы горько-соленою, крайне неприятного вкуса. Несмотря, однако, на такую сильную соленость озерных вод, в них живут все рыбы, водящиеся в Яркенд-дарье (*Nemachilus jarkandensis*, *Aspiorrhynchus Przewalskii*, *Schizostorax Biddulphi*, *Diptychus gymnogaster*). Многие туземцы и сам Насыр-бек единогласно утверждали, что рыбы, живущие в горько-соленых водах искусственных озер, гораздо жирнее речных. Самые жирные рыбы, наиболее ценимые туземцами, водятся, по их уверению, только в горько-соленых озерах, в которых не освежали воду четыре или пять лет. Но когда откроют в такие озера входные каналы для впуска свежей воды, то вся оставшаяся в них рыба немедленно уходит в реку, а на ее место прибывает из Яркенд-дарьи новая. Туземцы заключают об этом по тому, что в первые годы по освежении в озерах воды им никогда не приходилось добывать из них таких жирных рыб, какие ловились в их горько-соленых водах.

Искусственные озера поделены между жителями соседних селений: каждое озеро имеет своих владельцев, кроме которых никто не может

* Только одно озеро, Этэк-баир, имеющее около 8 верст в окружности, наполнено водой в 1886 г., а все остальные очень давно.

ловить в нем рыбу. Ловля производится преимущественно небольшими неводами, сетями и мерёжами, причем с неводами обязательно выезжать всем участникам одновременно, а сети и мерёжи каждый из них может ставить поодиночке. Эти последние снасти расставляют обыкновенно по окраинам тростника, в котором летом держится преимущественно рыба, потом разъезжают в челноках по тростниковым зарослям озера и ударами весел гонят рыбу в сети и мерёжи. Зимой рыболовство значительно сокращается и производится изредка только сетями и мерёжами. В это время года участники, по взаимному соглашению, иногда перегораживают поперек все озеро сетями и мерёжами, затем отходят от перегородки на некоторое расстояние, выстраиваются по одиночке в линию, как для облавы, и, стуча сильно палками по льду, подвигаются все вместе потихоньку к линии снастей, загоняя в последние таким образом рыбу. Вся пойманная рыба потребляется самими туземцами, а в продажу не поступает. Значительная часть летнего улова заготавливается впрок для зимы посредством вяления на солнце без соли.

Зимой туземцы, кроме рыбной ловли, занимаются домашними работами и отчасти звероловством. Они ловят в капканы лисиц, стреляют маралов и антилоп, а также бьют из самострелов выдр.

Население Кара-кульской области стало заниматься земледелием только 30 лет тому назад, а ранее жило исключительно рыболовством, звероловством и отчасти скотоводством. Солончаковая почва самой долины Яркенд-дарьи непригодна для земледелия, а потому пашни туземцев находятся на возвышенной лёссовой плоскости, простирающейся между Яркенд-дарьей и ее притоком Конче. Орошение этих пашен, лежащих значительно выше летнего уровня реки, очень затруднительно и возможно только посредством длинных арыков, да и то лишь во время высокой воды. Протоки из Яркенд-дарьи, направляющиеся местами к упомянутой плоскости, облегчают несколько разрешение этой трудной ирригационной задачи. В общем все-таки развитию земледелия в описываемой области немалой помехой служат высокое положение ее производительных земель и слишком позднее разлитие Яркенд-дарьи.

Пашни в области Кара-куль, как выше замечено, орошаются только осенью, во время разлива Яркенд-дарьи; весной же и летом, по причине низкого уровня воды в этой реке, она не может достигать по арыкам поверхности возвышенного лёссового плато, на котором находятся поля. Из хлебных растений в области возделываются исключительно пшеница и ячмень, дающие средние урожаи — пшеница сам-14, а ячмень сам-12. Дыни и арбузы рождаются очень хорошо; огородных же овощей в области разводят мало, а плодовых деревьев в ней нет вовсе.

Крупного рогатого скота, лошадей и ослов у жителей Кара-кульской области немного, но зато они содержат значительные стада овец такой же крупной курдючной породы, как в Лобнорской впадине. Часть их ежегодно осенью сбывается в Курлю и Турфан.

Необходимые в домашнем быту предметы туземцы описываемой области приобретают преимущественно от заезжих из Курли купцов, выменивая у них на кендырные мешки, шерстяные нитки, а также на шкуры маралов, лисиц и выдр, бумажные ткани и металлические изделия. Наши торговцы, проживающие в Курле, тоже посещают нередко область Кара-куль и проникают даже в Лобнорскую впадину, сбывая туземцам этих стран русские мануфактуры и металлические изделия на пушной товар. Торговлю с обитателями нижней Яркенд-дарьи ведет преимущест-

венно наш подданный — сарт Абдуррахман, торгующий также постоянно в Курле.

Жители Кара-кульской области такие же выходцы из Северной и Западной Кашгарии, как и туземцы Лобнорской впадины. Они переселились в эту область около 400 лет тому назад и жили в ней в первое время попеременно с монголами, укочевавшими впоследствии в Тяньшань и на юго-восток, в страну Цайдам. Общение с монголами запечатлелось и на туземцах Кара-кульской области теми же особенностями их типа и самого наречия, какими характеризуются обитатели Лобнорской котловины.

Туземцы Кара-кульской области живут в таких же жалких тростниковых хижинах (сатмах), как и лобнорцы. Их оригинальные селения, состоящие из тесно сомкнутых сатм похожи скорее на таборы кочевников, расположившихся временно на стойбищах, чем на поселения оседлого племени. В большинстве селений тростниковые хижины так тесно сплочены, что во время ветра стоит только загореться одной из них в наветренной стороне, как все селение быстро будет объято пламенем.

В нравственном отношении обитатели Кара-кульской области — такой же простодушный, симпатичный народ, как горцы Кун-луня и туземцы Лобнорской впадины. При следовании экспедиции по их стране мы повсюду встречали радушие со стороны ее населения и полную готовность его ко всяким услугам, оставившие в нас навсегда приятные воспоминания о времени, проведенном среди этого добродушного, примитивного народа.

* *
*

В селении Карул, расположенном на правом берегу Угэнь-дарьи, в одной версте выше ее устья, всего 15 тростниковых хижин. Жители его занимаются преимущественно скотоводством и хлебопашеством, а рыбы ловят мало за отсутствием в окрестностях прибрежных углублений, в которых можно было бы образовать искусственные озера.

По прибытии экспедиции в Карул ко мне явились вечером трое китайских солдат, посланных начальником лянцзы, расположенной в упомянутом импане, для сопровождения нас до Курли. Хотя мы вовсе не нуждались в таком эскорте, но я, не желая огорчать этого любезного китайца, разрешил солдатам следовать с нами. Один из них, сын бедного чиновника, красивый и симпатичный юноша, оказался даже полезным в дороге: он помогал сопровождавшему меня казаку ставить мензуну, вынимать из ящика кипрегель и скоро приучился приводить мензуну в горизонтальное положение.

От селения Карул мы прошли версты две вверх по левому берегу Угэнь-дарьи, имеющей не более 10 сажен ширины, но глубокой и тихой. Она была в то время (31 октября) уже покрыта тонким льдом. Далее мы следовали по зарослям тростника и миновали крутой изгиб рукава Угэнь-дарьи, на котором китайцы строили пикет. От этого пикета экспедиция вступила в полосу мелких бугров и шла по ней почти до самого ночлежного места на речке Иничке. На указанном протяжении мы пересекли северо-западную оконечность упомянутой лёссовой плоскости, простирающейся между реками Яркенд-дарья и Конче от песков Каруна на юго-востоке и оканчивающейся в описываемой местности на северо-западе длинными лучами, увенчанными повсюду мелкими, обрывистыми

буграми. Между этими лучами залегают пространные долины, покрытые местами камышом, местами миниатюрными солончаковыми буграми, поросшими тамариском. Во многих долинах сохранились явственные следы пребывания небольших озер. Проводники из Карула уверяли меня, что лет 30 тому назад в этих долинах существовали еще озера, сообщавшиеся с Угэнь-дарьей, и в них водились рыбы. В конце перехода мы миновали единственное сохранившееся в этой местности замкнутое озерко Илек-куль с солоноватой водой, в котором, однако, живут еще рыбы.

Перейдя по мосту через речку Иничке, экспедиция разбила лагерь для ночлега на ее левом берегу. По рассказам сопровождавших нас туземцев из Карула, эта речка получает начало в горах Тянь-шаня, в кучаском округе и не имеет никакого сообщения с Угэнь-дарьей. Вся долина ее до самого устья покрыта тополевым лесом, в котором живет много маралов. Почва долины Иничке удобна для земледелия, но проведение арыков из этой речки, текущей повсюду в крутых берегах, крайне затруднительно, а потому долина ее до настоящего времени остается необитаемой.

Речка Иничке имеет не более трех сажен ширины и течёт очень медленно в крутых берегах; она весьма извилиста, глубока и богата рыбами. Иничке изливается в небольшое пресное озеро Чон-куль, имеющее около пяти верст в окружности и отстоящее в трех верстах к востоку от моста. Лет 20 тому назад воды ее при высоком уровне достигали реки Конче, а ныне она в половодье течет из озера только верст пять на восток, по своему старому, хорошо сохранившемуся ложу и теряется верстах в семи, не доходя до этой реки. В остальное же время Иничке не выходит из озера, и ложе ее остается сухим.

Отступление Иничке и исчезновение многих озер между нею и Угэнь-дарьей служат новым свидетельством постепенного «осыхания» Кашгарской котловины, подтверждаемого, несомненно, признаками, замеченными нами в Лобнорской впадине, и единогласными показаниями самих туземцев многих местностей бассейна Яркенд-дарьи.

Небольшую станцию в 18 верст между Иничке и Конче мы прошли по солончаковой местности, покрытой мелкими и плоскими буграми, поросшими тамариском. Среди этих солончаковых бугров тянется с северо-востока на юго-запад узкая полоса лёсса, покрытая редким тополевым лесом и прорезанная вдоль сухим руслом, называемым Айволи, в котором заметны были кое-где замерзшие лужи. По берегам русла, на лёссовой почве, сохранились следы старых пашен, оставленных, по словам проводников, не более трех лет тому назад, когда по этому руслу перестала течь из Конче вода в речку Иничке. Ранее же этого времени она текла почти все лето, и по берегам русла Айволи было много пашен.

Последние четыре версты экспедиция следовала по правому берегу реки Конче, текущей на этом протяжении с севера на юг, параллельно дороге, и, переправившись через нее на пароме, расположились на ночлег. У переправы, называемой Чиглык, туземцы с помощью нескольких китайских солдат из мастеровых строили пикет. Китайские власти обращали, таким образом, участок проселочной лобнорской дороги на протяжении от Курли до нового импаня на Яркенд-дарье в почтовый тракт. По этому тракту ежедневно двигались из Курли в импань караваны с мукой, рисом и разным имуществом.

Река Конче на переправе имеет не более 20 сажен ширины, но очень глубока и течёт со скоростью около четырех футов в секунду в крутых берегах, покрытых тополевым лесом. Он начинается верстах в 10 ниже Курли сначала отдельными деревьями и кучами, потом тянется уже сплошной, но неширокой лентой до переправы Чиглык. Ниже переправы прибрежная лесная полоса значительно расширяется, и река на всем протяжении до образуемого ею в окрестностях селения Тыккелик обширного болота течёт среди широкой лесной полосы, безлюдной и посещаемой только по временам охотниками из долины Яркенд-дарьи и Курли.

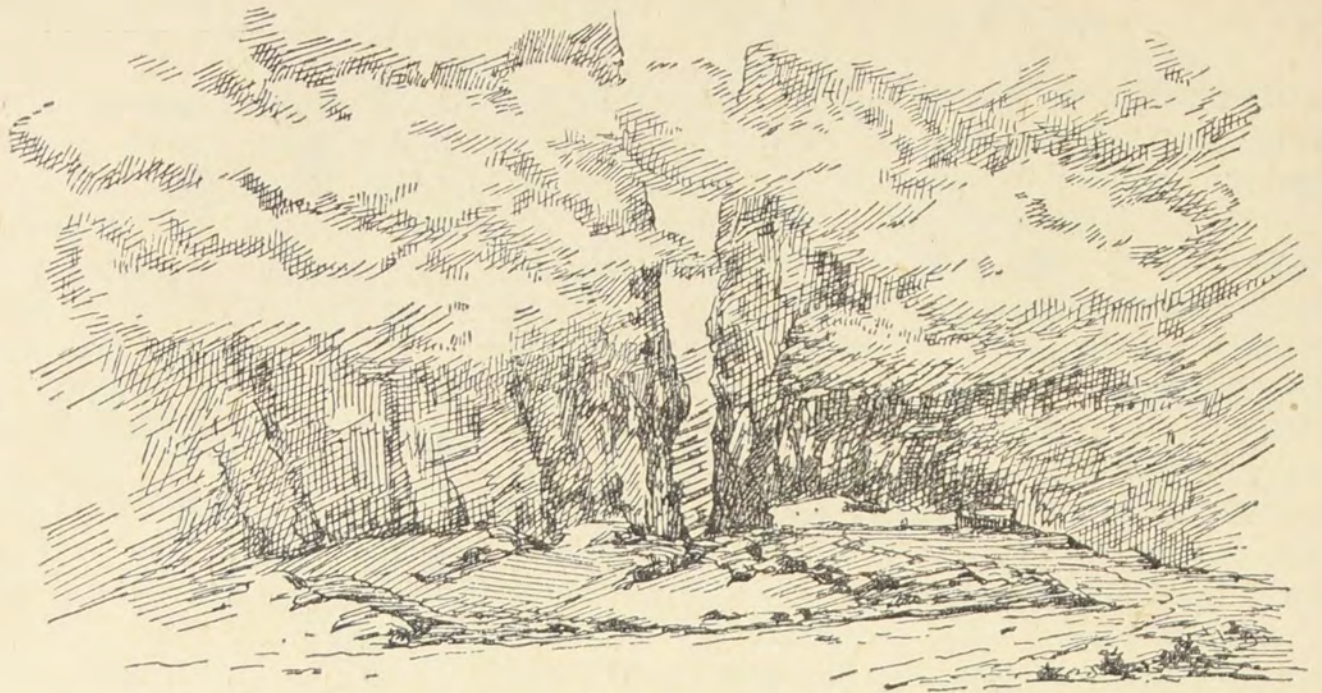
От переправы Чиглык мы прошли немного вверх по левому берегу реки, потом повернули круто на северо-запад и следовали сначала лесом, а потом по местности, покрытой плоскими солончаковыми буграми. Из бугров экспедиция перешла на открытую равнину, на которой миновала старые пашни. Около них видны были ясно следы арыков и сохранились развалины глиняных хижин. По свидетельству проводников, прежде в этой местности находились обширные поля жителей соседнего селения Шинэга и стояли мазанки, служившие им кровом во время полевых работ. Несколько лет тому назад поля пришлось забросить по причине понижения уровня воды в реке Конче, из которой не стала уже доходить до них вода по оросительным канавам.

Оставив позади старые пашни, мы снова пересекли полосу мелких солончаковых бугров, потом камыша, из которых вышли на щебне-дресвяную равнину. Тут мы впервые на всем пути от подножья Кунлуня встретили каменные обломки. Пройдя верст пять по этой равнине, экспедиция достигла селения Шинэга и остановилась на южной его окраине на ночлег.

Утром показалась нам на самое короткое время невысокая горная цепь Курук-таг, отстоящая от селения Шинэга верстах в пяти к востоку и скрывавшаяся накануне в пыльной мгле.

Миновав селение Шинэга с немногими рассеянными по обширному оазису домами, в виде отдельных ферм, экспедиция следовала сначала по дресвяной равнине, покрытой малыми столовидными высотами и миниатюрными конусообразными горками, потом пересекла последовательно полосы камыша и песчаных бугров. Из последних мы поднялись опять на дресвяную равнину и шли по ней до самого оазиса Курля, в восточной части которого разбили лагерь на берегу рукава реки Конче, называемого Кара-су.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОТ КУРЛИ ДО УРУМЧИ

Курлинский оазис и его жители.—Переход из него в город Карашар.—Очерк Карашарского оазиса.— Местные дунгане, чанту и монголы.— Озеро Баграш-куль.— Следование экспедиции до селения Ушак-тал.— Встреча с китайскими солдатами.— Нефритовый монолит в Ушак-тале.— Переход через пустыню между Ушак-талом и Токсуном.— Неожиданное прибытие в отрицательную низменность.— Очерк Турфанской впадины.— Путь из Токсуна в Урумчи через седловину Тянь-шаня.— Город Урумчи и прилежащий к нему оазис.— Минеральные богатства окрестных гор.

Оазис Курля, принадлежащий Карашарскому округу, расположен по обоим берегам реки Конче. Он простирается до 12 верст в длину по течению реки и до 6 верст в ширину, занимая площадь около 50 квадратных верст. Дома в этом оазисе рассеяны очень редко и сложены, как во всех северных поселениях, из необожженного кирпича. Большая часть дворов не имеет вовсе оград и даже живых изгородей, которыми обнесены только сады. Лёсса в оазисе Курля уже нет; его заменяет бурая перегнойная почва, мало уступающая ему в плодородии, но, по всей вероятности, не столь устойчивая. Северная граница желтозема проходит южнее Курли и совпадает приблизительно с параллелью 41° . Эта параллель служит вместе с тем южной границей ильма (*Ulmus campestris*) и отчасти саксаула (*Haloxylon ammodendron*). К северу от нее мы на всем пути до самой государственной границы не встречали лёсса ни в Кашгарии, ни в Джунгарии, а южнее этой параллели не замечали ни одного ильмового дерева и саксаула, кроме очень немногих мест в юго-восточной части Кашгарии, где он растет кое-где, но крайне редок.

Перегнойная почва Курлинского оазиса дает хорошие урожаи: пшеница родится в среднем сам-12, кукуруза сам-30, а рис сам-8. Огородные овощи, а также дыни и арбузы разводятся в изобилии. Плодов же — персиков, абрикосов, яблок, груш и винограда — мало, но зато они очень хороших сортов, в особенности груши.

Цены продовольственных продуктов в Курле лишь немного выше, чем в остальной Кашгарии. Пуд лучшей пшеничной сеяной муки стоит 50 коп.; пуд кукурузы — 20 коп., а баранина продается по 3 и 4 коп. за фунт.

В Карашарском округе Кашгарии, как и в Джунгарии, кроме медной китайской монеты, обращается еще серебряная (тэньга), стоимостью около 12 коп. Веса и меры в этих местностях китайские.

В оазисе Курля считается около 4 000 жителей, в том числе до 3 000 туркестанцев и 1 000 дунган. Туркестанцы Карашарского округа и всей Джунгарии, называемые китайцами чанту, а коренными жителями западных округов — долонами, суть потомки ссыльно-поселенцев из различных местностей Западной Кашгарии, водворенных в этот округ и в Джунгарию китайцами во второй половине XVIII столетия по уничтожении ими Джунгарского царства и почти поголовном истреблении его жителей-калмыков. Чанту до настоящего времени сохранили язык и религию своих сородичей Западной Кашгарии, но отличаются несколько от них нравами, обычаями и одеждой. Так, например, женщины чанту, исключая набожных старух, не закрывают вовсе лица и свободно появляются везде в обществе мужчин. Кроме длинных халатов, они носят еще короткие, вроде кофт, а на головах — высокие ермолки.

Дунгане, проживающие в небольшом числе в Карашарском округе, суть эмигранты из Внутреннего Китая, переселившиеся в этот округ и соседнюю с ним Джунгарию большею частью в последнее десятилетие. Старожилы же дунган, оставшихся в помянутых странах от инсurreкции 1862—1877 гг., гораздо меньше.

В центральной части оазиса, на левом берегу реки Конче, расположена старая крепость. Глиняная стена ее прямоугольного начертания, имеет около трех сажен высоты, а крепостной прямоугольник — до 300 сажен длины и 200 ширины; западный фас его разрушен китайцами по занятии ими в 1877 г. Курли. Внутри крепости находится базар, состоящий из длинной улицы с маленькими лавочками, принадлежащими большею частью дунганам, а остальное пространство занято домами и садами. К западу от крепости, в расстоянии около версты, на правом берегу реки Конче, построена китайцами в недавнее время цитадель, имеющая тоже глиняную стену, но квадратной формы, около 150 сажен в стороне и до двух сажен высоты. В этой цитадели помещается лянцза китайских войск, а вне ее, около восточных ворот, находится маленький базар.

Между старою крепостью и цитаделью через реку Конче построен на одном быке небольшой мост. Около него сваливают в реку всякие отбросы, привлекающие, по словам жителей, множество рыб, которые многочисленными стаями поминутно подходят к этому месту за добычею.

После трехдневного пребывания в Курле экспедиция направилась оттуда в город Карашар*. Пройдя через крепость и миновав китайскую цитадель, мы вскоре вышли из оазиса на пустынную, щебне-галечную равнину и следовали по ней около двух верст до предгорья хребта Ку-

* Из Курли В. И. Роборовский и П. К. Козлов были командированы в сторону для съемки озера Баграш-куль и догнали экспедицию за Карашаром, в селении Ушак-тал.

рук-таг. С этой равнины видны на левом берегу Конче развалины дворца Якуб-бека, который последний год своей жизни провел в Курле. Дворец с окружающими его домами был поврежден дунганами во время их вражды с Якуб-беком и наконец разрушен до основания китайцами по занятии ими в 1877 г. Курли.

С предгорья Курук-тага мы спустились в живописное ущелье этого хребта, по которому стремится прорезающая его многоводная и очень быстрая в том месте Конче. Дорога, прекрасно разделанная еще в правление Якуб-бека, пролегает по правому берегу реки; на ней все большие крутизны значительно сглажены выемками и насыпями, а на опасных карнизах везде сооружены земляные барьеры. В этом живописном ущелье находится мазар Калкы с садом и домами шейхов, расположенный на левом берегу реки, на междугорной площадке. Местоположение мазара, окруженного красивыми горами, на берегу быстрой реки, несущей свои воды крупными волнами, поистине очаровательное. К северо-западу от мазара ущелье реки Конче на протяжении четырех верст суживается, а далее расширяется. В этом месте китайцами сооружен небольшой форт, замыкающий теснину с северо-запада. Пройдя через него, мы вскоре разбили лагерь для ночлега на правом берегу реки, в местности Баш-агим.

Около 8 часов вечера все наши люди, сидевшие у костра, быстро вскочили, почувствовав слабое землетрясение. Я в это время ходил по разостланному в юрте войлоку и не ощущал колебания земли; но люди, находившиеся у костра, единогласно уверяли, что землетрясение действительно было. Геолог экспедиции К. И. Богданович, находившийся вне юрты на ногах, тоже не почувствовал землетрясения, но видел, как быстро поднялись с земли наши проводники, полулежавшие близ юрты и засвидетельствовавшие, что земля под ними дрогнула.

От ночлежного места экспедиция прошла немного по ущелью, которое далее переходит в долину, быстро расширяющуюся к стороне Карашара. Хребет Курук-таг в месте пересечения его рекою Конче имеет не более 10 верст ширины. По свидетельству туземцев, он отделяется от Тянь-шаня в трех днях пути к северо-западу от Курли и тянется в юго-восточном направлении. В северо-западной части, от исходного узла до реки Конче, Курук-таг высок, узок и очень крут; на всем этом протяжении через хребет нет ни одного горного прохода, доступного даже для небольших, легко нагруженных караванов. К реке Конче он быстро понижается, как бы уступом, и к юго-востоку от этой реки, расчлняясь на несколько кряжей, образует весьма широкую, но плоскую горную цепь, простирающуюся в юго-восточном направлении под тем же названием почти до самого Сачжоу. В этих пустынных горах, весьма бедных водой и растительностью, живут, однако, дикие верблюды. В трех днях пути к юго-востоку от Курли в них добывают золото, а к северо-западу от реки Конче — железо.

По выходе из ущелья мы оставили реку Конче, повернувшую круто на восток, и направились по щебневатой равнине, покрытой изредка малыми столовидными высотами. На 16-й версте, за лянгером Шо-чик, мы следовали сначала по зарослям чия, потом пересекли полосу плоских солончаковых бугров и снова вступили в заросли чия, в которых остановились на ночлег около выселка Ден-зиль. От проживавшего в этом выселке китайца я узнал, что близ него находятся развалины большого древнего города. Утром, одновременно с выступлением экспе-

диции, я отправился с проводником и переводчиком осматривать эти развалины. В двух верстах к востоку от выселка мы действительно увидели следы большого города. Он был окружён высоким земляным валом прямоугольного начертания около 450 сажен длины и 300 ширины. Перед валом, хорошо еще сохранившимся и осыпавшимся лишь в немногих местах, ясно заметны следы рва шириною около пяти сажен. Из вала, имеющего почти три сажени высоты, выдаются остатки тонкой глиняной стены с бойницами, возвышавшейся над его кроной, по видимому, не более сажени. Внутри ограды на весьма неровной, как бы изрытой местности, заметны следы строений и одного, очень большого, здания.

Вокруг развалин, в расстоянии от одной до трех верст от вала, находятся плоские курганы, на которых также заметны следы глиняных построек, вероятно, сигнальных башен.

По собранным мною от китайцев сведениям, эти развалины принадлежат древнему китайскому городу, существовавшему около 1200 лет тому назад при Танской династии. Китайцы неоднократно производили в них раскопки и добывали домашнюю утварь, а также медные монеты. Одну из таких монет уступил мне любознательный китаец из Ден-зия, сообщивший первые сведения об этих интересных развалинах, называемых китайцами Тань-ван-чин.

От выселка Ден-зия дорога идет среди зарослей чия, минуя на 7-й версте мазар султана Клыч-тара с садом и домами шейхов. Она часто пересекает по мостам многоводные арыки, выведенные из реки Карашар-дарья для орошения пашен. В этой привольной степи кочуют зимой монголы-торгоуты, проводящие лето со своими стадами в горах Тянь-шаня — преимущественно в междугорных долинах Большой и Малый Юлдус. Часть их, не имеющая достаточно скота, живет круглый год в степи и занимается немного хлебопашеством. Некоторые из зажиточных торгоутов, кочующие летом в горах, имеют также в этой степи пашни, обрабатываемые наемниками из беднейших их соплеменников.

Последние шесть верст до города Карашар экспедиция следовала по зарослям камыша, в которых встречались монгольские юрты и стада. Подойдя к городу, мы переправились на двух больших лодках через Карашар-дарью, по которой шла уже шуга, и разбили лагерь на ее левом берегу, немного ниже переправы.

* *

*

Карашарский оазис расположен по левому берегу реки Карашар-дарья, или Хайдык-гол, как называют ее торгоуты, верстах в 25 выше впадения ее в озеро Бапраш-куль. Площадь его простирается до 40 квадратных верст, а численность населения достигает 11 000 человек, в том числе около 10 000 дунган, 600 чанту, 200 торгоутов и 200 китайцев. Почва оазиса — такой же бурый перегной, как в Курле и прочих оазисах, лежащих к северу от параллели 41°. Средний урожай пшеницы в Карашарском оазисе сам-10, кукурузы сам-35, а пшено нередко дает сам-100. Риса в этом оазисе почти вовсе не возделывают; огородные же овощи рождаются в изобилии. Дунгане, подобно китайцам, повсюду разводят капусту, огурцы и картофель, которых нет у чанту, а также

морковь, петрушку, редис и прочие овощи. Дынь, арбузов, винограда и других плодов в Карашарском оазисе мало, но они, так же как и в Курле, очень хороших сортов.

Из пшена китайцы гонят в Карашаре водку на четырех винных заводах, которую охотно пьют дунгане и торгоуты, но чанту воздерживаются. Кроме того, в Карашарском оазисе китайцы содержат 10 ферм, на которых откармливают свиней и сбывают их своим землякам — чиновникам и купцам в Урумчи и Ак-су.

На восточной окраине оазиса расположен самый город Карашар, считающийся окружным. Он состоит из небольшой китайской цитадели с глиняной стеной прямоугольной формы около 200 сажен длины, 150 сажен ширины и двух сажен высоты, с башнями по углам и тремя воротами. В цитадели помещаются окружное управление и начальник округа. Немного южнее ее находится небольшой форт (импань), в котором размещены две лянцзы китайских войск, а к юго-западу расположен туземный город с узкими и грязными улицами, имеющий два базара: большой дунганский и малый, где торгуют чанту. Дома в туземном городе, сложенные большею частью из необожженного кирпича, просторнее кашгарских. К западу от китайской цитадели стоит старая, запущенная крепость с немногими жилыми домами.

Торговля в Карашаре довольно оживленная. Большая часть торговцев — дунгане, с которыми даже китайцам трудно соперничать на торговом поприще. Наши торговцы — сарты из Кульджи и Ферганы — ведут тоже успешно свои дела в этом городе, сбывая преимущественно мануфактуры и металлические изделия, отчасти сахар, стеариновые свечи и мелочной товар.

Дунгане, большинство которых принадлежит, как выше замечено, к позднейшим переселенцам из Внутреннего Китая, представляют ныне по численности преобладающий элемент в составе населения почти всех джунгарских оазисов и Карашарского округа Кашгарии, уступая в числе чанту только в Турфанском округе.

Все дунгане, как известно, магометанского вероисповедания (сунниты). Они говорят по-китайски, носят косы и одежды китайского покроя; домашняя обстановка их и обычаи во многом схожи с китайскими. Любимая пища дунган — лапша из пшеничного теста и овощи; мясо они едят очень мало, а водку, не взирая на запрещение корана, пьют охотно. Большинство дунган — одножёнцы, и только немногие богатые имеют двух жен. Во второй брак они вступают иногда с женщинами-чанту, которые редко живут в согласии с их первыми жёнами-дунганками. Обыкновенно вскоре после второго брака старшие жёны-дунганки ссорятся с младшими — чанту и начинают просить своих мужей о разводе с последними. При этом нередко случается, что ревнивые и настойчивые дунганки, в случаях категорического протеста мужей против развода, отравляются; но не бывало, говорят, примера, чтобы они отравляли своих ненавистных соперниц — чанту.

Дунгане, подобно туркестанцам, не уплачивают калыма за своих жён, а только справляют на свой счет свадьбы, которые обходятся всегда дорого, так как на них созывается много гостей и свадебные пиршества длятся до 10 дней. Поэтому дунганин женится тогда, когда накопит не менее 50 лан (около 115 рублей).

Дунганки никогда не закрывают своего лица; все они, подобно китайкам, белятся и румянятся, носят красивые шляпки с цветами,

шпильки с разными привесками, булавки и массивные серьги. Они очень хорошие хозяйки, верные жёны, но сварливы и страстно любят щеголять нарядами.

К востоку от Карашарского оазиса, в обширной степи, простирающейся до озера Баграш-куль и покрытой большею частью чием, стояли во время нашего пребывания торгоуты. Их всадники постоянно разъезжали на своих резвых конях по степи в город и обратно.

Монголы Карашарского округа разделяются на два поколения: торгоутов и хошутов; первых считается до 30 тысяч, а последних — только 8 тысяч. Торгоуты управляются наследственно своим ханом, ставка которого, Ургэй, находится в долине реки Хайдык-гол, верстах в 50 выше Карашара*. Хошуты же подчиняются двум цзасакам (князьям): Далан-таю, проживающему на урочище Цаган-тюнге в Тянь-шане, и Гомбоджибейсе, ставка которого расположена на урочище Темиртэ, на реке Хайдык-гол, верстах в 15 ниже Карашара. Цзасаки управляют хошутами также наследственно.

Торгоуты и хошуты, как выше сказано, кочуют летом, с мая по сентябрь, в обширных междугорных долинах Тянь-шаня, Большом и Малом Юлдусах, славящихся своими превосходными пастбищами. В конце августа они спускаются в привольную степь, раскинувшуюся широкой полосой по северному берегу Баграш-куля, и проводят в ней осень, зиму и весну. В этой степи беднейшие монголы, владеющие недостаточным для пропитания себя числом скота, живут круглый год, занимаясь хлебопашеством на своих полях и обрабатывая по найму пашни зажиточных соплеменников, укочёвывающих на лето со стадами в горы.

Зимой, когда озеро Баграш-куль покрывается льдом, монголы ловят в нем много рыбы и сбывают ее в Карашаре, откуда большая часть этой рыбы отправляется на продажу в Урумчи. Рыбу добывают двумя способами: крюками и острогой. Сделав во льду прорубь, обкладывают ее по краю принесенной с берега землей, опускают в воду прочный железный крюк с наживкой из мяса, привязанный к веревке, и с наступлением ночи разводят вокруг проруби на земляной насыпи костер. После этого ловцы отходят от проруби по льду на версту и более, выстраиваются в линию и подвигаются к ней потихоньку, стуча сильно палками об лед. Пробудившиеся рыбы, заметив издали свет, направляются к проруби и глотают наживу. Точно таким же образом загоняют рыб к большим прорубям, у которых их караулят бойцы с массивными острогами. К рукояти остроги привязывается веревка, свободный конец которой прикрепляется к толстому колу, замороженному во льду. Ударив очень большую рыбу, с которой невозможно справиться одному, боец выпускает из рук острогу, а потом с помощью товарищей вытягивает ее постепенно на лед. Рыбы в Баграш-куле, по словам монголов, достигают длины почти человеческого роста и принадлежат, по всей вероятности, тем же видам из семейства карповых, которые живут в Яркенд-дарье и ее левом притоке Конче, вытекающем из этого озера**.

* Незадолго до нашего прибытия в Карашар молодой торгоутский хан скоропостижно скончался. За малолетством его сына, управление торгоутами вверено было 21-летней вдове — ханше.

** Нам не удалось добыть рыб из Баграш-куля, но, судя по остроге, виденной у торгоутов, можно полагать, что они действительно достигают больших размеров.

Озеро Баграш-куль занимает наиболее углубленную часть обширной плоской котловины, замкнутой со всех сторон разветвлениями Тянь-шаня и сообщаемой с нижележащей южной равниной исключительно посредством ущелья реки Конче, по которому эта последняя прорывается через Курук-таг. Оно питается водами одной реки Карашар-дарья, или Хайдык-гол, и, вероятно, многими донными источниками. Наибольшая длина Баграш-куля с востока на запад — около 85 верст, наибольшая ширина против обширного залива на северном берегу — около 50 верст, а окружность его простирается до 220 верст. Озеро Баграш-куль содержит пресную воду и с ноября по март покрывается льдом до 20 дюймов толщины. Глубина его мало известна рыболовам, которые не отходят очень далеко от берегов, но все-таки им случалось находить места в пять сажен глубины.

Весьма плоский северный берег Баграш-куля покрыт широкой (от 5 до 10 верст) каймой тростника, достигающего трех сажен высоты. В этих труднопроходимых зарослях водятся кабаны и тигры. На южном берегу тростник покрывает только узкую, низменную полосу прибрежья, ниспадающую к озеру террасой и покрытого высокими песчаными барханами.

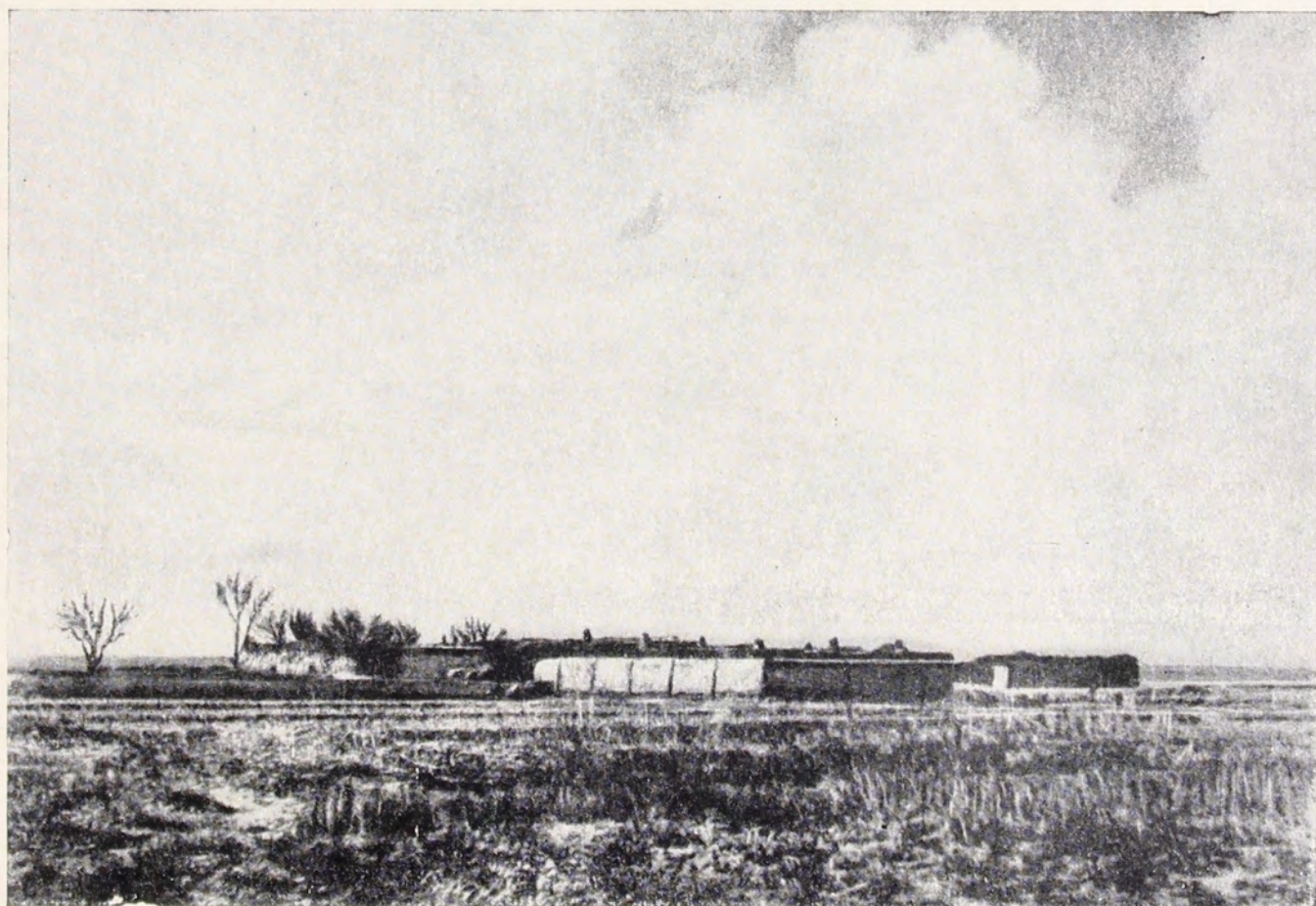
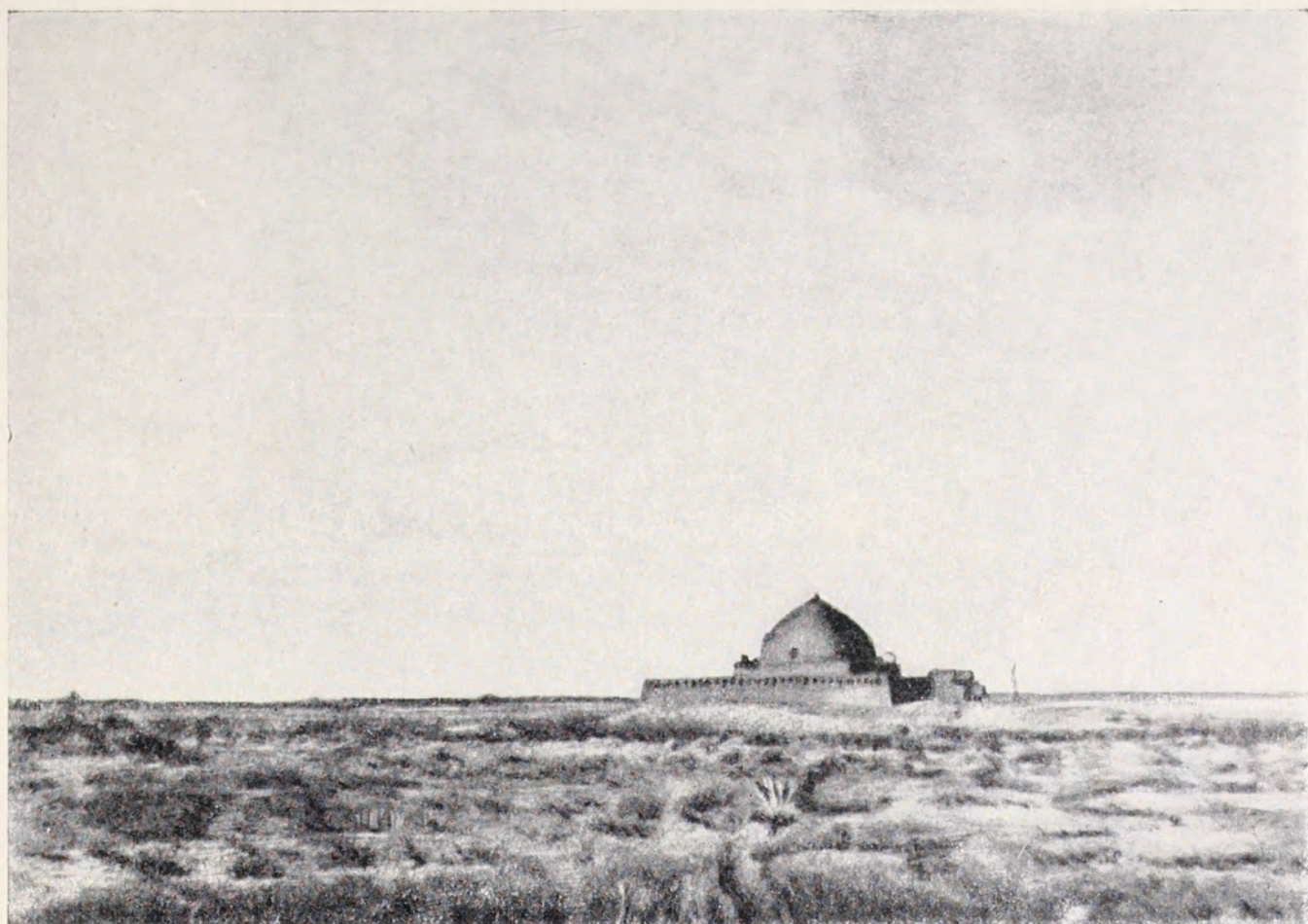
* *
*

11 ноября мы сняли лагерь у переправы и, миновав китайскую цитадель, оставили позади Карашар. От городской заставы большая дорога в Урумчи ведет по юго-восточной окраине оазиса с разбросанными на обширном пространстве домами, принадлежащими большею частью дунганам. Около домов лишь изредка видны купы ильмовых деревьев и маленькие сады, а большинство ферм вовсе не осенено деревьями и не имеет ни садов, ни оград, напоминая по внешнему виду сараи, стоящие одиноко среди необозримых полей. К юго-востоку от дороги простирается обширная невозделанная степь, в которой лишь кое-где приютились немногие фермы.

Пройдя верст восемь по окраине оазиса, мы, за последними его фермами, вступили в солончаковую местность, покрытую малыми плоскими буграми, и следовали по ней около семи верст; затем, обогнув с северо-запада обширное болото, поросшее тростником, вступили в густые заросли чия и шли по ним до самого ночлежного места на ручье Кара-булак. Этот многоводный ручей представляет рукав соседней речки Тавельгу и впадает в соленое озеро Тогры-куль, лежащее в упомянутом болоте. К юго-западу от озера в том же болоте возвышается в виде длинного острова гряда песчаных холмов.

На другой день утром мы увидели на севере ближайший к дороге кряж Тянь-шаня, скрывавшийся ранее в пыльной мгле. Против ночлежного места он носит название Таш-кар, а далее на восток — Цаган-тунге.

От рукава Кара-булак экспедиция шла по зарослям чия до пикета Тавельгу, расположенного на речке того же названия, выпускающей этот рукав в озеро Тогры-куль и разделяющейся близ пикета снова на три рукава. Слившись южнее, они образуют значительную речку, впадающую в соленое озеро Тавельгу-куль около шести верст в окружности, которое лежит верстах в 15 к юго-востоку от пикета. Далее дорога пролегает большею частью по зарослям чия и смешанному лесу из тополя

Вверху: мазар султана Сарык-боша-ходжи в Токсунском оазисе

Внизу: отдельный дом в Токсунском оазисе

и ильма до маленького селения Тагарчи, расположенного на арыке из речки Тавельгу, а от него до следующего такого же селения Чукур по пустынной, щебневатой равнине.

На пути из селения Тагарчи нам стали встречаться китайские солдаты, шедшие группами по несколько человек с тяжелыми ношами съестных припасов и кухонных принадлежностей. То был авангард двух китайских лянцз (батальонов), передвигавшихся из Урумчи в город Куча в числе около 500 человек. Отряд растянулся по дороге группами верст на семь, и только в хвосте эта беспорядочная вереница замыкалась двумя колоннами, человек по 100 в каждой. Позади отряда тянулся обоз на арбах, тяжело нагруженных разным имуществом и ружьями, которых солдатам не дают на руки в походе, а везут вместе с амуницией и патронами в обозе. Солдаты имели при себе только длинные бамбуковые пики, которые несли на плечах, исключая следовавших впереди с тяжестями. В обозе ехали в крутых повозках оба начальника лянцз и семейства офицеров, находившихся впереди при лянцзах верхами.

Солдаты проходили в этот день длинную станцию между селением Ушак-тал и пикетом Тавельгу в 40 верст. Некоторые из них сильно проголодались в дороге и просили нас убедительно дать им хлеба. Наши люди раздавали им лепешки, которые они ели с жадностью, жалуясь на то, что за отпускаемые на продовольствие деньги не могут покупать в пути достаточно съестных припасов, а казенных не полагается.

Маленькое селение Чукур, в котором мы расположились на ночлег, стоит на речке того же названия, поросшей по берегам тополем, ильмом и густыми зарослями кустарников. На полях его, с которых не везде еще была снята кукуруза, препаратор экспедиции видел множество фазанов, но так несчастливо стрелял в этот день, что убил всего 7 штук, выпустив 30 зарядов.

Из селения Чукур дорога направляется по пустынной щебне-древяной равнине, окаймленной с севера хребтом Цаган-тунге, а с юга — плоской высотой и покрытой тощим кустарником. На 13-й версте экспедиция пересекла глубокое древнее ложе речки Ушак-тал, переместившейся версты на три к востоку, а затем самую речку. В двух верстах от последней мы достигли многолюдного селения Ушак-тал и на северной окраине его разбили лагерь для дневки.

В Ушак-тале, расположенном на большом арыке из речки того же названия, считается около 400 жителей, в том числе 320 дунган, 60 чанту и 20 китайцев. Почва оазиса очень плодородна, но садов в нем мало: дунгане предпочитают плодам овощи, которые повсюду разводят в изобилии. В самом селении, около большой дороги, лежит массивный нефритовый монолит, который был добыт в Кун-луне еще в прошлом столетии и отправлен, как редкость, в Пекин. Но в пути, во время прибытия транспорта в селение Ушак-тал, там было получено известие о смерти китайской императрицы. По этой причине чиновник, сопровождавший транспорт, задержал его в Ушаке-тале и послал донесение в Урумчи, испрашивая указания, следует ли ему продолжать путь по случаю траура. Оттуда было получено приказание оставить камень в Ушак-тале, где он лежит до настоящего времени. Проживающие в этом селении китайцы говорили нам, что многие из их соотечественников, проезжавшие через Ушак-тал, пытались отбивать от него куски и испортили немало молотов, топоров и ломов, но все попытки были безуспешными. Геологу экспедиции К. И. Богдановичу удалось, однако, своим превосходным мо-

лотом отбить от этого знаменитого монолита несколько маленьких кусочков.

Севернее Ушак-тала, верстах в шести, простирается в восточно-западном направлении помянутый выше передовой кряж тяньшанской системы — Цаган-тунге. Южный склон его, обращенный к равнине, очень крут, скалист и бесплоден; только немногие лощины и ущелья его покрыты скудной травянистой растительностью и осенены изредка одинокими деревьями и купама ильма или тополя. Описываемый кряж окаймляет с юга обширную междугорную равнину Цаган-тунге, или Алгой, простирающуюся с лишком на пять дней пути в длину и на один день пути в ширину. По ней протекает в северо-восточном направлении речка Алгой, иссякающая на пути, и встречаются местности с хорошими пастбищами. В одной из них, называемой Цаган-тунге и отстоящей верстах в 30 к северо-востоку от Ушак-тала, находится ставка цзасака хошутов Далан-тая. Из нее есть прямая горная дорога в Урумчи, ведущая через весьма трудный перевал Ха-даван и доступная только для одиночных всадников да ослов с легкими вьюками.

От Ушак-тала до селения Токсун почтовая дорога на протяжении 150 верст пролегает по весьма пустынной местности, очень затруднительной для передвижения больших караванов. Подножный корм на этом участке дороги повсюду плох даже для верблюдов, воды недостаточно, а топлива почти вовсе нет. На всем указанном протяжении находится только один маленький выселок Кюмыш, где можно купить немного фуража, топлива и съестных припасов для людей по весьма высоким ценам. На почтовых же пикетах, которых пять, цены на эти предметы баснословные. Караваны перед вступлением в описываемую безжизненную пустыню останавливаются обыкновенно на некоторое время в Ушак-тале или Токсуне, чтобы животные могли запастись силами для предстоящего трудного пути поперек пустыни и покупают в названных селениях фураж, съестные припасы и даже дрова на дорогу.

Из Ушак-тала экспедиция направилась по дресвяной равнине, покрытой на протяжении первого перехода кустарниками: саксаулом, реомюрией и изредка караганю. На второй половине перехода южнее дороги тянется плоская высота Эгерчи, еще далее к югу от дороги простирается длинный степной кряж Кугушин-таг, а за ним в туманной дали синел высокий хребет Синьир, связующий, по рассказам туземцев, горы Курук-таг с другим восточным отрогом Тянь-шаня — Чоль-тагом, направляющимся южнее селений Токсун и Люкчун.

Растительность пустыни, по мере удаления от Ушак-тала в ее глубь на восток, становится все скуднее и скуднее. В окрестностях первого пикета Синь-цзань-цза, у которого мы ночевали, подножный корм даже для верблюдов весьма посредственный, а для лошадей очень плох, и притом вода в колодце, имеющем 30 сажен глубины, солоноватая.

На следующий день мы продолжали путь по той же пустынной равнине, становящейся к востоку еще более бесплодной. На юге был ясно виден степной кряж Кугушин-таг, тянувшийся верстах в 25 от дороги, а верстах в 60 от нее в той же стороне обозначался в неясных очертаниях хребет Синьир.

Следуя почти в западном направлении, мы постепенно приближались к окраинному кряжу Цаган-тунге, который на втором переходе от Ушак-тала значительно понижается и уклоняется к юго-востоку. На 20-й версте от пикета экспедиция вступила в низкие горы этого кряжа,

состоящие на южном склоне его из тесного строя сопок, и, пройдя среди них версты две по узкой, извилистой долине, остановилась на ночлег близ почтового пикета Кара-кысыл в весьма пустынной местности.

От названного пикета дорога медленно поднимается по весьма узкой и извилистой долине на гребень кряжа, с которого спуск на север несравненно круче подъема с юга. С вершины плоского перевала она вскоре вступает в ущелье, довольно глубоко врезавшееся в горы, и быстро спускается по нему на широкую пустынную долину Экин-сай, представляющую продолжение помянутой междугорной долины Цаган-тюнге. С севера эта долина окаймлена весьма широким хребтом Борто-ула, несущим на востоке последовательно названия Аргый и Чоль-таг, а с юга — пересеченным нами хребтом, называемым в восточной части Кара-кысыл-таг.

Пройдя верст 18 по долине Экин-сай в восточном же направлении, мы достигли выселка Кюмыш и разбили около него лагерь для ночлега. В этом уединенном поселении, расположенном на источнике, проживает всего шесть семейств дунган и чанту. К северо-западу от него простирается небольшая плоская высота, на восточной оконечности которой находится мазар хазрет-султана Кюмыша — чтимого мусульманами святого, и при нем живет несколько шейхов. К югу же от выселка простирается вдоль долины глубокое сухое русло небольшой речки, наполняющееся водой только после таяния снега в горах и выпадения дождей. Подножный корм для верблюдов в окрестностях выселка посредственный, а для лошадей очень плохой. Мы должны были покупать для них мелкую солому по 50 коп. за пуд и люцерну по 6 коп. за маленький сноп, весом не более трех фунтов.

Между выселком Кюмыш и пикетом Ага-булак на протяжении 44 верст дорога пролегает по безводной местности. Поэтому мы выступили из помянутого выселка после раннего обеда с запасом воды для людей и направились на северо-восток почти поперек долины Экин-сай. На востоке, верстах в 30 от него, видна была оконечность хребта Кара-кысыл-таг, а верстах в 70 — оконечность хребта Кугушин-таг. Пустынная долина, по которой мы шли до вечера, пересекается изредка сухими руслами, направляющимися с северного окраинного хребта Аргый в сухое ложе помянутой речки. В сумерки мы вступили в узкую долину этого хребта и остановились на ночлег среди пустынных сопек, почти вовсе лишенных растительности. Южный склон хребта Аргый, подобно такому же склону Кара-кысыл-таг, очень отлог и слагается из сопек.

От ночлежного места экспедиция поднималась постепенно на хребет по узкой извилистой долине и миновала пикет Узьме-дянь, на который воду привозят за семь верст из источника.

От пикета дорога еще прихотливее извивается между пустынными сопками и почти незаметно восходит на весьма плоский гребень хребта Аргый. Спуск с него на север сначала тоже очень отлог, потом становится круче, а узкая долина, по которой направляется дорога, все глубже и глубже врезается в горы, переходя наконец в ущелье. Боковые же холмы превращаются в высокие скалистые массивы, почти повсюду обнаженные и угрюмые. В этих пустынных горах должны, однако, встречаться, хотя изредка, источники и растительность, иначе в них не могли бы жить горные бараны, которых мы неоднократно замечали на соседних скалах. Один из них — великолепный самец (*Ovis Polii*) — пал от пули нашего препаратора.

В 12 верстах от вершины перевала мы достигли весьма глубокой и мрачной части ущелья, в которой расположен почтовый пикет Ага-булак, приютившийся под скалой, близ источника. В этой мертвой теснине, в которую едва проникают солнечные лучи, мы остановились на ночлег у пикета. Отвесные, угрюмые скалы темного цвета, усиливающие еще более вечный сумрак описываемой теснины, придают ей невыразимо печальный характер. Слабые звуки раздаются в ней резким эхом, а сильные оглушают.

В этой безжизненной теснине вовсе нет ни подножного корма для животных, ни топлива. Мы должны были покупать у проживающих на пикете китайцев солому для верблюдов и лошадей по рублю, а саксауловые дрова по 80 коп. за пуд. Проходящие караваны, для избежания таких непомерных расходов, запасаются фуражом и даже дровами в Токсуне или в Ушак-тале.

От пикета мы шли около версты в полутьме по мрачному коридору, имеющему от 3 до 5 сажен ширины, с отвесными стенами до 50 сажен высоты. Со дна его, сплошь усеянного камнем, видна только узкая полоска небесного свода. Далее к северу мрачная теснина постепенно расширяется, и взором путника, удрученного пребыванием в этой унылой пропасти, открываются понемногу все более и более обширные ландшафты. Падение теснины, достигающее на первых двух верстах от пикета приблизительно пяти сажен на 100, становится меньше; вместе с тем уменьшается высота окрестных гор, и в ущелье начинают входить местами побочные теснины. С 13-й версты оно уже значительно расширяется; окрестные горы становятся много ниже, и на них появляются местами песчаные наносы с севера; а дно ущелья из каменистого переходит в песчаное.

Пройдя 15 верст, мы остановились на ночлег в долине, на берегу ручья, выходящего немного выше на дневную поверхность. Для лошадей опять пришлось покупать почти по той же цене солому на ближайшем пикете Су-баши, где достали и дров по 40 коп за пуд.

Спускаясь от ночлежного места довольно быстро по пустынной долине, экспедиция в четырех верстах от него миновала пикет Су-баши, расположенный немного ниже северного подножья хребта Аргый. Этот весьма широкий хребет, простирающийся в восточно-западном направлении и носящий на востоке название Чоль-таг, во многом аналогичен с пересеченным нами ранее тоже пустынным хребтом Кара-кысыл-таг. Южные склоны обоих хребтов, состоящие из тесного строя мелких, куполообразных гор, отлоги, а северные, слагающиеся из грандиозных горных массивов, несравненно круче южных и изборозжены сумрачными ущельями, которые в особенности глубоки в северном склоне хребта Аргый.

Миновав почтовый пикет Су-баши, караван поднялся из долины на плоское предгорье хребта, покрытое изредка отдельными высотами, и направился к северо-востоку. По этому предгорью, имеющему весьма значительное падение, в особенности на первых семи верстах, мы быстро спускались верст 16 до самого оазиса Токсун. С прибытием в него не только люди, но и все животные каравана заметно оживились после трудного перехода через безжизненную пустыню в 150 верст ширины.

В центральной части оазиса, на берегу широкого арыка, мы разбили лагерь для дневки. Геолог экспедиции К. И. Богданович в час пополудни сделал наблюдение по термобарометру, показавшему совершенно нежи-

данно температуру кипения воды $100,35^{\circ}$, что нас очень изумило. Я немедленно открыл и повесил свой ртутный барометр Паррота, который показал давление $775,2^{mm}$; на другой день, 23 ноября, в час пополудни, он поднялся до $776,7^{mm}$, а в 9 часов вечера — до $777,4^{mm}$. Термометр в те же часы показывал температуры кипения, соответствовавшие, по исправлении постоянной поправкой, высотам барометра. Между тем погода стояла теплая, температура воздуха днем была значительно выше 0° , достигая около 4 часов почти $6,0^{\circ}$ по Цельсию; с юго-запада дул легкий ветерок и гнал оттуда по временам кучевые облака. Поэтому никак нельзя было полагать, что мы находимся в области барометрического максимума, сопровождающегося в это время года в Центральной Азии обыкновенно низкой температурой воздуха, безоблачным небом и по временам слабыми северо-восточными или восточными ветрами. Основываясь на этом, мы пришли к заключению, что спустились, по всей вероятности, в отрицательную измененность, притом совершенно неожиданно. Впоследствии вычисление высоты оазиса Токсун, определенной из четырех наблюдений, показало, что он действительно лежит на 50 метров, или на 164 фута, ниже уровня океана*.

К вышеизложенному следует еще добавить, что оазис Токсун, в котором мы делали наблюдения, занимает не самую углубленную местность котловины, а возвышается над этой местностью, вероятно, не менее нескольких десятков футов⁵⁰. Действительно, через селение Токсун протекает речка Сунын-баши, имеющая довольно быстрое течение, и теряется, по рассказам туземцев, верстах в 50 к востоку от того места, где мы стояли, в обширной плоской впадине, называемой Асса. Эта солончаковая впадина, простирающаяся до 60 верст в длину и до 30 в ширину, представляет, судя по объяснению туземцев, по всей вероятности, дно обширного высохшего озера, покрытое местами смешанным лесом из тополя и ильма, зарослями кустарников и камыша, местами обнаженными песчаными буграми. Летом в ней господствуют невыносимые жары, и она остается в это время года необитаемой, а зимой пасутся многочисленные стада овец, принадлежащие жителям соседних селений Токсун и Люкчун.

После того как мы убедились, несомненно, в существовании в описываемой местности весьма глубокой впадины, для нас стали понятными уверения туземцев многих отдаленных от нее пунктов Кашгарии и Джунгарии, что самые сильные жары в этой части Центральной Азии бывают в Турфанском округе. Такие уверения приходилось неоднократно выслушивать от туземцев не только нам, но и другим путешественникам по Центральной Азии. Не подозревая существования в Турфанском округе столь глубокой впадины, я относился с недоверием к рассказам туземцев о невыносимых летних жарах в Турфане и его окрестностях. Мне казалось, что в этой местности, лежащей у самого подножья снежного хребта, следовательно на значительной высоте над уровнем моря,

* Это вычисление было сделано председательствующим в Отделении географии математической А. А. Тилло вскоре по возвращении экспедиции по соответственным наблюдениям ближайших метеорологических станций в Верном и в Зайсане, а также по изобарной карте Азии, составленной для времени определения высоты по наблюдениям 28 станций, и наконец по нормальному давлению того времени на уровне моря в 770^{mm} . В октябре 1889 г. Турфанскую котловину посетили наши путешественники, братья Грумм-Гржимайло, по определению которых селение Люкчун, лежащее на восточной окраине этой котловины, находится ниже уровня океана тоже на 50 метров.

напротив, лето должно быть умеренное. Результаты наших барометрических наблюдений в Токсуне, однако, подтверждают до некоторой степени господствующее убеждение туземцев о чрезмерном летнем зное в Турфанском округе*.

Обширная междугорная котловина, в которой находятся город Турфан и многолюдные селения — Люкчун, Пичан и Токсун, окаймлена с севера второстепенным кряжем Тянь-шаня — Джаргезом, а с запада — главным хребтом этой системы, представляющим на пути из Токсуна в Урумчи плоское поднятие, увенчанное по гребню низким, насажденным кряжем. С юга описываемую котловину окаймляют помянутый восточный отрог Тянь-шаня Аргый, называемый в восточной части Чоль-таг. Северный склон этого весьма широкого отрога, как выше замечено, несравненно круче южного и прорезан мрачными ущельями, а гребень его, возвышающийся весьма немного над южной пустынной равниной, поднимается очень высоко над дном описываемой котловины. По свидетельству туземцев, хребет Чоль-таг в восточном направлении постепенно понижается и оканчивается в четырех днях пути на юго-восток от Пичана близ селения Чиктын. В шести днях пути от Токсуна в том же направлении с ним сочленяется хребет Синьир, подходящий к нему с юго-запада.

Наконец с восточной стороны рассматриваемая котловина замыкается невысоким северо-восточным отрогом Чоль-тага, примыкающим, как видно из маршрута братьев Грумм-Гржимайло, к Тянь-шаню.

Турфанская котловина простирается до 140 верст в длину и до 40 верст в ширину. В ней находятся: окружной город Турфан, расположенный на северной окраине помянутой впадины Асса, многолюдное селение Люкчун близ восточной оконечности той же впадины, такое же селение Пичан, отстоящее верстах в 35 к северо-востоку от Люкчуна, и, наконец, селение Токсун в западной части котловины.

Оазис Токсун, принадлежащий Турфанскому округу, простирается по обоим берегам речки Сунын-баши и занимает площадь около 180 квадратных верст. Дома в нем, исключая центральной части, разбросаны в виде отдельных ферм на обширном пространстве, в особенности на окраинах, где расстояния между ними достигают местами двух верст. Перегнойная почва оазиса дает средние урожаи пшеницы около сам-15, кукурузы сам-30, а пшеница сам-70. Хлопковые плантации весьма обширны и доставляют продукт очень хорошего качества. Садов в оазисе мало, но плоды хороши, особенно виноград.

Пашни и сады в Токсунском оазисе орошаются посредством арыков, выведенных из речки Сунын-баши, и из подземных оросительных каналов, называемых керизами, которые приносят в оазис горную воду с южного склона Тянь-шаня. На полуденном, весьма широком и пологом предгорье хребта Джаргез вырыты по направлению его падения линии колодцев, находящихся от 5 до 20 сажен друг от друга. Эти линии имеют от 300 до 500 сажен длины, а самые колодцы, открытые сверху, — от 2 до 10 сажен глубины. Все колодцы одной линии соединены между собой на водоносном горизонте, совпадающем с дном, подземными галлерейями около шести футов высоты и трех футов ширины, причем ни

* О сильных летних жарах в Турфанском округе свидетельствовал еще в конце X века н. э. посол китайского императора Тхай-цуна — Ван-Янь-дэ, по донесению которого жители этой страны укрываются от жаров в подземелья, а птицы в самый зной не могут летать.

колодцы, ни галлерей не имеют никакой обшивки. Благодаря твердости грунта, такие сооружения оказываются возможными, хотя и бывают, по словам туземцев, нередко несчастья с людьми при устройстве керизов. Колодцы начинают рыть сначала внизу, близ подошвы предгорья, смежной с северной границей оазиса, где глубина их не превосходит двух сажен. Если в каком-нибудь нижнем колодце покажется жила, то роют следующий, более глубокий, колодец выше на предгорье, потом третий, четвертый и т. д., увеличивая постепенно глубину верхних колодцев, и наконец соединяют все колодцы одной линии подземными галлерейми.

Керизы устроены только на предгорье северного хребта Джаргез, а на предгорье южного хребта Аргый, обращенном к описываемой котловине, мы не замечали этих сооружений.

По собранным мною от туземцев сведениям, южный склон Тяньшаня к востоку от меридиана Урумчи вообще очень беден водою и растительностью. С него не только не стекает ни одна значительная речка, но и ключи на нем редки. Чахлые лиственные деревья встречаются лишь по берегам весьма немногих ручьев, а хвойных вовсе нет. Травянистая растительность на южном склоне хребта тоже очень скудная. Северный же склон, в противоположность южному, обильно орошен, покрыт местами хвойным лесом, а по ущельям — лиственным, множеством кустарников и роскошной травянистой растительностью.

В центральной части Токсунского оазиса находится небольшая цитадель, в которой расположена лянцза китайских солдат и проживает китайский чиновник — сборщик базарных пошлин. В цитадели находится маленький китайский базар, а возле него большой туземный базар, около которого сплоченные дома оазиса образуют несколько улиц. Во всем оазисе считается около 10 000 жителей, большая часть которых чанту; дунган в нем, как и во всех вообще поселениях Турфанского округа, мало, а китайцев еще меньше.

Окружной город Турфан, отстоящий верстах в 60 к северо-востоку от Токсуна, славится обширностью своих хлопковых плантаций, дающих лучший сорт хлопка, и виноградом, из которого готовится прекрасный мелкий, зеленого цвета изюм, известный под названием «кишмиш». Хлопок и изюм из Турфанского округа вывозятся в большом количестве к нам, в Россию. Землю в Турфанском оазисе орошают исключительно посредством керизов, доставляющих, однако, не вполне достаточное количество воды. К северу от Турфана, в тяньшанских горах, добывается много каменного угля, служащего почти единственным топливом в этом оазисе.

Многолюдные селения Турфанского округа Пичан и Люкчун также известны своим хлопком и изюмом, не уступающими по качеству турфанским.

* *

*

Из Токсуна в город Урумчи ведут два пути; кружной — почтовый, со станциями Парты-салган, Даван-чин, Саёпу и Ян-ши-дянь и кратчайший — проселочный, пролегающий к юго-западу от почтовой дороги, на которую он выходит близ последней станции. По проселочной дороге от Токсуна до Урумчи не более 150 верст, а по кружной, почтовой, считается около 170 верст. Кроме того, первый переход из Токсуна по почтовому тракту, в 40 с лишком верст, безводен. Поэтому я, по совету туземцев, предпочел следовать с экспедицией по проселочному пути.

Утром 24 ноября мы выступили из Токсуна в Урумчи. Оставив влево в полуверсте цитадель и базар, экспедиция перешла по мосту через речку Сунын-баши, имеющую довольно быстрое течение. От моста мы следовали около шести верст по оазису, в котором расстояния между домами, по мере удаления от центра, постепенно увеличиваются и на окраине достигают двух верст. У последних домов мы остановились на ночлег на арыке, выведенном из кериза. Температура воды, при выходе ее на дневную поверхность из кериза в открытый канал, была 15° Цельсия при температуре воздуха в 5° Цельсия. Напившись этой теплой воды, наши лошади улеглись в арык и образовали живую плотину, выше которой вода вскоре вышла из берегов и стала затоплять лагерное место. Пришлось потревожить бедных животных, обрадовавшихся находке столь теплой воды в суровое время года.

По выходе из оазиса проселочная дорога направляется по пустынной, щебне-дресвяной равнине; на юге видно отдельное селение Джиланлык, расположенное на правом берегу речки Сунын-баши, а на севере — ряд низких кряжей, тянувшихся по одной линии на отлогом предгорье параллельно хребту Джаргез. К северу от него видны были вершины другого, более высокого хребта, а вдали, на северо-западе, — снеговая группа главного хребта системы, называемая Токунас-ходжам. В 15 верстах от окраины оазиса экспедиция вышла на речку Сунын-баши, текущую в глубокой балке; мы спустились в эту балку и разбили в ней лагерь для ночлега.

Тянь-шань к северо-западу от Токсуна образует, как выше замечено, плоскую седловину, гребень которой поднимается не более 7 500 футов над уровнем моря. Это плоское поднятие покрыто лишь местами невысокими, насажденными кряжами, простирающимися с юго-запада на северо-восток в одном с ним направлении. В остальных же местах оно представляет ровное, но весьма покатое к северо-западу и юго-востоку вздутие. Большая часть насажденных на этом вздутии кряжей не связывается ни между собою, ни с главным хребтом системы, обрывающимся круто, как бы уступами к описываемой седловине. Из всех насажденных кряжей только два, наиболее высокие и непрерывные, сочленяют разорванный в этом месте главный хребет системы. Один из них венчает гребень седловины, а другой простирается по юго-восточному скату ее. Внутренние склоны обоих непрерывных кряжей незначительны, и гребни их лишь весьма немного возвышаются над заключенной между ними нагорной полосой описываемого плоского поднятия; внешние же склоны их, обращенные к северо-западу и юго-востоку, несравненно круче внутренних и прорезаны глубокими ущельями, которых вовсе не встречается во внутренних склонах.

Через рассматриваемую седловину, по рассказам туземцев, во все времена года дует периодически сильный северо-западный ветер, продолжающийся непрерывно по нескольку дней. Правдивость этих рассказов подтверждается вполне признаками, замеченными нами на растениях седловины, у которых стебли и ветви значительно наклонены к юго-востоку, а у тростника притом еще расщеплены и листья, очевидно, жестоким ветром.

На второй день пути из Токсуна мы прошли сначала верст пять вверх по берегу речки Сунын-баши, которая далее поворачивает почти прямо на север и получает название Аргын-су, а дорога направляется к северо-западу по берегу ее правого притока Ягач-баши. Следуя вверх

по этой последней речке, мы поднимались постепенно по ровной, юго-восточной покатости седловины, покрытой изредка короткими, насажденными кряжами. Каменистый юго-восточный склон седловины и покрывающие его отдельные кряжи одеты крайне скудной растительностью, и только по берегам речки Ягач-баши да текущих в нее ручьев встречались небольшие площадки, сплошь поросшие редкой приземистой травой.

Достигнув подножья первого на пути непрерывного кряжа, мы остановились на ночлег на берегу речки Ягач-баши при выходе ее из ущелья этого кряжа.

На следующий день экспедиция продолжала путь по глубокому и извилистому ущелью той же речки, пересекающей на протяжении 16 верст помянутый насажденный кряж. Ущелье имеет весьма значительное падение и покрыто повсюду зарослями кустарников и камыша, а местами тополем. По выходе из него мы очутились в высокой междугорной зоне седловины и направились на запад по широкому сухому ложу речки Ягач-баши, в котором лишь кое-где струилась вода. Выше это ложе суживается, и в нем стремится непрерывный поток; окрестная местность, покрытая изредка насажденными кряжами, еще пустынее, чем на предыдущем переходе.

Пройдя верст шесть от ущелья, мы остановились на ночлег на берегу той же самой речки, в местности Чон-ягач-баши, лежащей на высоте около 6 000 футов над морем. Несмотря на весьма значительную высоту этой местности, мы встретили в ней пашни, на которых сеют ячмень; около них стоят глиняные хижинки, служащие кровом земледельцам во время полевых работ.

С урочища Чон-ягач-баши экспедиция следовала около 10 верст по широкой нагорной долине седловины, поднимаясь медленно к подножью главного насажденного кряжа Даванчин-таг, венчающего ее гребень, и затем по узкой, извилистой долине названного кряжа вскоре поднялась на его гребень. Этот перевал, называемый Та-даван, поднимается на 7 070 футов над уровнем моря и представляет высший пункт на нашем пути из Токсуна в Урумчи через седловину Тянь-шаня. Подъем на него с юго-востока очень отлог и только близ самой вершины немного крут, да и то на весьма коротком протяжении. Спуск же с перевала Та-даван на северо-запад гораздо длиннее и круче подъема с юго-востока, в особенности на первых двух верстах. Относительная высота окрестных гор, по мере нисхождения с вершины перевала, быстро возрастает, а вместе с тем увеличивается и глубина ущелья, по которому дорога спускается с перевала.

Гребень описываемого кряжа, представляющий высшую линию седловины, в то же время служит резкой границей двух весьма различных смежных растительных областей, простирающихся от него к юго-востоку и северо-западу. На юго-восточном склоне седловины растительность несравненно беднее видами и пышностью самых форм, чем на северо-западном. Эта поразительная разница во флоре противоположных ее склонов бросается в глаза тотчас же по миновании высшей точки перевала: незначительные холмы, слагающие юго-восточный склон кряжа, покрыты весьма скудной растительностью, между тем как на горах северо-западного склона его повсюду встречаются густые насаждения кипца, полыни и разнообразных мелких кустарников.

С вершины перевала Та-даван мы спускались по узкой долине, имеющей весьма значительное падение, и вскоре достигли подножья

кряжа, лежащего по крайней мере на 2 000 футов ниже его гребня. От подошвы кряжа долина, ведущая с перевала, переходит в неглубокую балку, прорезающую его плоское предгорье. Переночевав в этой балке, мы спустились по ней на следующий день версты три до другой балки, в которую она выходит, и, перейдя через эту последнюю, следовали по предгорью соседнего хребта Лань-сань. В конце перехода экспедиция спустилась с предгорья в широкую междугорную долину и разбила лагерь для ночлега в местности Кала-панцза.

Оставив позади кряж Даванчин-таг, венчающий гребень седловины, мы очутились в пространной долине, простирающейся до 20 верст в ширину и открытой на северо-западе. С юга она замкнута названным кряжем, высоко поднимающимся над ее дном, а с северо-востока и юго-запада — массивными хребтами Тянь-шаня: Дунь-сань и Лань-сань, сочленяющимися с этим поперечным кряжем. В ущельях обоих хребтов зеленели еловые леса, которые нам отрадно было видеть после долгой разлуки с хвойными деревьями, покинутыми более года назад в местности Тохта-хон.

В юго-восточной части долины лежит соленое озеро Айдын-куль около 20-ти верст в окружности, а к востоку от него — два небольших соленых же озерка — Тубул-куль и Тузлык-куль, от 4 до 5 верст в окружности. Около этих озер долина покрыта густыми зарослями чия и камыша.

В описываемой долине живет множество степных антилоп и водятся в большом числе их смертельные враги — волки. Во время нашей стоянки на урочище Кала-панцза, около 8 часов вечера, они подняли такой сильный вой близ лагеря экспедиции, что я вынужден был вызвать четырех человек с ружьями и велел им открыть учащенную пальбу в то место, откуда слышались завывания волков. Она так напугала их, что в течение всей ночи в долине не было слышно ни одного волчьего голоса.

С урочища Кала-панцза мы прошли версты две по густым зарослям чия и камыша, а потом следовали по дресвяной местности, покрытой кустами саксаула и белолозника. Проселочная дорога, по которой шла экспедиция, выходит в этой местности на почтовую, пролегающую, как выше замечено, к северо-востоку от нее через перевал Даванчин и многолюдное дунганское селение того же названия, расположенное в юго-восточном углу долины. Этот перевал, ведущий через тот же насаженный кряж седловины, как и Та-даван, имеет, подобно ему, отлогий юго-восточный склон и крутой северо-западный.

Пройдя верст пять по большой дороге, мы расположились на ночлег близ постоянного двора Янши-дянь. Тут экспедицию встретил исправлявший должность аксакала наших торговцев в Урумчи, которого мы весь вечер расспрашивали о новостях с родины, откуда более полугода не получали никаких известий, и о городе.

Последнюю станцию до Урумчи мы следовали по волнистой местности предгорья северо-восточного хребта Дунь-сань и пересекли несколько прорезающих его узких долин. По дороге изредка встречались постоянные дворы, а влево от нее простиралась долина речки Архоту, населенная изредка китайцами. Не доходя четырех верст до города, экспедиция свернула с большой дороги и остановилась немного в стороне от нее, на левом берегу речки Архоту. В этой местности, называемой Гуджа-ху, мы простояли почти четверо суток.

* *
*

Город Урумчи (по-китайски—Ди-хуа-чжоу) расположен у северного предгорья Тянь-шаня, на правом берегу речки Архоту или Лань-сань, в расстоянии около полуверсты от нее, и пользуется водою выведенных из этой речки арыков. Он состоит из обширной китайской крепости, в виде неправильного шестиугольника около четырех верст в окружности, и туземного города, примыкающего к южному ее фасу. Глиняная стена крепости имеет около четырех сажен высоты, с лишком две сажени толщины при заложении, шесть ворот, башни и бойницы. Она окружена снаружи ровом около трех сажен ширины и до одной сажени глубины.

Близ северо-восточного фронта крепости расположен большой квадратный форт (импань), около 150 сажен в стороне, а к северо-западному фронту примыкает другой такого же начертания форт, сторона которого не более 50 сажен.

Местоположение Урумчийской крепости очень неудобно для обороны, так как с соседних восточных и юго-восточных высот предгорья можно совершенно беспрепятственно обстреливать почти всю ее внутренность.

В крепости находятся управления генерал-губернатора Синьцзянской провинции, урумчийского дао-тая, квартиры этих лиц и всех китайских чиновников. В ней проживают также китайские купцы, ремесленники и прислуга чиновников. Гарнизон же, в числе около 3 000 человек, расположен большею частью в двух помянутых фортах, а в самой крепости помещается лишь незначительная часть его. Дунганам, которых китайцы сильно опасаются, строго запрещено жить в крепости; в нее допущены на жительство только немногие благонадежные чанту. В крепости находятся большой китайский базар, кумирня и театр.

В туземном городе, имеющем только одну большую улицу, служащую базаром, большинство жителей дунгане и очень немного чанту. В нем множество лавок, несколько гостиниц, караван-сараев и до 200 извозчиков.

Во всем Урумчийском оазисе, вместе с туземным городом, считается около 15 000 жителей, в том числе 13 000 дунган и 2 000 китайцев и чанту. Последние живут не в ладу с дунганями и отзываются весьма неодобрительно об их нравственных качествах. При этом как местные чанту, так и наши торговцы уверяли меня, что китайцы в настоящее время действительно опасаются дунган и не осмеливаются относиться к ним с такою же строгостью и презрительностью, как прежде, до восстания. Дунгане со своей стороны сознают опасения китайцев и становятся в отношении к ним все смелее и смелее. Число дунган в Джунгарии с каждым годом значительно увеличивается прибылью эмигрантов из Внутреннего Китая, а китайцев в эту страну переселяется оттуда несравненно меньше; они опасаются повторения инсurreкции, во время которой большая часть китайского населения Джунгарии была истреблена восставшими дунганями. Китайское правительство, повидимому, несколько не препятствует переселению дунган из Внутреннего Китая в Джунгарию. Что оно имеет в виду в этом случае — трудно понять. Не подлежит, однако, сомнению, что с переселением в эту страну из Внутреннего Китая большой массы дунган, ненавидящих китайцев, упрочение владычества богдохана в Джунгарии, отрезанной от сердца империи или-

рокой пустыней Гоби, будет гораздо затруднительнее, чем в настоящее время.

Генерал-губернатор Синьцзянской провинции Лю-цзин-тан во время нашего пребывания в Урумчи был в отсутствии — в Пекине. Население отзывается о нем повсюду с похвалой, порицая только за излишнее доверие, оказываемое им правителям областей, дао-таям, и приближенным чиновникам, большинство которых злоупотребляет этим доверием. Лю-цзин-тан природный китаец, уроженец провинции Хунань. По существующему искони у китайских сановников обычаю формировать персонал подчиненных чиновников из земляков, он вызвал из той же провинции на службу во вверенное ему генерал-губернаторство массу чиновников и офицеров. В настоящее время в Синьцзянской провинции почти все гражданские должности занимают хунанцы; большинство офицеров в войсках и даже солдат принадлежит также к уроженцам Хунани.

Промышленность Урумчи находится еще в зачаточном состоянии. В этом городе выделяется небольшое количество бумажных тканей из турфанского хлопка и существуют два маленьких чугунно-литейных завода, на которых отливают только котлы. Торговля же в нем весьма оживленная и находится главным образом в руках дунган. Китайских торговых фирм, имеющих большие обороты, только три, а торговля остальных купцов незначительна. Китайцы сбывают в Урумчи преимущественно чай и свои бумажные ткани; второстепенными же предметами сбыта служат: шёлковые материи, фарфоровая посуда, табак, металлические изделия и мелочной товар, а также небольшое количество английских мануфактур и металлических изделий. Большая часть товаров из Внутреннего Китая доставляется в Урумчи к Новому году.

Наших торговцев — сартов, таранчей и семипалатинских татар — считалось в 1890 г. в Урумчи 50. Они продают большею частью мануфактурный товар и металлические изделия, небольшое количество москательного товара, сахару, стеариновых свечей и разных мелочей. Кроме того, в Урумчи ежегодно осенью и ранней зимой пригоняются на продажу из Семипалатинской области большие гурты киргизских овец.

Большая часть денег, вырученных нашими торговцами в Урумчи от продажи поименованных предметов, поступает в уплату за хлопок и изюм, вывозимые ежегодно в наши пределы в большом количестве из Турфанского округа.

Верстах в двух к северу от крепости находятся развалины старого китайского города, разрушенного дунганами во время восстания, а ниже их, по обоим берегам речки Архоту, или Лань-сань, раскинулся самый Урумчийский оазис, населенный преимущественно дунганами. Дома в нем рассеяны очень редко, деревьев мало, а садов вовсе нет. Почва Урумчийского оазиса — такой же бурый перегной, как и во всех вообще притяньшанских оазисах. Пшеница родится средним числом сам-14, просо сам-30, а ячмень сам-10. Кукуруза, рис и хлопок в этом оазисе не возделываются по причине суровости климата; не вызревают также персики, абрикосы и виноград, которые доставляются в Урумчи из Турфанского округа. Воды в Урумчийском оазисе недостаточно, а потому местного хлеба далеко нехватает для продовольствия всего городского населения и китайских войск. Этот недостаток пополняется привозным хлебом из Манаса, Гучена и Турфана.

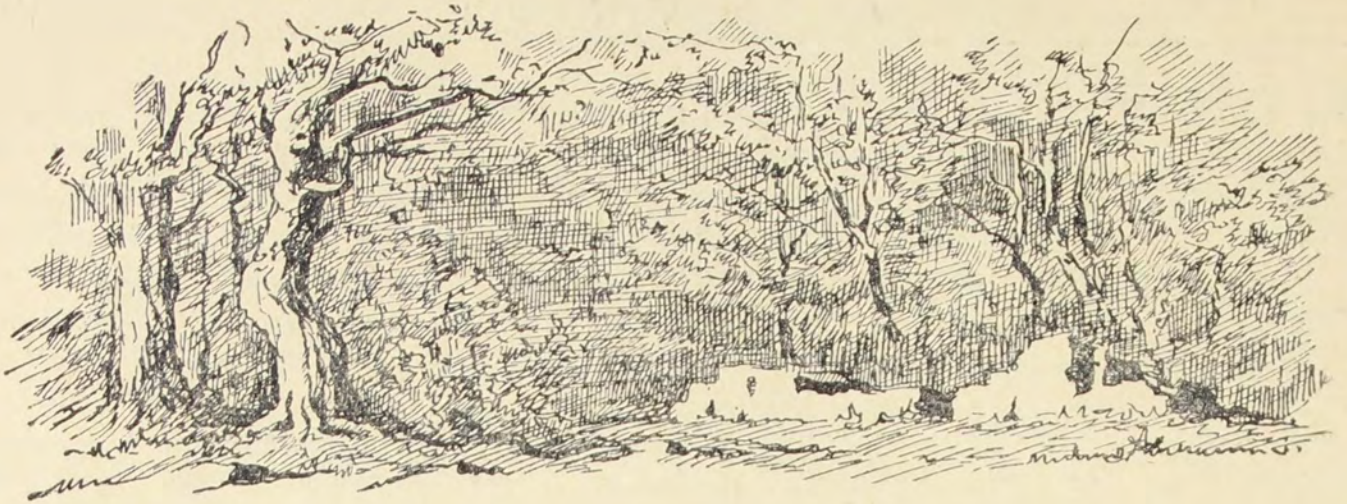
Зима в Урумчийском оазисе, вследствие его значительной высоты над уровнем моря (около 3 110 футов) и близкого соседства колоссаль-

ной снеговой группы Богдо-ола, бывает суровая и продолжительная: снег лежит по нескольку недель, а пруды и арыки покрываются на четыре месяца льдом. Зато летом не бывает сильных жаров и по временам выпадают обильные дожди. Местные старики утверждают, что климат Урумчи ныне стал значительно мягче. Встарину снег выпадал в течение восьми месяцев в году, а теперь падает только в продолжение шести; зима была значительно суровее, лето же гораздо жарче, чем в настоящее время.

В горах Тянь-шаня, соседних городу Урумчи, добывается в изобилии каменный уголь, служащий общеупотребительным топливом. В двух днях пути к востоку от города, в тех же горах, находятся богатые залежи медной руды. Там устроен казенный медеплавильный завод, с которого медь поступает на монетный двор в Урумчи, где из нее чеканят монету. В двух же днях пути от Урумчи к юго-западу, в горах Лань-сань, находятся источники нефти, изливающиеся в маленькую речку, которая по выходе из гор иссякает на песчано-каменистой равнине. Какой-то немец, приехавший в Урумчи из Пекина, осматривал эти источники и брал из них на пробу нефть. Очистив ее и сделав из жести лампу, он показывал китайским чиновникам ее горение, затем просил генерал-губернатора разрешить ему добывание нефти и продажу приготовленного из нее керосина по установленной цене, но получил решительный отказ.

К западу от нашего лагеря под Урумчи возвышалась массивная отдельная гора Емосань, а на востоке верстах в 35 показывалась по временам из облаков величественная снеговая гора Богдо-ола — высочайшая из вершин восточного Тянь-шаня. В ночь с 2-го на 3 декабря мы выдержали сильный шторм с северо-востока, от которого наш лагерь был несколько защищен, к счастью, молодым лесом и зарослями кустарников. Этот шторм, свирепствовавший почти всю ночь, сгибал до половины деревья в три вершка толщины и так сильно потрясал наши подвижные жилища (палатку и юрту), прочно прикрепленные к деревьям и кольям, что мы при каждом сильном порыве его опасались очутиться под открытым небом. Замечательно, что этот северо-восточный ветер был теплый и согнал большую часть снега, покрывавшего землю слоем около трех дюймов толщины.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОТ УРУМЧИ ДО ЗАЙСАНСКОГО ПОСТА

Движение экспедиции из Урумчи по большой манасской дороге.— Пустующие и разрушенные китайские жилища на этом пути.— Гученский лес и прилежащие к нему на севере пески.— Поворот с большой дороги в селение Хутубей на прямую караванную.— Следование по ней через оазис Са-цзан-ца на реку Манас и вниз по долине этой реки.— Встреча диких верблюдов.— Плоская впадина Сары-куль и озеро Толли-нор.— Путь с него на речку Орху, а оттуда через пустыню Сырхын-гоби и хребет Семис-тай в долину речки Кобук, к кумирне Матэня.— Переход через хребет Тарбагатай и государственную границу.— Чиликтинское плато.— Спуск с него и прибытие в Зайсанский пост.

Из Урумчи мне хотелось пройти в Зайсанский пост прямым путем, мимо показываемого на картах большого озера Аяр-нор, не посещенного еще никем из европейцев. Этот путь, пролегающий по совершенно неисследованным местностям Джунгарии, представлял для экспедиции гораздо более интереса, чем большая дорога из Урумчи в Зайсанский пост через Манас, Шихо и Дурбульджин, пройденная по частям нашими путешественниками Матусовским, Тихменевым, Галкиным и братьями Грумм-Гржимайло. Поэтому при первой же встрече с исправлявшим должность аксакала наших торговцев в Урумчи, я обратился к нему с вопросом о прямой дороге из этого города в Зайсанский пост и с радостью узнал, что такая дорога действительно существует и что по ней беспрепятственно ходят большие караваны. Она отделяется от большой манасской дороги в селении Хутубей и через оазис Са-цзан-ца ведет на реку Манас, далее направляется вниз по этой реке, минует образуемые ею озера, от которых через горы Джаир выходит на большую чугучакскую дорогу близ станции Саргулсун.

Сообщив мне необходимые сведения об этой дороге, аксакал нашел и знающего ее проводника — киргиза Лепсинского уезда Семиреченской области, прибывшего немного ранее нас в Урумчи с караваном из Чугучака.

Почти одновременно с нами должен был выступить из Урумчи в Чугучак караван наших торговцев, направлявшихся по большой дороге через Манас и Шихо, в которых ему нужно было захватить по пути тяжести. В этом караване оставалось до 20 свободных верблюдов. Я нанял их и отправил вместе с караваном большую часть багажа экспедиции с обязательством доставить его в Зайсанский пост. Освободившись таким образом от излишних тяжестей, мы могли двигаться поспешнее и сберечь наших верблюдов-ветеранов, вполне заслуживших такое облегчение.

Утром 5 декабря при сильном тумане, застилавшем всю окрестную местность, мы тронулись в путь сначала вниз по левому берегу речки Архоту. В долине ее, покрытой местами молодыми ильмовыми рощицами, встречались изредка дома китайцев, сплочивающиеся лишь немного близ самого города. На третьей версте мы миновали туземный город, а на четвертой — китайскую крепость, из которой выходит большая манасская дорога. Выйдя на нее, мы направились к северо-западу и прошли близ отдельной крутой горы Хуан-шань-цзы, на вершине которой воздвигнута китайцами красивая кумирня. По обе стороны дороги были видны небольшие ильмовые перелески и местами встречались одинокие дома. Везде, кроме полотна широкой дороги, лежал снег в дюйм толщины, и все деревья были покрыты инеем. Густой туман, скрывавший утром окрестности, к полудню стал мало-помалу рассеиваться, и мы могли различать по крайней мере близкие к нам предметы. На большой дороге, около города, было заметно усиленное движение: в Урумчи тянулись вереницы телег, нагруженных каменным углем, возы с соломой, люцерной, овощами и зерновым хлебом; из города же возвращалось много поселян с порожними арбами.

На 10-й версте от Урумчи экспедиция прошла через малолюдное дунганское селение, за которым миновала несколько низких грядок, тянувшихся южнее дороги, и остановилась на ночлег близ выселка Дихо-пу из восьми дворов.

На второй день пути из Урумчи, когда туман рассеялся, мы увидели на севере необозримый лес. По словам проводников и опрошенных мною на пути дунган, этот лес тянется широкой полосой с востока на запад почти от самого Гучена до меридиана селения Хутубей. Он простирается около 160 верст в длину, до 60 верст в ширину и состоит преимущественно из ильма, отчасти тополя, джиды, зарослей разнообразных кустарников и камыша. В южной его окраине, отстоящей верстах в 20 к северу от Урумчи, живут рассеянно китайцы, а остальная широкая полоса этого девственного леса необитаема. В ней водится множество кабанов, козуй, степных антилоп и живет немало тигров. В лесу нередко встречаются источники, а летом, во время таяния снегов и ледников в Тяньшане, он орошается многими горными речками, воды которых в то время добегают даже до северной окраины его. К северу от этого обширного леса простирается широкая полоса сыпучих песков, в которых живут дикие верблюды, лошади и множество куланов. Она начинается немного восточнее меридиана Гучена и тянется далеко на северо-запад, до устья реки Манас; ширина же ее колеблется от 50 до 80 верст. Между песчаными барханами, покрытыми повсюду высоким саксаулом, встречаются изредка углубленные солончаковые котловины, поросшие камышом и сочными солянками. В них дикие верблюды, лошади, куланы и даже антилопы выбивают ногами ямы, наполняющиеся водой, и проходят к

ним на водопой. Пищей же этим травоядным служат камыш и солончаковые растения, покрывающие помянутые котловины. Кроме того, они посещают по временам северную окраину Гученского леса, весьма богатую растительностью, и пасутся в ней в зимнюю половину года, когда там нет насекомых, иногда очень долго.

Большая манасская дорога от самого Урумчи пролегает по подгорной равнине, постепенно понижающейся в северо-западном направлении. На второй станции от города, благодаря значительному понижению местности, снега было уже гораздо меньше, чем на первой. По сторонам дороги часто были видны пустующие китайские фермы, покинутые еще во время дунганского восстания, а около самой дороги встречались развалины китайских селений, разрушенных в то смутное время дунганцами, жилые дунганские фермы и казенные чайные дома, в которых останавливаются на отдых проезжие китайские чиновники.

В 20-ти верстах от ночлежного места мы приблизились к южной окраине Гученского леса и прошли через небольшое дунганское селение Тубул, за которым переправились по льду через речку Хо-ба-ли. На левом ее берегу расположено многолюдное селение Цхан-цзи, или Саньчжу, как именуют его чанту, на западной окраине которого мы разбили лагерь для ночлега.

Оазис Цхан-цзи, лежащий близ южной опушки Гученского леса, славится плодородием своей почвы и обилием воды. Пшеница родится в нем средним числом сам-15, просо сам-30, а горох * сам-25. Кукурузу стали сеять понемногу только недавно и разводить сады, в которых растут яблоки, персики и виноград, не вызревавшие вовсе в прежнее время. В центральной части оазиса, осененного во многих местах купами и аллеями из ильма, джиды и кустарников, находятся небольшой базар и глиняный форт, в котором расположена конная лянцза китайских войск.

Большая часть жителей оазиса Цхан-цзи — дунгане; чанту и китайцев в нем мало. До дунганского восстания в нем жило много китайцев, большинство которых погибло во время мятежа. Дома их обратились в печальные развалины, которые встречаются на каждом шагу, в особенности близ базара, где они покрывают весьма значительную площадь земли. Вообще следы опустошений, произведенных дунганцами в то смутное время, встречаются повсеместно в этой стране. На всем пути от Урумчи почти до устья реки Манас мы видели множество пустующих китайских домов и развалин, в которые обращена дунганцами значительная часть китайских жилищ. Китайцы, эмигрирующие ныне из внутренних провинций в Джунгарию, редко селятся вместе с дунганцами, опасаясь повторения резни, а углубляются преимущественно в Гученский лес и там основывают свои фермы, или поблизости городов, в которых постоянно квартируют китайские войска. Дунгане же занимают предпочтительно местности, по которым пролегает императорская дорога, ведущая из Баркуля через Гучен, Фукан, Урумчи и Манас в Шихо.

Верстах в 50 к северу от оазиса Цхан-цзи, на правом берегу орошающей его речки Хо-ба-ли, по словам местных жителей, находятся развалины весьма обширного древнего города. Эти развалины, известные под названием Ма-чэ-цзы, лежат на прямой проселочной дороге из Манаса в Гучен, среди дремучего, безлюдного леса. Китайцы, от которых я получил сведения о них, утверждали, что они, судя по остаткам по-

* Мелкий сорт серого цвета (по-китайски — лю-цза), возделываемый для скота.

Вверху: группа жителей оазиса Токсун

Внизу: лагерь экспедиции на южном склоне Тянь-шаня по дороге
из Токсуна в город Урумчи

строек, принадлежат не китайскому, а уйгурскому городу и имеют более 8 ли (4-х верст) в окружности. К сожалению, мне самому, по недостатку времени, не удалось осмотреть эти интересные развалины и ознакомиться попутно с девственным Гученским лесом, среди которого они находятся.

От селения Цхан-цзи мы прошли около 12 верст по оазису, встречая очень часто пустующие дома и развалины среди пустырей, в которые обратились окружающие их некогда поля. Руины чередовались с жилыми дунганскими домами, разбросанными небольшими группами и по одиночке, а около самой дороги нередко встречались чайные дома — маленькие здания из необожженного кирпича с тесными двориками.

По выходе из оазиса мы очутились в открытой, пустынной местности; на севере синел обширный Гученский лес, опушка которого простирается почти параллельно дороге. В этой пустынной степи мы прошли через старинную джунгарскую крепость квадратного начертания, около полуверсты в стороне. Глиняная стена ее сохранилась в целости и имеет двое ворот, восточные и западные, а внутри ограды видны развалины домов, среди которых приютился дунганский постоянный двор.

В пяти верстах от крепости экспедиция остановилась на ночлег близ одинокого постоянного двора Юши-гу, расположенного среди пустынной равнины. Около него находится небольшой китайский форт, давно уже заброшенный.

Большую часть следующей станции мы прошли по открытой местности; на севере попрежнему синел Гученский лес, а на юге видны были два степных кряжа восточно-западного направления. На этом переходе изредка встречались пустующие дома и развалины, окруженные пустырями. Пройдя верст 13 по степи, экспедиция вступила в обширный оазис Хутубей, в центральной части которого находятся маленький базар и китайский импань, занятый лянцзой солдат. Близ базара, около самой дороги, видны развалины значительного китайского поселения, в роде местечка, с весьма узкими улицами. Миновав эти развалины, мы расположились на ночлег на берегу речки Хутубей-хё, протекающей по западной окраине оазиса.

В оазисе Хутубей мы оставили большую манасскую дорогу и, повернув почти прямо на север, направились вниз по правому берегу речки Хутубей-хё. Тотчас же за чертой оазиса экспедиция миновала юго-западный угол Гученского леса, оканчивающегося на меридиане селения Хутубей. Близ этого места речка Хутубей-хё разделяется на два рукава (правый — Сань-цзя-чю и левый — Цзи-лянь-цза), теряющиеся отдельно на севере, в больших песках, отстоящих в 60 с лишком верстах от места раздвоения речки. Караванная дорога, по которой мы следовали, направляется между этими рукавами по обширным зарослям камыша, среди которых рассеяны китайские фермы, осененные ильмовыми купами и рощами. Оба рукава на протяжении первой станции текут в расстоянии двух-трех верст друг от друга и покрыты по берегам ильмовыми деревьями, а далее на севере расходятся до 20 верст.

Первый ночлег на караванной дороге мы имели у фермы Ся-гуан-дун, расположенной на левом берегу восточного рукава речки Хутубей-хё. Обитатели этой местности — китайцы, потомки ссыльных из провинции Гуан-дун, живут очень рассеянно в отдельных фермах из трех—пяти маленьких домов, принадлежащих родственным семействам. Дома построены из необожженного кирпича, имеют плоские крыши и небольшие

дворы, обнесенные невысокими стенками из такого же кирпича. Каждую ферму осеняет маленькая ильмовая роща или купа, обнаруживающая издали ее присутствие среди необозримых зарослей камыша и кустарников. Фермеры возделывают преимущественно рис, дающий в благоприятные годы урожай сам-30, а также пшеницу, горох и немного люцерны. Они содержат довольно много овец, достаточное число лошадей и рабочих быков, а также свиней и кур.

Обитатели этой весьма слабо населенной страны жаловались нам на тигров, похищающих у них нередко домашних животных, в особенности овец. За несколько дней до нашего прибытия на ферму Ся-гуан-дун там произвел большой переполох тигр, перескочивший вечером через ограду одного из ее домов на двор. Сделав отчаянный прыжок, он попал на тростниковую крышу маленького надворного строения, примыкающего к ограде, которая под ним проломилась, и зверь очутился в тесном строении, откуда едва мог выбраться.

От фермы Ся-гуан-дун дорога, подобно предыдущей станции, идет по зарослям камыша и кустарников, но тополевые и ильмовые рощи встречаются чаще, чем на прежнем переходе. Они осеняют большую часть полуразрушенных ферм и лишь немногие жилые. На 15-й версте мы миновали развалины большого селения, состоявшего по крайней мере из 50 тесно сплоченных домов. В центральной части их ясно заметны следы какого-то большого здания с обширным двором, который был обнесен высокой кирпичной оградой. Через эти руины, лежащие среди небольшого леса, пролегает прямая, торная дорога из Манаса в Гучен, вступающая верстах в 25 к востоку от них в обширный Гученский лес. Верстах в 50 от западной опушки его она проходит мимо помянутых развалин Ма-чэ-цзы, принадлежащих, как выше замечено, большому уйгурскому городу.

Выйдя на прямую манасско-гученскую дорогу, мы направились по ней на северо-запад и следовали сначала лесом, в котором часто встречались полуразрушенные фермы, а потом по открытой местности, поросшей камышом и кустарниками. На этой открытой равнине изредка виднелись купы ильмовых деревьев, осеняющие разбросанные по ней фермы китайцев. В конце станции мы прошли через китайское селение Хуан-соху, состоящее из 100 домов, часть которых теснится около кумирни, а остальные рассеяны вокруг в виде отдельных ферм. Миновав это селение, экспедиция расположилась на его окраине на дневку, у западного рукава речки Хутубей-хё. Поля селения Хуан-соху орошаются арыками, выведенными большей частью из восточного рукава речки Хутубей-хё—Сань-цзя-чю, протекающего от него верстах в двенадцати. Западный же рукав ее, Цзи-лянь-цза, проходящий близ селения, течёт в крутых берегах, крайне затрудняющих проведение из него оросительных канав. В Хуан-соху сеют преимущественно пшеницу, немного риса, гороха и люцерны. Жители этого селения содержат значительное количество овец, из шерсти которых готовится много войлока на продажу. Выделкой его занимаются шесть бедных семейств чанту, поселившихся среди китайцев. Излишек хлеба и войлок сбываются в городе Манас, отстоящем верстах в 40 к юго-западу от Хуан-соху. К северу же от этого селения в 45 верстах залегают большие гученские пески, в которых теряются оба рукава речки Хутубей-хё.

У крайних западных домов селения Хуан-соху мы свернули с манасской дороги и почти всю станцию следовали по безлюдной местности.

Дорога пролегает сначала по пустынной равнине, покрытой низкорослым саксаулом, потом спускается в широкую и плоскую долину, поросшую камышом, в которой мы миновали одну жилую ферму и несколько пустующих. На половине перехода караван поднялся из долины на щебневатую равнину, покрытую изредка низкими грядами, и следовал по ней почти до самого ночлежного места. На этой пустынной равнине экспедиция миновала развалины одинокой фермы, около которой ясно были заметны следы окружавших ее полей.

В 25 верстах от Хуан-соху мы вступили в обширный оазис Са-цзан-цза, населенный также китайцами, и остановились на ночлег.

На следующий день экспедиция продолжала путь по оазису Са-цзан-цза, занимающему весьма обширную открытую равнину. Около дороги и вдали виднелись изредка купы ильмовых деревьев, осеняющих одинокие фермы из двух—пяти домов родственных семейств. Китайцы живут в этом оазисе весьма рассеянно: фермы их отстоят одна от другой от $\frac{1}{2}$ версты до 2 верст, и нигде не встречается поселения, состоящего хотя бы из 10 домов. Между фермами, окружёнными небольшими полями, простираются обширные пустыри, поросшие преимущественно кустарниками, а в низких местах камышом. В пяти верстах от ночлежного места мы миновали большую кумирню Да-мяо, около которой теснится несколько домов. От кумирни фермы еще более редуют, и среди них встречаются местами пустующие с полуразрушенными строениями и засохшими деревьями.

Пройдя 23 версты по оазису, экспедиция остановилась близ одной из жилых его ферм на ночлег. Около кумирни Да-мяо нас догнали двое монголов-торгоутов, возвращавшихся из оазиса Са-цзан-цза в свой стойбища, на урочище Кобук-сар, отстоящее верстах в 150 от нашей границы. Мы пригласили их следовать с нами до ночлежного места и там стали уговаривать ехать вместе с экспедицией до границы или по крайней мере до того пункта, откуда им надлежало повернуть домой. Монголы после некоторого колебания согласились на наше предложение и оказались впоследствии очень полезными спутниками: они отлично знали всю окрестную страну и сообщили мне немало полезных сведений о ней. Оба они ежегодно весной приезжают в оазис Са-цзан-цза с родины и нанимаются на лето в работники к китайцам, а на зиму возвращаются домой, в местность Кобук-сар. От фермы, у которой мы ночевали, прямая дорога в эту местность идет на север и около 25 верст пролегает еще по оазису, северная часть которого носит название Хё-саван, а северо-западная — Сы-чи. Из оазиса дорога вступает в большие безводные пески и следует по ним три больших перехода почти до самого урочища Кобук-сар*. На первом переходе пески еще неглубоки.

* Маршрут по этой дороге, записанный со слов монголов:

От северной окраины Хё-савана до Дун-ляна пески неглубокие, а на следующих станциях дорога пролегает среди высоких песчаных барханов.

	Число верст
Кумирня Да-мяо в оазисе Са-цзан-цза	—
Северная окраина оазиса Хё-саван	30
Дун-лян	42
Лото-бо	38
Сань-ху	40
Кобук-сар	37

Итого 187

а на остальных состоят из высоких песчаных барханов и повсеместно покрыты саксаулом. Эта широкая полоса песков, как было уже замечено, начинается восточнее меридиана города Гучен и оканчивается близ устья реки Манас. Участок ее, пересекаемый прямой дорогой из оазиса Са-цзян-ца в Кобук-сар, носит название Заосты-элисун; к востоку от него пески называются Заортэн-элисун-бугрэ, а к западу, близ реки Манас, Шо-бугур-бугрэ. В описываемых песках, по свидетельству монголов, живут дикие верблюды, лошади и множество куланов, а на зиму в них собираются многочисленные стада антилоп. Переход из Кобу-сара в Са-цзан-ца и обратно по прямой дороге через пески возможен только зимой, а в остальные времена года их трудно пересечь даже на верблюдах, потому что на всем пути по ним вовсе нет воды.

Оазис Са-цзан-ца орошается водами нескольких многоводных арыков, выведенных из реки Манас и раздробляющихся на множество ветвей. Перегнойная почва его очень плодородна и дает богатые урожаи пшеницы, риса и гороха. Китайцы, населяющие этот оазис, благодаря простору, плодородию почвы и обилию воды, живут в довольстве. Они стали селиться сюда вновь с 1876 г., когда в Джунгарию прибыло много китайских войск, вслед за которыми шли и переселенцы из Внутреннего Китая. Ранее же, в самый разгар дунганского восстания, эта местность в течение 10 с лишком лет оставалась почти необитаемой. До восстания в ней жило довольно густое китайское население, большая часть которого была вырезана дунганцами, а остальная спаслась бегством во Внутренний Китай. Ныне ежегодная прибыль китайцев-эмигрантов в оазис Са-цзан-ца и другие производительные местности Джунгарии очень незначительна. Эта страна, как выше замечено, заселяется преимущественно дунганцами, а китайцы, опасаясь повторения резни, не рискуют эмигрировать в нее большими массами.

Наши спутники-монголы работали в оазисе Са-цзан-ца сряду пять лет и успели за это время ознакомиться очень хорошо с жизнью населяющих его китайцев. По их показанию, большинство обитателей оазиса живет не только безбедно, но даже вполне обеспеченно. В числе их есть немало богатых, нанимающих по нескольку работников и засевающих много пшеницы и риса. Эти богатые китайцы сами вовсе не работают, а только распоряжаются и присматривают за наемниками. Женщины как бедных, так и богатых семейств никогда не участвуют в полевых работах, кроме огородных.

Новые переселенцы, прибывающие ежегодно в оазис в небольшом числе из Внутреннего Китая, в первые годы терпят нужду, и беднейшие из них часто приходят просить милостыню у своих соотечественников-старожилков. Им подают обыкновенно хлеб и очень редко деньги.

Жители оазиса Са-цзан-ца засевают преимущественно пшеницу, немного риса и гороха, а из кормовых трав люцерну. Огородные овощи—капусту, огурцы, редьку, морковь и лук, а также картофель—разводят в изобилии на каждой ферме. Крупного рогатого скота у фермеров очень мало, лошадей же достаточно, а овец они содержат в избытке. Молока и вообще всех молочных продуктов китайцы не употребляют в пищу и никогда не доят ни коров, ни овец. Мясо едят очень редко, только в большие праздники, довольствуясь почти одной растительной пищей.

За невест уплачивают денежный выкуп от 50 до 200 лан (115 — 160 рублей). Свадьбы у богатых справляются очень пышно; гостей со-

бирается до 200 человек, приглашают музыку и пируют три дня; причем женщины веселятся всегда отдельно от мужчин, на половине хозяйки дома.

Последний переход до реки Манас мы сделали по северо-западной части оазиса Са-цзан-цза, носящей название Сы-чи. На этой станции фермы встречались еще реже, чем на предыдущем переходе; местами расстояния между ними простирались до пяти верст. На половине перехода дорога поворачивает круто к западу, а севернее ее тянется до самой реки полоса мелких песчаных бугров, выдающаяся в этом месте на юго-западе от больших гученских песков. Миновав последнюю жилую ферму оазиса, мы прошли верст пять по пустынной местности и достигли реки Манас, на берегу которой экспедиция разбила лагерь для ночлега.

Река Манас* многоводна и течёт довольно быстро. В том месте, где мы на нее вышли, она имела почти сажень глубины, до 20 сажень ширины и была покрыта льдом только около берегов. По левому берегу ее тянется лесная полоса из ильма, тополя и джиды, почти в две версты ширины, с густыми зарослями камыша, облепихи, розы и других кустарников. В этих зарослях живут кабаны, тигры и множество фазанов. Наши охотники в день прибытия на реку убили 17 фазанов в течение только одного часа. Одновременно с ними охотились на тех же птиц на левом берегу Манаса китайцы из соседнего оазиса Са-ван. Не умея стрелять на лету, они выжидали времени, когда фазаны перед закатом солнца взлетали для ночлега на деревья. Тогда китайцы подкрадывались к ним и стреляли. Весь вечер, пока не стемнело, продолжалась почти непрерывно пальба китайских охотников, доставившая им, вероятно, богатую добычу.

К западу от оазиса Са-цзан-цза расположен не менее обширный оазис Са-ван, отделенный от первого рекой Манас. Он населен китайцами, живущими также рассеянно, как и в оазисе Са-цзан-цза. Оазис Са-ван орошается арыками, выведенными из реки Манас и ее левого притока Чуан-шуй, или Шу-цзё-хё, образующегося из ключей немного южнее этого оазиса.

От ночного мороза с 14-го на 15 декабря в -20° Цельсия с лишком река Манас покрылась льдом; только немногие быстрины остались незамерзшими. Сняв лагерь, мы направились вниз по правому берегу этой реки. Долина ее на протяжении первых двух переходов окаймлена с северо-востока помянутой полосой мелких песчаных бугров, обрывающейся к ней довольно крутым, местами зазубренным склоном. Эти зазубрины, выдающиеся в долину в виде мысов, пересекаются изредка дорогой, пролегающей большей частью по самой долине, которая на правом берегу почти сплошь покрыта зарослями камыша и лишь в немногих местах кустарниками. По левому же берегу реки тянется лентою около двух верст ширины смешанный лес из ильма, тополя и джиды с густыми зарослями тростника и кустарников.

Пройдя в первый день по долине реки Манас 20 верст, мы остановились ночевать на правом берегу. Лед на реке был уже настолько прочен, что мы свободно переходили через нее на ночлежном месте.

На первой половине следующей станции в долине реки Манас, называемый Баш-чий, стояло несколько юрт китайских киргизов, пасших

* По-китайски Манас-хё, по-монгольски Манас-гол, а по-киргизски Манас.

большой табун лошадей в обширных зарослях чия (*Lasiagrostis*), покрывающего в этом месте долину. Названный злак появляется в долине Манаса только с урочища Баш-чий (Головной, или Верхний чий), которое и получило от него свое название. Мы пригласили одного из киргизов в проводники до следующего киргизского стойбища, отстоявшего в двух переходах от местности Баш-чий.

На третьей станции дорога около 16 верст пролегает по долине реки, а потом поднимается на песчаные бугры, подходящие в этом месте к реке, и следует по ним около 10 верст. С бугров, поросших саксаулом и полынью, мы увидели на западе, за прибрежным лесом, широкую полосу таких же мелких песчаных образований, уходившую в западном направлении за горизонт. Киргизы, кочевавшие в долине Манас, утверждали, что эти пески простираются очень далеко от реки на запад и оканчиваются близ большой дороги из Шихо в Дурбульджин. Они отделяются восточнее реки Манас от больших гученских песков в виде длинного песчаного полуострова, пересекаемого долиной этой реки, от которой тянутся к западу почти на три дня пути. В них и в больших гученских песках, состоящих из высоких барханов с зарослями высокого саксаула, живут, по свидетельству киргизов, дикие верблюды, лошади и множество куланов. Эти животные во все времена года нередко приходят в долину реки Манас и пасутся там иногда при отсутствии людей долгое время.

В песчаных буграх дорога раздваивается: одна ее ветвь идет на северо-восток по пустынной местности, а другая — круглая — по долине реки Манас. Киргизы советовали нам направиться по этой последней. Повернув почти прямо на запад, мы вскоре спустились с песчаных бугров в долину Манас и разбили лагерь для ночлега на урочище Кен-тюбе. В этой местности сохранились следы обширных пашен, но остатков строений нигде не было заметно.

С урочища Кен-тюбе караван продолжал путь по долине реки Манас; на первых четырех верстах очень часто встречались следы пашен и орошавших их арыков, но развалин мы не замечали вовсе. Далее дорога пролегает по солончаковому пустырю, покрытому низкорослым саксаулом и изредка тамариском, удаляясь версты на три от реки. Ниже помянутого урочища лесная полоса на левом берегу Манаса оканчивается, заменяясь небольшими рощами и купами ильма, сопровождающими реку; полоса же песчаных бугров, простирающаяся к западу от Манаса, обрывается на север небольшим увалом, а пески, залегающие к востоку от той же реки, удаляются от нее верст на 30. По пустынной равнине между этими песками и рекой тянутся изредка узкие и низкие грядки.

В 18 верстах ниже урочища Кен-тюбе, на правом берегу Манаса, находятся развалины большого китайского поселения, которое было обнесено стеной. Внутри обвалившейся ограды сохранились основания домов и почти совершенно уцелела кумирня, а вокруг ограды разросся густой ильмовый лес.

В этот день мы остановились на ночлег на берегу реки Манас, в местности Дагай-чуге. Тут мы снова встретили киргизов с табунами лошадей. Мне хотелось непременно проследить течение реки Манас до самого устья, до которого оставалось пройти не более 40 верст, но киргизы уверяли, что его можно достигнуть только пешком. По их показаниям, река Манас в 25 верстах ниже урочища Дагай-чуге вступает в весьма

обширную плоскую котловину, наполненную почти повсюду водой и поросшую высоким тростником. В этих необозримых зарослях тростника существует множество малых открытых водных пространств и несколько довольно обширных озер. Пройдя верст 15 в виде узкого, но весьма глубокого канала среди тростника, Манас изливается в большое пресное озеро Телли-нор. Движение с караваном по льду и в зарослях тростника было совершенно невозможно, а потому я вынужден был отказаться от продолжения пути по реке и направить экспедицию, по указанию киргизов, круглым путем, обгибая помянутую котловину с юго-запада.

На следующий день мы перешли по льду на левый берег реки Манас, которая в нижнем течении суживается до 10 сажен и направляется к северо-востоку. Тотчас же за рекой экспедиция поднялась на возвышенность, простирающуюся на необозримой равнине в виде длинного острова и покрытую малыми песчаными буграми. В них мы заметили восемь диких верблюдов, пасшихся верстах в четырех от дороги. Четверо наших казаков немедленно сняли с винтовок чехлы и стали подкрадываться к верблюдам. Завидев еще версты за три приближавшихся к ним людей, верблюды вытянули шеи и, простояв в таком положении минуты две, помчались рысью с такой невероятной быстротой на юго-запад, что никакая лошадь не могла бы приблизиться к ним даже на несколько десятков сажен с того момента, когда они пустились в бегство. Не прошло и 10 минут, как верблюды, сбежавшие уже с высоты на равнину, совершенно скрылись из вида казаков, и только по едва заметным вдали на горизонте столбам поднимаемой ими пыли можно было еще минут 10 следить за их движением, а потом и пыли стало не видно.

Спустившись с высоты, мы прошли верст восемь по пустынной солончаковой равнине и остановились ночевать близ юго-западной оконечности помянутой плоской котловины. Эта обширная впадина, простирающаяся с северо-востока на юго-запад с лишком 60 верст в длину, имеет около 30 верст ширины и покрыта высоким тростником, растущим повсюду, кроме узкой прибрежной полосы, в воде. Среди необозримых зарослей тростника, покрывающих описываемую впадину, находится множество малых, свободных от него озер и одно довольно большое озеро Согот, простирающееся до 18 верст в окружности, а северо-восточная часть ее занята обширным пресным озером Телли-нор, принимающим с юго-запада реку Манас. Эта последняя, как выше замечено, доходит до него в виде тихого и узкого, но глубокого канала, извивающегося среди тростниковых зарослей. По обеим сторонам канала тянутся цепями продолговатые, возвышенные острова, осененные одиночными ильмовыми деревьями. Такие же острова, покрытые мелкими песчаными буграми, встречаются изредка и в юго-западной части впадины. Весьма плоское побережье этой необъятной котловины покрыто низкорослым саксаулом и солянками, а около опушки тростника растет еще рогозник (Турфа).

Утром при ясной погоде с ночлежного места можно было отчетливо различать на северо-западе Джаирские горы, опускающиеся весьма пологим склоном на юго-восток, к котловине. Сняв лагерь, экспедиция пересекла по льду неширокий залив, поросший камышом, и направилась вдоль окраины впадины к северо-западу. Встретив на пути небольшой прибрежный холм, я взобрался на его вершину для обозрения котло-

вины с высоты и увидел в ней оттуда несколько малых озер, белевших от покрывавшего их снега среди серо-желтых зарослей тростника, а также ряд песчаных островов, возвышавшихся в юго-западной части впадины. На половине перехода я поднялся на плоскую высоту, подходящую к описываемой котловине с юга-запада и обрывающуюся на северо-востоке весьма крутым склоном. С этой высоты видно было в котловине еще более малых озер, чем с холма; в том числе два около пяти верст в окружности. Песчаные острова заметны были только в юго-западном углу впадины, а на остальном пространстве ее, которое можно было обозреть с высоты, я не усмотрел ни одного острова.

Близ помянутой высоты мы вышли на торную дорогу, ведущую с почтового тракта на речку Орху, и повернули по ней к северо-востоку, обогнув таким образом впадину с юго-запада. На новой дороге нам попали навстречу киргизы, гнавшие стадо овец в 700 голов на продажу в Манас. От них мы узнали, что на северном склоне Джаирских гор лежит глубокий снег и потому движение по прямой дороге через эти горы в Дурбульджин очень затруднительно. Киргизы советовали нам продолжать путь вдоль северо-западной окраины впадины мимо озера Теллинор на речку Орху, а оттуда к кумирне Матэня, от которой ведет очень хорошая дорога в Зайсанский пост. Те же встречные киргизы сообщили мне, что огибаемая нами впадина носит у них общее название Сарыкуль и что в ней находится множество малых озер, большинство которых можно видеть с соседних Джаирских высот. По их словам, в прибрежных тростниках котловины живет множество кабанов, а летом в ней гнездится несметное число плавающих и болотных птиц.

Пройдя верст девять по новой дороге вдоль северо-западной окраины котловины, экспедиция разбила лагерь для ночлега. В этом месте, так же как и на предыдущем ночлежном пункте, тростник саженьях в 10 от своей наружной опушки рос уже в воде, а далее от нее в котловине встречались небольшие озера, покрытые прочным льдом, из которых мы брали воду. Она повсюду была пресная, но пахла немного тростником и сернистым водородом.

Следующую станцию мы прошли в том же северо-восточном направлении вдоль окраины озерной впадины, окаймленной с северо-запада подножьем Джаирских гор. Ближайший к ней кряж этих гор, простирающийся с юго-запада на северо-восток, опускается к котловине весьма отлогим склоном, прорезанным в юго-восточном направлении отлогими же и длинными лощинами. С него не стекает в озерную котловину ни одного ручья и не заметно даже сухих русел временных потоков.

В конце перехода мы увидели среди зарослей тростника озеро Согот, имеющее около 18 верст в окружности. Малые же озера очень часто мелькали своей белизной в этих необозримых зарослях.

В ночь с 21-го на 22 декабря выпал небольшой снег, а утром был мороз в 27° Цельсия.

Продолжая путь вдоль северо-западной окраины впадины, мы заметили в тростнике два длинных, но узких озера, лежащих к северо-востоку от озера Согот. На половине перехода я поднялся на плоский отрог кряжа Джаира и увидел оттуда наконец на востоке озеро Теллинор. Оно простирается в длину с севера на юг почти на 25 верст, наибольшая его ширина около 15 верст, а окружность — до 70 верст. На юге и западе озеро окаймлено высоким тростником; восточный же берег его возвышен и покрыт песчаными буграми, которые служат преддверием

больших гученских песков, залегающих к юго-востоку от озера. В той стороне видна была вдали на горизонте высокая песчаная гряда, простиравшаяся с северо-востока на юго-запад. Глубина Телли-нора, по сделанным нами промерам в расстоянии 100 сажен от внутренней опушки камыша, оказалась в среднем всего 4 фута, а вода во всех прорубях была пресная. В озере, по словам окрестных торгоутов, живет много рыб, а летом на нем гнездится масса плавающих и болотных птиц.

Из озера Телли-нор, лежащего, по моему измерению, на высоте 960 футов над морем, вытекает на северо-восток узкая и тихая, но очень глубокая речка Хол. Она течёт в крутых, обрывистых берегах, поросших тростником, и теряется верстах в 70 от озера в песчаной полосе, выдающейся с юга на север от больших гученских песков в виде полуострова. Этот песчаный полуостров, имеющий всего версты три ширины, отделяет место исчезновения названной речки от соленого озера Харадабасун-нор около 10 верст в окружности, питающегося, по всей вероятности, водами той же речки Хол, просачивающимися через песок.

На озеро Телли-нор и вытекающую из него речку Хол приходит много диких верблюдов и куланов из южной песчаной пустыни. На них ежегодно охотятся торгоуты, зимующие на соседней речке Орху. Через речку Хол, имеющую не более трех сажен ширины, перекинут близ ее истока мост, по которому проходит дорога, оставленная нами близ урочища Кен-тюбе в долине Манас и пролегающая по восточному берегу озера Телли-нор.

Плоский кряж Джаира, окаймляющий с северо-запада озерную котловину, в северо-восточном направлении постепенно понижается, а прорезающие его многочисленные поперечные лощины, по мере уменьшения высоты кряжа, становятся все более и более обрывистыми, переходя постепенно в мелкие балки.

Переночевав на западном берегу Телли-нора, близ опушки высокого тростника, мы миновали утром открытый залив, которым оканчивается на северо-западе это озеро, а от залива продолжали путь на северо-восток по пустынной, щебневатой равнине.

Крайний юго-восточный кряж Джаира близ помянутого залива поворачивает на север и оканчивается верстах в 20 от него. К северо-западу от этого кряжа простирается в том же направлении другой более высокий кряж той же системы, за которым были видны вершины третьего, или главного, хребта, направляющегося точно так же сначала на северо-восток, а потом на север. Между означенными кряжами, оканчивающимися на необъятной равнине к северо-западу от озера Телли-нор, залегают широкие пустынные долины, открытые с севера.

На пути от озера по пустынной равнине мы пересекли ручей, текущий в Телли-нор с северо-запада; узкая долина его покрыта зарослями камыша, кустарников и изредка тополевыми рощицами; далее мы миновали теплый ключ, бьющий из плоского бугра и образующий ручеек, а потом перешли помянутую дорогу в Дурбульджин, огибающую озеро Телли-нор с востока, от которой следовали по зарослям приземистого саксаула до самого ночлежного места на урочище Шарыкуль. Эта местность, лежащая у подошвы плоской высоты, орошена многоводным ручьем и покрыта кучами тополя, кустарниками и камышом.

С урочища Шары-куль мы поднялись на возвышенную дресвяную равнину, с которой, благодаря необыкновенно ясной погоде, можно было обозревать отдаленнейшие окрестности. На северо-западе мы ясно различали мощный юго-западный отрог Тарбагатая — Уркашар, покрытый, как казалось, сплошь снегом, а ближе в той же стороне отчетливо были видны северные оконечности всех трех кряжей Джаира, разделенных широкими долинами.

Высокая равнина, по которой мы шли, прорезается с северо-запада на юго-восток широкой и глубокой балкой ручья Цзерен-булак, покрытой редким тополевым лесом. Перейдя эту балку, мы продолжали путь по дресвяной равнине, поднимающейся еще выше над сопредельной юго-восточной ровной же пустыней. Отсюда мы увидели на востоке верстах в восьми от дороги озеро Айрик-нор, к которому высокая равнина, пересекаемая дорогой, опускается медленно, едва заметным склоном. Оно простирается до семи верст в длину, до трех верст в ширину и около 17 верст в окружности. Айрик-нор принимает с северо-запада многоводную речку Орху и не имеет стока. Вода в нем соленая, почему в озере не живут ни рыбы, ни моллюски, но оно замерзает каждую зиму на четыре месяца; солончаковые берега озера плоски и бесплодны.

Пройдя верст девять по плато, мы спустились в глубокую и широкую долину речки Орху, окаймленную высокими обрывами. Долина почти повсеместно покрыта камышом, зарослями различных кустарников, а близ речки еще и тополем. На северо-восточной окраине долины, орошаемой речкою Орху, стояло несколько десятков монгольских юрт, около которых мы разбили свой лагерь. В этой долине, среди добродушных торгоутов, нам суждено было провести праздник Рождества в расстоянии всего 120 верст от рубежа родной земли.

От торгоутов, стоявших в долине Орху, я собрал некоторые сведения об окрестной стране. Они подробно описали мне речку Хол, вытекающую из озера Телли-нор, в долине которой ежегодно зимой охотятся на диких верблюдов и куланов, а также озеро Хара-дабасун-нор, отстоящее в двух днях пути к северо-востоку от Телли-нора. О речке же Орху они сообщили, что она берет начало в горном узле Тарбагатая, от которого расходятся хребты Хатын-ула, или Семис-тай, на восток и Уркашар на юго-запад. Сначала Орху течёт на юго-восток, потом на восток и наконец снова в юго-восточном направлении. Она принимает справа приток Мукуртай, образующийся из множества источников на обширном урочище того же названия, лежащем близ северной оконечности главного Джаирского хребта. Местность Мукуртай, обильно орошённая многими источниками и покрытая прекрасной травой, славится во всей окрестной стране наилучшим равнинным пастбищем. На этом урочище, в густых зарослях кустарников, живет много фазанов, не встречающихся уже севернее его нигде в Джунгарии.

В двух днях пути к северо-востоку от озера Айрик-нор лежит обширная и, судя по рассказам торгоутов, весьма низменная солончаковая впадина Кобук-сар, в которой иссыкает речка Кобук, текущая с северо-запада, из Тарбагатая. Названная впадина, простирающаяся до 30 верст в длину и до пяти в ширину, довольно обильно орошена пресными источниками и покрыта зарослями камыша, кустарником, а местами тополем. В ней зимует большая часть торгоутов окрестной страны; в летнее же время она, по причине сильных жаров и появления множества насекомых, изнуряющих скот, остается необитаемой.

На речке Орху мы простились с нашими спутниками-торгоутами, следовавшими с экспедицией с оазиса Са-цзан-цза. Они отправились в свои улусы, на урочище Кобук-сар, до которого от нижней Орху считается два дня пути в северо-восточном направлении по бесплодной пустыне. С той же речки я отправил двух местных торгоутов вперед в Зайсанский пост с извещением о прибытии туда в скором времени экспедиции, для которой просил приготовить квартиру.

26 декабря мы прошли небольшую станцию вверх по долине Орху, которая к северо-западу от ночлежного места внезапно суживается, потом опять расширяется до пяти верст, а речка переходит на юго-западную ее окраину. Переправившись через быструю Орху, которая, несмотря на сильные морозы, была еще во многих местах не покрыта льдом, мы миновали заброшенный китайский форт, занятый зимовками киргизов. Вокруг него и в окрестностях стояло много киргизских юрт и паслись местами стада.

Долина Орху разделена между зимующими в ней торгоутами и киргизами так, что в нижней ее части, от форта до озера Айрик-нор, стоят торгоуты, а выше форта — киргизы. Немного ниже этого форта в Орху впадает справа маленькая речка, выходящая из весьма глубокой и узкой балки.

От форта дорога пролегает по лесистой местности долины верст семь до ручья Кендырь-булак, или Улусту-булук (по-монгольски), у которого мы остановились на ночлег. Этот многоводный ручей, состоящий из многих источников, образует солончатое озерко Улусту-нор, имеющее около шести верст в окружности и лежащее на северо-восточной окраине долины, близ высокого обрыва. Выше истока Кендырь-булака речка Орху на протяжении верст 40 течёт с запада на восток уже в узкой долине, окаймленной высокими же обрывами.

С ручья экспедиция повернула прямо на север и, пройдя немного по долине, поднялась на ее высокий берег, на котором пересекла низкую насажденную гряду Орхун-ула. С этой короткой гряды мы спустились на пустынную равнину Сырхын-гоби и следовали по ней до самого вечера.

Названная равнина представляет обширную и весьма плоскую впадину, сообщающуюся на юго-западе посредством широкой лощины, переходящей, повидимому, в балку, с долиной речки Орху. С юга она замкнута помянутой низкой грядой, с востока и запада — отдельными степными кряжами Хара-сэрке и Арат, а на севере окаймлена отлогим предгорьем хребта Семис-тай, который нам предстояло пересечь.

Последние восемь верст мы прошли по возвышенному плато, покрытому плоскими буграми и изрезанному множеством мелких оврагов. В этой пересеченной местности экспедиция ночевала у источника Толай-булак.

Весь следующий небольшой переход экспедиция сделала по весьма отлогому и пустынному южному предгорью хребта Семис-тай, подымаясь постепенно к его подножью. На пути мы встретили только одну узкую полосу растительности, покрывающей берега ручья Балтыбулук.

Достигнув подошвы хребта, мы остановились на ночлег у многоводного ручья Байн-булук. С окрестных высот был ясно виден на востоке отдельный кряж Салбыр, возвышающийся на весьма значительном плоском поднятении, как бы на пьедестале. Хребта же Уркашар, отстоящего,

по свидетельству проводников, от ночлежного места в двух днях пути на запад, мы не могли усмотреть.

Подъем на хребет Семис-тай с юга отлог, в особенности на первой половине. Дорога пролегает вверх по узкой долине ручья Баин-булук и в 12 верстах от подошвы хребта восходит на вершину перевала Орылгун-дабан, поднимающегося только на 4530 футов над уровнем моря. Спуск с перевала гораздо круче и короче подъема: мы быстро сошли по ущелью на предгорье и, пройдя по нему версты три вдоль подножья хребта Семис-тай, спустились в долину речки Кобук. При сильной встречной буре, залеплявшей глаза то снегом, то песком, экспедиция прошла вверх по этой долине верст девять на северо-запад и разбила в ней лагерь для ночлега у источника.

Хребет Семис-тай, или Хатын-ула, как называют его торгоуты, есть восточный отрог Тарбагатай, вагибающийся близ своей оконечности к юго-востоку. Южный склон его отлог, а северный очень крут, в особенности западнее перевала Орылгун-дабан, верстах в 15, где хребет достигает наибольшей высоты и падает почти отвесно на север. По причине чрезмерной крутизны северного склона хребта Семис-тай, с него не стекает в речку Кобук ни один постоянный приток, но зато после каждого сильного дождя оттуда, по словам местных торгоутов, несутся стремительные потоки, очень скоро иссякающие по прекращении ливня. Кроме перевала Орылгун-дабан, через Семис-тай ведут еще два прохода — Мышлетэ и Сы-дабан, отстоящие в 10 и 16 верстах к западу от первого. Оба они имеют очень крутые северные склоны и потому почти вовсе недоступны для караванов.

Верстах в 15 восточнее перевала Орылгун-дабан хребет Семис-тай поворачивает на юго-восток и, пройдя верст 20 в новом направлении, оканчивается на правом берегу речки Кобук. В двух днях пути к юго-востоку от его оконечности лежит помянутая выше солончаковая впадина Кобук-сар, а в расстоянии одного перехода от нее на юг находится соленое озеро Хара-дабасун-нор, питающееся, как выше замечено, по всей вероятности, водами речки Хол, которая теряется близ него в песках.

Сделав большой переход по долине речки Кобук, мы вышли к буддийской кумирне, построенной лет 30 тому назад торгоутским князем Матэнем и носящей в память о нем название его имени. Ныне она запущена и очень редко посещается богомольцами, но в прежнее время при ней жило много лам и существовала библиотека из священных книг на тибетском языке⁵¹.

В этот день мы ночевали у самой кумирни Матэня, на высоте около 5650 футов над морем. Долина Кобука в окрестностях кумирни была покрыта снегом около семи дюймов глубины. Вечером 30 декабря термометр Цельсия показал -27° , а на следующее утро опустился до -40° .

При сильном холоде мы направились на запад, в горы хребта Тарбагатай, сочленяющегося к северо-западу от кумирни с весьма высоким хребтом той же системы — Сауром, имеющим снеговые вершины. Дорога, ведущая от кумирни Матэня в Зайсанский пост через проход Кергентас, пересекает Тарбагатай в седловине, к северу от которой этот хребет быстро поднимается, как бы уступом, и примыкает к Сауру⁵².

Первую половину перехода по горам Тарбагатай мы сделали беспрепятственно, но зато на второй, спустившись в узкую долину речки

Цаган-гол, встретили глубокий снег, в котором наши верблюды ежеминутно проваливались, и их приходилось развьючивать, поднимать и потом снова навьючивать. Наконец, выбравшись с большим трудом из глубокого снега, мы остановились ночевать на свободной от него площадке, покрытой хорошим кипцом. Солнце, склонявшееся уже к горизонту, так сильно пекло в этой высокой местности, как на равнинах в апреле, и наши измученные животные, обрадовавшись теплой погоде, весело паслись на тучном лугу.

Утром при морозе в 30° Цельсия мы поднимались постепенно версты три на плоский перевал Керген-тас, возвышающийся на 6 360 футов над морем. На вершине его мы остановились у пограничного знака для определения высоты и с радостным чувством вступили после долгого странствования на родную землю. Окончив наблюдение, мы стали медленно спускаться с перевала и были застигнуты в пути сильной бурей, продолжавшейся до самого вечера. В конце станции, когда мы стали приближаться к Чиликтинскому плоскогорью, ветер дул с такой силой, что верблюды не могли держаться на оледенелой слегка дороге и часто падали.

Изнуренные и сильно прозябшие, с большим трудом дошли мы до барака на Чиликтинском плоскогорье, в котором располагается летом наш передовой отряд.

При таких удручающих условиях пришлось нам провести первый день Нового, 1891, года, бывший вместе с тем днем нашего вступления в родную страну.

Следующий переход мы сделали по междугорному Чиликтинскому плато. После бури день был совершенно тихий, безоблачный и теплый.

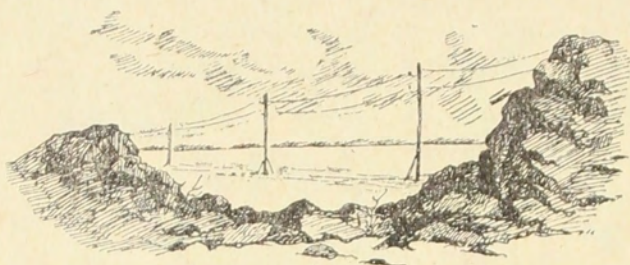
Плато повсюду покрыто кипцом и полынью; по сторонам дороги видны были зимовки киргизов и многочисленные стада скота. На ночлег мы расположились в киргизском стойбище, в котором мне с сотрудниками отвели теплую комнату в глиняном домике, убранную коврами и казавшуюся нам роскошным салоном после долгой жизни в открытом поле, в палатке и юрте.

От зимовки мы прошли еще версты три по Чиликтинскому высокому плато, а потом поднялись с него немного по отлогому склону на хребет Манрак, окаймляющий это плато с севера. Спуск с Манрака на север несравненно круче и длиннее подъема с юга. Северный склон хребта покрыт очень хорошей растительностью, в особенности долины и лощины, в которых находилось множество киргизских зимовок и паслись повсюду стада. В одной из лощин мы остановились на ночлег и поместились опять в теплой комнате, убранной еще лучше, чем на предыдущем ночлеге. Поздно вечером приехал из Зайсанского поста приветствовать экспедицию помощник уездного начальника, посещение которого доставило нам большое удовольствие.

Наконец последнюю станцию до Зайсанского поста мы шли сначала по горам Манрака, с которых, благодаря необыкновенно ясной погоде, видели на северо-западе озеро Зайсан, казавшееся с высоты огромным белым овалом, опущенным жёлтой каймой тростника. С предгорья же хребта мы заметили телеграф, направляющийся вдоль большой дороги из поста в Семипалатинск, и с восторгом приветствовали этот первый попавшийся нам на глаза признак цивилизации, связующий отдаленную, глухую окраину нашего отечества с образованным миром.

За три версты от поста экспедицию встретил зайсанский уездный начальник А. К. Линден с представителями населения, почтившего нас своим приветом. Обнявшись со старыми знакомыми и поблагодарив остальных представителей, мы пересели в сани и понеслись в Зайсанский пост; на улицах его по всему пути до отведенной нам квартиры теснились толпы народа, собравшегося посмотреть на приезд своих соотечественников из далекого путешествия по чужим краям.

Так завершилось наше продолжительное странствование по Кашгарии, северной окраине Тибета и Джунгарии, описание которого я оканчиваю этими строками.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Астрономические наблюдения для определения географического положения мест.

II. Магнитные наблюдения.

III. Барометрические определения высот.

IV. Метеорологические наблюдения в связи с расспросными сведениями, собранными от туземцев Восточного Туркестана, о климате этой страны.

V. Измерение скорости распространения звука в разреженном воздухе на Тибетском нагорье, на высоте около 13 880 футов над уровнем моря и давлении около 0,6 атмосферы.

I

Астрономические наблюдения для определения географического положения мест

Для производства этих наблюдений я имел: 1) пассажный инструмент, приспособленный к наблюдению светил на равных высотах; 2) два столовых и пять карманных хронометров, из которых три были постоянно в работе, а остальные два содержались в запасе; 3) астрономическую трубу Фраунгофера с отверстием объектива в 3 дюйма и увеличиванием в 96 раз на прочной металлической треноге и 4) малый универсальный инструмент Брауера с точностью нониусов на обоих кругах в 20".

Пассажный инструмент, служивший для определения времени и широты, был переделан в механической мастерской Военно-топографического отдела Главного штаба из принадлежавшего мне универсального инструмента Керна. Он имеет ломаную трубу с отверстием объектива 1,7 дюйма, увеличивающую почти в 40 раз, и боковым освещением через горизонтальную ось. Инструмент снабжен вертикальным кругом-искателем с точностью нониусов в 1', а на горизонтальном его круге можно отсчитывать 10". К алидаде вертикального круга припаяна и прикреплена еще винтами медная коробка, в которой находится уровень, замурованный гипсом. Она покрыта сверху стеклянной прямоугольной, равнобедренной призмой, через которую очень удобно отсчитывать показания уровня. Цена одного полуделения этого уровня 284".

По установке алидады вертикального круга-искателя на желаемую высоту она скреплялась с этим кругом нажимным винтом, а потом он поворачивался грубым движением руки так, чтобы алидада с коробкой уровня приняла приблизительно горизонтальное положение. После этого горизонтальная ось инструмента скреплялась нажимным винтом с рычагом, и точное совмещение середины воздушного пузырька уровня с его нулевой чертой производилось уже действием микрометричного винта на этот рычаг.

На диафрагме трубы было натянуто семь горизонтальных нитей в расстояниях от 120" до 150" и две сближенные вертикальные с промежутком 82".

Из пяти рабочих хронометров два шли по звездному времени, а остальные три по среднему, именно:

Столовые	{ Pihl № 67 звездный Tiede № 274 средний
Карманные	{ Wiren № 31 звездный Dent № 6705 средний Haut № 32 средний

Хронометры сравнивались ежедневно и сверх того перед наблюдением для определения времени и после него. Они хранились в двух ящиках, которые на месте и в пути находились всегда в одном большом ящике, покрытом белым войлочным чехлом, и тщательно предохранялись от пыли. В жаркое время войлочный чехол большого ящика ежедневно три раза — утром, в полдень и вечером — слегка смачивался водой. Это неоднократно испытанное мною средство много способствует сохранению постоянства ходов хронометров. В суровое же время я поддерживал постоянство температуры хронометров прелками с теплой водой, которые переменялись от 4 до 6 раз в сутки, смотря по степени холода. При движении экспедиции ящик с хронометрами

перевозился постоянно на одном и том же верблюде и укладывался всегда ему на спине. Опыт перевозки хронометров на спине верблюда показал, что равномерное, ритмическое качание спинного хребта этого животного при движении очень мало вредит постоянству их ходов.

Относительные ходы хронометров и согласие по ним долгот ясно показали, что столовые хронометры всегда шли гораздо равномернее карманных. Поэтому при окончательном выводе долгот я придал среднему выводу по всем трем карманным хронометрам одинаковый вес с долготами, полученными по каждому из столовых.

Астрономическая труба Фрауэнгофера употреблялась для наблюдения покрытий неподвижных звезд Луною и затмения первого спутника Юпитера с целью получения из этих последних наблюдений приближенных долгот.

Малый универсальный инструмент Брауера служил для определения астрономических азимутов при производстве магнитных наблюдений, а также измерения углов при проложении небольшой тригонометрической сети треугольников на Тибетском нагорье, в окрестностях озера Даши-куль.

Для определения времени по способу Цингера* я наблюдал пары звезд до четвертой величины включительно, различающихся своими склонениями не более 2° и притом проходящих через один и тот же альмукантарат близ первого вертикала.

Широты определены также по соответствующим высотам различных звезд, проходивших через общий альмукантарат по одну и ту же сторону меридиана, в расстояниях от 10° до 35° от него**. Прохождение каждой звезды наблюдалось на пяти горизонтальных нитях, а промежутки между прохождениями соответственных звезд допускались не более $5''$. Показания уровня на вертикальном круге-искателе отсчитывались для всякого прохождения.

Долготы большинства пунктов определены перевозкой хронометров, причем опорными точками послужили: город Пржевальск, урочище Тохта-хон, урочище Карасай — пункт на озере Лоб-нор, город Карашар и Зайсан. Долгота Пржевальска переопределена в 1892 г. геодезистом полковником Шмидтом, относительно Верного, имеющего телеграфную долготу.

В нижеследующем списке показаны географические координаты всех 34 определенных мною пунктов в окончательной форме для нанесения на карты и с обозначением мест наблюдений***.

Названия пунктов	Широта	Долгота от Гринвича	Места наблюдений
Древнее мусульманское кладбище на левом берегу реки Яркенд-дарьи	$39^\circ 39,5'$	$78^\circ 48,2'$	Оконечность мыса.
Город Яркенд	$38^\circ 24,2'$	$77^\circ 15,6'$	Предместье Колкачи, пригл. приведение к ю.-з. воротам города $\Delta\varphi = +0,8'$ и $\Delta\lambda = +1,1'$.
Урочище Тохта-хон	$37^\circ 6,0'$	$77^\circ 2,3'$	Приведение к соединению двух сухих русел вост. и южн. $\Delta\varphi = +0,05'$ и $\Delta\lambda = -0,2'$.
Селение Мукойлы	$37^\circ 32,4'$	$78^\circ 18,6'$	Приведение к кладбищу на большой дороге $\Delta\varphi = 0$, $\Delta\lambda = +0,3'$.

* Н. Цингер. Об определении времени по соответствующим высотам различных звезд. Приложение к т. XXV Записок Академии наук. СПб., 1874.

** См. Записки Русского Географического общества по Общей географии, т. XVII, № 5, СПб., 1887.

*** Показанные в списке координаты относятся к местам наблюдений и не исправлены величинами приведений последнего столбца.

Названия пунктов	Широта	Долгота от Гринвича	Места наблюдений
Селение Пиальма	37°17,7'	79°5,0'	Приведение к крайним южным памятникам кладбища $\Delta\varphi = -0,3'$, $\Delta\lambda = +0,2'$.
Город Хотан	37°7,4'	79°53,8'	На речке Ильчи, в 116 саж. выше крутого поворота на северо-запад приблизительное приведение к центру города $\Delta\varphi = +0,1'$, $\Delta\lambda = -1,2'$.
Селение Чира	36°52,6'	80°44,2'	Мельница Ниаска, приблизительное приведение к середине базара $\Delta\varphi = +1,2'$, $\Delta\lambda = +0,3'$.
Город Керия	36°52,2'	81°40,8'	В долине реки, на урочище Хаса, на арыке, в 130 саж. выше мельницы и 1,5 верстах к востоку от базара.
Селение Ния	37°4,6'	82°39,7'	Мечеть Меселембайнын, в части селения Кенсрыке.
Монастырь имама Джафара-Садыка	37°44,4'	82°47,4'	Середина северной окраины монастырского двора.
Слияние ручья Булак-ааши с Толан-ходжей	37°14,0'	83°14,1'	Оконечность мыса между ручьем и рекой.
Селение Кара-сай	36°46,9'	83°48,1'	Валун на правом берегу речки в 200 саж. к северу от ее выхода из ущелья.
Монастырь Люнджилик-ханум	36°40,9'	83°44,3'	Мечеть, на левом берегу речки, на террасе.
Озеро Даши-куль	36°34,9'	84°26,3'	Ю.-в. оконечность песчаникового кряжа, близ берега озера.
Селение Ачан	37°19,2'	85°24,8'	Оконечность горного мыса на правом берегу речки.
Селение Черчен	38°9,4'	85°27,6'	Роца Бостан-амбал-чюшкан близ северной окраины селения.
Урочище Мандалык	37°38,5'	86°31,4'	Приведение к истокам ручья Кель-булак, у подножья хребта $\Delta\varphi = +0,4'$, $\Delta\lambda = -0,1'$.
Озерко Яшиль-куль	36°51,5'	87°24,3'	Северная оконечность озерка.
Урочище Димна-лык	37°44,6'	87°16,5'	У брода через речку Димналык-су.

(Продолжение)

Названия пунктов	Широта	Долгота от Гринвича	Места наблюдений
Урочище Дон-сай	37°51,9'	88°20,6'	На месте наблюдения сложен из дерна холм.
Урочище Юсуп-булак	38°4,6'	89°15,1'	На западной окраине, в 0,2' прямо к востоку от истока ручья.
Озеро Узун-шор-куль	38°23,8'	90°0,0'	В одной версте к юго-западу от озера, где сложена пирамида из камней.
Урочище Аврас-булак	38°54,4'	89°5,6'	В 120 саж. ниже истоков ручья, где сложена пирамида из камней.
Озеро Лоб-нор	39°30,7'	89°1,0'	Приведение к мазару на левом берегу реки $\Delta\varphi = +0,15'$ $\Delta\lambda = -0,2'$.
Урочище Айрылган	40°8,7'	88°20,0'	Переправа через реку, в двух верстах выше устья реки Конче.
Селение Кырчин	40°38,6'	87°19,2'	Памятник отца нынешнего правителя Насырбека.
Селение Карул	41°4,3'	86°32,0'	На левом берегу Угеньдарьи, у переправы.
Селение Курля	41°43,7'	86°9,5'	Мост через проток Карасу по дороге в селение Шинегга.
Город Карашар	42°3,0'	86°35,1'	На левом берегу реки, в 100 саж. ниже переправы. Приведение к восточным воротам крепости $\Delta\varphi = +0,8'$, $\Delta\lambda = -0,7'$.
Селение Ушак-тал	42°13,1'	87°17,6'	Здание почтового пикета на западной окраине селения.
Селение Токсун	42°46,9'	88°40,0'	Мазар Султана Сарыкабаш-ходжи.
Город Урумчи	43°44,8'	87°35,3'	В трех верстах к юго-западу от города на левом берегу речки, приблизительное приведение к южным воротам крепости $\Delta\varphi = +2,1'$, $\Delta\lambda = +0,9'$.
Урочище Баш-чий на реке Манас	44°54,3'	85°33,3'	Между заводью и рекой, у крутого поворота последней на запад.
Урочище Улусту-булук (Кендырь-булак)	46°9,1'	85°37,6'	Начало источника Улусту-булук в долине речки Орху.

Из 34 определенных мною пунктов 8 были определены католическими миссионерами ордена иезуитов — Галлерштейном и д'Эспиньей, в правление китайского императора Цян-луня с 1760 г. по 1765 г. Какими инструментами и способами они определяли географические координаты, осталось неизвестным. До нас дошли только списки определенных ими пунктов с указанием их широт и долгот. В этих списках, между прочим, показаны:

Пункты	Широты	Долготы от Гринвича	Разности с моими определениями	
			по широте	по долготе
Яркенд	38°19'	76°17'	— 6'	— 1°0'
Хотан	37°0'	80°35'	— 8'	+ 0°42'
Чира	36°47'	81°45'	— 13'	+ 1°1'
Керия	36°58'	83°2'	+ 6'	+ 1°23'
Айрылган	40°2'	87°23'	— 7'	— 0°57'
Курля	41°46'	87°16'	+ 2'	+ 1°7'
Карашар	42°7'	87°10'	+ 3'	+ 0°36'
Урумчи	43°27'	88°31'	— 20'	+ 0°55'
Средние абсолютные отклонения:			8'	0°58'

Из этих сопоставлений видно, что широты определены миссионерами еще сносно, исключая город Урумчи, для которого можно подозревать опisku, а долготы их абсолютные и относительные крайне ненадежны. Так, например, по определению миссионеров, Курля лежит на 6' восточнее Карашара, а по моему, вполне согласному со съемкой, — западнее на 25,6'.

II

Магнитные наблюдения

Эти наблюдения заключались в определении магнитного наклона посредством инклинометра Дове и склонения с помощью буссоли с трубкой и малого универсального инструмента Брауера, служившего для измерения астрономических азимутов.

Оба круга инклинометра Дове разделены на полуградусы, и нониусы давали отсчеты с точностью до 1'. К алидаде вертикального круга прикреплена под прямым углом медная линейка с двумя малыми микроскопами на концах, нити которых наводятся попеременно посредством микрометрического движения алидады на концы стрелки. На горизонтальном круге инклинометра находится уровень для приведения этого круга перед всяким наблюдением в надлежащее положение.

Буссоль склонения, которой я пользовался, состояла из обыкновенной цилиндрической коробки 7-дюймового диаметра, вращавшейся в горизонтальной плоскости на стержне треноги с уравнительными винтами. Она имела зеркальное дно и внутреннее кольцо с делениями от 15' до 15', что давало возможность устанавливать правильно глаз и с помощью сильной лупы отсчитывать десятые деления, т. е. 1,5'. К коробке буссоли по направлению диаметра 90° — 270° привинчены две стойки с гнездами, в которых лежит горизонтальная ось инструмента с трубкой, увеличивающей в 12 раз, а на нее устанавливается скоба с уровнем.

Недостаток буссоли заключался в том, что посредством ее нельзя было делать повторительных наблюдений на различных делениях кольца при измерении одного и того же магнитного азимута. Для избежания грубых ошибок в магнитных азимутах я тщательно исследовал деления кольца от 0° до 30°, от 150° до 180°, от 180° до 210° и от 330° до 360°, служившие при определении этих азимутов. Исследование заключалось в сравнении разностей магнитных азимутов многих земных предметов, измеренных на означенных делениях, с величинами углов между направлениями на те же предметы, полученными универсальным инструментом Брауера, и показал отсутствие в них грубых погрешностей.

Для определения магнитного наклона азимутальный круг инклинометра приводился в горизонтальное положение; потом вертикальный круг его устанавливался в

плоскости магнитного меридиана, и горизонтальная ось стрелки опускалась посредством рычага на ребра хрустальных пластинок. По успокоении стрелки на оба ее конца наводились попеременно нити микроскопов, и для каждого наведения отсчитывались показания обоих нониусов на вертикальном круге инструмента. После этого стрелке посредством поднятия и опускания рычага сообщалось колебание в плоскости меридиана и повторялись отсчеты. Затем верхняя подвижная часть инструмента поворачивалась на 180° , и производилось столько же наблюдений, по окончании которых стрелка переключивалась в гнездах на 180° , и повторялся такой же ряд наблюдений, как и до переложения. Наконец, для исключения погрешности от несовпадения центра тяжести стрелки с точкою привеса она перемагничивалась, и производился полный ряд наблюдений при обратном положении ее полюсов. Перед каждым успокоением стрелки нулевая черта уровня на горизонтальном круге действием одного или двух уравнительных винтов совмещалась с серединой воздушного пузырька.

В городе Пржевальске, на урочище Тохта-хон, в Хотане и Нии наклонение определено тремя стрелками, а во всех остальных пунктах — двумя. Точность его, судя по согласию отсчетов, должна быть близка к $2'$. Вообще инклинометр Дове дает очень хорошие результаты, но наблюдения им утомительны.

Определение магнитного склонения заключалось в измерении посредством буссоли магнитного азимута направления на вежу, поставленную не ближе 100 сажен от места наблюдения, и астрономического азимута того же направления универсальным инструментом Брауера.

Вежа устанавливалась всегда в первой или последней четверти окружности, считая от севера через восток. По наведении на нее трубы буссоли, приведенной предварительно в горизонтальное положение, стрелка отпускалась, и отсчитывались в лупу показания обоих концов ее. Потом коробка буссоли слегка поворачивалась в горизонтальной плоскости, а стрелке посредством рычага сообщалось колебание, во время которого труба вторично наводилась на вежу, и по успокоении стрелки отсчитывались показания обоих ее концов. После этого стрелка переворачивалась на стержне внешней поверхности внутрь, и повторялся такой же ряд наблюдений. Затем труба переводилась через зенит, а коробка буссоли оборачивалась на 180° , и производилось столько же наблюдений в прежнем порядке.

Для определения астрономического азимута универсальным инструментом Брауера я наблюдал всегда Полярную звезду, на которую делал восемь наведений при различном положении вертикального круга инструмента и столько же наведений на фонарь, повешенный на вежу.

Астрономические азимуты вычислены по формуле:

$$\operatorname{tg} A = \frac{\sin t}{\omega} \cdot \sec (\varphi + \Theta), \text{ в которой}$$

$$\operatorname{tg} \Theta = \frac{\cos t}{\operatorname{tg} \delta} \text{ и } \omega = \frac{\operatorname{tg} \delta}{\cos \Theta}.$$

Ошибки склонений, судя по согласию результатов отдельных наблюдений при определении магнитных и астрономических азимутов, не должны превышать $2'$.

**Список пунктов, в которых определены магнитные элементы:
наклонение и склонение**

Названия пунктов	Широ- та	Долго- та	Накло- нение	Восточн. склон.	Время наблю- дения по новому стилю
Город Пржевальск	$42^\circ 29,9'$	$78^\circ 22,6'$	$58^\circ 34'$	$5^\circ 51'$	1889 г. 13 и 14 мая, скл. 10^h утра, накл. $1,3^h$ дня.

(Продолжение)

Названия пунктов	Широ- та	Долго- та	Накло- нение	Восточн. склон.	Время наблю- дения по новому стилю
Урочище Тохта-хон	37°6,0'	77°2,3'	52°36'	4°39'	4 и 7 августа, скл. 4 ^h дня, накл. 11 ^h утра.
Город Хотан	37°7,4'	79°53,8'	52°16'	4°11'	7 октября, скл. 4,3 ^h дня, накл. 10 ^h утра 1890 г.
Селение Ния	37°4,6'	82°39,7'	52°25'	4°21'	17 и 18 марта, скл. 3 ^h дня, накл. 11,3 ^h утра.
Озеро Даши-куль	36°34,9'	84°26,3'	51°53'	3°58'	2 и 6 июня, скл. 7 ^h дня, накл. 12,2 ^h дня.
Селение Черчен	38°9,4'	85°27,6'	54°7'	4°8'	12 августа, скл. 6 ^h дня, накл. 2,1 ^h дня.
Озеро Яшиль-куль	36°51,5'	87°24,3'	52°32'	3°55'	5 сентября, скл. 4,2 ^h дня, накл. 1,1 ^h дня.
Озеро Лоб-нор	39°30,7'	89°1,0'	56°10'	4°12'	12 октября, скл. 4,6 ^h дня, накл. 10 ^h утра.
Селение Курля	41°43,7'	86°9,5'	58°26'	5°12'	15 ноября, скл. 5,1 ^h дня, накл. 11,3 ^h дня,
Город Урумчи	43°44,8'	87°35,3'	61°0'	5°25'	15 и 16 декабря, скл. 2,8 ^h дня, накл. 1,3 дня.

II

Барометрические определения высот

Для этих определений я имел барометр Паррота № 67, шкала которого разделена на миллиметры, а резервуар снабжён краном. Барометр перед экспедицией был исследован в Главной физической обсерватории, и поправка его найдена + 0,5^{mm}, а по возвращении сравнен с нормальным барометром Военно-топографического отдела Главного штаба, причем поправка его оказалась + 0,8^{mm}.

Кроме барометра Паррота, в экспедиции имелись еще гипсотермометр Бодэна и анероид Ньютона № 1376. Оба эти инструмента перед путешествием, а гипсотермометр и после него, были исследованы в Главной физической обсерватории; во время же самого путешествия часто сравнивались с ртутным барометром Паррота. Гипсотермометр Бодэна, который употреблял почти исключительно геолог экспедиции К. И. Богданович, в продолжение всего путешествия очень хорошо сохранял свою поправку относительно барометра Паррота. Поправки же анероида Ньютона на весьма высоких

горах Кун-луня и на Тибетском нагорье часто менялись на несколько миллиметров, а потому этот инструмент употреблялся только для измерения небольших высот в Кашгарской котловине В. И. Роборовским во время его экскурсий.

Для измерения температуры воздуха служили два весьма чувствительные термометра Цельсия работы механика Мюллера, исследованные в Главной физической обсерватории. Для наблюдения влажности воздуха из этих термометров, дававших всегда очень согласные показания, составлялся, с помощью деревянной стойки с кольцами и стаканчика, психрометр. Сверх того в экспедиции имелось еще восемь запасных термометров работы того же механика, который определил их поправки, и гигрометр Сосюра.

Высоты всех пунктов, перечисленных в нижеследующем списке, определены лично мною посредством барометра Паррота и вычислены по соответствующим наблюдениям над ближайшими метеорологическими станциями. Так, высоты, определенные в горах Тянь-шаня, вычислены над Верным; в западной и южной частях Кашгарской котловины — над Кашгаром, в горах Кун-луня и на Тибетском нагорье — над английской станцией в городе Ле, в Ладаке; в северо-восточной части Кашгарской котловины — над Верным и, наконец, в Джунгарии — над Зайсаном. Высоты поименованных метеорологических станций, исключая Ле, вычисленные в Главной физической обсерватории из многолетних наблюдений, взяты из «Летописей» этой обсерватории за 1891 и 1892 гг., именно: для Верного — 732 метра, Кашгара — 1 219 метров и Зайсана 612 метров, а для станции Ле по английской триангуляции — 3 506 метров.

Разности высот, не превосходящие 500 метров, вычислены по таблицам Радо*, а более 500 метров — по «Гипсометрическим таблицам», приложенным к «Инструкции для метеорологических станций» Главной физической обсерватории и составленным по строгой формуле Рюльмана.

Высоты некоторых пунктов, почти равноудаленных от двух ближайших к ним метеорологических станций, вычислены по соответствующим наблюдениям над той и другой станцией. Эти вычисления дали следующие результаты:

Пункты	По соответствующим наблюдениям	Абсолютные высоты	
		в метрах	средние
Перевал Бедэль	{ В Верном	4 229	4 224
	{ В Кашгаре	4 220	
Селение Ния (4-месячное наблюдение)	{ В Верном	1 374	1 360
	{ В Кашгаре	1 347	
Селение Кара-сай	{ В Ле	2 967	2 953
	{ В Кашгаре	2 938	
Селение Ачан	{ В Ле	2 893	2 912
	{ В Верном	2 931	
Перевал Чука-даван	{ В Ле	2 867	2 904
	{ В Верном	2 941	
Город Урумчи	{ В Верном	933	948
	{ В Зайсане	963	

Кроме непосредственных определений высот барометром, мною измерены еще с помощью малого универсального инструмента, кипрегеля и мензуры относительные высоты некоторых наиболее выдающихся вершин Кун-луня, а также снеговой линии и нижних концов ледников на его горах. Высоты этой категории отнесены к пунктам, в которых сделано несколько барометрических наблюдений для определения их превышений над уровнем моря. В окрестностях озера Даши-куль, на Тибетском нагорье, я измерил посредством шнура базис в 1 600 сажень и сделал малым универсальным инструментом Брауера тригонометрическую триангуляцию из семи треугольников для определения относительных высот вершин соседних снеговых гор.

* R a d a u. Tables barométriques et hypsometriques. Paris, 1874.

снежной линии и нижних концов ледников, причем зенитные расстояния этих предметов были измерены тем же инструментом. При измерении же прочих относительных высот расстояния до горных вершин и выдающихся точек снеговой линии определены посредством геометрической триангуляции на мензуре, а зенитные расстояния — кипрегелем, дававшим углы с точностью до 1'. Для вычисления рефракции при измерении всех зенитных расстояний наблюдались показания барометра и температура воздуха.

Относительные высоты вычислены по формуле:

$$h = R \frac{\sin Z}{\sin (Z - O)} - R,$$

где R — радиус земной поверхности на нижней станции, Z — исправленное рефракцией зенитное расстояние и O — угол между нормальми станций, определяемый из уравнения:

$$O = \frac{d}{R \cdot \sin 1''},$$

в котором d — расстояние между сравниваемыми станциями.

Список пунктов, высоты которых определены посредством барометра Паррота

Названия пунктов	Число наблюдений	Абсолютная высота		Примечания
		в метрах	в футах	
Нижняя граница ели в Тяньшане на северном склоне хребта Терской Ала-тау, в ущелье Барскоун	3	2 035	6 680	
Верхняя граница ели на том же склоне	3	3 023	9 920	
Высшая точка перевала Барскоун через хребет Терской Ала-тау	1	3 725	12 220	
Высшая точка перевала Бедэля через хребет Кок-шал	1	4 224	13 860	
Урочище Сапыр-бай на реке Таушкан-дарья	3	1 688	5 540	
Высшая точка перевала Дунгарет-мё через хребет Кара-тэке	1	2 644	8 670	
Селение Калпын	2	1 096	3 600	
Поверхность болота Лалмой	2	1 020	3 350	
Поверхность реки Яркендарья у южной оконечности кряжа Гумбес-таг	3	1 030	3 380	
Поверхность реки Яркендарья у постоянного двора Цай-дянь в 12 верстах к югу от селения Аксакмарал	3	1 070	3 510	
Город Яркенд	12	1 163	3 820	
Урочище Тохта-хон	28	2 832	9 290	
Высшая точка перевала Топатаг-даван	1	3 147	10 330	
Нижняя граница ели в горах Кун-луня, близ урочища Тохта-хон	3	3 036	9 960	

Названия пунктов	Число наблюдений	Абсолютная высота		Примечания
		в метрах	в футах	
Верхняя граница ели в тех же горах	3	3 301	10 830	
Селение Кок-яр	2	1 840	6 040	
Селение Кент-сай	2	1 810	5 940	
Селение Мукойлы	3	1 321	4 330	
Селение Пиальма	3	1 305	4 280	
Город Хотан	9	1 302	4 270	
Селение Чира	3	1 370	4 490	
Город Керия	9	1 328	4 360	
Селение Ния	360	1 360	4 460	
Монастырь имама Джафара-Садька	3	1 280	4 200	
Слияние ручья Булак-баши с рекой Толан-ходжа	2	1 366	4 480	
Селение Кара-сай	15	2 953	9 690	
Монастырь Люнджилик-ханум	3	3 238	10 620	
Урочище Баш-булак в долине верхней Ак-су, в Кун-луна	3	3 647	11 970	
Поверхность озера Даши-куль	18	4 229	13 880	
Вершина снеговой горы Актаг в 16 верстах к северо-востоку от озера Даши-куль	18	6 365	20 880	} Определены посредством тригонометрической триангуляции над поверхностью озера Даши-куль
Вершина снеговой горы в шести верстах к северо-востоку от озера Даши-куль	18	6 109	20 040	
Высота снеговой линии на южном склоне Кун-луна, в окрестностях озера Даши-куль (3 точки под 35°40')	18	5 834	19 140	} Определены посредством тригонометрической триангуляции над поверхностью озера Даши-куль
Высота нижнего края ледника на том же склоне	18	5 510	18 080	
Высшая точка перевала через восточный отрог Кун-луна в 30 верстах к югу от озера Даши-куль	2	5 056	16 590	
Тибетское нагорье близ южной подошвы этого отрога	2	4 907	16 100	
Тибетское нагорье в 14 верстах южнее подошвы того же отрога	1	4 921	16 150	
Поверхность реки Моьльджа при выходе из гор	3	2 283	7 490	
Селение Копа	2	2 456	8 060	
Селение Ачан	3	2 912	9 550	

Названия пунктов	Число наблюдений	Абсолютная высота		Примечания
		в метрах	в футах	
Селение Черчен	5	1 239	4 070	
Перевал Чука-даван через хребет Астын-таг (Алтын-таг Пржевальского, Altyn tagh иностранных авторов, Altyn range лейтенанта Сагеу)	1	2 904	9 530	
Урочище Мандалык в долине верхней Черчен-дарьи .	6	3 052	10 010	
Перевал Музлук через хребет того же названия . . .	1	4 710	15 450	
Урочище Кулан-лык на Тибетском нагорье	2	4 412	14 480	
Озерко Яшиль-куль близ подножья хребта Пржевальского (Акка-таг) . . .	3	4 587	15 050	
Урочище Музлук на Тибетском нагорье	2	4 384	14 380	
Урочище Димна-лык на речке того же названия . . .	2	3 506	11 500	
Урочище Кара-чука в долине речки Димна-лык	3	3 960	12 990	
Вершина главной горы в снеговой группе Сулан-таг хребта Алтын-таг	3	5 844	19 170	} Определены инструментально над урочищем Кара-чука
Высота снеговой линии на юго-восточном склоне этой группы (38°0')	3	5 658	18 560	
Перевал Гульджа-даван . . .	1	4 313	14 150	
Урочище Дон-сай в долине речки Гульджа	2	3 967	13 020	
Урочище Гэша в долине речки Тогры-сай	2	3 711	12 180	
Вершина высочайшей снеговой горы в южном хребте Юсуп-алык-таг	2	6 144	20 160	} Определены инструментально над урочищем Гэша
Высота снеговой линии на южном склоне этой горы (38°0')	2	5 739	18 830	
Урочище Юсуп-булак	3	3 480	11 420	
Поверхность озера Узун-шоркуль	3	2 900	9 520	
Высочайшая вершина снеговой группы Юсуп-алык-таг в 30 верстах к западу от озера Узун-шоркуль . .	3	5 807	19 050	} Определены инструментально над озером Узун-шор-куль
Высота снеговой линии на северном склоне этой группы (38°24')	3	5 435	17 830	
Урочище Кош-лаш на речке Ильбе-чимен	2	3 028	9 930	
Перевал Таш-даван через хребет Алтын-таг	1	3 807	12 490	

Названия пунктов	Число наблюдений	Абсолютная высота		Примечания
		в метрах	в футах	
Урочище Аврас-булак (исток ручья)	3	2 173	7 130	
Поверхность озера Лоб-нор	12	807	2 650	
Поверхность реки Яркенд-дарья близ слияния с Конче, на урочище Айрылган	3	816	2 680	
Поверхность той же речки близ селения Кырчин	2	824	2 710	
Поверхность Яркенд-дарьи при выходе из нее протока Кёк-ала	3	838	2 750	
Поверхность Яркенд-дарьи у селения Карул	2	840	2 760	
Селение Курля	6	850	2 790	
Город Карашар	3	932	3 060	
Селение Ушак-тал	5	1 234	4 050	
Селение Токсун	3	— 50	— 160	В отрицательной низменности
Перевал Та-даван через Тяньшань между Токсуном и Урумчи	1	2 156	7 070	
Город Урумчи	6	948	3 110	
Селение Хутубей	2	530	1 740	
Селение Хуан-соху	3	436	1 430	
Урочище Баш-чий на реке Манас	2	377	1 240	
Поверхность озера Теллинор	3	294	960	
Поверхность озера Айриknор	2	230	750	
Исток ручья Улусту в долине речки Орху	2	264	870	
Перевал Орылгун через хребет Семис-тай	1	1 381	4 530	
Перевал Керген-тас через Тарбагатай	1	1 938	6 360	

IV

Метеорологические наблюдения

При частых перемещениях экспедиции, во время которых почти ежедневно изменялась широта места, а по временам в значительной степени и абсолютная высота, правильные наблюдения в установленные срочные часы, по моему убеждению, не могли бы дать удовлетворительных результатов. Поэтому при передвижении экспедиции я производил метеорологические наблюдения только по временам с целью сравнения температуры и влажности воздуха в летние месяцы в одни и те же часы в оазисах и в соседних пустынях, а также определения суточных амплитуд в ясные и пасмурные дни в самой Кашгарской котловине, в горах Кун-луния и на высоком Тибетском нагорье. Кроме того, я старался замечать направление движения облаков, наблюдать строение песчаных образований, выветривание скал и собирать расспросные сведения от туземцев о климате Кашгарии.

Во время зимней стоянки экспедиции в селении Ния мною была устроена там метеорологическая станция, на которой в течение первых четырех месяцев 1890 г.

производились правильные наблюдения в 7 утра, в час пополудни и в 9 вечера над атмосферным давлением, температурою воздуха, влажностью, осадками и ветрами.

Барометр Паррота, служивший для наблюдения атмосферного давления, был повешен в комнате дома, который занимала экспедиция. Психрометр же помещался в сенях, на высоте семи футов от пола, на доске в расстоянии трех футов от окна, обращенного на север, в 4 сажени длины и 2,5 фута высоты. Окно имело решётчатую раму, через которую доступ внешнего воздуха был совершенно свободен. На той же доске, рядом с психрометром, помещались термометр maximum-minimum Сикса и волосной гигрометр Сосюра*. Направление ветра определялось по флюгеру, а сила его измерялась посредством анемометра Робинзона и выражена числом метров в секунду. Облачность обозначалась цифрами от 0 до 10, причем 0 означает ясно, а 10 — небо, покрытое сплошь облаками. В нижеследующей таблице помещены результаты метеорологических наблюдений в Нии. В ней цифры под N, NE, E и т. д. означают число срочных часов в течение месяца, в которые были наблюдаемы ветры соответствующего направления, и силу наблюдаемых ветров в 1^с в метрах.

Селение Ния, 1890 г.

Широта φ = 37°5'

Долгота от Гринвича λ . . = 82°40'

Высота над уровнем моря h = 1 360 метров.

Месяцы	Барометр	Термометр Цельсия	По Цельсию		Влажн.		Облачн.	Число дней			
			max.	min.	Абсол.	Относ.		Ясных	Пасмур.	С осад.	Пыльн. туман
Январь	mm 647,4	—5,3	—0,7	—9,6	—	—	4,8	3	15	5 сн.	—
Февраль	645,6	—1,0	—5,1	—6,2	—	—	5,5	4	16	2 сн.	6
Март	644,6	5,3	12,7	—1,2	—	—	6,4	3	19	—	4
Апрель	642,0	16,0	23,6	10,4	4,1	30	6,4	3	15	1 дождь и гроза	11

Месяцы	N		NE		E		SE		S		SW		W		NW		Бури	Тихо
	число	сила	число	сила	число	сила	число	сила	число	сила	число	сила	число	сила	число	сила		
Январь	1	10	7	7	—	—	—	—	—	—	2	8	8	7	11	6	—	65
Февраль	—	—	14	10	1	10	—	—	—	—	2	15	5	10	4	9	5	57
Март	1	8	15	9	—	—	1	5	1	5	4	12	5	13	5	9	4	60
Апрель	—	—	16	10	1	5	—	—	—	—	8	12	3	15	2	10	14	58

* Гигрометр Сосюра, по которому делались наблюдения в течение первых трех месяцев, вследствие сильных перемен в растяжимости волоска, дал неудовлетворительные показания относительной влажности.

К предыдущим результатам систематических наблюдений, произведенных в Нии, считаю не излишним добавить некоторые замечания о ветрах, облачности, осадках, замерзании и вскрытии рек и пыльных туманах, частью по собственным наблюдениям, частью по расспросам туземцев.

По единогласному свидетельству многих опрошенных туземцев, в Кашгарии во все времена года преобладают юго-западные и западные ветры. После них первое место принадлежит в западной половине страны — северо-западным ветрам, а в восточной — северо-восточным. Эти показания вполне подтверждаются строением песчаных образований, которые я старался тщательно осматривать на всем пути. В Юго-западной Кашгарии песчаные образования, встречавшиеся на пути из Яркенда в Хотан, состоят из низких и узких серпообразных насыпей, обращенных выпуклостями почти прямо к западу, а вогнутостями — к востоку. Западные, выпуклые склоны их очень отлоги и несравненно шире восточных, которые отличаются повсеместно гораздо большей крутизной, ясно свидетельствующей о преобладании западных ветров. В восточной половине страны мелкие песчаные наносы состоят из грядок, простирающихся почти с северо-запада на юго-восток, но не совершенно равноклонных: северо-восточные скаты их несколько круче юго-западных. Колоссальные же песчаные гряды, покрывающие пустыню Такла-макан, тянутся почти в меридиональных направлениях. К северу от Нии, в окрестностях монастыря имама Джафара-Садыка, где я их осматривал, восточные склоны гряд гораздо отложе западных.

На господство западных ветров в Кашгарии указывают также и растения, стебли и ветви которых заметно наклонены к востоку.

В летние месяцы 1889 и 1890 гг. мы наблюдали в западной и южной окраинах Кашгарии весьма странное явление — прохладный ветер из внутренней раскаленной в это время года пустыни Такла-макан, дувший не горизонтально, но сверху под углами от 5° до 10° к горизонту. Описание этого явления помещено в пятой главе настоящей книги.

В горах Кун-луня, по свидетельству горцев, почти ежегодно зимой дует периодически в течение недели и даже целого месяца слабый теплый ветерок с юго-запада, сопровождающийся всегда ясным небом и весьма значительным повышением температуры воздуха, но только в высоких горных областях. В нижних же долинах в это время бывает гораздо холоднее, чем на больших высотах, а потому горцы, сберегая свой скот от холода, переселяются в такую погоду временно на большие высоты и там пагут стада до тех пор, пока не последует смены температур.

Наиболее бурными месяцами в Кашгарии считаются февраль, март и апрель. В течение этих трех месяцев ветры дуют очень часто и нередко достигают силы штормов, в особенности в марте и апреле. В конце апреля они начинают стихать и в летнюю половину года дуют гораздо реже, чем зимой. В сентябре и октябре при ясной погоде преобладают затишья.

Облака в Кашгарии, по моим личным наблюдениям, движутся исключительно с юго-запада, с запада и северо-запада. Из других частей горизонта я никогда не замечал движения облаков. Совершенно такое же заключение о направлении движения облаков высказывали мне все опрошенные туземцы.

Наибольшая температура воздуха, наблюденная мною при следовании экспедиции по долине Яркенд-дарьи в конце июня 1889 г., была $38,9^\circ$, а наименьшая в это время $20,4^\circ$ по Цельсию. В оазисах, осененных деревьями и орошенным множеством арыков, она днем на $5-6^\circ$ ниже, чем в пустынях, а ночью почти на столько же градусов выше. Следовательно, суточные амплитуды в пустынях на $10-12^\circ$ бывают больше, чем в оазисах. В июне и июле 1889 г., по моим наблюдениям, суточные амплитуды в оазисах простирались до 15° , а в пустынях до 20° . В течение этих месяцев небо было покрыто днем легкой облачной пеленой, а ночи были почти всегда пасмурные. Абсолютная влажность в оазисах в те же месяцы колебалась от 10 мм до 12 мм среди дня и от 8 мм до 10 мм вечером и утром. В пустынях же в околополуденные часы она была от 5 мм до 7 мм , а утром и вечером от 4 мм до 5 мм . В горах и в особенности на Тибетском нагорье суточные амплитуды температуры в летние месяцы и осенью были вообще больше, чем в Кашгарской котловине, и достигали 21° даже при облачном небе, а в совершенно пасмурную погоду простирались лишь до 12° *. Абсолютная же влажность воздуха в это время колебалась там от 2 мм до 4 мм .

* Во время нашего пребывания в Кун-луни и на Тибетском нагорье небо почти всегда было облачно, так что мы не могли получить ни одного показания шахитим-термометра, наибольшей и наименьшей температуры подряд, при совершенно безоблачном небе.

Реки и озера Кашгарии ежегодно покрываются льдом на три зимних месяца: декабрь, январь и февраль (по старому стилю), причем наибольшая толщина его достигает в северной части страны приблизительно 20 дюймов, а в южной только 15 дюймов. В Южной Кашгарии зимует много перелетных птиц, проводящих лето в более высоких широтах.

Кашгария вообще крайне бедна атмосферическими осадками. В самой котловине дожди бывают очень редко и притом не обильны. Они выпадают почти исключительно в июне и июле, а в остальные летние месяцы дождей почти вовсе не бывает. В окраинных горах дожди выпадают преимущественно в июле и бывают гораздо обильнее и продолжительнее, чем в котловине. Однако и в горах дождей недостаточно для хлебных растений: горные пашни в Кашгарии повсюду орошают искусственно, посредством арыков, выведенных из речек, а полей, орошаемых исключительно одними дождями (богарных), там не существует. Между тем в горных местностях нашего Туркестана, лежащих под теми же широтами, такие поля весьма обыкновенны. К этому следует еще добавить, что количество атмосферических осадков, собственно в Кун-луне, постепенно уменьшается в северо-восточном направлении, что ясно заметно по его флоре и подтверждается показаниями горцев.

Грозы чрезвычайно редки в Кашгарии, в особенности в самой котловине. Обитатели ее, совершенно не привыкшие к этому весьма редкому у них явлению, относятся к нему с суеверным ужасом. Когда на западе появится темная грозовая туча, муллы выходят на балконы мечетей и читают во всеуслышание молитву «кнут», которая, по верованию кашгарцев, избавляет от опасностей грозы, а большая часть туземцев запирается в это время в своих домах и молится, пока не окончится гроза.

Снег тоже редко выпадает в Кашгарской котловине и держится большею частью очень недолго: два-три дня и только в исключительных случаях до 10 дней. Толщина снегового покрова колеблется от 1 до 10 линий и очень редко достигает четырех дюймов. В высоких же окраинных горах снега выпадает гораздо больше и он держится там очень долго.

Дождевые, грозовые и снеговые тучи приносятся только юго-западными, западными и северо-западными ветрами. Из других же частей горизонта они никогда не появляются. О направлении влажных ветров можно безошибочно судить по степени выветривания одиноких скал, венчающих открытые со всех сторон горные вершины. Такие скалы я при всяком удобном случае старался тщательно осматривать. Наблюдения этих скал в Кун-луне показали, что западные их склоны выветриваются значительно сильнее, чем остальные: отторженцы, осыпи, выемки, трещины и щели в западных склонах встречаются гораздо чаще, чем в остальных. После западных склонов наиболее подвержены разрушению южные, но не от влажных ветров, а по всей вероятности, от попеременного действия высокой дневной температуры и ночного холода на слагающие их породы.

Пыльные туманы — весьма обыкновенное явление в Кашгарии. Образование их обуславливается ветрами; а потому ветреные месяцы имеют наибольшее число дней с пыльными туманами. После каждой бури, сопровождающейся всегда столь густой пыльной мглой, что во время нее трудно бывает читать среди дня на дворе, пыльный туман, несмотря на последующую абсолютную тишину, продолжается двое и даже трое суток после шторма. В течение этого времени сверху падает постоянно, но очень медленно, тончайшая минеральная пыль, носившаяся в воздухе. Иногда она покрывает поверхность земли слоем в 2—4 линии толщины, и на этой минеральной пороше явственно отпечатываются следы людей, скота, птиц и диких зверей.

Пыльные туманы сопровождаются всегда облачностью неба, которая увеличивается по мере усиления густоты тумана, и сколько мог я заметить, не предшествует, а следует за пыльной мглой. Как только начнется сгущение пыли, вслед за этим сгущаются и облака, и, наоборот, по мере разрежения пыльного тумана, разрежаются и облака.

Во время густых пыльных туманов солнце бывает видимо только около меридиана в течение не более часа, да и то не всегда. Оно кажется тогда тусклым, бледно-фиолетовым диском, на который можно смотреть без ощущения боли не только простым глазом, но даже в маленькую астрономическую трубу походного инструмента без цветного стекла позади окуляра. Цвет луны во время пыльных туманов остается почти неизменным на всех высотах, превосходящих 30°, и только яркость светила значительно уменьшается. Ниже 30° от горизонта луна окрашивается в тусклый багровый цвет.

За неимением точного вертикального круга я, к сожалению, не мог произвести опыта для определения во время пыльного тумана преломления солнечных лучей который меня очень интересовал.

V

**Определение скорости распространения звука в разреженном
воздухе, на высоте около 13 880 футов над уровнем моря
и давлении в 456,8^{mm}**

Для производства этого опыта я взял с собой из Петербурга очень хороший хронограф, измерявший с строгою точностью небольшие промежутки времени; затем, в городе Пржевальске, при содействии командира западно-сибирской конно-горной батареи полковника Я. И. Корюлькова, я приобрел маленькую пушку двухдюймового калибра со станком.

Хронограф, шедший после каждого завода непрерывно всего 1^m и 7^s, был тщательно исследован посредством сравнения со столовым хронометром Tiede, причем между их ходами в течение 1^m не обнаружено из многих наблюдений никакой постоянной разности. Однако из предосторожности я измерял малый промежуток времени между появлением пламени от душечного выстрела и достижением до уха звуковой волны на разных частях его циферблата. Полученные для этого промежутка величины, впрочем, тоже не показали никакой постоянной разницы между собой, изменяясь в пределах ошибок наблюдений.

Описываемый опыт был произведен мною на Тибетском нагорье, к северу от озера Даши-куль, на обширной щебневатой равнине, лежащей на высоте около 13 880 футов над уровнем моря. На северном конце базиса, измеренного на этой равнине два раза шнуром для проложения небольшой тригонометрической сети, был насыпан из земли маленький курган и на вершине его поставлена пушка, обращенная жерлом к другому — южному концу базиса. Позади орудия стоял кол, к которому был прикреплен немного выше вершины холма фонарь с плоско-выпуклым стеклом, испускавший свет по линии базиса. Ровно в 1 598 саженьях от дула орудия, на южном конце базиса, находился большой сундук, на котором стоял кипрегель. В трубу его, наведенную в темноте при посредстве фонаря на пушку, я наблюдал появление пламени из ее жерла.

Выстрелы, под наблюдением моего помощника П. К. Козлова, производились аккуратно с 9^h 30^m вечера через каждые 5^m до 10^h 25^m. Перед наступлением условного времени я тщательно отсчитывал показание стрелки хронографа и затем, наложив палец на его спуск, ожидал появления в трубе из дула пушки пламени, которое представлялось на одно мгновение в виде маленького светлого диска с лучами. В момент появления его я спускал хронограф и при первом дошедшем до слуха звуке выстрела останавливал.

В течение вечера, в который был произведен опыт, 3 июля нового стиля 1890 г., и всей следующей ночи при облачном небе господствовало полное затишье и осадков не было. С 9^h 0^m до 11^h 0^m в лагере близ южного конца базиса, через каждые 10^m мой помощник производил наблюдения над атмосферным давлением по ртутному барометру Паррота, температурой воздуха и его влажностью (по психрометру). Эти наблюдения, начатые за 30^m до опыта и оконченные 35^m спустя после него, дали в среднем следующие величины.

Лагерь на берегу озера Даши-куль 3 июля нового стиля 1890 г.

Широта φ	= 36° 34,9'
Долгота λ	= 84° 26,3' от Гринвича
Абсолютная высота h	= 13 880 футов
Давление при 0°	456,8 ^{mm}
Температура воздуха	+ 10,5° по Цельсию
Абсолютная влажность	2,8 ^{mm}
Относительная влажность	31%

Для определения скорости распространения звука сделано было 12 наблюдений, которые дали следующие результаты:

Время выстрела	Показания хронографа	Время прохождения звукa
9 ^h 30 ^m	10,45 ^s от 0,0 ^s	10,45 ^s
„ 35	21,00 ^s	10,55 ^s
„ 40	31,35 ^s	10,35 ^s
„ 45	41,82 ^s	10,47 ^s
„ 50	52,32 ^s	10,50 ^s
„ 55	10,42 ^s от 0,0 ^s	10,42 ^s
10 ^h 0 ^m	20,82 ^s	10,40 ^s
„ 5	31,15 ^s	10,33 ^s
„ 10	41,59 ^s	10,44 ^s
„ 15	52,16 ^s	10,57 ^s
„ 20	10,32 ^s от 0,0 ^s	10,32 ^s
„ 25	20,75 ^s	10,43 ^s
	Среднее	10,436 ^s

Следовательно в 1^s среднего времени звук проходил $\frac{1\ 598 \times 7}{10,436} = 1\ 073$ фута, или 327 м. Это число мало разнится от найденного из опытов на небольших высотах над уровнем моря.

КОММЕНТАРИИ

1. **И а к и н ф Б и ч у р и н** — русский путешественник, исследователь Монголии и Китая в первой половине XIX века. Перевел на русский язык ряд китайских географических трудов, среди которых особый интерес представляют «Описание Тибета» и «История Тибета и Хухунора». Труд, о котором упоминает Певцов, так же как и другое сочинение Бичурина — «Записки о Монголии», содержит результаты его личных наблюдений во время путешествия по Китаю и Монголии в 1806—1821 гг. в качестве главы русской духовной миссии.

Чокан Чингисович Валиханов, казах по национальности, разносторонний ученый-просветитель, выдающийся исследователь Средней и Центральной Азии, в 1858—1859 гг. совершил по заданию Русского Географического общества замечательное путешествие в Кашгарию. Собранные там обширные естественно-исторические материалы были опубликованы в статье, упомянутой Певцовым, и в «Очерках Джунгарии» (Записки Русского Географического общества за 1861 г.).

Р. Шау (Шоу) — английский чайный плантатор — в 1868—1869 гг. совершил путешествие из Индии через Тибет и Кунь-лунь в Кашгарию. Прошел через Яркенд в Кашгар, где прожил четыре месяца. Описанию этого путешествия посвящена указанная Певцовым книга.

Форсайт — глава английской миссии в Джеты-шаар во время кратковременного существования этого государства в Кашгарии (см. ниже комментарий 11). Форсайт посетил Кашгарию дважды: в 1870 г. и в 1873 г. Во второе путешествие его сопровождал врач Беллью (Беллю), который так же, как и Форсайт, описал путь миссии из Индии через Ладак в Восточный Туркестан. Эти труды и упоминает Певцов.

О четвертом, последнем путешествии Н. М. Пржевальского в Центральную Азию см. вступительный очерк, стр. 23.

А. Н. Куропаткин — возглавлял русскую миссию к Якуб-беку в Джеты-шаар в 1876 г. Во время этого путешествия Куропаткин побывал в городах Кашгаре, Марал-баши, Ак-су, Куче, Курле и Каракаше. Топограф экспедиции А. Сунаргулов прошел и снял на карту дорогу из города Ак-су в Учъ-Турфан, откуда перевалом Бедель пересек Тянь-шань и через Зауку вышел к Караколу (Пржевальск). Подробное описание этой экспедиции изложено Куропаткиным в книге, о которой упоминает Певцов. Наряду с интересными и ценными географическими сведениями этот труд содержит и неудовлетворительный в научном отношении исторический материал.

Б. Л. Громбчевский — русский путешественник. В свое первое путешествие по Средней и Центральной Азии прошел из города Ош через Кашгар, Яркенд в Хотан и Саньчжоу, откуда возвратился через Яркенд прежней дорогой в Ош. Описание этого путешествия изложено в упомянутом Певцовым отчете. Вторая экспедиция Громбчевского в Центральную Азию проходила в то же время, когда Певцов совершал путешествие в Кунь-лунь.

Н. Ф. Петровский — русский генеральный консул в Кашгаре. Собрал единственную в своем роде археологическую коллекцию, которая поступила частью в Петербургский Эрмитаж, а частью в музей Русского археологического общества. Ему принадлежит также и ряд работ о древностях Восточного Туркестана.

Н. Зеланд — русский путешественник. Посетил в 1886 году Кашгарию и описал свое путешествие в упомянутом Певцовым сочинении.

К. Риттер — известный немецкий географ первой половины XIX века. Не будучи сам путешественником, Риттер использовал для сочинения, о котором упоминает Певцов, литературные источники и сведения, полученные при личном общении с некоторыми путешественниками.

В 1850 году Русское Географическое общество предприняло издание на русском языке некоторых частей «Землеведения» Риттера. Одну из них — «Восточный или Китайский Туркестан» — перевел и снабдил на основании новейших исследований критическими замечаниями и дополнениями В. В. Григорьев.

Среди дополнений В. В. Григорьева, которые во многих местах опровергли неверные воззрения Риттера, наибольший интерес представляет второй выпуск — историко-географический, в котором содержится очень полная сводка исторических данных о Восточном Туркестане.

В наше время труд Риттера не имеет научной ценности и представляет лишь исторический интерес.

2. *Ovis ammon* (у Певцова *Ovis polii*) — качкар, крупнейшая разновидность горного барана группы архара. Впервые на Памире был замечен Марко Поло; в Тяньшане его первым видел близ Хан-тенгри П. П. Семенов. Открытие этой разновидности в районе Нарына принадлежит замечательному русскому зоологу-путешественнику Н. А. Северцову.

Читателю следует иметь в виду, что в тексте книги сохранены старые, ныне уже в своем большинстве не употребляющиеся, латинские названия животных и растений. Сравнительный список старых и современных латинских названий помещен нами в конце книги.

3. В первом издании название этого перевала транскрибируется Бедэль. На современных картах принято написание Бедель, весьма редко встречается — Бадаль. Этот перевал является одним из наиболее удобных путей через высокий хребет Кок-шаал (у Певцова — Кок-шал). Впервые абсолютную высоту перевала точно измерил топограф А. Сунаргулов (см. комментарий 1), который определил ее равной приблизительно 4 600 м (около 18 тыс. футов); Пржевальский приводит цифру 4 175 м (13 700 футов). Согласно определениям Певцова она равна 4 224 м (13 860 футов).

Современные карты указывают высоту, которая колеблется весьма близко от цифры, полученной Певцовым, — 4 225—4 272 м.

4. Во времена Певцова «сартами» называли оседлое население Туркестана, независимо от его племенной или национальной принадлежности. О происхождении термина «сарт» существуют различные теории. По мнению некоторых ученых-тюркологов это слово пришло из Индии, где имело значение «купец». Другие (В. В. Бартольд) видят его корни в санскритском «сартаба» — «предводитель каравана», от которого произошло турецкое «сартбаши» (начальник сартов) и «сарт» в смысле «купец». Позже отуреченные потомки монголов в Туркестане употребляли слово «сарт» в смысле «таджик» — мусульманин не турок. Степные кочевники узбеки,

завоевав в начале XVI в. Туркестан, стали называть сартами всех оседлых жителей этой страны, как иранцев, так и говоривших на турецком языке. Когда последний сделался основным языком у оседлого населения Туркестана, словом «сарт» стали называть всех, говоривших по-турецки, в отличие от таджиков, сохранивших иранский язык.

Русские поселенцы в Туркестане все его оседлое некочевое население называли «сартами», отсюда это название пришло, повидимому, и в географическую литературу.

Таким образом слово «сарт» не являлось этническим термином, а скорее служило именем нарицательным; в наше время не употребляется.

5. Далее читатель еще неоднократно встретится с описанием столь характерных для всех стран Центральной Азии пыльных туманов и пыльных бурь Кашгарии. Это явление, называемое также помохой, приносит огромный вред хозяйственной деятельности человека. Причина его в большинстве случаев заключается в неправильном землеиспользовании. Разрыхление верхнего слоя почвы при распашке или уничтожение растительного покрова на песчаных почвах дают возможность ветрам выдувать огромные количества почвенного мелкозема (ветровая эрозия). Сухость почв, разумеется, способствует развитию этого явления. Сильное нагревание Кашгарской котловины, окруженной высокими горами, вызывает энергичные движения воздушных масс, которые, увеличивая сухость почвы, переносят ее частицы в огромном количестве на значительное расстояние. При этом воздух бывает настолько заполнен пылевыми частицами, что солнце кажется тусклым бледнофиолетовым диском, дышать становится тяжело и воспаляются глаза. О количестве пыли в атмосфере Кашгарии свидетельствуют интересные наблюдения Пржевальского, который пишет, что дождь в районе Керийского оазиса «падал совершенно грязным от лёссовой пыли, которую дождевые капли захватывали в воздухе. Случалось даже нам наблюдать, что вместо дождя сыпались мелкие, как мак, сухие крупинки грязи, сцементированные тем же дождем в верхних слоях атмосферы» (Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел метеорологический, СПб., 1895, стр. 227).

Певцов отмечает в этой книге, что пыльные туманы постоянно сопровождаются облачностью, которая увеличивается по мере усиления густоты тумана и не предшествует, а следует за пыльной мглой. По мнению современных ученых, частицы пыли, если не вызывают, то во всяком случае облегчают образование тумана и облаков, служа ядрами конденсации атмосферных водяных паров.

Ветровая эрозия приносит огромный вред сельскому хозяйству, выдувая из почвы наиболее ценные ее части — мелкозем и гумус, а весной иногда семена и даже всходы.

Успешно противодействовать этому стихийному злу при капиталистическом строе и частнособственнической системе землепользования невозможно. Только социалистические формы сельского хозяйства создали условия для эффективной борьбы с эрозией почв. Одним из таких мероприятий, невиданным в истории по своей грандиозности, является принятое по инициативе товарища Сталина постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

Выполнение этого плана изменит природу степных и лесостепных районов и навсегда отвратит от колхозных полей губительные суховеи и сопутствующую им ветровую эрозию почв.

6. О происхождении лёсса до сих пор нет единого мнения. Одни ученые считают, что лёсс образовался в результате отложения пыли, принесенной ветром из

пустынь, т. е. придерживаются так же, как и Певцов, субаэральной или эоловой теории на его происхождение. Другие считают его аллювиальным образованием, т. е. результатом накопления материала, отложенного водными потоками.

По новейшей теории, разработанной академиком Л. С. Бергом, лёсс так же, как и всякая почва, образовался на месте из самых разнообразных мелкоземистых богатых карбонатами пород в процессе выветривания и почвообразования.

Многие наблюдения Певцова говорят в пользу эоловой теории.

7. Хребет Сары-кол, на современных картах называемый Кашгарскими горами, принадлежит системе Кунь-луня (см. комментарий 21).

8. Основное оседлое население Кашгарии составляют уйгуры, принадлежащие к юго-восточной ветви тюркских народов.

Упомянутые Певцовым здесь и далее «суниты» и «шииты» являются представителями двух враждующих между собой основных религиозных течений в исламе.

9. К. И. Богданович сделал два пересечения малоисследованного горного хребта Сары-кол, принадлежащего системе Кунь-луня, одно — по линии Янги-Гиссар — озеро Малый Каракуль, по дороге к горной группе Мустаг-ата, второе на обратном пути: от верховья реки Тагарма к городу Яркенду. В результате был выяснен литологический и петрографический состав пород, слагающих хребет, и общий характер тектоники этой области.

В наивысшей части хребта — горной группе Мустаг-ата — Богданович открыл и исследовал мощные ледники, покрывающие ее вершины, и этим опроверг существовавшее до тех пор мнение о том, что на этих горах будто бы имеются лишь очень незначительные скопления фирна. Один из самых больших ледников, спускающийся с западного склона Мустага, Богданович назвал именем Пржевальского.

Огромный интерес и научную ценность представляют результаты геологического изучения Богдановичем долины Тоюна в Тянь-шане. Еще в 1856 г. исследования П. П. Семенова-Тянь-Шанского доказали несостоятельность гипотезы Гумбольдта о якобы вулканическом происхождении и современном вулканизме Тянь-шаня. Однако довольно долго еще жили представления о существовании в Тянь-шане отдельных вулканических областей, играющих заметную роль в его орографии. Дальнейшее изучение этой крупнейшей горной системы русскими учеными постепенно сокращало мнимые территории вулканизма в Тянь-шане. Тем не менее, в период снаряжения Тибетской экспедиции еще существовало предположение, что такой, уже единственной в Тянь-шане, вулканической областью является долина Тоюна. Крупнейший русский геолог И. В. Мушкетов, председательствовавший тогда в Отделении физической географии Русского Географического общества, в своих научных указаниях геологу экспедиции Богдановичу писал: «что касается долины Тоюна, то, несмотря на посещение ее многими путешественниками, до сих пор остается невыясненным характер ее замечательной вулканической области, впервые указанной Столичкой. Очевидно, массовые выходы вулканических пород здесь нарушают правильность тяньшанских складок и производят, так сказать, орографическую путаницу».

«Внимательное изучение этой интересной и для Тянь-шаня почти единственной потухшей вулканической области не только разъяснило бы значение этого рода образований для орографии данной местности, но и вообще для Тянь-шаня...» *.

Обстоятельные исследования, проведенные Богдановичем в районе Чатыр-куля и далее на юг по южному склону Тянь-шаня, позволили ему сделать следующий, весьма интересный, вывод:

* Известия Русского Географического общества, т. XXV, 1889 г., стр. 421. Приложение к письму К. И. Богдановичу.

«Если принять во внимание: а) распространение вулканических пород Тоюна только на площади третичных отложений между Туругартом и Кок-таном и б) однообразную дислокацию вулканических пород и третичных песчаников, то из всего изложенного само собою вытекает: 1) что самый факт появления здесь вулканических пород вызван широкой дислокацией, обусловившей уступный характер южного склона Тянь-шаня; и 2) что выходы вулканических пород не имели никакого существенного значения на орографию данной местности, главнейшие (подчеркнуто нами.— Я. М.) черты которой зависят от расположения древних пород»*.

10. Дунгане — оседлый народ, живущий в Западном Китае, а также в СССР: в Казахстане и Киргизской ССР. В Синьцзяне составляют около 4% всего населения.

Дунгане говорят на китайском языке, но исповедуют ислам. Их происхождение до сих пор в достаточной степени не выяснено. В современной этнографии существуют две гипотезы. По одной из них дунгане — китайцы, принявшие ислам. По другой, имеющей под собой большее основание, дунгане — народ тюркского происхождения, потомки древних уйгуров, подвергнувшихся сильному китайскому влиянию.

По своему быту дунгане не отличаются от китайцев; имеют подобные китайским жилые постройки и домашнюю утварь. Тюркский элемент до некоторой степени сохранился в обрядах и народных поверьях.

Дунгане неоднократно восставали против ига китайских и маньчжурских феодалов. О крупнейшем дунганском восстании 1864 года смотри в следующем комментарии.

11. Имя Мухомета Якуб-бека-Бадаулета неразрывно связано с крупнейшим восстанием мусульман Синьцзяна, которое получило в истории название «дунганского».

Это восстание — одно из наименее изученных событий новейшей истории Китая. До сих пор о нем нет в нашей литературе серьезных научных исследований.

Весьма интересные, хотя и краткие, сведения приводятся в примечании доцента Московского института Востоковедения К. А. Усманова, помещенном в комментариях Э. М. Мурзаева к книге Н. М. Пржевальского «От Кяхты на истоки Желтой реки» (Географгиз, М., 1948 г., стр. 336).

Приводим здесь значительную часть этого примечания:

«Якуб-бек родом из Средней Азии (г. Пскент, южнее Ташкента). По отцу таджик. С раннего детства остался сиротой и воспитывался у дяди. Сильно нуждался, был ремесленником, слугой беков и джигитом в кокандском войске. Впоследствии стал юз-башей (сотником) и одно время служил в Ак-мечети (ныне Қзыл-орда). В конце 1864 года, когда Якуб-беку было уже около 45 лет, правитель Кокандского ханства Алим-кул отправил его в Кашгар при следующих обстоятельствах.

Летом 1864 года мусульманское население Синьцзяна восстало против господства маньчжуро-китайских завоевателей и добилось победы. Но Синьцзян распался на отдельные самостоятельные мусульманские владения: Дунганское ханство с центром в Урумчи, Кучинское ханство, Хотанское падишахство, Кашгарское владение во главе с киргизами. В Или впоследствии образовалось Таранчинское султанство. Между этими феодальными владениями начиналась борьба за власть над Кашгарией; на эту власть особенно претендовали кучинские ходжи. Стране, только освободившейся от столетнего господства Китайской династии Цинов, грозила междоусобица.

В эти беспокойные дни правители Кашгарского оазиса обратились в Кокандское ханство с просьбой прислать в качестве правителя Бузурук-ходжу, предки которого являлись правителями Восточного Туркестана вплоть до завоевания страны маньчжуро-китайскими войсками в 1759 году. Отец Бузурука Джехангир-ходжа еще в

* Известия РГО, т. XXV, 1889 г. Письмо профессору И. В. Мушкетову от 4 августа 1899 г., стр. 420.

1826 году вторгся в Кашгарию, при поддержке уйгуров (местного мусульманского населения) свергнул китайское господство и образовал Кашгарское государство, владение которого распространялось от Хотана до Ак-су. Только через девять месяцев Цинам удалось восстановить свою власть над Кашгарией. Джехангир попал в руки китайцев, был отправлен в Пекин и казнен. Уйгурский народ воспевал храбрость и подвиги Джехангира, оплакивал его трагическую смерть и ждал его сына Бузурука, чтобы поднять восстание против китайских угнетателей. Но Бузурук-ходжа был слабохарактерным и неспособным к деятельности. Ему была бы не под силу роль объединителя Кашгарии, и скорее он сам мог превратиться в игрушку в руках отдельных феодальных группировок. Это прекрасно понимал Алим-кул. Поэтому он предложил Якуб-беку сопровождать Бузурука в качестве его первого помощника и военачальника. Выбор пал на Якуб-бека не случайно, последний выделялся своей исключительной предприимчивостью, организаторским талантом, умом и твердостью характера.

Бузурук-ходжа был радостно встречен кашгарцами. Тысячи людей вышли на улицы и за городские стены — приветствовать ходжу.

В это время политическая обстановка в Кашгаре оказалась весьма сложной: уйгурские и киргизские беки, пришедшие к власти после победы восстания, всерьез не думали об объединении страны, они увязали во взаимных интригах, и Бузурук, провозглашенный правителем Кашгара, превратился в орудие враждующих феодальных группировок. Беспечность и ограниченность отдельных беков-феодалов соответственно повлияли на Бузурука: он позабыл свои задачи и предался бесконечным дворцовым кутежам и празднествам.

Однако в стране было немало передовых представителей, понимающих необходимость создания единой государственной системы для нормального и культурного развития. Якуб-бек был овеян идеями этого движения. Он развертывал лихорадочную деятельность по созданию кашгарского войска и, как свидетельствует местный автор, «он не имел времени даже ни для еды, ни для сна». Благодаря этим своевременным мероприятиям, кашгарцам удается, под руководством Якуб-бека, разгромить вблизи Кашгара крупную силу кучинских ходжей, пытавшихся захватить город.

Борьба за объединение Восточного Туркестана продолжалась около двух лет (1865—1867 гг.). Бузурук-ходжа, запутавшись в интригах отдельных группировок, открыто выступил против объединительной деятельности Якуб-бека. В результате Бузурук был отстранен от управления и во главе нового государства встал сам Якуб-бек. Это государство называлось Джеты-шааром («Семиградьем»), включавшим семь больших городов Кашгарии (Хотан, Яркенд, Янги-гиссар, Кашгар, Ак-су, Куча и Карашар). Якуб-бек в дальнейшем расширил территорию своего владения за счет дунганского ханства и включил в состав Джеты-шаара также Куня-турфан, Урумчи и Манас».

«Якуб-бек заботился о благоустройстве своей страны. При его управлении рыли новые оросительные каналы, расширившие посевную площадь дехкан, улучшали пути сообщения, строили мосты, поощрялась промышленная деятельность и торговля; караван-сарай, построенные при Якуб-беке из жженого кирпича, выделялись от остальных построек Кашгарии; при нем были построены, впервые в истории Кашгарии, общественные бани в городах, он ликвидировал старые сложные налоги и ввел единый налог.

В создании и укреплении Джеты-шаара большую роль играли узбеки, принимавшие участие в управлении, в армии и в строительстве. Еще с древних времен жители бассейнов Тарима и Сыр-дарьи имели между собой тесные экономические связи, отсюда возникло и культурно-политическое единство. Узбеки в течение XIX в. не раз принимали участие в освободительной борьбе уйгуров против маньчжуро-

китайского господства в Кашгарии. В силу этого появление Якуб-бека во главе Джеты-шаара вполне естественно.

В 1876 г. маньчжуро-китайские войска, двигавшиеся из Внутреннего Китая, заняли большие дунганские владения в Синьцзяне (Гучен, Урумчи, Манас и затем Турфан). Якуб-бек готовился дать генеральное сражение маньчжурским войскам, когда последние перейдут границу Джеты-шаара».

В мае 1877 г. Якуб-бек умер. Обстоятельства его смерти до сих пор не выяснены. В декабре того же года войска Китайской империи жестоко подавили восстание и реставрировали свою власть в Кашгарии. Одновременно были восстановлены преимущественные права кашгарских баев и духовенства, и народы Восточного Туркестана вновь очутились под двойным гнетом своих и чужеземных эксплуататоров.

Сейчас трудящиеся Кашгарии под руководством коммунистической партии Китая принимают участие в общей борьбе всего китайского народа против своих поработителей.

12. Нефрит является разновидностью минерала актинолита (лучистый камень). Название свое получил в древней Греции, где применялся для лечения почек (нефрит — болезнь почек).

Нефрит представляет собой очень плотную, мелкокристаллическую массу спутанно-волокнистого строения, которое обуславливает его необычайную вязкость и механическую прочность; встречается различных, очень красивых оттенков — от зеленого до молочно-белого.

В неолитическом веке нефрит имел большое значение как минерал для изготовления различных хозяйственных орудий и оружия. В настоящее время используется для этих же целей жителями Новой Зеландии.

В странах Востока нефрит издавна играл особую роль культового камня. В Китае он известен под названием «священный Юй», в Иране — «иашм» (отсюда, видимо, русское «яшма»), в Монголии и Туркестане — «каш». Из него вырезались ритуальные сосуды, фетиши, священные музыкальные инструменты, а также знаки отличия, монеты и художественные изделия. Главным центром добычи нефрита является Центральная Азия, область Кунь-луня.

Название города Кашгар, по мнению советского исследователя Средней Азии и Монголии — Э. М. Мурзаева, происходит от слов «каш» — нефрит и «кар» — камень. (Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии. Вопросы географии, № 9, 1949 г., стр. 175—177).

13. Во время этой экскурсии К. И. Богданович сделал около 450 км по чрезвычайно сложным и малоизученным частям Западного Кунь-луня. В результате он установил, что главнейшая черта орографии этой части Западного Кунь-луня заключается в «дугообразном прогнутии хребтов, простирающие которых из NO—SW в восточной части пройденной местности изменяется в NW—SO в западной части. Такой двойственный характер орографии гор выразился в крайнем расчленении отдельных хребтов; часто невозможно определить простирающие орографических гребней, так как горы в иных местах представляют группы пиков и вершин, уловить между которыми орографическую связь невозможно (горы к востоку от Тахта-карута)»*.

Этой чрезвычайной расчлененностью рельефа Богданович объясняет, между прочим, и факт, замеченный еще Пржевальским в другом районе Кунь-луня, — совершенное отсутствие у местных жителей определенных названий для гор. «Горы они (местные жители.—Я. М.), — пишет Богданович, — называют совершенно неопределенно или по имени протекающих рек (Пахту-таг, Чихшо-таг, Гусас-таг и т. д.), или

* Труды Тибетской экспедиции, часть II, Геологические исследования в Восточном Туркестане. СПб., 1892, стр. 13—14.

по имени перевалов (Тахта-корум, Кулум-багла и т. д.) или даже по имени ближайших селений, причем зачастую для одного и того же хребта жители различных долин дают различные названия»*.

Пересечение нескольких снежных перевалов дало возможность К. И. Богдановичу определить высоту снеговой линии в этой части Кунь-луня, которую он указывает для северных склонов равной около 4800 м, для южных — около 5100 м. Одному из ледников, открытому вблизи перевала Кокелан на южном склоне хребта Раскем, Богданович присвоил имя Певцова.

14. На современных картах упоминаемый отрог носит название хребта Тызнаф (у Певцова — Тызнап) по одноименной реке, прорезающей его на северо-западе.

Далее Певцов рисует чрезвычайную расчлененность склонов этого и других хребтов западного Кунь-луня, изрезанных множеством узких извилистых долин и сумрачных ущелий, и объясняет этот факт значительной абсолютной высотой поднятия гор Кунь-луня. Такой морфологический характер свойственен только долинам рек, для которых базисом эрозии служит озеро Лоб-нор, расположенное в наиболее пониженной части Таримской впадины. Долины рек, теряющих воды в песках подгорной полосы, не столь глубоки, хотя и прорезают хребты, имеющие не меньшие абсолютные высоты, чем те, с которых текут реки бассейна Лоб-нора.

Здесь же следует сказать несколько слов о транскрипции самого названия Кунь-лунь. В книге мы сохранили принятое Певцовым в первом издании написание — Кун-лунь. На современных картах более всего распространено Куэнь-лунь, совершенно неоправданно взятое с западноевропейского Kwen-lun. Генетически правильной является транскрипция — Кунь-лунь с китайского 崑崙山 — Гунь-лунь-шань.

15. Эта дорога на карте Певцова не обозначена.

16. Позднейшие исследования других путешественников доказали справедливость сведений, сообщаемых Певцовым о существовании в Такла-макане развалин древних городов. Причину гибели культурных поселений в ныне пустынных пространствах Центральной Азии некоторые географы (Е. Геттингтон) пытались объяснить ее прогрессивным усыханием, продолжающимся, по их мнению, и ныне. В настоящее время советские ученые-географы, и в первую очередь академик Л. С. Берг, опровергли эту неверную теорию.

Развалины в Такла-макан принадлежат городам, которые были покинуты населением либо в результате войн, либо вследствие перемены рекой, питавшей эти оазисы, своего русла.

Реки низменностей Центральной Азии при возникновении на их пути даже незначительных препятствий легко меняют свои русла, в связи с чем они и получили в науке название «блуждающих».

17. Н. М. Пржевальский, посетивший Хотанский оазис в 1885 г., определил количество его населения в 300 тыс. человек. Приведем здесь очень любопытные рассуждения путешественника, на основании которых он получил указанную и, очевидно, более правильную, чем у Певцова, цифру.

«Площадь всего Хотанского оазиса от реки Кара-су на востоке до Зава-кур-гана на западе можно приблизительно положить до 600 кв. верст, следовательно около 60 тыс. наших десятин земли. Если из этого числа вычесть на пустыри и площади, занятые городами, то в остатке получится 50 тыс. десятин культивированной почвы. Теперь нужно знать, что население в описываемом оазисе скучено до крайности. Средний посев каждой семьи, кроме немногих богатых, туземцы определяли нам в 5 чарыков хлеба, т. е. менее нашей полудесятины (жатва двойная, урожай очень хороший); столько же можно положить на саклю и сад. По этому расчету круглым числом в Хотане приходится на семью не более как по одной десятине земли. Тогда

* Труды Тибетской экспедиции, часть II, стр. 14.

на всей площади оазиса получим 50 тыс. семейств; к ним нужно прибавить (уменьшенные против показаний туземцев цифры) 5 тыс. семейств безземельных, живущих в работниках, и 10 тыс. семейств — приблизительное население трех городов. В общем итоге получится 65 тыс. семейств. Если же положить по 1¹/₂ десятины земли на семью каждого земледельца, то выйдет немного более 33 тысяч семейств деревенского населения, а с прибавкой сюда же 15 тыс. семейств безземельных рабочих и населения городов — в итоге будем иметь 48 тыс. семейств. Взявши среднюю цифру из обоих выводов, получим 56 тыс. семейств. Теперь, если на каждую семью положить по шести душ, то окажется 336 тыс.; если же по пяти — тогда будет 280 тыс. Средняя из обеих цифр даст с небольшим 300 тыс. душ обоого пола — как наиболее вероятное (за неимением лучших данных) количество населения для всего Хотанского оазиса»*.

Там же Пржевальский указывает, что скученность населения и крайняя его бедность создали предпосылки для необычайной дешевизны рабочих рук в Хотанском оазисе. «Обыденная плата годовому рабочему на готовом содержании всего 32 теньги, т. е. 3 р. 20 к. на наши деньги; женщины же идут в работницы из-за куска хлеба и одежды. Продажа в рабство, как нам говорили, практикуется в довольно больших размерах. Покупают детей у бедных более достаточные из туземцев, кроме того приезжие купцы и китайцы».

Большой скученностью населения в Хотанском оазисе объясняется до некоторой степени и недостаток хлеба, о котором несколько раньше упоминает Певцов, всецело приписывая его значительному развитию кустарных промыслов.

Здесь же нам хотелось бы привести из уже упоминавшейся ранее (комментарий 12) работы Э. М. Мурзаева объяснение происхождения самого названия «Хотан»: «В основе топонима «хотан» лежит корень: хот, хат, кот, кат, что на многих индо-европейских языках значит или значило: жилище, дом, поселение, укрепление и т. д. Распространение этого термина удивительно, он встречается по всей Евразии от Атлантического океана до Тихого». (Вопросы географии, № 9, Географгиз, М., 1949, стр. 177—178).

18. Народные предания Сия-вуш-хану приписывают основание обширного города Ширистана, развалины которого находятся в песках близ Хотана, к северу от лянгера Бештурак.

19. Н. М. Пржевальский также пишет, что оазис Чира вообще славился своими садами, изобилующими фруктами, но что в нем «яблоков очень мало, нам говорили, что они худо растут при здешней жаре» («От Кяхты на истоки Желтой реки», Географгиз, 1948 г. стр. 293).

20. Это не совсем верно. Река Керия-дарья доносит свою воду километров на 150 в глубь Такла-макан, приблизительно до параллели хребта Мазар-таг. Далее на север, почти до самого Тарима, в который Керия-дарья безусловно раньше впадала, прослеживается ее старое русло, ныне занесенное песками. Высыхание Керии-дарьи в низовьях происходило уже в исторический период из-за разбора воды на орошение в оазисах Керийской подгорной равнины. По долине Керии-дарьи проходит караванный путь из Керии в Кучу, обозначаемый и на современных картах.

21. Певцов и его спутники видели хребет, открытый в 1885 году Пржевальским, который по праву первоисследователя дал этому хребту название «Русского». «Громадной белой полосой, — писал Пржевальский, — еще подновленной только что выпавшим снегом, тянулся названный хребет в направлении от востока-северо-востока к западу-юго-западу. Снеговые вершины и ледники местами выделялись среди этой белой массы. В особенности высоки были: прямо лежавшая на юг от Ой-туграка вершина (Люш-таг), а также две, пожалуй, не меньшие вершины, между ущельями

* Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки. Географгиз, М., 1948, стр. 303.

рек Чижган и Тумая. Затем по ущелью р. Пшкэ (Пишкэ) виднелась уже на плато Тибета высокая снеговая горная цепь, которая, как было выше говорено (на основании расспросных сведений), отделяется от западной окраины хребта Русского и уходит к юго-востоку на целый месяц пути» *.

Здесь следует привести краткие сведения об общих чертах орографии всего западного Кунь-луня. Его многочисленные хребты распадаются на две системы, для которых советский геолог Н. А. Беляевский удачно предложил названия «Внешних» и «Внутренних» цепей Кунь-луня.

Внешним цепям принадлежат хребты: Кинг-тау, Кунгур, Хендар (объединявшиеся названием Сары-кол), Лугачен, Карлык и Текелик-таг.

Восточнее меридиана Чира система Внешних цепей, постепенно погружаясь, полностью выполаживается, переходя в непосредственно примыкающую к подножию Внутренних цепей Кунь-луня, так называемую Керийскую подгорную равнину.

К Внутренним цепям Кунь-луня, отделенным от Внешних полосой значительных межгорных понижений, относятся хребты Мустаг-ата (объединявшиеся ранее также в систему Сары-кола), Таш-курган, Раскем, Карангу-таг, Мустаг и хребет Русский. Новейшие взгляды на орографию Западного Кунь-луня изложены в статье Н. А. Беляевского — К орографии и геоморфологии горных областей Западного Кунь-луня. «Известия Всесоюзного Географического общества», т. 80, вып. 3, 1948.

22. Оазис Ой-тограк орошается рекой Ачан, берущей начало в хребте Люш-таг. В предгорьях этого хребта расположено значительное количество поселений, которые разбирают воду реки Ачан, иссякающей в результате этого уже в песках южной части Керийской предгорной равнины. Только в периоды таяния снегов в горах и во время сильных дождей Ачан доносит воду до своего обычно сухого русла в оазисе Ой-тограк.

23. Некоторые дополнительные сведения о растительном и животном мире в районе Кара-сай находим мы в письме В. И. Роборовского Совету Русского Географического общества (Известия РГО, т. XXVI, стр. 75—76), в котором он перечисляет следующие виды растительности: полынь (излюбленная пища баранов), густоветвистый кустарник белолозника, пижму, спаржу, дерисун (чий), ковыль (уже почти выеденный баранами), плевел, карагану и тамариск.

Из птиц Роборовский называет синичку, завирушку, сойку, бульдуруков, ворон и царей этого крылатого мира — огромных грифов (размах крыльев около 3 метров).

По склонам гор, сообщает Роборовский, живет в норах множество грызунов, лисиц и зайцев.

24. Здесь необходимо отметить, что весьма сложный в орографическом отношении Восточный Кунь-лунь до сих пор еще плохо изучен. В частности недостаточно выяснена маловероятная орографическая связь хребта Русского и Алтын-тага. Поэтому правильнее будет говорить, что река Талан-ходжа своей долиной прорывает хребет Русский, а не Алтын-таг, как об этом пишет Певцов.

25. В. И. Роборовский в уже упоминавшемся нами письме Совету Географического общества (комментарий 23) приводит интересное описание этой экскурсии, которое заканчивает следующим выводом:

«Эта наша поездка выяснила, что подняться в Тибетское нагорье, через окраинный Русский хребет, с нашим караваном вполне возможно. Движение в глубь страны должно быть совершаемо после новых и частых разведок местности, потому что вряд ли мы найдем проводника, хорошо знающего далекие местности, необитаемые людьми».

26. Несмотря на плодородие почвы и дважды в течение года снимаемые урожаи, большинство населения кашгарских оазисов жило в страшной бедности. Жалкий

* Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки, Географгиз, М., 1948, стр. 258.

кочок земли, среднюю величину которого правильно указывает Певцов, не мог прокормить кашгарца-крестьянина, который к тому же облагался множеством различных налогов и поборов.

«К столь незавидной доли туземцев (скудость размеров земельных участков.— Я. М.)—пишет Пржевальский, — следует еще прибавить полную деспотию всех власть имущих, огромные подати, эксплуатацию кулаков, притеснения китайцев, — чтобы понять, как несладко существование большей части жителей оазисов, даже среди сплошных садов их родного уголка» *.

27. Прекрасное описание общей картины арычной системы орошения кашгарских оазисов дает Пржевальский на страницах отчетного труда о четвертой экспедиции в Центральную Азию:

«Неутолимая нужда заставила туземцев до крайности изощряться в проведении оросительных каналов (арыков), которые, разветвляясь, словно вены и артерии в животном организме, оплодотворяют каждый клочок обрабатываемой земли. Удивительным для непривычного глаза образом перекрещиваются и распределяются эти арыки по оазису: они то текут рядом, только на разной высоте, то пробегают по деревянным желобам один над другим, то, наконец, струятся по тем же желобам через плоские крыши саклей. Всюду вода приносит здесь с собой жизнь — она не только поит почву, но и оплодотворяет ее лёссовым илом».

«В каждую саклю, в каждый садик и огород, мало того, к каждому большому дереву, если только оно стоит в стороне, всюду проведены арыки, то запирающиеся, то отворяющиеся для воды, смотря по надобности» **.

28. О летних дождях в Керийском оазисе подробно пишет Пржевальский в своей книге «От Кяхты на истоки Желтой реки». На основании личных наблюдений и рассказов местных жителей он отмечает, что ежегодно с июня и до середины, а в некоторые годы и до конца августа в этих местах идут дожди, иногда по целым суткам без перерыва. Пытаясь дать объяснение этому явлению, Пржевальский приписывал его летнему юго-западному муссону, который, по его мнению, приносит с Индийского океана атмосферную влагу, выпадающую в предгорьях в виде дождя, а в горах в виде снега.

А. И. Воейков, обработавший метеорологические наблюдения Пржевальского, в своей статье «О климате Центральной Азии» дал этому явлению иное объяснение.

«Я думаю, — пишет Воейков, — что дело объясняется тем, что не только мы не имеем здесь летнего Индийского муссона, но даже и пары, сгущающиеся в летние дожди, принесены не из Индии, а местного происхождения, т. е. происходят от испарений и орошенных полей и тограковых (тополевых) лесов нагорья. Широкий пояс этих лесов, питаемых подпочвенными водами с соседних гор, опоясывает центральную пустыню Такла-макан (ссылка на отчет о Тибетской экспедиции Певцова и Богдановича.— Я. М.). Тополь, как известно, требует много воды, т. е. и испаряется ее много, особенно в таком сухом и жарком воздухе, какой бывает здесь летом. Орошенные поля также испаряют немало воды, особенно рисовые. Пары сравнимы приносятся северными ветрами к горам и поднимаются по склонам гор, частью под влиянием гор, частью диффузией, охлаждаются и доходят до точки насыщения» ***.

29. Из-за примитивности сельскохозяйственных орудий обработка земли в Кашгарии была необычайно трудной. Но кашгарцы-крестьяне, чтобы возместить качеством урожая скудость посевной площади, с величайшей тщательностью возделывают свои поля и сады. Пржевальский отмечал, что в южных оазисах Кашгарии «обработка полей, не говоря про сады и огороды, превосходная. Земля разрыхлена так, что в ней нет ни малейшего комочка; притом все поле выделано небольшими грядками, на

* «От Кяхты на истоки Желтой реки», Географгиз, М., 1948, стр. 254.

** Там же, стр. 253.

*** А. И. Воейков. Цит. соч., стр. 276.

которых сеется зерно, а бороздки заполняются водой» («От Кяхты на истоки Желтой реки», Географгиз, М., 1948 г., стр. 253).

30. Помимо кустарных производств, перечисленных Певцовым, в Кашгарии получило большое развитие тканье ковров. В этой отрасли исключительных размеров достигла эксплуатация дешевого детского труда. Приносящее большие доходы ковровое производство, как правило, находилось в руках иностранного капитала.

31. Тут следует заметить, что во времена Певцова, наряду с чиновниками и купцами Китайской империи, основным и наиболее жестоким эксплуататором кашгарского народа являлся помещик-феодал — бай, имевший неограниченную власть благодаря своему сану князя, хана, вана, хаджи или бека. Помимо светских феодалов огромную роль играли феодалы духовные. Монастыри являлись главнейшим органом ростовщической эксплуатации кашгарского крестьянина и мелкого кустаря-промышленника, постоянно находившихся в экономической кабале у своего духовенства.

32. Река Ния-дарья имеет питание не ключевое, как пишет Певцов, а снежно-дождевое. Она берет начало в обширных ледниках Русского хребта и наибольшее количество воды несет летом, достигая в районе оазиса 60—70 м ширины. В период пересыхания ее русла жители оазиса пользуются водой из колодцев и специально устроенных прудов (бостан).

33. Пржевальский приводит другие и, повидимому, более верные цифры. Он указывает, что Ниинский оазис насчитывает 1 000—1 200 дворов и 5—6 тысяч населения («От Кяхты на истоки Желтой реки», стр. 251).

34. В горах Карангу-таг К. И. Богданович наблюдал в середине февраля интересное явление, с которым он позже познакомился также и в хребте Русском. В глубоких и сравнительно низких долинах Пише (река Чичиклик-су) и Юрун-каша ежедневно стоял густой туман, сопровождаемый сильным морозом (в Пише 15 февраля в 7 часов утра — 19° Ц), в то время как на высоких альпийских лугах Карангу-тага и Текелик-тага не было тумана, и яркое солнце припревало землю, играя на блестящих снеговых вершинах Кунь-луня. Этим своеобразным явлением объясняется, между прочим, и то, что пастушеское население живет круглый год в горах на высоте от 3 000 до 3 800 м, где глубокого снега почти никогда не бывает. Восточнее, в Керийском хребте, в котором нет таких обширных продольных долин, как между Текелик-тагом и Карангу-тагом (или подобных в Русском хребте долинам Сарыктуса и Кютель-дарьи), альпийские луга зимой покрываются глубоким снегом, и жители на это время года спускаются до высоты 2—2,5 тысяч метров к подножью гор или в узкие защищенные от ветра долины.

Маршрут Роборовского по долине Черчен-дарьи сомкнул в урочище Казюк-кактыр съемку Певцова со съемкой 1884 года Пржевальского. Подробное описание этой экскурсии приводится в III части Трудов Тибетской экспедиции (Экспедиции в сторону от путей Тибетской экспедиции, СПб., 1896 г., стр. 1).

35. Б. Л. Громбчевский, обследовавший наиболее западную часть Кунь-луня, маршрутом в Нию топографически соединил и увязал свои съемки со съемками Певцова. Кроме того, как пишет сам Громбчевский, «М. В. Певцов взял на себя труд выверить все мои инструменты и хронометры и занес соответствующие поправки в дневники. Я же пристроился к астрономическому пункту Тибетской экспедиции в Нию и Керии, вследствие чего мои работы получили большую устойчивость»*.

36. Сведения, сообщаемые Певцовым о том, что кабаны, якобы, похищают ягнят из ниинских стад, мало правдоподобны и явились, повидимому, результатом недоразумения. Возможно Певцов, не знавший языка, был введен в заблуждение неумелым переводчиком.

* Известия РГО, т. XXVI. Вести из экспедиции Б. Л. Громбчевского, стр. 330.

37. Сунна (по-арабски — предание, обычай) — собрание мусульманских хадисов (рассказов, повествований), в которых главным действующим лицом являлся пророк Мухамет. В течение двух веков (с начала VIII и до начала X века) сунна накопила массу противоречивого по своему содержанию материала. Вследствие этого мусульманские богословы предприняли попытку систематизировать и объединить материалы сунны в сборники. Таким образом было составлено шесть сборников, представляющих канонические «шесть книг» сунны.

38. Река Толан-ходжа берет начало в ледниках, расположенных в южной части Русского хребта, однако, в ее питании играют также значительную роль грунтовые воды и атмосферные осадки.

39. Н. М. Пржевальский пересек Толан-ходжу в 1885 году в том месте, где она вступает в область предгорной полосы. Вот как он описывает ее долину:

«Река Толан-ходжа там, где мы ее перешли, течет на абсолютной высоте 8 400 футов по ущелью, врезанному в почву на глубину от 800 до 1 тыс. футов. Спуск и подъем сюда круты и очень трудны для верблюдов. Внизу описываемое ущелье представляет почти совершенно бесплодную равнину не более как 10—20 сажен шириной. Бока ее обставлены отвесными конгломератовыми стенами от 150 до 200 футов высотой. Местами эта расщелина суживается даже на 3—5 сажен, так что река течет совершенным коридором. Своими размерами река Толан-ходжа, как мы ее видели (1½—2 сажени ширины и 1 фут глубины), меньше не только Карамурана и Мольджи, но даже соседней реки Бостан-туграк» *.

40. К. И. Богданович как в этом, так и в других маршрутах значительное внимание уделял обследованию куньлунских месторождений и приисков.

Помимо описаний, содержащих огромной ценности географические и особенно геологические материалы, многие строки его труда посвящены жизни и быту приисковых рабочих. В частности, описывая прииски, посещенные им во время этой экскурсии, он, с чувством искренней горечи и возмущения рассказывает о бесчеловечной эксплуатации, которой подвергались работающие на приисках кашгарцы со стороны богатеев-баев и чиновников китайского императора.

«Здесь, — замечает Богданович, — повторяется та же старая, как свет, история, что золото обогащает только единицы, тысячи губя. На прииски идут лишь те, у которых хозяйство уже пошатнулось. Весь строй экономической, а отчасти и государственной жизни в Кашгарии сложился так, что это поистине страна кулаков, так называемых здесь баев».

«Неутешительна, — пишет он несколько дальше, — картина экономического положения не только приискового люда, но и всей Кашгарии; причины эти кроются, однако, не в природе вещей, а во временных условиях жизни».

Заканчивает эту часть описания Богданович словами: «я глубоко убежден, что придет время, когда и золотоносность Куэнь-луня сделается источником благосостояния многих тысяч людей» **.

41. Б. Л. Громбчевский сделал подробное, очень интересное описание горцев Западного Куэнь-луэня, где, между прочим, указывал, что во всей Кашгарии насчитывается до 2 000 дворов таглыков ***.

42. Объяснение, данное Певцовым происхождению дневных прохладных ветров из Такла-макан совершенно правильно и подтверждается позднейшими исследованиями. В современной науке такие ветры называются «компенсационными».

43. Вот как описывает Роборовский эти суровые места северной окраины Тибетского нагорья:

* «От Кяхты на истоки Желтой реки», Географгиз, М., 1948 г., стр. 248.

** Труды Тибетской экспедиции. часть II, стр. 28—29.

*** Письмо Б. Л. Громбчевского Совету РГО от 10 декабря, 1889 года. Известия Русского Географического общества, т. XXVI.

«В тех местах этой нагорной пустыни, которые имеют мягкую почву, в земле часто встречались глубокие трещины, происшедшие, по всей вероятности, от жестоких зимних морозов. Из растений встречается только один жалкий приземистый белолозник, да и то очень редко. Даже лишайев мы не находили. В описываемой пустыне, судя по совершенному отсутствию разливов, выпадает круглый год снег, а дождя, по всей вероятности, никогда не бывает. Во время нашего тут пребывания снег шел ежедневно, но быстро исчезал от действия постоянных сухих ветров. Источников и озер мы не встречали и, кроме двух речек, не видали проточных вод. В некоторых впадинах замечались, однако, мокрые места, покрытые редким приземистым белолозником, где грунтовые воды, должно быть, находятся на незначительной глубине»*.

44. Интересно отметить, что Богданович считал единственно возможным способом проникновения в глубь Тибета от Сарык-туза или от озера Даши-куль движение вовсе без вьючных животных, лешком. «Подвижность такого нашего каравана, — заключает Богданович, — легкость и портативность его снаряжения составляют первое условие для успешности выполнения такой задачи пересечения Северо-западного Тибета»**.

45. Н. М. Пржевальский пишет, что во время его посещения прииска Копа на нем работало около 500 рабочих, значительная часть которых была принудительно назначена туда из жителей соседних оазисов за неуплату податей (От Кяхты на истоки Желтой реки, стр. 246).

46. Местное название этого хребта Арка-таг, т. е. «задние горы». Пржевальский в своих трудах писал Акка-таг. Поэтому в старых изданиях можно встретить оба названия. На наших современных картах принято для этого высочайшего в Кунь-луне хребта единое название — хребет Пржевальского.

47. Интересное предположение о происхождении слова «Лоб» высказывает Э. М. Мурзаев. Он пишет, что оно, видимо, «дотюркского индо-европейского происхождения. Известно, что древним населением Кашгарии были согдийцы, народ, говорящий на языке иранской группы. Лоб можно сравнить с такими географическими названиями, как река Лаба на Северном Кавказе, река Лаба (Эльба) в Европе, река Лобва Свердловской области, Лопасна, Лобжа (бассейн Днепра) и т. д. Названия эти уходят в далекое прошлое. Академик А. Соболевский, разбирая часто встречающиеся на Руси географические названия, включающие слова: лоб, лоп, люб, лаб,— отмечает, что они связаны с древним «alb», что значит белый, ср. латинский «albus».

«При нашем объяснении названия Лоб-нор будет тем более интересно вспомнить, что алтайские староверы в поисках страны «Беловодья» ушли на Лоб-нор, а Иван Петлин, первый русский, посетивший Китай и прошедший через Монголию в 1618 г., говорит о Лабинском государстве, лежащем на юг от страны монгольской»***.

48. Лоб-нор представляет собой редкий на земном шаре пример «кочующего» озера. Его размеры и очертания изменяются в зависимости от направления течения питающих его рек: Тарима, Конче-дарьи и Черчен-дарьи.

Открытие в 1887 году этого озера Н. М. Пржевальским вызвало оживленную полемику, которая продолжалась в течение многих лет и после смерти путешественника.

Крупный авторитет того времени в вопросах геологии и географии Центральной Азии, известный знаток Китая Ф. Рихтгофен полагал, что Пржевальский открыл какое-то другое озеро, которое лишь по ошибке принял за Лоб-нор. Он основывал свое мнение на китайской географической литературе и картах, которые показывали это озеро расположенным значительно севернее и утверждали, что оно имеет соленую воду, а не пресную, как об этом сообщал Пржевальский.

* Труды Тибетской экспедиции, часть III, стр. 41.

** Там же, часть II, стр. 34.

*** Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор, Географгиз, М., 1947, комментарии, стр. 145.

Последующие обстоятельные исследования ряда русских и иностранных ученых доказали правильность утверждения Пржевальского, но они также подтвердили и правильность китайских карт. Действительно, в свое время озеро Лоб-нор находилось севернее, т. е. там, где его показывали старые китайские карты. Изменение гидрографической сети Таримской впадины повлекло за собой перемещение Лоб-нора на юг в то место, где оно было открыто Пржевальским. Совсем недавно, в 1923 году, Конче-дарья возвратилась в свое старое, расположенное значительно севернее, русло. Вследствие этого Тарим, питающий своими водами Лоб-нор, лишился в нижнем течении значительного притока, и озеро стало постепенно превращаться в солончаки и болота, сохранившие лишь небольшие окна чистой воды. Но в тех местах, куда устремила теперь свои воды Конче-дарья, пустыня снова пробудилась к жизни. Безжизненные во времена Пржевальского берега древнего русла этой реки снова покрываются растительностью, вместе с которой появляются птицы, животные и новые поселения человека.

49. Сведения о пребывании сибирских староверов в Западном Китае сообщает также Н. М. Пржевальский в своих отчетах о втором и четвертом путешествиях в Центральную Азию* и Г. Е. Грумм-Гржимайло в труде «Описание путешествия в Западный Китай», СПб., 1907 г., стр. 433—439, где он приводит почти дословную запись рассказа участника похода русских крестьян 1860 года Ассана Емельянова Зырянова.

«Если принять во внимание, — справедливо замечает Г. Е. Грумм-Гржимайло, — что староверы проникли на Лоб-нор и в Северный Тибет задолго до экспедиции в те же страны Н. М. Пржевальского, притом прошли туда путями и до сего времени остающимися частью неисследованными, то нельзя не признать за рассказом Зырянова, даже в том виде, как он записан Киселевым, значения важного географического документа**.

50. Как мы уже упоминали во вступительном очерке к этой книге (стр. 32), в 1883 году Русским Географическим обществом была снаряжена экспедиция под начальством В. И. Роборовского, которая обследовала Турфанскую впадину и установила в ней метеорологическую станцию. По измерениям В. И. Роборовского наиболее пониженное место этой впадины занимает озеро Боджанте, лежащее на 130 м ниже уровня океана. Некоторые современные карты указывают для самой пониженной части Турфанской котловины отметку — 298, что безусловно является неправильным. Новейшие определения абсолютной высоты Турфанской впадины дают наиболее точную отметку наинизшей точки ее дна равную — 154 м.

51. Интересно отметить, что еще в отчете о своем первом путешествии в 1876 г. Певцов писал: «Кумирня или монастырь Матэня, кроме своего религиозного значения, служит средоточием путей, и поэтому представляет самый оживленный пункт в этой части китайских владений***.

Запустение буддийской кумирни Матэня, на которое в этой книге указывает Певцов, явилось одним из следствий китайской колонизации, которая была направлена преимущественно в новые районы северного Синьцзяна и вызвала массовый уход его основного кочевого населения на юг в горы.

52. Здесь Певцов снова повторяет свою ошибку 1876 г., когда он описал мнимый горный «узел», будто бы связывающий Саур с Тарбагатаем. Подробнее об этом см. во вступительном очерке (стр. 15).

* «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», Географгиз, М., 1947, стр. 57—58 и «От Кяхты на истоки Желтой реки», Географгиз, М., 1948, стр. 201—202.

** Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, СПб., 1907, стр. 437.

*** Путевые очерки Джунгарии. Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества, кн. 1, Омск, 1879 г.

**СПИСОК
ЛАТИНСКИХ И РУССКИХ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ**

Животные

<i>Aspiorrhynchus Przewalskii</i>	так же	
<i>Casarca rutila</i>	<i>Taberna ferruginea</i>	красная утка
<i>Dafila acuta</i>	<i>Anas acuta</i>	шилохвост
<i>Dyptychus</i>	так же	осман
<i>Dipus sp.</i>	так же	туцканчик
<i>Cazella subguturosa</i>	так же	степная антилопа
<i>Lagomys ladacensis</i>	<i>Ochotona ladacensis</i>	ладакская пищуха
<i>Megaloperdix himalayanus</i>	<i>Petraogallus himalayensis</i>	гималайский улар
<i>Nemachilus jarcandesis</i>	так же	голец
<i>Nemachilus bombifrons</i>	так же	голец
<i>Ovis Polii</i>	<i>Ovis ammon</i>	горный баран, архар
<i>Pantholopus Hodgsoni</i>	так же	антилопа-оронго
<i>Planorbis sybircus</i>	так же	
<i>Pseudois nachoor</i>	так же	куку-яман
<i>Schizothorax</i>	так же	маринка
<i>Schizothorax Biddulphii</i>	так же	маринка
<i>Tropidonotus hydrus</i>	<i>Natrix tessellata</i>	водяной уж

Растения

<i>Aprocynum venetum</i>	<i>A. lancifolium</i>	кендырь ланцетолистный
<i>Aprocynum pictum</i>	так же	кендырь расписной
<i>Artemisia sp.</i>	так же	полынь
<i>Carex sp.</i>	так же	осока
<i>Caragana sp.</i>	так же	карагана
<i>Clematis orientalis</i>	так же	ломононос восточный
<i>Elaeagnus sp.</i>	так же	джигда
<i>Eurotria sp.</i>	так же	терескен, белолозник
<i>Festuca altaica</i>	так же	овсянка алтайская
<i>Glicyrrhiza sp.</i>	<i>Glycyrrhiza sp.</i>	солодка
<i>Haloxilon ammodendron</i>	так же	саксаул
<i>Hippophae stenocarpa</i>	<i>H. rhamnoides</i>	облепиха
<i>Iris sp.</i>	так же	касатик
<i>Lolium sp.</i>	<i>Stipa inebrians</i>	ковыль
<i>Lasiagrostis splendens</i>	так же	чий блестящий, дырисун
<i>Lacium ruthenicum</i>	так же	сугак, дереза
<i>Morus nigra</i>	так же	тут
<i>Morina sp.</i>	<i>M. Contleriana</i>	
<i>Myricaria germanica</i>	так же	балга-мото (кашгар.), ми- рикарня

<i>Myricaria</i> sp.	так же	балга-мото (кашгар.), микария чешуйчатая
<i>Populus alba</i>	так же	белый тополь
<i>Phragmites communis</i>	так же	камыш, тростник обыкновенный
<i>Populus diversifolia</i>	<i>P. euphratica</i> или <i>P. Litwipowiana</i>	туграк (тограк), тополь евфратский или тополь Литвинова
<i>Salix microstachya</i>	так же	ива мелкосережчатая, лоза
<i>Stipa orientalis</i>	так же	ковыль восточный
<i>Tamarix</i> sp.	так же	тамариск
<i>Triticum</i> sp.	так же	дикая пшеничка, пшеница
<i>Typha</i> sp.	так же	рогозник, рогоз
<i>Ulmus campestris</i>	<i>U. densa</i>	карагас, гельм, берсай густой
<i>Zizyphus vulgaris</i>	так же	юуба, жужуба

Таблица перевода русских мер в метрические

Русские меры	Метрические меры
1 верста	1,067 км
1 сажень	2,134 м
1 аршин	0,711 м
1 вершок	4,445 см
1 фут	30,48 см
1 дюйм	25,4 мм
1 пуд	16 кг
1 фунт	409,5 г

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Михаил Васильевич Певцов	3
Предисловие	37
Глава первая. От Пржевальска до Яркенда	41
<p>Отъезд из Пржевальска. — Долина южного берега озера Иссык-куль. — Развалины на дне этого озера. — Ущелье и перевал Барскоун. — Следование по сырту. — Перевал Бедэль. — Спуск с хребта Кок-шал на юг, в Кашгарию. — Переправа через реку Таушкан-дарья. — Переход через хребет Кара-тэке. — Теснина Дунгарет-мё-агазы. — Контраст во флоре и фауне северного и южного склонов этого хребта. — Селение Калпын. — Очерк Кашгарии. — Путь экспедиции по солончаковой пустыне до станции Якка-худук. — Первобытный лес и болото Лалмой. — Движение вверх по долине реки Яркенд-дарья. — Природа этой долины. — Прибытие в Яркендский оазис.</p>	
Глава вторая. От Яркенда до Хотана	66
<p>Яркендский оазис. — Его пространство, почва и естественные произведения. — Город Яркенд. — Промышленность и торговля. — Опрос ладакцев. — Развалины Конё-татар. — Путь экспедиции из Яркенда через Каргалык в горы Кун-луня. — Стоянка в местности Тохта-хон. — Характер окрестных гор; их флора и фауна. — Ваханлыки и пастухи. — Неожиданное свидание с европейцами. — Дальнейшее следование экспедиции в Хотан. — Полоса лёссовых бугров с ее древесною растительностью, окаймляющая пустыню Такла-макан с юго-запада. — Сведения об этой пустыне. — Легенда о ее происхождении и суеверные сказания о ней. — Остановка в Хотанском оазисе.</p>	
Глава третья. От Хотана до Нии	90
<p>Описание Хотанского оазиса и города Хотан. — Производительность, промышленность и торговля. — Развалины в окрестностях Хотана. — Следование экспедиции в Керию. — Показания туземцев о полосе лёссовых бугров к северу от керийской дороги и о пустыне Такла-макан. — Очерк Керийского оазиса и пути из него по пустыне в Нию. — Несчастья с путниками во время песчаных бурь в этой пустыне. — Поездка из Нии в Кун-лунь для осмотра перевала Сарык-туз. — Пребывание в монастыре Люнджилик-ханум. — Сказание о событии, вследствие которого возник этот монастырь. — Расспросы его обитателей о Тибетском нагорье. — Возвращение в Нию. — Переезд из лагеря на квартиру. — Зимние занятия членов экспедиции.</p>	

	<i>Стр.</i>
Глава четвертая. Этнографический очерк Кашгарии	111
Размещение и численность населения. — Этнологические заметки. — Оазисы. — Распределение лёсса. — Ирригация, земледелие и скотоводство. — Пища и одежда. — Жилище. — Нравы, обычаи, обряды и обыденная жизнь оседлых обитателей Кашгарии. — Их праздники, общественные моления и суеверие. — Похороны и поминки. — Остатки рабства, сословия, значение духовенства. — Кустарная промышленность, торговля, налоги и пошлины. — Экономическое состояние населения. — Административное разделение и порядок управления. — Китайский режим.	
Глава пятая. Очерк Ниинского оазиса и экскурсий из него по окрестной стране и на Тибетское нагорье	148
Очерк Ниинского оазиса. — Весенние экскурсии членов экспедиции. — Поездка на север, в пустыню Такла-макан. — Природа долины нижней Нии-дарьи. — Пребывание в монастыре имама Джафара-Садыка. — Характер окрестной пустыни. — Возвращение в Нию. — Сборы в Тибет. — Новый путь экспедиции в Кара-сай. — Экскурсии В. И. Роборовского и П. К. Козлова на Тибетское нагорье. — Расспросные сведения о Кун-луне. — Наблюдения над прохладным ветром из пустыни Такла-макан. — Общая экскурсия на Тибетское нагорье. — Обзор нагорной пустыни к югу от Кун-луни. Физические наблюдения на берегу озера Даши-куль. — Возвращение в Кара-сай.	
Глава шестая. От Кара-сай до Лоб-нора	184
Следование экспедиции из Кара-сай по северному предгорью Кун-луни через Копа в Ачан. — Необычайное разлитие реки Мольджа. — Поворот из Ачана в Черчен. — Пребывание в этом селении. — Движение оттуда через хребет Алтын-таг в долину верхней Черчен-дарьи. — Остановка на урочище Мандалык. — Последние экскурсии на юг, к подножью хребта Пржевальского. — Расспросные сведения, собранные от охотников прииска Акка-таг об окрестной ему стране. — Возвращение по новым дорогам в Мандалык. — Путь экспедиции с урочища Мандалык по безлюдным нагорным долинам на северо-восток, к озеру Лоб-нор. — Прибытие на это озеро.	
Глава седьмая. От Лоб-нора до Курли	228
Обзор Лобнорской впадины. — Осыхание озер, убыль рыб и птиц. — Быт лобнорцев. — Показания их об окрестной стране, развалинах и о пребывании в Лобнорской впадине в 1858—1861 гг. наших староверов. — Движение экспедиции вверх по Яркенд-дарье. — Недавнее образование рекою Конче четырех озер. — Природа долины нижней Яркенд-дарьи. — Очерк быта ее обитателей. — Путь экспедиции от устья Угэнь-дарьи до оазиса Курля.	
Глава восьмая. От Курли до Урумчи	250
Курлинский оазис и его жители. — Переход из него в город Карашар. — Очерк Карашарского оазиса. — Местные дунганы, чанту и монголы. — Озеро Баграш-куль. — Следование экспедиции до селения Ушак-тал. — Встреча с китайскими солдатами. — Нефритовый монолит в Ушак-тале. — Переход через пустыню между Ушак-талом и Токсуном. — Неожиданное прибытие в отрицательную низменность. — Очерк Турфанской впадины. — Путь из Токсуна в Урумчи через седловину Тянь-шаня. — Город Урумчи и прилежащий к нему оазис. — Минеральные богатства окрестных гор.	
Глава девятая. От Урумчи до Зайсанского поста	270
Движение экспедиции из Урумчи по большой манасской дороге. — Пустующие и разрушенные китайские жилища на этом пути. — Гученский лес и прилежащие к нему на севере пески. — Поворот с боль-	

Стр.

шой дороги в селение Хутубей на прямую караванную. — Следование по ней через оазис Са-цзан-цза на реку Манас и вниз по долине этой реки. — Встреча диких верблюдов. — Плоская впадина Сары-куль и озеро Толли-нор. — Путь с него на речку Орху, а оттуда через пустыню Сырхын-гоби и хребет Семис-тай в долину речки Кобук, к кумирне Матэня. — Переход через хребет Тарбагатай и государственную границу. — Чиликтинское плато. — Спуск с него и прибытие в Зайсанский пост.

Приложения	287
I. Астрономические наблюдения для определения географического положения мест	289
II. Магнитные наблюдения	293
III. Барометрические определения высот	295
IV. Метеорологические наблюдения	300
V. Определение скорости распространения звука в разреженном воздухе, на высоте около 13 880 футов над уровнем моря и давлении в 456,8 ^{mm} . . .	304
Комментарии	306
Список латинских и русских названий животных и растений	321
Таблица перевода русских мер в метрические	322

Редактор *Б. В. Юсов*
Художеств. редактор *В. В. Осокин*
Технич. редактор *И. Н. Ривина*
Обложка и рисунки художн. *Г. А. Петрова*

Сдано в производство 22/ХІІ-48 г. Подпи-
сано к печати 18/ІІІ-49 г. А03414. Формат
70×108/16. Тираж 20 000 Печ. л. 20,5+вкл.
3,75. Уч.-изд. л. 30,55. Цена 12 р. 25 к.
Переплет 1 р. 50 к. Заказ 2222.

6-я тип. треста „Полиграфкнига“
при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Самотечный 17.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышли из печати:

Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. Второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями А. Г. Грумм-Гржимайло, 1948 г., цена 20 р. 30 к.

О. Е. Коцебу. Путешествие вокруг света. В обработке, под редакцией и с комментариями Г. В. Яникова, 1948 г., цена 12 р.

Степан Крашенинников. Описание земли Камчатки. В изложении по подлиннику и под редакцией Н. В. Думитрашко и Л. Г. Каманина, 1948 г., цена 9 р.

Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». Второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Н. Н. Зубова и А. Д. Добровольского, 1948 г., цена 11 р.

Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 гг. Второе, сокращенное издание, под редакцией и с комментариями Я. А. Марголина, вступительная статья Б. П. Орлова, 1948 г., цена 12 р. 80 к.

Г. Г. Манизер. Экспедиция академика Лангсдорфа в Бразилию. Записки Всесоюзного Географического общества, новая серия, том 5. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Н. Г. Шпринцин, 1948 г., цена 6 р. 90 к.

Г. Н. Потанин. Путешествия по Монголии. Второе, сокращенное издание, под редакцией и с комментариями В. В. Обручева, вступительная статья В. А. Обручева, 1948 г., цена 15 р.

Н. М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами и на верховья Желтой реки. Второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Э. М. Мурзаева, 1948 г., цена 15 р. 50 к.

Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки. Второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Э. М. Мурзаева, 1948 г., цена 14 р. 85 к.

Джемс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. Перевод с английского и комментарии Я. М. Света, под редакцией и со вступительной статьей И. П. Магидовича, 1948 г., цена 13 р.

Давид и Чарльз Ливингстон. Путешествия по Замбези. Сокращенное издание перевода с английского П. М. Добровицкой, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями И. И. Потехина, 1948 г., цена 13 р. 30 к.

Г. Стенли. В джунглях Африки. Второе сокращенное издание перевода Бекетовой, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями И. И. Потехина, 1948 г., цена 14 р. 50 к.

M-
1-10

1587/abey

M
14-7

10. 2/14

13 р. 75 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1949 г.